СОЧИНЕНІЯ

П. КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА,

ВСѢ КАКІЯ СОХРАНИЛИСЬ.

Съ латинскаго перевелъ и издалъ съ предисловіемъ и историческими приложеніями

АЛЕКСАНДРЪ КЛЕВАНОВЪ

кандидатъ московскаго университета.

ЧАСТЬ I-я.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ.—О ГЕРМАНІИ.—ЖИЗНЬ АГРИКОЛЫ.—РАЗГОВОРЪ О СТАРОМЪ И НОВОМЪ КРАСНОРѢЧІИ.

МОСКВА.

Типографія А. И. Мамонтова и К°, Большая Дмитровка, № 7.

1870.

2007112568

ОТЪ ПЕРЕВОДЧИКА.

Издаю теперь переведенныя мною сочиненія Тацита всѣ, какія до нас дошли. Новый трудъ мой присоединяется къ прежнимъ, къ переводамъ Саллюстія, Юлія Цезаря и Тита Ливія. Безъ тщеславія и самохвальства, съ справедливою гордостью могу смотрѣть на труды мои. Одного перевода громадной исторіи Тита Ливія достаточно было бы для почетной мнѣ извѣстности. Это правда, что, любя классическую литературу, я расхожусь во взглядѣ съ многими ея у насъ поборниками: не навѣки застывшія формы языка плѣняютъ меня, но самая мысль древнихъ—то, что въ нихъ есть вѣчнаго, роднаго всѣмъ и каждому, человѣческаго. Можетъ-быть это самое и причиною, что мои труды для ознакомленія русской публики съ лучшими произведеніями латинской литературы со стороны ярыхъ поборниковъ классицизма проходятся молчаніемъ. Но мнѣ отъ этого все равно; важность трудовъ моихъ ясна сама по себѣ; ничьихъ похвалъ, такъ необходимыхъ, чтобы хоть на время выставить чей-либо неважный трудъ, мнѣ не нужно. Дѣло достаточно говоритъ само за себя. Посвятивъ столько времени, трудовъ и денегъ на изученіе классическихъ произведеній и печатаніе ихъ переводовъ, конечно, я въ правѣ былъ ожидать за это и того, что мнѣ придется и пожать плоды такой дѣятельности.

Считаю долгомъ публично выразить мою глубочайшую признательность совѣту Императорскаго Казанскаго университета вообще и Историко-Филологическому факультету его въ особенности за честь, сдѣланную мнѣ, предложеніемъ принять мѣсто доцента римской словесности въ означенномъ университетѣ *). Я увѣренъ, что и теперь и впослѣдствіи времени это обстоятельство столько же почетно и самому университету, сколько и мнѣ.

Не могу не упомянуть и о томъ, что г. товарищъ министра народнаго просвѣщенія И. Д. Деляновъ оказалъ милостивое вниманіе къ моимъ ученымъ трудамъ, и когда я просилъ его дать мнѣ возможность къ учено-учебной дѣятельности, то я, при посредствѣ его, былъ опредѣленъ учителемъ латинскаго языка во 2 и 3 классахъ Кіевской второй гимназіи (осенью 1869 года).

Лучшая награда серьезнаго научнаго труда, конечно въ немъ самомъ; но весьма и поучительно, и утѣшительно знать мѣру участія и поощренія получаемаго дѣятелями науки отъ лицъ, поставленныхъ во главѣ дѣла народнаго образованія.

А. Клевановъ.

Москва.
11-го Апрѣля.
1870.

---

*) Прим. Это было въ 1867 г. Обстоятельства тогда не позволили мнѣ принять это предложеніе.

ТАЦИТЪ И ЕГО ВРЕМЯ.

I.

О происхожденіи, мѣстѣ родины и годахъ рожденія и смерти этого по справедливости знаменитаго Римскаго историка нѣтъ вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній. Нахожу довольно вѣроятнымъ, что онъ былъ сыномъ Римскаго всадника Корнелія Тацита, о которомъ Плиній Старшій упоминаетъ (Hist. Nat. VII, 16 и 17) какъ объ императорскомъ прокураторѣ въ Бельгійской Галліи, области находившейся между рѣками Шельдою и Сеною, хотя и не тотъ самый сынъ его, о которомъ Плиній говоритъ въ приведенномъ выше мѣстѣ. Мѣстомъ рожденія Тацита считаютъ Интерамну (нынѣшнее Терни при рѣкѣ Нера, древнемъ Нарѣ). Основаніемъ къ этому служитъ то, что оба императора, Тацитъ и братъ его Флоріанъ, правившіе около 275 и 276 гг. по Рожествѣ Христовѣ, имѣли въ Интерамнѣ родовыя помѣстья, по разсказу Вописка Flor. 2. По словамъ того же біографа Tac. 10, императоръ Тацитъ считалъ историка Тацита въ числѣ своихъ предковъ и обнаруживалъ къ нему величайшія и удивленіе и уваженіе. На основаніи данныхъ, находящихся отчасти у самого Тацита, отчасти въ письмахъ его пріятеля младшаго Плинія, съ достовѣрностью можно заключить, что Тацитъ родился не позднѣе, а можетъ быть еще нѣсколько ранѣе 56 г. по

Рождествѣ Христовѣ и находился еще въ живыхъ въ 117 году. Такимъ образомъ жизнь историка Тацита относится по времени правленія императоровъ Нерона, Гальбы, Оттона, Вителлія, Веспасіана, Тита, Домиціана, Нервы, Траяна, даже, по всей вѣроятности, отчасти и Адріана. О томъ, что Агрикола въ годъ своего консульства (77-й по Рождествѣ Христовѣ) сосваталъ за него дочь свою, а въ слѣдующемъ году выдалъ за него, — разсказываетъ Тацитъ въ жизнеописаніи Агриколы, гл. 9. Имѣлъ ли Тацитъ дѣтей—навѣрное не извѣстно, хотя изъ 46 главы жизнеописанія Агриколы можно заключать, что онъ имѣлъ дочь отъ своей жены, дочери Агриколы. Кромѣ того изъ лѣтописи Тацита XI, 11, узнаемъ, что онъ въ 88 году по Рождествѣ Христовѣ былъ преторомъ и членомъ коммиссіи пятнадцати *). Еще извѣстно намъ изъ жизнеописанія Агриколы Тацита, что когда Агрикола умеръ въ 93 году по Рождествѣ Христовѣ, то Тацитъ съ женою находился въ отсутствіи изъ Рима, продолжавшемся четыре года. Догадываемся, что онъ вѣроятно находился вмѣстѣ съ Агриколою въ Британіи въ какой-либо должности и по отъѣздѣ его остался тамъ при исполненіи какихъ-либо служебныхъ обязанностей. Изъ нѣкоторыхъ мѣстъ жизнеописанія Агриколы можно, какъ намъ кажется, заключить не безъ основанія, что Тацитъ видѣлъ собственными глазами то, что описывалъ и что однимъ словомъ онъ самъ былъ въ Британіи. Тацитъ говоритъ самъ о себѣ въ первой главѣ первой книги своихъ историческихъ записокъ: «отъ Гальбы, Отона и Вителлія не видѣлъ я ничего ни хорошаго, ни худаго, а

*) Прим. коммиссія пятнадцати имѣла обязанностью, по указанію сената, когда тотъ признавалъ это нужнымъ, совѣтоваться съ Сивиллиными книгами и на основаніи находившихся тамъ указаній изыскивать средства къ умилостивленію боговъ безсмертныхъ. Сивиллины книги заключали въ себѣ прорицанія, изложенныя въ греческихъ гексаметрахъ. Эти книги, по словамъ Авла Гел[illegible] ([illegible] A[illegible]. [illegible]), хранились въ каменномъ ковчегѣ въ подвалѣ храма Юноны въ Капитоліѣ.

мое положеніе въ обществѣ началось съ Веспасіана, сдѣлалось болѣе значительнымъ при Титѣ, но особенно возвышено Домиціаномъ; умалчивать объ этомъ не имѣю я надобности». Впрочемъ это не воспрепятствовало Тациту изобразить личность Домиціана въ самихъ черныхъ краскахъ; ужь очень выказать хотѣлъ онъ свое безпристрастіе!

Когда въ 97 году по Рождествѣ Христовѣ умеръ консулъ Вергиній Руфъ до истеченія срока его служенія, то Тацитъ былъ призванъ дослужить за него. Онъ былъ консуломъ изъ кандидатовъ (consul suffectus) и товарищемъ впослѣдствіи императора Нервы, который въ томъ же году носилъ званіе консула. Плиній младшій въ письмахъ своихъ (II, 1,) говоритъ, что Тацитъ произнесъ рѣчь въ похвалу умершаго Вергинія и что тому къ его полному благополучію недоставало ничего кромѣ еще чести найдти столь краснорѣчиваго оратора.

Тацитъ, сколько намъ извѣстно, оставилъ послѣ себя три небольшихъ сочиненія: діалогъ или разговоръ о старомъ и новомъ краснорѣчіи, жизнеописаніе Агриколы, его тестя и описаніе Германіи и живущихъ тамъ народовъ. Затѣмъ четырнадцать книгъ историческихъ записокъ, гдѣ содержится изложеніе событій отъ смерти Нерона до смерти Домиціана; шестнадцать книгъ лѣтописей или повѣствованія исторіи Римской отъ кончины Августа до смерти Нерона, послѣдняго изъ потомковъ Августа (Юліевъ) рода, т. е. сколько-нибудь, хотя не прямо, имѣвшаго право относиться къ этому роду. Отъ этихъ сочиненій историка почти больше половины до насъ не дошло. Разговоръ о краснорѣчіи кромѣ многихъ пробѣловъ имѣетъ и значительный пропускъ. Въ лѣтописяхъ недостаетъ большей части пятой и очень много шестой книги, начала одиннадцатой, шестнадцатой болѣе половины. А изъ четырнадцати книгъ историческихъ записокъ дошли до насъ только первыя четыре, да пятой

около третьей части. Изъ 1 главы 1 книги историческихъ записокъ видимъ, что Тацитъ намѣренъ былъ описать и счастливое по его словамъ время Траяна, когда можно было свободно мыслить и что, думаешь, выражать; но неизвѣстно, привелъ ли онъ въ исполненіе это намѣреніе.

Прежде еще меньше имѣлось отъ Тацита; въ римскихъ его изданіяхъ Бероальда въ 1515 году недостаетъ первой половины лѣтописей, которую мы теперь имѣемъ. Она найдена въ началѣ 16 вѣка въ Вестфаліи въ Корвейскомъ аббатствѣ, и Левъ X, папа Римскій, заплатилъ за нее очень дорого. Что касается до попытокъ нѣмецкихъ гелертеровъ пополнить недостающія мѣста Тацита (также какъ и Тита Ливія), то онѣ и неудачны, и ни къ чему ровно не ведутъ.

II.

Изъ всѣхъ сочиненій Тацита видно, что онъ отъ природы обладалъ замѣчательнымъ краснорѣчіемъ. Изъ писемъ Плинія (Ep. II, 11) заключаемъ, что Тацитъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ являлся защитникомъ въ дѣлахъ судебныхъ. Многія мѣста писемъ Плинія упоминаютъ объ общей научной дѣятельности обоихъ друзей; можетъ-быть она-то и относилась къ занятію краснорѣчіемъ, хотя Тацитъ самъ не разъ въ своихъ сочиненіяхъ (Agr. 3. Hist. I, 1, Ann. III, 24) говоритъ лишь о занятіи исторіей какъ о своемъ любимомъ и исключительномъ призваніи.

Прежде всего мы скажемъ о трехъ маленькихъ сочиненіяхъ Тацита. Самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ по всей вѣроятности считаемъ разговоръ о древнемъ и новомъ краснорѣчіи. Тутъ высказывается вполнѣ образъ мыслей Тацита о современномъ ему положеніи дѣлъ, которое онъ глубоко ненавидѣлъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что Тацитъ имѣлъ характеръ скрытный и уклончивый, чему доказательствомъ можетъ служить и то, что несмотря на

свой, вполнѣ республиканскій, образъ мыслей, умѣлъ же онъ не только ужиться съ Домиціаномъ, но даже получать отъ него повышенія по службѣ (объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Тацитъ, Истор. Зап. I, 1). Затаенная ненависть къ существовавшему порядку вещей проглядываетъ во всемъ изложеніи Тацита, и хоть онъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ разговора и заставляетъ превозносить благоустройство, тишину и спокойствіе, которыя водворились съ монархіею, сравнительно съ бурнымъ и безпокойнымъ, полнымъ смутъ временемъ народоправленія, но сколько тутъ глубокой скрытной ироніи! Спокойствіе и тишина хороши, нѣтъ слова, но спокойствіе смерти еще лучше, однако его никто что-то не хочетъ. Жизнь сама по себѣ уже предполагаетъ и заключаетъ въ себѣ волненія и борьбу и осудить человѣка и общество на бездѣйствіе значитъ причинить ему нравственную смерть. Конечно, есть такія розовыя, сладкія натуры, которыя всѣмъ довольны; при общемъ угнетеніи еще попѣваютъ стишки, конечно похвальныя, властямъ и за это еще получаютъ награды. Горацій не стыдится прославлять Августа и Мецената и крохи отъ ихъ стола попадали ему въ ротъ; но какіе же поэты—Горацій и Виргилій? Слова, слова, слова!... Напрасно будете вы искать у нихъ той прелести, той естественности, той жизни, какая дышетъ въ произведеніяхъ Овидія, неугомоннаго, безпокойнаго Овидія, который дождался-таки, что его сослали въ Томи (въ родѣ нашей Томской губерніи того времени, хотя гдѣ-то около береговъ Дуная въ нынѣшней Бессарабіи или Молдавіи), а сочиненія подверглись опалѣ. Независимой, самостоятельной литературѣ съ произвольною властью ужиться трудновато, чему было много примѣровъ.

Самостоятельный талантъ не укротимъ самъ по себѣ, не легко укладывается въ заготовленныя рамки и не можетъ ужиться даже съ покровительственнымъ тономъ

властей. Онъ сознаетъ за собою право на вниманіе, но не ждетъ его какъ милости, и какъ милость отъ людей далеко хуже его, но лишь случайно выдавшихся впередъ врядъ ли и приметъ, конечно, если дорожитъ собою и имѣетъ сколько-нибудь средствъ къ жизни. Тепличные и оранжерейные таланты никуда не годятся; вынесите ихъ на свѣжій воздухъ—и поблекнутъ. Истинный и самостоятельный талантъ есть самъ по себѣ протестъ противъ всего дурнаго что есть въ существующемъ. Такимъ являлся и Тацитъ въ свое время; всѣ рѣшительно его труды представляютъ рѣзкій протестъ противъ современнаго ему порядка вещей въ Римѣ. И это нисколько не значитъ, чтобы Тацитъ желалъ или могъ дѣло поправить. Сдѣлай его императоромъ, и онъ бы имъ былъ, и не возвратилъ бы народу римскому свободы, потому что она, по ходу дѣлъ, стала невозможною, въ силу неумолимой исторически-жизненной правды той, которой бываетъ время юности, бываетъ время и старости для всего.

Снова не можемъ не возвратиться къ той особенности Тацита, что, республиканецъ въ душѣ, онъ на дѣлѣ ревностно служилъ монархіи и достигъ почестей извѣстныхъ. Конечно, Тацитовъ въ этомъ отношеніи было много, и не первый и не послѣдній онъ доказательство, что писать и дѣйствовать— двѣ вещи разныя. Какъ ловкій чиновникъ подпускаетъ онъ ѳиміама лести Траяну, и основательно можно думать, что сочиненія Тацита всѣ относятся ко времени этого императора; писаны они могли быть и ранѣе, но изданы ужь ни въ какомъ случаѣ не прежде. Не сдобровать бы Тациту при Домиціанѣ, знай только онъ о его образѣ мыслей настоящемъ и о его историческихъ трудахъ, если они тогда были. Разговоръ о краснорѣчіи Тацита писанъ, какъ можно заключить изъ нѣкоторыхъ содержащихся въ немъ указаній, при императорѣ Веспасіанѣ и, вѣроятно, изданъ при немъ же, если

судить по нѣкоторымъ льстивымъ выраженіямъ этому императору. Но замѣчателенъ конецъ, глубоко насмѣшливый, этого произведенія, гдѣ дѣйствующія лица, представители разныхъ направленій и убѣжденій, не могли переспорить другъ друга, и какъ послѣдній аргументъ собираются (хотя и въ шутку) сдѣлать доносъ другъ на друга. Средство, какъ видите, читатель, быть правымъ и подавить соперника—довольно старинное.

Въ разговорѣ о краснорѣчіи находимъ весьма любопытную картину воспитанія молодаго Римлянина того времени, а также дѣятельности адвокатовъ и отношенія ихъ къ судебнымъ мѣстамъ. Вообше, это произведеніе Тацита есть драгоцѣнный памятникъ для знакомства съ современнымъ ему состояніемъ римскаго общества, — состояніемъ далеко не завиднымъ.

Другое изъ небольшихъ сочиненій Тацита *о Германіи* заключаетъ въ себѣ свѣдѣнія объ этой, въ то время Римлянамъ столь же мало извѣстной, странѣ, какъ намъ Ташкентъ, Самаркандъ и Бухара, и о ея народахъ. Но свѣдѣнія эти изложены не съ одною цѣлью любознательности и желанія обобщить ихъ и другимъ, а они подчинены одной господствующей мысли провесть параллель между первобытными добродѣтелями германскихъ племенъ и современнымъ Тациту развращеніемъ нравовъ, господствовавшимъ въ римскомъ обществѣ. Съ этою цѣлію Тацитъ выставилъ рельефно все, что въ пользу семейныхъ и другихъ добродѣтелей Германцевъ, а дурныя стороны ихъ быта оставилъ въ тѣни. Впрочемъ, врядъ ли самъ Тацитъ промѣнялъ бы свое житье въ Римѣ на житье съ прославленными имъ дикарями, какими въ то время были Германцы. Замѣчательно, хотя это не иное что какъ чистая случайность, что Тацитъ, литературная дѣятельность котораго относится ко времени Траяна, когда римское могущество было еще въ полномъ, такъ-сказать,

цвѣтѣ, уже предвидѣлъ неминуемое его паденіе и именно отъ германскихъ племенъ, повидимому, униженныхъ и покоренныхъ въ то время, заискивавшихъ и службы и покровительства въ Римѣ. Далѣе, когда будемъ говорить объ лѣтописи и исторіи Тацита, мы приведемъ мѣста, доказывающія нашу мысль. Но замѣчательно, повторяемъ, что Тацитъ послѣдній самостоятельный, истинно-геніальный писатель древняго Рима, предузнавалъ своимъ геніемъ паденіе его, и именно отъ германскихъ племенъ, и обратилъ на нихъ особенное вниманіе какъ на будущихъ разрушителей и вмѣстѣ наслѣдниковъ римскаго могущества.

Третье свое небольшое сочиненіе Тацитъ посвятилъ памяти своего тестя Агриколы; это и литературное произведеніе и дань родственнымъ чувствамъ, какъ онъ самъ высказываетъ въ предисловіи. Это сочиненіе отличается отъ другихъ сочиненій Тацита изложеніемъ, слогомъ до того сжатымъ, что самый смыслъ рѣчи въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такъ теменъ, что и уяснить себѣ его трудно. Вообще въ этомъ произведеніи Тацита по мыслямъ его безспорномъ, по слогу очень много недостатковъ; сжатость его переходитъ почти въ безсмыслицу.

Въ особенности замѣчательно начало этого произведенія, гдѣ Тацитъ, съ свойственною ему рѣзкостью, изображаетъ отношеніе современнаго ему правительства къ литературѣ. Мысль его та: какъ тутъ хвалить великихъ людей, что водилось въ старину, когда Аруленъ Рустикъ написалъ сочиненіе въ похвалу Пета Тразеи, а Геренній Сенеціонъ— Гельвидія Приска. За это ихъ обоихъ казнили, а сочиненія, руками особыхъ для того назначенныхъ трехъ чиновниковъ, сожгли на форумѣ. Этимъ самымъ огнемъ (говоритъ Тацитъ) хотѣли истребить голосъ народа римскаго, послѣдніе признаки свободы мыслей, сенатъ, даже память всего прошлаго. Выгнали преподавателей философіи, и высшее образованіе предали конечному осужденію. Тайные агенты пра-

вительства подстерегали всѣ наши движенія, самое выраженіе лица, подслушивали всѣ самыя задушевныя бесѣды. Если древность видѣла крайности свободы, то мы пережили рабство, доведенное до послѣдней степени развитія.»

Тацитъ мастерски изобразивъ чудовищные характеры Тиберія, Кая Калигулы, Нерона и др. многихъ, останавливается съ любовью на весьма немногихъ личностяхъ, которыя заслужили его сочувствіе. Таковы три личности: Германика, Пета Тразеи и Тита, Веспасіанова сына; но эти портреты людей добра очерчены не такъ мастерски, какъ людей зла. Таково уже свойство и Тацитова изложенія, да отчасти и самой сущности предмета, въ которомъ зло своимъ разнообразіемъ представляетъ болѣе матеріаловъ для описанія, чѣмъ добро, предметъ простой, несложный и чуждый разнообразія.

III.

Читая Тацита, невольно содрогаешься при мысли о томъ ужасномъ времени, которому ничего подобнаго не можетъ представить разгулъ самого страшнаго деспотизма въ нынѣшнее время, когда выше всякой власти стоитъ уваженіе къ религіи, гласность (не мѣстная, а всеобщая) и общественное мнѣніе. Для тиранновъ Рима не было никакой узды кромѣ ихъ дикихъ, почти не человѣческихъ страстей. Много обвиняли Тацита въ утрировкѣ, въ томъ, что онъ слишкомъ черными красками обрисовалъ первыхъ императоровъ подъ вліяніемъ своего республиканскаго воззрѣнія; сожалѣніе о прошломъ выражало у него ненависть къ настоящему. Нашлись писатели, которые пытались защищать личности Тиберія и Нерона и дѣлать изъ нихъ людей добра.... Повѣрить истину портретовъ Тацита трудно уже по совершенному отсутствію другихъ вѣрныхъ историческихъ памятниковъ о томъ времени. Светоній ясно писалъ подъ вліяніемъ Тацита, заимствуя у него нерѣдко даже самыя выраженія. Во всякомъ случаѣ вѣрно толь-

ко то, что каковы бы ни были въ дѣйствительности личности первыхъ римскихъ императоровъ, но такова сила истиннаго генія, что клеймо позора и осужденія, натиснутое на ихъ памяти Тацитомъ, останется съ ними до конца вѣковъ и всѣ попытки къ ихъ оправданію будутъ не только безуспѣшны, но странны и смѣшны.

Въ совершенномъ и полномъ безпристрастіи Тацита можно уже усомниться, несмотря на его торжественныя заявленія, уже потому, что иногда самыя имъ изложенныя событія противорѣчатъ тому выводу, который онъ изъ нихъ дѣлаетъ. Такъ все изложеніе дѣйствій Отона, въ особенности его честная смерть, описаны подробно Тацитомъ, но тотъ же Тацитъ клеймитъ его незаслуженно осужденіемъ. Онъ не можетъ ему простить убійства Гальбы, креатуры сената, единственной по убѣжденію Тацита законной власти народа Римскаго и вслѣдствіе этого благородная личность Отона не вызвала отъ Тацита сожалѣнія, а лишь неумолимый приговоръ осужденія.

Тацитъ и не скрываетъ въ своихъ сочиненіяхъ своего сочувствія къ старинному порядку вещей въ Римѣ, къ общественному управленію; на императоровъ всѣхъ безъ различія смотритъ онъ какъ на притѣснителей; но взглядъ Тацита аристократическій, онъ не сочувствуетъ демократіи, онъ понимаетъ, что излишнее развитіе демократіи погубило свободу, что массы не въ состояніи ни понять ее, ни примѣнить къ дѣлу, что свобода погибла излишкомъ свободы. Давно уже, очень давно придумано честолюбцами при посредствѣ безсмысленныхъ массъ и войска держать въ порабощеніи все, что есть разумнаго и живущаго сознательно въ народѣ. Въ Римѣ дѣла шли хорошо, пока во главѣ ихъ стоялъ сенатъ, собраніе лучшихъ и самыхъ свѣтлыхъ умовъ народа. Честолюбцы, искавшіе возвыситься надъ законами и ниспровергнуть существовавшій порядокъ вещей, явились заступниками будто бы угнѣтенныхъ

массъ, начали льстить имъ, проводить разрушительные для общества законы о раздѣлѣ полей, что въ сущности равнялось раздѣлу собственности, раздавать черни даромъ хлѣбъ и другіе припасы, подкупать ее деньгами и все это—во имя свободы. Очень понятно, что подобныя дѣйствія рано или поздно должны были увѣнчаться успѣхомъ,—черныю подавленъ сенатъ. Такова уже сущность дѣлъ человѣческихъ, что учрежденія людей гибнутъ сами собою: свобода избыткомъ свободы обращается въ рабство и монархія губитъ нерѣдко сама себя, проводя свойственнымъ ей полновластіемъ мѣры для нее же пагубныя и подготовляющія неизбѣжно безпорядки и переворотъ государственный. Въ этомъ случаѣ совѣтники монарховъ бываютъ одни близоруки, а другіе злонамѣренны. Но вообще и республики и монархіи были бы вѣчны, еслибы они сами себя не губили: республики—избыткомъ свободы, а монархіи—правомъ издавать всякіе законы даже для нихъ самихъ пагубные и разрушительные. Очень понятно, что все это подготовляется въ самомъ обществѣ, условливается степенью его умственнаго и нравственнаго развитія. Въ предисловіи къ Юлію Цезарю мы сказали и здѣсь повторяемъ, какъ непреложную истину, что народъ создаетъ себѣ тѣ учрежденія, какихъ онъ стоитъ. По правительству безошибочно можно судить о народѣ, и по народу—о правительствѣ. Каждое правительство нуждается въ исполнителяхъ, а они, путемъ ли выбора, назначеніемъ ли правительства, а все изъ среды того же народа и того же общества, а между тѣмъ они-то и придаютъ характеръ правительству.

Полный упадокъ нравственности въ обществѣ римскомъ условилъ необходимость появленія императоровъ съ властью, основанною на вооруженной силѣ и массахъ черни, которую эти императоры кормили. Еще прежде переворота мало-по малу водворилось даже въ лучшихъ людяхъ аристократіи полное равнодушіе къ интересамъ общественнымъ,

къ вопросамъ политическимъ, ненасытная жажда къ наслажденіямъ и къ золоту, какъ средству имѣть ихъ. Въ низшихъ слояхъ обнаружилось стремленіе къ дѣятельности; но при неразвитости ихъ, это стремленіе выказалось только желаніемъ подражать высшимъ въ ихъ наслажденіяхъ и роскоши. При недостаткѣ средствъ явилось общее неудовольствіе, желаніе принудить богатыхъ къ насильственному раздѣлу земель и состояній. Страсти эти обнаруживались тѣмъ сильнѣе, что религіозныя вѣрованія совершенно утратили силу и вліяніе на народъ. При такомъ состояніи общества вопросы политики, вопросы общественнаго устройства стали на второй планъ; только властью сильною и сосредоточенною въ однихъ рукахъ могли быть сдержаны соціанальныя стремленія черни, а съ другой стороны и чернь могла скорѣе надѣяться милостей и преобразованій отъ одного повелителя, чѣмъ при господствѣ аристократіи, дѣйствовавшей исключительно въ интересахъ одного сословія. Массамъ было не до политической свободы, былъ бы кусокъ хлѣба и зрѣлища. Они находили даже своего рода наслажденіе, видя униженіе и раболѣпство гордыхъ и знатныхъ родовъ римскихъ патриціевъ. Передъ властью императоровъ всѣ были равны. Притомъ самыя злоупотребленія этой власти были гораздо чувствительнѣе для аристократіи, чѣмъ для народа, а отдаленныя провинціи почти ихъ не чувствовали. Если первые императоры Рима дѣйствовали какъ безумные, если нѣкоторые (да чуть-ли не всѣ) переходили отъ милостей и благодушія къ неслыханному звѣрству, то это отчасти объясняется ихъ весьма шаткимъ положеніемъ. Жестоко ошибется тотъ, кто будетъ думать, что власть императоровъ римскихъ, особенно первыхъ, представляла что-либо общее съ властью законныхъ родовыхъ государей европейскихъ державъ, властью, основанною на связи съ народомъ, на историческихъ преданіяхъ, на божественномъ правѣ. Ничего подобнаго тутъ не было. Развѣ

положеніе одного Наполеона явившагося государемъ не въ силу исторіи, не по праву, а насильственнымъ переворотомъ, ниспроверженіемъ республики, которой онъ же былъ обязанъ своимъ возвышеніемъ, можетъ представить много общаго съ положеніемъ первыхъ римскихъ Императоровъ. Слово императоръ у древнихъ Римлянъ не заключало въ себѣ понятія ни о какой мѣрѣ власти, ни о какихъ правахъ. Это былъ титулъ, званіе, которымъ воины, одержавъ побѣду, украшали своего военачальника, не придавая ему этимъ нисколько какихъ-либо особенныхъ правъ или большей власти.

Въ Римѣ, какъ извѣстно, были сначала *цари*, по-латыни reges, но съ изгнаніемъ Тарквинія Гордаго, навсегда уничтожено это званіе, обречены самымъ страшнымъ казнямъ и проклятіямъ тѣ, которые покусились бы и принять это званіе, и возстановить его. Въ случаяхъ крайней нужды, по требованію дѣлъ общественныхъ, назначаемъ былъ временный правитель, съ неограниченною властью, подъ именемъ *диктатора*. Когда честолюбцы становились выше законовъ, то они и принимали это званіе диктатора, придававшее ихъ положенію нѣкоторую законность. Это званіе носилъ Сулла; его же принялъ и Юлій Цезарь, сдѣлавшись главою государства. Но съ его смертью званіе это уничтожено и подверглось равному осужденію съ званіемъ царей. Когда Августъ, уничтоживъ соперниковъ, сдѣлался одинъ главою государства Римскаго, онъ, несмотря на то, былъ какимъ-то пришлецомъ, чѣмъ-то чуждымъ организма государственнаго; ему не было мѣста въ строю государственномъ, сложившемся въ теченіи столькихъ столѣтій. Вліяніе и сила его были велики и всемогущи, но не законны; они шли въ разрѣзъ со всѣми существовавшими учрежденіями Рима. Если власть императора была собственно военнаго происхожденія, и въ сущности императоръ былъ прежде всего военачальникъ, полководецъ, то въ мирное время онъ собственно не имѣлъ себѣ никакого

мѣста. Вслѣдствіе этого-то императорамъ услужливый сенатъ давалъ то консульское званіе, то безсмѣннаго трибуна народнаго, чтобы дать какое-либо оффиціальное значеніе въ механизмѣ государственнаго строя. Такимъ образомъ, хотя, въ сущности, безъ воли Императора ничего не дѣлалось, но, особенно вначалѣ, государственный организмъ Рима жилъ и дѣйствовалъ, какъ во времена республики, такъ, какъ будто бы императоровъ и не было. Обо всѣхъ дѣлахъ консулы докладывали сенату, и тотъ издавалъ законы, декреты, какъ бы самостоятельно, хотя изъ нихъ ни одинъ не проходилъ безъ воли и контроля императора и его приближенныхъ. Замѣчательно, что хотя Юлій Цезарь, а за нимъ и Августъ, бравшій себѣ его примѣромъ и первообразомъ, явились якобы защитниками интересовъ народа (въ смыслѣ массъ) отъ сословныхъ притязаній аристократіи (патриціата), но угнетеніе, ограниченіе свободы начали они именно съ тѣхъ самыхъ массъ, интересамъ которыхъ они будто бы служили. Такъ, сохраняя тщательно сенатъ, Августъ отнялъ у народа право утверждать законы, оставивъ его исключительно сенату, и такимъ образомъ народъ утратилъ политическое значеніе гораздо ранѣе аристократіи. А сенатъ, какъ ни терзали императоры, какъ ни истребляли людей добра и независимыхъ, какъ ни сажали туда своихъ креатуръ, но все считали его для себя необходимымъ; только черезъ него получали они—болѣзненный наростъ разлагавшагося организма государства, поглощавшій его послѣднія силы—хотя нѣкоторую тѣнь законности. Случалось не разъ, что одновременно являлось нѣсколько императоровъ, назначенныхъ различными арміями, но законнымъ считался только тотъ, кого утверждалъ сенатъ римскій; объ утвержденіи же народа, о плебисцитѣ, этой горькой ироніи настоящаго надъ прошедшимъ, и рѣчи не было. Императоръ Отонъ говоритъ воинамъ: (Ист. Зап. I, 84) «нѣсколько наро-

довъ захватилъ Вителлій, что-то похожее на войско имѣетъ онъ у себя, но сенатъ съ нами. Вслѣдствіе этого государство здѣсь, а тамъ враги государства.... Прочность существованія Рима, спокойствіе народовъ, моя вмѣстѣ съ вашею безопасность основаны на неприкосновенности сената. Это учрежденіе, получившее свое начало съ легкой руки родителя и создателя нашего города, отъ временъ царей и до императоровъ безпрерывно существующее и безсмертное, какъ отъ предковъ приняли, завѣщаемъ потомкамъ.... Изъ среды вашей происходятъ сенаторы, а изъ сенаторовъ государи».

Еслибы какому-нибудь народу шли въ пользу уроки прошлаго, завѣты исторіи, то не повѣрилъ бы онъ тѣмъ угодникамъ, которые льстятъ его массамъ, чтобы сдѣлать себѣ изъ нихъ ступени къ величію, достигнувъ котораго начинаютъ сами же создавать прежде истребленную и униженную аристократію, какъ необходимый членъ государственнаго организма. Нѣсколько личностей выдаются тогда случайно изъ массъ, а сами массы остаются въ прежнемъ, если не въ худшемъ положеніи. Бюрократіи тогда еще придумано не было, и потому сенатъ необходимъ былъ императорамъ, вызваннымъ демократіею, и при всей ненависти къ этому учрежденію, императорамъ приходилось съ нимъ считаться.

Далѣе Тацитъ хвалитъ императоровъ Нерву и Траяна, какъ успѣвшихъ удачно соединить двѣ, впрочемъ несовмѣстныя (подлинныя слова Тацита), вещи: монархію и свободу. Не можемъ не привести здѣсь многознаменательныя грустныя слова Тацита, такъ глубоко справедливыя: «впрочемъ (несмотря то-есть на благія попытки Нервы и Траяна) несовершенство человѣческой природы таково, что вылечить труднѣе, чѣмъ вогнать въ болѣзнь. Долго и трудно возрастаемъ мы, а умираемъ въ одно мгновеніе; такъ и таланты, и литературную и научную дѣятельность легко пода-

вить, но трудно, очень трудно, воззвать къ жизни. Въ самомъ человѣкѣ есть уже отъ природы охота къ бездѣйствію, и сначала насильственное молчаніе обращается въ привычку»... Такъ, несмотря на оффиціальныя похвалы властямъ, Тацитъ сознавалъ, что самостоятельность мысли подавлена навсегда и что воззвать, при извѣстныхъ условіяхъ, къ жизни подавленную мысль такъ же невозможно, какъ заставить жить живыя органическія существа въ средѣ лишенной воздуха, необходимаго для ихъ дыханія. Мы уже говорили о той уклончивости, съ какою Тацитъ умѣлъ сладить съ нѣсколькими личностями Императоровъ и даже съ такою, какова была личность Домиціана. Въ Агриколѣ Тацитъ намъ изображаетъ такую же уклончивость его тестя, гдѣ онъ предупреждаетъ желаніе императора, оставивъ Британію прежде полученія приказанія, отказывается отъ предложеннаго ему правленія Малою Азіею, зная, что въ сущности императору того не хочется (чтобы онъ принялъ). При этомъ случаѣ Тацитъ позволяетъ себѣ высказать слѣдующую мысль истиннаго придворнаго искателя почестей,—мысль недостойную человѣка, который сочувствовалъ Пету Тразеѣ. Вотъ она: «примѣръ Агриколы доказываетъ, что и при самомъ дурномъ государѣ можетъ возникнуть великій человѣкъ и что покорность и умѣнье сдержать себя не исключаютъ дѣятельности и старанія и могутъ доставить ту же степень заслуги, какой домогаются многіе противудѣйствіемъ и упорствомъ, погибая безо всякой пользы для дѣла общественнаго». Такая мысль Тацита тѣмъ болѣе замѣчательна, что изложеніе дѣла имъ же самимъ представляетъ наглядное ей опроверженіе. Несмотря на всю свою уступчивость, на желаніе стушеваться, обратиться въ ничтожество въ глазахъ императора, Агрикола этимъ его не смягчаетъ: устраненъ отъ всякой дѣятельности, преслѣдуется его подозрительностью и гибнетъ, какъ полагали тогда, преждевременно жертвою яда, даннаго по его Домиціана приказанію, во всякомъ случаѣ къ его радости.

IV.

Важнѣйшія конечно произведенія Тацита—это его Лѣтопись и Историческія Записки. Считаемъ нужнымъ объяснить, почему мы назвали Историческія Записки, между тѣмъ какъ въ подлинникѣ просто Historiae, т.-е. Исторіи (во множ. числѣ). Каждый пойметъ, что озаглавить просто *Исторіи* Тацита не только будетъ не ясно, но и указывать, какъ будто бы дѣло идетъ объ исторіи самого Тацита, а не Рима. Еслибы при словѣ *исторіи* было бы еще что-нибудь объясняющее, напр. исторіи Рима, моего времени и т. п., то я бы такъ и перевелъ; но просто historiae, по моему мнѣнію, всего лучше перевесть именно словомъ: историческія записки, хотя повидимому слова *записки* въ подлинникѣ и нѣтъ, но оно подразумѣвается.

Почему изъ произведеній Тацита одно носитъ названіе *лѣтописи*, а другое *исторіи*, тогда какъ оба одинаковаго (историческаго) и содержанія, и изложенія? Только *лѣтопись* излагаетъ событія времени болѣе (и для Тацита) отдаленнаго, между тѣмъ какъ исторія содержитъ разсказъ того, чему Тацитъ былъ почти современникомъ и что́ ему извѣстно было лично или отъ другихъ. Притомъ въ лѣтописи Тацитъ не всегда строго держится распредѣленія годовъ, но нерѣдко событія нѣсколькихъ лѣтъ излагаетъ разомъ, по поводу какого-либо частнаго случая. Мы по крайней мѣрѣ не находимъ замѣтной разности по существу дѣла между лѣтописью и исторіею Тацита, и въ исторіи видимъ только продолженіе лѣтописи.

Достоинства историческихъ сочиненій Тацита весьма велики. Собственно какъ историкъ, какъ разскащикъ, онъ стоитъ выше всѣхъ другихъ, дошедшихъ до насъ историковъ римскихъ, хотя въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ Саллюстій стоитъ, по нашему мнѣнію, выше его. Разсказъ

Тацита до того хорошъ, что онъ вполнѣ переноситъ въ то время и дѣйствуетъ тѣмъ сильнѣе, что слогъ его до того сжатъ, что слова нѣтъ лишняго. Въ этомъ отношеніи Тацитъ стоитъ выше Тита Ливія и по изложенію—Цицерона, такъ какъ и тотъ и другой любили многословіе и, какъ бы любуясь собственною рѣчью, одну и ту же мысль выражали въ разнообразныхъ формахъ. Слогъ Тацита кратокъ, сжатъ, и тѣмъ сильнѣе производимое имъ впечатлѣніе.

Оба сочиненія Тацита проникнуты глубокою грустью настоящаго и сожалѣніемъ о прошломъ времени свободы. Тацитъ предвидитъ неминуемое паденіе Рима, хотя повидимому въ его время могущество его было во всей силѣ. Изъ многихъ мѣстъ, гдѣ проглядываетъ мысль о неизбѣжномъ паденіи Рима, приведемъ два особенно наглядныя. Такъ въ Германіи (33 гл.) Тацитъ говоритъ: «пусть народамъ чужеземнымъ присуща будетъ не привязанность къ намъ, но вражда и ненависть между собою. И для насъ теперь, когда государство идетъ навстрѣчу уже неизбѣжной гибели, ничто не можетъ быть столь благопріятно, какъ раздоръ между врагами». Еще въ *Историческихъ запискахъ* Тацита (1. 3) читаемъ: «и еще ни разу до этихъ поръ не было обнаружено столь ужасными народъ римскій постигшими ударами, что боги имѣютъ въ виду вовсе не наше спокойствіе, но мщеніе надъ нами совершаютъ». Все начало Историч. Записокъ Тацита есть грустная элегія, и его сочиненія основательно можно назвать исторіею страданій народа римскаго. Отраднаго нѣтъ ничего; отъ одной грустной картины переходите къ другой еще болѣе грустной, и надобно полагать, что разсказъ о послѣдующихъ (при Веспасіанѣ и его сыновьяхъ) событіяхъ проникнутъ былъ тѣмъ же чувствомъ и можетъ быть не даромъ не дошелъ онъ до насъ, но истребленъ услужливыми людьми близкими къ Веспасіану и не желавшими, чтобы имя этого императора стало нарав-

нѣ съ именами Нерона, Калигулы, Нерона. Вообще не было сначала имени для означенія верховной власти Августа и преемниковъ; названія царя и диктатора не годились, какъ уже осужденныя исторіею Рима. Вотъ и придумали названіе princeps (отсюда принцъ) въ смыслѣ *перваго*, первенствующаго изо всѣхъ гражданина. Какъ видите, ловко и не совсѣмъ несогласно съ продолжавшими еще дѣйствовать республиканскими учрежденіями древняго Рима. Но какъ бы то ни было, положеніе первыхъ императоровъ было очень шаткое, неопредѣленное, невѣрное. Власть ихъ, права, отношенія къ существующему порядку вещей были неясны, неопредѣленны и вполнѣ зависѣли отъ личнаго характера и значенія императора. Въ сущности же императоръ не переставалъ быть частнымъ человѣкомъ; вліяніе его на дѣла, лишенное законности, было болѣе или менѣе неопредѣленнымъ. Онъ могъ все, и вмѣстѣ ни на что не имѣлъ права. Въ сознаніи этого надобно искать разгадки страннаго поведенія первыхъ императоровъ римскихъ, ихъ параксизмовъ то непомѣрной доброты, то звѣрской жестокости; они хотѣли испробовать всѣ средства къ утвержденію своей власти, видя ея шаткость и то, что она совершенно лишена основанія, фундамента. Личныя увлеченія страстей, условившія чудовищныя проявленія, объясняются очень легко и молодостью императоровъ, и свойствомъ безграничнаго произвола, который по своей природѣ портитъ и самыхъ лучшихъ людей, соблазнами и лестью людей ихъ окружавшихъ которые сами наводили на зло, и опять-таки тою же шаткостью и невѣрностью положенія, сознаніе которой заставляло наслаждаться въ настоящемъ сколько возможно благами власти и богатствъ, пока они въ рукахъ, такъ какъ будущее было весьма невѣрно. Власть первыхъ императоровъ была чѣмъ-то случайнымъ, какою-то экстраординарною мѣрою, но необходимость которой легко могла повидимому и миновать. Но на дѣлѣ случилось не такъ. При испорченности

общества, привычка рабства сдѣлалась такъ велика, что какъ малое дитя или одряхлѣвшій старикъ не могутъ обойдтись безъ посторонней помощи, такъ и римскій народъ не могъ жить безъ повелителя, который бы его кормилъ, давалъ денегъ и зрѣлища. Замѣчателенъ разсказъ Светонія о попыткѣ возстановить свободу послѣ смерти Калигулы (Клавдія жизнеописаніе, гл. 10): «консулы заодно съ сенатомъ и городскими войсками (когортами) заняли форумъ и Капитолій, заявляя возстановленіе общей свободы. Послали и за Клавдіемъ трибуна народнаго призвать его въ сенатъ для совмѣстнаго совѣщанія, на что Клавдій отвѣчалъ, что его насильственно задерживаютъ воины. На другой день и сенатъ обнаруживалъ менѣе усердія къ исполненію своихъ начинаній, такъ какъ между членами его обнаружились и разномысліе и раздоры, и чернь, окружавшая сенатъ, требовала одного правителя, называя его по имени... всѣ дали присягу Клавдію... (гл. 11). Первымъ дѣломъ его было изъять изъ памяти тѣ два дни, когда обнаружилось желаніе измѣнить существующій порядокъ вещей; онъ объявилъ торжественно и навсегда полное прощеніе за все, что́ было сказано и дѣлаемо въ теченіи этихъ двухъ дней»...

Такъ рядъ императоровъ римскихъ едва не прервался со вторымъ преемникомъ Августа... Вообще и сами императоры чувствовали себя какъ-то неловко въ Римѣ, — во всемъ и вездѣ видѣли они себѣ осужденіе, и потому-то они старались жить какъ можно меньше въ Римѣ, оставаясь преимущественно въ Кампаніи. Уже Неронъ думалъ о перенесеніи мѣстопребыванія въ Антій, а потомъ въ Византію. Но, мало-по-малу съ теченіемъ времени и усиліями императоровъ, оффиціальное значеніе ихъ все усиливалось конечно на счетъ значенія другихъ властей государства; исподоволь отнимаемы были послѣднія права гражданъ относительно выборовъ, и деспотизмъ, основанный

на военной силѣ и раболѣпствѣ сената, пріобрѣталъ все бо̀льшую и бо̀льшую силу. Провинціи, находившіяся въ завѣдываніи сената, просились въ непосредственное завѣдываніе императора, такъ какъ они въ такомъ случаѣ пользовались нѣкоторыми льготами. Рядомъ съ проконсулами и легатами выступили въ управленіи провинціями прокураторы, въ началѣ не болѣе какъ повѣренные императора въ качествѣ частнаго собственника, его такъ сказать управляющіе, но мало-по-малу стали они сильнѣе всѣхъ другихъ властей.

Замѣчательно, что императоры римскіе долго сохраняли характеръ только первыхъ гражданъ государства, не болѣе. Штатъ ихъ придворный состоялъ изъ однихъ отпущенниковъ; ни одинъ гражданинъ римскій не находился въ собственной службѣ императора, точно такъ же какъ и какого-либо другаго частнаго лица. Отношенія покровительства (патроната и кліентелы) были совершенно другое, но въ то время весь домъ императора состоялъ изъ рабовъ и отпущенниковъ; свободныхъ гражданъ и знатныхъ римлянъ тамъ не было. Слѣдовательно служба императора не считалась, какъ во времена послѣдующія, службою государству, и въ сущности императоръ оставался какъ бы частнымъ лицомъ.

Тацитъ преслѣдуетъ ненавистью и клеймитъ позоромъ первыхъ императоровъ Рима, какъ похитителей власти, имъ не принадлежащей по праву, какъ явленіе чудовищное въ государственномъ строю римскомъ; не разъ повторяетъ онъ съ глубокимъ сожалѣніемъ, что Друзъ, что Германикъ, если бы они достигли верховной власти, возвратили бы народу римскому свободу... Но Тацитъ ошибался: свобода была невозможна для народа римскаго по многимъ причинамъ, и изъ нихъ самая главная была та, что онъ для ней уже болѣе не годился.

Поборникъ невозможной уже республики, Тацитъ вмѣстѣ

является и поборникомъ уже отжившаго паганизма. Тогда какъ не только лучшіе люди народа, но и массы его перестали вѣровать въ божества Греціи и Рима и въ таинственные обряды антропоморфической религіи, такъ мало соотвѣтствовавшей духовнымъ потребностямъ человѣка, Тацитъ, и именно по духу противорѣчія и реакціи противу вновь распространявшихся религіозныхъ вѣрованій Востока, является горячимъ приверженцемъ боговъ древности, конечно безо всякой вѣры въ нихъ; они становились анахронизмомъ, точно такъ же какъ и учрежденія древней вольности Рима, пустымъ словомъ, утратившимъ смыслъ и значеніе. Какъ консулы, такъ и боги древности остались при громкомъ названіи, но въ сущности безъ всякаго значенія. Тацитъ съ любовью останавливается на храмахъ боговъ, религіозныхъ воспоминаніяхъ, на мнимыхъ чудесахъ, разсказываетъ ихъ подробно, и въ этомъ случаѣ, внушаемый любовью къ старинѣ, становится далеко ниже лучшихъ представителей этой самой старины, которые давно уже признали несостоятельность Олимпа и въ мысляхъ и сочиненіяхъ чтили лишь одно вѣчное божественное начало, не имѣющее конечно ничего общаго съ баснями поэтовъ.

Отсюда понятно то пренебреженіе и ненависть, какими преслѣдуетъ Тацитъ религіи Моисееву и Христову; а это самое уже указываетъ сильное развитіе христіанства во время Тацита. Паганизмъ видѣлъ свою гибель неминучую, и въ слѣдствіе этого раздраженіе его достигло высшей степени; оно сказалось и въ Тацитѣ. Слово любви и милосердія, во плотившееся для обновленія человѣчества, не нашло сочувствія въ черствой душѣ Тацита. Онъ предвидѣлъ гибель Рима, видѣлъ разложеніе современнаго ему общества, привѣтствовалъ въ Германцахъ людей новыхъ, неиспорченныхъ, свѣжихъ дѣятелей на поприщѣ историческомъ, но для истиннаго свѣта, просвѣщающаго каждаго человѣка грядущаго въ міръ, закрылъ глаза. Странное ослѣпленіе, но свой-

ственное не одному Тациту, а многимъ замѣчательнымъ писателямъ и временъ позднѣйшихъ. Если великое ученіе Христа его послѣдователями можетъ быть и измѣнено и не получило вполн» приложенія къ жизни, то все же оно само по себѣ, въ своемъ первобытномъ, чистомъ видѣ, есть необходимое условіе всякаго человѣческаго развитія и совершенствованія на пути добра, и само будучи способно къ дальнѣйшему развитію и примѣненію. Міръ древній разлагался; не было вѣрованій, которыя удовлетворяли бы насущнымъ духовнымъ потребностямъ человѣка... Лучшіе люди сознавались въ совершенной пустотѣ душевной, въ отсутствіи точки опоры своей нравственной дѣятельности. Только христіанство могло обновить древній міръ, сказавшій свое послѣднее слово. Тацитъ предвидѣлъ гибель Рима и всего существовавшаго порядка вещей, но чѣмъ это замѣнится, какая будетъ заря новаго міра,—онъ не призиралъ и потому-то безотрадная грусть вѣетъ въ его сочиненіи. Зналъ онъ вполнѣ, что древній міръ отжилъ свой вѣкъ, что призвать его къ жизни невозможно, но все онъ его такъ любилъ и сожалѣлъ о немъ, какъ жалѣетъ любящій о любимомъ предметѣ, уже добычѣ смерти, но все еще дорогомъ, разстаться съ которымъ не хочетъ, несмотря на всю необходимость. Отсюда слѣпая и безразсудная ненависть Тацита къ христіанству, которому суждено было смѣнить собою міръ древній и положить начало безспорно лучшему порядку вещей внесеніемъ въ жизнь человѣка и народовъ общаго духа любви, милости, истинны и равноправія всѣхъ въ духовномъ и матеріальномъ развитіи.

V.

Тацита сочиненіе *Лѣтопись* явилось въ русскомъ переводѣ А. Кронеберга въ 1859 году въ двухъ частяхъ. Переводъ этотъ сдѣланъ можетп быть съ французскаго, можетъ быть съ нѣмецкаго, но повидимому не съ латинскаго,—такъ далекъ онъ отъ оригинала. Въ этомъ переводѣ замѣчаете

вы странную попытку, когда-то впрочемъ бывшую въ модѣ, употреблять выраженія напыщенныя, торжественныя, какъ одни достойныя классиковъ. Но какъ напримѣръ передавать просто *голубоглазая* или *съ голубыми глазами*. Надобно—*синеокая* и т. п. Такъ переводили Гомера, такъ переводили Тацита; между тѣмъ тотъ и другой сами по себѣ чужды всякой напыщенности, всякой торжественности и выражаются по своему очень просто, языкомъ разговорнымъ того времени. Легко было впасть и въ противуположную крайность. Такъ напримѣръ въ 35 главѣ I книги читаемъ въ русскомъ переводѣ Кронеберга: «Германикъ, какъ *будто запачкало его преступленіе*, быстро сошелъ съ трибунала»... И не ловко, и не вѣрно. Въ подлинникѣ: «тутъ онъ (Германикъ), какъ будто преступленіе готово было его запятнать, опрометью соскочилъ съ трибунала»... Далѣе переводъ Кронеберга: «...выхватилъ свой мечь и хотѣлъ пронзить себѣ грудь. Близь стоявшіе схватили его руку и остановили. Задніе ряды стѣснившейся толпы и даже, трудно повѣрить, нѣсколько человѣкъ, подступивши ближе, кричали: пусть рѣжется (?!)»... Въ подлинникѣ: «схватилъ мечь, висѣвшій у него на боку, и поднявъ устремилъ на грудь, но ближайшіе силою удержали его правую руку, схвативъ ее. Самая отдаленная и собравшаяся въ кучу часть собранія, и едва вѣроятно будетъ выговорить, нѣкоторые отдѣльные воины, подходя ближе, убѣждали его *поразить себя*»...

Чтобы показать, до какой степени жалокъ и несамостоятеленъ переводъ Кронеберга, въ которомъ Тацитъ узналъ бы себя такъ же мало, какъ Горацій себя въ переводѣ Фета, раскроемъ еще наудачу его переводъ; вотъ глава 62, 4 книги.

Переводъ Кронеберга.

Въ консульство Марка Лицинія и Луція Кальпурнія случилось страшное несчастіе, котораго послѣдствія не усту-

паютъ послѣдствіямъ самой кровопролитной войны. Это было дѣломъ одного мгновенія. Какой-то отпущенникъ Атилій, взявшись выстроить амфитеатръ въ Фиденѣ для гладіаторскихъ представленій, не укрѣпилъ его на прочномъ фундаментѣ и не соединилъ прочными связями деревянныя стропила; онъ не желалъ блеснуть роскошью и движимъ былъ не честолюбіемъ, а грязною корыстью... Громада потряслась, рухнула частью внутрь, частью наружу и завалила огромную толпу людей, смотрѣвшихъ на представленіе или *прогуливавшихся около амфитеатра* (?!)...

Слова Тацита по-русски.

При консулахъ М. Лициніи и Л. Кальпурніи неожиданное бѣдствіе сравнялось съ урономъ самыхъ громадныхъ войнъ. Вмѣстѣ и разомъ началось оно и кончилось. А именно, нѣкто Атилій, изъ рода отпущенниковъ, начавъ строить амфитеатръ у Фиденъ для того, чтобы тамъ дать зрѣлище гладіаторскихъ игръ, и фундаментъ вывелъ не на материкѣ, и деревянную настройку не скрѣпилъ прочными связями, такъ какъ онъ пустился въ это предпріятіе не вслѣдствіе избытка денегъ и не изъ мѣстнаго тщеславія (честолюбія), но изъ-за достойныхъ презрѣнія барышей... Зданіе наполнилось, потомъ обрушилось; частью оно провалилось внутрь, частью разсыпалось снаружи. Несмѣтное число людей, внимательно смотрѣвшихъ на зрѣлище или тѣхъ, которые около стояли (circumadstabant), увлекаетъ въ паденіи и покрываетъ»...

Предоставляемъ читателямъ судить, съ какого языка сдѣланъ переводъ Кронеберга. Но прочитавъ нами сдѣланный непосредственно съ подлинника не трудно убѣдиться, какъ мало общаго у Кронеберга съ Тацитомъ.

Еще на выдержку нѣсколько примѣровъ:

Глава 63. Когда начали разбирать развалины, *толпа стала обнимать* (??!!) цѣловать убитыхъ; часто подни-

мался споръ, если лицо покойнаго (?) было слишкомъ обезображено, а возрастъ и *костюмъ* (?!) походили *на другаго* (?!)»... Что ни слово, то грѣхъ и противъ подлинника и противъ русскаго языка и смысла. Тацитъ говоритъ: «какъ начали (очищать собств. сдвигать) то, что обвалилось, сбѣжались къ бездыханнымъ, обнимали ихъ, цѣловали, и часто, если лицо видно было не ясно,а наружность и возрастъ одинаковы, ошибка узнававшихъ вызывала споръ».

У Кронеберга: «сенатъ приказалъ строить амфитеатры не иначе какъ по освидѣтельствованіи прочности почвы»... У Тацита: «и на будущее время предусмотрѣно сенатскимъ декретомъ: не возводить амфитеатры иначе какъ на почвѣ испытанной твердости»...

У Кронеберга: «видно родъ Клавдіевъ священный и принятъ въ число боговъ, говорили въ народѣ»... У Тацита: «святы и пріятны богамъ (acceptos Numinibus)—Клавдіи»... О принятіи богами въ свой сонмъ рода Клавдіевъ ничего нѣтъ; да это и нелѣпость, потому что эти толки относились къ еще живому Тиберію.

Книга IV, глава 67. У Кронеберга: «мнѣ кажется, что Тиберій выбралъ это уединенное мѣсто, потому что въ немъ не было гавани и едва могли приставать къ берегу самыя маленькія суда, *такъ что часовые всегда знали напередъ, кто ѣдетъ въ Тиберію*».... Въ послѣдней фразѣ Кронебергъ пополнилъ Тацита, потому что у Тацита этого нѣтъ. У него читаемъ: «всего скорѣе повѣрилъ бы я, что ему (Тиберію) понравилась пустынность (одиночество), такъ какъ кругомъ море безъ пристаней, и едва ничтожныя удобства для маленькихъ судовъ; и никто не могъ бы пристать безъ вѣдома сторожа»....

Гл. 68. Кронебергъ: «И Сабинъ, разчувствовавшись, залился слезами, разразился жалобами».... У Тацита:

«Сабинъ, какъ вообще люди въ несчастіи слабѣютъ духомъ, пролилъ слезы, присоединилъ жалобы»....

Гл. 69. Кронебергъ: «сообщники стали совѣтоваться, какъ бы имъ подслушать Сабина, потому что мѣсто бесѣды его съ Латіарисомъ должно казаться вполнѣ безопаснымъ. Стать за дверьми страшно, какъ-нибудь увидитъ (?!) или зашумишь, или просто изъ предосторожности посмотрятъ нѣтъ ли кого. И три сенатора рѣшаются на *подлѣйшую продѣлку* (какое великолѣпное выраженіе!!), забиваются на чердакъ и слушаютъ, приложивъ уши къ щелямъ потолка»....

У Тацита: «совѣщаются тѣ, о которыхъ я выше упомянулъ, какимъ бы способомъ это могло быть принято слухомъ сколько возможно большаго числа людей. Мѣсту, гдѣ сходились, надобно было сохранить всю наружность уединенія (одиночества). А еслибы они стали у дверей, то должны были опасаться каждаго глаза, каждаго звука и случайно могли возникнуть подозрѣнія. Между крыши и потолка залѣзли три сенатора и столько же позорно было ихъ убѣжище, какъ отвратительно коварство; къ отверстіямъ и щелямъ прикладываютъ уши».... Кронебергъ: «приведя въ комнату, *надъ которою были шпіоны,* начинаетъ перечислять въ прошлые и настоящіе ужасы».... У Тацита: «приводитъ въ домъ и въ спальню; къ прошлому и настоящему, а всего былъ порядочный запасъ, присоединяетъ новыя опасенія». О шпіонахъ ни полслова у Тацита. Кронебергъ: «съ недовѣрчивостью смотрѣли даже на *мертвыя* (?!) кровли и стѣны». Какимъ образомъ кровли могутъ быть *мертвыя*, когда они никогда не жили. *Умереть* можетъ лишь то, что дышало, что жило? И дѣйствительно, у Тацита *мертвыхъ кровель* нѣтъ; у него: «озирались даже на нѣмое и бездушное, на кровли и стѣны»....

Глава 70. У Кронеберга: «Тиберій, написавъ въ сенатъ

письмо по случаю торжества новаго года въ Январскія Календы, началъ обычными поздравленіями».... Нелѣпо и невѣрно! Императоръ поздравляетъ сенатъ съ новымъ годомъ!... Ничего подобнаго нѣтъ у Тацита; у него читаемъ: «Но Цезарь, предпославъ въ письмѣ обычныя мольбы или пожеланія по случаю начала года и Январскихъ Календъ, обращаетъ» и т. д. Точно также и далѣе непростительно фантазируетъ Кронебергъ: «какой же день, говоритъ онъ, будетъ свободенъ отъ казней, если во время священнодѣйствій и поздравленій (дались же ему эти поздравленія!!), *когда всѣ даже воздерживаются отъ богохульныхъ рѣчей*, оковы и висѣлица продолжаютъ свирѣпствовать».... О нелѣпости и безсмыслицѣ этого перевода говорить было бы излишне. Какъ будто богохульныя рѣчи даже въ Римѣ могли быть такою обыкновенною вещью, что отъ нихъ только-де на новый годъ и воздерживались. Послушаемъ Тацита: «какой же день будетъ свободенъ отъ казней, когда среди священнодѣйствій и обѣтовъ (vota, почтенный Кронебергъ, не можетъ значить *поздравленіе*), въ то время, когда въ обычаѣ воздерживаться даже отъ свѣтскихъ, мірскихъ рѣчей (т.-е. не говорить пустяковъ). Гдѣ же г. Кронебергъ начитали вы, что profanus значитъ *богохульный*, когда profanus только противуполагается sacer (sacra et profana въ смыслѣ свѣтскаго сравнительно съ духовнымъ), будутъ продолжать дѣйствовать оковы и петли».... Почтенный читатель, какъ вы находите? Похожъ Тацитъ Кронеберга на Тацита настоящаго?

Кажется, этого довольно, чтобы судить о переводѣ Кронеберга. Если я остановился надъ нимъ и не прошелъ его пренебрежительнымъ молчаніемъ, то лишь потому, что переводъ этотъ принадлежалъ сторонникамъ покойнаго и давно забытаго журнальчика Атенея; нашлись люди, которые встрѣтивъ мои переводы пристрастною и несправедливою критикою (смотри предисловіе ко второму тому моего перевода Тита

Ливія), хотѣли въ предложенномъ ими переводѣ Кронеберга выставить образецъ, что вотъ, дескать, переводъ, такъ переводъ, не чета Клевановскимъ... Каждый знающій хорошо латинскій языкъ, отброситъ съ презрѣніемъ фантазію Кронеберга и К°, гдѣ они не переводили, а чистосердечно глумились надъ Тацитомъ.

Остается сказать о моемъ переводѣ. Я далекъ отъ мысли завѣрять кого-либо, что онъ безъ ошибокъ и промаховъ. Напротивъ, я положительно знаю, что они есть. Лучшему оратору и то приходится иногда сказать не такъ и не то, что слѣдуетъ, сорвется, что называется, съ языка (lapsus linguae). То же бываетъ и съ самымъ старательнымъ переводчикомъ труднаго и большаго произведенія: нерѣдко случается употребить не то выраженіе, которое нужно, чтобы лучше передать мысль. Еслибы мнѣ пришлось другой разъ переводить Тацита, то я самъ нашелъ бы не мало у себя ошибочнаго и слабаго, и исправилъ бы; а теперь издаю первый его переводъ. Ошибокъ при изданіи не мало именно потому, что оно большею частію дѣлалось въ мое отсутствіе изъ Москвы.

Для составленія приложеній къ моему изданію, пользовался я нѣмецкимъ изданіемъ Тацита—Рота, Карла Людвига (Штутгартъ, 1861) въ 2 томахъ.

А. Клевановъ.

Москва

1870.

Апрѣля 17/29.

ОБЗОРЪ РИМСКОЙ ИСТОРІИ ОТЪ СМЕРТИ ЦЕЗАРЯ ДО СМЕРТИ АВГУСТА.

Отъ построенія города Рима въ 710 году (до Рождества Христова 44-мъ, въ Мартовскія Иды), 15 марта убитъ предательски въ сенатѣ К. Юлій Цезарь. Виновники убійства всѣ люди осыпанные его милостями и благодѣяніями, имѣли въ виду не пользы отечества, которое отдавали на жертву нескончаемымъ смутамъ, но свои личные честолюбивые, хотя и весьма близорукіе, разсчеты. То были Кассій, М. Брутъ и Децимъ Брутъ. Совершивъ убійство, злодѣи засѣли въ Капитоліи. Между тѣмъ М. Антоній, котораго они ненавидѣли, какъ искренняго и ближайшаго пріятеля Цезаря, овладѣлъ общественною казною. Вдова Цезаря, Кальпурнія, передала ему и собственныя деньги Цезаря и письменное духовное завѣщаніе.

Сенатъ опредѣляетъ, съ одной стороны, всепрощеніе (амнистію) заговорщикамъ, съ другой—подтверждаетъ всѣ законы и распоряженія Цезаря, опредѣляетъ ему торжественныя похороны и открытіе его завѣщанія.

Заговорщики выходятъ изъ Капитолія и мирятся, повидимому, съ Антоніемъ. Сенатъ подтверждаетъ за К. Кассіемъ и М. Брутомъ управленіе провинціями, отданными имъ Цезаремъ.

При отдачѣ похоронныхъ почестей Цезарю, что про-

исходило 19 или 20 марта, обнаружилось раздраженіе народа противъ совершившихъ убійство. Антоній разжигалъ еще болѣе народныя страсти. Заговорщики вынуждены оставить немедленно Римъ, а затѣмъ и Италію: М. Брутъ отправился въ Македонію, а Кассій въ Сирію, и стали собирать тамъ военныя силы.

Завѣщаніемъ Цезарь усыновилъ восьмнадцатилѣтняго внука, потомка сестры его Юліи, К. Октавія, который и принялъ съ того времени наименованіе К. Юлій Цезарь Октавіанъ.

М. Антоній, сдѣлавшись консуломъ вмѣстѣ съ Долабеллою, все болѣе и болѣе самостоятельно и произвольно дѣйствуетъ въ Римѣ и, повидимому, хочетъ вступить во всѣ права диктатора.

Въ концѣ года Антоній выступилъ къ Мутинѣ (Моденѣ) съ тѣмъ, чтобы осаждать Децима Брута, удалившагося въ городъ.

Цезарь Октавіанъ поддѣлывается къ М. Туллію Цицерону и становится будто бы на сторону Децима Брута (убійцы его дѣда), собираетъ старыхъ, заслуженныхъ воиновъ изъ войска Юлія Цезаря, которые поселены были колоніями въ Средней Италіи, даетъ по двѣ тысячи сестерцій (около ста руб. сер.) на человѣка, чтобы привлечь къ себѣ больше солдатъ, и въ короткое время собираетъ войско въ десять тысячъ человѣкъ.

Отъ построенія Рима семьсотъ одиннадцатый годъ, до Р. Хр. сорокъ третій. Сенатъ опредѣляетъ объявить войну Антонію, осаждавшему Мутину. Консулы Гирцій и Панза, первый съ Цезаремъ Октавіаномъ, выступили въ походъ съ тѣмъ, чтобы напасть на М. Антонія и выручить изъ осады Децима Брута. Панза разбитъ Антоніемъ, но тотъ въ свою очередь терпитъ пораженіе отъ Гирція и Цезаря Октавіана. Оба консула и Гирцій и Панза гибнутъ въ бою. М. Антоній бѣжитъ въ Галлію и соединяетъ

остатки силъ своихъ съ войсками стоявшаго тамъ Лепида. Сенатъ объявляетъ и Лепида врагомъ отечества.

Децимъ Брутъ оставленъ войскомъ и умерщвленъ убійцами, присланными М. Антоніемъ.

Цезарь Октавіанъ вступаетъ въ переговоры съ М. Антоніемъ и М. Лепидомъ, и его солдаты требуютъ для него консульства. Октавіанъ дѣлается консуломъ, не имѣя еще 20 лѣтъ отъ роду.

Вскорѣ потомъ вступаетъ въ тріумвиратъ съ М. Антоніемъ и М. Лепидомъ сначала на пять лѣтъ, чтобы общественныя дѣла привесть въ порядокъ. Опредѣленіе народнаго собранія признаетъ тріумвиратъ законнымъ.

Затѣмъ послѣдовало осужденіе на гибель весьма многихъ лицъ всадническаго сословія, значительнаго числа (130) сенаторовъ, въ числѣ которыхъ былъ и даровитый, но недальновидный М. Туллій Цицеронъ. Въ назначеніи этихъ жертвъ каждый изъ тріумвировъ дѣлалъ уступки личнымъ неудовольствіямъ товарищей.

Тріумвиры раздѣлили между собою управленіе провинціями: М. Лепидъ взялъ на себя возстановить спокойствіе въ Римѣ и Италіи, а Цезарь Октавіанъ и М. Антоній предприняли войну противъ Марка Брута и Кассія.

Отъ построенія города семьсотъ двѣнадцатый, отъ Р. Х. сорокъ второй. Цезарь Октавіанъ и Маркъ Антоній сразились съ М. Брутомъ и Л. Кассіемъ у Филиппъ. Брутъ побѣждаетъ Октавіана, но Кассій вынужденный уступить Антонію, приказываетъ своему служителю себя умертвить. Брутъ во второмъ сраженіи побѣжденъ и вынуждаетъ одного изъ товарищей бѣгства нанесть себѣ смертельный ударъ.

Такъ кончилось всякое противодѣйствіе тріумвирамъ, осталось имъ только разобраться между собою. Да еще Секстъ Помпей, сынъ Кнея Помпея Магна, владѣлъ островомъ Сициліею съ значительными морскими силами.

М. Антоній отправился въ Малую Азію, Цезарь Октаві-

анъ въ Италію, гдѣ заслуженные воины должны были получить въ вознагражденіе земли для поселенія. Исполненіе этого предположенія произвело неописанныя бѣдствія въ Италіи, гдѣ многія тысячи жителей выгнаны изъ жилищъ и лишены достоянія, чтобы удовлетворить солдатъ. Значеніе М. Лепида становится съ каждымъ днемъ все ничтожнѣе; на него и вниманія почти не обращаютъ.

Въ этомъ году родился Тиберій, будущій пасынокъ и преемникъ Октавіана.

Отъ построенія Рима семьсотъ тринадцатый, отъ Р. Х. сорокъ первый. М. Антоній встрѣчаетъ въ Сициліи—Египетскую царицу Клеопатру и слѣдуетъ за нею въ Египетъ.

Раздоръ возникаетъ между Цезаремъ Октавіаномъ и Фульвіею, женою М. Антонія (кстати будетъ припомнить здѣсь, что Фульвія, по разнымъ причинамъ, питала личную вражду къ Цицерону, и что ей-то онъ и одолженъ своею гибелью), которую поддерживалъ братъ М. Антонія Л. Антоній. Началась такъ-называемая Перузинская война, въ которой Л. Антоній, осажденный Цезаремъ Октавіаномъ въ этрусскомъ городѣ Перузіи, нынѣшней Перуджіи, долженъ былъ, наконецъ, сдаться вслѣдствіе недостатка продовольствія въ слѣдующемъ (до Р. Х. 40) году.

М. Лепидъ принимаетъ на себя управленіе Нумидіею и Африкою.

Отъ построенія Рима 714-й, до Р. Х. 40 годъ. Жена М. Антонія Фульвія отправляется въ Аѳины съ дѣтьми для свиданія съ мужемъ.

Цезарь Октавіанъ вступаетъ въ переговоры съ Секстомъ Помпеемъ, но они никакого удовлетворительнаго результата не имѣютъ на этотъ разъ.

Цезарь Октавіанъ отправляется въ Галлію, а она, по дѣленію провинцій 43 года, досталась М. Антонію, и съумѣлъ все находившееся тамъ войско изъ одиннадцати

легіоновъ, стоявшее прежде на сторонѣ товарища, перевесть на свою.

Цезарь Октавіанъ вступаетъ въ брачную связь съ Скрибоніею, и та родитъ ему Юлію.

Вторженіе Парѳовъ въ Сирію. Антоній, получивъ о томъ извѣстіе, хотя и покидаетъ Александрію, но не идетъ навстрѣчу непріятелю, отправляется въ Грецію, гдѣ онъ видится съ своею матерью и женою, а затѣмъ въ Италію, гдѣ онъ осаждаетъ Брундизій и находившуюся тамъ часть войска Октавіанова.

Фульвія умираетъ, и между обоими тріумвирами составляется договоръ, скрѣпленный союзомъ М. Антонія съ сестрою Октавіана, Октавіею младшею, вдовою Кая Марцелла. Какъ въ Перузинскую войну М. Випсаній Агриппа, такъ во время этихъ мирныхъ толковъ Меценасъ оказалъ существенныя услуги Каю Октавіану.

Октавіанъ и Антоній дѣлаютъ между собою вторичное (только вдвоемъ) распредѣленіе провинцій Римскаго государства, при которомъ Лепиду оставлена только Африка.

Секстъ Помпей, не допущенный къ участію въ Брундузійскомъ соглашеніи, дѣйствуетъ непріязненно противъ Италіи. Вслѣдствіе этого голодъ въ Римѣ и отъ него волненіе въ народѣ; массы черни требуютъ мира съ Помпеемъ.

Сенатъ римскій назначаетъ Ирода царемъ Іудеи.

Цезарь Октавіанъ и М. Антоній въ Римѣ.

Отъ построенія Рима 715-й годъ, а до Р. Х. 39-й. И Октавіанъ и Антоній у Мизена заключаютъ договоръ съ Секстомъ Помпеемъ, по которому тотъ не только сохранилъ обладаніе Сициліею, но и вдобавокъ долженъ былъ получить Ахаію (Элладу и Пелопоннесъ).

Скрибонія, жена Цезаря Октавіана, родитъ дочь Юлію. Непосредственно за этимъ Октавіанъ разводится съ нею, имѣя уже намѣреніе жениться на Ливіи.

П. Вентидій, легатъ М. Антонія, поражаетъ Парѳовъ (сравни Тацита Германію, 37).

Отъ построенія Рима 116-й годъ, до Р. Х. 38-й. Снова возникаютъ неудовольствія между Цезаремъ Октавіаномъ и Секстомъ Помпеемъ. Нападеніе послѣдняго на берега Италіи.

М. Випсаній Агриппа, легатъ (полководецъ) Цезаря Октавіана ведетъ счастливо войну въ Галліи, переходитъ черезъ Рейнъ и вынуждаетъ Убіевъ, нѣмецкое племя, поселиться на лѣвомъ берегу Рейна. Вслѣдствіе этого возникаетъ тамъ городъ колоніи агриппинской, Кельнъ.

Цезарь Октавіанъ отнимаетъ у Тиберія Клавдія Нерона его жену (сравни Лѣтопись Тацита 1, 10, V, 1) Ливію, мать родившагося въ 42 году Тиберія и беременную ребенкомъ, родившимся черезъ немного мѣсяцевъ, Друзомъ.

Отъ построенія Рима 717-й годъ, до Р. Х. 37-й. Цезарь Октавіанъ дѣлаетъ приготовленія къ морской войнѣ противъ Секста Помпея. М. Випсаній Агриппа дѣлаетъ изъ озеръ Лукринскаго и Авернскаго крѣпкую и удобную гавань для его морскихъ силъ.

Цезарь Октавіанъ и Маркъ Антоній въ Тарентѣ (Лѣтопись Тацита 1. 10) вступаютъ снова въ соглашеніе о поддержаніи ихъ взаимной власти и возобновляютъ тріумвиратъ на послѣдующія пять лѣтъ. Октавія улаживаетъ неудовольствія, возникшія было между обоими тріумвирами.

Отъ построенія Рима 718 годъ, до Р. Х. 36-й. Секстъ Помпей разбитъ на морѣ Агриппою, бѣжитъ въ Лесбосъ и черезъ годъ лишился тамъ жизни.

М. Лепидъ съ двѣнадцатью легіонами перешелъ изъ Африки въ Сицилію повидимому съ тѣмъ, чтобы помогать Цезарю Октавіану противъ Секста Помпея, но полагаясь на свои огромныя военныя силы, когда къ его 12 легіонамъ присоединились еще восемь, которые были до сихъ поръ на

сторонѣ Секста Помпея, является ему соперникомъ. Между тѣмъ Цезарь Октавіанъ тайно вступаетъ въ переговоры съ войсками Лепида и, значительную ихъ часть задобривъ, выступаетъ къ нимъ впередъ. Воины толпами переходятъ къ нему и самъ Лепидъ, будучи всѣми оставленъ, вынужденъ явиться къ Августу и просить его милости (Лѣтопись, 1. 10).

Въ продолженіи этихъ войнъ за Сицилію и Меценатъ, по порученію Цезаря Октавіана, былъ правителемъ Рима и Италіи и по окончаніи войны много помогалъ ему въ востановленіи повсемѣстномъ общественнаго порядка.

Съ этого времени Октавіанъ назначенъ безсмѣннымъ и пожизненнымъ народнымъ трибуномъ.

М. Антоній предпринимаетъ походъ противъ Парѳовъ, въ которомъ теряетъ часть своего войска. Преслѣдуемый и тѣснимый Парѳами, онъ удаляется въ Арменію и оттуда, бросивъ войско на произволъ судьбы, спѣшитъ въ Александрію видѣться съ Клеопатрою.

Отъ построенія Рима 719-й годъ, до Р. Х. 35-й. Антоній страстно привязался къ Клеопатрѣ и вслѣдствіе этого все усиливается отчужденіе его отъ жены его Октавіи.

Отъ построенія Рима 720-й годъ, до Р. Х. 34-й. Антоній коварствомъ заманиваетъ царя Арменіи Артавасда съ женою и дѣтьми въ свою власть и ведетъ ихъ въ Александрію въ тріумфѣ. Арменію намѣревался онъ отдать сыну, родившемуся ему отъ Клеопатры.

Въ этомъ году умираетъ знаменитый историкъ римскій Саллюстій Криспъ. Наслѣдникомъ имени и достоянія дѣлаетъ онъ племянника, принятаго имъ замѣсто сына; объ этомъ-то Саллюстіи упоминается въ Лѣтописи 1. 6 и III. 30.

Отъ построенія Рима 721 годъ, до Р. Х. 33-й. Антоній назначаетъ Полемона царемъ въ Малую Арменію.

Отъ построенія Рима 722 г., до Р. Х. 32-й. Начинают-

ся неудовольствія между Цезаремъ Октавіаномъ и М. Антоніемъ; съ обѣихъ сторонъ дѣятельныя приготовленія къ войнѣ.

Въ этомъ году умеръ Т. Помпоній Аттикъ, извѣстный дружбою къ нему Цицерона и перепискою съ нимъ.

Отъ построенія Рима 723-й годъ, до Р. Х. 31-й. Морское сраженіе при Акціумѣ между Цезаремъ Октавіаномъ и Агриппою съ одной стороны и М. Антоніемъ и Клеопатрою съ другой. Исходъ боя обезпечилъ за Октавіаномъ неограниченное и нераздѣльное господство въ римскомъ государствѣ. Сравни Лѣтопись II. 53.

Въ продолженіи войны главная власть надъ Римомъ и Италіею ввѣрена снова Меценату (сравни Лѣтопись V. 11) а послѣ сраженія при Акціумѣ на помощь ему посланъ Агриппа, между тѣмъ какъ Цезарь Октавіанъ пребывалъ въ Малой Азіи и Самосѣ.

Отъ построенія Рима 724 годъ, а до Р. Х 30-й. Возстаніе въ Брундизіи уволенныхъ отъ службы заслуженныхъ воиновъ (ветерановъ). Усмирить ихъ является Цезарь Октавіанъ изъ Самоса (Лѣтописи 1. 42) и оттуда онъ отправляется въ Египетъ для того, чтобы совершенно покончить съ Антоніемъ.

Антоній умерщвляетъ самъ себя. Клеопатра также лишаетъ себя жизни. Гражданскія усобицы кончаются на этотъ разъ со смертью Антонія.

Цезарь Октавіанъ обращаетъ Египетъ въ отдѣльную римскую провинцію, управленіе которой должно быть ввѣрено только самымъ близкимъ и довѣреннымъ лицамъ изъ служащихъ при императорѣ и притомъ достоинствомъ не выше званія всадника римскаго. Сравни Лѣтописи II. 59.

Сенатъ истощаетъ всю свою изобрѣтательность лести и угодливости въ желаніи болѣе почтить побѣдителя, но тотъ до весны слѣдующаго года остается въ Малой Азіи.

Отъ построенія Рима 725 годъ, до Р. Х. 29-й. По воз-

вращеніи Цезаря Октавіана въ Римъ господствовавшій до того времени тамъ недостатокъ денегъ измѣнился въ величайшій избытокъ, такъ какъ онъ присвоилъ себѣ всю сокровищницу египетскихъ царей.

Цезарь Октавіанъ затворяетъ храмъ Януса, потомъ въ теченіи трехъ дней одинъ за другимъ совершаетъ свой торжественный въѣздъ тріумфатора въ Римъ.

Онъ назначается императоромъ навсегда, хотя imperium отъ времени до времени ему возобновляется. Въ качествѣ цензора ревизуетъ онъ и пополняетъ и сенатъ и патриціанскіе роды. Ср. Лѣтопись XI. 25.

Отъ построенія Рима 726-й годъ, до Р. Х. 28-й. Сенатъ избираетъ Октавіана своимъ предсѣдателемъ—princeps senatus—впослѣдствіи принято называть просто princeps, при чемъ это слово не означало первоначально полнаго и неограниченнаго властителя, каковыми въ дѣйствительности были императоры, но только перваго, старѣйшаго изъ равныхъ. Мало-по-малу смыслъ и значеніе этого слова все расширялись.

Отъ построенія Рима 727-й, до Р. Х. 27-й. Цезарь Октавіанъ получаетъ наименованіе Августа (пріумножителя); власть царская неограниченная возстановлена только безъ ненавистнаго дотолѣ народу римскому и обреченному проклятіямъ имени царей (reges).

Въ этомъ году Августъ посѣтилъ Галлію и Испанію.

Отъ построенія Рима 728-й, до Р. Х. 26-й. Война въ Испаніи, которая продолжается и весь слѣдующій годъ.

Отъ построенія Рима 729-й, до Р. Х. 25-й. М. Марцеллъ, сынъ Октавіи, вдовы М. Антонія, отъ перваго брака ея съ К. Марцелломъ, соединенъ брачнымъ союзомъ съ Юліею, дочерью и единственнымъ дѣтищемъ Августа. Марцеллу было отъ роду 18 лѣтъ, а Юліи 15.

Отъ построенія Рима 730-й, до Р. Х. 24-й. Октавіанъ Августъ возвращается назадъ изъ Испаніи въ Римъ, и

это событіе Горацій прославляетъ въ 14-й одѣ третьей книги.

Намѣстникъ Египта, Элій Галлъ, предпринимаетъ неудачный походъ противъ Арабовъ. Горація оды 1. 28.

Отъ построенія Рима 731-й, до Р. Х. 23-й. Состоялось сенатское опредѣленіе, которое дало Августу пожизненно власть и права трибуна народнаго.

М. Марцеллъ, сынъ Октавіи, зять Августа, умираетъ. См. Виргилія Энеида, VI. 883 и слѣд.

Пареское посольство въ Римѣ. См. Лѣтопись Тацита, II. 1 и послѣд.

Отъ построенія Рима 732, до Р. Х. 22 годъ. Заговоръ въ Римѣ противъ Августа и вслѣдствіе этого разныя казни, между прочимъ Варрона и Егнація. Ср. Лѣтопись 1. 10.

Отъ построенія Рима 733-й, до Р. Х. 21 г. Випсаній Агриппа женится на Юліи, вдовѣ М. Марцелла. (Лѣтопись Тацита 1. 3.)

Отъ п. Р. 734, до Р. Х. 20 годъ. Тиберій, пасынокъ Августа, посланъ съ войскомъ въ Азію и сажаетъ снова Тиграна на престолъ армянскихъ царей. Лѣтопись 11. 3.

Родится у Агриппы и Юліи сынъ, названный Каемъ Цезаремъ. Лѣтопись 1. 3.

Отъ построенія Рима 735-й, до Р. Х. 19 годъ. Сенатъ вручаетъ на пять лѣтъ Августу potestas censoria, т. е. главный надзоръ надъ общественною нравственностью, magisterium morum, что составляло прежде обязанность цензоровъ (Горац. Epist. II. 1, 2) и власть консульскую пожизненно.

Отъ построенія Рима 736-й, до Р. Х. 18 годъ. Попытка Августа различными законами поддержать общественную нравственность и развить охоту къ брачнымъ союзамъ. Horat. Carm. Saecul. Ann. III. 28.

Отъ построенія Рима 737, до Р. Х. 17 годъ. Августъ

празднуетъ пятую вѣковую годовщину Рима. Horat. Carm. Saeculare, Annal. XI. 11.

Должность praefectura urbis, на которую до тѣхъ поръ только на дни празднованія Альбанскихъ торжествъ назначаемъ былъ представитель высшихъ сановниковъ государства, Августъ дѣлаетъ постоянною. Лѣтописи VI. 11.

Люцій Цезарь, второй сынъ Агриппы и Юліи, родился въ этомъ году. Его и брата его Кая, родившагося ранѣе, Августъ принимаетъ какъ своихъ дѣтей.

Отъ построенія Рима 738, до Р. Х. 16 годъ. М. Лоллій, стоявшій съ войскомъ на правомъ берегу Рейна, соединившимися Нѣмецкими племенами Сугамбрами, Узипетами и Тенктерами разбитъ на голову и теряетъ легіоннаго орла. Annal. 1. 10. Августъ отправляется потомъ въ Галлію съ Тиберіемъ и остается тамъ болѣе двухъ лѣтъ.

Отъ построенія Рима 739-й, до Р. Х. 15 годъ. Удачные походы обоихъ пасынковъ Августа—Тиберія и Друза противъ Винделиковъ, Рецієвъ и Нориковъ и другихъ народовъ Альпійскихъ. Horat. Od. IV. 14.

Во время войны съ Винделиками главная квартира Тиберія находилась на островѣ Боденскаго озера.

У Друза отъ жены его Антоніи, второй дочери этого имени М. Антонія и Октавіи родился сынъ Германикъ.

Отъ построенія Рема 741-й, до Р. Х. 13 годъ. Августъ возвращается изъ Галліи, а Агриппа изъ Малой Азіи, гдѣ онъ былъ занятъ въ теченіи долгаго времени.

Отъ построенія Рима 742-й, до Р. Х. 12-й годъ. Августъ облеченъ въ санъ верховнаго первосвященника (pontifex maximus), которое до сихъ поръ принадлежало бывшему тріумвиру М. Лепиду.

М. Лепидъ умеръ въ этомъ году.

Агриппа умеръ 51 году отъ роду; вдова его Юлія родила уже послѣ его смерти третьяго сына Агриппу Постума. Кромѣ его и двухъ старшихъ сыновей—Кая и Люція, Агриппа,

отъ брака съ Юліею (оставилъ еще двухъ дочерей) Юлію (Annal. III. 24) и Агриппину (Annal. 1. 33). и отъ прежняго брака съ Помпоніею, дочерью всадника Помпонія Аттика, дочь Випсанію Агриппину, которая, будучи отдана за мужъ за Тиберія, пасынка Августа, родила младшаго Друза. (Ann. II. 43).

Тиберій жену свою Випсанію Агриппину, по приказанію Августа оставляетъ и вступаетъ въ бракъ съ дочерью его Юліею, вдовою Агриппы.

Походъ Тиберія противъ Панноновъ и Далматовъ. Къ этому же времени относится первый походъ его брата Друза въ Германію. Его морское плаванье и каналъ на Рейнѣ. (Germ. 34. Ann. II. 8).

Отъ построенія Рима 743-й, до Р. Х. 11-й годъ. Второй походъ Друза въ Германію и также вторичный походъ Тиберія противъ Паннонцевъ и Далматовъ.

Отъ построенія Рима 744-й, до Р. Х. 10-й годъ. И Тиберій и Друзъ совершаютъ въ третій разъ походы противъ тѣхъ же самыхъ враговъ.

Друзъ проникаетъ во внутренность Нижней Германіи и закладываетъ укрѣпленія на правомъ берегу Рейна, на Маасѣ, Везерѣ и Эльбѣ.

У Друза родится сынъ Тиберій Клавдій Друзъ, впослѣдствіи императоръ, подъ именемъ Клавдія.

Отъ построенія Рима 745-й, до Р. Х. 9-й годъ. Послѣ того, какъ Друзъ, братъ Тиберія, въ 10 году возвратился въ Римъ— вступилъ онъ тамъ же въ консульство—отправился онъ въ четвертый походъ въ Германію и померъ тамъ вслѣдствіе паденія съ лошади, 30 лѣтъ отъ роду.

Новый походъ Тиберія противъ Паннонцевъ.

Отъ построенія Рима 746-й, до Р. Х. 8-й годъ. Первый походъ Тиберія противъ Германцевъ, живущихъ между Эльбою и Рейномъ.

Въ этомъ году въ восьмой мѣсяцъ года Секстилій, такъ на-

званный (*шестымъ*) по прежнему счисленію годичнаго времени отъ марта, въ честь императора Августа названъ его именемъ Августомъ.

Умираетъ Меценатъ (Ann. III. 30). Къ этому же году относится смерть его прихлебателя Горацiя, придворнаго стихоплета.

Отъ построенія Рима 747-й, до Р. Х. 7-й годъ. Второй походъ Тиберія противъ Нѣмцевъ.

Римъ раздѣленъ на четырнадцать частей.

Отъ построенія Рима 748-й, до Р. Х. 6-й г. Усыновленный Августомъ, внукъ его Кай Цезарь, сынъ Агриппы и Юліи, еще въ дѣтскомъ возрастѣ назначенъ консуломъ, хотя вступить въ него долженъ былъ по достиженіи двадцати-лѣтняго возраста. Сверхъ этого онъ, вмѣстѣ съ младшимъ Люціемъ, получаетъ званіе старѣйшихъ или первыхъ лицъ (principes juventutis) молодежи. (Annal. 1. 3).

Тиберій получаетъ власть трибунскую на пять лѣтъ. Съ этого времени, вслѣдствіе неудовольствій его съ Августомъ и съ Цезарями Каемъ и Луціемъ, по Юліи его пасынками, а также и ссоры съ женою его Юліею, Тиберій въ видѣ ссылки живетъ на островѣ Родосѣ въ теченіи семи лѣтъ.

Отъ построенія Рима 750-й, до Р. Х. 4-й годъ. Умираетъ Иродъ, прозванный великимъ, царь Іудеи.

Отъ построенія Рима 751-й, до Р. Х. 3-й годъ. Люцій Цезарь назначенъ въ консулы, точно такъ же какъ старшій Кай, въ шестомъ году до Р. Х. (сравни подъ этимъ годомъ).

Отъ построенія Рима 752-й, до Р. Х. 2-й годъ. Августъ получаетъ титулъ отца отечества (pater patriae).

Августъ дочь свою Юлію, за крайне распутное поведеніе, ссылаетъ на островъ Пандетарію, теперь островъ Вандотина. (Ann 1. 53; III. 24). Ея любовники поплатились жизнью. Одинъ изъ нихъ, Юлій Антоній, сынъ тріумвира, вынужденъ былъ умертвить самъ себя (Ann. I. 10).

Отъ построенія Рима 753-й, до Р. Х. 1-й годъ. Кай Цезарь

вступаетъ въ бракъ съ Ливіею, дочерью умершаго Друза, племянницею Тиберія (впослѣдствіи она же была его невѣсткою, женою сына его Друза), и тотчасъ же отправленъ на Востокъ привесть въ порядокъ дѣла съ Пареами и устроить дѣла въ Арменіи. М. Лоллій приданъ молодому человѣку въ качествѣ попечителя. (Ann. I. 3. 42, III. 48).

Л. Домицій Агенобарбъ проникаетъ съ римскимъ войскомъ въ Нижнюю Германію гораздо дальше кого-либо другаго изъ римскихъ полководцевъ. (Ann. 18. 44).

Отъ построенія Рима 755-й, по Р. Х. 2-й годъ. Тиберій послѣ семилѣтняго пребыванія въ ссылкѣ на островѣ Родосѣ возвращается въ Римъ.

Луцій Цезарь на дорогѣ въ Испанію, гдѣ онъ долженъ былъ принять начальство надъ войскомъ, умираетъ въ Массиліи (Марсельи) (Ann. I. 3). Ему въ супружество назначена была Лепеда, правнучка диктатора Суллы и великаго Помпея. (Annal. III. 22).

Отъ построенія Рима 756-й, по Р. Х. 3-й годъ. Кай Цезарь раненъ въ одномъ сраженіи въ Арменіи и отъ послѣдствій раны умираетъ въ слѣдующемъ году.

Отъ построенія Рима 757-й, по Р. Х. 4-й годъ. Тиберій и Агриппа, сынъ отца того же имени, родившійся послѣ его смерти, единственный, остававшійся еще въ живыхъ, внукъ Августа, усыновленъ имъ, а Тиберія—Августъ заставилъ усыновить племянника Германика. Впрочемъ три года спустя Агриппа сосланъ на островъ Планазію (Ann. 1. 3. 4. 5. 6).

По усыновленіи Тиберій совершаетъ третій походъ противъ Германцевъ. Отъ построенія Рима 757-й, по Р. Х. 5-й годъ. Четвертый походъ Тиберія въ Германію, и онъ тутъ проникаетъ до Эльбы. Большой голодъ въ Римѣ.

Отъ построенія Рима 758-й, по Р. Х. 6-й годъ. Походъ Тиберія противъ Маробода въ Богеміи; онъ вынужденъ вернуться назадъ вслѣдствіе большаго возмущенія населеній Панноніи и Далмаціи (Ann. II. 46).

Тяжелая и упорная война въ Панноніи и Далмаціи. Тиберій ее ведетъ при помощи и содѣйствіи племянника, принятаго въ сыновья, Германика.

Августъ на расходы по веденію этой войны основываетъ особенную военную кассу—aerarium militare—которой и назначаетъ особенные источники доходовъ (Ann. 1. 78; II. 42).

Іудея дѣлается Римскою провинціею (Ann. II. 42).

Отъ построенія Рима 759-й по Р. X. 7-й годъ, Паннонско-Далматская война продолжается.

Отъ построенія Рима 760-й, по Р. X. 8-й годъ. Паннонія покоряется, и Далмапія нѣсколько позднѣе.

Знаменитый и истинно геніальный поэтъ Овидій сосланъ въ Мезію въ Томи.

Ораторъ Кассій Северъ отправленъ въ ссылку на островъ Критъ (Ann. I. 72. IV. 21).

Отъ построенія Рима 761-й, по Р. X. 8-й годъ. Совершенное истребленіе Херусками и другими Германцами, соединившимися подъ главнымъ начальствомъ Арминія, римскихъ легіоновъ, находившихся въ Германіи подъ начальствомъ П. Квинктилія Вара (Тацита Лѣт. II. 45. I. 60. слѣд).

Законами lex Iulia и Papia Poppaea de maritandis ordinibus прежнія распоряженія къ развитію охоты брачныхъ союзовъ приведены въ порядокъ и исправлены, при чемъ увеличены награды семейнымъ, а наказанія для холостыхъ смягчены. (Annl. III. 25).

Отъ построенія Рима 762-й, по Р. X. 10-й годъ. Тиберій отправляется на Рейнъ—принять мѣры къ охранѣ границъ Имперіи отъ вторженія Германцевъ.

Отъ построенія Рима 763-й, по Р. X. 11-й годъ. Тиберій съ Германикомъ переходятъ Рейнъ и производятъ опустошительный набѣгъ во внутрь Нижней Германіи.

Отъ построенія Рима 764-й, по Р. X 12-й годъ. У Гер-

маника и Агриппины родится сынъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся императоромъ подъ именемъ Калигулы (его настоящее имя было Кай Цезарь). (Лѣтопись Тацита 1. 33. 41).

Отъ построенія Рима 765-й, по Р. X. 13-й годъ. Тиберій посланъ Августомъ въ Иллирію и тотъ его провожаетъ до Беневента. Въ Кампаніи Августъ дѣлается больнымъ и умираетъ въ Нолѣ 19 августа.

СВѢДѢНІЯ О СЕМЕЙСТВѢ И РОДСТВЕННЫХЪ ОТНОШЕНІЯХЪ АВГУСТА (ОКТАВІАНА ЦЕЗАРЯ).

1. К. Юлій Октавіанъ Августъ (смотри выше обозрѣніе къ 44-му году) имѣлъ двѣ сестры; обѣ назывались Октавіями.

Младшая Октавія, сначала супруга К. Марцелла, имѣла отъ него М. Марцелла; послѣ смерти перваго мужа (обозрѣніе 1 къ 40-му году), сдѣлалась женою тріумвира М. Антонія, имѣвшаго прежде въ замужествѣ Фульвію, умершую въ этомъ же году.

Фульвія, прежде замужества съ М. Антоніемъ, имѣла двухъ мужей,—перваго П. Клодія и отъ него дочь Клодію. Отъ М. Антонія родила Фульвія сына Юла Антонія, который во 2-мъ году до Р. X. вынужденъ былъ лишить себя жизни какъ обольститель дочери Августа—Юліи.

Отъ брака Октавіи съ М. Антоніемъ произошли двѣ дочери, старшая и младшая Антоніи.

2. Августъ былъ женатъ три раза: первый разъ на Клодіи, дочери Фульвіи и извѣстнаго демагога П. Клодія, съ которымъ враждовалъ Цицеронъ, потомъ на Скрибоніи, наконецъ на Ливіи; съ обѣими первыми онъ развелся.

Только отъ втораго брака имѣлъ Августъ дѣтей. Скрибонія родила Юлію старшую.

Ливія, прежде замужества съ Августомъ, была женою Тиберія Клавдія Нерона, (обозрѣніе къ 38-му году до Р. X.). Отъ него имѣла она двухъ сыновей—Тиберія и Друза.

3. Августъ дочь свою Юлію отдаетъ въ замужество за

М. Марцелла, сына своей сестры; отъ этого брака, сколько намъ извѣстно, дѣтей не было.

Когда Марцеллъ умеръ, Августъ дочь свою Юлію отдалъ замужъ за М. Випсанія Агриппу.

Отъ этого брака родились три сына: Кай Цезарь, Луцій Цезарь и Агриппа Постумъ, а также двѣ дочери Юлія младшая и Агриппина.

Послѣ смерти Агриппы, Тиберій, пасынокъ Августа и сынъ Ливіи отъ перваго ея брака съ Тиберіемъ Клавдіемъ Нерономъ, вынужденъ взять въ замужество вдову Марцелла и Агриппы—Юлію; отъ этого брака дѣтей не было.

4. Ливія, третья жена Августа, имѣла двухъ сыновей Тиберія и Друза.

Тиберій имѣлъ первою женою Випсанію Агриппину, происшедшую отъ перваго брака М. Агриппы, того самаго, что впослѣдствіи женатъ былъ на Юліи, дочери Августа, съ Помпоніею, дочерью римскаго всадника Помпонія Аттика, пріятеля Цицерона.

Отъ брака Тиберія съ Випсаніею Агриппиною родится сынъ Друзъ младшій.

Друзъ старшій, второй сынъ Ливіи, вступаетъ въ бракъ съ Антоніею младшею.

Отъ этого брака произошли Германикъ, Ливія младшая, обыкновенно называемая Ливилла, Юлія, впослѣдствіи въ замужествѣ за Рубелліемъ Бландомъ и Клавдій, наслѣдовавшій достоинство императора послѣ Калигулы.

Германикъ женился на Агрипинѣ, дочери Юліи и М. Випсанія Агриппы. Сестра его Ливилла (Ливія младшая) дѣлается сначала супругою Кая Цезаря, а потомъ младшаго Друза.

Отъ брака Германика съ Агриппиною произошли три сына: Неронъ, умерщвленный Тиберіемъ, Друзъ по его же приказанію лишенный жизни голодомъ (Ann. VI. 24), Калигула, наслѣдовавшій послѣ Тиберія достоинство им-

ператора, и двѣ дочери—Агриппина младшая, Друзилла, умершая женою Эмилія Лепида и Юлія Ливилла, умерщвленная по приказанію дяди ея Клавдія.

Друзъ младшій, сынъ Тиберія, имѣетъ отъ Ливіи, сестры Германика, на которой онъ женился послѣ смерти К. Цезаря, трехъ дѣтей—дочь и двухъ сыновей, изъ которыхъ первый, названный Германикомъ, по Тациту (Лѣтопись IV. 15), умеръ въ 25 году по Р. Х., а другой былъ тотъ Тиберій, которому императоръ Тиберій предоставилъ одинаковое съ Калигулою послѣ себя право на наслѣдованіе императорскимъ званіемъ. (Тацита Лѣтопись VI. 46).

Младшую Антонію еще въ дѣтствѣ отецъ ея, М. Антоній сосваталъ съ Л. Домиціемъ Агенобарбомъ, о которомъ упомянули мы въ предшествовавшемъ обозрѣніи къ 6-му году передъ Рожд. Хр.

Отъ этого брака произошелъ Кн. Домицій Агенобарбъ, котораго Тиберій женилъ на Агриппинѣ младшей (дочери Германика) См. Тацита, лѣтопись 18. 75.

У Кн. Домиція Агенобарба и младшей Агриппины родится сынъ Домицій Неронъ, впослѣдствіи императоръ.

8. Клавдій, сынъ старшаго Друза имѣлъ третьею женою Валерію Мессалину, а отъ нея сына Британника и дочь Октавію (См. Тацита лѣтопись XI, 1. слѣд.)

Послѣ насильственной смерти Мессалины, горячо любимой Клавдіемъ, но не знавшей мѣры распутству, онъ женится на дочери брата (Германика) Агриппинѣ, что даже въ Римѣ считалось преступнымъ.

Домицій Неронъ, сынъ Агриппины отъ перваго брака, усыновленъ Клавдіемъ и получилъ въ замужество Октавію, дочь Клавдія и Мессалины. Неронъ гибнетъ жертвою возмущенія, вызваннаго его безумными распоряженіями, не оставивъ дѣтей, и съ Нерономъ совершенно прекратился родъ Юлія Цезаря диктатора и Октавіана Августа, перваго безсмѣннаго императора народа Римскаго.

ВВЕДЕНІЕ КЪ ИСТОРИЧЕСКИМЪ ЗАПИСКАМЪ ТАЦИТА.

1. Сервій Сульпицій Гальба, преемникъ Нерона въ управленіи Римскою имперіею, имѣлъ уже шестьдесятъ три года отъ роду, когда достигъ верховной власти. Происхожденіемъ по отцу и матери, принадлежалъ онъ къ древнѣйшимъ и знатнѣйшимъ фамиліямъ патриціевъ, а это, вмѣстѣ съ огромными богатствами, придавало особенное значеніе человѣку въ Римѣ.—Гальба, своею служебною дѣятельностью въ Германіи и Африкѣ, пріобрѣлъ славу хорошаго полководца и правителя; вслѣдствіе родственныхъ отношеній къ Ливіи, супругѣ Августа, достигъ онъ Консульства и составилъ себѣ репутацію человѣка строгаго, справедливаго, любящаго порядокъ. Онъ былъ женатъ только разъ, и когда у него умерли и жена и дѣти, то онъ оставался вдовцемъ, несмотря на то, что много знатнѣйшихъ женщинъ римскихъ искали съ нимъ союза. Даже Агриппина, мать Нерона, впослѣдствіи жена императора Клавдія (послѣ Мессалины) когда мужъ ея Домицій умеръ, такъ явно и усердно ухаживала за Гальбою, что мать ея Лепида въ собраніи женщинъ ругала ее за это и даже побила. Когда императоръ Кай-Калигула погибъ насильственною смертью, то Гальба получалъ отъ многихъ приглашенія явиться претендентомъ на званіе императора; но онъ оставался спокойнымъ и вслѣдствіе этого полюбился очень

Клавдію, сдѣлавшемуся императоромъ; онъ его приблизилъ къ себѣ и принялъ въ число самыхъ интимныхъ друзей. Когда Неронъ сдѣлался императоромъ, но еще не обнаруживалъ той, какую впослѣдствіи, подозрительности ко всѣмъ замѣчательнымъ людямъ, Гальба былъ сдѣланъ правителемъ Испаніи. Сначала дѣйствовалъ онъ строго до крайности, но мало-по-малу сдѣлался все тише и умѣреннѣе, по мѣрѣ того какъ развивались и сильнѣе становились у Нерона припадки раздраженія и недовѣрчивости. Восемь лѣтъ оставался Гальба въ Испаніи правителемъ и въ послѣднее время сдѣлался совершенно безпечнымъ и недѣятельнымъ. Онъ говаривалъ: если я ничего не дѣлаю, то никому отвѣчать не обязанъ. Впрочемъ это самое сдѣлало его любимымъ въ управляемой имъ области, такъ какъ жители ея имѣли передъ глазами примѣры другихъ намѣстниковъ Нерона, дѣйствовавшихъ съ жестокостью и жадностью. Нравилось Испанцамъ и то, что Гальба не преслѣдовалъ и какъ будто-бы не зналъ насмѣшливыхъ пѣсенъ, сложенныхъ про Нерона и бывшихъ въ устахъ всѣхъ и каждаго. Съ другой стороны, первымъ предложеніямъ и увѣщанія Виндекса онъ не внималъ вовсе и оставлялъ ихъ безъ вниманія и отвѣта, между тѣмъ какъ другіе Нероновы уполномоченные въ Испаніи, къ которымъ Виндексъ также посылалъ письма, отсылали ихъ къ Нерону, чтобы тѣмъ доказать свое къ нему усердіе; а въ послѣдствіи (послѣ его паденія и смерти), выставляли свои дѣйствія такъ, какъ будто-бы они работали за Виндекса.

Светонія жизнь Гальбы, 1—9, Плутарха, жизнь Гальбы, 1—4. 8. Діонъ Кассій, 64. 1. 2.

2. Гальба уступилъ вторичному, болѣе настоятельному вызову Виндекса и вступилъ съ нимъ въ союзъ. Когда самъ Виндексъ въ скоромъ времени погибъ, то Гальба пришелъ въ ужасъ: уже не до верховной власти было ему, за свою жизнь онъ опасался. Робѣлъ онъ не только пе-

редъ гнѣвомъ Нерона, но и передъ тѣмъ, что Клодій Мацеръ въ сосѣдственной Африкѣ собиралъ силы, чтобы обезпечить за собою независимую власть; въ особенности тревожило его воодушевленіе Германскаго войска за Віргинія Руфа. Къ нему Гальба писалъ и приглашалъ его дѣйствовать съ нимъ за одно, а предоставить сенату и народу Римскому полную волю распорядиться участью верховной власти. Вдругъ въ Испанію является неожиданно служитель Гальбы изъ отпущенниковъ по имени Икелъ. Въ семь дней прибылъ онъ изъ Италіи и принесъ извѣстіе, что при его отъѣздѣ изъ Рима Неронъ гдѣ-то спрятался и былъ еще въ живыхъ, но что сначала войска, а потомъ сенатъ и народъ—Гальбу провозгласили императоромъ. А немного времени спустя получено извѣстіе о смерти Нерона. Такимъ образомъ опасенія и тревоги Гальбы смѣнились радостью и успокоеніемъ. Принесшій такое пріятное извѣстіе Икелъ сдѣланъ всадникомъ Римскимъ и переименованъ въ Марціана; впрочемъ такое возвышеніе отпущенника крайне было непріятно всѣмъ, и его новаго званія и имени никто признавать не хотѣлъ. Еще очень неловко было со стороны новаго императора то, что онъ, какъ бы самъ не вѣря своему возвышенію, совершилъ весь переходъ отъ Испаніи въ Римъ въ сопровожденіи войска снаряженнаго и готоваго на бой, какъ будто дѣло шло о борьбѣ съ кѣмъ-либо, а не о пути черезъ мирныя провинціи, гдѣ Гальба вездѣ былъ признанъ императоромъ. Между тѣмъ какъ Гальба шелъ черезъ Галліи, у города Нарбона встрѣтилъ онъ депутацію Римскаго сената, просившую его ускорить прибытіемъ въ Римъ, гдѣ его ждутъ съ нетерпѣніемъ. Гальба встрѣтилъ депутатовъ весьма привѣтливо, угощалъ ихъ на свой собственный счетъ. Сначала онъ уклонялся отъ пользованія средствами и запасами своего предшественника, которыя ему въ величайшемъ избыткѣ переслалъ въ Галлію Ним-

фидій Сабинъ, главный начальникъ преторіанскихъ солдатъ. Впрочемъ приближенный и довѣренный Гальбѣ человѣкъ, Титъ Виній, скоро убѣдилъ Гальбу щадить свое собственное достояніе и не брезгать остатками Нерона, хотя все это было добычею хищенія и насильства. Скупость, врожденная Гальбѣ, не замедлила его испортить. Тутъ М. Сальвій Отонъ, впослѣдствіи соперникъ и врагъ Гальбы, присоединился къ нему до того повидимому искренно, что, не имѣя денегъ и погрязнувъ въ долгахъ для того, чтобы имѣть возможность поддержать первое выступленіе Гальбы въ качествѣ императора, отдалъ обратить въ монету всю свою серебрянную и золотую посуду. Вергиній Руфъ тенерь уже нисколько не озабочивалъ новаго императора. Начальникъ легіона Германскаго войска Фабій Валенсъ привелъ подчиненныхъ ему воиновъ къ присягѣ, а Вергиній Руфъ съ твердостью отказался отъ новыхъ и усиленныхъ требованій войска (чтобы онъ выступилъ императоромъ). А когда получено было извѣстіе о сенатскомъ декретѣ въ пользу Гальбы, то Валенсъ, хотя не безъ большихъ трудовъ и усилій, заставилъ все войско присягнуть ему (Гальбѣ). Тотъ поручилъ главное начальство надъ Германскимъ войскомъ Гордеонію Флакку, а по прибытіи его Вергиній Руфъ отправился къ Гальбѣ.

Светоній, Гальба, 9. 11. Плутархъ, Гальба 6. 7. 10. 20. Тацита Истор. Зап: 1. 7. 13.

3. Между тѣмъ въ Римѣ вся власть управленія находилась въ рукахъ префекта Нимфидія Сабина безо всякаго сомнѣнія потому, что Тигеллинъ, другой начальникъ преторіанцевъ, былъ уже слишкомъ ненавистенъ своими дѣйствіями при Неронѣ, чтобы и теперь играть ту же роль, что и тогда. Нимфидій зналъ, что въ войскахъ и въ народѣ, избалованныхъ, хотя и безразсудными, ласкою и милостями Нерона, есть еще много о немъ сожалѣнія, а что къ Гальбѣ не лежитъ ничье сердце, такъ какъ всѣ знали

его суровый, мрачный, болѣе къ строгости расположенный характеръ и его страшную скупость; такая строгость и скупость были не въ нравахъ тогдашняго Рима, любившаго весело пожить, и преимущественно, если не исключительно, на чужой счетъ. Нимфидій замышлялъ все это обратить въ свою пользу и сдѣлаться самому мстителемъ за Нерона и императоромъ. Онъ разчитывалъ какъ на благопріятный для себя слухъ ходившій въ Римѣ, будто бы онъ Нимфидій—сынъ побочный бывшаго императора Кая-Цезаря Калигулы. О Гальбѣ Нимфидій говорилъ приближеннымъ, какъ о человѣкѣ ослабѣвшемъ, дряхломъ отъ старости; разсказывалъ, что онъ и до Рима добраться можетъ только на носилкахъ. Въ виду своихъ замысловъ, Нимфидій старался расположить къ себѣ умы подчиненныхъ ему солдатъ. Въ сенатѣ, по всей вѣроятности, Нимфидій имѣлъ хотя тайную, но сильную партію. Это можно замѣтить изъ того, что сенатъ не упускалъ никакого случая—почтить его и увеличить его силу и значеніе. Каждый сенатскій декретъ долженъ былъ восходить къ нему и отъ него получать окончательное утвержденіе и исполненіе. Сенатъ счелъ даже нужнымъ высказать ему признательность за его труды и заслуги въ пользу общественнаго дѣла. По утрамъ толпа сенаторовъ являлась на поклонъ къ Нимфидію, какъ бы къ самому императору. Консулы сенатскіе декреты послали къ Гальбѣ съ урядникомъ государственнымъ и къ патенту (открытому листу), которымъ всѣмъ властямъ предписывалось давать лошадей и оказывать содѣйствіе ѣхавшему, приложили свои собственныя печати. Все это возбудило и неудовольствіе и подозрительность Нимфидія; по его мнѣнію, нужно было тутъ употребить его печать и его солдатъ. Консулы, узнавъ о раздраженіи Нимфидія, искренно ли, притворно ли выжидая удобнаго случая, испугались будто бы, старались его умилостивить и просили о прощеніи. Дѣйствуя уже прямо къ достиженію предположен-

ной имъ цѣли—быть императоромъ, Нимфидій удалилъ своего товарища въ начальствѣ преторіанскихъ когортъ—Тигеллина. Еще горѣлъ костеръ, на которомъ лежалъ трупъ Нерона, когда Нимфидій уже перезвалъ къ себѣ эвнуха Спора и съ того времени держалъ его при себѣ въ качествѣ жены; онъ ее называлъ и своею Поппеею (имя любимой жены Нерона). Всѣми средствами старался Нимфидій увеличить число своихъ приверженцевъ, и они—въ числѣ ихъ находились даже женщины—трудились усердно за него.

Еще Гальба находился въ Испаніи, какъ Нимфидій послалъ къ нему туда одного изъ своихъ самыхъ близкихъ друзей—Гелліена; онъ долженъ былъ доносить Нимфидію о всемъ, что дѣлалось и говорилось при дворѣ новаго императора, и дѣйствовать тамъ въ его интересахъ. Опередивъ Гальбу, Гелліенъ изъ Галліи пріѣхалъ къ Нимфидію и принесъ извѣстіе, что новый императоръ начальникомъ преторіанцевъ назначилъ Корнелія Лакона, что Гальбу все болѣе и болѣе забираетъ въ свои руки и подчиняетъ своему вліянію Титъ Виній и что ему, Нимфидію, не предвидится возможности играть первенствующую, или по-крайней мѣрѣ значительную, роль при дворѣ новаго императора. Вслѣдствіе этого Нимфидій предложилъ трибунамъ и сотникамъ преторіанцевъ сдѣлать представленіе императору о томъ, чтобы онъ удалилъ отъ себя Лакона и Винія, какъ личности, народомъ нелюбимыя. Въ этомъ Нимфидій не успѣлъ; тогда онъ написалъ отъ себя къ Гальбѣ о тревожномъ положеніи умовъ въ Римѣ, о затрудненіяхъ вслѣдствіе того, что Клавдій Мацеръ, покушаясь отложиться въ Африкѣ, остановилъ оттуда подвозы хлѣба, что германскія войска расположены къ возстанію, и что войска, находящіяся въ Сиріи и Іудеѣ, также мало надежны. Гальба не обратилъ никакого вниманія на его совѣты и представленія. Тогда Нимфидій рѣшился дѣйствовать открыто, не-

смотря на убѣжденія друзей, не предсказывавшихъ ничего добраго. Онъ уговорился съ своими приверженцами изъ числа преторіанцевъ—собрать ихъ всѣхъ около полуночи, и тутъ они должны были провозгласить Нимфидія императоромъ. Военный трибунъ преторіанцевъ—Антоній Гоноратъ, вѣроятно зная объ умыслѣ Нимфидія, упредилъ его; еще вечеромъ собралъ онъ легіонъ и высказалъ воинамъ, какъ постыдно будетъ имъ, измѣнивъ уже разъ Нерону въ пользу Гальбы, промѣнять и его, ими же избраннаго и еще ни чѣмъ не успѣвшаго провиниться, на Нимфидія. Всѣ воины этого легіона обѣщались остаться вѣрными Гальбѣ и согласили на то же и большую часть остальныхъ преторіанцевъ. Нимфидій въ условленное время явился изъ Рима къ лагерямъ въ сопровожденіи многихъ служителей, несшихъ факелы; ему Цингоній Варро сочинилъ рѣчь, которую онъ долженъ былъ произнесть къ воинамъ и на успѣхъ которой онъ сильно разсчитывалъ. Въ лагеряхъ слышались крики воиновъ, но ворота были заперты. Тутъ Нимфидій спросилъ караульныхъ, находившихся у воротъ и на стѣнахъ, что бы это значило и зачѣмъ изготовлено оружіе. Ему отвѣчали, что воины признали Гальбу и собираются оружіемъ защищать его. Нимфидій просилъ впустить его со свитою; его послушали, но тутъ же полетѣлъ въ толпу окружавшихъ Нимфидія дротикъ; его одинъ изъ приближенныхъ Нимфидія принялъ на щитъ. Это было сигналомъ сторонниковъ Гальбы; съ обнаженными мечами бросились они на Нимфидія и его окружавшихъ; онъ пустился бѣжать, но его догнали и убили (Плутарха, Гальба 8. 9. 13. 14).

4. Еще находясь на пути, Гальба повелѣлъ казнить всѣхъ соучастниковъ въ замыслѣ Нимфидія; такимъ образомъ погибнуть долженъ былъ и Цингоній Варро за то, что сочинилъ Нимфидію рѣчь, которою онъ надѣялся задобрить воиновъ. Тутъ же Гальба—тѣ изъ городовъ Испа-

ніи и Галліи, которые медлили его признаніемъ въ санѣ императора, наказалъ наложеніемъ значительныхъ денежныхъ контрибуцій, а частью и разрушеніемъ стѣнъ. Значительнѣйшія лица этихъ городовъ преданы казни и съ женами и дѣтьми. Гальба до того обнаруживалъ корыстолюбіе и постыдную жадность къ деньгамъ, что когда городъ Тарракона поднесъ ему золотой вѣнокъ, взятый изъ храма Юпитера, вѣсомъ въ пятнадцать фунтовъ, то Гальба приказалъ растопить его, взвѣсить слитокъ, и такъ какъ трехъ унцій не доставало до объявленнаго вѣса, то деньги за нихъ строго требовалъ съ города. Эти слухи о жестокости и корыстолюбіи Гальбы опередили его прибытіе въ Римъ; а непомѣрная и неловкая жестокость, обнаруженная имъ при вступленіи въ Римъ, произвела самое тяжелое впечатлѣніе, оттолкнула отъ него сердца всѣхъ и приготовила ему близкую гибель. Флотскіе солдаты, изъ которыхъ Неронъ началъ было составлять легіонъ, стояли густыми толпами по дорогѣ, когда Гальба подходилъ къ городу и находился отъ него на разстояніи не болѣе часа ѣзды. Они окружили императора толпою и съ громкими криками просили его даровать имъ орла и окончательно сформировать ихъ въ легіонъ. Гальба велѣлъ имъ явиться къ себѣ въ другой разъ съ этою просьбою; но они изъ его словъ замѣтили его намѣреніе обратить ихъ снова на морскую службу. Тутъ они начали шумѣть, кричать съ угрозами, а нѣкоторые даже обнажили мечи. Тогда Гальба отдалъ приказаніе окружавшей конницѣ изрубить ихъ. Земля обагрилась кровью убитыхъ. Не удовольствовался этимъ Гальба и изъ остальныхъ велѣлъ десятаго предать казни. Воиновъ изъ Германцевъ, составлявшихъ при прежнихъ императорахъ ихъ личную стражу, Гальба по прибытіи немедленно распустилъ и отправилъ на родину безо всякаго награжденія. Помѣщенія этихъ воиновъ находились по близости садовъ Корнелія Долабеллы и ихъ

заподозрили въ расположеніи къ этому во всѣхъ отношеніяхъ достойному человѣку. Онъ былъ знатнаго и древняго рода и его общее мнѣніе готовило на ряду съ Сальвіемъ Отономъ въ преемники Гальбы. Къ удовольствію людей лучшихъ, Гальба казнилъ близкихъ къ Нерону, служившихъ исполнителями его преступныхъ замысловъ,— Гелія, Нарцисса, Поликлита, Петина и Патробія, а также извѣстную отравительницу Локусту. Но за то оставилъ Гальба въ живыхъ ненавистнаго народу исполнителя злодѣяній Нерона, Тигеллина, и Галота, о которомъ общее мнѣніе было таково, будто бы онъ поднесъ ядъ Клавдію. Говорили, что Титъ Виній, взявъ огромныя деньги съ этихъ двухъ личностей, защитилъ ихъ передъ Гальбою. Около него сформировался тріумвиратъ изъ Винія, Корнелія Лакона и Икела, имѣвшій на него всесильное вліяніе. Гальба, въ душѣ, желалъ добра и чести отечеству, но эти совѣтники дѣлали изъ него что хотѣли, и часто Гальба дѣйствовалъ совершенно несогласно съ своими убѣжденіями. Такая его личная близорукость относительно собственныхъ пользъ и излишнее довѣріе къ недостойнымъ людямъ погубили этого императора, несмотря на его многія добрыя качества.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ

ТАЦИТА.

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ЕГО СІЯТЕЛЬСТВУ

ГРАФУ СЕРГІЮ ГРИГОРЬЕВИЧУ

СТРОГОНОВУ.

Ваше сіятельство

Милостивѣйшій графъ!

Будущій историкъ народнаго образованія въ Россіи скажетъ о томъ благотворномъ вліяніи, какое ваше сіятельство имѣли на успѣшное развитіе истиннаго образованія въ бытность вашу попечителемъ Московскаго Учебнаго Округа. Я скажу только о себѣ. Все мое воспитаніе совершилось въ бытность вашу попечителемъ. Мое усердіе къ занятіямъ обратило на меня тогда же лестное вниманіе вашего сіятельства и съ того времени ваше благосклонное вліяніе постоянно дѣйствовало на меня. Если что и поддерживало меня въ моихъ трудахъ столь громадныхъ (по крайней мѣрѣ хоть по объему), что они едва подъ силу дѣятельности одного человѣка, то это болѣе всего ваше ласковое слово поощренія и одобренія; а нѣкоторые ученые труды мои даже внушены собственно вами. Въ душѣ моей всѣ мои ученые труды посвящены вашему сіятельству. Но теперь, передавъ на Русскій языкъ сочиненія Тацита, лучшее изъ произведеній

Римской письменности, беру на себя смѣлость гласно посвятить этотъ новый, и по всей вѣроятности послѣдній, трудъ мой — вамъ, какъ выраженіе чувствъ глубокаго благоговѣнія къ высокимъ достоинствамъ вашего сіятельства и признательности за то милостивое вниманіе, которое вы не оставляли удѣлять мнѣ и трудамъ моимъ.

Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершеннѣйшею преданностью

честь имѣю быть
вашего сіятельства
покорнѣйшимъ слугою
А. *Клевановъ*.

Москва.
1-го Мая 1870 г.

К. КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ

КНИГА ПЕРВАЯ.

Содержаніе: 1. Предисловіе.—Автора достоинство, лѣта, намѣреніе.—2. 3. Сущность предстоящаго историческаго изложенія.—4. 5. Положеніе города, расположеніе войскъ, видъ провинцій по убіеніи Нерона.—Нимфидій, стремясь къ верховной власти, погибаетъ.—6. 7. Гальбу дѣлаютъ ненавистнымъ его жестокость, лѣта, самая наружность и пороки его друзей.—8. 9. Положеніе Испаніи, Галліи, Германскихъ войскъ, Британіи, Иллирика.—10. Въ Сиріи Муціана доблести и пороки. Фл. Веспасіата, который велъ войну съ Іудеями, образъ мыслей о Гальбѣ.—11. Египта, Африки, Мавретаніи, Реціи, Норика, Ѳракіи, Италіи положеніе въ консульство Гальбы и Винія.

12. Съ отпаденіемъ войскъ Верхней Германіи, Гальба думаетъ объ усыновленіи Цезаря.—13. Виній расположенъ въ пользу Оттона, но не такъ Лако и Ицелъ.—14. Гальба, по окончаніи выборовъ имперскихъ, назначаетъ Пизона, человѣка старинной нравственности и суроваго; ему 15. 16. открываетъ причины усыновленія и планъ управленія имперіею.—17. Умѣренность Пизона при этомъ.—18. Усыновленіе утверждено въ лагерѣ 19. затѣмъ въ сенатѣ.—Послы отправлены къ отпавшимъ.—20. Отмѣнены безумно щедрыя раздачи Нерона.

21. Оттонъ, лишась надежды, ищетъ смутъ.—22. Подущаетъ рабовъ, отпущенниковъ, математиковъ, 23. 24. усердіе воиновъ было уже заранѣе задобрено ласками и подарками, а начальникъ ихъ (префектъ) все еще колебался.—25. 26. Уже и легіоны и вспомогательныя войска за Оттона. 27. Вслѣдъ затѣмъ привѣтствованъ онъ императоромъ и 28. внесенъ въ преторіанскій лагерь.

29. 30. Пизонъ когорту, содержавшую караулы во дворцѣ, убѣждаетъ оставаться вѣрною.—31. Она готовитъ значки, но всѣ остальныя когорты измѣнили. — 32. 33. Льстивость и легкомысліе черни. Гальба совѣтуется въ нерѣшительности съ друзьями—идти ли навстрѣчу?—34. Пи-

зонъ отправленъ въ лагерь. Ложный слухъ объ убіеніи Оттона.—35. Народъ и сенатъ расположены къ Гальбѣ, 36. а лагери къ—Оттону.—37. 38. Онъ рѣчью воиновъ располагаетъ къ себѣ, а дѣлаетъ враждебными Гальбѣ и Пизону. Раздаетъ воинамъ оружіе.—39. Лако задумываетъ убійство Винія.—40. Гальба колеблется, народъ въ нерѣшительности. Приверженцы Оттона врываются на форумъ.—41. Гальба оставленъ и убитъ,—42. за нимъ и Виній.—43. Семпронія Денза вѣрность. Пизонъ убитъ.—44. Сильная радость Оттона. Требующіе награды за убійства впослѣдствіи умерщвлены Вителліемъ.—45. Льстятъ сенатъ и народъ побѣдителю Оттону, а тотъ самъ не въ состояніи сдержать неистовство воиновъ.—46. Они просятъ отмѣнить отпуски за деньги.—Лако и Ицелъ убиты.—47. Пизона и Т. Винія похороны.—48. Похвала, завѣщаніе.—49. Гальбы похороны, лѣта, знатность, нравственность, заслуги.

50. Смущенный городъ приводитъ въ ужасъ новое извѣстіе о Вителліѣ.—Нѣкоторые уже составляютъ предположенія относительно Веспасіана.—51. Начало Вителліева движенія какъ послѣдствіе войны Виндекса и возникшихъ отъ нея раздоровъ между легіонами и Галлами.—52. 53. Вителлій, отъ природы безпечный, подущенъ къ перевороту Валентомъ и Цециною легатами.—54. 55. Легіоны и той и другой Германіи слагаютъ съ себя вѣрность Гальбѣ,—56. на что равнодушно смотритъ легатъ Гордеоній Флаккъ.—57. Валентъ поздравляетъ Вителлія императоромъ при сильномъ усердіи воиновъ.—58. По ихъ требованію многіе убиты.—59. Юлій Цивилисъ избѣгаетъ опасности. Со всѣхъ сторонъ получивъ сильныя подкрѣпленія 60. среди позорныхъ несогласій между легатами 61. отправляетъ въ Италію два войска.—62. Лѣнится Вителлій; пылкость и сила воиновъ сами исполняютъ обязанности вождя.—63. Внезапнымъ бѣшенствомъ охваченное войско съ трудомъ удержалось отъ разрушенія Диводура.—Ужасъ овладѣваетъ Галліями.—64. Онѣ пристаютъ къ Виттеллію.—65. Жители Лугдуна, вслѣдствіе старинной ненависти, подущаютъ воиновъ на гибель Віенны.—66. Впрочемъ они умилостивлены дарами и мольбами. Валенса корыстолюбіе и похотливость.—67. 68. Гельветіевъ, не согласившихся признавать власть Вителлія, Цецина, жаждая войны, поражаетъ.—69. Городъ Авентикъ съ трудомъ испрашиваетъ себѣ безопасность и безнаказанность.—70. Часть Италіи принимаетъ сторону Вителлія и Цецина переходитъ Альпы.

71. Оттонъ благоразумно ведетъ себя, прощаетъ Марію Цельсу.—72. Тигеллинъ позорную жизнь оскверняетъ безчестнымъ концомъ.—73. Кальвія Криспинилла избавлена отъ опасности къ дурной объ Оттонѣ молвѣ.—74. Государи взаимно предлагаютъ себѣ условія, потомъ поссорясь попрекаютъ другъ друга пороками и 75. Засылаютъ злоумышленниковъ.—76. Между тѣмъ и другимъ государемъ раздѣлились провинціи и войска, неизбѣжна война.—77. Оттонъ дѣйствуетъ какъ императоръ, почести, 78. права гражданства, милости раздаетъ. Думаетъ о прославленіи памяти Нерона.

79. Сарматы Роксоланы при вторженіи въ Мезію поражены.—80.—82. Сильное возмущеніе, неожиданно возникшее въ самомъ городѣ, къ большому страху и опасности первыхъ лицъ въ государствѣ, утишено мольбами и

слезами Оттона, и онъ 83. 84. убѣждаетъ воиновъ быть единодушными и умѣренными.—85. Несмотря, что это улажено, все полно подозрѣній и опасеній, особенно въ страхѣ сенатъ.—86. Чудныя явленія, предвѣщающія паденіе Оттона.—87. Онъ, очистивъ городъ, рѣшается отправиться въ Нарбонскую Галлію и 88. вмѣстѣ съ многими знатными лицами ведетъ съ собою и Л. Вителлія, брата своего соперника.—89. Разныя вслѣдствіе этого впечатлѣнія умовъ.—90. Поручивъ сенату веденіе общественныхъ дѣлъ, Оттонъ спѣшитъ на войну. Оттонъ пользуется краснорѣчіемъ Трахалиса, толки о немъ народа и расположеніе къ нему. Дѣлалось все это въ теченіи немногихъ мѣсяцевъ въ консульство имп. Серв. Гальбы и Т. Винія.

I. Начало моего труда будетъ съ консуловъ Сер. Гальбы вторично и Т. Винія; а что касается до протекшихъ съ основанія города семисотъ двадцати прежняго (періода) вѣка лѣтъ, многіе писатели изложили ихъ, когда дѣянія народа Римскаго приводимы были на память съ одинаковыми и краснорѣчіемъ, и свободою. А когда совершилось Актійское сраженіе и въ видахъ спокойствія признали полезнымъ всю власть сосредоточить на одномъ лицѣ, тѣ великія дарованія изчезли. И истина пострадала во многихъ отношеніяхъ; во-первыхъ отъ незнанія дѣлъ общественныхъ, какъ уже чуждыхъ, потомъ отъ стремленія поддѣлаться, а съ другой стороны, вслѣдствіе ненависти противъ властителей. Заботы о потомствѣ не было ни тѣмъ ни другимъ, ни враждебно-расположеннымъ, ни подобострастнымъ. Но легко замѣтить стремленія писателя: желаніе унизить и зависть находятъ готовый имъ слухъ, такъ какъ лести присуще позорное обвиненіе въ рабствѣ, а злости—ложный видъ свободы. Мнѣ-Гальба, Оттонъ и Вителлій незнакомы ни благодѣніемъ, ни обидою. Достоинство мое началось съ Веспасіана, увеличено Титомъ, получило дальнѣйшій ходъ отъ Домиціана,—отрицать этого не стану, но обязавшись быть неподкупно вѣрнымъ, о каждомъ изъ нихъ скажу и не подъ вліяніемъ любви и безъ ненависти. Если достанетъ моей жизни, то изложеніе государствованія божественнаго Нервы и правленіе Трояна оставляю до старости, при рѣдкомъ благополучіи времени когда можно—мыслить какъ хочешь, и мысли свои высказывать свободно.

II. Принимаюсь за трудъ, богатый событіями жестокихъ битвъ, раздоровъ и возмущеній, и самый миръ былъ какой-то свирѣпый. Четыре государя умерщвлены оружіемъ; три междуусобныхъ войны, много внѣшнихъ и большею частью и тѣ и другія перемѣшались вмѣстѣ. Дѣла, благополучныя на Востокѣ, на Западѣ шли несчастливо. Смуты въ Иллирикѣ, колебаніе въ Галліяхъ: Британія усми-

рена и тотчасъ же оставлена; поднялись на насъ племена Сарматовъ и Свевовъ; Дакъ прославленъ взаимнымъ урономъ. Близко подвинулось оружіе Парѳовъ отъ ложной насмѣшки Нерона. Италія сдѣлалась жертвою бѣдствій небывалыхъ или возобновившихся послѣ длиннаго ряда вѣковъ. Города поглощены землею или обращены въ развалины на плодороднѣйшемъ берегу Кампаніи. Городъ (Римъ) опустошенъ пожарами, гдѣ погибли древнѣйшіе капища, самый Капитолій преданъ огню руками гражданъ. Осквернены священные обряды; вопіющій развратъ; море наполнено ссылочными, а скалы запятнаны убійствами. Еще сильнѣе свирѣпствовали въ городѣ. Знатность, богатство, пренебреженныя или полученныя почести—все это служило обвиненіемъ, а за добродѣтели грозила вѣрнѣйшая гибель. Не менѣе ненавистны награды доносчиковъ, какъ и ихъ преступленія, когда одни получали консульскія и священническія должности какъ добычу, другіе управленія дѣлами (государя) и внутреннее могущество, и все обращали къ верху дномъ отъ ненависти и ужаса. Подкуплены противъ господъ рабы, противъ хозяевъ отпущенники, и у кого не было враговъ, гибли отъ друзей. Но не до того вѣкъ былъ оставленъ добродѣтелью, чтобы не выказать и хорошихъ примѣровъ.

III. Сопровождали бѣжавшихъ дѣтей матери; слѣдовали за мужьями въ ссылку жены; родственники смѣлые, зятья постоянные; непоколебимая вѣрность рабовъ даже противъ мученій. Въ высшей степени стѣсненныя обстоятельства людей свѣтлыхъ; самая праздность, перенесенная съ твердостью, и кончины ихъ, соотвѣтствующія превознесеннымъ похвалами послѣднимъ минутамъ древнихъ. Кромѣ многообразныхъ случайностей дѣлъ человѣческихъ, чудесныя явленія на небѣ и на землѣ, небесныхъ грозъ внушенія-предвѣстія будущаго, радостныя, печальныя, двусмысленныя, явныя. И никогда еще болѣе жестокими бѣдствіями народа Римскаго и болѣе ясными доказательствами не обнаружено, что боги, нерадя о нашей безопасности, пекутся лишь о мщеніи (возмездіи).

IV. Впрочемъ, прежде чѣмъ приступлю къ изложенію задуманнаго, мнѣ кажется необходимо объяснить, каково положеніе города, расположеніе войскъ, внѣшній видъ провинцій, что на всемъ земномъ шарѣ было твердо и что болѣзненно, такъ чтобы ознакомиться не только съ случайностями и результатами, исходами событій, большею частью зависящими отъ случая, но и съ основаніями и причинами. Насколько пріятенъ былъ конецъ Нерона въ первомъ порывѣ радости, такъ условилъ онъ разнообразныя стрем-

ленія умовъ не только въ городѣ, у сенаторовъ, въ народѣ и въ городскомъ войскѣ, но и во всѣхъ легіонахъ и ихъ предводителяхъ; открылась тайна имперіи, что государя можно и въ другомъ мѣстѣ назначить кромѣ Рима. Съ своей стороны обрадованные сенаторы воспользовались съ большимъ увлеченіемъ свободою въ отношеніи къ Государю новому и находившемуся въ отсутствіи; главнѣйшіе изъ всадниковъ въ радости болѣе прочихъ сочувствовали сенаторамъ. Часть народа лучшая (ничему не причастная), но связанная отношеніями съ знатнѣйшими домами, кліенты и отпущенники осужденныхъ и изгнанниковъ воспламенились надеждами. Чернь презрѣнная, привычная къ цирку и театрамъ, вмѣстѣ съ послѣдними (худшими) изъ рабовъ и тѣми, которые, истративъ свое состояніе, жили насчетъ позорныхъ страстей Нерона, были печальны и жадно ловили всякій слухъ.

V. Воины городскіе, привыкшіе къ долговременной вѣрности цезарямъ, побуждены были оставить Нерона болѣе вслѣдствіе хитрости и въ первомъ порывѣ, чѣмъ по собственному убѣжденію; но видя, что имъ не выдали денежнаго подарка отъ имени Гальбы обѣщаннаго, и что великимъ заслугамъ и наградамъ не то же мѣсто въ мирѣ какъ на войнѣ, и что въ расположеніи государя, избраннаго легіонами, другіе ихъ предупредили, склонные къ перемѣнамъ, они были волнуемы преступнымъ стремленіемъ Нимфидія Сабина префекта, домогавшагося верховной власти для себя. И Нимфидій подавленъ при первомъ покушеніи; но хотя заговоръ и лишенъ главы, но большинство воиновъ имѣли его на совѣсти; не было недостатка и въ разговорахъ, гдѣ порицали старость и жадность Гальбы. Строгость его, когда-то предметъ похвалы, заслужившая извѣстность ему и славу, теперь стѣсняла пренебрегшихъ старинную дисциплину и такъ пріученныхъ Нерономъ въ теченіи уже 14 лѣтъ, что они не меньше любили пороки государей, какъ когото чтили доблести. Къ тому же распространилось выраженіе Гальбы въ отношеніи общественной пользы честное, но ему сомнительное: «набираетъ онъ воиновъ, а не покупаетъ». Это выраженіе шло вразрѣзъ со всѣмъ прочимъ.

VI. Т. Виній и Корнелій Лако — одинъ развращеннѣйшій изъ людей, а другой безпечнѣйшій—слабаго старика, которому въ тягость была ненависть къ порокамъ, губили достойнымъ презрѣнія бездѣйствіемъ. Медленъ былъ путь Гальбы и облитъ кровью вслѣдствіе убійства—Цингонія Варрона, нареченнаго консула, и Петронія Турпиліана, бывшаго консула; первый какъ единомышленникъ

Нимфидія, второй какъ полководецъ Нерона, погибли какъ бы невинные, не будучи выслушаны и не получивъ возможности защищаться. Входъ въ городъ по избіеніи столькихъ тысячъ безоружныхъ воиновъ, неблагополучный предвѣстіемъ, внушалъ опасеніе даже тѣмъ, которые были исполнителями убійствъ. Введенъ легіонъ Испанскій, оставался тотъ, который Нерономъ набранъ изъ моряковъ, и городъ наполнился войскомъ необычнымъ: къ тому же большое число воиновъ изъ Германіи, Британіи и Иллирика, которыхъ тотъ же Неронъ, выбравъ и пославъ впередъ къ тѣснинамъ Каспійскимъ на войну, которую готовилъ въ землѣ Албановъ, отозвалъ для подавленія начинаній Виндекса: все это давало богатую пищу переворотамъ: ни къ кому особенно не расположенные, они готовы были поддержать перваго смѣльчака.

VII. Случайно сдѣлалось, что одновременно пришло извѣстіе объ убіеніи Клодія Макра и Фонтея Капитона. Макра, явно возбуждавшаго смуты въ Африкѣ, Требоній Гаруціанъ, прокураторъ, по приказанію Гальбы; Капитона въ Германіи, замышлявшаго тоже, Корнелій Аквинъ и Фабій Валенсъ, легаты легіоновъ, умертвили еще до полученія приказанія. Нашлись люди того убѣжденія, что Капитонъ насколько опозоренный и замаранный жадностью и похотливостью, настолько воздержался отъ мысли затѣвать что-либо новое; но легаты склоняли его къ войнѣ и, не будучи въ состояніи убѣдить его сами, придумали коварное обвиненіе, а Гальба, по измѣнчивости мыслей или можетъ-быть самъ уклоняясь отъ пристальнаго изслѣдованія,—одобрилъ сдѣланное какъ бы то ни было, не будучи въ возможности измѣнить. Впрочемъ и то и другое убійство встрѣчено неблагопріятно, и ненавистному разъ государю все, и хорошо и дурно совершенное, обращается въ вину. Могущественные отпущенники уже предлагали все на продажу, рабы съ жадностью протягивали руки приходившимъ и какъ у старика торопились; новый дворъ имѣлъ все тѣ же (что и прежній) недостатки, одинаково ихъ чувствовали, но не такъ легко извиняли. Самая старость Гальбы была предметомъ насмѣшки и отвращенія для привыкшихъ къ молодости Нерона и дѣлавшихъ сравненіе между императорами въ отношеніи красоты и наружнаго вида, какъ то обыкновенно бываетъ въ народѣ.

VIII. Таково то было состояніе умовъ въ Римѣ, насколько оно обозначалось въ такомъ многолюдствѣ. Относительно провинцій—въ Испаніи начальствовалъ Клувій Руфъ, человѣкъ краснорѣчивый, съ дарованіями мирнаго времени, но въ войнѣ неопытный. Галліи,

кромѣ воспоминанія о Виндексѣ, привязаны недавнимъ даромъ (правъ) Римскаго гражданства, а на будущее время пониженіемъ податей. Впрочемъ ближайшіе къ Германскимъ войскамъ Галльскіе города не были предметомъ такой чести; у нѣкоторыхъ даже отняты земли и съ равнымъ прискорбіемъ соображали они свои потери и выгодныя пріобрѣтенія другихъ. Войска Германскія,—что всего опаснѣе при такихъ силахъ,—были озабочены и раздражены при надменности недавней побѣды и опасеніяхъ въ томъ, будто бы они благопріятствовали другой сторонѣ. Поздно они отпали отъ Нерона и не тотчасъ же высказался Вергиній за Гальбу; сомнительно, желалъ ли онъ самъ верховной власти, но сознавался, что воины ему ее предлагали. Что Фонтейй Капитонъ убитъ, даже тѣ, которые жаловаться не могли, приняли съ неудовольствіемъ. Не было вождя; Вергиній уведенъ подъ предлогомъ дружбы, а что его не отсылаютъ и что онъ подсудимымъ-принимали (воины) какъ обвиненіе ихъ самыхъ.

IX. Верхнее войско презирало легата—Гордеонія Флакка, слабаго вслѣдствіе старости и болѣзни ногъ, лишеннаго твердости и значенія; онъ не былъ въ состояніи управлять и спокойными воинами, а неистовавшіе еще болѣе раздражались вслѣдствіе безсилія того, кто долженъ былъ ихъ сдерживать. Нижней Германіи легіоны долѣе оставались безъ начальника изъ числа бывшихъ консуловъ, пока не явился посланный Гальбою А. Вителлій, цензора Вителлія, три раза бывшаго консуломъ, сынъ; это казалось достаточнымъ. Въ Британскомъ войскѣ не было никакого раздраженія. Дѣйствительно не было еще другихъ легіоновъ, которые вели бы себя лучше во время всѣхъ волненій гражданскихъ войнъ, можетъ быть потому, что вдали и отдѣлены океаномъ, или потому, что въ частыхъ походахъ они привыкли обращать свою ненависть преимущественно противъ непріятеля. И въ Иллирикѣ было спокойно, хотя вызванные Нерономъ легіоны пока оставались въ Италіи, приставали къ Вергинію посольствами. Но большими пространствами отдѣленныя войска, что всего полезнѣе для сохраненія военной вѣрности, не принимали участія ни пороками, ни силами.

X. Востокъ доселѣ не двигался. Сиріею и четырьмя легіонами управлялъ Лициній Муціанъ, человѣкъ пріобрѣтшій извѣстность настолько же своими удачами, насколько и несчастіями. Юношею онъ честолюбиво ухаживалъ за знатными друзьями; потомъ, когда его средства истощились, при скользкомъ положеніи дѣлъ, а раздраженіе Клавдія внушало даже подозрѣнія, удаленъ онъ былъ въ Азію, и столь же близко былъ отъ ссылки, сколько впослѣд-

ствіи отъ верховной власти. Въ немъ были соединены любовь къ излишествамъ (наслажденіямъ), дѣятельность, привѣтливость, надменность,—дурныя и хорошія качества. Слишкомъ предавался онъ наслажденіямъ, когда былъ свободенъ; когда было для него выгодно, обнаруживалъ великія добродѣтели,—то, что явно, заслуживало похвалу, а тайное слыло дурно. Во всякомъ случаѣ имѣлъ онъ сильное вліяніе на подчиненныхъ, на приближенныхъ, на товарищей разными соблазнами; для него выгоднѣе было вручить кому-либо власть, чѣмъ самому взять ее. Войною Іудейскою завѣдывалъ Флавій Веспасіанъ съ тремя легіонами; полководцемъ назначилъ его Неронъ. Веспасіанъ не имѣлъ противъ Гальбы никакого неудовольствія или нерасположенія, онъ даже послалъ сына своего Тита привѣтствовать и почтить Гальбу, о чемъ упомянемъ въ своемъ мѣстѣ. Что сокровеннымъ закономъ судьбы, чудесными явленіями и отвѣтами предопредѣлена была Веспасіану и дѣтямъ его власть, когда совершилось это счастливое событіе, мы повѣрили.

XI. Египтомъ и войсками, его сдерживающими (въ повиновеніи), начиная отъ временъ божественнаго Августа, завѣдываютъ всадники Римскіе вмѣсто царей. Такъ заблагоразсудили лучшимъ удержать за собою провинцію доступомъ затруднительную, богатую хлѣбомъ, вслѣдствіе суевѣрія и своеволія жителей непостоянную и волнуемую раздорами. Управлялъ въ то время Тиберій Александеръ, того же племени. Африка и легіоны въ ней, по убіеніи Клодія Макра, были довольны какимъ бы то ни было государемъ, испытавъ второстепеннаго властителя. Двѣ Мавританіи, Рэція, Норикъ, Ѳракія и другія провинціи, управляемыя прокураторами, насколько были близки какому войску, настолько прикосновеніемъ тѣхъ, въ комъ заключалась сила, склонялись къ расположенію или ненависти. Безоружныя провинціи и вопервыхъ сама Италія, готовая жертва, должны были достаться военною добычею. Таково было положеніе дѣлъ Римскихъ, когда Сер. Гальба вторично, Титъ Виній консулы начали годъ, себѣ послѣдній, а дѣлу общественному почти гибельный.

XII. Немного дней спустя Январскія Календы, получено письмо отъ прокуратора Помпея Пропинква изъ Бельгіи: «Легіоны Верхней Германіи, нарушивъ уваженіе къ присягѣ, желаютъ другаго императора и предоставляютъ усмотрѣнію сената и народа Римскаго выборъ»—съ цѣлью, чтобы возстаніе было принято мягче. Ускорило это обстоятельство намѣреніе Гальбы, уже давно толковавшаго и

съ самимъ собою и съ приближенными объ усыновленіи. И ни о чемъ такъ много въ тѣ мѣсяцы не говорили во всемъ городѣ, первое вслѣдствіе полной свободы говорить объ этомъ, а потомъ вслѣдствіе преклоннаго уже возраста Гальбы. Немногіе обсуждали зрѣло или изъ любви къ государству, а многіе волнуемы были тайною надеждою сообразно съ тѣмъ кто былъ кому пріятелемъ или кліентомъ, назначали того или другаго льстивыми толками; содѣйствовала и ненависть къ Винію; онъ со дня на день становясь все могущественнѣе, этимъ самимъ дѣлался ненавистнѣе. А сильнымъ ожиданіямъ (стремленіямъ) друзей самая уступчивость, легкость Гальбы давала пищу; въ отношеніи въ безсильному и довѣрчивому представлялась возможность грѣшить съ меньшимъ опасеніемъ и большею наградою.

XIII. Сила власти была раздѣлена между консуломъ Т. Виніемъ и Корнеліемъ Лакономъ, префектомъ преторія. И не менѣе въ милости былъ Ицелъ, отпущенникъ Гальбы; его, когда онъ былъ пожалованъ кольцами, всадническимъ званіемъ, называли обыкновенно Марціаномъ. Они были постоянно разныхъ мнѣній и въ дѣлахъ меньшей важности каждый изъ нихъ старался имѣть перевѣсъ въ свою пользу; относительно предполагаемаго выбора наслѣдника дѣлились на двѣ партіи. Виній былъ за М. Оттона; Лако и Ицелъ согласно не столько обнаруживали предпочтеніе въ чью-либо пользу, сколько желали другаго (а не Оттона). Не безъизвѣстны были Гальбѣ дружественныя отношенія Оттона и Т. Винія и въ толкахъ тѣхъ, что ничего не проходили молчаніемъ, (такъ какъ у Винія была вдова дочь, а Оттонъ холостъ), уже называли тестя и зятя. Полагаю, что приходила на умъ и забота о дѣлѣ общественномъ, безполезно исторгнутомъ у Нерона, если во главѣ его остался бы Оттонъ. Дѣтство Оттонъ провелъ невнимательно, а молодость невоздержно; онъ былъ любъ Нерону соревнованіемъ роскоши; у Отона, какъ соучастника шалостей, оставилъ онъ самую главную развратницу—Поппею Сабину, пока удалитъ жену Октавію; потомъ, заподозривъ Оттона въ отношеніи той же Поппеи, удалилъ въ провинцію Лузитанію подъ видомъ порученія. Отонъ снисходительно управлялъ провинціею, первый перешелъ къ противной (Нерону) партіи, не оставался въ бездѣйствіи, и пока была война, онъ изо всѣхъ дѣятелей былъ больше на виду, со дня на день съ большею горячностью усвоивалъ онъ надежду усыновленія, съ перваго разу запавшую въ мысли; большинство воиновъ расположено было въ его пользу; дворъ Нерона готовъ былъ за него, какъ за представлявшаго съ нимъ (Нерономъ) большое сходство.

XIV. Но Гальба, получивъ извѣстіе о возстаніи въ Германіи, хотя ничего еще не было вѣрнаго о Вителліи, озабоченный, какое направленіе приметъ сила войскъ, не вполнѣ увѣренный даже въ воинахъ, находившихся въ Римѣ,—производитъ выборы императорскіе, какъ единственное средство помочь горю. Онъ допустилъ къ себѣ кромѣ Винія и Лакона Марія Цельса, назначеннаго консула, и Дуценія Гемина, префекта городскаго; немногое предпославъ: «о своей старости, приказываетъ позвать Пизона Лициніана» или по собственному выбору, или, какъ нѣкоторые полагали, по настоянію Лакона, который у Рубеллія Плавта подружился съ Пизономъ, но хитро поддерживалъ его какъ будто ему незнакомаго, и благопріятная о Пизонѣ молва придала основаніе его плану дѣйствія. Пизонъ, родившійся отъ М. Красса и Скрибоніи, и съ той и другой стороны знатнаго происхожденія, въ наружности и манерахъ держался древняго обычая и по вѣрной оцѣнкѣ человѣкъ строгой нравственности, перетолковывавшимъ въ худшую сторону казался суровымъ (печальнѣе должнаго). Эта нравственная сторона его чѣмъ подозрительнѣе казалась озабоченнымъ ею, тѣмъ болѣе нравилась тому, кто усыновлялъ.

XV. А потому Гальба, взявъ руку Пизона, говорятъ, сказалъ ему слѣдующее: «еслибы я тебя, какъ частный человѣкъ, закономъ куріатскимъ передъ первосвященниками, согласно обычая, усыновлялъ, то и для меня было бы отлично—потомство Кн. Помпея и М. Красса принять въ мой домъ и тебѣ почетно—Сульпиціи и Лутаціи знатность присоединить къ собственному благородству. Нынѣ меня, единомысліемъ боговъ и людей призваннаго къ верховной власти, превосходныя свойства твои и любовь къ отечеству побудили—первенство, о которомъ предки наши состязались оружіемъ, пріобрѣтенное мною черезъ войну, предлагаю тебѣ мирно, по примѣру божественнаго Августа, поставившаго на первое подлѣ себя мѣсто сначала брата сестры Марцелла, потомъ зятя Агриппу, за нимъ своихъ внуковъ и наконецъ пасынка Тиберія Нерона. Но Августъ въ своемъ семействѣ искалъ себѣ наслѣдника, а я—въ отечествѣ—не потому, чтобы у меня не было родныхъ или сотоварищей службы военной; но и самъ я власть получилъ не честолюбивымъ стремленіемъ и доказательствомъ (оправданіемъ) моего обсужденнаго намѣренія пусть будутъ не мои только личныя отношенія, которыя для тебя я отложилъ въ сторону, но и твои. Есть у тебя братъ одинаковаго съ тобою благородства, по рожденію старшій, достойный этого высокаго положенія, еслибы ты не былъ превос-

ходнѣе его. Возрастъ твой таковъ, что уже ушелъ отъ страстныхъ увлеченій юности, а жизнь ты такъ проводилъ, что въ прошедшемъ тебѣ не о чемъ раскаиваться. До сихъ поръ переносилъ ты одни неблагопріятныя обстоятельства; счастіе служитъ лучшимъ пробнымъ камнемъ душевныхъ побужденій, такъ какъ, перенеся бѣдствія, отъ счастія мы портимся. Вѣрность, свободу, дружбу, главныя качества человѣческаго духа, ты впрочемъ сохранишь съ тѣмъ же постоянствомъ, но другія излишнею угодливостью будутъ вредить имъ. Явятся лесть, соблазны разнаго рода, худшая отрава чувству истины, личныя соображенія каждаго. Я и ты бесѣдуемъ другъ съ другомъ нынѣ самымъ простымъ образомъ; другіе же охотнѣе будутъ обращаться къ нашему высокому положенію, чѣмъ къ намъ самимъ. Внушать государю должное сопряжено съ большимъ трудомъ, а безъ усилія исполняется въ отношеніи къ каждому государю подольщеніе.»

XVI. Даже еслибы громадное тѣло имперіи могло держаться и сохранять равновѣсіе безъ правителя, былъ бы я достоинъ возобновить общественное управленіе; но теперь еще ранѣе дѣло дошло до такой крайности, что ни моя старость не въ состояніи болѣе сдѣлать для народа Римскаго, какъ назначить хорошаго преемника, ни твоя молодость болѣе того, чтобы ты былъ хорошимъ государемъ. При Тиберіи, Каіи и Клавдіи мы были какъ бы наслѣдствомъ одного семейства; вмѣсто свободы пусть будетъ то, что мы сдѣлались предметомъ выбора. Съ прекращеніемъ рода Юліевъ и Клавдіевъ, пусть усыновленіе останавливается на достойнѣйшемъ. Родиться и происходить отъ государей—предметъ случая, и вотъ ему правильная оцѣнка. Обсужденіе выбора чуждо этого (случайности), и если захочешь избрать, доказывается согласіемъ. Пусть будетъ передъ глазами Неронъ; его, полнаго надменной гордости вслѣдствіе длиннаго ряда предковъ Цезарей, не Виндексъ съ безоружною винціею и не я съ однимъ легіономъ, но его необузданность, его сладострастіе свергли какъ иго, тяготѣвшее на шеѣ всѣхъ и каждаго: и донынѣ не было еще примѣра государя, подвергшагося соужденію. Мы, призванные войною и тѣми, кто насъ оцѣнилъ, останемся предметомъ зависти, какъ бы мы превосходны ни были. Впрочемъ, не приходи въ ужасъ, если два легіона при этомъ волненіи потрясенной вселенной еще не успокоились. И мое вступленіе не было при совершенно спокойныхъ обстоятельствахъ и когда узнаютъ объ усыновленіи, перестану я казаться старикомъ,—что одно мнѣ теперь ставятъ въ вину. Неронъ останется навсегда предме-

томъ сожалѣнія для всѣхъ, кто поскверенѣе; а мнѣ и тебѣ нужно озаботиться, чтобы не пришлось и людямъ хорошимъ жалѣть о немъ. Больше говорить, и не при теперешнихъ обстоятельствахъ и планъ мой вполнѣ осуществленъ, если я тебя хорошо выбралъ. Самый полезнѣйшій и кратчайшій выборъ предметовъ хорошихъ и дурныхъ— сообразить, чего бы ты или захотѣлъ при другомъ государѣ, или не захотѣлъ. Здѣсь не такъ какъ у прочихъ народовъ, находящихся подъ властью царей,—извѣстный родъ властвуетъ, а прочіе рабствуетъ; но приходится тебѣ начальствовать людьми, которые не въ состояніи сносить вполнѣ ни рабства, ни свободы». И Гальба выражался такъ и въ этомъ родѣ какъ бы назначая государя, а прочіе говорили съ нимъ, какъ уже назначеннымъ.

XVII. Говорятъ, что Пизонъ и въ глазахъ присутствовавшихъ (при его назначеніи) и потомъ, когда взоры всѣхъ обратились на него, не выразилъ ни малѣйшимъ знакомъ ни смущенія, ни довольства. Говорилъ онъ съ отцомъ и императоромъ почтительно; относительно себя былъ умѣренъ, ни малѣйшей перемѣны въ лицѣ или способѣ себя держать, какъ бы выражая болѣе свою способность управлять, чѣмъ желаніе. Потомъ было предметомъ обсужденія «передъ рострами, въ сенатѣ ли или въ лагерѣ провозгласить усыновленіе». За лучшее признано: «идти въ лагери; почетно это будетъ воинамъ, расположеніе коихъ если дурно пріобрѣтать ухаживаньемъ и щедростью, то не слѣдуетъ пренебрегать возможностью пріобрѣсть его честными средствами». Обступили между тѣмъ дворецъ толпы, полныя ожиданія, съ нетерпѣніемъ обнаруженія великой тайны, и плохо сдержанный слухъ старавшіе подавить только увеличивали его.

XVIII. Четвертый день идъ Январскихъ *), омраченный сильнымъ дождемъ, ознаменованъ былъ громомъ, молніею и небесными угрозами сверхъ обыкновеннаго. Издревле имѣли за правило въ такихъ случаяхъ отсрочивать собранія, но Гальба не былъ настолько встревоженъ, чтобы отложить отправленіе въ лагерь или пренебрегая такими явленіями какъ случайными, или потому, что назначеннаго судьбою, хотя бы и предзнаменованнаго, избѣжать невозможно. Въ многолюдномъ собраніи воиновъ, коротко, какъ приличествуетъ императору, объявляетъ, что усыновляетъ Пизона, слѣдуя обычаю божественнаго Августа и военному примѣру, какъ мужъ мужа выбираетъ. А для того, чтобы утаивъ возмущеніе, не дать о немъ преувеличенныхъ убѣжденій, онъ самъ излагаетъ: «четвер-

*) Десятаго января.

тый и восемьнадцатый легіоны, увлеченные немногочисленными виновниками возстанія, погрѣшили лишь словами и выраженіями и скоро возвратятся къ своимъ обязанностямъ». И къ рѣчи не прибавилъ никакой ласки, ни денежной награды. Впрочемъ трибуны, сотники и ближайшіе изъ воиновъ отвѣчаютъ пріятное для слуха; прочіе оставались печальны и молчали, какъ бы черезъ войну утративъ снисканную въ мирное время потребность подарка. Довольно вѣрно, что можно было задобрить умы со стороны скупаго старика самою маленькою щедростью. Повредили старинное упорство и излишняя суровость, а этому мы были уже не въ уровень.

XIX. Оттуда въ сенатъ; рѣчь Гальбы тамъ была нисколько не тщательнѣе и не длиннѣе, какъ и передъ воинами. Пизона рѣчь была полна привѣта. Она была встрѣчена расположеніемъ сенаторовъ; многіе добровольно высказывали сочувствіе,—тѣ, которые не желали, умѣренно, а большинство раболѣпно заискивали, имѣя въ виду свои частныя соображенія, а не заботу объ общественномъ благѣ. Въ послѣдовавшіе за тѣмъ четыре дня (а столько ихъ прошло между усыновленіемъ и убійствомъ) Пизонъ не ознаменовалъ своей общественной дѣятельности никакими ни словами, ни дѣйствіями. Со дня на день чаще и чаще приходили извѣстія о возмущеніи въ Германіи, а городъ легко былъ расположенъ принимать и вѣрить всякой новости, чѣмъ она печальнѣе. Сенаторы опредѣлили отправить къ Германскому войску пословъ; втайнѣ толковали не отправиться ли Пизону подъ болѣе важнымъ предлогомъ; послы явились бы какъ уполномоченные сената, а Пизонъ принесъ бы къ нимъ назначеніе Цезаря. Положено послать вмѣстѣ и Лакона, префекта преторія; тотъ воспротивился этому распоряженію. Самые послы (сенатъ предоставилъ Гальбѣ ихъ выборъ) назначены съ позорнымъ непостоянствомъ, уволены, замѣнены вслѣдствіе ихъ желанія оставаться или отправиться, сообразно съ побужденіемъ каждаго, опасеніями или надеждами.

XX. Первая забота за тѣмъ была о деньгахъ: все подверглось изслѣдованію, но за самое справедливое показалось—взять оттуда, что было причиною недостатка. Неронъ истратилъ на подарки двадцать двѣ сотни*) милліоновъ сестерцій. Приказалъ Гальба потребовать ото всѣхъ оставивъ у каждаго десятую часть полученнаго отъ щедрости Нерона. А у нихъ едва ли что и оставалось кромѣ десятой доли, такъ какъ они расточительность, съ какою истратили свое, примѣнили и

*) На наши деньги около ста пятнадцати или ста двадцати тысячъ руб. сср.

въ расходованіи чужаго; у самыхъ злыхъ и отпѣтыхъ хищниковъ не оставалось ни земель, ни доходовъ, но одни средства позорныхъ наслажденій. Это истребованіе поручено 30 всадникамъ Римскимъ, новый родъ обязанностей, тяжелый и обширностью и интригами; повсюду аукціонъ и молотки, и городъ встревоженъ продажами съ публичнаго торгу. Впрочемъ сильно радовались, что получившіе подарки отъ Нерона так же будутъ бѣдны какъ и тѣ, у которыхъ онъ отнялъ. Въ это же время уволены трибуны, изъ преторія Антоній Тавръ и Антоній Назо, изъ городскихъ когортъ Эмилій Пацензисъ, изъ караульныхъ Юлій Фронто. Въ отношеніи къ прочимъ урокомъ это не послужило, но было началомъ опасеній, какъ бы вслѣдствіе страха и стороною стараются избавиться отъ нѣкоторыхъ, подозрѣвая всѣхъ.

XXI. Между тѣмъ Отонъ, которому, еслибы все пришло въ порядокъ, не было бы никакой надежды, а всѣ разсчеты его основывались смутахъ,—былъ подстрекаемъ разомъ многими побужденіями: роскошь такая, что и для государя была бы тягостна, а частному человѣку едва выносима, раздраженіе въ отношеніи къ Гальбѣ и зависть къ Пизону. Притворялся имѣющимъ опасенія, чтобы пожеланія свои обратить дальше: «Нерону былъ онъ очень въ тягость и нѣчего ждать вторично Лузитаніи и чести другой ссылки: постоянно властителямъ подозрителенъ и ненавистенъ тотъ, кого назначаютъ на ближайшее имъ мѣсто. Во вредъ это ему у старика государя, а еще болѣе повредитъ у молодаго, отъ природы нелюдима и продолжительною ссылкою ожесточеннаго; убійство Отона очень возможно. А потому необходимо смѣло дѣйствовать, пока вліяніе Гальбы еще сомнительно, а Пизона значеніе еще не укрѣпилось. Переходное время—самое удобное для великихъ замысловъ, и не нужно медлить тамъ, гдѣ оставаться въ бездѣйствіи опаснѣе, чѣмъ смѣло дѣйствовать. Смерть для всѣхъ по естеству одинакова, но разница—быть ли забытымъ потомствомъ, или у него въ славѣ. И если одинъ и тотъ же конецъ ожидаетъ и виновнаго и невиннаго, то болѣе достойно человѣка ужь если погибать, то за дѣло.

XXII. Но духъ Оттона не былъ такъ слабъ и изнѣженъ, какъ его тѣло. Приближенные изъ отпущенниковъ и рабовъ, обхожденіемъ испорченные болѣе, чѣмъ сколько возможно въ домѣ частнаго человѣка показывали ему, охотнику до всего этого, какъ будущее его достояніе, если только достанетъ у него смѣлости—дворъ Нероновъ и наслажденія, обладаніе замужними женщинами, законныя связи и полный во всемъ царскій произволъ; если же онъ, Оттонъ, останется въ бездѣйствіи, то все это,—такъ говорили они

ему съ упрекомъ-его минуетъ. Люди, посвященные въ тайны математическихъ расчетовъ, также приставали къ Оттону, утверждая, что созвѣздія предвѣщаютъ новые перевороты, и годъ—свѣтлый Оттону. Этотъ родъ людей ненадеженъ обладающимъ властью, а для жаждущихъ ея обманчивъ; въ нашемъ государствѣ постоянно будутъ и запрещать его и удерживать. Съ многими математиками тайныя сношенія имѣла Поппея и они были едвали не самое худшее орудіе ея бракосочетанія съ государемъ; изъ нихъ Птоломей, сопровождавшій Оттона въ Испанію, обѣщалъ, что онъ переживетъ Нерона, и когда дѣйствительность оправдала его слова, тогда, по догадкѣ и вслѣдствіе толковъ людей, принимавшихъ въ соображеніе старость Гальбы и молодость Оттона, онъ убѣдилъ его въ томъ, что онъ будетъ принятъ соучастникомъ верховной власти. Но Оттонъ принималъ эти предсказанія, какъ внушенныя опытностью и велѣніемъ судьбы, вслѣдствіе наклонности человѣческаго ума охотно вѣрить тому, что неясно (темно).

XXIII. И тутъ содѣйствовалъ Птолемей уже какъ подстрекатель на преступленіе, къ которому всего легче переходъ отъ подобнаго желанія; но мысль о преступленіи неизвѣстно явилась ли вдругъ; расположеніе воиновъ еще прежде старался снискать (Отонъ) въ надеждѣ быть преемникомъ или готовя преступленіе; дорогою, въ строю, на постахъ, по именно называя старѣйшихъ воиновъ и приводя на память службу при Неронѣ, привѣтствовалъ ихъ именемъ сослуживцевъ; однихъ узнавалъ, а другихъ разспрашивалъ, оказывая помощь или деньгами или вліяніемъ; все чаще и чаще излагалъ онъ жалобы, двусмысленныя о Гальбѣ рѣчи и другое въ этомъ родѣ, способное бросить смущеніе въ чернь. Труды походовъ, недостаточность провіанта, суровость власти были принимаемы за жестокія наказанія воинами, которые привыкнувъ посѣщать Кампанскія озера и города Ахаіи на судахъ, съ трудомъ переносили походы подъ оружіемъ черезъ Пиренеи, Альпы и другія необъятныя пространства.

XXIV. Кипѣли неудовольствіемъ умы воиновъ; имъ еще какъ бы жару поддалъ Мэвій Пуденсъ изъ приближенныхъ Тигеллина; онъ каждаго, кто былъ полегкомысленнѣе или нуждался въ деньгахъ, или имѣлъ склонность вообще ко всему новенькому, мало по малу довелъ до того, что, подъ предлогомъ угощенія, каждый разъ когда Гальба обѣдалъ у Отона—когортѣ, находившейся на караулѣ, раздавалъ на человѣка по сотнѣ монетъ; эту щедрость какъ бы всенародную (явную) усиливалъ Отонъ болѣе сокровенными наградами

отдѣльныхъ лицъ. И до того усердно дѣйствовалъ онъ въ дѣлѣ подкупа, что Кокцею Прокулу спекулатору, спорившему съ сосѣдомъ о части смежной земли, купивъ на свои деньги все поле сосѣда, подарилъ ему. Все это дѣлалось по безпечности префекта незамѣчавшаго одинаково какъ того, что дѣлалось скрыто, такъ и того что явно.

XXV. Но тутъ Отонъ во главѣ будущаго преступленія поставилъ Ономаста изъ отпущенниковъ. Тотъ сблизился съ Барбіемъ Прокуломъ, сигнальщикомъ тѣлохранителей и Ветуріемъ, его помощникомъ. Въ разнообразныхъ бесѣдахъ убѣдясь, что это люди хитрые и смѣлые, осыпаетъ ихъ наградами и обѣщаніями, давъ имъ денегъ разузнать расположеніе умовъ большаго числа. Взялись два простыхъ воина передать верховную власть надъ народомъ Римскимъ и передали. Къ знанію преступнаго замысла допущены немногіе, а полные ожиданій умы другимъ подстрекали разными способами: перворядныхъ воиновъ выставляли какъ бы находящимися въ подозрѣніи вслѣдствіе благодѣяній Нимфидія, а народъ и остальныхъ раздраженіемъ и безнадежностью получить столько разъ отложенный денежный подарокъ. Были и такіе, которыхъ увлекало воспоминаніе о Неронѣ и сожалѣніе о прежней вольности, а всѣ вмѣстѣ тревожимы были опасеніемъ перемѣны службы.

XXVI. Эта зараза проникла одинаково въ воспріимчивые уже умы воиновъ легіоновъ и вспомогательныхъ войскъ, когда сдѣлалось извѣстнымъ, что поколебалась вѣрность Германскаго войска. И до такой степени расположены были злонамѣренные къ возмущенію, а непричастные заговору къ скрытности, что на другой день идъ (14-го Января) когда Отонъ возвращался отъ ужина, хотѣли было его схватить, еслибы не побоялись ночнаго замѣшательства, того, что лагери воиновъ разбросаны были по всему городу и что не легко было бы согласить къ единодушію пьяныхъ. Не изъ заботливости о дѣлѣ общественномъ; его осквернить кровью государя собирались трезвые, но опасались того, какъ бы въ сумракѣ ночи кто-либо изъ Паннонскаго или Германскаго войска не предложилъ бы себя воинамъ и не былъ бы назначенъ вмѣсто Отона, котораго большинство не знало. Многіе признаки уже готоваго вспыхнуть возмущенія подавлены единомышленниками. Кое-что дошедшее до слуха Гальбы обратилъ въ пустяки префектъ Лако, совершенно незнакомый съ расположеніемъ умовъ воиновъ—ненавистникъ каждаго, самымъ лучшимъ образомъ задуманнаго, плана если только не отъ него онъ исходилъ, и упрямый противъ тѣхъ, которые знали основательно.

XXVII. Пятнадцатаго Января, когда Гальба приносилъ жертвы передъ храмомъ Аполлона, гадатель Умбрицій предсказалъ: неблагопріятныя внутренности, грозящій злой умыселъ и домашняго врага. Слышалъ это и Отонъ (ближе другихъ стоявшій) и толковалъ напротивъ какъ себѣ благопріятное и для его замысловъ счастливое (предвѣстіе). Немного спустя отпущенникъ Ономастъ подходитъ къ нему съ извѣстіемъ: «ждутъ его архитекторъ и подрядчики». Условлено было понимать это какъ знакъ того, что воины собираются и заговоръ готовъ. Отонъ на вопросъ за чѣмъ онъ уходитъ, отвѣчалъ конечно вымыселъ, что покупаетъ домъ по ветхости подозрительный и который потому необходимо прежде осмотрѣть. Опираясь на отпущенника, черезъ Тиберіевъ домъ отправился въ Велабръ, а оттуда къ золотому миліарію, милевому столбу, у храма Сатурна. Тамъ двадцать три спекулатора привѣтствовали его императоромъ; встревоженнаго малочисленностью поздравителей поспѣшно посадили на носилки и потащили, обнаживъ мечи. Почти столько же воиновъ присоединились дорогою: одни какъ соучастники, а большинство съ удивленіемъ, одни съ криками и выраженіями радости, а другіе въ молчаніи, готовясь расположеніе духа согласить съ обстоятельствами.

XXVIII. Караулами въ лагерѣ завѣдывалъ Юлій Марціалъ трибунъ. Онъ или вслѣдствіе громадности неожиданнаго злоумышленія, или въ опасеніи, что порча далеко проникла въ лагерь и что вслучаѣ противудѣйствія ему будетъ угрожать гибель, далъ большинству поводъ думать, что онъ участвуетъ въ замыслѣ. И прочіе трибуны и сотники предпочли настоящее сомнительному (невѣрному) честному. И таково было настроеніе умовъ, что на самое позорное и преступное дѣло дерзнули не многіе, большинство желало его, а всѣ равнодушно допускали.

XXIX. Между тѣмъ Гальба, не зная ничего, неотступно молилъ боговъ государства, уже принадлежавшаго другому. Вдругъ слышны толки: «отнесенъ въ лагерь кто-то неизвѣстно изъ сенаторовъ, вслѣдъ за тѣмъ указали прямо на Отона, что это онъ отнесенъ». Тутъ со всего города какъ кто попадался на встрѣчу, одни увеличивали опасенія, а нѣкоторые уменьшали то, что было въ дѣйствительности и тутъ не забывая о лести. А потому на совѣщаніи положено: «испытать расположеніе когорты, находившейся во дворцѣ на караулѣ и не черезъ самого Гальбу; его нетронутое значеніе должно быть прибережено, какъ спасительное средство, при обстоятельствахъ болѣе важныхъ. Пизонъ, ставъ накрыльцѣ дворца, обратился къ воинамъ

съ такими словами: шестый идетъ день, сослуживцы, съ тѣхъ поръ какъ я, не зная будущаго и того—желать ли мнѣ этого званія или опасаться, принятъ Цесаремъ. Такимъ образомъ жребій и дома нашего и дѣла общественнаго находится въ вашихъ рукахъ, не потому чтобы я за себя собственно опасался участи болѣе печальной (испытавъ несчастія, пришлось мнѣ еще нагляднѣе узнать на опытѣ, что и счастіе не менѣе невѣрнаго въ себѣ заключаетъ). Скорблю объ участи отца, сената и самого государства, если намъ необходимо теперь или погибать или, что одинако бѣдственно для людей благомыслящихъ, губить другихъ. Утѣшеніемъ въ ближайшемъ переворотѣ было то, что городъ (Римъ) не видалъ крови и власть перенесена безъ раздора. Повидимому, усыновленіемъ достигнуто то, чтобы и послѣ Гальбы не было мѣста войнѣ.

XXX. «Не буду ссылаться отнюдь на благородство или скромность, да и нѣтъ надобности при сравненіи съ Отономъ дѣлать перечень добродѣтелямъ. Пороки, которыми одними онъ гордится, ниспровергли государство, еще когда онъ разъигрывалъ роль государева пріятеля. Манерою ли и обхожденіемъ или не тѣмъ ли женственнымъ уборомъ заслужилъ Отонъ верховную власть? Въ заблужденіи тѣ, которые въ необузданности разврата видятъ какое то подобіе вольности. Растратить онъ съумѣетъ, а дарить нѣтъ. Незаконныя связи, кутежъ, постоянное обращеніе съ женщинами—вотъ что у него на умѣ. Онъ видитъ въ этомъ преимущество верховной власти, полный произволъ и разгулъ наслажденій будетъ у него, а стыдъ и позоръ у всѣхъ. Никто никогда властью, снисканною преступно, не пользовался благонамѣренно. Гальбу нарекло цесаремъ единодушное согласіе рода человѣческаго, а меня Гальба наименовалъ Цезаремъ съ вашего согласія. Если дѣло общественное, сенатъ и народъ—слова пустыя, то для васъ, сотоварищи, важно, чтобы императоръ не былъ назначаемъ самими худшими. Были случаи, что легіоны возмущались противъ вождей, но ваши вѣрность и доброе имя оставались донынѣ незапятнанными, и Неронъ васъ оставилъ, а не вы Нерона. Неужели менѣе чѣмъ тридцать человѣкъ перебѣжчиковъ и дезертировъ, которыхъ никто не допустилъ бы избрать себѣ сотника или трибуна, распорядятся верховною властью? Допустите вы такой примѣръ? Оставаясь въ покоѣ сдѣлаетесь сообщниками преступленія? Такая необузданность перейдетъ въ провинціи, мы будемъ несть на себя послѣдствія злодѣяній, а вы войны. И не болѣе значительно то, что дается за убійство государя, чѣмъ то что дается невиннымъ; во всякомъ случаѣ также получите вы

отъ насъ подарокъ за вѣрность, какъ отъ другихъ за преступленіе.

XXXI. Разошлись тѣлохранители (спекулаторы), остальная когорта не показала пренебреженія къ говорившему и какъ бываетъ въ смутныхъ обстоятельствахъ, готовитъ значки скорѣе случайно и не обдумавъ еще хорошенько какъ поступить, чѣмъ какъ впослѣдствіи полагали, вслѣдствіе притворства и коварнаго умысла. Посланъ и Цельзъ Марій къ отборнымъ войскамъ Иллирика, расположеннымъ въ портикѣ Випсаніи. Предписано Амулію Серену и Домицію Сабину, сотникамъ перваго ряда—Германскихъ воиновъ привесть изъ предверія храма Свободы. Морскому легіону не довѣряли; онъ расположенъ былъ враждебно за избіеніе сотоварищей, которыхъ при первомъ самомъ вступленіи избилъ Гальба. Отправляются также въ лагерь преторіанцевъ трибуны: Цетрій Северъ, Субрій Декстеръ, Помпей Лонгинъ, съ тѣмъ чтобы нельзя ли какъ еще только зачинавшееся и не совсѣмъ созрѣвшее возстаніе убѣжденіями обратить на лучшее. Трибуновъ Субрія и Цетрія воины встрѣтили угрозами, а Лонгина схватили и обезоружили, такъ какъ онъ дѣйствовалъ не по военному порядку (обычаю), но былъ изъ числа друзей Гальбы, считался вѣрнымъ этому государю и былъ подозрителенъ отпавшимъ. Легіонъ морской, нисколько не медля, присоединяется къ преторіанцамъ. Отборные воины Иллирскаго войска прогоняютъ Цельса, бросая въ него дротики. Германскія роты долго колебались, не совсѣмъ еще оправились они здоровьемъ послѣ болѣзни и расположеніе умовъ ихъ было въ пользу Гальбы, такъ какъ онъ ихъ, Нерономъ посланныхъ въ Александрію впередъ, а оттуда вернувшихся больными вслѣдствіе дальнаго плаванія, распорядился лѣчить съ особенною заботливостью.

XXXII. Вся чернь уже наполняла дворецъ, замѣшались тутъ и рабы, раздавались несогласные крики требовавшихъ казни Отона и гибели заговорщиковъ, какъ будто бы они требовали какого-либо зрѣлища въ циркѣ или въ театрѣ. И не было тутъ ни разсудительности, ни искренности, Въ одинъ и тотъ же день готовы они были съ одинаковымъ усердіемъ требовать со всѣмъ противуположнаго, но принятому обычаю льстить какому бы то ни было государю, по привычкѣ своевольно кричать и показывать безплодное усердіе. Между тѣмъ Гальба колебался среди двухъ рѣшеній. Т. Виній подавалъ мнѣніе: необходимо оставаться ему внутри дома, сдѣлать себя оплотъ изъ рабовъ, укрѣпить входы, не идти къ раздраженнымъ; пусть дастъ онъ возможность (срокъ) дурнымъ по-

каяться, а благонамѣреннымъ согласиться между собою для единодушнаго дѣйствія. Злодѣйскіе замыслы пріобрѣтаютъ силу отъ поспѣшности, а добрые планы зрѣютъ медленно. Наконецъ идти наступательно, если признано будетъ за основательное, всегда одинаково возможно, а вернуться, если бы пришлось пожалѣть о выходѣ, будетъ зависѣть уже отъ чуждой власти.

XXXIII. Прочимъ казалось необходимымъ спѣшить прежде, чѣмъ усилится еще слабосильный умыселъ немногихъ. Смутится еще Отонъ, который удалясь украдкою, будучи отнесенъ къ незнавшимъ воинамъ теперь медленностью и недѣятельностью тратитъ по пустому время и учится разъигрывать роль государя. Не нужно дожидаться, чтобы устроивъ дѣло въ лагеряхъ, бросился онъ на форумъ и въ глазахъ Гальбы, пошелъ бы въ Капитолій, между тѣмъ какъ превосходный императоръ съ храбрыми друзьями запретъ домъ у самыхъ дверей и порога съ тѣмъ, чтобы вынести осаду. И почетно конечно будетъ содѣйствіе рабовъ, если единодушіе такого многолюдства и, что особенно имѣетъ силу, первое негодованіе ослабѣетъ! Вслѣдствіе этого небезопасно то, что нечестно и еслибы необходимо было и пасть, то лучше идти на встрѣчу опасности. Это Отона сдѣлаетъ ненавистнѣе, а для нихъ будетъ честно. На Винія, воспротивившагося этому мнѣнію, Лаконъ напалъ съ угрозами, а Ицелъ поощрялъ его къ тому упорствомъ личной ненависти, а на гибель общественную.

XXXIV. Гальба долѣе не медлилъ и присоединился къ мнѣнію совѣтовавшихъ повидимому лучшее. Впрочемъ посланъ впередъ въ лагерь Пизонъ какъ молодой человѣкъ знатнаго имени, только что снискавшій расположеніе и враждебный Т. Винію, потому ли что и дѣйствительно онъ былъ его врагомъ или потому что враждовавшіе противъ него этого хотѣли, и легче вѣрится относительно ненависти. Едва успѣлъ выйдти Пизонъ, какъ распространился сначала общій и неопредѣленный слухъ, будто Отонъ убитъ въ лагерѣ; вслѣдъ за тѣмъ, какъ обыкновенно бываетъ при значительной лжи, нѣкоторые утверждали, что сами видѣли и находились при этомъ, а слуху охотно вѣрили радовавшіеся и равнодушные. Многіе полагали, что этотъ слухъ нарочно придуманъ и распущенъ; участвовали тутъ и приверженцы Отона, которые лишь бы вызвать Гальбу, пускали въ ходъ веселыя для него извѣстія лживо.

XXXV. Тутъ уже не народъ только и неопытная чернь пустилась рукоплескать и выражать неумѣренно радость, но и большинство всадниковъ и сенаторовъ, освободясь отъ опасеній неосторожные

вломились во дворецъ, бросились внутрь его, показались Гальбѣ, домогаясь мести, уже у нихъ какъ-бы предвосхищенной. Каждый самый недѣятельный и какъ дѣло показало, не способный къ чему либо смѣлому въ минуту опасности, какъ то показало дѣло, не щадилъ словъ; всѣ были очень храбры, никто не зналъ, а всѣ утверждали. Наконецъ хотя неимѣя основательныхъ свѣдѣній, но уступая единодушію находившихся въ заблужденіи, Гальба надѣлъ панцырь, и не имѣя возможности ни по лѣтамъ, ни по слабости тѣла устоять противъ стремившейся толпы, поднятъ на креслахъ. Попавшійся на встрѣчу во дворцѣ Юлій Аттикъ, спекуляторъ, показывая окровавленный мечь, воскликнулъ, что Отонъ имъ убитъ. А Гальба спросилъ: товарищъ, кто велѣлъ?—замѣчательно смѣлый духомъ къ обузданію своеволія воиновъ, безстрашный противъ угрозъ и неподкупный на лесть.

XXXVI. Не было уже никакого сомнѣнія относительно общаго расположенія умовъ въ лагеряхъ. Таково было рвеніе воиновъ, что недовольно рядами своими и тѣлами, на подмосткахъ, гдѣ еще незадолго передъ тѣмъ находилась золотая статуя Гальбы, стоявшаго среди значковъ, Отона прикрыли знаменами. Трибунамъ и сотникамъ не давали возможности и подойдти: простые воины внушали (Отону) остерегаться поставленныхъ свыше. Все полно было криковъ, волненій и взаимныхъ убѣжденій не такъ какъ въ народѣ и черни при разнообразныхъ выраженіяхъ праздной бездѣйственной лести, но какъ только видѣли кого либо изъ приходившихъ воиновъ жали за руки, обнимали оружіемъ, ставили подлѣ, упреждали слова присяги, то императора воинамъ, то воиновъ императору представляя. И Отонъ не оставался въ бездѣйствіи, протягивалъ руки, высказывалъ самое глубокое почтеніе толпамъ, бросалъ поцалуи и всячески раболѣпствовалъ лишь бы властвовать. Когда весь флотскій легіонъ далъ ему присягу, то уже полагаясь на свои силы и дотолѣ поощряя каждаго порознь, заблагоразсудилъ воспламенить всѣхъ вмѣстѣ, и началъ такъ говорить передъ лагернымъ валомъ:

XXXVII. Какъ я къ вамъ, сотоварищи, выступаю—выразить немогу; не потерплю быть названнымъ частнымъ человѣкомъ, будучи отъ васъ наименованъ государемъ, а государь ли я когда властвуетъ другой? Да и какъ назвать васъ останется въ неизвѣстности, пока будетъ рѣшено—императоръ ли или врагъ народа Римскаго находится у васъ въ лагерѣ? Не слышите ли вы какъ одновременно требуютъ смерти моей и казни вашей? До того ясно, что и погиб-

нуть и спастись для насъ невозможно иначе какъ вмѣстѣ. Относительно же своего милосердія Гальба повидимому предпослалъ уже достаточно примѣровъ: онъ безъ чьего-либо требованія, предалъ казни столько тысячь самыхъ невинныхъ воиновъ, Ужасъ объемлетъ душу каждый разъ, какъ вспомню его печальное вступленіе и ту единственную побѣду Гальбы, когда въ глазахъ города онъ отдалъ приказаніе казнить десятаго изъ тѣхъ, которыхъ покорность принялъ онъ на слово. Съ такими кровавыми предвѣстіями вступивъ въ городъ, какую славу принесъ онъ управленію кромѣ убійствами Обультронія Сабина и Корнелія Марцелла въ Испаніи, Бетуя Хелона въ Галліи. Фонтея Капитона въ Германіи, Клодія Макра въ Африкѣ, Цингонія на пути, Турпиліана въ городѣ, Нимфидія въ лагерѣ? Какая гдѣ либо провинція, какіе лагери остались не облитыми и кровью не запятнанными, или, какъ онъ самъ хвалится, не очищенными и исправленными. То, что другіе именуютъ преступленіемъ, у него слыветъ подъ именемъ врачеванія, лживыми наименованіями означаетъ онъ строгостью жестокость, жадность бережливостью, казнями и другими позорными въ отношеніи къ вамъ мѣрами—дисциплину. Семь мѣсяцевъ прошло послѣ кончины Нерона и уже Ицелъ болѣе награбилъ чѣмъ что наготовили Поликлеты, Ватиніи и Еліи. Съ меньшею жадностью и своеволіемъ дѣйствовалъ бы Т. Виній, если бы самъ имѣлъ верховную власть, а теперь и насъ держитъ какъ подвластныхъ, какъ свое достояніе и не бережетъ насъ какъ чужихъ. Одного его дома достаточно было бы для денежной раздачи, которой вы никогда не получаете, хотя васъ ежедневно ею попрекаютъ.

XXXVIII. Да и чтобы никакой уже не было надежды на преемника Гальбы, вызвалъ изъ ссылки того, кого считалъ наиболѣе на себя похожимъ по суровому (печальному) характеру и жадности. Видѣли вы, сотоварищи, какъ ясно боги необыкновеннымъ ненастьемъ выказали свое отвращеніе къ неблагополучному усыновленію? Одинъ и тотъ же образъ мыслей сената, такой же народа. Ждутъ вашей доблести; въ васъ вся крѣпкая опора честнымъ замысламъ; безъ васъ все, самое отличное, не имѣетъ силы. Не на войну васъ зову, и не на опасность; всѣхъ воиновъ оружіе съ нами. И одна мирная когорта не защищаетъ Гальбу, но скорѣе его задерживаетъ. Лишь только васъ увидитъ, лишь только приметъ мой сигналъ; состязаніе будетъ лишь въ одномъ, кто мнѣ наиболѣе припишетъ. Ненужно же медлить въ томъ замыслѣ, который похвалить можно тогда только, когда онъ будетъ осущест-

вленъ.» За тѣмъ велѣлъ онъ открыть хранилище для оружія; тотчасъ схвачено оружіе безъ соблюденія военныхъ уставовъ и обычаевъ, по которымъ преторіанецъ и воинъ легіона различались особенными признаками; по шлемамъ и щитамъ смѣшались они съ вспомогательными войсками. Никто изъ трибуновъ и сотниковъ не дѣлалъ внушеній; каждый самъ былъ себѣ и вождемъ и подстрекателемъ; а для дурныхъ лучшимъ поощреніемъ служила общая печаль благонамѣренныхъ.

XXXIX. Пизонъ приведенный въ ужасъ шумомъ усилившагося возмущенія и криками проникавшими и въ городъ, настигъ Гальбу уже вышедшаго и приближавшагося къ форуму. Уже Марій Цельзъ явился съ извѣстіями невеселыми. Одни совѣтовали: вернуться во дворецъ, другіе—идти въ Капитолій, а большинство — занять ростры. При этомъ бóльшая часть имѣла въ виду только противорѣчить мнѣніямъ другихъ и, какъ обыкновенно бываетъ при несчастныхъ случаяхъ, лучшимъ казалось то, на что уже ушло время. Говорятъ, будто Лако готовился было безъ вѣдома Гальбы умертвить Т. Винія, или для того, чтобы его казнью смягчить расположеніе умовъ воиновъ, или считалъ его соучастникомъ Отона, или наконецъ изъ ненависти. Исполненіе этого остановилось вслѣдствіе времени и мѣстности, такъ какъ при разъ начавшемся убійствѣ, трудно было назначить ему границы, и планъ этотъ разстроили торопливые гонцы и то, что самые близкіе разбѣжались при ослабленіи общаго усердія тѣхъ, что сначала усердно высказывали вѣрность и рѣшимость.

XL. Гальба былъ увлекаемъ то туда, то сюда, въ разнообразномъ движеніи волновавшейся толпы. Со всѣхъ сторонъ наполнены были базилики и храмы, но общій видъ не предвѣщалъ ничего добраго. Ни одного звука голоса не раздавалось въ народѣ или черни. На лицахъ выражалось удивленіе, а слухъ какъ бы съ жадностью ловилъ что-то. Не было и волненія, не было и полнаго спокойствія, но господствовало молчаніе, свойственное великимъ опасеніямъ или сильному раздраженію. А Отону принесли извѣстіе, будто вооружаютъ народъ. Онъ отдаетъ приказаніе: идти поспѣшно и предупредить опасность. Такимъ образомъ воины Римскіе, какъ бы стремясь Вологеза или Пакора согнать съ прародительскаго престола Арзакидовъ, а не на убійство безоружнаго и престарѣлаго своего императора, разметали народъ, потоптали сенатъ, грозя оружіемъ, во весь опоръ коней ворвались на форумъ. Не оробѣли они видя, Капитолій, святыню окружавшихъ храмовъ,

не устрашились передъ воспоминаніемъ о прежнихъ и будущихъ государяхъ—совершить злодѣйство, мстителемъ котораго первый преемникъ (кто имъ воспользовался).

XLI. Видя приближающійся строй вооруженныхъ, знаменосецъ когорты, сопровождавшей Гальбу (говорятъ его звали Атилій Вергиліонъ), сорвавъ изображеніе Гальбы, бросилъ его на землю. Этотъ знакъ обнаружилъ усердіе всѣхъ воиновъ къ Отону; .разбѣжался народъ, опустѣлъ форумъ, а кто еще медлилъ, противъ того обнажено оружіе. Возлѣ Курціева озера, вслѣдствіе замѣшательства носильщиковъ, Гальба выброшенъ изъ носилокъ и повалился на землю. Послѣднія его слова, какъ кому была ненависть или удивленіе, передали различно. Одни—будто бы онъ съ мольбою спросилъ: «что дурнаго заслужилъ онъ?» и просилъ немногихъ дней, чтобы выплатить денежную награду. Большинство—что онъ самъ будто бы подставилъ шею убійцамъ: «пусть они дѣйствуютъ и разятъ, если такъ имъ кажется согласнымъ съ пользою общественною». А для убійцъ было все равно, что бы онъ имъ ни сказалъ. Кто нанесъ смертельный ударъ Гальбѣ—не довольно хорошо извѣстно; нѣкоторые говорятъ — Теренцій Евокатъ, а другіе—Леканій. Болѣе распространенный слухъ именуетъ Камурія воина 15 легіона, который, воткнувъ мечь, перерѣзалъ ему горло; другіе — ноги и руки, такъ какъ грудь была покрыта панцыремъ, гнусно истерзали; большая часть ранъ съ звѣрствомъ и жестокостью нанесены уже обезглавленному трупу.

XLII. За тѣмъ бросились къ Титу Винію. И о немъ были различные толки: замеръ ли у него звукъ голоса вслѣдствіе приспѣвшей опасности, или онъ будто бы произнесъ: «Отономъ не было приказано—умертвить его». Это онъ или выдумалъ отъ страха, или выразилъ признаніе соучастія въ заговорѣ. Жизнь его и характеръ скорѣе склоняютъ въ пользу послѣдняго предположенія, что онъ былъ единомышленникомъ преступнаго умысла, котораго былъ же и поводомъ. Онъ лежалъ передъ храмомъ божественнаго Юлія, сначала отъ удара въ ногу, а вслѣдъ за тѣмъ Юлій Каръ, воинъ легіона, прокололъ ему насквозь оба бока.

XLIII. Въ этотъ день и наше время видѣло замѣчательнаго человѣка Семпронія Денза. Сотникъ преторіанской когорты, Гальбою приданный для обереженія Пизона, выхвативъ кинжалъ, бросился на встрѣчу вооруженнымъ и, упрекая ихъ въ преступленіи, то движеніями рукъ, то голосомъ обращалъ на себя убійцъ, и хотя уже раненному Пизону далъ возможность убѣжать. Пизонъ ушелъ

въ храмъ Весты, гдѣ встрѣченъ состраданіемъ общественнаго раба и спрятанъ въ его каморкѣ; не святость мѣста, не уваженіе къ религіи отсрочивали неминуемую гибель, а лишь то, что онъ спрятался. Тутъ пришли присланные Отономъ, именно жаждавшіе его убійства: Сульпицій Флоръ изъ Британскихъ когортъ, не за долго передъ тѣмъ получившій отъ Гальбы право гражданства, и Статій Муркъ спекуляторъ; ими вытащенъ Пизонъ и убитъ въ дверяхъ храма.

XLIV. Говорятъ, что ничье убійство не встрѣтилъ Отонъ съ большею радостью, ничью голову такъ ненасытно не пожиралъ глазами, какъ голову Пизона. Впервые ли тутъ духъ его, освободясь отъ всѣхъ опасеній, сталъ вполнѣ предаваться радости, или воспоминаніе величія относительно Гальбы, дружественныхъ связей относительно Винія вселяли невольно грусть въ самый недоступный сожалѣнію характеръ; но—радоваться смерти Пизона, какъ врага и соперника, считалъ онъ вполнѣ приличнымъ и дозволеннымъ. Воткнутые на пикахъ головы были носимы между значковъ когортъ, подлѣ орла легіона; на перерывъ показывали окровавленныя руки тѣ, кто участвовали въ убійствахъ, кто при этомъ находились, иные взаправду, иные ложно хвалились какъ дѣломъ прекраснымъ и памяти достойнымъ. Впослѣдствіи Вителлій нашелъ болѣе 120 записокъ, требовавшихъ наградъ за какое-либо замѣчательное свое содѣйствіе въ этотъ день; онъ велѣлъ всѣхъ розыскать и казнить не въ честь Гальбы, но по принятому у государей обычаю, какъ мѣру обезпеченія въ настоящемъ, какъ возмездіе въ будущемъ.

XLV. Подумалъ бы ты, что не тотъ это сенатъ, да и не тотъ народъ; всѣ бросились въ лагери, опережали ближайшихъ, состязались съ бѣжавшими впередъ, поносили Гальбу, хвалили разсужденіе воиновъ, целовали руку Отона и чѣмъ болѣе было лжи въ томъ, что дѣлали, тѣмъ сильнѣе выказывали усердіе. Да и Отонъ не выказывалъ ни къ кому пренебреженія, голосомъ и выраженіемъ лица умѣряя расположеніе умовъ воиновъ. Марія Цельса, нареченнаго консула и Гальбѣ до послѣднихъ минутъ вѣрнаго друга, требовали на казнь, ненавиствуя болѣе его дѣятельности и невинности, какъ свойствамъ самымъ непріятнымъ. Повидимому готовы были начаться убійства и грабежъ, и гибель грозила каждому порядочному человѣку; но Отону если еще не доставало вліянія на то, чтобы воспрепятствовать злодѣйству, но приказывать уже было возможно. А потому, притворясь разгнѣваннымъ, велѣлъ

связать, и утверждая, что онъ поплатится болѣе строгимъ наказаніемъ, спасъ отъ грозившей ему тутъ гибели.

XLVI. Затѣмъ все сдѣлалось по желанію воиновъ. Префектовъ преторія выбрали они себѣ сами: Плотія Фирма, когда-то изъ рядовыхъ воиновъ, въ то время завѣдывавшаго распредѣленіемъ карауловъ и, когда еще Гальба былъ въ полной силѣ, приставшаго къ партіи Отона. Присоединенъ Лициній Прокулъ; находясь въ тѣсной дружбѣ съ Отономъ, онъ внушалъ подозрѣніе, что содѣйствовалъ его планамъ. Надъ городомъ сдѣлали начальникомъ Флавія Сабина, слѣдуя сужденію Нерона, при которомъ онъ имѣлъ ту же должность. Большинство имѣло при этомъ въ виду брата его Веспасіана. Потребовали воины, чтобы отпуски, право давать которые предоставлено было сотникамъ, были оставлены. Рядовому воину приходилось платить какъ бы ежегодную дань. Четвертая часть роты расходилась за провіантомъ или скиталась по самимъ лагерямъ, лишь бы выплатить взносъ сотнику. Не было мѣры тягости съ одной стороны, и съ другой не обращалось вниманіе на средства добычи; воровствомъ, грабежомъ или самими рабскими работами искупали отдыхъ отъ военной службы. Тутъ каждый воинъ побогаче обременяемъ былъ трудомъ и суровымъ обращеніемъ, пока не покупалъ себѣ отпуска. А когда истощенный расходами и ослабѣвъ кромѣ того въ бездѣйствіи, бѣднымъ вмѣсто богатаго и лѣнивымъ вмѣсто усерднаго возвращался въ роту, то снова тотъ или другой, соблазненные тою же бѣдностью и возможностью своеволія, очертя голову бросались въ возстанія и раздоры и наконецъ въ междуусобныя войны. Но Отонъ, чтобы въ угоду большинства не оттолкнуть умовъ сотниковъ, обѣщалъ, что изъ собственной его казны будутъ выплачиваться сотникамъ ежегодные отпуски,—дѣло безъ сомнѣнія полезное и впослѣдствіи и хорошими государями утвержденное постоянствомъ дисциплины. Лако префектъ, будто бы назначенный къ удаленію на островъ, заколотъ воиномъ изъ охотниковъ, посланнымъ для этого Отономъ; а Марціанъ Ицелъ, какъ отпущенникъ, казненъ явно.

XLVII. День прошелъ въ злодѣйствахъ, а довершеніемъ зла была радость. Зоветъ сенатъ городской преторъ, стараются превзойдти другъ друга въ выраженіяхъ лести прочія должностныя лица. Сбѣгаются сенаторы, опредѣляютъ Отону: власть трибунскую, наименованіе Августа и всѣ почести государей. Всѣ усиливались загладить поношенія и ругательства; высказанныя въ разное время, остались ли они у него въ душѣ—никто не почув-

ствовалъ; забылъ ли онъ свои обиды, отложилъ ли ихъ (возмездіе) по краткости правленія—осталось неизвѣстнымъ. Отонъ, по окровавленному еще форуму и по лежавшимъ тамъ трупамъ, отправился въ Капитолій и оттуда во дворецъ, а тѣла дозволилъ предать погребенію и сжечь. Пизона жена Веронія и братъ Скрибоніанъ, а Т. Винія дочь Криспина схоронили, разыскавъ и выкупивъ головы, сбереженныя убійцами для продажи.

XLVIII. Пизону исполнился тридцать одинъ годъ, слава его была лучше чѣмъ судьба. Братья его погибли: Магнъ отъ Клавдія, а Крассъ отъ Нерона. Самъ долгое время изгнанникъ, въ продолженіи четырехъ дней Цезарь, поспѣшнымъ усыновленіемъ только на то предпочтенъ старшему брату, чтобы прежде быть умерщвленымъ. Т. Виній провелъ 57 лѣтъ жизни съ весьма разнообразною нравственностью. Отецъ его происходилъ изъ преторской фамиліи, а дѣдъ по матери изъ осужденныхъ (за политическія преступленія). Начало его военной службы набросило на него тѣнь безславія. Его начальникомъ былъ леґатъ Кальвизій Сабинъ. Жена его, въ неблагоразумномъ желаніи осмотрѣть положеніе лагерей, ночью пошла въ военной одеждѣ и также смѣло и необдуманно принимая участіе въ караулахъ и другихъ обязанностяхъ военной службы, дерзнула на совокупленіе въ самомъ видномъ мѣстѣ лагерей. Какъ соучастника этого преступленія, обвиняли Т. Винія. Вслѣдствіе этого, по приказу К. Цезаря, заключенъ въ оковы, но вскорѣ, съ перемѣною обстоятельствъ, выпущенъ и его дальнѣйшее движеніе на пути почестей нисколько отъ того не пострадало; послѣ претуры получилъ начальство надъ легіономъ и заслужилъ одобреніе. Потомъ заподозрѣнъ въ рабскомъ преступленіи, такъ какъ онъ будто бы укралъ на пиршествѣ Клавдія золотую чашу, и Клавдій на другой день одному изо всѣхъ Винію велѣлъ подавать въ глиняныхъ сосудахъ. Но Виній въ проконсульство управлялъ Нарбонскою Галліею строго и честно. Вслѣдъ за тѣмъ дружбою Гальбы увлеченъ онъ въ пропасть; смѣлый, хитрый, готовый на все, и на что бы ни обращалъ способности, на дурное ли или на хорошее, вездѣ дѣйствовалъ съ одинаковою силою (энергіею). Завѣщаніе Т. Винія, вслѣдствіе громадности состоянія, осталось недѣйствительнымъ, а Пизона послѣднія распоряженія скрѣпила его бѣдность.

XLIX. Тѣло Гальбы долго валялось въ пренебреженіи и, вслѣдствіе необузданности, во мракѣ ночи, подверглось многимъ насмѣшкамъ. Расходчикъ Аргій изъ прежнихъ его рабовъ предалъ

скромному погребенію въ саду, составлявшемъ его частную собственность. Голова, воткнутая и истерзанная маркитантами и прислужниками, передъ могилою Патробія (онъ былъ отпущенникомъ Нерона и казненъ Гальбою), наконецъ на другой день найдена и присоединена къ тѣлу уже сожженному. Такой конецъ имѣлъ Сер. Гальба, благополучно переживщій 73 года при пяти государяхъ, болѣе счастливый при чужомъ владычествѣ, чѣмъ при своемъ собственномъ. Родъ его принадлежалъ къ изстари знатнымъ, богатства были очень велики; самъ—посредственныхъ умственныхъ дарованій, скорѣе чуждый пороковъ, чѣмъ ревностный къ добродѣтели. Не совсѣмъ равнодушный къ славѣ, онъ не хотѣлъ ее купить на деньги; не жадный на чужія деньги, берегъ свои и былъ скупъ на общественныя. Къ друзьямъ и отпущенникамъ, когда нападалъ на хорошихъ, безупречно снисходителенъ, а когда приходилось имѣть дѣло съ дурными, то оставался въ невѣдѣніи даже до вины. Но знатность происхожденія и опасенія времени были причиною, что то, что въ сущности было безпечностью, прослыло за мудрость. Пока онъ былъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ, онъ снискалъ въ Германіи военную славу. Будучи проконсуломъ, управлялъ онъ Африкою умѣренно, а уже въ лѣтахъ болѣе преклонныхъ онъ съ такою же справедливостью завѣдывалъ ближнею Испаніею: онъ казался выше положенія частнаго человѣка, пока былъ имъ, и по общему признанію способенъ былъ властвовать, еслибы не получалъ власти.

L. И безъ-того смятенный городъ, полный опасеній и вслѣдствіе гнусности только-что совершеннаго злодѣйства и старинныхъ нравовъ Оттона, новый вѣстникъ о Вителліи привелъ въ ужасъ. До убійства Гальбы онъ молчалъ, чтобы оставалось убѣжденіе только о возстаніи Верхней Германіи. Тутъ не только сенаторы и всадники, принимавшіе какое-либо участіе и заботу о дѣлѣ общемъ, но и народъ явно скорбѣлъ, что: «двое худшіе изо всѣхъ людей безстыдствомъ, недѣятельностью, развратомъ, какъ бы свыше судьбою назначены погубить государство. И уже не свѣжіе примѣры полнаго жестокостей мирнаго времени, но возобновляли въ памяти и событія междуусобныхъ войнъ: «столько разъ взятый своими же войсками городъ, Италія предана опустошенію, а провинціи грабежу—повторяли имена Фарсаліи, Филиппы, Перузіи и Мутины, прославленныя общественными бѣдствіями. Почти ниспровергнутъ шаръ земный даже тогда, когда о верховной власти шла борьба между благонамѣренными, но государство оставалось еще, когда побѣдилъ К. Юлій, и тогда, когда Цезарь Августъ, какъ остава-

валось бы общественное управленіе дѣлами при Помпеѣ и Брутѣ. Теперь ли за Оттона или за Вителлія пойдутъ въ храмы? И тѣ и другія мольбы будутъ нечестивы, ненавистны обѣты и за того и другаго, а изъ двухъ—и только посредствомъ войны, прійдетъ это въ извѣстность, худшимъ будетъ тотъ, кто побѣдитъ». Были и такіе, что уже мѣтили догадками въ Веспасіана и восточныя войска, а такъ какъ Веспасіанъ былъ сильнѣе того и другаго изъ соискателей, то опасались войны и новыхъ бѣдствій. О Веспасіанѣ были разныхъ понятій; одинъ изо всѣхъ, ему предшествовавшихъ, онъ государемъ измѣнился къ лучшему.

LI. Теперь изложу начало и побужденія возстанія, во главѣ котораго былъ Вителлій. Когда Юлій Виндексъ потерпѣлъ пораженіе со всѣми его силами, то войско, ободренное добычею и славою, такъ какъ ему безъ труда и опасностей досталась побѣда въ такую богатую кампанію, искало походовъ, а не покоя, наградъ, а не жалованья. Долго переносило оно безплодную для себя и суровую службу вслѣдствіе свойствъ мѣстности, климата и строгости дисциплины; ее, въ мирное время неумолимую, раздоры гражданъ ослабляютъ, такъ какъ съ двухъ сторонъ готовы подкупатели и вѣроломство остается безнаказаннымъ. Людей, оружія, коней было въ избыткѣ и на потребности и на показъ, но до войны знали только свои сотни и эскадроны; войска раздѣлены были границами провинцій. Тутъ противъ Виндекса стянуты легіоны; узнавъ на опытѣ и себя и Галліи, снова искали войны, новыхъ раздоровъ, и не союзниками, какъ прежде, называли Галловъ, но врагами и побѣжденными. И за одно была часть Галліи, прилежащая къ Рейну; она послѣдовала за тою же партіею, и въ то время была усерднѣйшею подстрекательницею противъ Гальбіанъ; такое наименованіе дали они, наскучивъ Виндексомъ. Вслѣдствіе этого враждебные Секванамъ, Эдуямъ, а вслѣдъ затѣмъ и другимъ племенемъ по мѣрѣ ихъ богатства они задумали въ умахъ взятія городовъ, опустошенія полей, расхищеніе домовъ. Кромѣ корыстолюбія и надменности, главныхъ пороковъ тѣхъ, которые сознаютъ свою силу, раздражены бранью Галловъ, которые хвалились, что имъ Гальба простилъ четвертую часть дани, а они-войска-всенародно осуждены на безславіе (позоръ). Присоединился слухъ хитро распущенный, но которому легкомысленно повѣрили, что десятый воинъ изъ легіоновъ подвергутъ будетъ наказанію, и дѣятельнѣйшіе изъ сотниковъ распущены. «Отовсюду грозящія вѣсти, зловѣщіе слухи изъ города; враждебная колонія Лугдунская и упорная въ вѣрности Нерону обиловала

толками. Но болѣе всего матеріала выдумывать и вѣрить находилось въ самихъ лагеряхъ вслѣдствіе ненависти, опасеній и, когда они на себя озирались, сознанія силъ.

LII. Около самыхъ Декабрскихъ календъ предшествовавшаго года Авлъ Вителлій вступилъ въ Нижнюю Германію и съ заботою вошелъ въ зимнія квартиры легіоновъ. Большей части воиновъ возвращены прежнія мѣста, снято безславіе, смягчены сдѣланныя наказанія. Все это сдѣлано по преимуществу изъ честолюбивыхъ разсчетовъ, но кое-что и разсудительно. Вообще грязное корыстолюбіе Фонтея Капитона въ отнятіи и назначеніи военныхъ мѣстъ, смѣнилъ безкорыстіемъ. Все это принималось гораздо значительнѣе, чѣмъ сколько слѣдовало соразмѣрно положенію легата, бывшаго консула. Вителлій держалъ себя смиренно передъ суровыми. Расположенные къ нему называли вѣжливостью и добротою то, что онъ безъ мѣры, безъ обсужденія раздавалъ свое, не щадилъ щедро и чужаго: все это изъ страстнаго желанія верховной власти. Самые пороки истолковывали за добродѣтели многіе и въ томъ и другомъ войскѣ, какъ смирные и покойные воины, такъ и дурные и на все готовые. Въ особенности отличались порывами страстей и замѣчательною смѣлостью легаты легіоновъ: Аліенъ Цецина и Фабій Валенсъ; изъ нихъ Валенсъ, враждебный Гальбѣ, какъ будто бы онъ не отвѣтилъ ему должною благодарностью за открытую имъ медленность Вергинія и подавленіе замысловъ Капитона, возбуждали Вителлія, указывая ему рвеніе воиновъ». Онъ вездѣ пользуется самою лучшею извѣстностію: никакого замедленія не будетъ въ Флаккѣ Гордеоніи. За него будетъ и Британія, послѣдуютъ вспомогательныя войска Германцевъ, провинціи, вѣрность которыхъ далеко не надежна; власть старика не прочна и скоро минуетъ; пусть только подставитъ пазуху и ловитъ счастіе, которое само къ нему валится. Основательно колебался Вергиній изъ всадническаго рода, сынъ отца, котораго никто не зналъ; не совладалъ бы онъ съ верховною властью, еслибы принялъ, и если бы отказался, то остался бы въ безопасности. За Вителлія три консульства отца, цензура, сотоварищество съ Цезаремъ—все это само по себѣ даетъ ему право возвыситься императоромъ, а какъ частному человѣку вредитъ его безопасности.

LIII. Эти убѣжденія дѣйствовали на лѣнивый умъ и онъ сильнѣе хотѣлъ, чѣмъ сколько надѣялся. А въ Верхней Германіи Цецина, расивый молодой человѣкъ, громадный тѣломъ, ума необузданнаго, рѣчью изысканною, сановитыми манерами пріобрѣлъ расположеніе

воиновъ. Этого юношу, бывшаго прежде квесторомъ въ Бетикѣ и безъ замедленія принявшаго сторону Гальбы, онъ поставилъ во главѣ легіона. Убѣдясь вскорѣ потомъ, что онъ захватилъ часть общественныхъ денегъ, какъ взяточника, велѣлъ предать суду. Цецина этимъ сильно оскорбился и рѣшился произвесть общее замѣшательство и свою личную обиду прикрыть общественными бѣдствіями. И въ войскѣ не было недостатка въ сѣменахъ раздора: такъ какъ оно и все участвовало въ войнѣ противъ Виндекса и только по убіеніи Нерона перешло къ Гальбѣ, и даже въ принесеніи ему присяги упреждено отрядами Нижней Германіи. Треверы и Лингоны и другія племена, которыя Гальба притѣснилъ суровыми распоряженіями и отнятіемъ части земель, ближе подходятъ и почти соединяются съ квартирами легіоновъ. Вслѣдствіе этого—взаимныя убѣжденія къ возмущенію; воины развращались среди дикарей и общее расположеніе къ Вергинію, которое легко было обратить на пользу другаго лица.

LIV. Послалъ городъ Лингоновъ по старинному обычаю дары легіонамъ скрѣпить связи гостепріимства. Послы ихъ умышленно приняли одѣяніе и наружность лицъ, находящихся въ печали; ходя по самимъ виднымъ мѣстамъ лагеря и по палаткамъ воиновъ, жаловались то на свои обиды, то на награды, полученныя сосѣдними городами, и когда воины слушали ихъ охотно, сѣтовали объ опасности и обидѣ самого войска и тѣмъ воспламеняли умы воиновъ. И возмущеніе готово уже было вспыхнуть, когда Гордеоній Флаккъ отдаетъ приказаніе посламъ удалиться и чтобы это оставалось втайнѣ, назначаетъ для того время ночью. Вслѣдствіе этого самые злые толки и большинство утверждало: что они умерщвлены и если воины о себѣ не подумаютъ, то непремѣнно усерднѣйшіе изъ воиновъ, высказывавшіе жалобы на теперешнее положеніе дѣлъ, будутъ избиты во мракѣ и такъ, что прочіе и знать не будутъ. Легіоны соединились другъ съ другомъ посредствомъ тайнаго соглашенія. Призваны къ тому и вспомогательные воины; сначала ихъ подозрѣвали, будто они, окруживъ легіоны своими когортами и эскадронами, готовятся сдѣлать на нихъ нападеніе, но вскорѣ они раздѣлили тѣ же замыслы и еще съ большимъ усердіемъ. Въ расположенныхъ къ дурному легче было уладить единодушіе на войну, чѣмъ согласіе на миръ.

LV. Впрочемъ легіоны Нижней Германіи торжественною присягою календъ Январскихъ обязавшіеся Гальбѣ, долго медлили; изрѣдка раздавались только воззванія въ первыхъ рядахъ. Прочіе въ мол-

чаніи ожидали чего-либо рѣшительнаго отъ тѣхъ, кто былъ къ нимъ поближе, по врожденному людей свойству поспѣшно слѣдовать въ томъ, чего самимъ начать не хочется. Да и среди легіоновъ господствовало разномысліе. Воины перваго и пятаго легіоновъ до того взволновались, что нѣкоторые бросали камни въ изображеніе Гальбы; а пятнадцатый и шестнадцатый легіонъ не дерзали ни на что кромѣ ропота и угрозъ, высматривая, чтобы другіе начали возстаніе. А въ Верхней Германіи четвертый и восемнадцатый легіоны, шедшіе изъ однихъ и тѣхъ зимнихъ квартиръ въ самый день календъ Январскихъ ломаютъ изображенія Гальбы; четвертый легіонъ усерднѣе, восьмнадцатый медленнѣе, но потомъ единодушно. А чтобы не показать, будто они свергаютъ всякое уваженіе къ власти, въ присягѣ упомянули имена, уже давно пришедшія въ забвеніе, Сената и народа Римскаго. Ни одинъ изъ трибуновъ и легатовъ не хлопоталъ въ пользу Гальбы, а нѣкоторые въ этомъ смятеніи замѣтно еще болѣе вносили замѣшательства. Впрочемъ никто еще не говорилъ съ подмостковъ, какъ то дѣлается въ собраніи; да и не было еще кому бы все это приписать.

LVI. Зритель такого дурнаго поступка, Гордеоній Флаккъ, легатъ и бывшій консулъ, не имѣлъ довольно смѣлости ни сдержать взрывъ, ни задобрить нерѣшительныхъ, ни ободрить благонамѣренныхъ; лѣнивый, робкій, по безпечности не соучастникъ зла. Четыре сотника восьмнадцатаго легіона: Ноній Рецептъ, Донатій Валенсъ, Рамиллій Марцеллъ, Кальпурній Репентинъ, прикрывая собою изображенія Гальбы, порывомъ воиновъ схвачены и связаны. Тутъ уже ни въ комъ не осталось ни вѣрности, ни памяти о прежней присягѣ, но какъ обыкновенно бываетъ при возмущеніяхъ, всѣ пристали къ той сторонѣ, гдѣ было большинство. Въ ночь, послѣдовавшую за Январскими календами, въ колонію Агриппинскую знаменосецъ четвертаго легіона приноситъ извѣстіе пировавшему Вителлію. «Четвертый и восемнадцатый легіоны, ниспровергнувъ изображенія Гальбы, дали присягу на повиновеніе сенату и народу Римскому.» Присяга эта показалась лишенною смысла; положено: воспользоваться мановеніемъ счастія и предложить государя. Посланы отъ Вителлія къ легіонамъ и легатамъ съ извѣстіемъ: «отпало отъ Гальбы верхнее войско, а потому или пусть ведутъ войну съ отпавшими, или если предпочитаютъ согласіе и миръ, то назначатъ императора; меньше опасности взять себѣ государя, чѣмъ искать его.

LVII. Ближайшими были зимнія квартиры перваго легіона и рѣшительнѣе другихъ изъ легатовъ Фабій Валенсъ. Онъ, войдя на

другой день въ Агриппинскую колонію съ всадниками легіона и вспомогательными, поздравилъ Вителлія императоромъ. Его примѣру послѣдовали съ крайнимъ усердіемъ легіоны той же провинціи и войско верхнее, оставивъ уже благовидныя имена сената и народа Римскаго, въ третій день нонъ Январскихъ приступило къ Вителлію, какъ будто бы въ теченіи первыхъ двухъ дней оно было безучастно къ дѣлу общественному. Усердію войска старались стать въ уровень Агрипинцы, Треверы, Лингоны; они предлагали: вспоможеніе, коней, оружіе, деньги, насколько кто богатъ былъ силами тѣла, денежными средствами, умственными способностями. И не только первыя лица въ колоніяхъ или лагеряхъ, которымъ въ настоящемъ виднѣлись огромныя надежды отъ побѣды самой по себѣ пришедшей и снисканной; но простые рядовые воины отдавали вмѣсто денегъ путевыя деньги, перевязи и уборы коней, лучшее оружіе, украшенное серебромъ. Дѣйствовали они такъ по первому побужденію безотчетно и изъ корыстолюбивыхъ соображеній.

LVIII. Вслѣдствіе этого, похваливъ усердіе воиновъ, Вителлій служебную дѣятельность верховной власти, прежде обыкновенно исполняемую отпущенниками, распредѣлилъ всадникамъ Римскимъ: за отпуски сотникамъ выдалъ деньги изъ собственной казны. Свирѣпство воиновъ, требовавшихъ весьма многихъ на казнь, чаще одобрялъ, а иногда заключеніемъ для виду въ оковы обманывалъ. Помпей Пропинквъ, прокураторъ Бельгики, немедленно убитъ. Юлія Бурдона, префекта Германскаго флота, хитростью спасъ. Раздраженіе противъ него войска происходило отъ убѣжденія, будто бы онъ устроилъ сначала обвиненіе, а потомъ коварно западню Фонтеію Капитону. Память Капитона была войскамъ пріятна, а передъ разъяренными возможно было убить явно, а простить развѣ только обманомъ. Такимъ образомъ держали его подъ стражею и только уже послѣ побѣды, когда ненависть воиновъ поуспокоилась, отпущенъ, между тѣмъ, какъ искупительная жертва, отданъ сотникъ Криспинъ, запятнавшій себя кровью Капитона; тѣмъ нагляднѣе былъ онъ для требовавшихъ, да и для изрекшаго казнь болѣе достоинъ пренебреженія.

LIX. Затѣмъ изъятъ отъ опасности Юлій Цивилисъ, личность самая могущественная между Батавовъ, съ цѣлью чтобы смѣлый народъ его казнью не оттолкнуть отъ себя. Находились въ городѣ Лингоновъ восемь когортъ Батавовъ, какъ подкрѣпленіе четырнадцатаго легіона, въ то время вслѣдствіе случайнаго несогласія удалившіяся отъ легіона, а на чью бы сторону онѣ склонились союзниками

или противниками, то придали бы большую силу. Нонія, Донатія, Ромилія, Кальпурнія сотниковъ, о которыхъ мы выше сказали, приказалъ умертвить, осужденныхъ по обвиненію въ вѣрности, самому тяжкому для измѣнниковъ. Пристали къ той же партіи Валерій Азіатикъ, легатъ Бельгійской провинціи, котораго вскорѣ потомъ Вителлій принялъ себѣ зятемъ и Юній Блезъ, Лугдунской Галліи правитель, съ Италіянскимъ легіономъ и Тавринскимъ отрядомъ конницы, направлявшимися къ Лугдуну. И находившіяся въ Ретіи войска не замедлили тотчасъ же присоединиться. Да и въ Британіи даже и то не было колебанія.

LX. Начальникомъ былъ Требеллій Максимъ, корыстолюбіемъ и другими низостями стяжавшій презрѣніе и нелюбовь войска. Эту къ нему ненависть разжигалъ еще Росцій Целій, легатъ двѣнадцатаго легіона, давно уже съ нимъ неладившій, но по случаю внутреннихъ раздоровъ имѣвшій возможность обнаружить ее съ большею силою. Требеллій попрекалъ Целія возмущеніемъ и нарушеніемъ всякаго порядка дисциплины, а Целій—Требеллія въ томъ, что онъ обобралъ и довелъ до нищенства легіоны. Такимъ образомъ мало по малу эти позорныя состязанія легатовъ развратили скромность (умѣренность) войска, и дошло до такого раздраженія, что преслѣдуемый бранью и воиновъ изъ вспомогательнаго отряда—между тѣмъ какъ къ Целію пристали и пѣшія и конныя войска—оставленный всѣми Требеллій бѣжалъ къ Вителлію. Провинція оставалась спокойною, несмотря на удаленіе бывшаго консула. Правили легаты легіоновъ съ равными правами, но Целій могущественнѣе другихъ—своею смѣлостью.

LXI. Съ присоединеніемъ Британскаго войска, обладая громадными силами и средствами, назначилъ двухъ вождей и два военныхъ маршрута. Фабій Валенсъ получилъ приказаніе привлечь на свою сторону Галліи, а еслибы онѣ отказались, то предать ихъ опустошенію и черезъ Коттійскія Альпы ворваться въ Италію; Цецина получилъ приказаніе ближайшимъ путемъ спуститься съ Пеннинскихъ высотъ. Валенту отобраны воины нижняго войска съ орломъ пятаго легіона, когортами и эскадронами; всего же дано ему до сорока тысячъ воиновъ. Тридцать тысячъ Цецина велъ изъ Верхней Германіи и главная сила ихъ заключалась въ одномъ двадцать первомъ легіонѣ. Присоединены къ тому и другому войску вспомогательные Германцы; изъ нихъ Вителлій пополнилъ и собственныя войска съ тѣмъ, чтобы слѣдовать (за своими легатами) со всею массою силъ.

LXII. Удивительная разница была между войскомъ и императо-

ромъ. Воины настаивали, требовали оружія: «пока Галліи трепещутъ, Испаніи колеблются; ни зима, ни замедленія позорнаго мира не должны служить препятствіемъ. Нужно идти въ Италію, занять городъ. Въ гражданскихъ раздорахъ всего безопаснѣе поспѣшность, чтобы нѣкогда было обдумывать, а нужно было бы дѣйствовать». Вителлій находился какъ бы въ оцѣпенѣніи и заранѣе спѣшилъ насладиться положеніемъ государя, праздною роскошью и неумѣренными пиршествами. Середи дня онъ былъ пьянъ и съ отягченнымъ яствами желудкомъ. Несмотря на это, усердіе и энергія воиновъ восполняли обязанности вождя такъ, какъ бы самъ императоръ тутъ присутствовалъ и дѣйствовалъ обѣщаніями и угрозами на усердныхъ и лѣнивыхъ. Изготовясь и снарядясь, требуютъ сигнала отправленія. Названіе Германика немедленно дано Вителлію; называть же себя Цезаремъ Вителлій воспретилъ даже побѣдителемъ. Какъ радостное предзнаменованіе Фабію Валенту и войску, которое онъ велъ на войну, въ самый день выступленія орелъ медленнымъ полетомъ по направленію, куда должно было идти войско, летѣлъ впередъ, какъ бы указывая дорогу. И на далекое пространство таковъ былъ кличъ радовавшихся воиновъ, таково спокойствіе не оробѣвшаго орла, что несомнительно можно было принять это за предвѣстіе великаго и благополучнаго событія.

LXII. И земли Треверовъ, какъ союзниковъ, прошли безопасно. Въ Диводурѣ (то былъ городъ Медіоматриковъ) воинами, хотя они были приняты со всевозможною ласкою, овладѣло какое-то опасеніе; вдругъ схватили они оружіе и бросились избивать невинныхъ гражданъ, не изъ добычи и желанія грабить, но въ какомъ-то припадкѣ неистоваго раздраженія, по причинѣ неизвѣстной, и тѣмъ труднѣе было помочь этому бѣдствію; наконецъ смягченные просьбами вождя, воины прекратили истребленіе гражданъ. Впрочемъ убито до четырехъ тысячъ человѣкъ. Такой ужасъ овладѣлъ Галліями, что куда бы ни приходило войско, цѣлыя населенія городовъ выходили къ своими начальниками и умоляли о пощадѣ, распростершись по дорогѣ женщины и дѣти. Употребляемы были въ дѣло всѣ средства умилостивить враждебное раздраженіе и не въ военное время, но лишь бы имѣть миръ.

LXIV. Извѣстіе объ убіеніи Гальбы и императорствѣ Отона—Фабій Валенсъ получилъ въ городѣ Левковъ. На умы воиновъ не произвело это впечатлѣнія ни радости, ни опасеній: объ одной лишь войнѣ и помышляли. У Галловъ отнятъ поводъ колебанія, равно ненавистны имъ были и Отонъ и Вителлій, но послѣдняго еще къ

*

тому же и опасались. Ближайшимъ былъ городъ Лингоновъ, вѣрный партіи (Вителлія). Ласково принятые воины наперерывъ показывали свою умѣренность; но радость была недолговременна вслѣдствіе невоздержности когортъ, которыя, отдѣливъ, какъ мы уже упоминали, отъ четырнадцатаго легіона, Фабій Валенсъ присоединилъ къ своему войску. Сначала перебранка, потомъ ссора произошла между Батавовъ и легіонныхъ воиновъ по мѣрѣ того, какъ воины поддерживали своими усиліями ту или другую сторону; окончилось бы это почти сраженіемъ, еслибы Валенсъ казнью немногихъ не напомнилъ бы Батавамъ власть ими почти забытую. Вотще искали противъ Эдуевъ повода къ войнѣ; получивъ приказаніе принесть денегъ и оружія, они отъ себя присоединили въ подарокъ провіантъ. Что Эдуи сдѣлали изъ страха, то жители Лугдуна отъ радости. Но уведены легіонъ Итальянскій и Тавринскій отрядъ конницы. Восьмнадцатую когорту положено оставить въ Лугдунѣ, гдѣ она обыкновенно зимовала. Манлій Валенсъ, легатъ Итальянскаго легіона, хотя и вѣрно служившій дѣлу Вителлія, нисколько чести отъ него не получилъ. Тайными наговорами его заподозрилъ Фабій, такъ что тотъ не зналъ и чтобы вѣрнѣе обмануть, явно хваля его.

LXV. Старинная вражда Лугдунцевъ съ Батавами нашла себѣ большую пищу въ близкой войнѣ. Много пакостей дѣлали они взаимно другъ другу, чаще и враждебнѣе, чѣмъ еслибы только состязались оружіемъ за Нерона или Гальбу. Гальба по случаю раздраженія, доходы Лугдунцевъ обратилъ въ собственную казну, а напротивъ осыпалъ большою почестью жителей Віенны. Оттого соперничество, зависть и ненависть, связывавшая раздѣленныхъ только рѣкою. Вслѣдствіе этого жители Лугдуна подстрекали воиновъ порознь и и подущали ихъ на гибель жителей Віенны высказывая: «захватили они ихъ колонію, помогали покушеніямъ Виндекса, недавно набраны легіоны въ защиту Гальбы; обнаруживъ поводы къ ненависти, указывали на значительность добычи. И уже не тайно убѣждали, но всенародно умоляли: «пусть идутъ мстители, истребятъ гнѣздо Галльской войны; все тамъ чужое и враждебное; они же—Римскіе поселенцы, часть войска и сотоварищи въ счастливыхъ и несчастныхъ обстоятельствахъ. Если счастіе имъ измѣнитъ, то чтобы они не были оставлены на жертву раздраженнымъ».

LXVI. Такими и еще болѣе сильными внушеніями довели дотого, что даже легаты и руководители возстанія не считали воз-

можнымъ успокоить раздраженіе войска. Жители Віенны не оставались въ невѣдѣніи относительно угрожавшей имъ опасности. Туда, куда двинулось войско, они явились, неся впереди масличныя вѣтви и повязки; они цѣловали оружіе, обнимали колѣна, ползали по слѣдамъ и смягчили умы воиновъ. Прибавилъ Валенсъ по триста сестерцій на каждаго воина. Тутъ стали уже имѣть значеніе древность и достоинство колоніи и слова Фабія, поручившаго воинамъ сохрану и безопасность Віенненцевъ, приняты охотно. Впрочемъ явно отобрано у нихъ оружіе и они оказали пособіе воинамъ изъ своихъ частныхъ и общихъ (смѣшанныхъ) средствъ. Но былъ слухъ достовѣрный, что самого Валенса подкупили значительною суммою денегъ. Онъ бывъ долго въ черномъ тѣлѣ, вдругъ разбогатѣвъ, дурно скрывалъ перемѣну состоянія, неумѣренный въ пожеланіяхъ тѣмъ болѣе сильныхъ, чѣмъ долѣе прежде по бѣдности его они оставались неудовлетворенными. Въ нищетѣ проведя молодость, подъ старость сдѣлался расточительнымъ. Потомъ медленно двигаясь, войско пошло по землямъ Аллоброговъ и Воконціевъ. Вождь продавалъ самое пространство переходовъ и перемѣну квартиръ, вступая въ позорныя соглашенія съ владѣльцами полей и должностными лицами городовъ, и до того съ угрозою, что къ Лакону (то былъ муниципій Воконтіевъ) пододвинулъ было факелы (зажечь его), пока не былъ смягченъ деньгами. А въ случаѣ недостатка денежныхъ средствъ, умилостивляли его женщинами и дѣвушками. Такъ достигли Альпъ.

LXVII. Болѣе добычи и съ большимъ кровопролитіемъ стяжалъ Цецина. Раздражили безпокойный умъ Гельветы, Гальской народъ, нѣкогда славный оружіемъ и воинами, а въ то время лишь воспоминаніями; не зная объ убіеніи Гальбы, отказались повиноваться Вителлію. Начало военныхъ дѣйствій послѣдовало отъ алчности и поспѣшности двадцать перваго легіона. Они захватили деньги, посланныя на жалованье гарнизону укрѣпленія, которое издавна Гельветы защищали своими воинами и на свой счетъ. Съ неудовольствіемъ приняли это Гельветы и перехвативъ письма, которыя отъ имени Германскаго войска были отправлены къ Паннонскимъ легіонамъ, сотника и нѣсколькихъ воиновъ задержали подъ стражею. Цецина, алчный до войны, спѣшилъ отмстить за первое же оскорбленіе, спѣша какъ бы не покаялись. Поспѣшно выдвинуты впередъ лагери; поля преданы опустошенію. Разграблено мѣсто въ теченіи долговременнаго мира выстроившееся наподобіе муниципія и вслѣдствіе веселаго положенія цѣлебныхъ водъ многими посѣщаемое.

Отправлены вѣстники къ Ретійскимъ вспомогательнымъ войскамъ, чтобы они напали съ тылу на Гельветовъ, обратившихся противъ легіоновъ.

LXVIII. Они—прежде чѣмъ попали въ крайность—смѣлые, въ опасности робкіе, хотя въ началѣ возстанія избрали вождемъ Клавдія Севера, не умѣли ни обращаться съ оружіемъ ни идти рядами, ни обдумать что-либо за одно. Гибильно было бы сраженіе противъ старыхъ и опытныхъ воиновъ, осада не безопасна, такъ какъ стѣны обрушивались отъ ветхости. Съ одной стороны Цецина съ сильнымъ войскомъ, съ другой-Ретійскія конныя и пѣшія войска и молодежь самихъ Ретовъ, привыкшая къ оружію и обученная въ родѣ ополченія. Отовсюду опустошеніе и убійство. Сами блуждали по серединѣ, бросивъ оружіе; большая часть перераненная и скитаясь порознь ушли на гору Воcцетій. Немедленно посланною туда когортою Ѳраковъ сбиты и, преслѣдуемые Германцами и Ретами по лѣсамъ и въ самихъ трущобахъ, избиты. Многія тысячи людей истреблены, многія проданы въ рабство съ публичнаго торга. А когда по разрушеніи всего стремились правильнымъ строемъ къ Авентику, столицѣ народа, посланы—сдать городъ и сдача принята. Юлія Альпина изъ старѣйшинъ Цецина казнилъ какъ зачинщика войны, а прочихъ предоставилъ прощенію или жестокости Вителлія.

LXIX. Не легко сказать, кого нашли Гельветы менѣе расположенными къ милости и снисхожденію—императора ли или его воиновъ. Требуютъ истребленія города; руками и оружіемъ грозятъ посламъ. Да и Вителлій не щадилъ угрозъ и брани. Тутъ Клавдій Коссъ, одинъ изъ пословъ, знаменитый краснорѣчіемъ, но скрывшій свой даръ слова подъ искусно притворнымъ страхомъ, что тѣмъ сильнѣе произвело впечатлѣніе, успокоилъ умы воиновъ. Вѣдь массы вдругъ доступны перемѣнамъ и также скоро становятся расположенными къ состраданію, какъ не знали мѣры въ жестокости. Проливая слезы и упорно прося пощады, послы добились безнаказанности и спасенія города.

LXX. Цецина немного дней замедливъ въ землѣ Гельветовъ, пока узналъ о рѣшеніи Вителлія, вмѣстѣ готовясь къ переходу черезъ Альпы, получилъ пріятное извѣстіе изъ Италіи: «Силланскій отрядъ конницы, находившійся около Пада, приступилъ къ присягѣ Вителлію». Силланы въ Африкѣ имѣли проконсуломъ Вителлія; потомъ вызванныя Нерономъ для того, чтобы быть посланными впередъ въ Египетъ, отозваны назадъ по случаю войны съ Виндексомъ. Въ то время оставались они въ Италіи и вслѣдствіе побужденія де-

куріоновъ, незнавшихъ Оттона, а одолженныхъ Вителліемъ, превозносившихъ силу шедшихъ легіоновъ и славу Германскаго войска, перешли къ той сторонѣ, и въ видѣ дара новому государю самыя сильныя муниципіи Транспаданской области Медіоланъ, Новарію, Епоредію и Верцеллы присоединили и сами же дали о томъ знать Цецинѣ. А такъ какъ силами одного эскадрона не возможно было защищать такую обширную часть Италіи, то посланы впередъ когорты Галловъ, Лузитановъ, Британцевъ и нѣсколько Германскихъ значковъ съ Петринскимъ эскадрономъ. Самъ нѣсколько времени оставался въ нерѣшительности—черезъ Ретійскія горы не повернуть ли въ Норикъ противъ Петронія Урбика прокуратора; онъ, собравъ вспомогательныя войска и уничтоживъ мосты на рѣкахъ, далъ поводъ заключать о своей вѣрности Оттону. Но изъ опасенія, какъ бы не потерять посланныя впередъ пѣшія и конныя войска и соображая, что болѣе славы удержать Италію, а гдѣ бы ни произошелъ рѣшительный бой, Норики не замедлятъ вмѣстѣ съ прочимъ сдѣлаться военною добычею, повелъ воиновъ резерва Пенинскимъ путемъ и имъ же перевелъ и тяжело вооруженный строй легіоновъ черезъ Альпы, гдѣ царствовала еще зима вполнѣ.

LXXI. Между тѣмъ Оттонъ сверхъ чаянія всѣхъ не коснѣлъ ни въ наслажденіяхъ, ни въ праздной лѣни: отложены удовольствія, затаено расположеніе къ роскоши и все устроено къ чести новаго правленія. Тѣмъ болѣе заставляли опасаться притворныя добродѣтели и пороки, которые неминуемо должны были возвратиться. Марія Цельса, нареченнаго консула, притворнымъ заключеніемъ въ оковы защитивъ отъ свирѣпства воиновъ, велѣлъ позвать въ Капитолій. Искалъ Отонъ славы милосердія на человѣкѣ извѣстномъ и ненавистномъ крамольникамъ. Цельсъ, сознавшись въ томъ, что онъ постоянно хранилъ вѣрность Оттону, самъ предложилъ такой же образецъ. Да и Отонъ не такъ какъ бы прощалъ, но дабы врагъ не употребилъ въ дѣло опасеніе примиренія, тотчасъ же принялъ его въ число самыхъ приближенныхъ друзей своихъ и вслѣдъ за тѣмъ принялъ его въ число вождей для войны. Сохранилъ Цельсъ какъ бы судьбою предназначенную и къ Отону вѣрность непоколебимую и несчастную. Сохраненіе Цельса, пріятное первымъ лицамъ въ государствѣ, прославленное народною толпою, и воинамъ было не непріятно; дивились они той же самой доблести, которую преслѣдовали своимъ раздраженіемъ.

LXXII. Съ такимъ же восторгомъ, хотя и по другой причинѣ,

принято было то, что добились таки наконецъ казни Тигеллина. Софоній Тигеллинъ происходилъ отъ родителей темныхъ, позорно провелъ дѣтство, безстыдно старость—префектуры карауловъ и преторія и другихъ наградъ за добродѣтели такъ какъ скорѣе добился пороками, вслѣдъ затѣмъ предался жестокости, потомъ жадности и другимъ преступнымъ наклонностямъ мужчинѣ свойственнымъ, между тѣмъ какъ Неронъ былъ уже нравственною порчею расположенъ ко всему дурному; на иное дерзалъ онъ даже безъ его вѣдома и наконецъ явился предатель и измѣнникъ ему самому. Вслѣдствіе этого никого такъ упорно не требовали на казнь подъ вліяніемъ чувствъ весьма разнообразныхъ: одни изъ ненависти къ Нерону, а другіе изъ сожалѣнія о немъ. Передъ Гальбою защиту нашелъ онъ въ могуществѣ Т. Винія, а тотъ дѣйствовалъ такъ подъ благовиднымъ предлогомъ, будто бы Тигеллинъ спасъ ему дочь. И дѣйствительно не было сомнѣнія, что онъ спасъ, не изъ милосердія послѣ столькихъ убійствъ, но готовя себѣ защиту въ будущемъ. Человѣкъ самый дурной изъ недовѣрія къ настоящему и опасенія перемѣнъ, готовитъ себѣ противъ общей ненависти личныя отношенія пріязни; отсюда вовсе не заботливость о чьей либо невиновности, но взаимная безнаказанность. Тѣмъ враждебнѣе народъ, присоединилъ къ старинной ненависти Тигеллина свѣжее нерасположеніе къ Т. Винію. Сбѣжались со всего города во дворецъ и на площади и гдѣ преимущественно обнаруживается съ большею свободою общественное мнѣніе, въ циркахъ и театрахъ явясь во множествѣ, наполняли все возмутительными голосами. Наконецъ Тигеллинъ, получивъ у Синуесскихъ водъ извѣстіе о необходимости покончить съ собою, среди наслажденій поцалуями и объятіями своихъ наложницъ и послѣ неблаговидныхъ промедленій, перерѣзалъ бритвою горло, и позорную жизнь еще болѣе омрачилъ концомъ позднимъ и безчестнымъ.

LXXIII. Около того же времени требовали на казнь Кальвію Криспиниллу, но она изъята отъ опасности разными обманами; были тутъ слухи не къ чести государя, взявшаго на себя роль притворщика. Слуга пожеланій Нерона, она перешла въ Африку поощрять къ оружію Клодія Макра. Ни для кого не были тайною ея усилія оголодить народъ Римскій. Впослѣдствіи она снискала расположеніе всего общества, найдя поддержку въ замужствѣ консула и осталась невредимою при Гальбѣ, Оттонѣ и Вителліи. Затѣмъ сильна была своимъ богатствомъ и одиночествомъ, имѣющими одинаковое значеніе и въ добрыя и въ злыя времена.

LXXIV. Между тѣмъ частыя письма были отъ Отона къ Вителлію, въ которыхъ Отонъ старался позорно поддѣлаться какъ къ женщинѣ ласкательствами; предлагалъ деньги, свое расположеніе, свободный выборъ мѣста, гдѣ бы онъ могъ проводить жизнь въ покоѣ и роскоши. Тоже и Вителлій предлагалъ, сначала съ умѣренностью; и съ той и другой стороны было какое то глупое и неприличное притворство. Затѣмъ какъ бы поссорясь стали попрекать другъ друга въ распутствахъ, и порокахъ и оба основательно. Отонъ, отозвавъ пословъ, отправленныхъ Гальбою, послалъ другихъ къ тому и другому германскому войску, къ Италіянскому легіону и войскамъ, находившимся въ Лугдунѣ отъ имени будто бы сената. Послы остались у Вителлія съ большею готовностью чтобы можно было бы подумать, будто они удержаны силою. Преторіанцы, которыхъ, для большей повидимому торжественности, придалъ посламъ Отонъ, отправлены назадъ прежде, чѣмъ они могли имѣть сообщеніе съ воинами легіоновъ. Присоединилъ Фабій Валенсъ письмо отъ имени германскаго войска къ когортамъ преторіанскимъ и городскимъ, гдѣ въ пышныхъ выраженіяхъ говорилъ о силахъ ихъ партіи и предлагалъ дѣйствовать заодно; а съ своей стороны порицалъ за то, что власть на столько ранѣе врученную Вителлію, передали Отону.

LXXV. Такимъ образомъ одновременно дѣйствовали и обѣщаніями и угрозами: не имѣя достаточно силъ для войны съ перемѣною лицъ вы дескать ничего не потеряете. Но и Отонъ послалъ лазутчиковъ въ Германію и Вителлій въ городъ, безъ пользы для обоихъ: для Вителліанцевъ безнаказанно: въ такомъ многолюдствѣ они никому не извѣстные и сами никого не зная легко вводили въ заблужденіе. Отоніанцы выдаваемы были своею наружностью, такъ какъ личность ихъ была нова для всѣхъ и никому неизвѣстна. Вителлій сочинилъ письмо къ Тиціану, брату Оттона, угрожая гибелью ему и его сыну, если только не будутъ сохранены невредимо мать его и дѣти. И сохранились оба семейства: при Отонѣ неизвѣстно не вслѣдствіе ли опасеній; а Вителлій побѣдителемъ снискалъ себѣ славу милосердія.

LXXVI. Первое извѣстіе изъ Иллирика придало увѣренности Отону: «присягнули (будто бы) ему легіоны Далматіи, Панноніи и Мезіи». Такое же извѣстіе получено изъ Испаніи и эдиктомъ похваленъ Клувій Руфъ. Вслѣдъ за тѣмъ узнали, что Испанія обратилась къ Вителлію. Да и Аквитанія, хотя Юліемъ Кордомъ и приведенная къ присягѣ на вѣрность Отону, не долго оставалась за

нимъ. Да и нигдѣ не было ни вѣрности, ни привязанности, опасенія и указанія необходимости влекли къ перемѣнѣ въ ту или въ другую сторону. Такъ подъ вліяніемъ страха Нарбонская провинція обратилась къ Вителлію; да и легко было перейдти къ тѣмъ, кто ближе и сильнѣе. Отдаленныя провинціи и все, что моремъ отдѣлено было отъ театра войны, оставались за Отономъ; не изъ личной впрочемъ къ нему привязанности, а великое значеніе было въ имени города и призракѣ сената. Прежде полученное о немъ извѣстіе расположило умы въ его пользу. Іудейское войско-Веспасіанъ, легіоны Сиріи—Муціанъ привели къ присягѣ Отону. Также Египетъ и всѣ, къ востоку обращенныя, провинціи были управляемы отъ имени Отона. Тоже повиновеніе было и въ Африкѣ и начало его пошло отъ Карѳагена. Тутъ, не ожидая рѣшенія проконсула Випстана Апроніана, Кресценсъ, отпущенникъ Нерона (и эти люди въ бѣдственныя времена принимаютъ на себя роль общественныхъ дѣятелей) предложилъ народу угощеніе съ радости о новомъ государѣ и народъ, какъ по большей части бываетъ, поспѣшилъ безъ мѣры. За Карѳагеномъ послѣдовали и другіе города. При такомъ разномысліи войскъ и провинцій, Вителлію необходимо было войною достигнуть верховнаго положенія государя.

LXXVII. Отонъ, какъ бы среди глубокаго мира, исполнялъ обязанности правителя: иное соотвѣтственно достоинству государя, а большею частью согласуясь не съ требованіями чести, но съ требованіемъ обстоятельствъ времени. На Мартовскіе календы консуломъ самъ съ братомъ Тиціаномъ; ближайшіе затѣмъ мѣсяцы назначаетъ Вергинію въ видѣ какой то уступки для германскаго войска (въ видахъ его задобренія). Къ Вергинію присоединенъ Поппей Вопискъ подъ предлогомъ старинной дружбы; большинство истолковывало этотъ поступокъ желаніемъ почтить жителей Віенны. Прочія консульства оставались согласно съ назначеніями Нерона или Гальбы: Целію и Флавію Сабинамъ на іюль, Аррію Антонину и Марію Цельсу на сентябрь: ихъ почести не сталъ помѣхою и Вителлій побѣдителемъ. Но Отонъ первосвященство и авгуратство отдалъ уже заслуженнымъ старикамъ, какъ верхъ снисканныхъ ими почестей, а только что возвращенныхъ изъ ссылки молодыхъ людей знатнаго происхожденія почтилъ какъ бы въ утѣшеніе священствами, составлявшими принадлежность ихъ дѣдовъ и отцовъ. Возвращены сенаторскія мѣста—Кадію Руфу, Педію Блезу и Севину Помптину; они при Клавдіи и Неронѣ сдѣлались жертвою обвиненій во взяткахъ. Тѣ кто прощалъ заблагоразсудили измѣнить на-

званіе и то, что считалось корыстолюбіемъ, назвать—величествомъ (т. е. яко бы они обвинены были не во взяткахъ, а въ оскорбленіи величества, преступленіи политическомъ), а отъ ненависти къ нему гибли въ то время и самые лучшіе законы.

LXXVIII. Такою же щедростью стараясь подѣйствовать на расположеніе умовъ городовъ и провинцій, Отонъ дозволилъ Гиспаліенцамъ и Емеритензамъ увеличить число домочадцевъ, Лингонамъ всѣмъ даровалъ право Римскаго гражданства, провинціи Бетикѣ подарилъ города Мавровъ. Новыя права даны Каппадокіи, новыя Африкѣ—болѣе на показъ, чѣмъ для того, чтобы оставались. Среди такихъ дѣйствій, находившихъ себѣ оправданіе въ требованіи обстоятельствъ того времени и въ заботахъ не дававшихъ покою и тутъ незабывая о сердечныхъ привязанностяхъ, возстановилъ статуи Поппеи Сенатскимъ опредѣленіемъ. Полагали, что онъ даже помышлялъ о праздновании памяти Нерона въ надеждѣ задобрить простой народъ. Нашлись предложить возстановленіе изображеній Нерона. Даже были дни, когда народъ и воины, какъ бы желая этимъ возвысить достоинство и честь Отона, привѣтствовали его криками: Нерону Отону. Самъ Отонъ невысказался прямо: боялся онъ и запрещать и стыдился принять это на себя.

LXXIX. Вниманіе всѣхъ обратилось на гражданскую войну и не было заботливости о дѣлахъ внѣшнихъ. Тѣмъ смѣлѣе Роксоланы, племени Сарматскаго, въ предшествовавшую зиму истребившіе двѣ когорты, сдѣлали вторженіе въ Мезію съ большими надеждами девять тысячь всадниковъ, ободренные успѣхомъ и имѣя въ виду болѣе грабежъ чѣмъ сраженіе. А потому на шедшій въ разбродъ и не дѣлавшій никакихъ разслѣдованій третій легіонъ, присоединивъ вспомогательныя войска, напалъ вдругъ. У Римлянъ все было приспособлено къ бою, а Сарматы разсѣявшіеся жаждая добычи или обремененные тяжестью походныхъ вещей по дорогѣ скользской, гдѣ конямъ идти скоро было невозможно, были убиваемы какъ бы связанные. Поистинѣ надобно удивляться, до какой степени вся доблесть Сарматовъ находится какъ бы внѣ ихъ самихъ. Въ пѣшемъ бою нѣтъ воиновъ слабѣе ихъ; но когда они дѣлаютъ натискъ массами конницы, то едва ли нашелся бы строй, который могъ бы устоять противъ нихъ. Въ то время погода была влажная, морозу не было, ни копья, ни мечи,—а они ихъ предлинныя держатъ въ той и въ другой рукѣ—не могли быть употребляемы въ дѣло, кони падали отъ тягости вооруженія. У ихъ начальниковъ и вообще лицъ происхожденіемъ познатнѣе, были панцыри изъ же-

лѣзныхъ пластинокъ (чешуи) или изъ самой толстой кожи. Непроницаемое для ударовъ, это вооруженіе какъ только носившіе его были сбиты на землю натискомъ непріятеля, не давало возможности встать. Вмѣстѣ съ тѣмъ вязли въ глубокомъ и мягкомъ снѣгу. Римскіе воины въ легкихъ кирасахъ, свободно дѣйствуя короткими копьями или дротиками, назначенными для бросанія, когда необходимо было, легкимъ мечомъ рубили вблизи безоружныхъ Сарматовъ (они не имѣютъ обычая прикрываться щитами). Немногіе, уцѣлѣвшіе отъ боя, скрылись въ болотахъ и тамъ погибли отъ суровыхъ зимнихъ холодовъ и полученныхъ значительныхъ ранъ. Когда это узнали въ Римѣ, то М. Апоній, правившій Мезіею, получилъ въ награду отличіе тріумфа, Фульвій Аврелій, Юліанъ Тицій, и Нумецій Лупъ, легаты легіоновъ, украшенія консульскія. Отонъ радовался и славу охотно себѣ присвоивалъ: какъ будто и самъ счастливый на войнѣ и снискавшій приращеніе государству своими вождями и войсками.

LXXX. Между тѣмъ съ самаго незначительнаго повода тамъ, куда повидимому нѣчего было опасаться, началось возмущеніе, чуть не причинившее гибель городу. Отонъ отдалъ приказаніе семьнадцатую когорту изъ Остійской колоніи призвать въ городъ; забота о ея вооруженіи предоставлена Варію Криспину, трибуну изъ преторіанцевъ. Тотъ, чтобы дѣйствовать свободнѣе, когда въ лагерѣ будетъ спокойствіе, при исполненіи даннаго ему приказанія, велитъ повозки когорты нагрузить, при началѣ ночи открывъ арсеналъ. Время подало подозрѣніе, поводъ обратился въ обвиненіе и желаніе сохранить спокойствіе произвело тревогу. Пьяные, видя оружіе, пожелали присвоить его. Заволновались воины и начали обвинять трибуновъ и сотниковъ въ измѣнѣ и будто бы вооружаютъ домочадцы (служители) сенаторовъ на гибель Отона. Одни хорошенько не знали въ чемъ дѣло, отяжелѣвъ отъ вина, самые дурные искали случая пограбить, а большинство, вѣрное своей привычкѣ, жаждало каждаго новаго волненія. Ночное время уничтожило и въ благонамѣренныхъ готовность повиноваться. Трибуна, силившагося остановить возмущеніе, и самыхъ строгихъ изъ сотниковъ умерщвляютъ. Схвачено оружіе, обнажены мечи и, сѣвъ на коней, воины устремились въ городъ и ко дворцу.

LXXXI. Между тѣмъ у Отона было многолюдное пиршество, гдѣ была вся знать изъ мущинъ и женщинъ. Въ трепетѣ, не зная случайна ли эта неистовая выходка воиновъ, или не коварство ли императора—не знали, что опаснѣе—оставаться ли и быть схваченными,

или бѣжать и разсѣяться, то принимали на себя видъ твердости, то не скрывали робости, вмѣстѣ слѣдя за выраженіемъ лица Отона. И какъ обыкновенно бываетъ, разъ умы расположены къ подозрѣнію, признаки опасеній Отона внушали еще больше робости. Но встревоженный опасностью, грозившею сенату, какъ бы своею собственною, онъ тотчасъ послалъ префектовъ преторія успокоить раздраженіе воиновъ, а всѣмъ велѣлъ удалиться съ пиршества. Тутъ, кто куда попало, должностныя лица, бросивъ знаки своего достоинства, избѣгая свиты провожатыхъ и рабовъ, старики и женщины въ потьмахъ разошлись по самимъ отдаленнымъ мѣстамъ города: не многіе по домамъ, большая часть подъ кровы друзей и кліентовъ что ни бѣднѣе, отъискивая лишь возможности скрыться.

LXXXII. Стремленіе воиновъ не остановилось и передъ дверьми дворца, они ворвались, въ залу пиршества, требуя, чтобы имъ показали Отона. Ранены Юлій Марціалъ, трибунъ, и Вителлій Сатурнинъ, префектъ легіона, въ своихъ потыткахъ остановить ломившихся впередъ. Отовсюду оружіе, и угрозы то на сотниковъ и трибуновъ, то на весь сенатъ вообще. Слѣпое подозрѣніе какъ бы ослѣпило умы и не будучи въ состояніи кого-либо одного обречь своему раздраженію, требовали полнаго произвола надо всѣми. Наконецъ Отонъ, совершенно не согласно съ величіемъ верховной власти, стоя на постели, съ трудомъ удержалъ воиновъ просьбами и слезами. Возвратились въ лагерь неохотно, но и сознавая свою виновность. На другой день въ Римѣ какъ бы въ городѣ, взятомъ приступомъ, двери домовъ заперты, по улицамъ люди изрѣдка, народъ печаленъ, воины съ потупленными въ землю глазами, выражая болѣе скорбь, чѣмъ раскаяніе. По отрядамъ говорили префекты Лициній Прокулъ и Плотій Фирмъ, каждый по своему характеру—одинъ мягче, а другой строже. Конецъ увѣщаній все же былъ тотъ, что воину каждому отсчитано по пяти тысячъ мелкихъ монетъ. Тогда только Отонъ осмѣлился войдти въ лагерь. Его обступили трибуны и сотники; бросивъ знаки военной службы, просятъ: отставки и безопасности. Поняли воины горькій упрекъ и, уже расположенные къ повиновенію, сами требуютъ казни зачинщиковъ возмущенія.

LXXXIII. Отонъ, несмотря на смутное положеніе дѣлъ и разномысліе въ воинахъ, когда лучшіе люди требовали обуздать возникшее своеволіе, а народъ и большинство радовались возмущеніямъ и власти вынужденной къ угодливости, смутами и грабежами надѣясь скорѣе подвинуть къ междуусобной войнѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ соображалъ онъ и то, что верховная власть, пріобрѣ-

тенная преступленіемъ, не можетъ быть сохранена внезапно умѣренностью и старинною важностью, но озабоченный угрожавшею опасностью городу и сенату, наконецъ высказался такъ: «Я пришелъ къ вамъ, сотоварищи, не съ тѣмъ, чтобы ваши чувства воспламенить любовью ко мнѣ, ни возбудить умы ваши къ доблести (въ томъ и другомъ отношеніи имѣете вы превосходный избытокъ), но я пришелъ требовать отъ васъ умѣрить вашу храбрость, а также и расположеніе ко мнѣ. Послѣднее волненіе имѣло свое начало не отъ жадности или ненависти—чувствъ, побудившихъ къ раздорамъ многія войска, и не изъ желанія избѣгнуть опасности и не изъ опасеній какихъ-либо: неумѣренная любовь ваша вызвала это волненіе съ большимъ усердіемъ, чѣмъ обдуманностью. А не рѣдко честныя побужденія, если не приложить разсудительности, влекутъ за собою самыя гибельныя послѣдствія. Идемъ на войну. Не всѣхъ ли гонцовъ съ вѣстями выслушивать явно, всѣ планы дѣйствій не обдумывать ли со обща? Но допускаетъ ли это сущность дѣла и быстрота случайностей? Воинамъ настолько же нужно иного не знать, какъ другое знать. Значеніе вождей, сила дисциплины требуютъ, чтобы многія приказанія отдаваемы были не иначе, какъ черезъ сотниковъ и трибуновъ. Но если бы каждому предоставить право изслѣдовать еще полученное приказаніе, то съ уничтоженіемъ повиновенія гибнетъ и верховная власть. И тогда въ бурную и непогодную ночь придется схватиться за оружіе? Тотъ или другой негодяй или пьяный изъ воиновъ (я хочу оставаться при убѣжденіи, что въ послѣднюю тревогу только немногіе воины утратили разсудокъ) омочутъ руки въ крови сотника и трибуна, бросятся на палатку самого императора.

LXXXIV. Вы въ этомъ случаѣ дѣйствовали за меня, но въ бѣготнѣ, потемкахъ и общемъ замѣшательствѣ могла бы обнаружиться случайность и противъ меня. Еслибы Вителлію и его поборникамъ предстояла возможность избрать, какой наслать намъ образъ мыслей, какое расположеніе умовъ, то что же иное предпочли бы они, какъ не возмущеніе и несогласіе? Чтобы воинъ не слушался сотника, а сотникъ трибуна. Тогда всѣ бы за одно, и пѣшіе и конные, устремились бы мы на гибелъ. Товарищи, военное дѣло заключается скорѣе въ повиновеніи, чѣмъ разслѣдованіи и повѣркѣ приказаній вождей. Въ рѣшительную минуту то войско лучше всего дѣйствуетъ, которое до этой рѣшительной минуты было спокойнѣе. При васъ пусть будутъ вооруженіе и готовность, а мнѣ предоставьте планъ дѣйствій и управленіе вашею доблестью.

Вина была немногихъ; казнь постигнетъ двухъ. Остальные забудьте память постыдной ночи и пусть ни одно войско не слышитъ болѣе такихъ выраженій противъ сената. Главу верховной власти и красу всѣхъ провинцій вызвать на казнь не дерзнули бы, свидѣтельствуюсь Геркулесомъ, и тѣ самые Германцы, которыхъ преимущественно накликаетъ теперь на насъ Вителлій? Неужели же сыны Италіи и настоящая молодежь Рима потребуютъ крови и гибели сословія, котораго блескомъ и славою обуздываемъ мы и теперь темную и позорную партію Вителлія. Нѣсколько народовъ захватилъ Вителлій, что-то на войско похожее имѣетъ у себя, но сенатъ съ нами. Вслѣдствіе этого—государство здѣсь, а тамъ враги государства. Какъ! Не полагаете ли вы, что этотъ красивѣйшій городъ заключается въ домахъ, кровляхъ и массахъ камней? Все это нѣмое и бездушное очень легко можетъ и погибнуть и опять обновиться; но прочность его (города) существованія, миръ народовъ, моя вмѣстѣ съ вашею безопасность основаны на неприкосновенности сената. Это учрежденіе, заведенное съ легкой руки родителя и создателя нашего города, отъ временъ царей и до императоровъ безпрерывно существующе и безсмертное какъ отъ предковъ приняли, завѣщаемъ потомкамъ. Потому что какъ изъ среды вашей происходятъ сенаторы, такъ изъ сенаторовъ государи».

LXXXV. Рѣчь эта, имѣвшая цѣлью и упрекнуть воиновъ, и смягчить ихъ умы, и вмѣстѣ умѣренная строгость (Оттонъ приказалъ казнить только двухъ), произвели впечатлѣніе благопріятное и успокоены на время тѣ, что усмирены быть не могли. Впрочемъ не возвратилось спокойствіе городу; повсюду раздавался звукъ оружія и все приняло видъ войны. Воины явно и сообща никакой смуты не дѣлали, но разсѣясь по домамъ переодѣтыми, съ злородною заботливостью относились ко всѣмъ, кого знатность происхожденія или богатство или какія-либо особенно замѣтныя достоинства дѣлалъ предметомъ толковъ. Большинство было того убѣжденія, что и Вителліевы воины пришли въ городъ, чтобы ознакомиться съ положеніемъ партій. Вслѣдствіе этого все было полно подозрѣній и даже среди святыни домашней жизни возникли подозрѣнія. Но больше всего тревоги было въ обществѣ. Какъ молва приносила какое-либо извѣстіе, обращали туда лица и умы, чтобы не обнаружить недовѣрія къ тому, что казалось сомнительнымъ и недостатка радости къ благопріятнымъ вѣстямъ. Когда сенатъ собрался въ залу засѣданій, то трудно было во всемъ наблюсть умѣренность, какъ бы молчаніе не показалось осужденi-

емъ, а свобода не возбудила подозрѣній. Да и уже знали о лести еще недавно обнаруженной Оттону, высказывавшему то же самое. А потому излагали мнѣнія, вертя ихъ то въ ту, то въ другую сторону, именуя Вителлія врагомъ и отцеубійцею; самые предусмотрительные осыпали его обыкновенною бранью; нѣкоторые высказывали основательные упреки, но въ шумѣ преній и гдѣ больше голосовъ, потокомъ словъ какъ бы заглушая звуки собственнаго голоса.

LXXXVI. Опасенія увеличивали еще чудесныя явленія, обнародованныя различными лицами. Въ предверіи Капитолія выпали вожжи колесницы, на которой стояла побѣда; изъ ниши, гдѣ стояла Юнона, показался образъ свыше человѣческаго. Статуя божественнаго Юлія на островѣ рѣки Тиберина въ день ясный и совершенно тихій обратилась съ Запада на Востокъ; въ Этруріи проговорилъ быкъ; необычайныя порожденія животныхъ. Сверхъ того еще многое, что и въ вѣка грубости замѣчаемо было спокойно, теперь было выслушиваемо лишь съ опасеніемъ. Но главное за будущее, опасеніе, сопряженное съ огромнымъ вредомъ въ настоящемъ, причинило наводненіе Тибра. Необыкновенный приливъ воды разрушилъ мостъ и громадные обломки его оставили (запрудили) теченіе рѣки, которая покрыла не только мѣста прилежащія и ровныя, но и бывшія доселѣ безопасными отъ такой случайности. Многіе захвачены на улицахъ, а еще больше въ лавкахъ и на постеляхъ. Распространился въ народѣ голодъ вслѣдствіе отсутствія заработковъ и недостатка пищи. Пока вода стояла, подмыла она основанія строеній, и они, когда вода ушла, развалились. Какъ только умы освободились отъ впечатлѣнія опасности, то обстоятельство, что именно тѣ мѣстности, черезъ которыя надлежало идти Оттону, собиравшемуся въ походъ,— Марсово поле и Фламинская улица завалены были вслѣдствіе причинъ естественныхъ и случайныхъ, толковали какъ необыкновенное и думали видѣть въ немъ предвѣстіе будущихъ бѣдствій.

LXXXVII. Оттонъ, очистивъ городъ и обдумавъ планъ войны, такъ какъ Пенинскія, Коттскія Альпы и прочія пути въ Галлію были замкнуты Вителліевыми войсками, положилъ вторгнуться въ Нарбонскую Галлію. Флотъ имѣлъ онъ сильный и вѣрный его сторонѣ, такъ какъ онъ изъ уцѣлѣвшихъ отъ побоища у Мульвійскаго моста, по жестокому приказанію Гальбы содержавшихся подъ стражею, составилъ родъ легіона, подавъ и прочимъ надежду, что ихъ служба найдетъ болѣе почета въ будущемъ. Прибавилъ къ

флоту городскія когорты и большинство преторіанцевъ, главную силу и ядро его войска и для самихъ вождей и совѣтъ и сторожей. Начальство надъ экспедиціею поручено Антонію Новеллу, Сведію Клементу, начальникамъ первой роты тріаріевъ Емилію Паценсу, которому возвратилъ отнятое Гальбою трибунство. Завѣдываніе судами осталось у отпущенника Оска для наблюденія за вѣрностью болѣе знатныхъ лицъ свиты. Пѣшимъ и коннымъ войскамъ назначены начальниками Светоній Павлинъ, Марій Цельзъ, Анній Галлъ; но особенное довѣріе было Лицинію Прокулу, префекту преторія. Онъ, неутомимый въ отправленіи городской службы, не былъ привыченъ къ войнѣ, старался выставить въ дурномъ свѣтѣ значеніе Павллина, бодрость Цельса, опытность Галла,—достоинства, какія у кого были, такъ какъ порицать всего легче,—злой и хитрый становился впереди людей добрыхъ и скромныхъ.

LXXXVIII. Удаленъ въ это время Корнелій Долабелла въ Колонію Аквинатскую въ заключеніе и не тѣсное, и не малоизвѣстное: вины не было за нимъ никакой, но онъ былъ слишкомъ замѣтенъ древностью имени и родствомъ съ Гальбою. Многимъ изъ сановниковъ, большей части бывшихъ консуловъ, Оттонъ приказалъ собираться съ собою не какъ участникамъ или дѣйствующимъ лицамъ на войнѣ, но подъ видомъ свиты (провожатыхъ). Въ числѣ ихъ находился и Л. Вителлій, съ которымъ онъ обращался совершенно также и съ другими и не какъ съ братомъ императора, и не какъ съ врагомъ. Вслѣдствіе этого сильно озабоченъ былъ городъ: ни одно сословіе не было чуждо опасеній или и самой опасности: знать, погрязшая въ бездѣйствіи и забывшая о войнѣ; всадники, не знавшіе военной службы; чѣмъ сильнѣе старались они скрыть и подавить опасенія, тѣмъ яснѣе высказывали свою робость. Были напротивъ и такіе, которые, неразумно выказывая свою самонадѣянность, покупали отличное оружіе, лучшихъ коней, а нѣкоторые даже роскошныя принадлежности пиршествъ и предметы для удовлетворенія страстей, какъ бы военныя принадлежности. Люди поразумнѣе помышляли лишь о спокойствіи и о дѣлахъ общественныхъ; но самые пустые не помышляли о будущемъ, исполненные самыхъ пустыхъ надеждъ, многіе—сомнительной вѣрности въ мирѣ. въ смутное время усердные и въ самомъ невѣрномъ положеніи дѣлъ находили преимущественно безопасность.

LXXXIX. Но большинство и народъ, самою многочисленностью изъятые отъ заботъ общихъ, мало по малу почувствовали на себѣ бѣдствія войны, когда всѣ деньги обращены были на пользу

воиновъ и поднялись цѣны съѣстныхъ припасовъ. Все это во время возстанія Виндекса не такъ ощутительно было народу, такъ какъ городъ въ то время былъ совершенно безопасенъ и война въ провинціи, происходя между легіонами и Галліями, была какъ бы внѣшняя. Ибо съ того времени, какъ божественный Августъ упрочилъ положеніе цезарей, народъ Римскій сражался далеко и къ заботѣ и къ чести одного. При Тиберіи и Каіѣ глубокій миръ не помѣшалъ бѣдствіямъ общественнымъ. Попытки Скрибоніана противъ Клавдія одновременно съ слухомъ о нихъ были усмирены. Неронъ сраженъ болѣе слухами и извѣстіями, чѣмъ оружіемъ. Тутъ легіоны и флоты и, что рѣдко бывало въ другихъ случаяхъ, преторіанцы и городскія войска выведены въ походъ. Востокъ и Западъ и всѣ силы того и другаго находились съ тылу: еслибы война происходила при другихъ вождяхъ, то пищи ей достало бы на долгое время. Нашлись люди, представившіе Оттону необходимость замедленія въ виду религіозныхъ сомнѣній относительно еще не изготовленныхъ Анциліевъ (щитовъ упавшихъ будто бы съ неба при Нумѣ). Пренебрегъ Оттонъ всякимъ замедленіемъ, какъ еще недавно оно было причиною гибели Нерона. Да и то, что Цецина перешелъ уже Альпы, не мало его торопило.

XC. Наканунѣ Мартовскихъ Идъ поручивъ сенату веденіе общественныхъ дѣлъ, онъ остатки Нероновыхъ продажъ съ публичнаго торга, еще не обращенные въ казну императорскую, уступилъ возвращеннымъ изъ ссылки,—даръ справедливѣйшій и повидимому щедрый, но на дѣлѣ, при поспѣшности прежняго вымогательства, безплодный. Затѣмъ созвавъ собраніе, выставляя съ гордостью, что за него величіе города и единодушіе сената и народа, онъ выразился скромно относительно партіи Вителліевой, порицая болѣе незнаніе легіоновъ, чѣмъ ихъ дерзость, а о самомъ Вителліи не упомянулъ вовсе. Можетъ-быть по собственной умѣренности или писавшій рѣчь, опасаясь за себя, воздержался отъ брани на Вителлія. Какъ въ военныхъ дѣлахъ Оттонъ руководствовался совѣтами Светонія Павллина и Марія Цельса, такъ въ городскихъ полагали, что онъ употребляетъ въ дѣло способности Галерія Трахала. Нашлись люди, которые думали узнать самый его способъ выраженія, довольно хорошо извѣстный вслѣдствіе частой его дѣятельности на форумѣ, для слуха громозвучный и напыщенный. Крики и выраженія народа, по обычной лести, были чрезмѣрны и лживы, какъ будто они провожали диктатора Цезаря или Августа императора,—до такой степени усердствовали словами и пожеланіями и не

изъ опасеній или любви, но изъ страсти къ раболѣпству, точно въ кругу домочадцевъ у каждаго были свои личныя побужденія, а общественное дѣло въ пренебреженіи. Удаляясь, Оттонъ спокойствіе города и заботы верховной власти уступилъ брату Сальвію Тиціану.

КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Содержаніе книги: Гл. 1. Титъ посланъ къ Гальбѣ, но получивъ извѣстіе о его смерти, измѣняетъ направленіе пути.—2. Паѳосской Венеры посѣщаетъ храмъ.—3. Происхожденіе его и почитаніе богини.—4. Наученный тамъ о будущемъ, съ большею въ душѣ увѣренностью возвращается къ отцу, довершившему Іудейскую войну.—5. Веспасіана и Муціана разные характеры и образъ дѣйствій. Эти вожди, отложивъ взаимную ненависть, совѣтуются за одно.—Отсюда 6, и 7, поводъ къ гражданской войнѣ, такъ какъ легіоны Востока стали все болѣе и болѣе сознавать свою силу.—8. 9. Смѣшная попытка лже-Нерона, подавленная Аспренатомъ.—10. Въ городѣ незначительныя обстоятельства получили важность отъ серьозныхъ волненій. Вибій Криспъ губитъ Аннія Фавста, сдѣлавшаго доносъ на его брата.

11. Начало войны благопріятно для Отона.—12. Воины его свирѣпствуютъ противъ Альпинцевъ.—13. Обращаютъ все свое раздраженіе на Альбія Интемелія. Высокій примѣръ материнской любви.—14. Угрожаетъ Нарбонской провинціи флотъ Отона Вителліанцы поражены, но, 15, не безъ кровавыхъ потерь и для воиновъ Отона.—16. Пакарія прокуратора, собиравшагося помочь Вителлію силами Корсовъ (жителей Корсики), островитяне умерщвляютъ.—17. Вителліанцевъ удачныя дѣйствія въ Италіи.—18—19. Спуринна укрѣпляетъ Плаценцію противъ Вителліанцевъ.—20, пока Цецина ее осаждаетъ.—21. Амфитеатръ, находившійся подлѣ города, сдѣлался добычею огня.—22. Оставивъ осаду, Цецина отправляется въ Кремону и тутъ, 23, Отоновы воины сражаются съ успѣхомъ. Наступательное движеніе побѣдителей сдерживаютъ вожди и вслѣдствіе этого наводятъ на себя подозрѣніе своихъ воиновъ.—24. Коварные замыслы Цецины обращаетъ на него самого Светоній Павлинъ, но, 25, черезъ его медленность Вителліанцы спасены.—26. Въ обоихъ войскахъ волнуются воины.

27. Валенсъ ведетъ войска въ Италію. — 28. 29. Въ этомъ войскѣ возникшее важное возмущеніе Батавовъ разумными мѣрами Альфена Вара утишено.—30. Соединивъ войска и подавивъ чувства взаимнаго соперничества, Цецина и Валенсъ высказываютъ свое расположеніе къ Вителлію, а Отона осыпаютъ укоризнами и порицаніями.—30. Сравненіе Отона и Вителлія. Отонъ совѣщается о планѣ военныхъ дѣйствій.—32. Светоній Павлинъ совѣтуетъ медлить.— 33. Перевысили совѣты брата Тиціана и Прокула. Отонъ съ сильнымъ отрядомъ удаляется въ Брикселъ.— 34. Вителліанцы дѣлаютъ видъ будто хотятъ перейдти По.—35. 36. Въ попыткахъ своихъ воспрепятствовать этому, Отоніанцы терпятъ пораженіе.—37. Пустой слухъ о томъ, будто бы войска, или изъ робости въ виду военныхъ дѣйствій или наскучивъ равно обоими государями, заводили промежъ собою толки о мирѣ.—38. Взглядъ на прежнія гражданскія войны народа Римскаго.—39. 40. Тиціанъ и Прокулъ неосмотрительно выдвигаютъ лагерь впередъ за 4 мили отъ Бедріака. Вожди колебались, но Отонъ отдаетъ приказаніе къ рѣшительному бою.—41—43. Битва у Бедріака —44. Отоніанцы бѣгутъ въ сильномъ раздраженіи противъ своихъ же вождей.—45. Перемиріе. Побѣдители и побѣжденные, тронутые до слезъ, проклинаютъ гражданскія войны. — 46. 49. Получивъ извѣстіе о пораженіи, Отонъ, заранѣе рѣшась на это, пренебрегши утѣшеніями друзей и воиновъ, усмиряетъ возмущеніе и грудью налегаетъ на мечь. Ему поспѣшили отдать послѣдній долгъ. У его костра нѣсколько воиновъ сами себя лишаютъ жизни.—50. Отона возрастъ, происхожденіе, слава, какую онъ о себѣ оставилъ.

51. Возмущеніе нашло себѣ новую силу въ горѣ и состраданіи воиновъ.—52—54. Часть сената, послѣдовавшая за Отономъ, находится въ крайней опасности. — 55. Въ Римѣ тревоги никакой; общее вниманіе обращено на игры; когда услыхали о смерти Отона, рукоплещутъ Вителлію.—56. Тяжело Италіи отъ войска побѣдившаго.—57. Вителлій получаетъ извѣстіе о своей побѣдѣ и, 58 — вмѣстѣ съ тѣмъ о переходѣ на его сторону обѣихъ Мавретаній.—59. За униженную лесть Блеза отплачиваетъ ему ненавистью.—60. Самыхъ усердныхъ изъ сотниковъ Отона казнитъ, а вождей прощаетъ.—61. Казнь Марицція, дерзнувшаго посягнуть на счастіе народа Римскаго.— 62. Вителлія обжорство, законы. Пренебрегъ онъ титуламиАвгуста и Цезаря. Изгнаны математики. Всадникамъ запрещено выступать на сцену.—63—64. Долабелла умерщвленъ. Дерзость Тріаріи, скромность Галеріи и Секстиліи.— 65. Клувій оправданъ; Требеллій удаленъ.—66. Побѣжденные легіоны свирѣпѣютъ. Раздоръ Батавцевъ съ воинами четырнадцатаго легіона.—67. Благовидное увольненіе преторіанцевъ. Легіоны разсѣяны по разнымъ мѣстамъ.—68. Роскошному образу жизни государя подражаетъ войско Возмущеніе Тицина усмирено другимъ. Вергинія опасное положеніе. — 69. Когорты Батавовъ отосланы опять въ Германію; отняты номера у легіоновъ и войскъ вспомогательныхъ; воины развращены роскошью.—70. Вителлій весело осматриваетъ Бедріакское поле, не зная, что близокъ отъ него такой-же жребій.— 71. Подражаетъ позорнымъ страстямъ Нерона. Распредѣляетъ консульства.—72. Лже-Скрибоніанъ распятъ на крестѣ.

73. Вителлій, вслѣдствіе того, что и Востокъ приведенъ къ присягѣ

ему, надменный и ослѣпленный, при имени Веспасіана тревожится.— 74. Этотъ готовится къ войнѣ.—75—78. Его нерѣшительности полагаетъ конецъ Муціанъ, другіе легаты, отвѣты прорицателей и жрецъ бога Кармела.—79. 80. Императоромъ привѣтствуютъ его Египетъ и Сирія.— 81. Приступаютъ къ его сторонѣ цари Согемъ, Антіохъ, Агриппа; царица Беренице.—82. Планы войны Титъ грозитъ Іудеѣ. Веспасіанъ овладѣваетъ ключами къ Египту.—83. 84. Муціанъ, посланный впередъ съ войскомъ разыскиваетъ необходимыя для войны средства.—85. 86. Легіоны Мезіи и Панноніи, перешедшіе на сторону Веспасіана, увлекаютъ и Далматскихъ воиновъ. Поджигатели войны Антоній Примъ, Корнелій Фускъ.

87. Вителлій, день ото дня все болѣе и болѣе впадая въ презрѣніе, съ огромнымъ войскомъ двигается къ городу и, войдя въ него, какъ бы взятый приступомъ, совершилъ множество убійствъ надъ воинами и чужестранцами.—90. Говоритъ о себѣ самую напыщенную рѣчь.—91. Чуждый права божественнаго и человѣческаго, пытается сдѣлать кое что угодное народу.— 92. Обязанности власти принимаютъ на себя Цецина и Валенсъ, а самъ Вителлій ничего не знач тъ. Воины въ городѣ предаются праздности, вреднымъ страстямъ; многіе заболѣваютъ и умираютъ.—94. Непривычность, малочисленность. Вителлія бѣдность и мотовство. Вожди Гальскіе потребованы на казнь. Общее замѣшательство военныхъ порядковъ.— 95. День рожденія Вителлія празднуется съ необыкновенною пышностью. Поминки сдѣланы по Неронѣ. Бѣдствіе города.—96. Слухи объ отпаденіи Флавіевъ неудачно подавить старается Вителлій.—97. 98. Вызваны впрочемъ вспомогательныя войска, хотя необходимость къ тому скрыта.— 99. При наступательномъ движеніи неяріятеля, Цецина посланъ впередъ на войну, но онъ, 100. 101, съ Луциліемъ Бассомъ и флотами Равенскимъ и Мизенскимъ замышляетъ измѣну и переходитъ на сторону Веспасіана. Дѣлалось все это въ теченіи не многихъ мѣсяцевъ того же года, при тѣхъ же консулахъ и тѣхъ, кто заступили ихъ мѣста; о нихъ смотри 1—77.

1. Уже судьба готовила въ отдаленной части земли начало и причины власти, которая, съ разнообразнымъ исходомъ, то дѣлу общественному пріятная, то тяжкая, самимъ государямъ была или благополучна, или гибельна. Титъ Веспасіанъ изъ Іудеи, когда еще Гальба былъ невредимъ, посланъ отцомъ; поводомъ къ отъѣзду представляли: «обязанность въ отношеніи къ государю и возрастъ молодости, уже достаточно зрѣлый для исканія почестей. Но народъ, жадный до вымысловъ, распустилъ слухъ, будто онъ вызывается для усыновленія. Поводъ къ разговорамъ—старость, одиночество государя и готовность общества пока одинъ избирается, назначать многихъ. Молва росла вслѣдствіе достоинствъ самого Тита, въ уровень самому высокому положенію, красоты лица и наружности носившей отпечатокъ какого-то величія, удачныя дѣй-

ствія Веспасіана, отвѣты предсказателей, и для умовъ, расположенныхъ вѣрить, вмѣсто предвѣстій были и явленія чисто случайныя. Когда въ Коринѳѣ, городѣ Ахаіи, Титъ получилъ вѣрное извѣстіе о гибели Гальбы,—а нашлись передавшіе за вѣрное вооруженіе Вителлія и начало войны,—тревожный духомъ, призвавъ не многихъ приближенныхъ, взвѣшиваетъ все, и съ той, и съ другой стороны». Если продолжать путь въ городъ, то нисколько не будутъ ему признательны за выраженіе почтенія предназначавшееся другому и онъ останется заложникомъ или у Вителлія, или у Отона. Если же возвратится, то побѣдитель безъ сомнѣнія этимъ оскорбится, но при неизвѣстности еще побѣды и переходѣ отца на сторону побѣдителя, сына извинятъ. Если же Веспасіанъ станетъ во главѣ государства, то не будетъ мѣста помышлять объ оскорбленіи тѣмъ, кому прійдется весть войну.

2. Таковы то были колебанія между надеждами и опасеніями; надежды перемогли. Нашлись люди того убѣжденія, что Титъ вернулся вслѣдствіе сильной страсти къ царицѣ Беренице. И дѣйствительно, юное сердце не равнодушно было къ красотѣ Беренице, но дѣламъ изъ этого помѣхи не было никакой. Молодость проводилъ Титъ весело и въ удовольствіяхъ, сохраняя надъ собою власть къ умѣренности болѣе, чѣмъ изъ опасенія отцовской. Вслѣдствіе этого, проплывъ берега Ахаіи и Азіи и оставляя море влѣво, направился къ островамъ Родосу и Кипру, а оттуда въ Сирію крайне смѣлыми переходами. Имъ овладѣло сильное желаніе посѣтить и осмотрѣть храмъ Паѳосской Венеры, пользовавшійся большою извѣстностью и у туземцевъ, и у пришельцевъ. Не будетъ неумѣстнымъ изложить вкратцѣ начало вѣрованія, положеніе храма, образъ богини, которому подобнаго нѣтъ нигдѣ въ другомъ мѣстѣ.

3) Старинное преданіе говоритъ, что строитель храма былъ царь Эріанъ, а нѣкоторые утверждаютъ, что это прозваніе самой богини. Болѣе свѣжая молва передаетъ: «Цинирою посвященъ храмъ и сама богиня, зародившаяся въ морѣ, сюда причалила. Но наука и искусство прорицателей пришлые и внесены сюда Киликомъ Тамирою, и такъ условлено, чтобы потомки того и другаго семейства завѣдывали священными обрядами». Вслѣдъ за тѣмъ, чтобы царское племя имѣло какое-либо преимущество передъ родомъ иноземцевъ, гости (пришельцы) уступили сами тѣ знанія, которыя внесли: обращаются за совѣтами только къ потомку Цинира жреца. Жертвенныя животныя назначаются по выбору каждаго, но непремѣнно мужескаго пола. Особенная вѣра во внутренности козловъ. Орошать кровью жерт-

венникъ запрещено, только мольбы и чистый огонь доступны жертвеннику, и никогда не касается его влага дождя, хотя онъ и стоитъ на открытомъ мѣстѣ. Образъ богини не въ видѣ человѣческомъ, но неразрывный кругъ, въ началѣ широкій и потомъ переходящій въ болѣе узкій, наподобіе конуса поднимаясь къ верху. Чѣмъ это объяснить—неизвѣстно.

4) Титъ, обозрѣвъ богатые дары царей и прочее, что Греки любители древностей приписываютъ тому, что чуть замѣтно въ отдаленіи вѣковъ, совѣтуется сначала о плаваніи. Узнавъ, что путь готовъ и море благопріятно, спрашиваетъ о себѣ намеками, принеся множество жертвъ. Сострать, такъ звали жреца, видя по внутренностямъ благопріятнымъ и согласнымъ, что богиня принимаетъ подъ свой покровъ величественные замыслы, отвѣчалъ на первый разъ не многое и обычное, потомъ, попросивъ свиданія наединѣ, открылъ будущее. Титъ, ободренный духомъ, прибылъ къ отцу и, при нерѣшительномъ состояніи умовъ провинцій и войскъ, придалъ громадную увѣренность событіямъ. Довершилъ Іудейскую войну Веспасіанъ; оставалось только взять Іерусалимъ, дѣло скорѣе тяжкаго усиленнаго труда, вслѣдствіе гористаго мѣстоположенія и упорнаго суевѣрія жителей, чѣмъ чтобы у нихъ у осажденныхъ оставалось достаточно силъ для перенесенія лишеній и нуждъ всякаго рода. Три, какъ мы выше упоминали, легіона находилось у самаго Веспасіана, снискавшіе опытность на войнѣ. Четырьмя завѣдывалъ Муціанъ; тѣ оставались на мирномъ положеніи; но соревнованіе и слава сосѣдняго войска не давали имъ коснѣть въ бездѣйствіи и сколько первымъ укрѣпили силы опасности и труды, столько вторые укрѣпились вслѣдствіе полнаго спокойствія и того, что они неиспытали еще военныхъ трудовъ. И то и другое войско имѣло резервы, пѣшіе и конные, флоты и царей имя славное, хотя и по разнымъ отношеніямъ.

5) Веспасіанъ, неутомимый въ дѣлѣ военномъ, опережалъ движеніе войска, занималъ мѣста для лагерей, днемъ и ночью дѣйствовалъ противъ непріятеля распоряженіями, а гдѣ требовалось—и силою рукъ. Питался чѣмъ попало, въ одеждѣ и наружности ничѣмъ почти не отличенъ отъ рядоваго воина. если, бы не скупость, во всемъ походилъ бы на древнихъ полководцевъ. Напротивъ Муціанъ отличался пышностью, богатствами и вообще образомъ жизни, превышавшимъ средства частнаго человѣка. Онъ говорилъ красно и отличался опытностью въ веденіи и распоряженіи гражданскими дѣлами. Отличный бы сложился характеръ государя если

бы, отнявъ пороки той и другой личности, соединить одни ихъ хорошія качества. Впрочемъ одинъ правитель Сиріи, другой Іудеи завѣдывали землями сосѣдственными. Взаимно завидуя, они ссорились, но наконецъ вслѣдствіе гибели Нерона отложивъ неудовольствіе, стали совѣтоваться за одно, сначала черезъ друзей, потомъ главною основою согласія сдѣлался Титъ и онъ, во имя общей пользы, положилъ конецъ неблаговиднымъ спорамъ. Отъ природы и вслѣдствіе искусства сложился его (Тита) характеръ такъ, что онъ могъ пріидтись по нраву даже такому человѣку какъ Муціанъ. Трибуны, сотники и большинство воиновъ—дѣятельностью, снисхожденіемъ, добрыми средствами, наслажденіями, по характеру каждаго, были задобриваемы.

6) Еще до прибытія Тита, оба войска приняли присягу Отону вслѣдствіе поспѣшныхъ, какъ то обыкновенно бываетъ, извѣстій и того, что гроза войны гражданской скоплялась медленно; ее Востокъ такъ долго остававшійся спокойнымъ, готовилъ тутъ въ первый разъ. А до того сильнѣйшія войны между гражданами начинались силами Запада въ Италіи или въ Галліи. Помпея, Кассія, Брута, Антонія, вслѣдъ за которыми война перешла по ту сторону моря, конецъ былъ неблагопріятный. Въ Сиріи и Іудеѣ чаще слышали о Цезаряхъ, чѣмъ ихъ видѣли. Ни одного возмущенія легіоновъ; только противъ Пареовъ угрозы съ разнообразнымъ исходомъ. И въ послѣднюю гражданскую войну, среди общаго потрясенія, здѣсь миръ оставался ненарушимымъ; потомъ вѣрнымъ оставался Гальбѣ Востокъ. Но когда сдѣлалось извѣстнымъ, что Отонъ и Вителлій преступно взялись за оружіе, терзая государство, то воины стали роптать, какъ бы не досталось прочимъ награды верховной власти, а имъ только необходимость рабства, и озираться на свои собственныя силы. Семь легіоновъ разомъ и съ огромными вспомогательными войсками Сирія и Іудея; затѣмъ въ непосредственной связи съ одной стороны Египетъ и два легіона, а съ другой Каппадокія, Понтъ и всѣ силы, которыми прикрывается Арменія. Азія и прочія провинціи не имѣли недостатка въ людяхъ и богаты были всякаго рода средствами; всѣ острова, сколько ихъ ни омывается моремъ, и между ними море безопасное и благопріятное для веденія войны.

7) Не безъизвѣстно было вождямъ стремленіе воиновъ, но такъ какъ другіе дѣятели уже вели борьбу между собою, то положено ждать исхода войны. «Побѣдители и побѣжденные никогда не могутъ слиться въ одно съ полною искренностью и не важно кого судьба допу-

ститъ пережить соперника. При счастіи самые лучшіе вожди забываются, а эти—сварливы, недѣятельны, погрязли въ позорныхъ наслажденіяхъ и, вслѣдствіе собственныхъ пороковъ, найдутъ себѣ гибель оба—одинъ въ борьбѣ, а другой въ самой побѣдѣ». А потому взяться за оружіе отложено до перваго благопріятнаго случая. Веспасіанъ и Муціанъ сошлись не давно, а прочіе уже давно мыслили за одно: лучшіе люди руководились любовью къ общему благу. Многіе поощряемы были пріятностью добычи; другіе шаткимъ (невѣрнымъ) положеніемъ своихъ домашнихъ дѣлъ. Такимъ образомъ и люди добра и люди зла, по разнымъ побужденіямъ, но съ равнымъ (одинаковымъ) усердіемъ,—всѣ желали войны.

8) Около этого же времени Ахаія и Азія пришли въ ужасъ отъ лживаго извѣстія о мнимомъ прибытіи Нерона. Различные вѣдь были толки о его послѣднихъ минутахъ и, вслѣдствіе этого, многіе выдумывали, а другіе вѣрили, будто онъ еще живъ. Прочихъ усилія и участь изложимъ мы въ дальнѣйшемъ изложеніи этого труда, а въ то время рабъ изъ Понта или, какъ передавали другіе, отпущенникъ изъ Италіи, искусный въ игрѣ на гитарѣ и пѣніи (вслѣдствіе этого, кромѣ сходства наружности, имѣлъ болѣе возможности придать вѣроятность обману), присоединивъ къ себѣ бѣглыхъ изъ скитавшихся бѣдственно, соблазняетъ щедрыми наградами, пускается въ море; силою бури выброшенный на островъ Цитну, присоединилъ къ себѣ нѣкоторыхъ воиновъ, шедшихъ съ Востока, не соглашавшихся приказалъ убить и, ограбивъ купцовъ, вооружилъ всѣхъ изъ рабовъ, кого нашелъ посильнѣе. Пытался онъ всѣми средствами подѣйствовать на сотника Сизенну, отправленнаго отъ имени Сирійскаго войска къ преторіанцамъ скрѣпить братскій союзъ дружбы; наконецъ Сизенна, тайно оставивъ островъ, самъ себя не помня отъ страха опасаясь насилія, убѣжалъ отъ него. Вслѣдствіе этого дальше прошелъ ужасъ, многіе встрепенулись при столь славномъ имени, жаждая переворота и ненавидя существующій порядокъ.

9) День ото дня распространявшейся молвѣ положилъ конецъ случай. Гальба предоставилъ провинціи Галатію и Памфилію управленію Кальпурнія Аспрената. Даны изъ мизенскаго флота два военныхъ судна, о трехъ рядахъ веселъ, для преслѣдованія, и съ ними онъ приступилъ къ острову Цитну. Нашлись, которые призывали начальниковъ корабельныхъ отъ имени Нерона. Онъ, принявъ на себя печальный видъ, взывалъ къ вѣрности когда-то ему преданныхъ воиновъ и умолялъ ихъ отвезть его въ Сирію или Египетъ.

Капитаны судовъ, въ нерѣшительности или замышляя коварство, утверждали, что имъ необходимо поговорить съ воинами и что они вернутся подготовивъ умы всѣхъ. Но Аспренату передали все вѣрно; по его убѣжденію корабль взятъ силою и мнимый Неронъ, кто бы онъ ни былъ, убитъ. Тѣло, отличавшееся глазами, волосами и суровостью лица, отвезено въ Азію и оттуда въ Римъ.

10) Въ обществѣ, гдѣ господствовало разномысліе и вслѣдствіе частой перемѣны государей колебавшемся между свободою и своеволіемъ, и незначительныя повидимому обстоятельства служили поводомъ къ большимъ волненіямъ. Вибій Криспъ, деньгами, могуществомъ, умомъ скорѣе въ числѣ людей извѣстныхъ, чѣмъ людей добра, призвалъ къ изслѣдованію сената Аннія Фавста, всадническаго сословія, при Неронѣ занимавшагося доносами. Незадолго передъ тѣмъ, въ правленіе Гальбы, сенаторы постановили: «изслѣдовать дѣло обвинителей. Это сенатское опредѣленіе подверглось разнообразнымъ сужденіямъ и, глядя по тому попадался ли подсудимый влiятельный или слабый, оставался или безъ дѣйствія, или въ полной силѣ. Но тутъ и страхомъ и собственнымъ вліяніемъ старался Криспъ погубить доносчика своего брата, увлекъ онъ большую часть сената, такъ что она требовала, не принимая его защиты и оправданій, казнить. Въ глазахъ же другихъ ничто такъ не приносило пользы обвинителю, какъ излишняя власть обвинителя: «необходимо дать срокъ, изложить обвиненіе и человѣка не навистнаго и вреднаго все же выслушать согласно обычая»,—такъ высказывались они. И сначала успѣли было; разслѣдованіе отложено на нѣсколько дней; но потомъ Фавстъ осужденъ далеко не съ такимъ одобреніемъ общества, какое заслужилъ онъ отвратительною нравственностью. Припоминали, что самъ Криспъ пускалъ въ ходъ такія же обвиненія и съ большою для себя выгодою. Непріятна была не самая казнь за обвиненіе, но не нравился обвинитель.

11. Между тѣмъ начало войны было благопріятно для Оттона; по его приказанію двинулись войска изъ Далматіи и Паннонiи. Было четыре легіона; изъ нихъ двѣ тысячи посланы впередъ, а остальные слѣдовали съ небольшими промежутками; седьмой набранъ Гальбою: старинные воины (ветераны) были въ легіонахъ одиннадцатомъ, тринадцатомъ; особенною славою покрыли себя воины четырнадцатаго легіона, усмиривъ возстаніе Британніи. Прибавилъ имъ славы Неронъ, избравъ какъ лучшихъ. Вслѣдствіе этого долго оставались они вѣрными Нерону и расположены были въ пользу Оттона; но вслѣдствіе сознанія собственной силы и чѣмъ ея боль-

ше было—возникала медленность; строю легіоновъ предшествовали союзныя конныя и пѣшія войска. И изъ самаго города отрядъ, на который нельзя было смотрѣть съ пренебреженіемъ: пять преторіанскихъ когортъ, эскадроны конницы съ первымъ легіономъ; кромѣ того,—подкрѣпленіе неблаговидное,—двѣ тысячи гладіаторовъ, но въ гражданскихъ воинахъ привыкли употреблять его вожди самые основательные. Начальникомъ этихъ силъ сдѣланъ Анній Галлъ, посланный впередъ съ Вестриціемъ Спуринною—занять берега рѣки По, такъ какъ первоначальный планъ военныхъ дѣйствій осуществленъ быть не могъ, потому что Цецина уже перешелъ Альпы, а надѣялись было удержать его въ предѣлахъ Галліи. Самого Оттона сопровождали отборный отрядъ тѣлохранителей, съ прочими преторіанскими когортами, ветераны (заслуженные воины) изъ преторіанцевъ и огромное число моряковъ. На походѣ не обнаруживалъ онъ ни лѣности, ни охоты къ наслажденіямъ. Онъ носилъ желѣзный панцырь и находился впереди значковъ пѣшкомъ, нечесаный, неумытый, совсѣмъ не похожій на то, какъ о немъ была молва.

12. Счастіе благопріятствовало начинаніямъ; моремъ, съ помощью флота удерживалъ Оттонъ въ своей власти большую часть Италіи и почти до начала прибрежныхъ Альпъ. Для того чтобы произвести покушеніе на нихъ и Нарбонскую Галлію, онъ назначилъ вождей: Суедія Клемента, Антонія Новелла и Эмилія Паценза. Послѣдняго своевольные воины связали; Антоній Новеллъ не имѣлъ ни малѣйшаго значенія; Суедій Клементъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ честолюбивыхъ соображеній; по своей испорченности не уживался онъ съ правильною умѣренностью дисциплины, но жаждалъ военныхъ дѣйствій. Повидимому воины находились не въ Италіи, родинѣ и постоянномъ мѣстѣ жительства, но какъ бы область непріятельскую и города враговъ предавали пламени, опустошенію, грабежу, и тѣмъ возмутительнѣе былъ такой образъ дѣйствія, что нигдѣ не было принято никакихъ мѣръ осторожности и не было опасеній. Избытокъ царствовалъ въ поляхъ, дома отворены, выходившіе на встрѣчу хозяева съ женами и дѣтьми гибли отъ бѣдственной войны, вполнѣ расчитывая на спокойствіе мира. Въ то время приморскіе Альпы занималъ прокураторъ Марій Матуръ. Тотъ, созвавъ своихъ соплеменниковъ (не было у нихъ недостатка въ молодежи) пытался отразить отъ границъ провинціи воиновъ Оттона, но первымъ натискомъ воиновъ разбиты и разбросаны горцы. Они, собравшись на скорую руку, не знали ни лагерей ни вож-

дей, а потому и побѣда не могла бы имъ принести чести и въ бѣгствѣ не было позора.

13. Раздраженное этимъ сопротивленіемъ, войско Оттона обращаетъ свой гнѣвъ на городъ (муниципій) Альбій Интемелій. На полѣ битвы не было добычи; бѣдны были поселяне и оружіе плохое; самихъ захватить въ плѣнъ было не возможно, такъ какъ они были быстры на бѣгу и знали хорошо мѣстность, но мученіями невинныхъ удовлетворена алчность. Увеличила позоръ войска достойнымъ извѣстности примѣромъ женщина Лигусъ; она скрыла сына, и когда воины, въ томъ убѣжденіи, что вмѣстѣ съ сыномъ она спрятала и деньги, мучили ее и допрашивали: гдѣ она спрятала.«Она, указывая на животъ,—«вотъ тутъ въ серединѣ» отвѣчала. Затѣмъ никакія угрозы, ни самая смерть не заставили ее измѣнить ея высокаго выраженія.

14. Тревожные гонцы принесли извѣстіе Фабію Валенту: «что флотъ Оттона угрожаетъ Нарбонской провинціи, приведенной къ присягѣ на вѣрность Вителлію. Явились и послы колоній, умоляя о помощи. Двѣ когорты Тунгровъ, четыре эскадрона всадниковъ, всю конницу Треверовъ съ (начальникомъ) префектомъ Юліемъ Классикомъ выслалъ; изъ нихъ часть удержана въ колоніи Форо-юліенской затѣмъ, чтобы если всѣ войска будутъ обращены на сухопутныя дѣйствія, флотъ не сталъ бы дѣйствовать еще быстрѣе на совершенно свободномъ морѣ. Двѣнадцать эскадроновъ всадниковъ и отборныя изъ когортъ двинулись противъ непріятеля: къ нимъ присоединена когорта Лигуровъ, старинная этой мѣстности помощь, и пятьсотъ горцевъ, жителей Альпъ, которые еще не были въ строю. Сраженіе не замедлило имѣть мѣсто, но войско такъ устроено, что часть моряковъ, къ которымъ присоединены были поселяне, взведена на холмы, ближайшіе къ морю; на сколько позволяла узкая полоска ровнаго мѣста между возвышенностями и берегомъ все это наполняли Преторіанскіе воины. Въ самомъ морѣ флотъ непосредственно у берега, готовый къ битвѣ, во всю длину обнаруживалъ грозно громадность протяженія. Вителліанцы, у которыхъ пѣшихъ воиновъ было меньше, а вся сила заключалась въ конницѣ, горцевъ располагаютъ по ближайшимъ возвышенностямъ, а пѣшія войска ставятъ тѣсными рядами послѣ конницы. Треверская конница опрометчиво подставила себя непріятелю: съ фронта встрѣтила она заслуженныхъ воиновъ, а съ боковъ каменьями вредила толпа поселянъ, достаточно способная для этого дѣла. Они были въ перемежку съ воинами; и храбрые и робкіе при побѣдѣ

обнаруживали одинаковую смѣлость. Ужасъ пораженныхъ былъ еще сильнѣе вслѣдствіе того, что на тылъ ихъ надвинулся непріятельскій флотъ. Такимъ образомъ отовсюду замкнутыя войска Вителлія были бы совершенно уничтожены, еслибы войско побѣдителя не удержала темнота ночи, въ которой побѣжденные нашли себѣ защиту.

15. Да и Вителліевы воины, хотя и побѣжденные, не оставались въ покоѣ; призвавъ подкрѣпленія, они нападаютъ на непріятеля, ничего подобнаго не ожидавшаго, и вслѣдствіе успѣха сдѣлавшагося безпечнѣе. Истреблены караулы, прорваны лагери, смятеніе распространилось до самыхъ судовъ, пока мало-по-малу исчезли опасенія, и найдя себѣ опору, занявъ близь лежащій холмъ, воины Оттона сами не замедлили перейдти къ наступленію и начальники когортъ Тунгрскихъ, въ продолжительныхъ стараніяхъ поддержать ряды своихъ, засыпаны дротиками. Да и Отоніанцамъ побѣда обошлась не безъ потерь; неосторожно въ преслѣдованіи зашедшихъ впередъ воиновъ всадники, оборотясь назадъ, окружили. И какъ бы условясь на перемиріи, какъ бы съ одной стороны флотъ, а съ другой конница не причинили неожиданной тревоги, Вителліанцы возвращаются назадъ въ Антиполисъ, городъ Нарбонской Галліи а Оттоніанцы въ Альбингавнъ, городъ внутренней Лигуріи.

16. Корсику и Сардинію и прочіе острова ближайшаго моря слава побѣдоноснаго флота удерживала на сторонѣ Оттона. Но самонадѣянность прокуратора Д. Пакарія почти втянула Корсику въ бѣдствія войны безо всякой рѣшительной пользы, а ему самому на гибель. Онъ, изъ ненависти къ Оттону, положилъ—помочь Вителлію силами Корсовъ,—содѣйствіе ничтожное, будь даже оно увѣнчано успѣхомъ. Позвавъ главныя лица острова, открылъ свое намѣреніе, а дерзнувшихъ противорѣчить,—Клавдія Пиррика, бывшаго тамъ начальника флотиліи легкихъ судовъ, Квинктія Церта, всадника Римскаго—приказываетъ умертвить. Устрашенные ихъ казнью, всѣ, которые тутъ присутствовали, а также и народъ, ничего не знавшій, но раздѣлявшій чужія опасенія, присягнули на вѣрность Вителлію; но когда Пакарій началъ производить наборъ и людей непривычныхъ утомлять военными упражненіями, то тѣ смотрѣли съ ненавистью на необычные труды и вмѣстѣ соображали свою слабость: «живутъ они на островѣ и далеко отъ нихъ Германія и силы легіоновъ; сдѣлались жертвою грабежа и опустошенія и тѣ, которыхъ защищали пѣшія и конныя войска». Вдругъ общее расположеніе умовъ сдѣлалось противъ Пакарія; впрочемъ они дѣйствовали не от-

крытою силою, а избрали время удобное для коварнаго умысла. По уходѣ тѣхъ, которые обыкновенно находились при Пакаріи, онъ, обнаженный и беззащитный, умерщвленъ въ банѣ; избиты и его провожатые. Головы ихъ, какъ бы непріятелей, сами убійцы отнесли къ Оттону и ихъ Оттонъ не наградилъ, и Вителлій не наказалъ; а они въ хаосѣ множества преступныхъ дѣяній гораздо болѣе важныхъ затерялись.

17. Уже открылъ путь въ Италію и перевелъ туда войну, какъ мы выше упоминали, Силлановъ конный отрядъ; ни у кого не было какого-либо расположенія къ Оттону и не потому, чтобы они предпочитали Вителлія, но долговременный миръ пріучилъ ко всѣмъ видамъ рабства, готовы были сдѣлаться первою добычею кто бы ни взялъ, и вовсе не заботились о томъ, кто лучше. Самый цвѣтущій край Италіи, всѣ земли и города между рѣкою По и Альпами были заняты войсками Вителлія (такъ какъ уже пришли когорты посланныя впередъ Цециною). Взята когорта Панноніевъ у Кремоны; захвачены сто всадниковъ и тысячу моряковъ между Плаценціею и Тициномъ. Вслѣдствіе этихъ успѣховъ Вителліанцы уже не встрѣчали болѣе препятствія въ рѣкѣ и берега были въ ихъ власти. Даже эта самая рѣка подзадоривала какъ бы Батавовъ и жителей за-Рейнскихъ; перейдя ее вдругъ напротивъ Плаценціи, схватили нѣсколькихъ вѣстовыхъ и нагнали такой ужасъ на прочихъ, что встревоженные вѣстники сообщили ложно: «будто уже явилось все войско Цецины». Спуринна (онъ начальствовалъ въ Плаценціи) зналъ навѣрное, что Цецина еще не пришелъ и на случай его приближенія онъ рѣшился удержать воиновъ внутри укрѣпленій и не выводить на встрѣчу войску ихъ ветерановъ—три Преторіанскихъ когорты и тысячу значконосцевъ съ небольшимъ количествомъ конницы; но воины, буйные и въ военномъ дѣлѣ неопытные, схвативъ значки и знамена, бросились впередъ, грозили оружіемъ вождю, который пытался было ихъ удержать, не слушались сотниковъ и трибуновъ. Воины кричали объ измѣнѣ и что Цецина призванъ. Дѣлается соучастникомъ неосмотрительности другихъ Спуринна, сначала вынужденно, а потомъ уже притворно согласясь, за тѣмъ чтобы больше вѣсу имѣли его убѣжденія въ случаѣ, если волненіе не утихнетъ.

19. Когда увидали рѣку По и ночь уже приближалась, то положено укрѣпить лагерь. Этотъ трудъ, непривычный городскому воину, поохладилъ умы. Тутъ тѣ кто, были постарше лѣтами, стали пенять на свою легковѣрность, высказывать опасенія относительно крайности ихъ положенія, если вдругъ Цецина съ войскомъ окружитъ

въ открытомъ полѣ столь немногочисленныя когорты. Уже по всему лагерю стали говорить въ духѣ умѣренности и сотники съ трибунами, вмѣшиваясь въ разговоры, хвалили предусмотрительность вождя, что онъ колонію, сильную средствами къ защитѣ, избралъ какъ точку опоры и средоточіе военныхъ дѣйствій. Наконецъ самъ Спуринна, не столько упрекая вину воиновъ, сколько высказывая доказательства, оставивъ передовые разъѣзды, отвелъ въ Плаценцію остальныхъ воиновъ въ расположеніи духа гораздо болѣе спокойномъ и готовыхъ повиноваться. Поправлены стѣны, приняты мѣры обороны, увеличены башни; уже готовы и запасены были не только оружіе, но и послушаніе и покорность, а этихъ качествъ недоставало противной сторонѣ, хотя о мужествѣ и ей жалѣть не приходилось.

20. А Цецина, какъ бы оставивъ за Альпами увлеченіе произвола и необузданность, шелъ по Италіи съ войскомъ весьма смирно. Впрочемъ муниципіи и колоніи самую одежду его перетолковывали какъ выраженіе надменности, то что онъ обращался съ рѣчью къ одѣтымъ въ тогу, нося разноцвѣтный военный плащъ и штаны, одѣяніе дикарей. Какъ бы лично оскорбленные бранили и жену его Салонину зато, что она ѣхала на отличномъ конѣ и въ пурпурной одеждѣ, хотя никому не причиняла ни малѣйшей обиды. Отъ природы свойственно людямъ съ досадою смотрѣть на свѣже-возникшее благополучіе и ни отъ кого не требуютъ такой умѣренности и при счастіи какъ отъ тѣхъ, кого видѣли съ собою наравнѣ. Цецина, перейдя По, пытался соблазнить вѣрность Отоніанцевъ переговорами и обѣщаніями; ему отвѣчали тѣмъ же, перебрасываясь безъ пользы благовидными словами мира и согласія. Съ большою грозою обратилъ онъ всѣ свои заботы и соображенія на взятіе Плаценціи; онъ хорошо зналъ, что каковъ будетъ успѣхъ начала военныхъ дѣйствій, такова слава и на все что послѣдуетъ.

21. Первый день прошелъ болѣе въ порывахъ горячности, чѣмъ согласно съ опытностью войска, составленнаго изъ ветерановъ: обремененные пищею и виномъ подошли они къ стѣнамъ ничѣмъ не прикрытые и не взявъ никакихъ мѣръ предосторожности. При этой схваткѣ красивѣйшее зданіе амфитеатра, находившееся внѣ стѣнъ города, сдѣлалось добычею пламени; зажжено ли оно было осаждающими, бросавшими въ осажденныхъ факелы, раскаленныя свинцовыя пули и метательный огонь или осажденными отбрасывавшими назадъ все это. Жители города, склонные къ подозрѣніямъ, были того мнѣнія, что злоумышленно подожжено зданіе амфитеатра

кѣмъ-либо изъ жителей сосѣднихъ колоній изъ соревнованія и зависти, такъ какъ въ Италіи не было ни одного столь обширнаго строенія. Отъ чего бы ни случилось, но пока опасались худшаго, смотрѣли на это слегка; а когда возвратилась увѣренность въ безопасности, то жители такъ жалѣли объ этомъ какъ будто уже большаго несчастія съ ними и быть не могло. Впрочемъ Цецина отбитъ съ большою потерею воиновъ и ночь вся проведена въ подготовительныхъ работахъ. Вителіанцы дѣлали крытыя галлереи и ходы, запасали фашины для того чтобы подрываться подъ стѣны и для защиты осаждающихъ. Отоніанцы наготовили кольевъ и огромное количество тяжелыхъ камней, свинца и мѣди давить непріятелей и разрушать ихъ работы. И съ той и съ другой стороны дѣйствовали стыдъ и слава; разнообразны были увѣщанія: одни превозносили крѣпость легіоновъ и Германскаго войска, а другіе достоинства городскаго войска и преторіанскихъ когортъ. Первые порицали противниковъ какъ лѣнивыхъ, безпечныхъ воиновъ развратившихся по циркамъ и театрамъ; а тѣ ихъ называли чужеземцами и пришлыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ Отона и Вителлія или превозносили похвалами или бранили, подстрекая другъ друга, но брань была вообще обильнѣе и многословнѣе похвалы.

22. Чуть занялся день стѣны покрылись защитниками; все поле заблистало отъ воиновъ въ ихъ полномъ вооруженіи. Сплошною массою легіоны, вспомогательныя войска союзниковъ въ разсыпную, стараются дѣйствовать противъ стѣнъ, гдѣ они повыше, стрѣлами или каменьями, а гдѣ былъ плохой присмотръ или стѣны валились отъ ветхости тамъ подходили ближе. Отоніанцы бросаютъ сверху дротики, дѣйствуя съ розмаху и удары ихъ были вѣрны противъ неосмотрительно пододвинувшихся когортъ Германцевъ; съ дикими пѣснями, обнаженные тѣломъ по обычаю отцовъ, они потрясали щитами надъ головами. Воины легіоновъ, прикрытые галлереями и фашинами, подкапываютъ стѣны, возводятъ насыпь, усиливаются разбить ворота. Тутъ то Преторіанцы, заготовленные на этотъ самый предметъ, жерновные камни чрезвычайно тяжелые сваливаютъ съ страшнымъ шумомъ. Часть находившихся внизу непріятелей задавлена; другіе поражены ужасомъ или ранены — замѣшательство еще увеличивало понесенный вредъ, а тутъ то ихъ и принялись съ большимъ усердіемъ поражать со стѣнъ. Обратились назадъ помрачивъ славу поборниковъ Вителлія. И Цецина отъ стыда начатаго такъ самонадѣянно приступа и чтобы осмѣяннымъ неоставаться безъ пользы въ томъ же лагерѣ, переправясь опять

черезъ По вознамѣрился двинуться къ Кремонѣ. Передались уходившему Турулій Церіалъ съ весьма многими моряками и Юлій Бригантикъ съ немногими всадниками. Послѣдній префектъ коннаго отряда, родившійся въ Батавіи, а первый начальникъ первой роты тріаріевъ и Цецинѣ не чужой, такъ какъ онъ водилъ ряды въ Германіи.

23. Спуринна, узнавъ о движеніи непріятелей, извѣстилъ письмомъ Аннія Галла о томъ, что Плаценція защищена, о всемъ что сдѣлалось и что готовитъ Цецина. Галлъ велъ первый легіонъ на помощь Плаценціи недовѣряя малочисленности когортъ и не ожидая, чтобы они могли долго выдержать осаду и силу Германскаго войска. Узнавъ, что разбитый Цецина идетъ въ Кремону, останавливаетъ легіонъ съ трудомъ удерживаемый въ повиновеніи, такъ какъ желаніе сражаться доходило почти до возмущенія, у Бедріака. Село это находится между Вероною и Кремоною; оно пріобрѣло зловѣщую извѣстность двумя пораженіями Римскихъ войскъ. Въ тѣ же дни Марцій Макръ сразился съ успѣхомъ недалеко отъ Кремоны. Неутомимо дѣятельный Марцій, перевезенныхъ на судахъ, гладіаторовъ вдругъ бросилъ на противуположный берегъ По. Тревога распространилась въ находившихся тамъ резервахъ Вителліанцевъ и пытавшіеся сопротивляться истреблены, а остальные бѣжали въ Кремону; но сдержанъ порывъ побѣдителей, какъ бы, подкрѣпясь свѣжими резервами, непріятели не измѣнили судьбу сраженія. Подозрительно это было Отоніанцамъ—всѣ дѣйствія вождей перетолковывавшимъ въ дурную сторону. Наперерывъ и, чѣмъ кто малодушнѣе, тѣмъ съ большею дерзостью преслѣдовали различными обвиненіями Аннія Галла и Светонія Павллина и Марія Цельза (ихъ то Отонъ сдѣлалъ начальниками). Убійцы Гальбы были самими усердными подстрекателями возмущеній и раздоровъ: какъ бы утративъ разсудокъ отъ преступленія и опасеній, они старались произвесть общее замѣшательство, то явно возмутительными криками, то тайными къ Отону письмами. А тотъ слишкомъ довѣрчивый къ людямъ самымъ простымъ, боялся благонамѣренныхъ и находился въ состояніи тревожномъ; онъ терялся при удачѣ, и при несчастіи былъ лучше. А потому призвавъ Тиціана, брата своего, поставилъ его во главѣ военныхъ дѣйствій; между тѣмъ подъ начальствомъ Павллина и Цельса совершены славныя дѣянія.

24. Скорбѣлъ Цецина о томъ, что всѣ его начинанія безуспѣшны и слава его войска дряхлѣетъ. Отбитый отъ Плаценціи видѣлъ недавно пораженіе вспомогательныхъ войскъ, даже въ стычкахъ передовыхъ разъѣздовъ, болѣе частыхъ чѣмъ достойныхъ упоминанія

не имѣлъ перевѣса. Съ приближеніемъ Фабія Валента, какъ бы вся честь войны не перешла туда, спѣшилъ опять снискать себѣ славу но съ большею торопливостью чѣмъ обдуманностью. У двенадцатаго милеваго камня отъ Кремоны мѣстность называется Касторовъ (бобровъ?) онъ лучшія вспомогательныя войска расположилъ скрытно въ примыкавшихъ къ дорогѣ перелѣскахъ. Всадники получили приказаніе: выступить впередъ и, завязавъ бой, бѣжать назадъ самимъ и тѣмъ вызвать поспѣшное преслѣдованіе непріятеля и заманить его до того мѣста, гдѣ должны были выйдти скрытые въ засадѣ. Выдана была эта тайна вождямъ Отоновымъ: Павллинъ взялъ на себя начальство надъ пѣхотою, а надъ конницею Цельсъ. Отдѣленіе тринадцатаго легіона, четыре когорты вспомогательныхъ войскъ и пятьсотъ всадниковъ поставлены на лѣвой сторонѣ; полотно дороги заняли глубокими (далеко въ глубь простиравшимися) отрядами три преторіанскія когорты; на правомъ флангѣ наступалъ первый легіонъ съ двумя вспомогательными когортами и пятьюстами всадниковъ. За ними находилась тысяча всадниковъ изъ преторіанцевъ и вспомогательныхъ—избытокъ въ случаѣ удачнаго дѣйствія и резервъ на случай опасности.

25. Прежде чѣмъ сойдтись обѣимъ боевымъ линіямъ, Вителліанцы обратили тылъ, Цельсъ, зная о коварномъ умыслѣ непріятеля, сдержалъ своихъ. Вителліанцы опрометчиво выйдя изъ засады и видя, что Цельсъ понемногу отступаетъ, далеко погнались за ними и сами попали въ ловушку. Знакъ къ битвѣ пѣшимъ воинамъ не тотчасъ поданъ отъ Светонія Павллина; мѣшкотный отъ природы онъ предпочиталъ планъ дѣйствій осторожный, но зрѣло обдуманный случайно счастливымъ дѣйствіямъ; онъ отдаетъ приказаніе заровнять рвы, открыть поле и развернуть строй; успѣетъ де возъимѣть свое начало побѣда и тогда когда приняты будутъ всѣ мѣры, чтобы не потерпѣть пораженія и этою медлительностью дано время Вителліанпамъ убѣжать въ виноградники, гдѣ сплетшіяся лозы мѣшали дѣйствовать свободно, а за виноградниками находился небольшой лѣсъ. Тутъ то Вителліанцы оправились и снова смѣлые бросились на преторіанскихъ всадниковъ и лучшихъ изъ нихъ убили. Раненъ и царь Епифанъ, который усердно за дѣло Отона бросился въ бой.

26. Тутъ то бросилась впередъ пѣхота Отона; сокрушенъ строй непріятелей; обращены въ бѣгство даже тѣ, которые шли на помощь; такъ какъ Цецина двинулъ когорты не всѣ разомъ, но вызывалъ по одной. На полѣ битвы это производило только лишнее замѣша-

тельство, когда разбросанныхъ и нигдѣ не имѣвшихъ достаточно силъ для сопротивленія, захватывалъ и уносилъ потокъ бѣгущихъ. Произошло возмущеніе и въ лагерѣ вслѣдствіе того, что не всѣхъ вели впередъ. Связанъ префектъ лагерей Юлій Гротъ за то будто бы онъ съ братомъ, сражавшимся за Отона, толковалъ о предательствѣ и брата его трибуна Юлія Фронтона, Отоніанцы связали по такому же обвиненію. Впрочемъ повсюду въ бѣгущихъ, въ попадавшихся на встрѣчу въ сраженіи, передъ окопами было опасеніе: «возможно было истребить Цецину со всѣмъ войскомъ, еслибы Светоній Павллинъ не велѣлъ играть отбой.» Это убѣжденіе было общее въ обѣихъ войскахъ. А Павллинъ высказывалъ: «опасался онъ послѣ столькихъ трудовъ и переходовъ, какъ бы Вителліевы воины свѣжіе изъ лагерей не напали на утомленныхъ, а на случай пораженія у него самого не было никакого резерва». Лишь немногіе одобряли этотъ доводъ полководца, а большинство толковало объ этомъ въ дурную для него сторону.

27. Уронъ этотъ не столько страху нагналъ Вителліанцамъ, сколько вынудилъ ихъ быть скромнѣе, и не только у Цецины, который вину сваливалъ на воиновъ, изъявляющихъ будто-бы болѣе готовности къ бунту, чѣмъ къ сраженію, но и войска Фабія Валента (онъ уже прибылъ въ Тицинъ) перестали пренебрегать непріятелемъ и жаждая возстановить доброе о себѣ мнѣніе, повиновались вождю съ большимъ почтеніемъ и усердіемъ. Но помимо этого вспыхнуло важное возмущеніе, которое я изложу начавъ съ того, что случилось гораздо ранѣе (такъ какъ не слѣдовало прерывать ходъ дѣяній, совершенныхъ Цециною). Когорты Батавовъ, которыя въ войну Нерона отдѣлились отъ четырнадцатаго легіона, идя въ Британнію и услыхавъ о возстаніи Вителлія, въ городѣ Лингоновъ присоединились къ Фабію Валенту, какъ то мы уже упомянули, вели себя высокомѣрно. Какъ входили въ палатки какого-либо легіона: усмирили они воиновъ четырнадцатаго легіона, отняли у Нерона Италію и вся судьба войны находится въ ихъ рукахъ—такъ хвалились они. Позорнымъ казалось это воинамъ, горькимъ вождю; дисциплина гибла среди брани и ссоръ; наконецъ Валенсъ сталъ подозрѣвать подъ нахальствомъ и самое вѣроломство.

28. Вслѣдствіе этого, получивъ извѣстіе, что разбитъ конный отрядъ Треверовъ и что Тунгры и Нарбонская Галлія обойдены флотомъ Отона, «а вмѣстѣ озабочиваясь защитить союзниковъ и безпокойныя когорты, которыя, еслибы оставались вмѣстѣ, были бы слишкомъ сильны, раздробить, отдаетъ приказаніе части Бата-

вовъ идти на помощь. Когда объ этомъ услыхали и узнали то опечалились союзники, возроптали легіоны: «лишаются они помощи храбрѣйшихъ людей; воины заслуженные, побѣдители въ стольких войнахъ, когда непріятель уже почти въ виду, уводятся съ поля сраженія. Если провинція дороже и выше Рима и спасенія Имперіи, то пусть всѣ туда слѣдуютъ. Если же здравомысліе побѣды, ея опора и защита заключается въ Италіи, то ненужно отторгать какъ бы у тѣла самые крѣпкіе члены.

29. Такъ высказывали воины свое неудовольствіе, а когда Валенсъ пытался усмирить волненіе приславъ ликторовъ, они кидаются на него самого, бросаютъ каменьями, преслѣдуютъ бѣгущаго съ крикомъ: «ограбилъ онъ Галліи и спряталъ золото жителей Віенны и награду за ихъ труды». Разграбили обозы, дротиками и копьями истерзали не только палатку вождя, но самую землю; а Валенсъ, переодѣтый работникомъ, скрывался у десятника всадниковъ. Тогда Альфенъ Варъ, префектъ лагерей, когда волненіе стало стихать мало-по-малу, подалъ совѣтъ — запретить сотникамъ обходить смѣны карауловъ и вовсе оставить сигналы трубою, которою вызывали воина на всѣ обязанности его службы. Вслѣдствіе этого всѣ коснѣли въ бездѣйствіи, только съ крайнимъ удивленіемъ посматривая другъ на друга. То самое, что никто ими не правилъ, наводило на нихъ робость. Молчаніемъ, терпѣніемъ, наконецъ мольбами и слезами просили прощенія. А когда вышелъ Валенсъ не въ своемъ видѣ, плачущій, спасшійся сверхъ его ожиданій,—вызвалъ радость, состраданіе, расположеніе; перейдя къ восторгу (такъ какъ народъ обыкновенно ни въ чемъ не знаетъ мѣры) осыпали Валенса похвалами и выраженіями признательности; окруживъ его орлами и значками несутъ на трибуналъ (возвышенное сѣдалище). Онъ съ полезною умѣренностью не требовалъ ничьей казни; а чтобы не заподозрили его въ скрытности (притворствѣ), онъ немногихъ обвинилъ, зная, что въ гражданскія войны воины могутъ себѣ позволить гораздо болѣе чѣмъ вожди.

30. Между тѣмъ какъ они занимались укрѣпленіемъ лагера у Тицина, получено извѣстіе о неудачномъ для Цецины сраженіи. Тутъ волненіе почти снова возникло—«будто бы вслѣдствіе коварнаго умысла и промедленій Валенса не участвовали они въ сраженіи». Не хотѣли отдыха, не ждали вождя, посылали впередъ значки, торопили значконосцевъ; поспѣшнымъ движеніемъ соединяются съ Цециною. Въ войскѣ Цецина нехорошіе были толки о войскѣ Валенса: «брошены они столь малочисленные на жертву всѣмъ силамъ непріятель-

скимъ,—такъ жаловались, вмѣстѣ извиняя себя и льстиво превознося силу пришедшихъ, чтобы ихъ не презирали какъ побѣжденныхъ и трусовъ. И хотя гораздо болѣе силъ было у Валенса, почти двойное число легіоновъ и вспомогательныхъ войскъ, однако усердіе воиновъ склонялось болѣе въ пользу Цецины; кромѣ благосклонности характера, которую онъ болѣе обнаруживалъ, дѣйствовали тудъ даже цвѣтущій его возрастъ, высокій ростъ и какое-то безотчетное расположеніе. Вслѣдствіе этого соперничество между вождями,—Цецина издѣвался надъ Валенсомъ какъ человѣкомъ гнуснымъ и себя запятнавшимъ, а тотъ какъ надъ человѣкомъ пустымъ и надменнымъ. Но скрывъ взаимное нерасположеніе, они преслѣдовали однѣ и тѣ же полезныя цѣли въ частыхъ письмахъ, уже не расчитывая на прощеніе, осыпали Отона бранью: а вожди Отоновой стороны, и при огромномъ избыткѣ матеріаловъ для порицанія Вителлія, хранили осторожное молчаніе.

31. Конечно до послѣдняго исхода своей дѣятельности, которымъ Отонъ снискалъ отличную славу, а Вителлій покрылъ себя величайшимъ позоромъ, опасались менѣе низкихъ пожеланій Вителлія, чѣмъ пылкихъ и неукротимыхъ страстей Отона. Онъ же внушалъ ужасъ и ненависть умерщвленіемъ Гальбы; а напротивъ Вителлію никто въ вину не ставилъ починъ войны. Вителлій, весь предавшись наслажденіямъ желудка и горла былъ самъ себѣ врагомъ; Отона за его роскошь, жестокость и смѣлость считали гибельнѣе общественному дѣлу. По соединеніи войскъ Цецины и Валенса, со стороны Вителліанцевъ не было ни малѣйшаго замедленія къ тому, чтобы сразиться всѣми силами. Отонъ совѣтовался, что̀ лучше: тянуть ли войну вдаль или попытать счастія? Тутъ Светоній Павллинъ, считая достойнымъ мнѣнія о немъ, которое полагало, что въ то время не было человѣка, болѣе искуснаго въ военномъ дѣлѣ, изложить подробно о всемъ ходѣ войны, высказался, что для непріятеля полезнѣе торопиться, а для нихъ—медлить.

32. «Войска Вителлія теперь сошлись всѣ; да и съ тылу силъ немного, потому что Галліи волнуются, да и не полезно что берега Рейна покинуты и открытъ путь вторженіямъ народовъ столь непріязненныхъ. Силы Британскаго войска отвлечены непріятелемъ и находятся за моремъ. Гиспаніи не такъ то богаты военными силами; Нарбонская провинція встревожена вторженіемъ флота и неудачною битвою; замкнутая Альпами Италія по ту сторону По тщетно бы стала дожидаться какихъ-либо пособій моремъ, а сама уже опустошена самымъ движеніемъ войска. Ему получать хлѣба неоткуда, а

войско возможно ли удержать безъ средствъ? Уже Германцы,—а именно этотъ отдѣлъ войска у непріятеля самый смѣлый,—если война протянется на лѣто, ослабѣютъ тѣломъ и не будутъ въ состояніи перенесть перемѣны погоды и жаръ солнца. Многія войны, страшныя первымъ порывомъ, обратились ни во что промедленіемъ и бездѣйствіемъ. У нихъ же напротивъ во всемъ избытокъ и есть на что надѣяться: Паннонія, Мезія, Далматія, Востокъ съ свѣжими и нетронутыми войсками; Италія и Римъ, основа всего, сенатъ и народъ—имена, которыя никогда не исчезнутъ во мракѣ, хотя иногда и блѣднѣютъ; общественныя и частныя грамадныя средства и деньги несмѣтныя,—а они въ гражданскихъ раздорахъ сильнѣе меча. Тѣла воиновъ привыкли къ Италіи и къ жарамъ. Впереди прикрываетъ ихъ рѣка По и города крѣпкіе и стѣнами, и силами; изъ нихъ ни одинъ не уступитъ непріятелю,—убѣдился онъ защитою Плаценціи. А потому пусть ведетъ вдаль войну; черезъ немного дней четырнадцатый легіонъ, самъ покрытый большою славою, съ Мезійскими войсками будетъ здѣсь; тогда-то снова соберемся на совѣщаніе, и еслибы предпочли сраженіе, то и вступили бы въ него съ приращенными силами.

33. Съ мнѣніемъ Павллина соглашался Марій Цельсъ. То же одобряетъ Анній Галлъ,—принесли извѣстіе посланные спросить о его мнѣніи, такъ онъ ушибся незадолго передъ тѣмъ, упавъ съ лошади. Отонъ самъ готовъ былъ сразиться; братъ его Тиціанъ и префектъ преторія Прокулъ, именно по своей не опытности расположенные болѣе къ поспѣшности, призывали судьбу, боговъ и собственное счастіе Отона, какъ внушающіе ему его образъ дѣйствій, не оставятъ они его и при исполненіи. А чтобы никто не дерзнулъ противорѣчить, пустились льстить. Когда рѣшено идти на бой, обнаружилось сомнѣніе о томъ—присутствовать ли императору на сраженіи или лучше держаться въ отдаленіи. Павллинъ и Цельсъ уже не противились, какъ бы не показать, будто они государя хотятъ бросить на жертву опасности; тѣ же виновники худшаго плана военныхъ дѣйствій убѣдили: удалиться въ Брикселъ и, находясь внѣ случайностей боя, сберечь себя для болѣе важныхъ событій и для государства. Этотъ день былъ началомъ паденія Отоновой партіи, потому что и съ нимъ ушелъ сильный отрядъ преторіанскихъ когортъ, тѣлохранителей и всадниковъ, да и остальныхъ сломлена энергія: такъ какъ вождей подозрѣвали и какъ Отону одному вѣрили воины, да и онъ самъ довѣрялъ лишь имъ однимъ, то и оставилъ вождей въ нерѣшительности относительно плана дѣйствій.

34. Все это не оставалось тайною для Вителліанцевъ: при частыхъ, какъ обыкновенно бываетъ въ гражданскихъ войнахъ, перебѣжчикахъ и лазутчики, въ заботѣ разузнать совсѣмъ другое, не скрывали и своего. Спокойные и внимательные, Цецина и Валенсъ, когда непріятель опрометчиво бросался впередъ, они—и это сво его рода мудрость—поджидали удачнаго мгновенія воспользоваться чужою глупостью, начавъ строить мостъ, дѣлали видъ будто хотятъ перейдти рѣку По, противъ стоявшаго на другомъ берегу отряда гладіаторовъ и для того, чтобы ихъ воины не оставались въ бездѣйствіи и праздности. Суда съ равнымъ между ними промежуткомъ, скрѣпленныя и съ той и съ другой стороны крѣпкими поперечными бревнами, направляемы были противъ теченія рѣки и брошены кромѣ того якори для большей прочности моста. Но веревки якорей не вытянутыя качались, чтобы, съ приращеніемъ рѣки, рядъ судовъ могъ подняться выше безъ вреда для нихъ. Замыкала мостъ устроенная башня, выведенная и на крайній корабль, съ тѣмъ, чтобы оттуда отбивать непріятеля орудіями и машинами. Отоніанцы устроили на берегу башню и метали оттуда камни и зажженные факелы.

35. По срединѣ рѣки находился островъ, на который устремились гладіаторы на судахъ, а Германцы вплавь. Случилось, что послѣдніе перешли въ большемъ количествѣ, и ихъ аттаковалъ Мацеръ съ самыми сильными изъ гладіаторовъ. Но и гладіаторы не имѣли въ сраженіи той твердости, какую (имѣли) воины, да и не такъ вѣрно наносимы были удары съ судовъ, качавшихся на водѣ, какъ съ берега, гдѣ воины стояли твердою поступью. При разнообразныхъ колебаніяхъ и торопливости, перемѣшались въ безпорядкѣ гребцы и сражавшіеся. Тогда Германцы стали сами спрыгивать на отмели, хватались за корму судна, всходили на палубу или топили руками. Все это, происходя въ виду того и другаго войска, чѣмъ было пріятнѣе Вителліанцамъ, тѣмъ у Отоніанцевъ вызывало болѣе негодованія къ самому ихъ дѣлу и виновнику пораженія.

36. И сраженіе окончилось бѣгствомъ, такъ такъ уцѣлѣвшія суда ушли, а Мацера требовали на казнь. Уже на него, получившаго рану издали копьемъ, напали извлекши мечи, какъ онъ нашелъ себѣ защиту въ бросившихся между нимъ и воинами трибунахъ и сотникахъ. Немного послѣ Вестрицій Спуринна, по приказанію Отона, оставивъ въ Плаценціи небольшой гарнизонъ, подоспѣлъ съ когортами. Потомъ Флавія Сабина, нареченнаго консула, Отонъ послалъ завѣдывать войсками, которыми начальствовалъ Мацеръ. Воины радовались

перемѣнѣ вождей, а вожди не дорожили службою, столь непріятною вслѣдствіе частыхъ возмущеній.

37. Нахожу у нѣкоторыхъ писателей: «подъ вліяніемъ ли опасеній войны, или тотъ и другой государи уже успѣли опостылѣть, такъ какъ ихъ позорные и безъславные поступки день ото дня дѣлались все извѣстнѣе молвою, но воины будто бы колебались, не отложить ли борьбу, или самимъ обсудить этотъ вопросъ или поручить сенату выбрать императора. Вслѣдствіе этого-то будто бы Отоновы вожди совѣтовали медлить и тянуть дѣло вдаль, расчитывая преимущественно на Павллина. Старѣйшій по лѣтамъ изъ носившихъ санъ консульской, онъ прославился и на войнѣ, снискавъ себѣ похвальную извѣстность Британскими походами». Соглашаюсь съ тѣмъ, что немногіе въ глубинѣ души желали спокойствія вмѣсто раздоровъ, честнаго и благонамѣреннаго государя вмѣсто самыхъ дурныхъ и порочныхъ; но съ другой стороны убѣжденъ, что Павллинъ при своемъ умѣ, никакъ не могъ надѣяться, въ вѣкѣ столь испорченномъ, такой умѣренности въ народѣ, чтобы тѣ же люди, которые изъ любви къ войнѣ нарушили миръ, оставили бы ее изъ любви къ спокойствію, или расчитывать на то, чтобы войска, составленныя изъ людей разныхъ нравовъ и говорившихъ различными языками, могли прійдти къ такому единодушію, или чтобы легаты и вожди, сознавая за собою любовь къ роскоши при недостаточности средствъ и имѣя на совѣсти не мало преступленій, потерпѣли бы другаго государя, не столь же какъ и они запятнаннаго и связаннаго ихъ заслугами въ отношеніи къ нему.

38. Старинная и, искони присущая людямъ, страсть къ господству, вмѣстѣ съ величіемъ и значеніемъ власти, возрасла и стала обнаруживаться съ большею силою. Пока еще все было въ размѣрахъ умѣренныхъ, легче сохранялось равенство; но когда, съ покореніемъ земнаго шара и гибелью соперниковъ, городовъ и царей, стало досужно простирать желаніе на богатства уже безопасныя, тутъ возгорѣлась первая борьба между сенатомъ и черныо. Являлись то трибуны-возмутители, то всемогущіе консулы, и въ городѣ и на форумѣ были попытки произвесть усобицу между гражданами. Затѣмъ, изъ низшихъ рядовъ черни—К. Марій и изъ аристократовъ—неумолимо жестокій Л. Сулла побѣжденную оружіемъ вольность обратили въ господство. Послѣ нихъ Кн. Помпей—скрытнѣе, но нелучше. И впослѣдствіи только одинъ вопросъ принимался: о первенствѣ (кому быть государемъ). Не слагали же съ себя оружіе въ Фарсаліи или Филиппахъ легіоны гражданъ; къ чему же было бы войскамъ Отона и Вителлія добровольно по-

лагать конецъ войнѣ? Къ раздору повлекли ихъ тотъ же гнѣвъ боговъ, то же неистовство людей, тѣ же побужденія преступленій. А если войны рѣшались какъ бы однимъ ударомъ,—то условлено было неспособностью государей. Но увлекли меня вдаль соображенія о нравственности тогдашней и нынѣшней; теперь возвращаюсь къ послѣдовательному изложенію событій.

39. Съ удаленіемъ Отона въ Брикселлъ, почетъ власти оставался у брата его Тиціана, а сила и могущество—у префекта Прокула. Цельзъ и Павллинъ, опытностью и знаніемъ которыхъ никто не думалъ пользоваться, нашли безплодное имя вождей, служа лишь прикрытіемъ чужихъ ошибокъ. Трибуны и сотники оставались въ нерѣшительности, такъ какъ лучшіе люди были въ пренебреженіи, а худшіе въ силѣ. Воины были усердны, но расположены болѣе истолковывать, чѣмъ исполнять приказанія вождей. Положено подвинуть впередъ лагерь къ четвертому милевому отъ Бедріака столбу. и это исполнено до того неопытно, что несмотря на то, что была весна и кругомъ множество рѣчекъ, въ водѣ чувствовался недостатокъ. Тутъ оставались въ нерѣшительности относительно сраженія: Отонъ письмами настаивалъ поспѣшать, а воины требовали, чтобы самъ императоръ присутствовалъ въ сраженіи; большинство требовало также, чтобы призвать войска, находившіяся по ту сторону По. И если не такъ-то можетъ-быть легко рѣшить, какъ бы лучше всего было поступить, но вѣрно то, что уже хуже того придумать нельзя какъ поступлено.

40. Выступивъ не такъ какъ на сраженіе, но просто какъ бы для веденія войны, Отоніанцы шли къ сліянію рѣкъ По и Аддуи, находившемуся оттуда въ разстояніи 16 миль. Цельсъ и Павллинъ были того мнѣнія, что не слѣдуетъ воиновъ утомленныхъ походомъ, обремененныхъ тяжестями (которыя они на себѣ несли), подставлять непріятелю, который, будучи самъ на легкѣ и сдѣлавъ впередъ едва четыре тысячи шаговъ, не преминетъ напасть или дорогою, на неустроенныхъ (въ боевой порядокъ), или на разсѣянныхъ, когда они будутъ устроивать валъ. Тиціанъ и Прокулъ тамъ, гдѣ были побѣждаемы доводами, пользовались правомъ приказанія. Явился тутъ же на быстромъ конѣ Нумидъ съ строгими порученіями: Отонъ, выговоривъ вождямъ ихъ бездѣйствіе, отдалъ приказаніе рѣшительно дѣйствовать; болѣзненно ему было замедленіе и, надѣясь на успѣхъ не могъ сохранить терпѣніе.

41. Въ тотъ же день къ Цецинѣ, обратившему все свое вниманіе на устройство моста, явились два трибуна преторіанскихъ

когортъ, требуя съ нимъ возможности переговорить. Онъ собирался выслушать ихъ условія и отвѣчать на нихъ, какъ вдругъ поспѣшно передовые разъѣзды принесли извѣстіе, что непріятель появился. Бесѣда съ трибунами перервана, и потому оставалось въ неизвѣстности, что они взялись—за коварство ли, за измѣну ли, или задумали что-либо честное. Цецина, отпустивъ трибуновъ, вернулся въ лагерь и тамъ нашелъ, что уже, по приказанію Фабія Валенса, данъ знакъ къ сраженію и воины уже подъ оружіемъ. Пока легіоны жеребьемъ распредѣляютъ межъ собою мѣста въ строю, бросились впередъ всадники, и если—сказать удивительно—Отоніанцами уступавшими имъ численностью, не отброшены къ окопамъ, удержаны только доблестью Италъянскаго легіона. Извлекши мечи, воины его вынудили пораженныхъ вернуться и возобновить бой. Легіоны Вителлія выстроились въ боевую линію безо всякаго замѣшательства, потому что какъ ни близокъ былъ непріятель, но густой кустарникъ скрывалъ видъ вооруженія. У Отоніанцевъ вожди робѣли, воины были имъ враждебны, повозки и маркитанты перемѣшались; по обѣ стороны были глубокіе рвы и дорога тѣсная для военнаго строя, даже если бы и никто его не безпокоилъ. Одни обступили свои значки, другіе ихъ искали; со всѣхъ сторонъ смутные крики бѣгущихъ, зовущихъ, и какъ у кого преобладали смѣлость или робость, спѣшили или въ первые, или въ задніе ряды.

42. Умы, пораженные внезапнымъ ужасомъ, ложная радость совершенно разстроила. Нашлись люди, вымыслившіе, будто отъ Вителлія отпало войско. Слухъ этотъ, распущенъ ли лазутчиками Отона, возникъ ли среди самихъ сторонниковъ Отона, имѣлъ ли свое начало случайно, или придуманъ съ коварною цѣлью,—не довольно уяснилось. Отложивъ въ сторону свое рвеніе къ битвѣ, Отоніанцы сами привѣтствовали противниковъ; встрѣчены непріязненнымъ ропотомъ, а какъ большинство не знало что за причина привѣтствія, то возникло опасеніе измѣны. Тутъ, то налегъ всею массою непріятель, рядами нетронутыми, имѣя на своей сторонѣ перевѣсъ и силы и численности. Отоніанцы, хотя разсѣянные, меньшіе числомъ, утомленные, несмотря на это, съ усердіемъ вступили въ бой. Въ мѣстности, покрытой деревьями и виноградниками, не вездѣ однообразный видъ представляло сраженіе; издали и вблизи сходились вереницами и клинами. На полотнѣ дороги схватились въ рукопашную, ломили, напирая всѣми силами тѣлъ и щитовъ, уже не стали метать дротиковъ, мечами и топорами рубили шлемы и

панцыри: зная другъ друга и на виду прочихъ, они боролись, рѣшая участь сраженія.

43. Случайно между рѣкою По и дорогою въ открытомъ полѣ встрѣтились два легіона: за Вителлія двадцать первый, получившій прозваніе «неукротимаго», именитый старинною славою; со стороны Отона первый (прозваніемъ) *помощникъ*, доселѣ еще не бывшій въ бою, но лихой и жаждавшій свѣжей славы. Воины перваго легіона положили въ лоскъ первые ряды двадцать перваго и отняли орла. Разсвирѣпѣлъ оскорбленный тѣмъ легіонъ, и съ своей стороны погналъ воиновъ перваго легіона, умертвивъ Орфидія Бенигна, легата, и захвативъ у непріятеля очень много значковъ и знаменъ. Съ другой стороны, натискомъ воиновъ пятаго легіона сбитъ тринадцатый легіонъ; а войны четырнадцатаго легіона окружены сбѣжавшимися въ большомъ числѣ непріятелями. Вожди Отона еще раньше бѣжали, а Цецина и Валенсъ подкрѣпляли свою линію резервами. Подошла и свѣжая помощь: Варъ Альфенъ съ Батавами, обративъ въ бѣгство отрядъ гладіаторовъ; его, переправлявшагося на судахъ, противуставленныя ему когорты избили въ самой рѣкѣ; такимъ образомъ побѣдители стали дѣйствовать на непріятеля сбоку.

44. Центръ прорванъ и Отоніанцы бросились бѣжать вразсыпную, стремясь въ Бедріакъ. Разстояніе до него огромное; дороги были завалены грудами мертвыхъ тѣлъ; вслѣдствіе этого побоище было еще сильнѣе, такъ какъ въ гражданскихъ войнахъ плѣнные не составляютъ добычи. Светоній Павллинъ и Лициній Прокулъ разными путями обошли лагери. Ведія Аквила, легата тринадцатаго легіона, неумѣстная робость подставила раздраженію воиновъ. Еще много дня оставалось, онъ вошелъ за окопы; тутъ встрѣтили его крики возмутительные бѣжавшихъ; не щадятъ брани, и руки ихъ не остаются въ покоѣ; ругаютъ измѣнникомъ и предателемъ; собственно за нимъ вины никакой не было, но таковъ обычай толпы— свою вину на кого-нибудь свалить. Тиціанъ и Цельсъ нашли себѣ защиту въ темнотѣ ночи; уже разставлены были караулы и воины затихли,—на нихъ подѣйствовалъ Анній Галлъ мольбами, увѣщаніями, вліяніемъ: «пусть къ бѣдствіямъ несчастной битвы не присоединяютъ отъ себя звѣрскихъ убійствъ. Наступитъ ли конецъ войны, предпочтутъ ли они опять взяться за оружіе, побѣжденнымъ единственное облегченіе въ единодушіи. У прочихъ сломленъ духъ, а преторіанскіе воины громко роптали: побѣждены они не доблестью, а измѣною. Не безъ потерь досталось и Вителліанцамъ побѣда; кон-

ница ихъ сбита, захваченъ орелъ легіона; съ самимъ Отономъ всѣ воины, сколько ихъ было по ту сторону По. Идутъ Мезійскіе легіоны, большая часть войска осталась въ Бедріакѣ; эти ужь во всякомъ случаѣ не побѣждены, и если дѣло на то пойдетъ, предпочтутъ честную смерть въ бою». Соображая все это и переходя то къ смѣлости, то къ робости, находили больше побужденій къ раздраженію, чѣмъ опасеніямъ.

45. А Вителліево войско остановилось у пятаго милеваго камня отъ Бедріака; не дерзнули вожди въ тотъ же день приступить къ лагерю; вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялись они добровольной покорности. А имъ, вышедшимъ на легкѣ и только для сраженія, вмѣсто укрѣпленій служили — оружіе и побѣда. На другой день, — такъ какъ не было уже сомнѣній относительно расположенія Оттонова войска и обнаруживавшіе наиболѣе упорства склонны были къ раскаянію,—отправлено посольство; да и со стороны вождей Вителліевыхъ не было затрудненія даровать миръ. Послы немного задержаны; это обстоятельство вызвало колебаніе при неизвѣстности— получатъ ли они просимое. Вслѣдъ за тѣмъ, когда посольство вернулось назадъ, укрѣпленія открылись. Тутъ и побѣдители, и побѣжденные, проливая слезы, въ радости, полной сожалѣній, высказывали свое отвращеніе къ междуусобнымъ войнамъ. Въ однѣхъ и тѣхъ же палаткахъ съ любовью ухаживали одинъ за раненнымъ братомъ, другіе за родственниками. Надежды и награды были еще подъ сомнѣніемъ; вѣрны только печальныя утраты и слезы. Не было ни одного человѣка чуждаго горя, кому не пришлось бы оплакивать невозвратимо утраченнаго смертью. Разыскано тѣло Орфидія легата и предано огню, съ обычною почестью; немногіе погребены своими родственниками; остальные всею массою брошены на землѣ.

46. Поджидалъ Оттонъ вѣстника (о результатѣ сраженія), нисколько не тревожась и рѣшась какъ поступить; сначала печальная молва, потомъ бѣглецы изъ сраженія открыли, что дѣло проиграно. Воодушевленіе воиновъ не дожидалось голоса непріятеля. Они внушали ему: «не терять присутствія духа; есть еще въ избыткѣ свѣжія силы и они сами и стерпятъ и дерзнутъ на все самое крайнее». И не была то лесть. Идти на бой, возбудить счастіе партіи, они пылали какимъ-то неистовствомъ и внутреннимъ побужденіемъ. Тѣ, которые далеко стояли, протягивали руки, а ближайшіе охватывали колѣна; болѣе всѣхъ показывалъ усердія Плотій Фирмъ. Онъ, префектъ преторія, то и дѣло умолялъ: «не бросать вѣрнѣйшее войско

и воиновъ, показавшихъ ему свою отлично усердную службу: гораздо больше твердости духа перенесть несчастіе, чѣмъ уступить ему Постоянство и мужество человѣка должны не терять надежды и въ борьбѣ съ судьбою; робость и слабость только ведутъ къ отчаянію». Среди этихъ голосовъ—смягчался ли лицомъ Оттонъ или принималъ болѣе строгое выраженіе—раздавались то крики, то вопли. И не только преторіанцы, собственные воины Оттона, но посланные впередъ изъ Мезіи извѣщали о такой же твердости идущаго войска, и что легіоны вошли уже въ Аквилею. Никто не могъ усумниться, что можно было возобновить войну жестокую, плачевную, полную неизвѣстности для побѣдителей и побѣжденныхъ.

47. Но Оттонъ самъ отказался отъ намѣренія вести войну; онъ сказалъ: «таковыя ваши усердіе и доблесть—подвергать дальнѣйшимъ опасностямъ считалъ бы я слишкомъ дорогою платою за жизнь мою. Чѣмъ болѣе надеждъ вы показываете, если бы мнѣ хотѣлось жить, тѣмъ честнѣе будетъ смерть. Мы уже испытали другъ друга—я и счастіе. Да и приняли ли вы въ расчетъ самое время? Труднѣе воздержать себя при счастливыхъ обстоятельствахъ, особенно если убѣжденъ, что ими недолго будешь пользоваться. Починъ гражданской войны отъ Вителлія и оттуда-то возникла необходимость состязаться о верховной власти: а я послужу примѣромъ—бороться только одинъ разъ. По этому-то и потомство пусть судитъ Вителлія. Пусть пользуется Вителлій братомъ, женою, дѣтьми: я не нуждаюсь ни во мщеніи, ни въ утѣшеніи. Другой бы на моемъ мѣстѣ можетъ бы долѣе удержалъ за собою верховную власть; но врядъ ли кто покинулъ бы ее съ такою твердостью. Допущу ли я снова гибель такого количества Римской молодежи, столькихъ отличныхъ войскъ? Лишу ли я ихъ государство? Пусть ваше усердіе останется при мнѣ, какъ будто бы вы и хотѣли погибнуть со мною вмѣстѣ; но останьтесь въ живыхъ и не долго подвергнемъ испытанію—я вашу безопасность, а вы мою твердость. Болѣе говорить о послѣднемъ концѣ значило бы долю робости; но лучшимъ доказательствомъ моего назначенія имѣете то, что я ни на кого не жалуюсь. Обвинять боговъ или людей свойственно тому, кто желалъ бы жить». Высказавшись такъ привѣтливо, обратился Оттонъ къ тѣмъ, кому давали право на вниманіе или лѣта, или достоинство, и убѣждалъ: «удалиться скорѣе и не раздражать гнѣвъ побѣдителя, оставаясь. На молодыхъ людей дѣйствовалъ значеніемъ власти, а на стариковъ—просьбами. Спокойно было его лицо, тверды слова, когда онъ старался удержать своихъ отъ слезъ несвоевременныхъ. При-

казываетъ уходящимъ дать суда и повозки; всѣ записки и письма, внушенныя усердіемъ къ нему и гдѣ дурно говорилось о Вителліи, уничтожилъ; раздавалъ деньги, но скупо и какъ будто бы не собирался умирать. Затѣмъ онъ Салвія Кокценна, братнинаго сына, трепещущаго и горестнаго, самъ утѣшалъ; хвалилъ его нѣжную чувствительность, но пенялъ трусость: «не ужели Вителлій будетъ такъ немилосердъ, что за безопасность всего его дома не отплатитъ и такою ничтожною милостью? торопясь проститься съ жизнью, не снискалъ ли онъ милосердія побѣдителя? Не при совершенно отчаянныхъ обстоятельствахъ, но когда войско требовало сраженія, онъ, Оттонъ, устранилъ гибельную случайность для государства. Достаточно ему извѣстности, достаточно славы его потомкамъ. Послѣ Юліевъ, Клавдіевъ, Сервіевъ онъ первый внесъ верховную власть въ новый родъ. А потому пусть бодро и смѣло вступаетъ въ жизнь, а о томъ, что Оттонъ ему былъ дядя, пусть и не забываетъ никогда, и не слишкомъ помнитъ.

49. Послѣ этого, удаливъ всѣхъ, Оттонъ немного отдохнулъ; но его, среди мыслей уже о послѣднемъ часѣ, отвлекло возникшее волненіе; дали ему знать объ ожесточеніи и своеволіи воиновъ. Удалявшимся они грозили гибелью. Всего больше раздраженія обнаруживали они противъ Вергинія, и его осадили въ домѣ, гдѣ онъ заперся. Выступивъ снова, Оттонъ попенялъ виновниковъ возмущенія, занялся убѣжденіемъ уходившихъ и оставался, пока всѣ разошлись безо всякаго насилія. День уже склонялся къ вечеру и Оттонъ, почувствовавъ жажду, напился холодной воды. Тутъ принесли къ нему два кинжала, и онъ попробовавъ тотъ и другой, одинъ спряталъ подъ изголовье. Узнавъ, что друзья уже ушли, провелъ ночь спокойно и, какъ утверждаютъ, не безъ сна. На разсвѣтѣ, онъ налегъ грудью на кинжалъ. На стоны умирающаго вошли отпущенники, рабы и Плотій Фирмъ, префектъ преторія; они нашли одну рану. Поторопились похоронами; о томъ просилъ Оттонъ, «чтобы не отрѣзали ему головы и не была бы она предметомъ посмѣянія». Несли тѣло преторіанскія когорты, съ похвалами и слезами, осыпая поцѣлуями руки его и рану. Нѣкоторые воины подлѣ костра лишили себя жизни, не изъ сознанія какой-либо вины и не изъ опасеній, но ревнуя къ славѣ и изъ любви къ государю. Потомъ безъ разбора въ Бедріакѣ, Плаценціи и другихъ лагеряхъ этотъ родъ смерти вызвалъ подражаніе. Надгробный памятникъ Оттону воздвигнутъ скромный и имѣвшій оставаться долго.

50. Такъ окончилъ жизнь Оттонъ на тридцать седьмомъ году отъ

рожденія. Происходилъ онъ изъ Ферентанскаго муниципія. Отецъ его былъ консуломъ; родъ матери менѣе знатенъ, но и не изъ послѣднихъ. Дѣтство и молодость какъ онъ провелъ, мы уже показали. Двумя дѣйствіями, однимъ самымъ постыднымъ, другимъ превосходнымъ, онъ заслужилъ передъ потомствомъ столько же доброй славы, сколько и худой. Разыскивать басни и вымышленнымъ тѣшить умы читателей—счелъ бы я недостойнымъ важности начатаго мною труда; но съ другой стороны не рѣшусь заподозрить вѣрность того, что было всѣмъ извѣстно и передано другими. «Въ день бытвы подъ Бедріакомъ—такъ передаютъ мѣстные жители—птица необыкновенной породы сѣла у Регія Лепида въ многолюдномъ мѣстѣ; не обнаруживала она робости и не прогната ни сборищемъ людей, ни летавшими вокругъ ея птицами до тѣхъ поръ, пока Оттонъ не лишилъ себя жизни. Тогда она исчезла изъ глазъ. Соображая время, оказывалось, что начало и конецъ чудеснаго явленія совпадали съ исходомъ Оттона.

51. На похоронахъ его отъ горести и плача возобновилось возмущеніе воиновъ, и не было кому усмирять. Обратясь къ Вергинію воины умоляли съ угрозами то взять себѣ верховную власть, то принять на себя посольство къ Цецинѣ и Веленсу. Вергиній украдкою удалился изъ дому заднимъ выходомъ и тѣмъ ушелъ отъ вломившихся воиновъ. Просьбу когортъ, находившихся въ Брикселѣ, понесъ Рубрій Галлъ. Прощеніе немедленно даровано и войска, которыми командовалъ Флавій Сабинъ, перешли къ побѣдителю.

52. Вездѣ окончилась война, но большая часть сената подверглась крайней опасности; отправясь изъ Рима съ Оттономъ, она потомъ осталась въ Мутинѣ. Туда пришло извѣстіе о несчастномъ исходѣ сраженія, но воины пренебрегали имъ какъ лживымъ, и полагая, что сенатъ враждебенъ Оттону, подслушивали разговоры, выраженіе лица и движенія толковали въ дурную сторону. Наконецъ осыпая упреками и бранью, старались найдти поводъ къ тому, чтобы начать убійства. И другое опасеніе не давало покою сенаторамъ, какъ бы, при явномъ перевѣсѣ стороны Вителлія, не показать, что они медлили принять послѣдствія побѣды. Вслѣдствіе этого они собираются вмѣстѣ, встревоженные и волнуемые съ двухъ сторонъ опасеніями; никто за себя не высказывалъ рѣшенія, надѣясь вмѣстѣ обезопасить себя общностью вины. Увеличивалъ еще заботу оробѣвшихъ городской совѣтъ Мутинскій, предлагая деньги и оружіе и привѣтствуя названіемъ «отцовъ достопочтенныхъ»—почестью совершенно не ко времени.

53. Замѣчательная перебранка возникла тутъ, когда Лициній Цецина накинулся на Марцелла Еприя, какъ говорившаго будто бы обоюдно (двусмысленно). И другіе не открывали своихъ мыслей, но ненавистное памятью доносовъ имя Марцелла, вызывавшее неудовольствія, возбудило Цецину, человѣка еще новаго и недавно принятаго въ сенатъ, пріобрѣсть извѣстность смѣлыми нападками на людей извѣстныхъ. Умѣренность людей лучшихъ развела ихъ. И всѣ возвратились въ Бононію съ тѣмъ, чтобы снова посовѣтоваться, а въ промежуткѣ времени надѣялись получить болѣе извѣстій. Въ Бононіи разосланы по дорогамъ распрашивать тѣхъ, кто недавно съ той стороны; тутъ спросили отпущенника Отонова о причинѣ ухода. «Тотъ отвѣчалъ, что несетъ его послѣднія порученія, что онъ оставилъ его еще пока въ живыхъ, но помышлявшаго только о потомствѣ и распрощавшагося со всѣми прелестями жизни». Это вызвало удивленіе и стыдъ больше распрашивать, а умы всѣхъ обратились къ Вителлію.

54. Присутствовалъ при совѣщаніяхъ братъ его Л. Вителлій; охотно уже становился онъ предметомъ лести, какъ вдругъ Ценусъ, отпущенникъ Нерона, поразилъ всѣхъ наглою ложью, утверждая, что, съ приходомъ четырнадцатаго легіона и съ присоединеніемъ войскъ изъ Брикселла, разбиты побѣдители и дѣла партіи приняли совсѣмъ другой оборотъ. Причина вымысла была та, чтобы пожалованія Отона, пришедшія было въ пренебреженіе, возъимѣли бы опять силу вслѣдствіе благопріятнаго извѣстія. Ценусъ поспѣшно отправился въ городъ и, немного дней спустя, по приказанію Вителлія, поплатился за это жизнью. Опасность сенаторовъ еще увеличилась, такъ какъ воины Отона повѣрили справедливости принесеннаго извѣстія. Опасенія усиливались вслѣдствіе того, что оставленіе Мутины имѣло видъ общаго рѣшенія и измѣны дѣлу Отона. Болѣе затѣмъ уже не собираясь вмѣстѣ, каждый (изъ сенаторовъ) думалъ только о себѣ, пока присланныя Фабіемъ Валенсомъ письма разсѣяли опасенія. И смерть Отона чѣмъ похвальнѣе, тѣмъ скорѣе молвою сдѣлалась извѣстна.

55. Въ Римѣ тревоги не было нисколько, а по обычаю смотрѣли игры въ честь Цереры. «Когда вѣрные люди принесли въ театръ извѣстіе, что Отонъ оставилъ жизнь, и Флавій Сабинъ, префектъ города, всѣхъ воиновъ, сколько ихъ тутъ находилось, привелъ къ присягѣ на вѣрность Вителлію,—имя Вителлія вызвало рукоплесканія. Народъ носилъ около храмовъ увѣнчанныя лаврами и цвѣтами изображенія Гальбы, а вѣнки навалены были въ видѣ пад-

гробнаго холма подлѣ озера Курціева, на мѣстѣ, которое Гальба, умирая, оросилъ своею кровью. Въ сенатѣ немедленно декретируется все, что прежде придумано было для продолжительныхъ правленій. Присоединены выраженія похвалы и признательности Германскимъ войскамъ и отправлено посольство высказать радость. Прочитаны письма Фабія Валенса, писаныя консуламъ, довольно умѣренно; пріятнѣе была скромность Цецины, такъ какъ онъ ничего не писалъ.

56. Впрочемъ Италія бѣдствовала болѣе и сильнѣе, чѣмъ во время войны. Разсѣясь по муниципіямъ и колоніямъ, Вителліанцы оббирали, грабили, насиловали и оскверняли; жадно пустясь во все дозволенное и недозволенное, они, люди продажные, не останавливались ни предъ чѣмъ, какъ священнымъ, такъ и мірскимъ. Были и такіе, которые людей, бывшихъ съ ними въ непріязни, убивали подъ видомъ воиновъ. Сами воины, хорошо знакомые съ мѣстностью, намѣчали, какъ свою добычу, обильныя поля, богатыхъ хозяевъ, а въ случаѣ сопротивленія обрекали гибели. Вожди смотрѣли на это снисходительно и не дерзали воздерживать воиновъ. Менѣе жадности въ Цецинѣ, но болѣе угодливости; Валенсъ пріобрѣлъ незавидную извѣстность барышами и взятками, и вслѣдствіе этого потатчикъ и чужой винѣ. Еще прежде благосостояніе Италіи было подорвано, и съ трудомъ выносила она такое количество пѣшихъ и конныхъ воиновъ, насилія, опустошенія и обиды.

57. Между тѣмъ Вителлій, не знавшій о своей побѣдѣ, какъ бы на войну еще въ полномъ разгарѣ, влекъ за собою силы и остальныхъ Германскихъ войскъ. Небольшое количество старыхъ воиновъ оставлено на зимнихъ квартирахъ; торопились съ наборомъ по Галліямъ, пополнить кадры оставшихся легіоновъ. Забота объ охранѣ берега ввѣрена Гордеонію Флакку; а самъ Вителлій изъ Британскаго набора присоединилъ себѣ восемь тысячъ человѣкъ. Совершилъ онъ переходъ только немногихъ дней, какъ получилъ извѣстіе, что у Бедріака дѣло обошлось благополучно и смертію Отона кончилась война. Созвавъ воиновъ, онъ ихъ доблесть осыпаетъ похвалами. Требованіе войска, пожаловать отпущеннику его Азіатику всадническое достоинство, онъ остановилъ, какъ неприличную лесть. Но потомъ, вслѣдствіе подвижности и непостоянства характера, то, въ чемъ при всѣхъ отказалъ, далъ охотно на пиршествѣ, гдѣ были одни приближенные; почтилъ онъ Азіатика кольцами, а служитель этотъ былъ человѣкъ дурной и только недобрыми средствами старавшійся снискать милость.

58. Въ эти же дни пришли гонцы съ извѣстіемъ, что пристала къ сторонѣ Вителлія та и другая Мавританія и что прокураторъ Альбинъ убитъ. Люцей Альбинъ Нерономъ поставленъ надъ Мавританіею Цезаріенской, а Гальба присоединилъ ему управленіе Тингитанской провинціею. Стоялъ онъ во главѣ силъ немаловажныхъ. Имѣлъ онъ девятнадцать когортъ, пять конныхъ отрядовъ и огромное количество Мавровъ,—масса въ военное время весьма пригодная для дѣйствія разбойнически и грабительски. По убіеніи Гальбы, Альбинъ склонился на сторону Отона и, не довольствуясь Африкою, угрожалъ Испаніи, отдѣленной только узкимъ проливомъ. Вслѣдствіе этого Клувій Руфъ возъимѣлъ опасенія и приказалъ десятому легіону приблизиться къ берегу какъ бы готовясь къ переправѣ; посланы впередъ сотники съ тѣмъ, чтобы умы Мавровъ задобрить въ пользу Вителлія. И нетрудно было, такъ какъ по всѣмъ провинціямъ велика была слава Германскаго войска. Кромѣ того, распускали слухъ, будто бы, отвергнувъ съ пренебреженіемъ названіе прокуратора, Альбинъ принялъ знаки царскаго достоинства и наименованіе Юбы.

59. Такимъ образомъ расположеніе умовъ измѣнилось; Азиній Полліонъ, префектъ коннаго отряда изъ лицъ самыхъ преданныхъ Альбину, а также Фестъ Сципіонъ, префекты когортъ, умерщвлены. Самъ Альбинъ, на дорогѣ изъ Тингитанской провинціи въ Цезаріенскую Мавританію прибитый къ берегу, убитъ. Жена его, сама себя отдавшая на жертву убійцамъ, подвергалась той же участи. О томъ какъ что гдѣ происходило, Вителлій не распрашивалъ; самымъ важнымъ дѣламъ онъ оказывалъ вниманіе самое не долгое, явно обнаруживая, что они ему не подъ силу. Онъ отдаетъ приказаніе войску идти сухимъ путемъ, а самъ отправляется рѣкою Араромъ внизъ по ея теченію, чуждый еще совершенно обстановки государя, и какъ бы выставляя напоказъ свою прежнюю недостаточность. Наконецъ Юній Блезъ, правитель Лугдунской Галліи, знатный родомъ, щедрый отъ природы и имѣвшій на то достаточно средствъ, окружилъ государя цѣлымъ штатомъ служителей и въ избыткѣ снабдилъ всѣмъ. Черезъ это самое непріятный Вителлію, хотя онъ и прикрылъ свою непріязнь ласковыми до низости выраженіями. Въ Лугдунѣ уже ждали Вителлія начальники и побѣдившей и побѣжденной сторонъ. Подлѣ своего курульнаго кресла поставилъ съ одной стороны Валенса, съ другой Цецину, похваливъ ихъ передъ собраніемъ воиновъ. Потомъ онъ отдаетъ приказаніе всему своему войску выйдти на встрѣчу сыну-ребенку;

когда ему принесли его, то, покрытаго плащемъ держа на груди, назвалъ Германикомъ и покрылъ всѣми отличительными признаками представителей верховной власти; при счастіи—почесть излишняя, обратилась въ утѣху при оборотѣ дѣлъ къ несчастію.

60. Тутъ убиты лучшіе изъ сотниковъ Отоновыхъ, вслѣдствіе чего въ Иллирійскихъ войскахъ обнаружилось сильное отчужденіе отъ Вителлія. Вмѣстѣ и прочіе легіоны, вслѣдствіе соотношеній съ ними и изъ зависти къ Германскимъ воинамъ, стали замышлять войну. Светонія Павллина и Лицинія Прокула Вителлій долго держалъ заброшенными, потомъ выслушалъ; защита ихъ внушена была болѣе необходимостью, чѣмъ честью. Сами себѣ приписывали предательство. Долгій переходъ передъ сраженіемъ, утомленіе Отоніанцевъ, то, что ряды перемѣшались съ повозками и по большей части происшедшее случайно, приписывали своему коварному умыслу. И Вителлій повѣрилъ относительно вѣроломства и простилъ имъ вѣрность. Сальвій Тиціанъ, братъ Оттона, не подвергался никакой опасности, найдя оправданіе въ любви къ брату и неспособности. Марію Цельсу оставлено консульство, но повѣрили слуху, а затѣмъ и высказанъ упрекъ въ сенатѣ Цецилію Симплексу, будто бы онъ хочетъ деньгами купить эту почесть не безъ крайней опасности (жизни) для Цельса. Вителлій воспротивился и уже послѣ далъ Симплексу консульство, ничѣмъ не запятнанное и не купленное. Трахала противъ обвинителей защитили Галерія, супруга Вителлія.

61. Среди опасностей великихъ людей (стыдно сказать) нѣкто Мариккъ, изъ простонародья Боіевъ, дерзнулъ попытать счастія и сдѣлать вызовъ Римскому оружію, прикинувшись божествомъ. Уже обновитель Галлій и богъ (такое имя онъ себѣ далъ), скопивъ восемь тысячъ человѣкъ, увлекалъ за собою ближайшіе поселки Эдуевъ. Но сильное это племя отборною молодежью, съ присоединеніемъ когортъ Вителлія, разметало дышавшую фанатизмомъ толпу. Взятъ въ этомъ сраженіи Мариккъ и вслѣдъ затѣмъ брошенъ звѣрямъ; такъ какъ ими растерзанъ не былъ, въ безсмысленномъ народѣ вселилъ было убѣжденіе въ своей неприкосновенности, пока въ виду Вителлія не былъ убитъ.

62. Затѣмъ не было болѣе никакихъ суровыхъ мѣръ противъ отпавшихъ или противъ ихъ имуществъ. Завѣщанія лицъ, которыя пали въ бою за Отона, сохранили свою силу, а для умершихъ безъ завѣщанія—законъ. Казалось вполнѣ, что удержись только Вителлій отъ роскоши, нечего было опасаться корыстолюбія. Но у него была позорная и неутолимая страсть къ обжор-

ству: все раздражающее вкусъ влекли изъ города и Италіи; пути отъ обоихъ морей оглашались криками везущихъ. Главные сановники городовъ раззорены приготовленіемъ пиршествъ; какъ бы опустошеніе проходило надъ самими городами: отъ трудовъ и мужества отвыкалъ воинъ привычкою къ наслажденіямъ и презрѣніемъ къ вождю. Послалъ Вителлій впередъ въ городъ указъ, которымъ отложилъ принятіе титула *Августа,* а *Цезаря* не принялъ, а между тѣмъ власти нисколько не убавлялъ. Прогнаны изъ Италіи математики. Предусмотрѣно строго, чтобы всадники Римскіе не оскверняли себя участіемъ въ играхъ и появленіемъ на сценѣ. Прежніе государи понуждали къ тому деньгами и чаще силою. И очень многія муниципіи и колоніи состязались въ томъ, что деньгами приманывали самыхъ испорченныхъ изъ молодыхъ людей.

63. Но Вителлій съ приходомъ брата и по мѣрѣ того, какъ вкрадывались къ нему наставники повелѣвать, дѣлался надменнѣе и болѣе расположеннымъ къ жестокости; онъ отдалъ приказаніе убить Долабеллу, о которомъ мы говорили, что Отонъ его удалилъ въ колонію Аквитанскую. Долабелла, услыхавъ о смерти Отона, вошелъ въ городъ. Это ему Планцій Варъ, исправлявшій должность претора, и изъ самихъ короткихъ друзей Долабеллы поставилъ въ упрекъ передъ Флавіемъ Сабиномъ, префектомъ города: будто бы онъ, вырвавшись изъ-подъ стражи, показалъ въ себѣ вождя побѣжденной партіи. Онъ прибавилъ: «дѣлано было покушеніе на когорту, находящуюся въ Остіи». Не было впрочемъ никакихъ доказательствъ такимъ обвиненіямъ. Обратясь къ позднему раскаянію, молилъ о прощеніи послѣ преступленія. Когда въ такомъ важномъ дѣлѣ Флавій Сабинъ обнаруживалъ нерѣшительность, Тріарія, жена Л. Вителлія, для женщины слишкомъ лихая, навела на него ужасъ. «Кажется, съ опасностью для государя желаетъ онъ пріобрѣсть славу милосердія». Сабинъ, отъ природы мягкій характеромъ, но если на него дѣйствовалъ страхъ, весьма легко измѣнчивый и опасаясь за себя при опасности другаго, содѣйствовалъ паденію Долабеллы, чтобы не показать, что онъ хочетъ облегчить его положеніе.

64. А потому Вителлій подъ вліяніемъ опасеній и неудовольствія за то, что Долабелла женился на бывшей его, Вителлія, женѣ Петроніи, пригласилъ его письмомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ отдалъ приказаніе, избѣгая многолюдной Фламинійской дороги, заѣхать въ Интерамній и тамъ умертвить его. Убійцѣ показалось это слишкомъ долго; дорогою въ хижинѣ поваливъ Долабеллу на земь,

перерѣзалъ ему горло; сильная тѣнь негодованія пала на новое правленіе, которое этимъ показало первый образчикъ своихъ дѣйствій. А Тріаріи необузданность осуждалъ близкій примѣръ скромности: Галерія, жена императора, не вмѣшивалась въ грустныя событія; и такъ же честно дѣйствовала Секстилія, мать Вителліевъ, женщина старинныхъ нравовъ. Говорятъ даже, что на первыя письма своего сына она сказала: что родила не Германика, а Вителлія. И впослѣдствіи никакіе соблазны счастія, ни льстивое угожденіе общества не могли веселить ее; ей чувствительны были только одни бѣдствія ея дома.

65. Вителлія, уже уѣхавшаго изъ Лугдуна, настигаетъ на дорогѣ Клувій Руфъ, оставивъ Испанію. На лицѣ его выражалась радость и поздравленія, но въ душѣ тревожился, зная, что онъ сталъ предметомъ обвиненій. Гиларій, отпущенникъ Цезаря, доносилъ: будто бы, услыхавъ о соперничествѣ Вителлія и Отона, покушался онъ присвоить себѣ могущество и власть надъ Испаніями и вслѣдствіе этого въ заголовкѣ бумагъ не писалъ имени ни того, ни другаго государя. Перетолковывалъ также кое-что изъ его рѣчей, какъ порицаніе Вителлія и стараніе заискать для себя популярность. Впрочемъ вліяніе Клувія превозмогло и Вителлій самъ отдалъ приказаніе наказать своего отпущенника. Клувій присоединенъ къ свитѣ государя, не теряя Испаніи, которою онъ правилъ заочно, по примѣру Л. Аррунція; того Тиберій Цезарь удерживалъ при себѣ вслѣдствіе опасеній, но Вителлій не имѣлъ ихъ, оставляя Клувія. Не такова была честь Требеллію Максиму. Бѣжалъ онъ изъ Британніи вслѣдствіе раздраженія воиновъ; на его мѣсто посланъ Веттій Боланъ изъ находившихся на-лицо.

66. Тревожилъ Вителлія нисколько несломленный духъ побѣжденныхъ легіоновъ; разсѣясь по Италіи и въ перемежку съ побѣдителями говорили враждебно. Особенно смѣло высказывались воины четырнадцатаго легіона; никакъ не соглашались они сознаться, что побѣждены, такъ какъ въ Бедріакскомъ сраженіи только значконосцы (вексилларіи) ихъ сбиты, а главныя силы, легіоны и не находились въ дѣлѣ. Положено отослать ихъ въ Британнію, откуда они вызваны Нерономъ, а между тѣмъ туда же направить когорты Батавовъ, вслѣдствіе старинныхъ раздоровъ съ воинами четырнадцатаго легіона. И не долго продолжалось спокойствіе при такой взаимной ненависти вооруженныхъ. Въ Августѣ Тавриновъ, когда одинъ Батавъ преслѣдовалъ какого-то ремесленника за обманъ, воинъ легіона взялъ подъ свою защиту какъ пріятеля; со-

брались сослуживцы того и другаго и отъ брани перешли къ побоищу. Жестокое бы завязалось сраженіе, еслибы не двѣ преторіанскія когорты, которыя, ставъ за дѣло воиновъ 14-го легіона, придали имъ увѣренности, а Батавамъ нагнали страху. Ихъ Вителлій велѣлъ присоединить какъ вѣрныхъ къ своему войску, а легіонъ перевесть черезъ Грайскія Альпы и тамъ дать его пути такое направленіе, чтобы миновать Віенну. Опасались жителей этого города. Въ ночь выступленія легіона, въ разныхъ мѣстахъ покинуты были огни и часть Тавринской колоніи сгорѣла; это несчастіе, какъ большая часть несчастій во время войны, совершенно затерялось среди болѣе значительныхъ несчастій другихъ городовъ. Воины четырнадцатаго легіона, спустясь съ Альповъ, увлечены были самими безпокойными нести знамена къ Віеннѣ, но единодушіемъ лучшихъ воиновъ сдержаны и легіонъ перевезенъ въ Британнію.

67. Ближайшее затѣмъ опасеніе Вителлію было отъ преторіанскихъ когортъ; сначала они были отдѣлены, потомъ, подъ благовиднымъ предлогомъ почетнаго увольненія, относили оружіе своимъ трибунамъ, пока не зачастилъ слухъ о войнѣ, начатой Веспасіаномъ; тогда, взявшись снова за военную службу, они принесли съ собою главную силу партіи Флавія. Первый легіонъ моряковъ отправленъ въ Испанію для того, чтобы онъ тамъ посмирнѣлъ въ мирѣ и бездѣйствіи. Одиннадцатый и седьмой возвращены на зимнія квартиры. Воинамъ тринадцатаго легіона велѣно строить амфитеатры, такъ какъ Цецина въ Кремонѣ, а Валенсъ въ Бононіи готовились дать гладіаторскія зрѣлища. Вителлій никогда не былъ настолько озабоченъ, чтобы забыть о наслажденіи. И онъ умѣренно поступилъ съ противною партію, развлекши только ея силы; но возникло возмущеніе въ средѣ побѣдителей съ шуточнаго начала числомъ павшихъ, возбудившее негодованіе равное съ войною.

68. Вителлій расположился пировать въ Тицинѣ, пригласивъ на пиршество Вергинія. Легаты и трибуны, соотвѣтственно нравамъ императора, или соревнуютъ въ строгости, или тѣшатся частыми пирушками; вслѣдствіе этого воины или внимательны къ своимъ обязанностямъ, или ведутъ себя своевольно. У Вителлія все было въ безпорядкѣ, въ опьяненіи, ближе къ безсоннымъ ночамъ и вакханаліямъ, чѣмъ къ дисциплинѣ и лагерямъ. Такимъ образомъ, когда два воина—одинъ пятаго легіона, а другой изъ вспомогательныхъ Галловъ, балуясь, захотѣли бороться, и воинъ легіона упалъ, а Галлъ сталъ надъ нимъ издѣваться. Собравшіеся смотрѣть въ выраже-

ніяхъ сочувствія раздѣлились и воины легіонные бросились губить вспомогательныхъ, и двѣ когорты перерѣзаны. Эта тревога остановлена была другою. Вдали увидѣли пыль и оружіе; вдругъ раздались крики, что четырнадцатый легіонъ, вернувшись съ пути, идетъ на сраженіе, но то были лишь задніе ряды, замыкавшіе строй. Ихъ узнали и безпокойство утихло. Между тѣмъ случайно попавшійся на встрѣчу рабъ Вергинія заподозрѣнъ какъ убійца Вителлія, и воины устремились къ пирующимъ, требуя смерти Вергинія. Но даже Вителлій, опасливый на всѣ подозрѣнія, не сомнѣвался въ его невинности; съ трудомъ удержали воиновъ, требовавшихъ гибели человѣка, удостоившагося быть консуломъ и бывшаго своего начальника. Ни на кого такъ часто какъ на Вергинія обрушивалось возмущеніе. Удивленіе къ человѣку и слава его оставались, но ненавидѣли воины, какъ бы имъ наскучивъ.

69. На другой день Вителлій, выслушавъ посольства сената, которому онъ велѣлъ тамъ дожидаться, перешелъ въ лагерь и самъ похвалилъ чувство привязанности къ себѣ воиновъ. Роптали вспомогательные, до какой безнаказанной наглости дошли воины легіоновъ. Когорты Батавовъ отосланы въ Германію во избѣжаніе какого-либо рѣшительнаго съ ихъ стороны поступка; судьба готовила вмѣстѣ зародышъ и внутренней и внѣшней войны. Возвращены вспомогательныя войска Галльскимъ городамъ, огромное количество, взятыя при началѣ отпаденія вмѣстѣ съ многимъ другимъ, для войны безполезнымъ. А также, чтобы соразмѣрить уже истощенныя средства государства съ системою денежныхъ раздачъ, Вителлій отдаетъ приказаніе сократить число легіоновъ и вспомогательныхъ войскъ, запретивъ ихъ пополненіе; увольненія стали давать безъ разбору. Гибельно это было государству и воинамъ непріятно, такъ какъ тѣ же обязанности распредѣлялись между меньшимъ числомъ, опасности и трудъ приходили чаще чередомъ. Притомъ же силы гибли въ наслажденіяхъ вопреки старинной дисциплины и установленій предковъ; а у нихъ дѣло Римское поддерживалось лучше—доблестью, а не деньгами.

70. Вителлій оттуда повернулъ въ Кремону и, присутствовавъ на играхъ данныхъ Цециною, пожелалъ остановиться на Бедріакскомъ полѣ и осмотрѣть собственными глазами слѣды недавней побѣды. Зрѣлище гнусное и отвратительное: уже шелъ сороковой день послѣ битвы: истерзанныя тѣла, отрубленные члены, предавшіеся гніенію трупы людей и лошадей, земля пропитанная запекшеюся кровью, вслѣдствіе истребленія деревьевъ и растеній страш-

ная пустыня. Не менѣе безлюдною была и часть дороги, которую Кремонцы услали лаврами и розами, воздвигнувъ алтари и зарѣзавъ жертвенныхъ животныхъ, по обычаю царей; все это, радовавшее въ настоящемъ, впослѣдствіи обратилось имъ на гибель. Тутъ же присутствовали Валенсъ и Цецина, показывая мѣста битвы: вотъ здѣсь вломился строй легіоновъ, отсюда бросились всадники, оттуда обошли отряды войскъ вспомогательныхъ. Уже трибуны и перефекты, каждый превознося свои подвиги, разсказывали и правду и ложь, и даже то, что дѣйствительно случилось, представляли въ размѣрахъ бо́льшихъ. Да и массы простыхъ воиновъ съ криками радости уклонялись съ пути, узнавали мѣста схватокъ, смотрѣли съ удивленіемъ на кучи оружія, на груды тѣлъ. Былъ и такіе, на которыхъ дѣйствовала такая перемѣна судьбы, которые сострадали и плакали; но не отвернулъ глазъ Вителлій и столько тысячъ тѣлъ гражданъ, лишенныхъ погребенія, не заставилъ его содрогнуться. Напротивъ, онъ радовался и, невѣдая, что и его скоро ждетъ тотъ же жребій, готовилъ праздникъ въ честь мѣстныхъ божествъ.

71. Вслѣдъ затѣмъ въ Бононіи Фабій Валенсъ далъ гладіаторское зрѣлище, привезя все нужное изъ города. И чѣмъ ближе Вителлій подходилъ къ городу, тѣмъ движеніе его испорченнѣе; присоединялись цѣлыя толпы актеровъ и эвнуховъ и прочая принадлежность двора Неронова. Вителлій самъ не скрывалъ чувства восторженнаго удивленія къ Нерону, онъ привыкъ акомпанировать ему въ пѣніи не по необходимости, какъ пришлось и людямъ самихъ честныхъ правилъ, но весь преданный и проданный обжорству. Для того чтобы, скорѣе открыть Валенсу и Цецинѣ мѣсяцы почести свободные, сокращено время консульства другихъ, а Марція Макра и вовсе похерили какъ, одного изъ вождей Отоновой партіи. А Валерію Марину, назначенному консуломъ еще Гальбою, отложилъ до другаго времени безъ всякаго повода къ неудовольствію, а такъ какъ тотъ, будучи характера смирнаго, перенесетъ обиду въ молчаніи. Педаній Коста исключенъ, непріятный Вителлію, за звѣрское покушеніе противъ Нерона и какъ подстрекатель Вергинія, но причины выставлены другія. А Вителлію даже принесена благодарность изъ привычки раболѣпствовать.

72. Только въ теченіи немногихъ дней имѣлъ силу обманъ, хотя при началѣ обѣщалъ было принять большіе размѣры. Явился кто то, выдавая себя за Скрибоніана Камерина, скрытаго будто бы изъ опасенія Нероновыхъ временъ, въ Истріи, гдѣ еще сохранялись

кліенты старинныхъ Крассовъ и расположеніе къ ихъ имени. «Подѣлился онъ содержаніемъ этой выдумки со всѣми что ни есть хуже людьми; легковѣрное простонародье и нѣкоторые изъ воиновъ или ошибаясь относительно истины или, изъ желанія смутъ, наперерывъ другъ передъ другомъ приставали къ нему. Когда онъ былъ притащенъ къ Вителлію и спрошенъ, что онъ за человѣкъ? Его разсказамъ не вѣрятъ и узнаетъ его владѣлецъ; оказалось, что онъ бѣглый, по имени Гета, и подвергнутъ рабской казни.

73. Трудно повѣрить, если разсказать—сколько надменности и самонадѣянности прибавилось Вителлію, когда вѣстовые дали знать изъ Сиріи и Іудеи, что Востокъ приведенъ на присягу ему. Такъ какъ хотя еще въ неопредѣленныхъ и не извѣстно отъ кого начало свое получившихъ толкахъ, но въ устахъ и мысляхъ всѣхъ былъ Веспасіанъ и имя его сильно тревожило Вителлія. А тутъ, не видя больше соперника, и онъ самъ и его войско жестокостью, произволомъ, грабежемъ выказались въ нравственномъ отношеніи какъ бы чужеземцами.

74. А Веспасіанъ соображалъ средства и силы войны, какъ бывшія подъ руками, такъ и находившіяся вдали. Воины его до того изъявляли готовность, что когда онъ первый высказалъ слова присяги и молилъ Вителлію всего лучшаго, они хранили глубокое молчаніе. Муціанъ въ душѣ и къ Веспасіану не чувствовалъ ничего враждебнаго, а къ Титу особенно былъ расположенъ. Префектъ Египта Т. Александръ приступилъ къ тому же замыслу. Третій легіонъ, какъ перешедшій изъ Сиріи въ Мезію, считали своимъ; надѣялись, что и прочіе Иллирскіе легіоны послѣдуютъ за нимъ же; всѣ войска раздражены были надменностью приходившихъ отъ Вителлія воиновъ; и съ виду какіе-то дикіе и отчаянные, говорили грубо и насмѣхались надо всѣми, какъ на нихъ непохожими. Но при такомъ громадномъ замыслѣ войны не могло обойтись безъ колебаній, и Веспасіанъ то предавался надеждамъ, то соображалъ и возможность неудачи: «что это за день придетъ, когда онъ отдастъ жребію войны свои шестьдесятъ лѣтъ жизни и двухъ сыновей юношей? Замысламъ частныхъ людей есть возможность и подвигаться впередъ и брать отъ судьбы больше или меньше сколько пожелаютъ, а домогающимся верховной власти нѣтъ середины между самимъ высокимъ положеніемъ и гибелью.»

75. Вращалась передъ глазами его сила Германскаго войска, извѣстная человѣку военному: «его собственные легіоны не ис-

пытаны еще въ гражданской войнѣ, а Вителліевы побѣдили; у побѣжденныхъ болѣе жалобъ, чѣмъ силъ. Вслѣдствіе раздоровъ непостоянна стала твердость воиновъ и опасность можетъ возникнуть отъ каждаго порознь. Что пользы въ пѣшихъ и конныхъ силахъ, если тотъ или другой изъ воиновъ, совершивъ въ настоящемъ злодѣйство, будетъ домогаться награды, которая для него въ противномъ случаѣ еще въ неопредѣленномъ будущемъ? Такъ Скрибоніанъ убитъ при Клавдіи и его убійца, Волагиній, изъ рядоваго солдата достигъ высшей военной почести. Легче подвинуть всѣхъ, чѣмъ уклониться отъ одного.

76. Когда Веспасіанъ колебался подъ вліяніемъ этихъ опасеній, и другіе легаты и друзья его ободряли и Муціанъ, послѣ многихъ наединѣ разговоровъ, уже и при всѣхъ высказывался такъ: «каждый, кто берется за исполненіе важнаго замысла, долженъ сообразить, замышляемое полезно ли государству, честно ли для него самого, удобно ли для быстраго осуществленія или по крайней мѣрѣ не затруднительно ли. А также надобно принять въ соображеніе и то, кто совѣтуетъ—соединяетъ ли съ исполненіемъ замысла и собственную опасность? И кому, если счастіе будетъ содѣйствовать исполненію, снискивается высшая почесть. Я тебя, Веспасіанъ, призываю къ верховной власти, и это спасительно для государства и тебѣ высокая почесть. Послѣ боговъ все это въ твоихъ рукахъ; не опасайся обманчивой лести; скорѣе позорно, чѣмъ похвально быть избраннымъ послѣ Вителлія. Не противъ свѣтлаго умомъ Августа и не противъ осторожнаго до мнительности старика Тиберія и не противъ Кая, или Клавдія, или Нерона, которыхъ власть упрочена была долгимъ временемъ. Ты уступилъ мѣсто Гальбѣ и длинному ряду его предковъ. Но долѣе коснѣть въ бездѣйствіи и дѣло общее предоставлять оскверненію и расхищенію значило бы обнаружить слабость и бездѣйствіе и въ томъ случаѣ, еслибы рабствовать было тебѣ хоть не честно, но безопасно. Но уже невозвратно минуло время, когда тебѣ повидимому оставалась возможность желать; теперь одно спасеніе въ верховной власти. Ушелъ ли отъ гибели предательски умерщвленный Корбулонъ? Сознаюсь, что родъ его былъ блистательнѣе нашего, но и Неронъ знатностью происхожденія превосходилъ Вителлія. Для того, кто кого-либо опасается, всегда достаточно знатенъ тотъ, кто внушаетъ опасенія; а что войско можетъ назначить государя, самъ Вителлій есть лучшее доказательство; нѣтъ за него ни долговременной службы, ни тѣни воинской славы; ненависть къ Гальбѣ

дала ему ходъ. Да и Отонъ сдѣлался жертвою не искусства вождя и не силы войска, но преждевременнаго съ его стороны отчаянія, а теперь ужь онъ сталъ по милости Вителлія предметомъ сожалѣній и великимъ государемъ, теперь, когда онъ разводитъ легіоны, обезоруживаетъ когорты, ежедневно готовитъ сѣмена будущей войны. Все, что у воиновъ было смѣлости и военной энергіи, гибнетъ въ попойкахъ, развратѣ и подражаніи государю. У тебя изъ Іудеи и Сиріи и Египта девять полныхъ легіоновъ, не истощенныхъ никакою войною, которыхъ не коснулась порча раздоровъ, но воины окрѣпшіе въ дѣлѣ, кончившіе съ успѣхомъ внѣшнюю войну; у тебя цвѣтъ морскихъ силъ, конницы и пѣхоты; за тебя цари, вѣрность которыхъ не поколебима, а главнѣе всего твоя превосходная опытность.

77. Для себя не требую ничего больше, какъ чтобы не оставаться позади Цецины и Валенса. Не презирай Муціана, какъ товарища, за то что онъ не былъ твоимъ соперникомъ. Ставя себя выше Вителлія, я тебя себѣ предпочитаю. Имя твое увѣнчано тріумфомъ, у тебя два юныхъ помощника-сына, изъ которыхъ одинъ уже способенъ несть бремя верховной власти и въ первые годы своей военной службы стяжалъ извѣстность даже у Германскихъ войскъ. Было бы съ моей стороны нелѣпо не уступить верховной власти тому, кто еслибы имѣлъ ее, усыновилъ бы твоего сына. Впрочемъ между нами не одинаково будетъ распредѣленіе послѣдовательности благопріятныхъ и неблагопріятныхъ случайностей. Въ случаѣ, если мы побѣдимъ, возьму то почетное положеніе, какое ты дашь: а опасности и затрудненія будемъ дѣлить вмѣстѣ; даже— и это лучше—ты управляй этими войсками, а мнѣ передай войну и невѣрную участь сраженій. Побѣжденные теперь гораздо болѣе чѣмъ побѣдители дорожатъ дисциплиною; раздраженіе, ненависть, жажда мщенія возбуждаютъ ихъ къ доблести, а тѣ (побѣдители) отъ пресыщенія и самохвальства тупѣютъ. Только война откроетъ и обнаружитъ скрытыя, но сильно развивающіяся раны партіи побѣдившей. И мнѣ не меньше увѣренности придаютъ твои бдительность, бережливость, мудрость, какъ и Вителлія лѣность, невѣжество, свирѣпость. Наше дѣло на войнѣ будетъ лучше чѣмъ въ мирѣ, а тѣ, которые обсуждаютъ, уже измѣнили (отпали)».

78. Послѣ рѣчи Муціана прочіе обступили съ большимъ усердіемъ, убѣждали, приводили отвѣты прорицателей и ссылались на движеніе созвѣздій. И не недоступенъ былъ суевѣрнымъ впечат-

лѣніямъ тотъ, кто, достигнувъ верховной власти, явно держалъ при себѣ какого-то Селевка математика, какъ совѣтника прозиравшаго будущее. Приходили на мысль и давнишнія предвѣстія; на землѣ его кипарисное дерево замѣчательной высоты вдругъ упало, а на другой день на томъ же мѣстѣ поднявшись, явилось еще больше и красивѣе прежняго. Это было въ высшей степени благопріятное предзнаменованіе, по единогласному приговору гадателей, и обѣщало Веспасіану, находившемуся тогда еще въ ранней молодости, самую высокую извѣстность. Но сначала полученіе тріумфа, консульства и слава побѣды надъ Іудеями повидимому исполнили вѣрность предвѣстія; получивъ все это, Веспасіанъ имѣлъ увѣренность, что его ждетъ въ будущемъ верховная власть. Между Іудеею и Сиріею есть Кармелъ, такъ называютъ гору и божество. И здѣсь предки не передали ни изображенія божества, ни построеннаго храма, а только жертвенникъ и почтеніе къ мѣсту. Когда Веспасіанъ приносилъ здѣсь жертвы, а въ душѣ съ любовью лелѣялъ сокровенные замыслы о будущемъ величіи, Базилидесъ жрецъ, внимательно осмотрѣвъ внутренности: «что бы ты, Веспасіанъ, ни замышлялъ въ это время—или домъ строить, или расширить твои земли, или пріумножить число рабовъ,—дастся тебѣ величественное мѣстопребываніе, необъятные предѣлы и безчисленное множество людей.» Такія двусмысленныя выраженія молва тотчасъ же подхватила, а теперь громко повторяла; и ни о чемъ столько не толковали въ народѣ. Еще чаще о томъ же говорили и у самого Веспасіана; въ комъ угадываютъ надежды, тѣмъ о нихъ больше и говорить стараются.

79. Разошлись съ рѣшеніемъ, относительно котораго сомнѣваться больше уже нельзя было: Муціанъ въ Антіохію, а Веспасіанъ въ Цезарею; первый городъ столица Сиріи, а второй—Іудеи. Начало возвышенія Веспасіана къ верховной власти пошло съ Александріи, гдѣ поторопился Тиберій Александръ, и въ Іюльскія календы привелъ легіоны къ присягѣ Веспасіану. И этотъ день, какъ первый его государствованія, былъ празднуемъ и на будущее время, хотя Іудейское войско въ 5 день нонъ Іюльскихъ принесло присягу Веспасіану съ такимъ усердіемъ, что даже не дождались прибытія сына Веспасіанова Тита, который возвращался изъ Сиріи вѣстникомъ объясненій между Муціаномъ и отцомъ. Все совершилось собственною энергіею воиновъ; не было къ нимъ рѣчи, не сосредоточены легіоны въ одно мѣсто.

80. Пока искали мѣста и времени и, что всего затруднительнѣе,

въ подобномъ дѣлѣ, перваго голоса, такъ какъ умы объяты и надеждами, и опасеніями и разчетами, и случайностями, Веспасіана, вышедшаго изъ опочивальни, не многіе воины, по заведенному порядку долженствовавшіе находиться здѣсь для привѣтствія легата, поздравили его императоромъ. Тутъ прибѣжали и прочіе и осыпали его титлами Цезаря, Августа и всѣми другими принадлежащими къ верховной власти. Тутъ всѣ мысли его перешли отъ опасеній къ сознанію своего высокаго положенія. Въ немъ самомъ не было нисколько надменности, нахальства, и перемѣна обстоятельствъ не условила въ немъ собственно никакой перемѣны. И какъ только разсѣялся въ очахъ первый туманъ, навѣянный такою перемѣною судьбы, онъ по обычаю сказалъ рѣчь воинамъ и встрѣченъ съ радостью и полною готовостью, такъ какъ Муціанъ, ожидая этого самаго, усердныхъ воиновъ привелъ къ присягѣ на вѣрность Веспасіану. Тогда онъ вошелъ въ театръ Антіохійскій, гдѣ обыкновенно жители собирались для совѣщаній, и сказалъ рѣчь сбѣжавшимся жителямъ, пустившимся, по обычаю Грековъ, въ необузданную лесть. Довольно порядочно владѣлъ онъ и греческимъ словомъ, и все, что ни говорилъ и ни дѣлалъ, умѣлъ выставить искусно на показъ. Ничто столько не подѣйствовало на провинцію и войско какъ то, что Муціанъ выдавалъ за вѣрное: рѣшилъ Вителлій—Германскіе легіоны перевесть въ Сирію на службу богатую и спокойную, а Сирійскимъ легіонамъ дать взамѣнъ—зимовку въ Германіи, гдѣ нужно много трудиться и климатъ суровъ». И мѣстные жители привыкли къ обращенію съ воинами и очень многіе находились въ близкихъ родственныхъ связяхъ и отношеніяхъ, а воины, съ давнихъ поръ служа здѣсь, полюбили имъ хорошо извѣстные и веселые лагери, какъ свой домашній кровъ.

81. Ранѣе Идъ іюльскихъ вся Сирія была связана одною и тою же присягою. Приступили Согемъ и его царство съ силами немаловажными, и Антіохъ, обладатель старинныхъ и громадныхъ богатствъ, въ этомъ превосходившій далеко всѣхъ прочихъ подвластныхъ царей. Вслѣдъ за тѣмъ тайными гонцами своихъ вызванный изъ города Агриппа,— Вителлію еще ничего извѣстно не было,—поспѣшалъ быстрымъ плаваніемъ. Не съ меньшимъ усердіемъ содѣйствовала возстанію царица Веренице, цвѣтущая молодостью и красотою; даже старику Веспасіану полюбилась она щедростью ея подарковъ. Всѣ провинціи, сколько ихъ омываетъ море до Азіи и Ахаіи и внутрь земель, сколько тянется до Понта и Арменіи, присягнули на вѣрность Веспасіану; но ими управляли

легаты безъ силъ военныхъ, такъ какъ еще легіоны Каппадокіи не присоединились. Для совѣщанія о важнѣйшихъ дѣлахъ назначенъ съѣздъ въ Беритъ; туда явился Муціанъ съ легатами, трибунами и лучшими изъ сотниковъ и воиновъ, а также и изъ Іудейскаго войска выборные самые почетные. Такое множество пѣшихъ и конныхъ силъ и приготовленія отъ царей, соревновавшихъ другъ другу, придали видъ (положенія) обстановки, достойной государя.

82. Первая забота военная—произвести наборъ, созвать заслуженныхъ воиновъ. Города наиболѣе состоятельные назначены мѣстомъ мастерскихъ для заготовленія оружія. У Антіохійцевъ переклеймили золото и серебро, и все это поспѣшно черезъ людей способныхъ отправляемо было туда гдѣ нужно. Самъ Веспасіанъ разъѣзжалъ, убѣждалъ, старался подѣйствовать на людей добра похвалою, на нерадивыхъ примѣромъ, болѣе поощрялъ, чѣмъ прибѣгалъ къ строгости, и смотрѣлъ сквозь пальцы охотнѣе на недостатки своихъ приверженцевъ, чѣмъ на ихъ доблести. Многихъ наградилъ онъ префектурами и прокураторствами, а еще большее число почтилъ званіемъ сенатора, впрочемъ людей достойныхъ и не замедлившихъ достигнуть высшихъ почестей; нѣкоторымъ, впрочемъ, счастіе служило вмѣсто достоинствъ. Денежный подарокъ воинамъ, и Муціанъ въ первой къ нимъ рѣчи обѣщалъ въ размѣрѣ весьма умѣренномъ, и Веспасіанъ, во время гражданской войны, далъ не болѣе того, что другіе давали въ мирное время. Онъ обнаруживалъ достойную похвалы твердость противъ подкупа воиновъ и тѣмъ лучшее имѣлъ войско. Отправлены къ Пареамъ и въ Арменію послы и приняты мѣры, чтобы, съ обращеніемъ легіоновъ на внутреннюю войну, не остался тылъ безъ прикрытія. Положено—Титу въ страхѣ держать Іудею, а Веспасіану ключъ къ Египту; противъ Вителлія часть войскъ и вождемъ Муціанъ отъ имени Веспасіана; при содѣйствіи счастія дѣло не обѣщало большихъ затрудненій. Ко всѣмъ войскамъ и легатамъ написаны письма и внушено «преторіанцевъ, какъ Вителлію враждебныхъ, пригласить обѣщаніемъ награды опять на военную службу».

83. Муціанъ съ отрядомъ на-легкѣ, дѣйствуя болѣе какъ соправитель, чѣмъ простой исполнитель, двигался впередъ и немедленно, чтобы не обнаружить нерѣшительности, и не очень спѣшилъ, давая возможность опередить себя молвѣ; онъ зналъ, что силы его не очень значительны, и о томъ, что еще вдали всегда слухъ преувеличенный; но за нимъ слѣдовали длиннымъ строемъ шестой легіонъ и тринадцать тысячъ вексилларіевъ. Онъ отдалъ прика-

заніе флотъ изъ Понта привесть въ Византію; не рѣшилъ онъ еще какъ дѣйствовать—оставивъ Мезію въ сторонѣ, не занять ли Диррахій пѣхотою и конницею, а военными судами замкнуть море, обращенное къ Италіи, обезопасивъ такимъ образомъ оставшіяся въ тылу Ахаію и Азію? Иначе они безоружными отдавались на жертву Вителлію, если не прикрыть ихъ сильными гарнизонами. А самому Вителлію въ такомъ случаѣ пришлось бы находиться въ неизвѣстности, какую часть Италіи защищать, если непріятельскій флотъ будетъ грозить Брундизію, Таренту и берегамъ Луканіи и Калабріи.

84. Такимъ образомъ провинціи огласились шумомъ приготовленія судовъ, воиновъ, вооруженія. Но ничто столько хлопотъ не приносило, какъ добываніе денегъ. «Онѣ—жизненная сила внутренней войны, говаривалъ Муціанъ, и въ пріобрѣтеніи ихъ не очень-то соблюдалъ чьи-либо права и справедливость, но обращалъ вниманіе только на значительность богатствъ. Пошли разные доносы, и кто побогаче былъ схватываемъ какъ готовая добыча. Невыносимо тяжело это было, находя оправданіе въ необходимости военныхъ обстоятельствъ, но и по возстановленіи мира осталось. Самъ Веспасіанъ, въ началѣ своего правленія, не очень настаивалъ на совершеніе этихъ неправдъ, но въ послѣдствіи, избалованный счастіемъ и подъ вліяніемъ дурныхъ совѣтниковъ, выучился и имѣлъ довольно рѣшительности. И изъ собственныхъ средствъ Муціанъ помогалъ на войну, щедрый какъ человѣкъ частный на то, что съ жадностью бралъ изъ средствъ общественныхъ. Да и другіе послѣдовали примѣру денежныхъ пожертвованій, но весьма рѣдко кому была возможность возвратить свое съ такою легкостью, съ такимъ неограниченнымъ произволомъ.

85. Ускорены между тѣмъ начинанія Веспасіана усердіемъ Иллирскаго войска, перешедшаго на его сторону. Третій легіонъ подалъ примѣръ прочимъ легіонамъ Мезіи. То были восьмой и седьмой Клавдіевы, проникнутые расположеніемъ къ Отону, хотя они и не присутствовали въ сраженіи. Выступивъ до Аквилеи, они прогнали принесшихъ объ Отонѣ вѣсти, изорвали знамена, съ именемъ Вителлія къ нимъ принесенныя, наконецъ, расхитили деньги и раздѣлили между собою, дѣйствуя открыто непріязненно. Вслѣдствіе этого—опасенія, а отъ нихъ и рѣшеніе «можно свалить на Веспасіана то, въ чемъ бы пришлось передъ Вителліемъ оправдываться». Такимъ образомъ три Мезійскихъ легіона письмами привлекали на свою сторону Паннонское войско, а въ случаѣ его отказа готови-

лись дѣйствовать силою. Въ этомъ волненіи Апоній Сатурнинъ, правитель Мезіи, смѣло рѣшается на отвратительный поступокъ: посылаетъ сотника умертвить Терція Юліана, легата седьмаго легіона, вслѣдствіе личныхъ неудовольствій, прикрывая ихъ видомъ усердія къ дѣлу партіи. Юліанъ, узнавъ о грозящей ему опасности, взялъ съ собою людей, знакомыхъ съ мѣстностью и черезъ непроходимыя мѣста Мезіи, бѣжалъ по ту сторону горы Гема. И въ послѣдствіи не принималъ участія въ гражданской войнѣ, подъ разными предлогами откладывая предположенную поѣздку къ Веспасіану, и, по мѣрѣ получаемыхъ свѣдѣній, то медлилъ, то торопился.

86. А въ Паннонiи тринадцатый легіонъ и седьмой Гальбовъ хранили скорбь и раздраженіе вслѣдствіе Бедріакскаго сраженія, потому они и не замедлили присоединиться къ Веспасіану, причемъ особенно содѣйствовалъ Примъ Антоній. Онъ, осужденный законами и во время Нерона приговоренный къ наказанію за подлогъ, въ числѣ прочихъ военныхъ бѣдствій, возвратилъ себѣ званіе сенатора. Сдѣланный Гальбою начальникомъ седьмаго легіона, онъ, какъ полагали, писалъ Отону, предлагая быть вождемъ его партіи, но имъ пренебреженный, оставался безо всякого дѣла во время Отоновой войны. А когда дѣла Вителлія стали колебаться, послѣдовалъ за Веспасіаномъ, и содѣйствіе его немаловажно: дѣятельный, на словахъ быстрый, мастеръ сѣять неудовольствія противъ другихъ, раздорами и смутами, могущественный грабитель, но и щедрый раздаватель, въ мирное время невыносимый, въ военное не могъ быть презираемъ. Затѣмъ соединились войска Мезіи и Паннонiи и увлекли за собою далматскихъ воиновъ, хотя легаты изъ бывшихъ консуловъ сами нисколько не производили смуты. Титъ Ампій Флавіанъ управлялъ Панноніею, а Поппей Сильванъ Далматіею, богатые старики. Но прокураторомъ былъ Корнелій Фускъ въ цвѣтѣ лѣтъ и знатный родомъ. Въ ранней молодости, изъ любви къ спокойствію, сложилъ съ себя званіе сенатора. Онъ же за Гальбу вождь своей колоніи, этимъ содѣйствіемъ достигъ прокураторства, и принявъ сторону Веспасіана, сильно раздулъ пламя войны. Веселился онъ не столько наградами за опасности, сколько самими опасностями; вѣрному и давно пріобрѣтенному предпочиталъ новое, сомнительное, опасное. А потому они взялись все привесть въ движеніе и потрясти, что только гдѣ-либо представлялось слабаго и доступнаго. Написаны письма въ Британнію къ воинамъ четырнадцатаго, въ Испанію перваго легіоновъ, такъ какъ тотъ и другой

легіонъ были за Отона и враждебны Вителлію. По Галліи разсѣяны письма и въ самое короткое время вспыхнула громадная война; Иллирскія войска отпали явно, а прочія готовы были послѣдовать той сторонѣ гдѣ счастіе.

87. Пока это совершалось по провинціямъ Веспасіаномъ и полководцами его партіи, Вителлій становился со дня на день болѣе и болѣе предметомъ презрѣнія, обнаруживая свою неспособность. Воздерживаясь ото всѣхъ соблазновъ муниципій и виллъ, тяжкимъ строемъ шелъ къ городу. Шестьдесятъ тысячъ вооруженныхъ слѣдовали за нимъ, избалованныхъ своеволіемъ; число войсковыхъ прислужниковъ было еще больше; въ числѣ рабовъ особенною наглостію отличались маркитанты. Свита состояла изъ огромнаго числа легатовъ и друзей, толпы неспособной къ повиновенію, даже еслибы ею управляли съ величайшею умѣренностью. Эта масса еще увеличилась отъ выходившихъ изъ города навстрѣчу сенаторовъ и всадниковъ; одни такъ дѣлали вслѣдствіе опасеній, многіе изъ лести, а прочіе—мало-по-малу, и всѣ, чтобы не остаться въ городѣ, когда другіе ѣдутъ. А изъ черни примыкали извѣстные Вителлію своими постыдными заслугами шуты, актеры, возничіе, и онъ находилъ удивительное удовольствіе въ обществѣ столь позорномъ. И не только колоніи и муниципіи, куда снесено было все въ избыткѣ, но и поселяне и поля ихъ,—а произведенія ихъ уже созрѣли—дѣлались предметомъ грабежа, какъ бы на землѣ непріятельской.

88. Много было жестокихъ побоищъ между воинами вслѣдствіе начавшагося, послѣ Тицинскаго возмущенія, раздора между легіонами и войсками вспомогательными; а гдѣ приходилось дѣйствовать противъ мирныхъ жителей, тамъ тѣ и другіе дѣйствовали единодушно. Но особенно жестокое побоище произошло у седьмаго милеваго камня къ городу. Тамъ Вителлій велѣлъ раздать воинамъ на каждаго порознь готовую пищу, въ видѣ гладіаторскаго корма и высыпавшая навстрѣчу чернь разошлась по всѣмъ лагерямъ и невнимательныхъ воиновъ привѣтствуя свойственными ей выходками, нѣкоторыхъ обобрала, отрѣзавъ украдкою перевязи, спрашивала: были ли они опоясаны. Не выдержалъ насмѣшки не привыкшій къ оскорбленію духъ, и съ мечами бросились воины на безоружный народъ; въ числѣ другихъ убитъ и отецъ воина, провожавшій сына; когда его узнали и разнеслось, что онъ убитъ, то перестали избивать невинныхъ. Въ городѣ, впрочемъ, произошла тревога, такъ какъ туда бросились бѣжать впередъ воины въ разсыпную. Они въ особенности стремились на форумъ, желая видѣть мѣсто,

гдѣ лежалъ Гальба. И не менѣе дикое зрѣлище представляли сами, покрытые звѣриными хребтами и нося громадное оружіе, не зная мѣстности, не старались они избѣгнуть многолюдныхъ мѣстъ, и если случалось кому упасть на скользкой дорогѣ или натолкнувшись на кого-либо встрѣчнаго, то переходили къ брани, а потомъ къ рукопашнымъ дѣйствіямъ и мечу. Даже трибуны и префекты носились съ отрядами вооруженныхъ, внушая ужасъ.

89. Если Вителлій отъ Мульвійскаго мосту не въѣхалъ въ городъ, какъ бы взятый силою, на отличномъ конѣ въ военномъ плащѣ и полномъ вооруженіи, гоня передъ собою сенатъ и народъ, то отъ того удержали лишь его совѣты друзей, и только уступая имъ, вошелъ онъ въ городъ, надѣвъ одежду мира и устроивъ шествіе правильнымъ образомъ. Съ фронта четыре орла легіоновъ и столько же кругомъ изъ другихъ легіоновъ знаменъ, затѣмъ значки двенадцати конныхъ отрядовъ и послѣ рядовъ пѣхоты всадники; затѣмъ 34 когорты отдѣльно каждая или по имени племени, или отличная вооруженіемъ. Впереди орла шли префекты лагерей,—трибуны и первые изъ сотниковъ въ бѣлой одеждѣ, а прочіе каждый подлѣ своей сотни, блистая оружіемъ и дарами. И у воиновъ свѣтилась сбруя и ожерелья. Общій видъ прекрасный и войско, достойное имѣть государемъ и не Вителлія. Такъ вошелъ онъ въ Капитолій и тамъ, обнявъ мать, поздравилъ ее именемъ Августы.

90. На другой день, Вителлій, какъ бы передъ сенатомъ и народомъ чуждаго государства, произнесъ самъ о себя напыщенную рѣчь, превознося похвалами свою умѣренность и дѣятельность. И это передъ лицомъ тѣхъ, которые знали его порочныя дѣйствія, и всей Италіи, по которой прошелъ постыдно, предаваясь сну и наслажденіямъ. Впрочемъ народъ, чуждый заботъ, обученный привычкѣ льстить, не разбирая ложь отъ правды, криками и словами выражалъ сочувствіе, и когда Вителлій отказывался принять наименованіе Августа, добились, что принялъ, такъ же напрасно, какъ и отказывался.

91. Въ обществѣ, подвергавшемъ все своимъ истолкованіямъ, принято какъ зловѣщее предзнаменованіе то, что получивъ санъ великаго первосвященника, Вителлій объявилъ объ имѣвшихъ быть совершенными церковныхъ обрядахъ (церемоніяхъ) въ 15 день календъ Августа, день издревле считавшійся неблагополучнымъ вслѣдствіе пораженій Кремерскаго и Аллійскаго. До того и самъ онъ былъ чуждъ знанія правъ божественныхъ и человѣческихъ и друзья, его и отпущенники до того коснѣли въ постыдномъ ко всему равно-

душіи, что онъ Вителлій обращался какъ бы среди пьяныхъ. Но совершая выборы консульскіе съ кандидатами, какъ гражданинъ, онъ и въ театрѣ какъ зритель и въ циркѣ какъ покровитель старался поддѣлаться къ каждому выраженію (мнѣнія) со стороны низшаго класса черни. Это, еслибы внушено было добрыми качествами, заслуживало бы признательности, какъ выраженіе сочувствія народу; но когда припоминали его прежнюю жизнь, то казалось неприличнымъ и низкимъ. Часто приходилъ онъ и въ сенатъ, даже и тогда, когда сенаторы совѣщались о маловажныхъ предметахъ. И случилось, что Прискъ Гельвидій, нареченный преторъ, высказался противно его желанію. Сначала Вителлій былъ взволнованъ, но впрочемъ только до того, что призвалъ трибуновъ народныхъ па помощь пренебреженной власти. Потомъ, когда друзья старались его успокоить, опасаясь какъ бы раздраженіе его не высказалось чѣмъ-либо сильнѣе, онъ имъ далъ такой отвѣтъ: «ничего не произошло особеннаго, если два сенатора разошлись во мнѣніяхъ относительно вопроса, касавшагося дѣлъ общественныхъ; случалось и ему зачастую противорѣчить Тразеѣ». Большинству показалось достойнымъ посмѣянія такое безстыдство сравненія, а другимъ нравилось уже то самое, что никого изъ самыхъ могущественныхъ лицъ, но Тразею избралъ, какъ образецъ истинной славы.

92. Начальникомъ преторіанцевъ Вителлій сдѣлалъ П. Сабина изъ префекта когорты; Юлія Приска, въ то время сотника. Прискъ пользовался расположеніемъ Валенса, а Сабинъ Цецины. При ихъ раздорахъ Вителлію не оставалась никакого значенія; обязанности верховной власти исполняли Цецина и Валенсъ; еще прежде волновались они взаимною ненавистью, и эти чувства, плохо скрытыя военнымъ временемъ и походами, развились еще сильнѣе отъ злонамѣренныхъ усилій пріятелей того и другаго и подъ вліяніемъ общества, плодотворно дѣйствовавшаго на развитіе непріязни, такъ какъ въ искательствахъ, въ обычныхъ провожатыхъ и въ огромныхъ толпахъ приходящихъ на поклонъ постоянная пища для соперничества и сравненій, особенно при непостоянствѣ склонявшихся болѣе то на сторону одного, то на сторону другаго. И никогда не можетъ быть достаточно довѣрія къ прочности власти, если она зашла уже черезъ мѣру. Вмѣстѣ—самого Витиллія, легко измѣнявшагося подъ вліяніемъ внезапныхъ оскорбленій или несвоевременной и неумѣстной лести, презирали и боялись. Тѣмъ не менѣе съ большимъ усердіемъ захватывали себѣ дома, сады, богатства государственныя, а между тѣмъ бѣдствующая и достойная со-

жалѣнія толпа лицъ благородныхъ,—ихъ съ семействами Гальба возвратилъ отечеству,—не находили себѣ никакого пособія въ милосердіи государя. Встрѣчено признательностью первыхъ лицъ государства, и въ народѣ нашло одобреніе то, что возвращеннымъ изъ ссылки даровалъ (Вителлій) права отпущенниковъ; хотя и эту мѣру рабскіе умы портили всѣми средствами, скрывъ деньги тайными или честолюбивыми изворотами, и нѣкоторые, перейдя въ домъ Цезаря, сдѣлались могущественнѣе самихъ господъ.

93. А воины вслѣдствіе того, что лагери были переполнены и обнаруживался избытокъ многолюдства, блуждали по портикамъ, капищамъ и по всему городу, не хотѣли знать начальства, не наблюдали смѣны карауловъ, не находили себѣ точки опоры въ трудахъ; въ самыхъ развратныхъ мѣстахъ города, тѣмъ, что и назвать стыдно, изнуряли тѣло—бездѣйствіемъ, а духъ дурными страстями. Наконецъ, не заботясь даже о здоровьи, весьма многіе стремились къ пользовавшейся весьма дурною славою мѣстности Ватикана; вслѣдствіе этого большая въ массахъ смертность; а по близкому сосѣдству Тибра тѣлосложеніе Германцевъ и Галловъ, склонное къ болѣзнямъ вслѣдствіе жажды ихъ къ питью и непривычки къ зною, совершенно разстроивалось. Сверхъ того злонамѣренно ли или изъ честолюбивыхъ разсчетовъ, замѣшательство внесено въ весь распорядокъ военной службы. Составлялись шестнадцать преторіанскихъ и четыре городскихъ когорты съ тѣмъ, чтобы каждая заключала въ въ себѣ тысячу человѣкъ. При этомъ наборѣ Валенсъ дѣйствовалъ особенно смѣло, такъ какъ онъ будто бы и самого Цецину вывелъ изъ крайне опаснаго положенія. Дѣйствительно не было сомнѣнія, что прибытіе его дало силу сторонникамъ Вителлія и удачное сраженіе покончило подозрительные толки о медленности движенія; всѣ воины нижней Германіи слѣдовали за Валенсомъ; вслѣдствіе этого-то, какъ полагаютъ, начала колебаться вѣрность Цецины.

94. Впрочемъ не до такой степени потакалъ вождямъ Вителлій, чтобы и воинамъ не дать еще болѣе произвола: каждый самъ бралъ себѣ обязанности службы, и будь самый негодный человѣкъ, но если только захотѣлъ, былъ записываемъ въ ряды городскихъ воиновъ; а съ другой стороны хорошимъ воинамъ дозволялось оставаться въ ряду легіоновъ или конныхъ отрядовъ, если только они того желали, а въ такихъ не было недостатка, при чемъ они ссылались на изнуреніе отъ болѣзней и непривычный для нихъ климатъ. Во всякомъ случаѣ изъ легіоновъ и конныхъ отрядовъ самая сила была извлечена. Лагери лишились своего лучшаго украшенія, когда со

всего войска двадцать тысячъ человѣкъ скорѣе перемѣшаны, чѣмъ выбраны. Когда Вителлій говорилъ къ воинамъ, тѣ потребовали на казнь Азіатика, Флавія и Руфина, вождей Галлій, вслѣдствіе того что сражались за Виндекса. Вителлій не старался остановить такіе крики; сверхъ природной ему свойственной апатіи ко всему, онъ сознавалъ, что ему настаетъ надобность дать воинамъ денежный подарокъ, а денегъ нѣтъ; потому-то онъ радъ былъ все прочее дать воинамъ. Отпущенники государей получили приказаніе внести, въ видѣ подати, деньги по числу рабовъ. А самъ Вителлій заботился лишь деньги тратить: строилъ помѣщенія для кучеровъ, наполнялъ циркъ зрѣлищами (борьбы) гладіаторовъ и звѣрей и какъ бы при величайшемъ избыткѣ бросалъ деньги съ пренебреженіемъ.

95. День рожденія Вителлія праздновали Цецина и Валенсъ, давъ по всему городу на улицахъ гладіаторскія зрѣлища съ величайшею пышностью, до того времени еще небывалою. Пріятно было людямъ позора, а благонамѣреннымъ ненавистно то, что Вителлій, устроивъ на Марсовомъ полѣ жертвенникъ, совершилъ поминки по Неронѣ. Всенародно заколоты жертвенныя животныя и преданы пламени; Августалы поднесли къ костру факелы; это жреческое учрежденіе, какъ нѣкогда Ромулъ царю Тацію, такъ Цезарь Тиберій роду Юліевъ посвятилъ. Еще четвертый отъ побѣды мѣсяцъ не наступилъ, а отпущенникъ Вителлія Азіатикъ уже сравнялся съ Поликлетами и Патробіями и другими столь же ненавистными именами. При томъ дворѣ никто ничего не добивался честною дѣятельностью; одинъ путь къ могуществу—роскошными дарами, не щадя денегъ на предметы сладострастія лишь бы насытить безграничныя похоти Вителлія. А самъ онъ считалъ для себя достаточнымъ—наслаждаться настоящимъ, а о томъ, что будетъ дальше, и не думалъ, и такимъ образомъ въ самое короткое время истратилъ, какъ полагаютъ, девятьсотъ милліоновъ сестерцій. Великое и несчастное государство въ одномъ и томъ же году вытерпѣло и Отона и Вителлія; какъ хотѣли постыднымъ образомъ такъ и вертѣли имъ Виніи, Фабіи, Ицелы и Азіатики, пока не сдѣлались ихъ преемниками Муціанъ и Марцеллъ, скорѣе другіе люди, чѣмъ при другой нравственности.

96. Прежде всего Вителлію принесено извѣстіе объ отпаденіи третьяго легіона; письмо объ этомъ прислано Апоніемъ Сатурниномъ прежде чѣмъ и онъ присталъ къ партіи Веспасіана. Но и Апоній изложилъ не все, писавъ второпяхъ, вслѣдствіе неожиданности событія, да и приближенные Вителлія изъ лести объясняли все сла-

бѣе: это возмущеніе лишь одного легіона, остальное все войско непоколебимо въ вѣрности. Въ этомъ же родѣ и Вителлій говорилъ передъ воинами, накинувшись на недавно уволенныхъ преторіанцевъ: они-то и распускаютъ ложные слухи, да никакой опасности междуусобія». Имя Веспасіана скрыто, а по городу ходили воины, чтобы обуздывать народные разговоры, а это въ особенности давало пищу толкамъ.

97. Впрочемъ Вителлій вызвалъ вспомогательныя войска изъ Германіи, Британніи и Испаніи не торопливо и скрывая надобность. А также легаты и провинціи медлили: Гордеоній Флаккъ подозрительно смотрѣлъ на Батавовъ и озабоченъ былъ собственною войною. У Вектія Болана Британнія никогда не была достаточно спокойна. Оба оставались въ нерѣшительности, да изъ Испаній не спѣшили; тамъ въ то время не было ни одного изъ бывшихъ консуловъ; трехъ легіоновъ легаты, равные правомъ и при благопріятномъ положеніи дѣлъ Вителлія, не знавшіе какъ переспорить другъ друга въ раболѣпствѣ, единодушно смотрѣли на упадокъ его счастія. Впрочемъ молодые люди записывались охотно, такъ какъ Вителліево проконсульство было безкорыстно и во всѣхъ оставило впечатлѣніе благопріятное, между тѣмъ какъ Веспасіанъ въ бытность свою проконсуломъ оставилъ по себѣ самую дурную славу и чувство ненависти къ нему; вслѣдствіе этого союзники дѣлали заключеніе и о правленіи того и другаго; но опытъ показалъ, что они ошибались.

98. И сначала Валерій Фестъ легатъ съ вѣрностью содѣйствовалъ усердію жителей провинціи, но вслѣдъ за тѣмъ сталъ колебаться, явно, въ письмахъ и распоряженіяхъ, держась Вителлія, а тайными сношеніями задобривая Веспасіана—онъ готовъ былъ стать на защиту того или другаго, на чьей сторонѣ будетъ сила. Захваченные съ письмами и эдиктами Веспасіана по Ретіи и Галліямъ, нѣкоторые изъ воиновъ и сотниковъ посланы къ Вителлію и умерщвлены, а еще больше ускользнули, вслѣдствіе преданности друзей или скрывшись своею хитростію. Такимъ образомъ узнавали приготовленія Вителлія, а замысловъ Веспасіана большая часть оставалась неизвѣстною: во-первыхъ вслѣдствіе безпечности Вителлія, потомъ Паннонскія Альпы, занятые гарнизонами, задерживали гонцовъ. Да и на морѣ господствовали періодическіе западные вѣтры, благопріятные для плывшихъ на востокъ, а противные плывшимъ оттуда.

99. Наконецъ съ нашествіемъ непріятеля, прійдя въ ужасъ вслѣд-

стіе неблагопріятныхъ отовсюду извѣстій, Вителлій отдаетъ приказаніе Цецинѣ и Валенсу готовиться поскорѣе къ войнѣ. Впередъ посланъ Цецина, а Валенса, тутъ только что вставшаго въ первый разъ послѣ тяжкой болѣзни, задерживала слабость (силъ). Видъ германскаго войска, выходившаго изъ города, далекъ былъ отъ прежняго: ни той силы тѣлесной, ни той бодрости духа: медленно тянулись далеко не густые ряды, оружіе въ безпорядкѣ, ослабѣвшіе кони; невыносимо было воинамъ дѣйствіе солнца, пыли, непогодъ, и насколько недоставало въ воинахъ твердости переносить труды, настолько прибавилось расположенія къ раздорамъ. Къ этому присоединилось старинное честолюбіе Цецины и недавно появившаяся безпечность, такъ какъ онъ, слишкомъ избалованный счастіемъ, погрязъ въ роскоши, а можетъ-быть онъ искусно бралъ на себя личину безпечности, задумывая предательство и потому стараясь парализовать добрыя качества войска. Большинство было того убѣжденія, что совѣты Флавія Сабина подѣйствовали на образъ мыслей Цецины, при чемъ посредникомъ ихъ объясненій былъ Рубрій Галлъ, утверждавшій, что Веспасіанъ утвердитъ всѣ условія перехода. Тутъ же старались дѣйствовать на его чувства ненависти и зависти къ Фабію Валенсу, и чтобы Цецина, уступая Валенсу при Вителліи, приготовилъ себѣ у новаго государя милость и силы.

100. При разставаніи, Вителій обнялъ Цецину и отпустилъ его съ большимъ почетомъ. Цецина послалъ часть конницы впередъ занять Кремону. Затѣмъ двинулись отряды четвертаго, десятаго и шестнадцатаго легіоновъ, и за ними легіоны пятый и двадцать второй. Позади всѣхъ шли легіоны двадцать первый—*стремительный* и первый Италійскій съ значконосцами (вексиларіями) трехъ Британскихъ легіоновъ и отборными вспомогательными войсками. По выступленіи Цецины, Фабій Валенсъ писалъ войску, которое онъ самъ прежде водилъ, чтобы оно его подождало на пути, такъ онъ условился съ Цециною; но тотъ, будучи на-лицо, а потому самому и сильнѣе, выдумавъ самъ отъ себя, сказалъ: этотъ планъ дѣйствія измѣненъ и положено всею массою встрѣтить наступательное движеніе непріятеля. Такимъ образомъ онъ отдалъ приказаніе легіонамъ поспѣшить въ Кремону, а части идти въ Гостилію, а самъ завернулъ въ Равенну, подъ предлогомъ переговорить съ моряками флота, затѣмъ тайно отправился въ Патавій для принятія мѣръ къ измѣнѣ. Луцилій Бассъ, бывшій префектомъ коннаго отряда и Вителліемъ поставленный въ начальники флотовъ и Мизенскаго и Равенскаго вмѣстѣ, за то, что не тотчасъ же получилъ

префектуру преторія, вымѣщалъ свое несправедливое раздраженіе преступнымъ вѣроломствомъ. И нельзя узнать, увлекъ ли онъ Цецину или (обыкновенно случается между людьми зла, что бываютъ они схожи) одни и тѣ же дурныя побужденія ими управляли.

101. Современные писатели, изложившіе событія этой войны во время господства рода Флавіевъ, толковали о заботѣ сохраненія мира и любви къ благу общественному, какъ поводахъ, говоря подъ вреднымъ вліяніемъ лести. А намъ кажется, что, кромѣ природнаго легкомыслія и вѣрности непрочной,—такъ какъ онъ уже измѣнилъ Гальбѣ,—подѣйствовали на Цецину чувства соревнованія и зависти, какъ бы другіе не опередили его передъ Вителліемъ. Цецина, настигнувъ легіоны, разными средствами старался подѣйствовать на умы сотниковъ и воиновъ, упорствовавшихъ за Вителлія. Бассу въ такихъ же попыткахъ было менѣе затрудненій, такъ какъ флотъ болѣе склоненъ былъ перемѣнить господина, помня, что онъ еще такъ недавно дѣйствовалъ за Отона.

КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА.

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Содержаніе книги: глава 1. Флавіанцы обсуждаютъ способъ веденія войны, причемъ иные совѣтуютъ медлить.—2. Антоній Примъ убѣждаетъ торопиться и 3. успѣваетъ въ томъ.—4. Самое значительное затѣмъ вліяніе Корнелія Фуска.—5. Правители Сарматовъ Языговъ приняты въ сотрудники войны. Сидо и Италикъ, цари Свевовъ, увлечены на сторону Веспасіана.—6. 7. Антонія, сдѣлавшаго вторженіе въ Италію, сопровождаетъ Аррій Варъ; они занимаютъ много городовъ.—8. Верона дѣлается средоточіемъ военныхъ дѣйствій. Тщетно или поздно Веспасіанъ и Муціанъ стараются внести замедленіе.—9. Между тѣмъ вожди взаимными письмами ведутъ войну.—10. Т. Ампій Флавіанъ, подозрительный воинамъ, спасенъ Антоніемъ.—11. Онъ и второе возмущеніе, происшедшее вслѣдствіе ненависти Апонія Сатурнина, подавляетъ.—12. Луцилій Бассъ и 13. 14. Цецина хотѣли измѣнить Вителлію, но воинами посажены въ оковы.—15. На Вителліанцевъ, среди которыхъ господствовалъ раздоръ, Антоній рѣшился напасть у Бедріака.—16. Излишнимъ усердіемъ при исполненіи дѣла Аррій Варъ ставитъ его въ опасное положеніе, но 17. Антоній своею твердостью и мужествомъ поправляетъ его и 18. получаетъ побѣду.—19. Обнадеженные ею воины Веспасіана требуютъ приступа къ Кремонѣ.—20. Необдуманную ихъ горячность Антоній тщетно хочетъ удержать.—21. Но ужасъ приближающагося непріятеля заставляетъ ихъ отказаться отъ упорства и внять совѣтамъ вождя.—22—25. Сраженіе жестокое и нерѣшительное. Антоній исполняетъ обязанности отличнаго вождя и выхватываетъ побѣду.—26—33. Кремона осаждена, взята и сожжена.—34. Впослѣдствіи возстановлена.—35. Побѣжденные легіоны разсѣяны.

36. Вителлій коснѣетъ въ наслажденіяхъ роскоши.—37. Возвратясь въ городъ, осуждаетъ Цецину; а вмѣсто его въ одинъ день дѣлаетъ консу-

ломъ Розія Регула.—38. 39. Юній Блезъ коварствомъ Л. Вителлія погибаетъ отъ яда.—40. 41. Фабій Валенсъ безмѣрнымъ произволомъ и медлительностью подрываетъ положеніе дѣлъ Вителліевыхъ и 42. такъ какъ Флавіанцы занимаютъ Италію, то 43. занесенный къ Стехадамъ, взятъ.—44. Испанія, Галлія, Британнія всѣ обратились на сторону Веспасіана.—45. Впрочемъ Британнію возмущаетъ Венуцій; тамъ шли военныя дѣйствія съ перемѣннымъ счастіемъ.—46. И Германія пришла въ волненіе; тронулся было и народъ Даковъ, но подавленъ Муціаномъ, возвращавшимся съ Востока.—47. 48. Аницетъ, Полемона отпущенникъ, захваченъ, когда старался повредить Понту. Веспасіанъ отправляется въ Александрію съ тѣмъ, чтобы на Римъ подѣйствовать голодомъ.—49. Антоній, послѣ взятія Кремоны, сдѣлался надменнѣе и 50. часть войскъ оставилъ въ Веронѣ, а часть посылаетъ противъ Вителліанцевъ.—51. Возмутительный поступокъ воина, который проситъ награды за то, что убилъ брата.—52. Торопливость Антонія Муціанъ ставитъ въ вину передъ Веспасіаномъ.—53. Антоній болѣе рѣзко, чѣмъ бы слѣдовало къ государю, сочиняетъ ему письмо, гдѣ порицаетъ Муціана. Вслѣдствіе этого серьезныя неудовольствія между вождей.

54. Вителлій, безразсудно скрывая пораженіе у Кремоны, тѣмъ самымъ задерживаетъ возможность пособить горю. Достойная памяти твердость Юлія Агреста.—55. Вителлій, какъ бы пробудясь отъ сна, приказываетъ занять Апеннины, щедро раздаетъ почести; приходитъ въ лагерь.—56. Чудесныя явленія, но замѣчательнѣе всѣхъ самъ Вителлій, чуждый знанія военнаго дѣла, неспособный принять какое-либо разумное рѣшеніе, возвращается въ Римъ, пораженный отпаденіемъ Мизенскаго флота.—57. Жители Путеолъ благопріятствуютъ Веспасіану, а жители Капуи—Вителлію. Кл. Юліанъ переходитъ на сторону Веспасіана и занимаетъ Таррацину.—58. Вителлій брату Луцію поручаетъ веденіе войны въ Кампаніи, а самъ въ Римѣ старается составить войско изъ черни и рабовъ, но оно тутъ же распалось.—59. Флавіанцы переходятъ Апеннины; къ нимъ приходитъ Церіалисъ, вырвавшись изъ подъ стражи Вителлія и принятъ въ число вождей.—60. Усильно желающихъ сражаться воиновъ съ трудомъ удерживаетъ Антоній.—61. Часто уже начинаютъ переходить къ Веспасіану. Прискъ и Альфенъ оставляютъ лагерь и возвращаются къ Вителлію.—62. 63. По убіеніи Валенса воины въ отчаяніи со значками и знаменами переходятъ къ Веспасіану. Вителлію предлагаютъ миръ и безопасность, въ случаѣ, если онъ отдастся.

64. Флавій Сабинъ, префектъ города, тщетно возбуждается къ оружію.—65. Любя спокойствіе, онъ толкуетъ съ Вителліемъ о мирѣ.—66. Ужъ тотъ и готовъ былъ согласиться, но не дали ему окружающіе. Они 67. 68. Вителлія, уже одѣвшагося въ простое платье и готовившагося передъ собраніемъ сложить съ себя верховную власть, вынуждаютъ вернуться назадъ.—69. Между тѣмъ Сабинъ взялъ на себя управленіе и его поддерживали Римляне всѣхъ сословій при общемъ ропотѣ Германскихъ когортъ. Небольшое сраженіе, благопріятное для сторонниковъ Веспасіана. Сабинъ занимаетъ Капитолій и его, 70. послѣ того какъ Корнелій Марціалъ безъ пользы былъ посыланъ къ Вителлію,—71. приверженцы Вителлія берутъ приступомъ и предаютъ пламени.—72. Взглядъ назадъ на прежнія судь-

бы Капитолія.—73. Вителліанцы предаютъ все кровопролитію, мечу и пламени, захватываютъ Флавія Сабина и Аттика консула.—74. Домиціанъ скрывается въ одеждѣ жреца. Сабинъ убитъ противъ воли Вителлія.—75. Похвалы Сабину. Аттикъ спасенъ.—76. 77. Таррацина Л. Вителліемъ осаждена и взята. Юліанъ зарѣзанъ. Нескромность Тріаріи.—78. Флавіанцы медлятъ, неизвѣстно по винѣ ли Антонія, или Муціана, но приходятъ въ движеніе, услыхавъ объ осадѣ Капитолія.—79. Спѣшатъ къ городу; тутъ конное сраженіе, неблагопріятное Церіалису.—80. 81. Вителлій посылаетъ уполномоченныхъ и дѣвъ Вестальскихъ просить мира или перемирія, но не получаетъ.—82. Флавіанцы, раздѣливъ войска на три части, приближаются къ городу. Тутъ происходитъ сраженіе съ чрезвычайно разнообразнымъ исходомъ.—83. Позорная картина своеволія городскаго населенія, которое, присутствуя при сраженіи зрителемъ, рукоплесканіями ободряетъ то ту, то другую сторону.—84. Лагерь преторіанцевъ взятъ силою.—85. Вителлій, извлеченный изъ самаго позорнаго мѣста, куда было онъ спрятался, осыпанъ ругательствами и преданъ самой низкой казни.—86. Жизнь Вителлія и его нравственный характеръ. Все это совершилось въ одинъ и тотъ же годъ.

1. Съ лучшими и счастіемъ, и вѣрностью вожди партіи Флавіевой обдумывали планъ военныхъ дѣйствій. Они собрались въ Петовіонъ на зимнія квартиры тринадцатаго легіона. Тутъ подняли вопросъ: не лучше ли завалить проходы Паннонскихъ Альпъ, пока съ тылу не поднялись бы всѣ силы, или нелучше ли идти прямо и твердо сразиться за обладаніе Италіею. Тѣ, которые полагали лучшимъ дождаться подкрѣпленій и тянуть войну вдаль, превозносили силу и славу Германскихъ легіоновъ и то, что недавно съ Вителліемъ пришелъ цвѣтъ Британскаго войска, а у нихъ и число легіоновъ, не давно разбитыхъ, меньше, и какъ бы они ни были смѣлы на словахъ, но духъ у побѣжденныхъ все же не таковъ какъ у побѣдителей. Но если покамѣстъ занять Альпы, подойдетъ съ войсками Востока Муціанъ. За Веспасіаномъ остаются море, флоты, расположеніе провинцій, и черезъ него онъ въ состояніи вызвать грозу какъ бы вторичной войны. Такимъ образомъ спасительная медленность придастъ новыя силы, не отнявъ ничего у тѣхъ, какія теперь есть.

2. На это первый Антоній (онъ самый ревностный поборникъ войны) возразилъ такъ: «поспѣшность имъ самимъ полезна, а Вителлію гибельна. Больше безпечности, чѣмъ увѣренности прибавилось побѣдителямъ. Не наготовѣ держали ихъ и не въ лагеряхъ; по всѣмъ городамъ Италіи скитались праздно, наводя страхъ лишь на тѣхъ же, что дали имъ пріютъ, и чѣмъ смѣлѣе и рѣшительнѣе дѣйствовали прежде, тѣмъ съ большею жадностью броси-

сились въ наслажденія всякаго рода, для нихъ необычныя. Ослабѣли они отъ цирка, театра и городскихъ веселостей, а другіе изнурены болѣзнями. Если дать время, то при мысли о войнѣ вернутся и къ нимъ силы. И недалеко Германія, откуда могутъ быть подкрѣпленія. Британнія отдѣлена проливомъ, а рядомъ Галліи и Испаніи; отовсюду подоспѣютъ люди, лошади, денежные взносы. Сама Италія и огромныя средства города Рима и, еслибы они захотѣли дѣйствовать сами наступательно,—два флота и беззащитное (свободное) Иллирское море. Какую пользу принесутъ тогда завалы въ горахъ? Какую то, что война протянется на другое лѣто? Откуда они покамѣстъ будутъ брать деньги и провіантъ? А почему же бы имъ лучше не воспользоваться тѣмъ самымъ, что Паннонскіе легіоны, скорѣе обманутые, чѣмъ побѣжденные, спѣшатъ возстать на отмщеніе, а Мезійскія войска принесутъ свѣжія, нетронутыя силы. Если число воиновъ важнѣе числа легіоновъ, то на нашей сторонѣ болѣе силы, меньше распущенности и самый стыдъ принесъ пользу дисциплинѣ. А всадники и тогда-то побѣждены не были, но и при неблагопріятномъ положеніи дѣлъ разметали ряды воиновъ Вителлія. Тогда два Паннонскихъ и Мезійскихъ конныхъ отряда прорвали боевую линію непріятеля, а теперь соединены вмѣстѣ значки 16-ти конныхъ отрядовъ; они, налетя какъ бы тучею, однимъ громомъ и натискомъ движенія собьютъ и сокрушатъ и всадниковъ, и коней уже, забывшихъ боевое дѣло. Если только никто не воспрепятствуетъ, то я же буду и виновникомъ этого плана дѣйствій и исполнителемъ его. А вы, счастіе которыхъ еще неприкосновенно, удержите у себя легіоны; мнѣ достаточно когортъ налегкѣ. Не замедлите услышать, что путь въ Италію открытъ и положенію Вителлія нанесенъ рѣшительный ударъ, а для васъ уже легко будетъ слѣдовать по проложенному побѣдителемъ пути».

3. Эти слова и въ томъ же родѣ, онъ высказывалъ, сверкая глазами, громкимъ голосомъ, чтобы его подальше слышно было (такъ какъ сотники и нѣкоторые изъ воиновъ тутъ же присутствовали при совѣщаніи.) Онъ подѣйствовалъ на самыхъ осторожныхъ и предусмотрительныхъ; а простые воины и всѣ прочіе превозносили его похвалами какъ единственнаго человѣка и вождя, съ пренебреженіемъ отзываясь о неспособности другихъ. Такое понятіе о себѣ онъ вызвалъ немедленно тѣмъ, что, въ рѣчи къ воинамъ, онъ прочелъ письмо Веспасіана и не такъ, какъ большинство другихъ, излагалъ неопредѣленно, такъ что могъ бы впослѣдствіи словамъ

своимъ придать тотъ или другой смыслъ, но показалъ, что онъ прямо и открыто посвящаетъ себя дѣлу, и тѣмъ пріятнѣе былъ онъ воинамъ, какъ неразлучный сотоварищъ ихъ вины и славы.

4. Послѣ него значительнѣе всѣхъ было вліяніе Корнелія Фуска прокуратора. И онъ, обыкновенно нападая на Вителлія въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ, не оставлялъ себѣ никакой надежды (на пощаду) въ случаѣ неблагопріятнаго оборота дѣлъ. Титъ Ампій Флавіанъ, отъ природы и старости нерѣшительный, вызывалъ раздраженіе и подозрительность воиновъ на то, будто онъ все еще помнилъ свое родство съ Вителліемъ, а также и тѣмъ, что при началѣ волненія въ легіонахъ онъ было бѣжалъ, а потомъ вернулся по собственному побужденію и такимъ образомъ подалъ поводъ заключать, что ищетъ только случая къ предательству. Флавіанъ, бросивъ Паннонію, вошелъ въ Италію и, избѣгнувъ опасности, желаніемъ переворота побужденъ былъ принять снова званіе легата и участіе во внутренней войнѣ. Совѣтовалъ ему Корнелій Фускъ не потому, чтобы нуждался въ содѣйствіи Флавіана, но чтобы во главѣ только что начинавшагося движенія партіи,— поставить почетное имя человѣка, бывшаго консуломъ.

5. Впрочемъ для того, чтобы можно было войдти въ Италію безнаказанно и съ пользою, написали Апонію Сатурнину, чтобы онъ поспѣшилъ съ Мезійскимъ войскомъ. «А для того чтобы безоружныя провинціи не оставить на жертву дикихъ сосѣдственныхъ народовъ, старѣйшины Сарматовъ Язиговъ, въ рукахъ которыхъ было все завѣдываніе общественными дѣлами, приняты въ сотоварищество военной службы. Они предлагали и людей и конницу—ею только они и сильны; но отклонили это предложеніе, какъ бы при внутреннихъ раздорахъ не сдѣлали бы они какой-нибудь попытки въ интересахъ чужеродцевъ, или за усердное содѣйствіе расчитывая па большую награду, не вышли бы за предѣлы права и законности. Вовлечены въ дѣла Веспасіана Сидо и Италикъ, цари Свевовъ, изстари преданные Римлянамъ, и народъ ихъ болѣе другихъ способный оправдать сдѣланное ему довѣріе. Эти вспомогательныя войска поставлены на флангъ, такъ какъ враждебна была Рэтія, гдѣ прокураторомъ былъ Порцій Септимій, непоколебимо вѣрный Вителлію. А потому Секстилій Феликсъ съ Авріанскимъ коннымъ отрядомъ, восьмью когортами и молодыми людьми изъ Нориковъ посланъ для занятія берега рѣки Эна, раздѣляющаго своимъ теченіемъ Ретовъ и Нориковъ; ни съ той, ни съ другой стороны не было попытокъ къ бою, и партіямъ пришлось испытать счастія въ другомъ мѣстѣ.

6. Антоній отобралъ вексилларіевъ изъ когортъ и часть всадниковъ, для вторженія съ ними въ Италію; сотоварищемъ его былъ Аррій Варъ, дѣятельный на войнѣ; эту славу увеличивало и то, что онъ служилъ подъ начальствомъ Корбулона и удачныя дѣйствія въ Арменіи. О немъ впрочемъ говорили, что тайными навѣтами передъ Нерономъ заподозрилъ онъ добрыя качества Корбулона. Такимъ образомъ позорною милостью (Нерона) получилъ онъ командованіе первой роты тріаріевъ, и сначала снисканное дурно его радовало, но незамедлило обратиться ему на гибель.— Примъ и Варъ заняли Аквилею и сосѣдственныя съ него мѣста; съ радостью приняты они въ Опитергій и Альтину; въ Альтинѣ оставленъ для прикрытія вооруженный отрядъ, противъ Равенскаго флота, объ отпаденіи котораго слуху еще не было. Отсюда они привлекли на сторону Веспасіана. Патавій и Атесте. Тутъ узнали, что три Вителіевы когорты и конный отрядъ именуемый Себоніанскимъ, остановился у Форума Аліена. наведя мостъ. Случай показался благопріятнымъ напасть на ничего не ожидавшихъ, о чемъ тоже было извѣстіе. На самомъ развѣтѣ захватили большую часть безоружными. Заранѣе дано было приказаніе: убить лишь немногихъ, а остальныхъ страхомъ заставить перемѣнить убѣжденія». Нашлись, которые тотчасъ же отдались, а большинство, разорвавъ мостъ, остановили тѣмъ наступленіе непріятеля.

7. Разнесся слухъ объ этой побѣдѣ, и послѣ такого начала военныхъ дѣйствій, благопріятнаго Флавіанцамъ, два легіона, седьмой Гальбовъ и тринадцатый *близнецъ* (двойной?), съ легатомъ Ведіемъ и Аквилою, съ большою готовностью приходятъ въ Патавій. Тутъ немного дней взято для отдохновенія, и Минуцій Юстъ, префектъ лагерей седьмаго легіона, тѣмъ, что онъ строже чѣмъ то слѣдуетъ въ гражданскую войну, пользовался своею властью, навлекъ раздраженіе воиновъ, и чтобы его избавить отъ вредныхъ для него послѣдствій, отправленъ къ Веспасіану. Обстоятельство давно желанное и истолкованное къ славѣ произвело большее, чѣмъ бы слѣдовало, впечатлѣніе, когда Антоній отдалъ приказаніе—во всѣхъ муниципіяхъ возстановить изображенія Гальбы, вслѣдствіе смутъ тѣхъ временъ ниспровергнутыя. Хорошимъ для своего дѣла считалъ онъ вселить убѣжденіе, что сочувствуютъ правленію Гальбы и хотятъ обновить его партію.

8. Затѣмъ возникъ вопросъ: какой пунктъ избрать исходнымъ (средоточіемъ) военныхъ дѣйствій?—«Лучше всего показалась Верона, около которой открытая мѣстность удобна была для дѣйст-

вій конницею, а въ ней заключалась главная сила. Притомъ казалось дѣломъ хорошимъ и имѣющимъ произвести самое благопріятное впечатлѣніе,—отнять у Вителлія колонію, сильную войсками (богатую средствами). На дорогѣ занята Вицетія, обстоятельство само по себѣ не важное (городокъ этотъ имѣетъ незначительныя средства) показалось очень важнымъ когда припомнили, что тамъ родился Цецина и что отечество главнаго вождя непріятелей у нихъ исторгнуто. Наградою была Верона; жители ея и примѣромъ и средствами оказали пособіе сторонѣ Веспасіана. И такимъ образомъ войско стало между Рецiею и Юлійскими Альпами, а чтобы не было тамъ дороги Германскимъ войскамъ, подѣлали завалы; все это дѣлалось или безъ вѣдома Веспасіана, или вопреки его приказаній, такъ какъ онъ велѣлъ: пріостановиться въ Аквилеѣ военными дѣйствіями и подождать Муціана. Вмѣстѣ съ приказаніемъ объяснялъ онъ свой планъ дѣйствій: когда Египетъ, источникъ хлѣбныхъ запасовъ, и доходы самыхъ богатыхъ провинцій будутъ въ его власти, то войско Вителлія можно вынудить къ сдачѣ недостаткомъ жалованья и хлѣба». То же самое внушалъ и Муціанъ въ частыхъ письмахъ, выставляя предлогомъ побѣду безъ пролитія крови и слезъ, и другое въ томъ же родѣ; а въ сущности онъ жаждалъ славы и всю честь войны хотѣлъ приберечь лишь себѣ одному. Впрочемъ такіе планы изъ крайне отдаленныхъ разстояніемъ земель приносились уже послѣ совершенія самыхъ событій.

9. Итакъ Антоній внезапнымъ натискомъ ворвался въ непріятельскіе посты и въ небольшомъ сраженіи сдѣлалъ опытъ мужества своихъ воиновъ; разошлись почти при равныхъ условіяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ Цецина укрѣпилъ лагерь между Гостиліею, селомъ Веронскимъ и болотами рѣки Тартара въ мѣстѣ безопасномъ, такъ какъ тылъ былъ прикрытъ рѣкою, а фланги находившимися противъ нихъ болотами. Будь только вѣрность (въ дѣйствіяхъ Вителліанцевъ), то два легіона, къ которымъ еще не присоединилось Мезійское войско, могли быть или безъ труда подавлены всѣми силами Вителліанцевъ или, прогнатые назадъ, вынуждены были бы очистить Италію и обратиться въ постыдное бѣгство. Но Цецина разными проволочками, далъ возможность непріятелю распорядиться какъ ему хотѣлось первымъ началомъ военныхъ дѣйствій и между прочимъ въ письмахъ осыпалъ бранью тѣхъ, которыхъ былъ въ состояніи прогнать оружіемъ, пока черезъ гонцовъ скрѣплялъ договоръ предательства. Между тѣмъ пришелъ Апоній Сатурнинъ съ седьмымъ легіономъ Клавдіевымъ. Легіономъ начальствовалъ три-

бунъ Випстанъ Мессала, именитаго рода, самъ человѣкъ отличный, и одинъ кто съ добрыми мыслями участвовалъ въ этой войнѣ. Къ этимъ-то войскамъ, ни въ какомъ случаѣ неравнымъ съ Вителліевыми (такъ какъ ихъ было всего три легіона), послалъ письма Цецина, пеняя ихъ за то, что они, бывъ уже разъ побѣжденными, снова взялись за оружіе, и вмѣстѣ онъ осыпалъ похвалами доблести Германскаго войска. О Вителліи упоминалось мало, и какъ бы по необходимости только, а о Веспасіанѣ ничего браннаго, и вообще ничего такого, чтобы задобрило непріятеля или вселило въ него ужасъ. Вожди партіи Флавіевой, не говоря ничего въ оправданіе прежнихъ событій, отвѣтили—выражаясь о Веспасіанѣ возвышенно, о своемъ дѣлѣ съ увѣренностью, о войскѣ съ убѣжденіемъ въ его силѣ, о Вителліи, какъ открытомъ врагѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они трибунамъ и сотникамъ подавали надежду сохранить то, что они получили по милости Вителлія, и самого Цецину явно склоняли перейдти на ихъ сторону. Письма прочитаны передъ собраніемъ воиновъ и придали увѣренности: Цецина выражался смиренно, какъ бы опасаясь оскорбить Веспасіана, а вожди его стороны писали съ пренебреженіемъ и какъ бы издѣваясь надъ Вителліемъ.

10. Потомъ, съ прибытіемъ двухъ легіоновъ, изъ коихъ вели третій Диллій Апоніанъ, а восьмой—Нумизій Лупъ, положили—выказать силы и окружить Верону военнымъ валомъ. Случилось такъ что Гальбіанскому легіону досталось весть валъ съ фронта; увидали вдали всадниковъ изъ союзниковъ и они, какъ непріятели нагнали страхъ впрочемъ пустой. Схватили воины оружіе и раздраженіе ихъ за мнимую измѣну обрушилось на Т. Ампія Флавіана; доказательствъ вины его не было никакихъ, но уже давно сдѣлался онъ ненавистнымъ и они какъ безумные требовали его казни, крича: «онъ родня Вителлію, предатель Отона и перехватилъ денежную имъ раздачу». Оправданію не было мѣста, хотя онъ протягивалъ умоляя руки, валялся распростертый на землѣ въ истерзанномъ платьи; вопли и стоны вырывались изъ груди его и устъ. Но это еще болѣе ожесточало предубѣжденныхъ противъ него воиновъ, якобы чрезмѣрный страхъ внушенъ сознаніемъ его вины. Попытки Апонія говорить заглушаемы были криками воиновъ; ропотомъ и непріязненными криками встрѣчаютъ всѣхъ прочихъ вождей; одному Антонію выказываютъ только готовность слушать его, а тотъ обладалъ и краснорѣчіемъ и искуствомъ дѣйствовать на массы и пользовался довѣріемъ воиновъ. Когда возмущеніе

все усиливалось, и отъ попрековъ и брани воины переходили къ оружію и рукопашнымъ дѣйствіямъ, отдаетъ Антоній приказаніе заключить Флавіана въ оковы. Воины поняли умыселъ (ихъ провесть) и, разметавъ тѣхъ, что прикрывали трибуналъ, готовились къ явному насилію. Антоній противуставилъ имъ грудь свою и извлекши мечь клялся, что умретъ или отъ рукъ воиновъ, или отъ своихъ собственныхъ. Видя въ рядахъ воиновъ кого-либо ему извѣстнаго или имѣвшаго военное отличіе, называлъ по имени и призывалъ къ себѣ на помощь. Затѣмъ, обернувшись къ значкамъ, онъ молилъ боговъ: «такое изступленіе, такой раздоръ наслать лучше войскамъ непріятельскимъ». Наконецъ возмущеніе стало стихать, и уже только въ концѣ дня разошлись всѣ по своимъ палаткамъ. Флавіанъ выѣхалъ въ ту же ночь, встрѣтилъ письма Веспасіана и избѣгъ окончательно опасности.

11. Легіоны, какъ бы зараженные неистовствомъ, на Апонія Сатурнина, легата Мезійскаго войска, нападаютъ тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ, что не такъ какъ въ первый разъ изнурены были трудомъ и работами, но середи дня пришли въ волненіе. Между воинами ходили письма отъ Сатурнина, будто бы назначенныя Вителлію. Какъ нѣкогда состязались въ мужествѣ и доброй нравственности, теперь старались опередить другъ друга въ дерзости и своеволіи, а потому требуютъ казни Апонія, такъ же насильственно, какъ прежде Флавіана. При этомъ Мезійскіе легіоны ссылались, что они поддержали Паннонскіе легіоны въ ихъ попыткахъ мщенія, а Паннонскіе, какъ бы находя себѣ оправданіе въ возмущеніи другихъ, охотно взялись повторить вину. Они бросились въ сады, гдѣ находился Сатурнинъ и не столько Примъ, Апоніанъ и Мессала, хотя и они употребляли всѣ усилія, спасли Сатурнина, сколько темнота мѣста, гдѣ онъ скрывался, найдя себѣ убѣжище въ печи случайно пустой бани; за тѣмъ онъ, отпустивъ ликторовъ, удалился въ Патавій. Съ удаленіемъ бывшихъ консуловъ, у одного Антонія остались власть и распоряженіе надъ обоими войсками, такъ какъ и сотоварищи ему уступили, и все усердіе воиновъ обратилось къ нему. Не было недостатка въ полагавшихъ, что и то и другое возмущеніе началось по коварному умыслу Антонія, желавшаго пользоваться войною исключительно для себя.

12. Да и въ партіи Вителлія умы не были спокойны, а раздоры были еще гибельнѣе; смуты возникали тутъ не вслѣдствіе подозрительности массъ, но вѣроломства вождей. Луцилій Бассъ (пре-

фектъ), начальникъ Равенскаго флота, пользуясь сомнительнымъ расположеніемъ умовъ воиновъ, большая часть которыхъ были изъ Далмаціи и Панноніи, провинцій находившихся во власти Веспасіана, привлекъ ихъ на его сторону. Для предательства выбрана ночь и безъ вѣдома остальныхъ, одни лишь участвовавшіе въ заговорѣ, собраны въ главную квартиру. Бассъ или стыдясь, или опасаясь какой исходъ будетъ, дожидался его дома. Капитаны судовъ съ большимъ шумомъ бросаются на изображенія Вителлія; немногіе изъ воиновъ стали сопротивляться и убиты, а остальная масса охотно смотрѣла на всякую перемѣну и склонялась въ пользу Веспасіана. Тутъ-то выступилъ и Луцилій, назвавъ себя главнымъ виновникомъ этого дѣла. Флотъ выбираетъ себѣ начальникомъ Корнелія Фуска, и тотъ поспѣшно прибылъ. Бассъ подъ почетнымъ карауломъ на легкихъ судахъ привезенъ въ Адрію. Тогда начальникъ коннаго отряда Менній Руфинъ охранявшій тутъ безопасность, заключилъ его въ оковы, но они тотчасъ же съ него сняты вслѣдствіе заступничества Горма, Цезарева отпущенника; и тотъ считался въ числѣ вождей.

13. А Цецина, когда сдѣлалось извѣстнымъ отпаденіе флота, главныхъ изъ сотниковъ и немногихъ воиновъ, остальныхъ распредѣливъ по обязанностямъ ихъ службы, позвалъ въ свою палатку, сдѣлавъ видъ, будто удалился въ самое потайное мѣсто лагеря. Тутъ онъ превозноситъ похвалами доблести Веспасіана и силу его партіи; флотъ уже принялъ его сторону; подвозы стѣснены; Испаніи и Галліи враждебны, да и въ Римѣ нѣтъ ничего вѣрнаго; а относительно Вителлія все выставлялъ въ худшемъ видѣ. Потомъ начали дѣло участвовавшіе въ замыслѣ; прочіе, пораженные неожиданностью, приведены къ присягѣ Веспасіану. Вмѣстѣ съ тѣмъ сброшены изображенія Вителлія и посланы гонцы съ этимъ извѣстіемъ къ Антонію. Но когда по всѣмъ лагерямъ разнесся слухъ объ этой измѣнѣ, воины сбѣжались къ ставкѣ вождя, увидали написаннымъ имя Веспасіана, а Вителлія изображенія сброшенными на землю, сначала хранили глубокое молчаніе, но потомъ у всѣхъ дружно вырвались слова; «До того пала слава Германскаго войска, что безъ сраженія, безъ ранъ, какъ бы взятые въ плѣнъ протянутъ они руки для оковъ и выдадутъ оружіе? (На той сторонѣ какіе легіоны? Безспорно побѣжденные. Да и нѣтъ тутъ главной силы Оттонова войска—перваго и четырнадцатаго легіона, а ихъ-то они, на этихъ самихъ поляхъ, разбили и обратили въ бѣгство). Неужели тысячи вооруженныхъ, какъ бы стадо

продажной скотины, будутъ отданы въ даръ изгнаннику Антонію? Неужели восемь легіоновъ должны служить какъ бы придачею перешедшему на ту сторону одному флоту? Такъ заблагоразсудилось Бассу, такъ Цецинѣ; они, обобравъ у государя дома, сады, богатства, хотятъ отнять у него и воиновъ. Они, совершенно не тронутые и не проливавшіе крови, будутъ презрѣнны и въ глазахъ Флавіевыхъ приверженцевъ, а воинамъ что скажутъ, на ихъ требованіе, возмездія за удачи или неудачи»?

14. Такъ кричали воины то порознь, то всѣ вмѣстѣ, подъ вліяніемъ оскорбленнаго чувства. Началъ дѣйствовать пятый легіонъ, возстановилъ изображенія Вителлія, а Цецину заключили въ оковы. Вождями выбираютъ Фабія Фабулла, легата пятаго легіона, и Кассія Лонга, префекта лагерей. Случайно попавшихся трехъ воиновъ съ легкихъ (Либурнскихъ) судовъ, ничего не знавшихъ и ни въ чемъ неповинныхъ, убили; оставивъ лагери и разорвавъ мостъ, отправляются назадъ въ Гостилію, а оттуда въ Кремону, для того чтобы соединиться съ легіонами первымъ Итальянскимъ и двадцать первымъ *Стремительнымъ;* а Цецина ихъ и часть конницы послалъ впередъ занять Кремону.

15. Когда Антоній узналъ объ этомъ, онъ положилъ напасть на непріятельскія войска, несогласныя духомъ и разбросанныя силами, прежде чѣмъ вліяніемъ вождей возвратится воинамъ расположеніе къ повиновенію а соединясь вмѣстѣ легіоны будутъ увѣреннѣе въ себѣ. Онъ догадывался, что Фабій Валенсъ, уже выѣхавшій изъ Рима, узнавъ объ измѣнѣ Цецины поспѣшитъ своимъ прибытіемъ; а Валенсъ былъ вѣренъ Вителлію да и не чуждъ знанія военнаго дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ опасались громаднаго наплыва силъ Германіи черезъ Рецію, и Вителлій вызвалъ вспомогательныя войска изъ Британніи, Галліи и Испаніи, страшную грозу войны, еслибы Антоній, именно этого-то самаго опасаясь, поторопясь сразиться, не предупредилъ бы всего этого побѣдою. Со всѣмъ войскомъ онъ вторыми отъ Вероны лагерями прибылъ въ Бедріакъ. На другой день удержавъ легіоны для возведенія укрѣпленій, послалъ на Кремонскія поля всадниковъ съ тѣмъ, чтобы подъ видомъ заготовленія запасовъ поощрить воиновъ добычею съ (мирныхъ) гражданъ, а самъ съ четырьмя тысячами всадниковъ выступилъ до восьмаго милеваго камня отъ Бедріака, для того чтобы съ большимъ просторомъ опустошать край; на передовые разъѣзды (какъ то бываетъ обыкновенно) возложена была забота смотрѣть за тѣмъ, что дѣлалось впереди.

16. Уже былъ почти пятый часъ дня, когда прискакалъ всадникъ съ извѣстіемъ, что приближается непріятель, впереди идутъ немногіе, а гулъ и шумъ отъ движенія слышенъ далеко. Пока Антоній совѣтуется какъ поступить, Аррій Варъ, горя желаніемъ доказать на дѣлѣ свое усердіе, съ лучшими (быстрѣйшими) изъ всадниковъ бросается впередъ и сначала тѣснитъ Вителліанцевъ съ небольшимъ урономъ, такъ какъ подоспѣло ихъ много и дѣло приняло другой оборотъ; самый горячій въ преслѣдованіи—въ бѣгствѣ дѣлается послѣднимъ. Такъ поспѣшили безъ воли Антонія, который предвидѣлъ, что изъ этого выйдетъ. Онъ сдѣлалъ своимъ воинамъ увѣщаніе, «чтобы они вступили въ бой смѣло и рѣшительно», отвелъ на фланги конные отряды, а по серединѣ оставилъ свободнымъ путь, которымъ могъ бы принять Вара и всадниковъ его. Отдано приказаніе легіонамъ вооружаться, а по полямъ дано знать воинамъ, чтобы они, бросивъ добычу, тою дорогою, гдѣ кому ближе, спѣшили на сраженіе. Между тѣмъ оробѣвшій Варъ вмѣшался въ толпы своихъ и распространилъ страхъ; съ ранеными сбиты и невредимые; ихъ собственная робость и тѣснота пути обращались къ ихъ вреду.

17. Въ такомъ замѣшательствѣ Антоній не пренебрегъ ни одною изъ обязанностей твердаго вождя или самаго храбраго воина. Онъ выбѣгалъ на встрѣчу устрашеннымъ, удерживалъ отступавшихъ, былъ тамъ, гдѣ наиболѣе было затрудненій и какая-либо надежда. Распоряженіями, движеніемъ рукъ и голосомъ былъ онъ на виду и непріятелей и своихъ. Наконецъ дошелъ онъ до такого одушевленія, что копьемъ пронзилъ бѣжавшаго (вексиллярія) знаменосца, а самъ, схвативъ знамя, обратилъ его къ непріятелю; тутъ отъ стыда остановились всадники числомъ не болѣе ста. Мѣстность самая къ тому способствовала, такъ какъ тутъ дорога съуживалась, а мостъ на протекавшей рѣчкѣ былъ сломанъ; она же неопредѣленнымъ русломъ и крутыми берегами препятствовала бѣгству. Такая крайность ли, счастіе ли,—но уже потерянное было дѣло возстановилось. Стѣснившись между собою плотными густыми рядами, встрѣтили Вителліянцевъ, самонадѣянно разсыпавшихся, и тѣ пришли сами въ оцѣпенѣніе. Антоній не давалъ вздохнуть пораженнымъ, избивалъ попадавшихся на встрѣчу. Вмѣстѣ съ тѣмъ и прочіе, каждый по своей натурѣ, обирали, брали, отнимали коней и оружіе. Ободренные криками успѣха и тѣ, что только что передъ тѣмъ разсѣялись бѣгствомъ по полямъ, принимали участіе въ побѣдѣ.

18. У четвертаго отъ Кремоны милеваго камня засверкали значки легіоновъ *Стремительнаго* и *Итальянскаго*, при благопріятномъ сначала для нихъ ходѣ дѣла ихъ конницы зашедшіе было сюда. Но когда счастіе обратилось противъ, они не раздавались рядами, чтобы дать мѣсто пришедшимъ въ замѣшательство, не шли впередъ, чтобы съ своей стороны аттаковать непріятеля, утомленнаго быстрымъ движеніемъ черезъ такое пространство и самимъ боемъ. Случайно побѣжденные не такъ еще нуждались они въ вождяхъ при удачныхъ дѣйствіяхъ, какъ почувствовали его недостатокъ въ несчастіи. На ихъ колебавшіеся ряды бросилась только-что одержавшая побѣду конница и за нею послѣдовалъ Випстанъ Мессала, трибунъ, съ вспомогательными войсками Мезійскими, а ихъ, хотя взятыхъ на скорую руку, въ военномъ дѣлѣ ставили наравнѣ съ воинами легіоновъ. Такимъ образомъ смѣшанные пѣшіе и конные воины сломили ряды легіоновъ. И самая близость стѣнъ Кремоны, подавая болѣе надежды на бѣгство, уменьшала желаніе сопротивляться.

19. Да и Антоній прекратилъ дальнѣйшее наступательное движеніе, имѣя въ виду труды и раны, которые, при такомъ перемѣнномъ ходѣ сраженія, хотя и благополучно окончившемся, понесли и всадники и кони. Стало смеркаться, когда сосредоточились всѣ силы Флавіанскаго войска. Воины, двигаясь по кучамъ тѣлъ и слѣдамъ недавняго побоища, какъ будто оконченъ рѣшительный бой, требовали идти въ Кремону и побѣжденныхъ или принять покорность или взять силою. Но все это было хорошо только на словахъ. Каждый изъ воиновъ говорилъ себѣ: «очень легко взять приступомъ колонію, лежащую на ровномъ мѣстѣ. Во мракѣ ночи нападающимъ такая же смѣлость, но грабить гораздо вольнѣе. Если же они дождутся разсвѣта, то явятся съ просьбами о мирѣ и за труды и раны достанутся имъ безплодныя слава и милосердіе, а богатства жителей Кремоны достанутся префектамъ и легатамъ. Взятаго приступомъ города добыча принадлежитъ воинамъ, а покорившагося вождямъ». Съ пренебреженіемъ относятся воины къ сотникамъ и трибунамъ и, чтобы не слышать ихъ голосовъ, гремятъ оружіемъ, готовясь выйдти явно изъ повиновенія, если ихъ не поведутъ.

20. Тутъ Антоній сталъ ходить по рядамъ воиновъ и, гдѣ вызывалъ своимъ видомъ и значеніемъ молчаніе, говорилъ: «далека отъ него мысль лишить ихъ такъ хорошо заслуженныхъ ими чести и награды; но между войскомъ и вождями распредѣлены обя-

занности: воинамъ приличествуетъ усердіе къ битвѣ, а вожди чаще приносятъ пользу предусмотрительностью, обдуманностью, медленностью, чѣмъ опрометчивостью. Насколько онъ, Антоній, какъ воинъ оружіемъ и личнымъ трудомъ содѣйствовалъ побѣдѣ, настолько теперь постарается быть полезнымъ исключительными качествами вождя—обдуманностью и предусмотрительностью. Да и не можетъ быть сомнѣнія о томъ, что насъ ждало бы: ночь, расположеніе города неизвѣстно, внутри враги и все благопріятное для дѣйствія изъ засады. Да будь даже передъ нами отворены ворота, и то войдти невозможно безъ предварительной рекогносцировки иначе какъ днемъ. Не теперь ли начнутъ они приступъ, когда ничего не видно? Но гдѣ ровная мѣстность, какова вышина стѣнъ? Нужно ли противъ города дѣйствовать изъ метательныхъ орудій и стрѣлами, или правильными осадными работами, траншеями»? Затѣмъ, обращаясь къ воинамъ порознь, спрашивалъ: «принесли ли они съ собою топоры, ломы и прочее, что нужно для приступа къ городу»? Получая отрицательный отвѣтъ, онъ говорилъ: «мечами и копьями могутъ ли чьи-либо руки пробить и подрыть стѣны? Еслибы оказалось необходимымъ—устроить насыпь и прикрыться крытыми ходами и фашинами, то неужели мы неразумною толпою будемъ стоять безъ толку, съ удивленіемъ посматривая на вышину башень и чужія укрѣпленія? Не лучше ли переждать одну ночь, привезти осадныя орудія и машины и идти съ готовою силою и побѣдою на нашей сторонѣ»?—Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ посылаетъ въ Бедріакъ маркитантовъ и войсковую прислугу—привезть запасы и прочее, что нужно.

21. Впрочемъ воины принимали эти убѣжденія съ большимъ неудовольствіемъ, и дѣло доходило почти до возмущенія, когда всадники, сдѣлавъ рекогносцировку почти подъ самыя стѣны, схватили кой-кого бродившихъ изъ Кремоненцевъ и изъ ихъ показаній узнали: «шесть Вителліевыхъ легіоновъ и все войско, находившееся въ Гостиліи, въ этотъ самый день совершили переходъ въ тридцать тысячъ шаговъ, узнавъ о пораженіи своихъ, приготовились къ сраженію и сейчасъ тутъ будутъ». Ужасъ сдѣлалъ доступными упорные умы воиновъ внушеніямъ вождя. Онъ отдаетъ приказаніе тринадцатому легіону стать на самомъ полотнѣ Постуміевой дороги; съ нимъ въ связи налѣво сталъ на ровномъ мѣстѣ седьмой Гальбіевъ, а потомъ седьмой Клавдіевъ, передъ фронтомъ котораго—такова была мѣстность—находился сельскій ровъ. Справа сталъ восьмой легіонъ по открытому мѣсту, а за нимъ третій, прикры-

тый густыми кустарниками. Таково было расположеніе орловъ и значковъ, а воины перемѣшались во мракѣ и стали гдѣ кому назначилъ случай. Знамя преторіанцевъ стояло всего ближе къ третьему легіону. Когорты вспомогательныя на флангахъ, а съ краевъ и съ тылу окружены конницею. Сидо и Италикъ, Свевы, съ отборными изъ своихъ соотечественниковъ находились въ первыхъ рядахъ боевой линіи.

22. А Вителліево войско, которому здравый смыслъ указывалъ отдохнуть въ Кремонѣ и, подкрѣпивъ силы пищею и сномъ—непріятеля, изнуреннаго стужею и недостаткомъ пищи, на другой день смять и прогнать,—не имѣя ни кто бы имъ управилъ, ни обдуманнаго плана дѣйствій,—почти въ третьемъ часу ночи напалъ на Флавіанцевъ уже изготовившихся и расположившихся въ порядкѣ. Не рѣшаюсь высказать ничего положительно относительно боеваго порядка (Вителліанцевъ), гдѣ стройности не могло быть вслѣдствіе раздраженія и ночной темноты. Впрочемъ нѣкоторые передали: «четвертый Македонскій легіонъ сталъ на правомъ крылѣ; пятый и пятнадцатый съ знаменами девятаго, втораго и двадцатаго Британскихъ легіоновъ составилъ середину боевой линіи, а лѣвой флангъ наполнили шестнадцатый, двадцать второй и первый легіоны». Воины легіоновъ *Стремительнаго* и Итальянскаго замѣшались во всѣ отряды. Конница и вспомогательныя войска выбрали сами себѣ мѣста. Жестоко упорное сраженіе продолжалось во всю ночь съ разнообразно перемѣннымъ счастіемъ; оно клонилось къ гибели то однихъ, то другихъ. Ни смѣлость, ни сила рукъ, ни самое зрѣніе, насколько оно могло дѣйствовать, не помогали. И въ томъ и въ другомъ строю одно и то же оружіе; вслѣдствіе частыхъ распросовъ извѣстны были условные знаки сраженія: перемѣшались знамена, когда толпа, отнявъ ихъ у непріятеля, тащила туда или сюда. Въ особенности сильно тѣснимъ былъ седьмой легіонъ, недавно Гальбою набранный: убиты шесть сотниковъ первыхъ рядовъ, отнято нѣсколько значковъ; самого орла съ трудомъ спасъ сотникъ первой роты Атилій Веръ съ большимъ урономъ непріятеля, но наконецъ и самъ палъ.

23. Поддержалъ уже разстроившіеся ряды Антоній, призвавъ преторіанцевъ, а тѣ, вступивъ въ дѣло, сначала потѣснили непріятеля, а потомъ уступили ему. Вителліанцы перенесли метательныя орудія на полотно дороги, чтобы выстрѣлы дѣйствовали на свободномъ и открытомъ мѣстѣ, а прежде они разсыпались по кустамъ; нисколько не вредя непріятелю. Особенно громадной величины орудіе пятнадцатаго легіона огромными камнями громило ряды непрія-

телей и много вреда причинило бы оно, но два воина дерзнули на прекрасное дѣло: не узнанные подъ щитами, взятыми съ поля битвы, они обрѣзали веревки и упоры орудій. Тотчасъ ихъ умертвили, и потому имена ихъ остались неизвѣстными, но самое дѣло внѣ всякаго сомнѣнія. Судьба не дала еще ни одной изъ сторонъ рѣшительнаго перевѣса, пока съ дальнѣйшимъ ходомъ ночи не взошелъ мѣсяцъ и не бросилъ свой обманчивый свѣтъ на оба войска. Благопріятнѣе былъ онъ Флавіанцамъ потому, что взадъ и тѣни людей и лошадей казались длиннѣе и удары, направленные какъ бы въ тѣла, перелетали черезъ нихъ и падали дальше. А Вителліанцамъ свѣтъ луны билъ въ глаза и они подставляли себя неосторожно непріятелямъ, стрѣлявшимъ какъ бы изъ засады.

24. Тутъ Антоній, когда представилась возможность и узнавать своихъ и себя дать имъ признать, старался подѣйствовать на однихъ стыдомъ и упреками, на большинство похвалами и убѣжденіями и на всѣхъ надеждами и обѣщаніями. Онъ спрашивалъ Паннонскіе легіоны: «зачѣмъ же они снова взялись за оружіе? Это именно тѣ поля, гдѣ для нихъ представляется возможность загладить воспоминаніе прежняго безславія и снова снискать славу». Затѣмъ, обращаясь къ Мезійскимъ легіонамъ, называлъ ихъ виновниками и зачинщиками войны; «напрасно они угрозами и словами вызывали Вителліанцевъ, если не въ состояніи вынести ихъ взгляда и рукъ». Такъ онъ говорилъ по мѣрѣ того, какъ къ кому подходилъ, но всего болѣе обращался онъ къ воинамъ третьяго легіона, напоминая имъ и то, «что давно совершилось, и что свѣже еще было въ памяти, какъ они поразили при М. Антоніи Парѳовъ, при Корбулонѣ—Армянъ и въ недавнее время Сарматовъ». Затѣмъ съ негодованіемъ говорилъ онъ преторіанцамъ: «вы, разжалованные въ поселянъ, если не побѣдите, гдѣ найдете императора, гдѣ лагери, которые бы васъ приняли? Тутъ и значки ваши и оружіе и смерть въ случаѣ пораженія, такъ какъ мѣра позора вашего уже переполнилась». Со всѣхъ сторонъ отвѣчали ему криками, а воины третьяго легіона отдали честь восходящему солнцу (таковъ обычай Сиріи).

25. Не извѣстно ли, откуда взялся или умысломъ вождя распущенъ слухъ: явился Муціанъ; войска привѣтствовали другъ друга. Выступили впередъ, какъ бы получивъ свѣжее подкрѣпленіе; а ряды Вителліанцевъ стали уже рѣдѣть, такъ какъ они, не имѣя распорядителя, подъ вліяніемъ личныхъ мужества или робости, то собирались массами, то расходились. Когда Антоній замѣтилъ ихъ сла-

бость, сталъ тѣснить густыми колоннами. Тутъ ослабѣвшіе ряды совершенно разстроились, да и возстановить ихъ было невозможно, такъ какъ мѣшали повозки и орудія. По окраинамъ дороги разсѣялись побѣдители, торопясь преслѣдовать. Это побоище тѣмъ замѣчательнѣе было, что сынъ убилъ отца; передамъ имена и подробности этого происшествія такъ, какъ ихъ передалъ Випстанъ Мессала. Юлій Мансветъ изъ Испаніи, взятый въ Стремительный легіонъ, оставилъ дома несовершеннолѣтняго сына; тотъ, вскорѣ достигнувъ возмужалости, попалъ въ седьмой легіонъ при наборѣ сдѣланномъ Гальбою. Случайно встрѣтилъ онъ отца и поразилъ его смертельною раною, потомъ сталъ обыскивать чуть живаго, былъ имъ узнанъ и самъ его узналъ и уже испустившаго дыханіе обнялъ и голосомъ, смѣшаннымъ съ рыданіями, молилъ—«тѣнь отца успокоиться и не отвращаться отъ него какъ отъ отцеубійцы. Дѣло это—общественное и одинъ воинъ что за ничтожная единица при такой громадной междоусобной войнѣ»? Тутъ же онъ поднялъ тѣло, вырылъ яму и исполнилъ послѣдній долгъ въ отношеніи родителя. Замѣтили это тѣ, что были ближе къ нему, передали и другимъ: дивились этому по всему войску, жаловались и предавали проклятіямъ ненавистную войну. Это впрочемъ нисколько не уменьшило дѣятельности, съ какою воины обирали убитыхъ родныхъ, близкихъ, братьевъ. Говоря о совершившемся преступленіи, тутъ же и дѣлаютъ его. Когда подошли къ Кремонѣ, то ихъ ожидало тамъ новое и громадное дѣло.

26. Во время войны Отона, Германскія войска окружили стѣны Кремоны своимъ лагеремъ, а его обнесли валомъ. Эти укрѣпленія были еще увеличены. При видѣ ихъ остановились побѣдители и вожди не знали, что приказать. Начать приступъ войску, утомившемуся въ теченіи дня и ночи, было тяжело, а при отсутствіи подкрѣпленій вблизи и опасно. Если же имъ возвращаться въ Бедріакъ, то не выносимъ будетъ трудъ столь отдаленнаго перехода и побѣда осталась бы совершенно безплодною. Укрѣпить лагерь? Но и это по близости непріятелей было опасно, какъ бы они внезапною вылазкою не произвели замѣшательства въ разсѣянныхъ и занятыхъ работами воинахъ. А это болѣе всего было страшно для ихъ воиновъ, которымъ сноснѣе была опасность, чѣмъ замедленіе. Безопасность не могла имъ принесть никакой выгоды, а дѣйствовать смѣло—манила надежда: всякое побоище, и раны, и пролитіе крови возмѣщались жаждою добычи.

27. Въ эту же сторону клонился и Антоній; онъ отдалъ прика-

заніе—окружить укрѣпленія стѣною изъ воиновъ; сначала сражались издали стрѣлами и каменьями, съ большимъ вредомъ для Флавіанцевъ, такъ какъ стрѣлы падали на нихъ сверху. Затѣмъ Антоній распредѣлилъ между воинами части вала и ворота для того, чтобы раздѣленный трудъ обнаружилъ разницу между храбрыми и трусливыми, и чтобы воины находили поощреніе въ самомъ состязаніи къ чести. Ближайшія мѣста къ Бедріакской дорогѣ заняли воины третьяго и седьмаго легіона; часть вала, лежавшая правѣе, досталась легіонамъ восьмому и седьмому Клавдіеву; воины тринадцатаго легіона, по собственному побужденію, бросились къ Бриксіанскимъ воротамъ. Вслѣдствіе этого было нѣкоторое промедленіе, пока воины свезли съ сосѣдственныхъ полей одни заступы, ломы, а другіе косы и лѣсницы. Затѣмъ, поднявъ надъ головами щиты плотною чешуею (черепахою), подходятъ къ стѣнамъ. И съ той, и съ другой стороны Римское знаніе военнаго дѣла: Вителліанцы бросаютъ тяжелыя камни; въ разметавшуюся и колеблещуюся черепаху опускаютъ длинныя копья; наконецъ успѣваютъ разстроить связь щитовъ, и тогда повалили многихъ убитыми или изуродованными и причинили большое побоище.

28. Наступила минута нерѣшительности, но тутъ вожди воинамъ, утомленнымъ и не внимавшимъ, какъ бы безплоднымъ, по ихъ мнѣнію, увѣщаніямъ, показываютъ Кремону. По мысли ли Горма, какъ передаетъ Мессала, или основательнѣе въ этомъ случаѣ мнѣніе К. Плинія, который винитъ въ этомъ Антонія,—я на себя не беру рѣшить. Замѣчу только, что ни Гормъ, ни Антоній, какимъ бы мерзкимъ дѣломъ ни было, не измѣнили бы ни своей жизни, ни понятію, какое о нихъ имѣли. Тутъ уже не задержали воиновъ ни кровь, ни раны, а они подрывали валъ, били ворота; влѣзая на плечи другъ друга и вскарабкавшись на двухъ-ярусную уже черепаху, они руками хватали непріятеля и его оружіе. Невредимые съ ранеными, полумертвые съ издыхавшими падали внизъ, различно гибли, и смерть принимала всевозможные виды.

29. Упорнѣе всего былъ бой седьмаго и третьяго легіоновъ, и вождь Антоній съ отборными вспомогательными войсками налегъ туда же. Упорный натискъ Вителліанцы не въ состояніи были выдержать, а стрѣлы, падавшія сверху, отражались о кровъ, сдѣланный изъ щитовъ; тутъ они наконецъ самое орудіе (балисту) сбросили на подошедшихъ къ стѣнѣ воиновъ; оно, хотя и дѣйствительно разметало воиновъ и задавило тѣхъ, на которыхъ упало, но вмѣстѣ съ тѣмъ падая повалило зубцы и обрушило часть вала, а на-

ходившаяся подлѣ башня уступила ударамъ камнями; пока воины седьмаго легіона усиливаются взойдти, свернувшись въ колонны, воины третьяго легіона топорами и мечами прошибли ворота. Всѣ писатели согласно утверждаютъ, что первый ворвался К. Волузій, воинъ третьяго легіона. Онъ взошелъ на валъ и, прогнавъ тѣхъ, которые пытались еще сопротивляться, въ виду всѣхъ, знакомъ и голосомъ далъ знать, «что лагерь взятъ». За нимъ вломились и остальные при общемъ замѣшательствѣ Вителліанцевъ, бросавшихся съ вала. Все мѣсто, сколько его осталось пустаго между лагеремъ и стѣнами, наполнилось убитыми.

30. Но снова труды только въ другомъ видѣ: высокія стѣны города, каменныя башни, затворы воротъ, окованные желѣзомъ, воины готовые дѣйствовать оружіемъ, многолюдное и привязанное къ сторонѣ Вителлія населеніе Кремоны, значительная часть жителей Италіи, собравшаяся туда, такъ какъ случайно въ эти дни приходилась ярмарка. Все это своею численностью служило въ помощь защищавшимъ, а нападавшіе видѣли въ этомъ для себя большую добычу. Антоній отдаетъ приказаніе захватить огня и зажечь лучшія изъ строеній около города, съ тѣмъ разчетомъ—не заставитъ ли Кремонцевъ эта потеря ихъ собственности измѣнить убѣжденія. Строенія, ближайшія къ стѣнѣ и превышавшія ихъ вышиною, наполнилъ храбрѣйшими изъ воиновъ, а тѣ бревнами, черепицами, факелами сбиваютъ защитниковъ со стѣнъ.

31. Уже легіоны плотными массами становились подъ черепаху изъ щитовъ, а иные воины метали стрѣлы и каменья, когда мало по-малу Вителліанцы стали падать духомъ. Чѣмъ кто выше былъ въ порядкѣ службы, тѣмъ скорѣе изъявлялъ готовность покориться судьбѣ, какъ бы въ случаѣ взятія и Кремоны приступомъ невозможно было ждать прощенія и все раздраженіе непріятеля не обрушилось бы не на лишенное средствъ большинство, но на трибуновъ и сотниковъ, гдѣ самое убійство вознаграждалось. Рядовые воины нерадѣли о будущемъ, находя безопасность въ самой неизвѣстности; они продолжали упорствовать, скитались по улицамъ, прятались въ домахъ, даже и тогда не просили о мирѣ, когда отъ войны отказались. А тѣ, чье распоряженіе было въ лагеряхъ, снимаютъ надписи и изображенія Вителлія; съ Цецины (а онъ до сихъ поръ находился еще въ оковахъ), снимаютъ цѣпи и умоляютъ—явиться ихъ заступникомъ въ этомъ дѣлѣ; а когда тотъ надменно и съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на ихъ просьбы, они не даютъ ему отдыха слезами (крайній предѣлъ бѣдствія),—столько храбрѣйшихъ людей

искали защиты въ предателѣ; затѣмъ они показываютъ со стѣнъ масличныя вѣтви и перевязи изъ лентъ (какъ знакъ покорности). Когда Антоній отдалъ приказаніе остановить стрѣльбу, вынесены были значки и орлы; за ними слѣдовали печальные ряды безоружныхъ, потупивъ глаза въ землю. Обступили побѣдители и сначала осыпали бранью, даже замахивались бить; но когда тѣ не отворачивали лицъ отъ оскорбленій и, совершенно отложивъ чувство гордой самоувѣренности, побѣжденные сносили все, пришло на память (воинамъ Веспасіана), что они то недавно послѣ Бедріакской побѣды показали такую умѣренность. Но когда явился Цецина консуломъ въ богатой одеждѣ и въ сопровожденіи ликторовъ, которые раздвинули для него толпу, то побѣдители воспылали негодованіемъ; они осыпали его упреками въ гордости, жестокости и (такъ ненавистны преступленія!) даже въ вѣроломствѣ. Заступился Антоній и, давъ ему прикрытіе, отослалъ къ Веспасіану.

32. Между тѣмъ чернь Кремонская не знала куда дѣваться среди вооруженныхъ; чуть-чуть было не подверглась она избіенію, но просьбы вождей смягчили воиновъ. Созвавъ ихъ на собраніе, Антоній сказалъ имъ рѣчь, гдѣ о побѣдителяхъ выражался въ самыхъ пышныхъ выраженіяхъ, а о побѣжденныхъ въ духѣ милосердія; относительно участи Кремоны не сказалъ ничего. Войско, кромѣ постоянно присущей ему страсти къ грабежу, съ давнишнею злобою замышляло гибель Кремоны. Оно было того убѣжденія, что жители этого города еще въ Отонову войну помогали сторонѣ Вителлія. Затѣмъ они съ свойственною городской черни насмѣшливостью преслѣдовали ругательными шутками воиновъ тринадцатаго легіона, которые оставлены были у нихъ для постройки амфитеатра. Увеличивалось неудовольствіе вслѣдствіе данныхъ тамъ Цециною гладіаторскихъ зрѣлищъ; при томъ же тутъ было средоточіе войны и во время боя приносили пищу Вителліевымъ воинамъ; даже нѣсколько женщинъ увлечено было къ участію въ сраженіи усердіемъ къ дѣлу Вителлія и онѣ тамъ убиты. Время ярмарки и безъ того богатой колоніи придавало видъ еще болѣе богатый. Прочіе вожди стушевались; Антоній и его высокое положеніе и слава ставили на виду всѣхъ, а онъ поспѣшилъ отправиться въ баню—смыть кровь; подхватили его выраженіе, какъ онъ замѣтилъ, что баня чуть тепла, тутъ же сказалъ: «а вотъ сейчасъ разгорится». Это шуточное изреченіе обратило общее негодованіе на Антонія, будто бы онъ этимъ подалъ знакъ къ сожженію Кремоны, а та уже горѣла.

33. Ворвалось сорокъ тысячъ воиновъ и еще большее число

маркитантовъ и чернорабочихъ при войскѣ, которые еще съ большею необузданностью пускались въ своеволіе и жестокости. Ни званіе, ни лѣта не служили защитою: наслажденія и убійства, убійства и наслажденія смѣняли другъ друга. Дряхлыхъ стариковъ, отжившихъ свои годы женщинъ, добычу лишенную цѣнности, влекли на посмѣяніе. Если же попадалась взрослая дѣвушка или красивый молодой человѣкъ, то его терзали руки тащившихъ его силою каждый къ себѣ и потомъ онъ служилъ поводомъ своимъ расхитителямъ губить взаимно другъ друга. Когда тащили воины каждый себѣ деньги или тяжелыя золотыя вещи храмовъ, то если встрѣчали болѣе сильныхъ, теряли и жизнь и добычу. Нѣкоторые, не обращая вниманія на то, что лежало готовое, побоями и пытками допрашивали хозяевъ о томъ, что они спрятали, и вырывали ихъ запасы. Въ рукахъ были факелы; ихъ, вытащивъ добычу, бросали изъ шалости въ опустошенные дома и обобранные храмы,—и хотя въ войскѣ, представлявшемъ такое разнообразіе въ языкахъ и нравахъ и состоявшемъ изъ гражданъ, союзниковъ и чужестранцевъ,—различныя были страсти и не всѣмъ одно и то же нравилось, но недозволеннаго ничего никому не было. На четыре дни достало Кремоны; а когда все, и священное и свѣтское, погибло въ огнѣ, остался только одинъ храмъ Мефитиса передъ стѣнами—въ мѣстности, въ самомъ ли божествѣ найдя защиту.

34. Таковъ былъ конецъ Кремоны черезъ 286 лѣтъ отъ ея начала. Построена она при консулахъ Т. Семпроніи и Корнеліи при вступленіи Аннибала въ Италію, какъ оплотъ противъ Галловъ, находившихся по ту сторону По и вообще если изъ-за Альповъ явится какая-либо опасность. Потомъ численностью поселенцевъ, благопріятнымъ при рѣкахъ положеніемъ, плодородіемъ прилежащихъ земель, пріязненными и родственными отношеніями сосѣдей,—возрасла и procвѣла; во внѣшнихъ войнахъ оставалась невредимою, менѣе была счастлива въ гражданскихъ. Антоній, стыдясь совершившагося злодѣйства, вызвавшаго общее негодованіе, объявилъ, чтобы никто не держалъ въ плѣну Кремонцевъ. Эту добычу безполезною воинамъ сдѣлало единодушіе Италіи, рѣшившей пренебречь покупкою такихъ рабовъ. Начали ихъ убивать; а когда объ этомъ узнали, то родственники и ближніе стали ихъ выкупать тайкомъ. Вслѣдъ за тѣмъ оставшееся населеніе вернулось въ Кремону; возобновлены строенія и храмы на щедрое приношеніе муниципій, и Веспасіанъ содѣйствовалъ къ тому убѣжденіями.

35. Впрочемъ зловонныя испаренія земли, кровью пропитанной,

не позволили долго оставаться на развалинахъ погибшаго города. Войско выступило впередъ до третьяго милеваго камня и тутъ приведены въ порядокъ и помѣщены каждый подъ свои значки скитавшіеся и оробѣвшіе Вителліевы воины. Побѣжденные легіоны для того, чтобы въ продолжавшуюся еще гражданскую войну не поступили двусмысленно, разсѣяны по Иллирику. А для того, что бы дать знать о случившемся, отправлены въ Британію и Испанію гонцы (впрочемъ молва сама взялась сдѣлать ихъ дѣло): въ Галлію—Юлій Каленъ трибунъ, въ Германію—Альпинъ Монтанъ, префектъ когорты, изъ нихъ послѣдній Тревиръ, а Каленъ и Эдуй оба были приверженцами Вителлія. Переходы черезъ Альпы заняты военными отрядами; подозрѣвали Германію, будто бы она готовится на помощь Вителлію.

36. А Вителлій по отъѣздѣ Цецины не много дней спустя отправилъ на войну и Фабія Валенса, а самъ позабывалъ всѣ заботы въ наслажденіяхъ: ни къ войнѣ нисколько не готовился, ни на воиновъ не старался дѣйствовать убѣжденіями и упражненіями; но скрываясь подъ тѣнью садовъ,—подобно безпечнымъ животнымъ, которымъ если дать корму, то они лежатъ въ бездѣйствіи,—прошлое, настоящее и будущее предавалъ одинаковому забвенію. Но и его, коснѣвшаго въ праздности въ Арицинской рощѣ, поразили измѣна Луцилія Басса и отпаденіе Равенскаго флота. Немного спустя приходитъ извѣстіе о Цецинѣ, прискорбное и вмѣстѣ радостное, что онъ измѣнилъ было, но войскомъ заключенъ въ оковы. На безпечный характеръ Вителлія радость подѣйствовала сильнѣе заботы. Съ большимъ торжествомъ вернулся онъ въ городъ и передъ многолюднымъ собраніемъ осыпалъ похвалами преданность воиновъ. П. Сабина, префекта преторія, за дружбу съ Цециною велѣлъ заключить въ оковы, и на его мѣсто назначилъ Алфена Варона.

37. Потомъ Вителлій сказалъ рѣчь передъ сенатомъ въ такомъ же торжественно пышномъ тонѣ; самыя изысканныя выраженія лести были на нее отвѣтомъ. Починъ строгаго надъ Цециною приговора сдѣланъ Л. Вителліемъ, а въ слѣдъ за нимъ и прочіе въ притворномъ негодованіи за то, что онъ, «будучи консуломъ—государство, начальникомъ войскъ, главнокомандующаго, наконецъ друга предалъ, будучи осыпанъ такими богатствами, такими почестями», и какъ будто бы жалуясь за Вителлія, высказывали собственное горе. Но ни въ чьей рѣчи не проскользнуло ничего обиднаго для вождей Флавіевой партіи; виня заблужденіе и неразуміе войска, въ нерѣшительности избѣгали всякаго помина объ имени Веспасіана.

И нашлись охотники выпросить хоть одинъ день консульства (только онъ и оставался отъ консульства Цецины) къ большому посмѣянію и надъ тѣмъ, кто давалъ и кто принялъ. Наканунѣ календъ Ноябрскихъ Розій Регулъ и принялъ консульство, и сложилъ его. Люди знающіе дѣло замѣтили, что «прежде никогда безъ отреченія самого должностнаго лица (консула) или особеннаго на этотъ предметъ закона не замѣщали его мѣста другимъ». А консулъ на одинъ день былъ еще прежде—Каниній Ребилъ при диктаторѣ К. Цезарѣ, когда онъ торопился раздавать награды за подвиги междуусобія.

38. Въ эти дни стала извѣстна смерть Юнія Блеза и подала поводъ ко многимъ толкамъ; о ней такъ намъ передано: Вителлій, страдая сильно тѣлесною болѣзнью, изъ Сервиліанскихъ садовъ замѣтилъ что находившаяся по сосѣдству башня ночью засвѣтилась яркими огнями. На распросы его о причинѣ, извѣщенъ былъ, «что у Цецины Туска пируетъ много гостей и особенный почетъ Юнію Блезу». Подробности преувеличены—относительно приготовленій и образа мыслей склоннаго къ чему-нибудь рѣшительному. Нашлись, которые ставили въ вину самому Туску и другимъ, но болѣе всѣхъ Блезу то, что онъ проводитъ время въ веселостяхъ тогда, когда государь боленъ. Когда Вителлій былъ раздраженъ и возможность погубить Блеза сдѣлалась достаточно вѣроятною для тѣхъ, кто привыкли разсчитывать на приступы неудовольствія государя, выдвинули на первый планъ Л. Вителлія—доносчикомъ. Онъ ненавидѣлъ Блеза по чувству преступной зависти, такъ какъ тотъ его, запятнаннаго всякаго рода позоромъ, далеко опережалъ отличною репутаціею, уходитъ въ опочивальню императорскую, обнимаетъ его сына, прижимаетъ къ груди и, припавъ съ нимъ вмѣстѣ къ колѣнамъ Вителлія, на вопросъ его: чѣмъ онъ такъ разстроенъ? высказался такъ: «не изъ собственныхъ опасеній и не за себя тревожась, но за брата, за его дѣтей явился онъ съ мольбою и слезами. Напрасно было бы бояться Веспасіана, котораго не допустятъ сюда столько Германскихъ легіоновъ, столько провинцій вѣрныхъ доблестью, наконецъ столь необозримое протяженіе земель и морей. Нужно беречься врага здѣсь въ городѣ (Римѣ) того, кто хвалится предками Юніями и Антоніями, кто, будучи отъ корня императорскаго, показываетъ себя къ воинамъ ласковымъ и щедрымъ. Въ ту сторону обращаются мысли всѣхъ, между тѣмъ какъ Вителлій, невнимательный и къ друзьямъ недругамъ, лелѣетъ соперника, который съ пиршества любуется на страданія государя. За такую безвременную веселость нужно сдѣ-

лать ему ночь печальною и похоронною. Пусть онъ узнаетъ и почувствуетъ, что Вителлій живъ и властвуетъ, а если что съ нимъ по волѣ судебъ и случится, то имѣетъ сына.

39. Когда онъ колебался между преступленіемъ и страхомъ, то, дабы отложивъ смерть Блеза не ускорить собственную гибель, а явно отдавъ приказаніе его умертвить, не навлечь общаго сильнаго неудовольствія, заблагоразсудили дѣйствовать ядомъ. Злодѣйству придалъ вѣроятіе благородною радостью, пожелавъ видѣть Блеза. При этомъ слышали звѣрское слово Вителлія; онъ, привожу его собственное выраженіе, оробѣлъ, видя смерть врага». Блезъ, кромѣ знатнаго происхожденія и прекрасной нравственности, былъ упоренъ въ вѣрности. При совершенно еще прочномъ положеніи дѣлъ, ухаживали за нимъ Цецина и люди стоявшіе во главѣ парти, уже презирая Вителлія, но онъ упорно отклонялъ ихъ предложенія: святой жизни, врагъ смутъ, онъ не домогался никакой внезапной почести, ни даже государствованія, избѣгая того, какъ бы его не сочли достойнымъ.

40. Между тѣмъ Фабій Валенсъ со многочисленною свитою изнѣженныхъ наложницъ и эвнуховъ шелъ медленнѣе, чѣмъ на войну, отъ поспѣшныхъ гонцовъ узналъ о томъ, что флотъ Равенскій преданъ Луциліемъ Бассомъ. Еслибы онъ ускорилъ начатое имъ движеніе, то упредилъ бы колебавшагося Цецину или могъ бы нагнать легіоны прежде рѣшительнаго боя. И не было недостатка въ тѣхъ, которые ему внушали, чтобы онъ съ самыми преданными ему личностями отправился въ Гостилію и Кремону, миновавъ Равенну. Другимъ болѣе нравилось: «призвавъ изъ города преторіанскія когорты, прорваться силою». Самъ Валенсъ въ безплодной нерѣшительности тратилъ то время, когда нужно было бы дѣйствовать, на совѣщанія. Потомъ, пренебрегши и тѣмъ и другимъ совѣтомъ и—а это въ опасномъ положеніи дѣлъ всего хуже—избравши середину, и недостаточно былъ смѣлъ, и мало предусмотрителенъ.

41. Онъ послалъ письмо къ Вителлію, прося помощи; пришли три когорты съ Британскимъ эскадрономъ въ количествѣ, которое негодилось ни для дѣйствія хитростью, ни силою. Но Валенсъ, и при такомъ опасномъ положеніи дѣлъ, не чуждъ былъ дурной славы, что хватаетъ недозволенныя наслажденія; полагали, что онъ осквернялъ дома дававшихъ ему гостепріимство—соблазномъ замужнихъ женщинъ и дѣвицъ; дѣйствовалъ силою и деньгами и чѣмъ власть ближе была къ паденію, тѣмъ неумѣренные было его желаніе пользоваться. Наконецъ, съ приходомъ пѣхоты и конницы, обнаружилась

вся несостоятельность плана дѣйствій Валенса; съ такими небольшими силами, какъ бы они вѣрны ни были, и невозможно было проникнуть черезъ ряды непріятелей, да и вѣрность ихъ была не совсѣмъ надежна. Впрочемъ задерживали ихъ еще стыдъ и уваженіе къ вождю, находившемуся тутъ же; но не надолго могло это быть уздою людей жаждавшихъ опасностей и не отступавшихъ ни передъ чѣмъ безчестнымъ. Въ такомъ опасеніи, Валенсъ посылаетъ когорты впередъ въ Ариминъ, а всадникамъ отдаетъ приказаніе прикрывать тылъ; а самъ въ сопровожденіи немногихъ, на кого не подѣйствовала перемѣна счастія, повернулъ въ Умбрію, а оттуда въ Этрурію; а тутъ узнавъ объ исходѣ Кремонской битвы, затѣялъ планъ дѣйствія не глупый и въ случаѣ успѣха смѣлый, схвативъ суда, высадиться въ какой-либо части Нарбонской провинціи и Галліи, войско и Германскіе народы вызвать на новую войну.

42, Съ удаленіемъ Вителлія, воиновъ, занявшихъ Ариминъ и находившихся въ тревогѣ, Корнелій Фускъ окружилъ и съ суши и съ моря, пододвинувъ войска и пославъ вдоль ближайшаго берега легкія (либурнскія) суда. Заняты ровныя мѣста Умбріи и вся Пиценская область сколько ее омываетъ Адріатическое море, Вся Италія была теперь раздѣлена между Веспасіаномъ и Вителліемъ Апеннинскими горами. Фабій Валенсъ изъ Пизанскаго залива, суровымъ моремъ или неблагопріятными вѣтрами, загнатъ въ портъ Геркулеса Монэка (одноокаго). Недалеко оттуда находился Марій Матуръ, прокураторъ морскихъ Альпъ, преданный Вителлію, вѣрности къ которому онъ еще не измѣнилъ, хотя все кругомъ было враждебно. Онъ—Валенса принялъ ласково, но внушеніями своими стращалъ его: чтобы самонадѣянно не входилъ въ Нарбонскую Галлію. Опасенія сломили вѣрность остальныхъ приверженцевъ Валенса; такъ какъ всѣ окрестныя мѣстности прокураторъ Валерій Павллинъ, знатокъ военнаго дѣла, и другъ Веспасіана до его возвышенія, привелъ къ присягѣ на вѣрность ему.

43. Вызвавъ всѣхъ, которые, будучи уволены Вителліемъ, добровольно искали военной службы съ вооруженнымъ отрядомъ, охранялъ колонію Форумъ-юліенскую, ключъ къ владѣнію моремъ, и тѣмъ съ бо́льшимъ значеніемъ, что отечество Павллина Форумъ-юлія, и честь отъ преторіанцевъ, которыхъ когда-то онъ былъ трибуномъ. Даже поселяне, изъ привязанности къ своему городу и въ надеждѣ будущаго значенія, силились оказать содѣйствіе партіи (Веспасіана). Когда все это казалось вѣрнымъ и готовымъ, да и молвою было

еще преувеличено, то оно поразило и безъ того непостоянные умы Вителліанцевъ. Фабій Валенсъ съ четырьмя тѣлохранителями и тремя друзьями, такимъ же числомъ сотниковъ, вернулся къ судамъ; а Матуръ и прочіе остались добровольно и приведены къ присягѣ на вѣрность Веспасіану. Впрочемъ Валенсу, если и безопаснѣе было море, чѣмъ берега или города, то о томъ, что будетъ, онъ оставался въ сомнѣніи и болѣе увѣренный въ томъ, чего нужно избѣгать, чѣмъ кому довѣрять, непогодами занесенъ на Стохады, острова Массилійцевъ; тутъ его захватили посланныя Павллиномъ легкія суда.

44. По взятіи Валенса, все обратилось къ усилившемуся побѣдителю. Начало сдѣлано въ Испаніи первымъ легіономъ, носившимъ наименованіе «помощника», а онъ, дорожа памятью Отона, былъ враждебенъ Вителлію, и увлекъ за собою десятый и шестой. Да и Галліи не медлили. И Британнію—особенное расположеніе къ Веспасіану, такъ какъ онъ тамъ былъ поставленъ отъ Клавдія начальникомъ втораго легіона и дѣйствовалъ на войнѣ со славою, увлекло не безъ волненія впрочемъ остальныхъ легіоновъ, въ которыхъ большинство сотниковъ и воиновъ, получивъ повышеніе отъ Вителлія, съ безпокойствомъ мѣняли уже испытаннаго государя.

45. При такомъ разномысліи и частыхъ доходившихъ слухахъ о войнѣ между гражданами, Британцы поободрились духомъ подъ руководительствомъ Венуція; а онъ, кромѣ природной отважности и закоренѣлой ненависти къ имени Римскому, имѣлъ еще личныя причины неудовольствія противъ царицы Картисмандуи. Она господствовала надъ Бригантами, была очень знатнаго происхожденія, а могущество ея еще увеличилось, когда, хитростью захвативъ царя Карактака, она повидимому устроила торжество Клавдія Цезаря. Оттого, то стала она богата средствами, и жила роскошно, такъ какъ все ей благопріятствовало; отвергнувъ съ презрѣніемъ Венуція (онъ былъ ей мужъ), она его оруженосца Веллоката взяла въ супружество и соправительство царствомъ. Это преступленіе потрясло тотчасъ же ея домъ. За мужа — сочувствіе всѣхъ гражданъ, а за любовника—воля царицы и ея жестокость. Вслѣдствіе этого Венуцій, призвавъ союзниковъ, и вслѣдствіе отпаденія самихъ Бригантовъ, поставилъ Картисмандую въ самое затруднительное положеніе. Тогда стали просить помощи Римлянъ; наши пѣхотные и конные полки, борьбою съ разнообразными перемѣнами, выручили впрочемъ царицу изъ опасности. Царство осталось Венуцію, а намъ война.

46. Въ это же время взволновалась и Германія, вслѣдствіе недѣятельности вождей и возстанія легіоновъ. Внѣшнимъ насиліемъ, вѣроломствомъ союзниковъ Римскому господству нанесенъ былъ почти рѣшительный ударъ. Войну эту съ ея причинами и событіями (такъ какъ она далеко пошла) мы вслѣдъ за симъ изложимъ. Зашевелился и народъ Даковъ никогда не надежный въ вѣрности, а теперь и внѣ опасеній, такъ какъ войско выведено изъ Мезіи. Сначала Даки спокойно смотрѣли на то, что дѣлалось, но когда узнали, что война охватила Италію, и что все взаимно враждебно, они взяли силою зимнія помѣщенія когортъ и эскадроновъ и заняли оба берега Дуная. Уже готовились они истребить лагерь легіоновъ, но Муціанъ выставилъ противъ нихъ шестой легіонъ, зная о побѣдѣ Кремонской, и не желая допустить одновременнаго съ двухъ сторонъ вторженія иноземцевъ, что случилось бы, если бы прорвались и Даки и Германцы. Помогло, какъ и не разъ въ другихъ мѣстахъ, и тутъ счастіе народа Римскаго, занесшее именно туда Муціана съ силами Востока, а также и то, что подъ Кремоною дѣло уже окончилось. Фонтейй Агриппа изъ Азіи (за консула онъ управлялъ этою провинцію съ властью на годъ) сдѣланъ начальникомъ Мезіи; прибавлены ему силы изъ бывшаго Вителліева войска; его разсѣять по провинціямъ и пустить въ войну съ чужестранцами было соображеніемъ для обезпеченія мира. Да и прочіе народы не молчали.

47. Неожиданную войну въ Понтѣ затѣялъ рабъ изъ иноземцевъ, когда-то начальникъ царскаго флота; то былъ Аницетъ, отпущенникъ Полемона, когда-то крайне могущественный, а съ тѣхъ поръ, какъ царство обращено въ провицію, нетерпѣливо ждавшій перемѣны. Вслѣдствіе этого онъ, дѣйствуя отъ имени Вителлія, призвавъ народы, жившія по сосѣдству съ Понтомъ, и соблазнивъ всѣхъ бѣдняковъ надеждою грабежа, предводитель немаловажнаго отряда, нечаянно ворвался въ Трапезунтъ, городъ изстари славный, воздвигнутый Греками на самомъ отдаленномъ краю Понтійскаго берега. Перерѣзана тамъ когорта; прежде она составляла вспомогательный контингентъ царя, но потомъ получила въ даръ гражданство Римское, имѣла значки и оружіе совершенно наши, а своеволіе и лѣность сохранила вполнѣ Греческія. Да и флотъ сжегъ беззащитный въ морѣ, такъ какъ Муціанъ отвелъ въ Византію отборныя легкія (Либурнскія) суда и всѣхъ воиновъ. Даже дикари разсѣялись повсюду, высказывая презрѣніе, на скорую руку сдѣлали они суда (камарами ихъ называютъ), съ узкими къ верху боками и къ низу широкими безъ всякихъ желѣзныхъ или мѣдныхъ скрѣпленій; а въ

бурную погоду, когда волны подымаются высоко, они сверху судовъ накладываютъ доски, такъ что тѣ представляютъ видъ кровли; такъ они носятся по волнамъ, имѣя одинаковыя съ обѣихъ сторонъ выдающіяся части (носовыя) и свободно дѣйствуя то туда, то сюда греблею, глядя потому, въ какую сторону причалить для нихъ лучше и безопаснѣе.

48. Дѣло это обратило на себя вниманіе Веспасіана, и онъ избралъ значконосцевъ (вексилларіевъ) изъ легіоновъ и вождемъ назначилъ Виридія Гемина, отличившагося на военной службѣ. Тотъ напалъ на непріятеля неустроеннаго и разсѣявшагося изъ жадности къ добычѣ и согналъ его на суда. Поспѣшно устроивъ Либурнскія (легкія) суда, онъ нагналъ Аницета въ устьѣ рѣки Когиба, считавшаго себя безопаснымъ, вслѣдствіе покровительства царя Седохезоровъ, котораго онъ побудилъ деньгами и дарами къ содѣйствію себѣ. Сначала царь угрозами и оружіемъ пытался защитить молившаго его о заступничествѣ; но когда ему показали награду за предательство или войну, то, съ свойственнымъ дикарямъ непостоянствомъ въ вѣрности, условился онъ относительно гибели Аницета, выдалъ перебѣжчиковъ, и тѣмъ положенъ конецъ рабской войны. Когда Веспасіанъ радовался этой побѣдѣ, то все исполнялось свыше его желаній, и вѣстникъ о сраженіи Кремонскомъ настигъ его въ Египтѣ. Тѣмъ поспѣшнѣе онъ отправился въ Александрію, чтобы теперь, когда главныя силы Вителлія были сломлены, стѣснить голодомъ городъ (Римъ), который нуждался для своего существованія въ чужой помощи. Онъ готовился и на Африку, лежавшую бокъ о бокъ съ Египтомъ, сдѣлать нападеніе съ суши и съ моря, отрѣзать подвозы хлѣба и произвесть у непріятеля раздоръ и нужду.

49. Между тѣмъ какъ съ такою перемѣною (образа мыслей) всего земнаго шара судьба Имперіи переходила въ другія руки, Примъ Антоній послѣ Кремоны дѣйствовалъ уже не съ прежнимъ чистосердечіемъ; полагалъ ли онъ, что достаточно уже сдѣлалъ на войнѣ и остальное уже легко, или удачи при такихъ его наклонностяхъ вызвали проявленія корыстолюбія, надменности и другихъ дотолѣ скрытыхъ недостатковъ: съ Италіею обращался онъ какъ съ военною добычею; за легіонами ухаживалъ какъ бы за своими собственными; всѣми и словами и дѣйствіями старался проложить себѣ дорогу къ могуществу. Желая удовлетворить наклонности воиновъ къ своеволію, онъ предложилъ легіонамъ замѣстить вакансіи убитыхъ сотниковъ. Вслѣдствіе такой подачи голосовъ выбраны люди самые безпокойные; и уже не воины были въ полномъ распоряженіи вож-

дей, а вожди должны были уступать насилію воиновъ. Изъ такихъ распоряженій, клонившихся къ возмущенію и уничтоженію дисциплины, Антоній тутъ же извлекалъ свою выгоду, нисколько не остерегаясь уже приближавшагося Муціана; а это было для него гибельнѣе пренебреженія къ самому Веспасіану.

50. Впрочемъ, вслѣдствіе приближенія зимы и сырости земель по р. По, движеніе впередъ произведено только войсками на-легкѣ. Значки и орлы побѣдившихъ легіоновъ, воины ослабѣвшіе отъ ранъ или преклоннаго возраста, а большая часть даже и совершенно здоровыхъ, оставлены въ Веронѣ; казалось, такъ какъ участь войны уже рѣшена, достаточнымъ когортъ и эскадроновъ и отборныхъ изъ легіоновъ. Присоединился одиннадцатый легіонъ; въ началѣ обнаруживавшій нерѣшительность, но при благопріятномъ оборотѣ дѣлъ сталъ онъ тревожиться тѣмъ, что не принималъ доселѣ участія. Сопровождали и шесть тысячь Далматовъ, только-что набранныхъ. Велъ ихъ бывшій консулъ Поппей Сильванъ; а вся сущность распоряженій у Аннія Басса, легата легіона; онъ, подъ видомъ полной покорности, совершенно управлялъ Сильваномъ, къ военному дѣлу неспособнымъ и проводившимъ цѣлые дни въ однихъ лишь разговорахъ, и спокойно и дѣятельно совершалъ все, что нужно было. Къ этимъ войскамъ изъ моряковъ Равенскихъ, требовавшихъ служить въ легіонахъ, присоединены лучшіе по выбору, а флотъ пополнили Далматами. Войска и вожди останавливаются у храма Счастія, оставаясь въ нерѣшительности какъ поступить. Они слышали, что преторіанскія когорты выступили изъ города, и полагали, что Апеннины заняты вооруженными отрядами. Вождей приводили въ ужасъ—въ странѣ, опустошенной войною, недостатки всякаго рода и крики возмущенія воиновъ, требовавшихъ денежной платы, а не было запасено ни денегъ, ни хлѣба. Да и препятствовали поспѣшность и жадность воиновъ, съ которою они расхватывали силою то, что могли бы получить и такъ.

51. На лучшихъ и достовѣрнѣйшихъ питателей могу сослаться въ томъ, до какой степени простирались у побѣдителей не уваженіе къ законному, и законами не дозволенному; такъ простой (рядовой) всадникъ хвалился, что въ послѣднемъ сраженіи убилъ брата, и просилъ себѣ у вождей за то награжденія. А имъ почтить такое убійство не дозволяло право человѣческое, а наказать за него военные обычаи. Отложили подъ предлогомъ, что онъ заслужилъ болѣе, чѣмъ сколько возможно было бы дать ему въ настоящемъ; а что было дальше—извѣстій нѣтъ. Впрочемъ и въ прежде бывшія

усобицы между гражданами случилось такое же преступленіе: въ сраженіи, происшедшемъ у Яникула противъ Цинны, воинъ Помпеевъ убилъ своего брата, а потомъ узнавъ о преступленіи, лишилъ самъ себя жизни, какъ упоминаетъ Сизенна; такъ у предковъ болѣе было и чувствительности къ славѣ добрыми дѣлами, и живѣе раскаяніе даже въ невольномъ проступкѣ. Такія то и въ этомъ родѣ дѣянія, заимствованныя изъ воспоминаній древности, будемъ приводить, и мнѣ кажется умѣстно вездѣ, гдѣ сущность дѣла и положеніе потребуетъ или примѣровъ хорошаго, или утѣшенія въ дурномъ.

52. Антоній и вожди партіи (Веспасіановой) положили: послать впередъ всадниковъ и разслѣдовать всю Умбрію, гдѣ удобнѣе и легче можно будетъ перейдти Аппенинскія высоты; вызвать всѣхъ воиновъ, сколько ихъ осталось въ Веронѣ, съ орлами и значками, а По и море наполнить подвозами всѣхъ необходимыхъ припасовъ. Въ числѣ вождей находились и такіе, которые хотѣли протянуть дѣло: Антоній уже не зналъ мѣры и отъ Муціана ждали болѣе основательности. А онъ тревожился такою скоростью побѣды, и еслибы городъ (Римъ) заняли не въ его присутствіи, то онъ счелъ бы себя лишеннымъ участія и въ войнѣ и въ славѣ, писалъ къ Приму и Вару неопредѣлительно: то «нужно продолжать начатое», то подробно излагалъ выгоды медленности; онъ такъ все улаживалъ, чтобы, глядя по ходу дѣлъ, отъ неудачъ отречься, а дѣйствія успѣшныя признать за свои. Плотія Грифа, только-что передъ тѣмъ Веспасіаномъ пожалованнаго званіемъ сенатора и сдѣланнаго начальникомъ легіона, и другихъ ему вѣрныхъ открыто предупреждалъ. Они всѣ написали о поспѣшности Прима и Вара крайне дурно и то, что хотѣлось Муціану. Это письмо отправлено къ Веспасіану и Муціанъ сдѣлалъ то, что распоряженія и дѣйствія Антонія получили оцѣнку, далеко не соотвѣтствовавшую его ожиданіямъ.

53. Съ неудовольствіемъ принялъ это Антоній и вину слагалъ на Муціана, котораго наговоры такъ унизили его труды; да и на словахъ не зналъ умѣренности, имѣя привычку выражаться рѣзко и не вынося зависимости. Онъ сочинилъ письмо къ Веспасіану смѣлѣе, чѣмъ бы слѣдовало къ государю, и не безъ хотя и скрытаго осужденія Муціана: «онъ подвинулъ Паннонскіе легіоны къ войнѣ; по его побужденію встрепенулись вожди Мезійскіе; его твердость прорвала Альпы; онъ занялъ Италію и преградилъ путь подкрѣпленіямъ изъ Германіи и Реціи. Высокій подвигъ, и ему принадлежитъ, что онъ сначала грознымъ натискомъ конницы, а потомъ силою

пѣхоты сокрушилъ несогласные и разбросанные легіоны Вителлія въ теченіи дня и ночи. Несчастіе Кремоны есть необходимость войны; съ большимъ вредомъ, съ гибелью гораздо большаго числа городовъ, сопряжены были старинныя смуты гражданъ и дороже стоили они отечеству. Не гонцами и письмами, но на полѣ сраженія личнымъ мужествомъ и оружіемъ доказываетъ онъ свою службу императору. И не затмѣваетъ онъ славу тѣхъ, которые между тѣмъ устроиваютъ дѣла Азіи; имъ нужно умиротворить Мезію, а ему, Муціану, дороги безопасность и спасеніе Италіи. По его (Муціана) убѣжденію Галліи и Испаніи, самая сильная часть земель, обратились къ Веспасіану. Но вотще будутъ труды его, если награды за опасности и труды получатъ тѣ, кто опасностей и въ глаза не видали». Не скрылось это отъ Муціана и вслѣдствіе это важныя неудовольствія; Антоній и въ нихъ дѣйствовалъ просто, а Муціанъ хитро скрылъ, но тѣмъ неумолимѣе была его ненависть.

54. А Вителлій послѣ удара, нанесеннаго ему подъ Кремоною, держалъ втайнѣ пораженіе, въ безразсудной скрытности препятствуя себѣ помочь бѣдѣ, чѣмъ ея развитію. Еслибы онъ созналъ положеніе дѣлъ и обдумалъ бы его съ другими, то еще было было бы достаточно и надеждъ и силъ; а когда онъ напротивъ все выставлялъ въ видѣ веселомъ (благопріятномъ), то положеніе его становилось все хуже отъ такой лжи. Удивительное у него самого соблюдалось молчаніе о войнѣ, и по городу запрещены разговоры о ней; вслѣдствіе этого было ихъ больше, и будь дозволено, высказывали бы правду, а по случаю запрещенія представляли все еще хуже, чѣмъ было. Да и вожди непріятелей не преминули развивать эти преувеличенные толки; захватывая въ плѣнъ лазутчиковъ Вителія, они отпускалли ихъ назадъ, поводивъ по всему войску и познакомивъ со всѣми его силами; а Вителлій, распросилъ ихъ втайнѣ, велѣлъ всѣхъ предать смерти. Замѣчательна твердость сотника Юлія Агреста; послѣ многихъ разговоровъ, которыми онъ тщетно старался возбудить въ Вителліи мужество, онъ убѣдилъ послать его осмотрѣть силы непріятелей и узнать, что происходило у Кремоны. Онъ не хотѣлъ и пытаться обмануть Антонія, развѣдавъ тайно; но, высказавъ ему прямо порученія императора и свой образъ мыслей, просилъ, чтобы ему все показали. Посланы показать ему мѣсто сраженія, слѣды Кремоны и взятые легіоны. Агрестъ вернулся къ Вителлію, и когда тотъ отрицалъ справедливость принесенныхъ имъ извѣстій и попрекалъ его,

будто бы онъ подкупленъ другою стороною. «Вижу я,—сказалъ Агрестъ,—что тебѣ необходимо сильное доказательство и такъ какъ и жизнь и смерть моя тебѣ ни на что уже болѣе не нужны, то и представлю такое доказательство, которому ты повѣришь. Съ тѣмъ онъ и ушелъ отъ него и добровольною смертью скрѣпилъ свои слова. Нѣкоторые передаютъ, будто онъ убитъ по приказанію Вителлія, а относительно его вѣрности и твердости совершенно тоже (что изложено выше).

55. Вителлій, какъ бы встрепенувшись отъ сна, отдаетъ приказаніе Юлію Приску и Альфену Вару съ 14 преторіанскими когортами и всѣми эскадронами конницы занять Аппенины. Послѣдовалъ за ними и флотскій легіонъ. Столько тысячъ вооруженныхъ, отборная пѣхота и конница,—будь другой вождь,—представляли бы въ себѣ достаточно силы и для дѣйствій наступательныхъ. Остальныя когорты ввѣрены брату (императора) Л. Вителлію для защиты города; а самъ императоръ нисколько не измѣняя своего роскошнаго образа жизни и въ самой недовѣрчивости торопливый спѣшилъ выборами, которыми назначалъ консуловъ на многіе годы впередъ; щедро раздавалъ союзникамъ льготы, чужестранцамъ—права Лаціума: съ однихъ слагалъ повинности, а другихъ увольнялъ отъ нихъ вовсе; наконецъ безъ всякой заботливости о томъ, что будетъ послѣ, терзалъ государство. Но масса готова была принимать благодѣянія въ размѣрѣ столь широкомъ: люди недальные охотно давали себя подкупать деньгами, а люди разумные считали ничтожнымъ (недѣйствительнымъ) то, чего и давать и принимать невозможно было безъ существеннаго вреда государству. Наконецъ, уступая сильному желанію войска, занявшаго Меванію, въ сопровожденіи множества сенаторовъ, которые послѣдовали за нимъ—многіе изъ честолюбія, а большая часть изъ страха, Вителлій прибылъ въ лагерь нерѣшительный духомъ и легко доступный злонамѣреннымъ совѣтамъ.

56. Когда онъ говорилъ къ войску,—чудно и сказать,—налетѣло такое множество гадкихъ птицъ, что какъ бы чернымъ облакомъ затмили дневной свѣтъ. Присоединилось и еще зловѣщее предзнаменованіе: быкъ убѣжалъ съ алтаря, разметавъ приготовленія къ жертвоприношенію, и далеко не тамъ, гдѣ по закону дозволялось зазакалывать жертвенныхъ животныхъ, зарѣзанъ. Но главнымъ чудовищнымъ явленіемъ былъ самъ Вителлій, чуждый знанія военнаго дѣла, не могшій рѣшиться на какой-либо планъ дѣйствія; онъ распрашивалъ другихъ: какой порядокъ движенія войска, какъ производится рекогносцировка, какимъ способомъ ускорить или замед-

лить военныя дѣйствія; при каждомъ извѣстіи страхъ выражался на его лицѣ и походкѣ, потомъ онъ напивался пьянъ. Наконецъ надоѣло ему въ лагеряхъ и, услыхавъ объ отпаденіи Мизенскаго флота, онъ вернулся въ Римъ, робѣя передъ каждымъ свѣжимъ бѣдствіемъ и не думая о главной опасности. Между тѣмъ ясна была необходимость—перейдти Аппенины со всѣми силами его совершенно свѣжаго войска, аттаковать непріятеля измученнаго зимнимъ времеемъ и недостатками, а Вителлій дробилъ силы; лучшихъ воиновъ, упорствовавшихъ до послѣдней минуты, предалъ на убіеніе и плѣнъ; самые опытные сотники не согласны были (съ такимъ образомъ дѣйствій), и еслибы съ ними посовѣтовались, сказали бы правду. Отстранили ихъ самые приближенные друзья Вителлія; а слухъ государя такъ уже пріобыкъ, чтобы встрѣчать съ неудовольствіемъ совѣты на полезное, а охотно лишь то, что пріятно, а впослѣдствіи должно обратиться ко вреду.

57. Но флотъ Мизенскій (въ несогласіяхъ между гражданами такую силу имѣетъ рѣшительность и отдѣльныхъ личностей) Клавдій Фавентинъ сотникъ, съ безчестіемъ получившій отъ Гальбы отставку, увлекъ къ отпаденію, показавъ мнимое письмо Веспасіана, обѣщавшее награду за измѣну. Флотомъ начальствовалъ Клавдій Аполлинарій, въ вѣрности нетвердый и на вѣроломство недостаточно дѣятельный. Апиній Тиро, бывшій преторомъ, въ то время случайно находился въ Минтурнѣ и предложилъ себя вождемъ измѣнникамъ. Ими увлечены колоніи муниципіи при особенномъ усердіи Путеоланцевъ къ Веспасіану, а напротивъ Капуя оставалась вѣрною Вителлію; взаимное соперничество городовъ находило себѣ пищу въ гражданскихъ смутахъ. Вителлій избралъ Клавдія Юліана (онъ недавно и съ большою снисходительностью начальствовалъ Мизенскимъ флотомъ) задобрить умы воиновъ; на помощь дана городская когорта и гладіаторы, котерыми начальствовалъ К. Юліанъ. Когда оба лагеря расположены были одинъ возлѣ другаго, Юліанъ не долго колебался и перешелъ на сторону Веспасіана; занята Таррачина, болѣе защищенная мѣстоположеніемъ и стѣнами, чѣмъ соображеніями тѣхъ, кто въ ней были.

58. Когда это узналъ Вителлій, то оставивъ часть войскъ въ Нарни съ префектами преторія, брата Л. Вителлія съ шестью когортами и пятью стами всадниками, отправилъ на встрѣчу войнѣ, начавшейся въ Кампаніи; а самъ, страдая духомъ, находилъ себѣ ободреніе въ усердіи воиновъ и крикахъ народа, требовавшаго оружія: массу, ни на что негодную и ни на что кромѣ словъ нерѣ-

шившуюся бы, величаетъ грознымъ для виду названіемъ *войска* и *легіоновъ*. По убѣжденію отпущенниковъ (а изъ друзей кто чѣмъ знатнѣе, тѣмъ менѣе можно было ему довѣряться), отдаетъ приказаніе—созвать трибы. Давшихъ имена приводитъ къ присягѣ; при наплывѣ толпы завѣдываніе выборами поручилъ консуламъ. Сенаторамъ приказано выставить извѣстное число рабовъ и количество серебра. Всадники Римскіе предложили содѣйствіе и деньги; даже отпущенники, какъ милости, просили также позволенія участвовать. Такая готовность служить, внушенная страхомъ, была перетолкована какъ знакъ расположенія. Да и большинство если и сострадало, то не столько Вителлію, сколько несчастной участи и положенію высшаго лица въ государствѣ. Да и самъ онъ былъ тутъ же: выраженіемъ лица, голоса, слезами выманивалъ онъ состраданія; щедръ былъ на обѣщанія и, какъ то обыкновенно бываетъ съ людьми встревоженными, не зналъ ни въ чемъ мѣры. Даже хотѣлъ, чтобы ему дали наименованіе Цезаря, которымъ онъ было пренебрегъ ранѣе; но тутъ онъ приписывалъ этому наименованію суевѣрное значеніе, и при опасности одинаково внимаютъ и совѣтамъ людей умныхъ и толкамъ простонародья. Впрочемъ, какъ всякое начинаніе по первому побужденію, а не зрѣло обдуманное, сперва горячо принятое, отъ времени все слабѣло; мало по малу разошлись сенаторы и всадники сначала исподоволь (медленно), потомъ, въ особенности где его (Вителлія) самаго не было, то даже съ пренебреженіемъ и безъ разбора; наконецъ Вителлій, стыдясь безплодныхъ усилій, самъ освободилъ ихъ отъ того, чего они не давали.

59. Если Италія поражена была ужасомъ при занятіи Меваніи и возобновленіи войны какъ бы сначала, такъ несомнительное участіе къ сторонѣ Веспасіана вызвало столь робкое удаленіе Вителлія. Возстали Самниты, Пелигны и Марсы, соревнуя Кампаніи, что она ихъ предупредила, и какъ всегда подъ новою властью, высказывали готовность принять всѣ обязанности войны. Но въ суровую зиму отъ перехода черезъ Альпы сильно пострадало войско и тутъ-то обнаружилось, какой опасности подвергалось бы оно, еслибы судьба не возвратила Вителлія, а она за вождей Флавіевой партіи сдѣлала покрайней мѣрѣ столько же, сколько и ихъ сображенія. Тутъ встрѣтили они Петилія Церіалиса, котоорый въ одеждѣ поселянина и, благодаря знанію мѣстности, ушелъ отъ сторожей Вителліевыхъ. Церіалисъ состоялъ въ близкомъ родствѣ съ Веспасіаномъ и самъ не безъ славы исполнялъ военную службу, вслѣдствіе чего и принятъ въ число вождей. Что Флавію

Сабину и Домиціану представлялась возможность уйдти—многіе передали. И посланные отъ Антонія вѣстники проникали, обманывая разными способами и показывая мѣста и средства защиты. Сабинъ ссылался на слабость здоровья, не позволявшую ему напряженій и смѣлой дѣятельности: Домиціану и хватало мужества, но Вителлій окружилъ его стражами; хотя они и давали слово бѣжать съ нимъ вмѣстѣ, но ихъ опасались, какъ будто тутъ они дѣйствовали изъ коварнаго умысла. А самъ Вителлій, заботясь о собственной роднѣ, ничего враждебнаго не готовилъ противъ Домиціана.

60. Когда вожди партіи (Флавіевой) прибыли въ Карсулы, немного дней употребили они на отдохновеніе, пока настигли ихъ орлы и значки легіоновъ. Нравилось и самое мѣсто лагерей, такъ какъ оттуда былъ видъ на далекое пространство; безопасенъ былъ подвозъ припасовъ и съ тылу находились самыя цвѣтущія муниципіи. Вмѣстѣ велись переговоры съ Вителліанцами, находившимися въ разстояніи десяти миль, и надѣялись, что они передадутся. Воины все это переносили съ досадою и предпочитали лучше побѣду, чѣмъ миръ; не хотѣли даже дождаться и своихъ легіоновъ, видя въ нихъ болѣе товарищей въ раздѣлѣ добычи, чѣмъ опасностей. Позвавъ на собраніе, Антоній имъ внушилъ: «у Вителлія есть еще силы, нерѣшительныя когда идутъ совѣщанія, а если довести ихъ до отчаянія, то опасныя. Начало гражданскихъ усобицъ зависитъ отъ случайностей, но побѣда достается лишь разумнымъ и основательнымъ усиліямъ. Уже отпали (отъ Вителлія) и флотъ и лучшія мѣста Кампанскаго прибрежья и отъ обладанія вселенною осталось Вителлію только то пространство земли, которое есть между Таррачиною и Нарни. Снискано довольно славы Кремонскимъ сраженіемъ, и безславія гибелью Кремоны; пусть же они лучше желаютъ спасти Римъ, чѣмъ взять приступомъ; большая ихъ ждетъ награда и гораздо бо́льшая слава, если они, безъ пролитія крови, обезпечатъ безопасность сената и народа Римскаго.

61. Этими и въ родѣ этихъ увѣщаніями смягчены умы. Немного послѣ пришли легіоны. Вителліевы когорты находились въ нерѣшительности вслѣдствіе ужаса и слуха о приращеніи войска (новыми силами); никто ихъ не убѣждалъ воевать, а многіе склоняли къ переходу, наперерывъ хлопоча передать свои сотни и взводы въ даръ побѣдителю и заискать его милостей на будущее время. Черезъ нихъ узнали, что Интерамна въ близь лежащей равнинѣ занята отрядомъ четырехсотъ всадниковъ. Посланъ тотчасъ Варъ

съ легкимъ отрядомъ; немногіе, пытавшіеся сопротивляться, были умерщвлены, а большинство, отбросивъ оружіе, просили прощенія; нѣкоторые бѣжали въ лагерь и тамъ все переполнили страхомъ, увеличивая своими толками доблесть и силы непріятелей, съ цѣлью уменьшить позоръ оставленнаго ими военнаго поста. Притомъ же у Вителліанъ за дурные поступки не было никакого наказанія; награды за измѣну подорвали преданность, и осталось только состязаніе вѣроломства; одинъ за другимъ перебѣгали трибуны и сотники, такъ какъ простые воины еще упорствовали за Вителлія; наконецъ Прискъ и Альфенъ, оставивъ лагери, вернулись къ Вителлію и освободили всѣхъ отъ стыда измѣны.

62. Въ это же время Фабій Валенсъ умерщвленъ въ тюрьмѣ въ Урбинѣ, голову его показали Вителліевымъ когортамъ, дабы они больше не питали никакой надежды; такъ какъ они были того убѣжденія, что Валенсъ перешелъ въ Германію и собираетъ тамъ и прежнія и новыя войска. Видя его убитымъ, перешли къ отчаянію, а Флавіево войско приняло смерть Валенса съ неописаннымъ воодушевленіемъ, какъ конецъ войнѣ. Валенсъ родился въ Ананьѣ отъ всадническаго семейства: не строгой нравственности, умомъ обиженъ не былъ; добивался славы человѣка ласковаго и обходительнаго свободою жизни. На играхъ Ювенальскихъ при Неронѣ, будто бы по необходимости, а потомъ и съ охотою, бралъ на себя роли актеровъ съ большимъ искусствомъ, чѣмъ согласно съ требованіями чести. Будучи легатомъ легіона, и ухаживалъ за Вергиніемъ, и очернилъ его. Фонтея Капитона умертвилъ или какъ преступника, или потому, что не былъ въ состояніи вовлечь его въ преступленіе. Предатель Гальбы, Вителлію оставался вѣрнымъ и извѣстность снискалъ вѣроломствомъ другихъ.

63. Отовсюду порваны надежды, и Вителліевы воины, переходя на сторону (Веспасіана), хотѣли сдѣлать это не безъ приличной обстановки и подъ значками и знаменами спустились въ ровнину, окружавшую Нарни. Флавіево войско, какъ на сраженіе, выстроилось въ полномъ парадѣ, обставивъ дорогу густыми рядами. Вителліанцы приняты въ середину и окруженнымъ Примъ Антоній сказалъ нѣсколько ласковыхъ словъ; приказано одной части (Вителліева войска) оставаться въ Нарни, а другой въ Интерамнѣ; оставлены вмѣстѣ легіоны изъ побѣдившихъ въ количествѣ и не такъ значительномъ, чтобы имъ быть въ тягость, если они будутъ оставаться въ покоѣ и достаточномъ для обузданія какихъ-либо вспышекъ. Не переставали въ теченіи этихъ дней Примъ и Варъ часто

посылать гонцовъ къ Вителлію, предлагая ему безопасность, деньги и уединеніе въ Кампаніи, «если, положивъ оружіе, онъ и себя и дѣтей предоставитъ въ распоряженіе Веспасіана». Въ такомъ же родѣ и Муціанъ написалъ письмо, которому въ особенности довѣрялъ Вителлій, ведя переговоры о числѣ рабовъ и о выборѣ мѣста на берегу. Такое оцѣпенѣніе овладѣло умомъ Вителлія, что еслибы другіе не вспомнили о томъ, что онъ былъ государемъ, то онъ самъ забылъ бы.

64. Люди самые значительные по положенію въ городѣ (Римѣ) въ тайныхъ бесѣдахъ старались подѣйствовать на Флавія Сабина, префекта города: «что онъ не возьметъ своей доли побѣды и славы? Есть у него и собственные воины когортъ городскихъ; содѣйствіе найдетъ онъ въ когортахъ стражей, въ рабахъ ихъ самихъ, въ счастіи, сопровождающемъ дѣло партіи (Веспасіана), и въ томъ, что побѣдителямъ все удается. Пусть онъ не дастъ упредить себя славою Антонію и Вару. У Вителлія немного когортъ да и тѣ въ полномъ замѣшательствѣ вслѣдствіе печальныхъ отовсюду вѣстей; непостоянны умы народа, и если онъ станетъ во главѣ партіи, то та же лесть встрѣтитъ его, какая готовилась Веспасіану. Самъ Вителлій не былъ въ уровень и благопріятнымъ обстоятельствамъ, а при несчастныхъ и вовсе ослабѣлъ. Честь приведенія войны къ концу будетъ за тѣмъ, кто первый займетъ городъ. А Сабину всего приличнѣе—обезпечить верховную власть брату; она пусть будетъ Веспасіана, всѣ же прочіе пусть уже уступятъ мѣсто Сабину.

65. Не съ большою готовностью встрѣчалъ Сабинъ эти убѣжденія, ослабѣвъ отъ старости. Нашлись люди, которые тайно винили его подозрѣніями, будто бы онъ изъ зависти и соревнованія старался замедлить возвышеніе брата. Флавій Сабинъ старше лѣтами (Веспасіана), въ частной жизни превосходилъ брата и значеніемъ и богатствомъ. Полагали, что онъ помогъ паденію его кредита взявъ, въ залогъ домъ и земли его. Вслѣдствіе этого хотя повидимому и было между ними согласіе, но опасались, что есть скрытое раздраженіе. Объясняли и въ лучшую сторону, что Сабинъ, по природной мягкости характера, съ ужасомъ и отвращеніемъ смотрѣлъ на кровопролитіе и убійства, а потому въ частныхъ разговорахъ съ Вителліемъ толковалъ о мирѣ и о томъ, какъ бы положить оружіе на договорѣ». Часто собирались они въ домъ, наконецъ они уладились,—таковъ былъ слухъ—въ храмѣ Аполлона. Ихъ объясненія и слова имѣли двухъ свидѣтелей, Клувія Руфа и Силія Италика, а тѣмъ, которые были вдали, оставалось только наблюдать выраже-

нія лицъ: Вителлія—унылое и смиренное, а Сабина чуждо пренебреженія, а скорѣе отражало состраданіе.

66. Еслибы Вителлій могъ такъ же легко, какъ уступилъ самъ, склонить къ уступчивости умы своихъ (приверженцевъ), то войско Веспасіана вошло бы въ Римъ, не обагренный кровью. Но чѣмъ кто былъ преданнѣе Вителлію, тѣмъ упорнѣе отказывался отъ мира и соглашенія. Ставили на видъ опасность и позоръ и единственное обезпеченіе (условій) безграничный произволъ побѣдителя. И не такъ велика гордость Веспасіана, чтобы онъ стерпѣлъ Вителлія частнымъ человѣкомъ, да и побѣжденные не допустятъ этого. Такимъ образомъ состраданіе повлекло бы опасность. Конечно, самъ Вителлій старикъ и пресытился и счастіемъ и невзгодами; но какое же имя, какое положеніе будетъ сына его Германика? Теперь сулятъ деньги, и штатъ прислуги, и благословенныя мѣста Кампаніи; но когда Веспасіанъ получитъ верховную власть, то ни ему, ни его друзьямъ, ни самому наконецъ войску не будетъ полной безопасности, иначе, какъ съ гибелью соперника. Самый Фабій Валенсъ, котораго они взяли въ плѣнъ и берегли на сомнительный случай, и то казался имъ опаснымъ. Конечно Примъ, Фускъ и мнимая глава партіи Муціанъ, если имѣютъ какое-либо право въ отношеніи Вителлія, то одного лишь убійства. Не оставилъ же Цезарь невредимымъ Помпея, ни Августъ—Антонія. Но можетъ ли стать выше ихъ понятіями Веспасіанъ, кліентъ Вителлія, когда Вителлій былъ сотоварищемъ Клавдія? Почему же онъ, какъ бы соотвѣтствовало сыну цензора, его собственнымъ тремъ консульствамъ, роду достигшему высокихъ почестей, въ самомъ отчаяніи не найдетъ силъ къ смѣлому и рѣшительному дѣйствію? Еще воины тверды, еще сильно усердіе народа. Наконецъ ничего не случится хуже того, къ чему добровольно стремятся. Смерть ждетъ ихъ и въ случаѣ, пораженія и въ случаѣ покорности; вся разница въ томъ, испустить ли послѣднее дыханіе при насмѣшкахъ и поруганіи, или доблестно дѣйствуя.

67. Глухъ оставался Вителлій къ совѣтамъ смѣлымъ и рѣшительнымъ. Въ мысляхъ его на первомъ планѣ были жалость и забота, какъ бы, если онъ будетъ упорствовать въ войнѣ, побѣдитель не сдѣлался неумолимъ къ его женѣ и дѣтямъ. Была у него и родительница, преклонная лѣтами, но за немного дней передъ тѣмъ она умерла и очень кстати, чтобы не присутствовать при гибели семейства; возвышеніе ея сына до верховной власти принесло ей только горе и добрую славу. Въ 15 день календъ Январскихъ, узнавъ

объ отпаденіи легіона и когортъ, находившихся въ Нарни, Вителлій въ траурной одеждѣ вышелъ изъ дворца, окруженный сѣтующимъ семействомъ. Вмѣстѣ на носилкахъ несли маленькаго сына, какъ бы въ похоронной процессіи. Голоса народа были ласковы не ко времени; воины же хранили грозное молчаніе.

68. И не нашлось никого, кто бы припоминая измѣнчивость (непостоянство) дѣлъ человѣческихъ, не былъ тронутъ этимъ зрѣлищемъ: Римскій государь, не задолго передъ тѣмъ повелитель рода человѣческаго, оставивъ мѣсто своего высокаго положенія, по городу, при всемъ народѣ, отказывается отъ имперіи (власти). Ничего подобнаго не видали и не слыхали: Диктаторъ Цезарь погибъ жертвою нечаяннаго насилія; Кай—тайнаго заговора; ночь и безъизвѣстная деревня скрыли бѣгство Нерона. Пизонъ и Гальба погибли какъ бы въ сраженіи. Вителлій въ рѣчи своей, среди своихъ воиновъ, въ глазахъ самихъ женщинъ, сказалъ немного и соотвѣтствующее настоящему горю: «уступаетъ онъ въ видахъ спокойствія и общаго блага: пусть они сохранятъ лишь память о немъ и окажутъ состраданіе брату, женѣ и невинному возрасту дѣтей». Тутъ же показывалъ онъ сына, то каждому порознь, то всѣмъ его поручая, наконецъ рыданія прервали его голосъ и онъ находившемуся тутъ консулу (то былъ Цецилій Симплекъ) кинжалъ отстегнувъ его отъ пояса сталъ передавать, какъ бы знакъ права жизни и смерти надъ гражданами. Консулъ отказывался и противились этому всѣ, кто находились въ собраніи; тогда Вителлій пошелъ какъ бы съ тѣмъ, чтобы въ храмѣ Согласія сложить знаки верховной власти и оттуда идти въ домъ брата. Еще сильнѣе поднялись крики недававшихъ ему сдѣлаться частнымъ человѣкомъ и звавшихъ во дворецъ. Преградили всякой другой путь и только одинъ по священной улицѣ оставался свободнымъ. Не зная, что и дѣлать—Вителлій возвратился во дворецъ. Но слухъ уже разнесся, что онъ отрекается отъ власти и Флавій Сабинъ написалъ трибунамъ когортъ, чтобы они сдержали воиновъ.

69. Вслѣдствіе этого, какъ бы все уже общественное дѣло сосредоточивалось въ рукахъ Веспасіана; знатнѣйшіе сенаторы, очень многія лица всадническаго сословія, всѣ воины городскіе и стражи наполнили домъ Флавія Сабина. Туда принесено извѣстіе объ усердіи народа и угрозахъ Германскихъ когортъ. Но Сабинъ зашелъ далѣе, чтобы ему представилась возможность отступить и каждый, опасаясь за себя какъ бы Вителліянцы не напали на нихъ разсѣянныхъ, а потому самому и болѣе слабыхъ, понуждалъ его взять-

ся за оружіе; но, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ дѣлахъ, совѣтъ подавать готовы были всѣ, а раздѣлить опасность остались немногіе. Около озера Фундана на спускавшихся, тѣхъ, что сопровождали Сабина съ оружіемъ въ рукахъ, бросились храбрѣйшіе изъ Вителліанцевъ. Тутъ произошло сраженіе небольшое, такъ какъ самая схватка была неожиданная, но для Ветилліанцевъ удачное. Сабинъ, въ замѣшательствѣ, занялъ,—и это въ настоящую минуту была мѣра самая лучшая для безопасности,—Капитолій съ воинами и нѣкоторыми всадниками и сенаторами: имена ихъ передать не легко, потому что когда Веспасіанъ явился побѣдителемъ, то многіе присвоивали себѣ эту заслугу его дѣлу. Въ осаду попали даже женщины: между ними въ особенности замѣчательна была Верулана Гратилла; она послѣдовала не за дѣтьми или близкими, а изъ одной любви къ войнѣ. Вителліевы воины окружили запершихся (въ Капитоліи) не слишкомъ внимательною стражею, а потому ночью, когда улеглись спать, Сабинъ призвалъ въ Капитолій своихъ дѣтей и Домиціана, братнинаго сына; черезъ мѣста, оставленныя безъ вниманія стражами, послалъ гонца къ вождямъ Флавіевымъ дать знать, что «они находятся въ облежаніи, и если имъ не подадутъ помощи, то ихъ положеніе тѣсное (крайнее). А ночь (воины Вителліевы) провели такъ спокойно, что можно было бы уйдти (осажденнымъ) безъ вреда. Вообще воины Вителліевы, смѣлые въ опасности, невнимательно исполняли то, что требовало труда и бдительности. Притомъ же зимній дождь, вдругъ полившійся, препятствовалъ и смотрѣть и слушать.

70. На разсвѣтѣ Сабинъ, прежде чѣмъ начались военныя дѣйствія съ обѣихъ сторонъ, Корнелія Марціала изъ начальниковъ первыхъ ротъ послалъ къ Вителлію съ порученіями и жалобою: «условленное между ними нарушается. Конечно, все это было лишь притворство и ложный видъ сложенія власти для введенія въ заблужденіе столькихъ знаменитыхъ мужей. Зачѣмъ онъ отъ ростръ шелъ въ домъ брата, стоящій на самомъ видномъ мѣстѣ форума и какъ бы для того, чтобы привлечь общее вниманіе, а не на Авентинъ въ домъ жены, какъ бы слѣдовало человѣку частному и во избѣжаніе какихъ-либо притязаній на власть государя? А Вителлій напротивъ вернулся во дворецъ, самое такъ сказать средоточіе верховной власти: оттуда выслалъ онъ вооруженную толпу; самая многолюдная часть города покрылась тѣлами убитыхъ и ничему не причастныхъ; самаго Капитолія не остав-

ляютъ уже въ покоѣ. Мирный гражданинъ и одинъ изъ сенаторовъ, между тѣмъ какъ дѣло между Веспасіаномъ и Вителліемъ рѣшается сраженіями легіоновъ, взятіемъ городовъ, покорностью когортъ, тогда, когда уже отпали Испаніи, Германіи и Британніи, онъ, братъ Веспасіана, оставался вѣрнымъ, пока его самого не вызвали на соглашеніе. Миръ и согласіе полезны побѣжденнымъ, а для побѣдителей только увеличиваютъ славу. Если онъ, Вителлій, раскаивается въ соглашеніи, то пусть не на него, котораго обманулъ вѣроломствомъ, не на сына Веспасіана, чуть возмужавшаго, обнажаетъ мечь. Что пользы, будетъ въ гибели одного старика и одного юноши? Пусть онъ (Вителлій) идетъ на встрѣчу легіонамъ и съ ними состязается о рѣшительномъ исходѣ дѣла; все же прочее послѣдуетъ за судьбою сраженія». Смущенный этими словами, Вителлій отвѣчалъ немногое себѣ въ оправданіе, а вину слагалъ на воиновъ, излишнее усердіе которыхъ не соотвѣтствуетъ его умѣренности. Тутъ же онъ предупредилъ Марціала: «чтобы онъ тайкомъ удалился черезъ потайную часть строеній; иначе, какъ вѣстникъ ненавистнаго воинамъ мира, онъ будетъ ими убитъ». А самъ не находилъ въ себѣ достаточно силы ни приказать, ни запрещать; уже былъ онъ не императоромъ, а только поводомъ къ войнѣ.

71. Едва только успѣлъ Марціалъ вернуться въ Капитолій, какъ устремился туда въ неистовствѣ воинъ безъ всякаго вождя: каждый дѣйствовалъ по собственному усмотрѣнію: быстро двигавшеюся колонною прошли воины форумъ и храмы, надъ нимъ возвышавшіеся, и взобрались на холмъ съ первыхъ воротъ Капитолинскаго замка. Съ давняго времени по склону холма тянулись портики на правой сторонѣ для тѣхъ, кто поднимался на верхъ; взойдя на крышу портиковъ (осажденные), осыпали Вителліанцевъ каменьями и черепицами; а у Вителліанцевъ находились въ рукахъ только мечи; идти за орудіями и за стрѣлами (или вообще, что можно было бросать) казалось слишкомъ долго; бросили зажженные факелы въ наиболѣе выдававшійся портикъ, и слѣдовали за огнемъ; проникли бы въ обгорѣвшія ворота Капитолія, еслибы Сабинъ статуи, отовсюду сброшенныя,—которыми украшали это мѣсто предки, при самомъ входѣ взгромоздивъ въ родѣ стѣны, не остановилъ ихъ. Тутъ они бросились на различные входы Капитолія, подлѣ рощи пріюта и гдѣ по сотнѣ ступенекъ взбираются на Тарпейскую скалу. Никакихъ мѣръ не было принято противъ этого двойнаго нападенія; оно сильнѣе было черезъ мѣсто пріюта, такъ какъ бли-

жайшее; да и остановить невозможно было взбиравшихся через сплошныя строенія, а они, как среди глубокаго мира возводимыя все выше и выше, сравнялись съ площадью (основаніемъ) Капитолія. Тутъ является сомнѣніе, кто поджегъ зданія: осаждающіе ли, или,— и этотъ слухъ болѣе распространенный,—осажденные, для того, чтобы остановить движеніе впередъ и отбить уже зашедшихъ далеко. Огонь оттуда распространился на портикъ, примыкавшій къ зданіямъ; затѣмъ поддерживавшіе крышу орлы изъ стараго дерева привлекли пламя и дали ему пищу. Такимъ образомъ Капитолій, беззащитный и не разграбленный, съ запертыми воротами, сдѣлался добычею огня.

72. Событіе это было самымъ позорнымъ и плачевнымъ государству народа Римскаго съ того времени, какъ воздвигнутъ его городъ: при отсутствіи врага чужеземнаго, при милостивомъ, еслибы по нашей нравственности мы смѣли на него разсчитывать,—покровительствѣ боговъ, мѣстопребываніе Юпитера всемогущаго и всеблагаго, предками устроенное при лучшихъ предзнаменованіяхъ, какъ залогъ могущества—посягнуть на него не дерзнули ни Порсена по сдачѣ города, ни Галлы, взявъ его—теперь погибло отъ безумства государей. И прежде горѣлъ Капитолій въ гражданскихъ усобицахъ, но то—злоумышленіемъ частныхъ лицъ; теперь онъ явно осажденъ, явно преданъ огню. Но какая причина войны? Какое вознагражденіе было за такое страшное бѣдствіе? Не за отечество ли мы сражались?... Обѣтъ далъ Тарквиній Прискъ, царь, въ Сабинскую войну, и положилъ основаніе скорѣе въ надеждѣ на будущіе величіе, чѣмъ соотвѣтственно еще крайне скромному положенію дѣлъ народа Римскаго. За нимъ Сервій Туллій усерднымъ содѣйствіемъ союзниковъ, потомъ Тарквиній Гордый, по взятіи Сумы Помеціи, выстроили на добычу, отнятую у непріятеля. Но слава довершить дѣло оставалась для освобожденнаго Рима. По изгнаніи царей, Горацій Пульвиллъ, вторично консулъ, посвятилъ и съ такимъ великолѣпіемъ, что, и при необъятныхъ впослѣдствіи средствахъ народа Римскаго, скорѣе содѣйствовали украшенію, чѣмъ что-либо прибавили. Потомъ опять возобновленъ на тѣхъ же слѣдахъ, когда, по прошествіи 425 лѣтъ, въ консульство Л. Спиціона и К. Норбана сгорѣлъ. Попеченіе принялъ на себя побѣдитель Сулла, но впрочемъ освятилъ не онъ, и только этого одного не дало ему счастіе. Имя Лутація Катулла, и среди такихъ громадныхъ дѣлъ Цезарей, оставалось (соединеннымъ съ судьбою Капитолія) и до самаго Вителлія.

*

73. Вотъ эти-то постройки въ то время горѣли; но пожаръ нагналъ страха осажденнымъ болѣе, чѣмъ осаждающимъ, такъ какъ Вителліевъ воинъ при сомнительныхъ обстоятельствахъ не нуждался ни въ смѣтливости, ни въ твердости. А съ той стороны воины смущенные, вождь не рѣшительный всегда, а теперь какъ бы оцѣпенѣвшій умомъ, былъ какъ бы лишенъ языка и слуха: ни совѣтовъ другихъ не бралъ для руководства, ни своихъ не высказывалъ; туда и сюда метался отъ криковъ непріятельскихъ; что приказывалъ, то останавливалъ, и снова приказывалъ, отъ чего удерживалъ; потомъ, что обыкновенно случается въ дѣлахъ проигранныхъ, всѣ распоряжались, а никто не исполнялъ; наконецъ бросивъ оружіе, стали помышлять о бѣгствѣ и о томъ, какъ бы ускользнуть похитрѣе отъ непріятеля. Вителліанцы врываются и производятъ общій хаосъ кровопролитія, убійства, пожара. Не многіе изъ военныхъ людей—и изъ нихъ наиболѣе замѣчательные Корнелій Марціалъ, Эмилій Паце́нзъ, Касперій Нигеръ, Дидій Сцева дерзнули на бой и убиты. Флавія Сабина безоружнаго и бѣжать не пытавшагося окружаютъ и съ нимъ Квинкція Аттика, заслужившаго вниманіе призракомъ почести и тѣмъ, что онъ изъ пустаго тщеславія объявлялъ народу эдикты (приказы) пышно-величавые за Веспасіана и оскорбительные для Вителлія. Остальные ускользнули различными случайностями: нѣкоторые въ одеждѣ рабовъ, другіе нашли себѣ защиту въ преданности кліентовъ, спрятавшихъ ихъ подъ кучею домашней поклажи. Были и такіе, что, подхвативъ условный знакъ, которыми Вителліанцы узнавали другъ друга, сами спрашивали и давали отвѣтъ и смѣлостью нашли возможность скрыться.

74. Домиціанъ при началѣ вторженія скрылся у смотрителя храма расторопностью отпущенника, въ полотняной одеждѣ замѣшавшись въ толпу жрецовъ, и остался неузнаннымъ, а потомъ нашелъ себѣ пріютъ у Корнелія Прима, отцовскаго кліента подлѣ Велабра. Когда отецъ достигъ верховной власти, онъ (Домиціанъ), сломавъ избушку смотрителя храма, выстроилъ небольшую часовню Юпитеру, сохранителю, и поставилъ жертвенникъ, велѣвъ то, что съ нимъ случилось, вырѣзать на мраморной доскѣ. За тѣмъ, достигнувъ самъ верховной власти, посвятилъ Юпитеру хранителю огромный храмъ, гдѣ и самъ изобразилъ себя почивающимъ на лонѣ бога. Сабинъ и Аттикъ, обремененные цѣпями, поведены были къ Вителлію, приняты имъ далеко невраждебною рѣчью и выраженіемъ лица, при громкомъ ропотѣ тѣхъ, которые требовали права

умертвить ихъ, и вознагражденія за понесенные труды. Крики начались отъ ближайшихъ и самая грязная часть черни требовала казни Сабина, перемѣшивая лесть съ угрозами. Стоящаго передъ ступенями дворца Вителлія, готовившагося умолять (за Сабина), убѣдили отказаться. Тогда исколотое и истерзанное тѣло Сабина, отрубивъ ему голову, потащили къ гемоніи (мѣсто казни преступниковъ, которыхъ бросали съ лѣстницы въ Тибръ).

75. Таковъ былъ конецъ этого человѣка, конечно ни въ какомъ случаѣ не заслуживающаго пренебреженія. Тридцать пять лѣтъ служилъ онъ общему дѣлу (государству), и заслужилъ почетную извѣстность и дома и военною службою: безкорыстіе (невинность) и справедливость его остались внѣ всякаго сомнѣнія, но на словахъ онъ былъ слишкомъ невоздерженъ. Только это молва ставила ему въ вину въ продолженіи семилѣтняго управленія Мезію и двѣнадцати исполненія обязанностей префекта въ Римѣ. При концѣ жизни нѣкоторые считали его лѣнивымъ, многіе умѣреннымъ и щадившимъ кровь согражданъ. Въ одномъ всѣ согласны, что, прежде возвышенія Веспасіана на верховную власть, честь дома опиралась на Сабинѣ. Передаютъ, что убійство его было пріятно Муціану. Весьма многіе толковали: «этимъ обезпечено спокойствіе, такъ какъ не будетъ уже соперничества между двумя, изъ которыхъ одинъ имѣлъ бы въ памяти то, что онъ братъ императора, а другой, что у него есть сотоварищъ верховной власти». Но Вителлій воспротивился народу, требовавшему на казнь консула, умилостивленный и какъ бы платя тою же монетою, потому что на вопросъ: кто сжегъ Капитолій, Аттикъ назвалъ себя виновнымъ. Это—было ли признаніе или ловкая и своевременная ложь, взять на себя такое ненавистное преступленіе, и удалить подозрѣніе отъ того, чтобы это было дѣломъ Вителліевой партіи,—рѣшить трудно.

76. Въ эти же дни Л. Вителлій, поставивъ лагерь у Фероніи, грозилъ гибелью Таррачинѣ, гдѣ находились какъ бы въ заперти гладіаторы и гребцы; они не осмѣливались выйдти за стѣны и предпринять что-либо въ открытомъ мѣстѣ. Начальствовалъ, какъ мы упоминали выше, гладіаторами Юліанъ, а гребцами Аполлинарій. Своею распущенностью и безпечностью походили они сами болѣе на гладіаторовъ чѣмъ на вождей; ни карауловъ не ставили, ни укрѣпляли стѣны, гдѣ представлялась опасность; ночью и днемъ праздные громко любовались красотами берега и, разославъ воиновъ за потребностями наслажденій, о войнѣ лишь говорили на пиршествахъ. За немного дней передъ тѣмъ удалился Апиній Тиро; безпощадно

вымогалъ онъ у муниципій дары и деньги и придавалъ болѣе ненависти, чѣмъ силъ своей партіи.

77. Между тѣмъ къ Л. Вителлію перебѣжалъ рабъ Вергинія Капитона и обѣщалъ: «если только получитъ вооруженный отрядъ, то крѣпость безпрепятственно передастъ ему». Въ глубокую ночь онъ поставилъ когорты на-легкѣ надъ головами непріятелей по вершинамъ горнаго хребта, оттуда воины устремились скорѣе убивать, чѣмъ сражаться, валятъ безоружныхъ, или только-что бравшихся за оружіе, или нѣкоторыхъ лишь пробудившихся отъ сна; мракъ ночи, страхъ, звукъ трубъ, крики непріятелей—все это увеличивало смятеніе. Немногіе изъ гладіаторовъ пали сопротивляясь и не отмщенные; всѣ же прочіе бросились къ судамъ, гдѣ все полно было такимъ же страхомъ; замѣшались и поселяне; ихъ всѣхъ Вителліанцы убивали безъ разбора. Шесть легкихъ (либурнскихъ) судовъ при началѣ суматохи ускользнули и съ ними начальникъ флота Аполлинарій; а остальныя суда или взяты у берега или потонули въ морѣ, такъ какъ обременены были тяжестью бросавшихся. Юліанъ приведенъ къ Л. Вителлію сначала позорно избитъ, а потомъ въ глазахъ его (Вителлія) заколотъ. Нашлись, которые винили жену Л. Вителлія Тріарію, будто бы она, опоясавшись мечемъ военнымъ, вела себя надменно и жестоко среди воплей и бѣдствій постигшихъ жителей Таррачины, взятой приступомъ. А самъ (Л. Вителлій) послалъ брату въ знакъ удачно совершеннаго дѣла лавровую вѣтвь и спрашивалъ: немедленно ли вернуться ему прикажетъ, или заняться усмиреніемъ Кампаніи?» Это было спасительно не только сторонѣ Веспасіана, но и государству, потому что еслибы воины, послѣ свѣжей побѣды и кромѣ врожденнаго упорства, сдѣлавшись еще смѣлѣе вслѣдствіе успѣха, направились бы въ Римъ, то не миновать бы упорной борьбы и не безъ гибели городу. Л. Вителлію, хотя и дурно ославившемуся, нельзя отказать въ дѣятельности: силенъ онъ былъ не добродѣтелями какъ люди чести, но пороками, какъ самые дурные.

78. Между тѣмъ какъ это совершается со стороны партіи Вителлія войско Веспасіана, выйдя изъ Нарни, спокойно проводило праздничные дни Сатурна въ Окрикулѣ. Причина столь вреднаго замедленія была та, что дожидались Муціана. Не было недостатка въ людяхъ, которые уличали Антонія подозрѣніями, будто-бы онъ медлилъ изъ коварства послѣ тайнаго письма Вителлія, въ которомъ тотъ, какъ награду за предательство, предлагалъ ему консульство, въ замужество свою дочь и огромныя богатства въ при-

даное». Другіе говорили, что это выдумка сложенная въ удовольствіе Муціану. Нѣкоторые говорили: «всѣхъ вождей постоянно планомъ дѣйствія было было—скорѣе показывать городу войну, чѣмъ наносить: когда самыя сильныя когорты уже отпали отъ Вителлія и онъ, потерявъ все, на что могъ расчитывать, повидимому слагалъ верховную власть. Но все испорчено сначала торопливостью, потомъ робостью Сабина; онъ, взявшись самонадѣянно за оружіе, самый укрѣпленный замокъ Капитолія, которымъ и значительному войску овладѣть было бы не легко, не былъ въ состояніи защитить отъ трехъ когортъ». Не легко было одному приписать вину, которая была общая всѣмъ, такъ какъ и Муціанъ двусмысленными письмами задерживалъ побѣдителей, и Антоній несвоевременнымъ (позднимъ) повиновеніемъ желая отклонить отъ себя неувольствіе, навлекъ себѣ только новое обвиненіе; а прочіе вожди, считая войну оконченною, ознаменовали ея исходъ. Даже Петилій Церіалисъ, посланный впередъ съ тысячею всадниковъ съ тѣмъ, чтобы поперечными путями черезъ Сабинское поле по Саларской дорогѣ войдти въ городъ, недостаточно былъ поспѣшенъ; наконецъ слухъ о томъ, что Капитолій взятъ, всѣхъ разомъ возбудилъ.

79. Антоній по Фламинійской дорогѣ прибылъ къ урочищу Красные камни уже въ глубокую ночь, опоздавъ своею помощью. Тутъ онъ узнаетъ, что Сабинъ убитъ; Капитолій сожженъ, городъ въ волненіи, все въ самомъ·грустномъ видѣ. Была вѣсть и о томъ, что чернь и рабовъ вооружаютъ за Вителлія. Да и Петилію Церіалису конное сраженіе было неудачно; его, не принявшаго мѣръ осторожности и стремившагося какъ на побѣжденныхъ, Вителліанцы встрѣтили конницею, перемѣшавъ ее съ пѣхотою. Сраженіе произошло вблизи города между строеній, садовъ и переулковъ. Вителліанцы знали хорошо мѣстность, а непріятель оробѣлъ, не развѣдавъ ее предварительно. Да и не всѣ всадники дѣйствовали единодушно, такъ какъ въ числѣ ихъ находились нѣкоторые, захваченные недавно у Нарни и все еще преданные сторонѣ Вителлія; взятъ въ плѣнъ начальникъ эскадрона Туллій Флавіанъ; прочіе обратились какъ безумные въ бѣгство; побѣдители не преслѣдовали ихъ дальше Фиденъ.

80. Этотъ успѣхъ увеличилъ усердіе народа; городское населеніе взялось за оружіе. Немногіе имѣли щиты, а большинство, захвативъ оружіе, какое кому попалось подъ руку, требуетъ знака къ битвѣ. Вителлій благодаритъ и велитъ идти впередъ на защиту города. Потомъ созванъ сенатъ и отобраны послы къ войску—со-

вѣтовать миръ и согласіе въ видахъ пользы отечества. Пословъ постигла различная участь. Тѣ, которые попались на вттрѣчу Петилію Церіалису, подверглись крайней опасности, такъ какъ воины съ презрѣніемъ отвергли условія мира. Преторъ Аруленъ Рустикъ раненъ; такой поступокъ вызвалъ тѣмъ больше негодованія, что кромѣ посягательстна на санъ легата и претора, самый человѣкъ по своимъ достоинствамъ того не заслуживалъ. Разбѣжались провожавшіе, убитъ ближайшій ликторъ, дерзнувшій было раздвинуть толпу, и не будь послы защищены непосредственнымъ вмѣшательствомъ вождя, то священное даже у чужестранныхъ народовъ право пословъ, передъ самыми стѣнами отечества, неистовство гражданъ попрало бы совершенно (даже до ихъ гибели). Съ большимъ равнодушіемъ приняты тѣ послы, которые пришли къ Антонію не потому, чтобы воины были скромнѣе (умѣреннѣе), но вождь имѣлъ болѣе значенія.

81. Замѣшался въ число пословъ Музоній Руфъ, всадническаго сословія, имѣвшій притязаніе на изученіе философіи и правилъ (наставленій) стоиковъ; началъ онъ, входя въ ряды воиновъ, толковать о благодѣяніяхъ мира и опасностяхъ войны и читать наставленія имѣвшимъ въ рукахъ оружіе. Многіе издѣвались надъ этимъ, а еще большему числу онъ просто надоѣлъ; не было недостатка и въ такихъ, которые еще готовы были его побить и вытолкать, еслибы онъ, уступая убѣжденіямъ людей посмирнѣе и угрозамъ другихъ, не отложилъ въ сторону свою неумѣстную премудрость. Навстрѣчу вышли и дѣвицы Весталки съ письмомъ Вителлія, адресованнымъ къ Антонію, гдѣ онъ настаивалъ, «чтобы на одинъ день погодить рѣшительнымъ боемъ; если дадутъ эту отсрочку, то легче будетъ достигнуть соглашенія во всемъ». Дѣвицы отпущены съ почетомъ, а Вителлію данъ отвѣтъ: «убійство Сабина и пожаръ Капитолія разорвали всякую возможность соглашенія относительно войны».

82. Впрочемъ Антоній сдѣлалъ попытку—смягчить легіоны, позвавъ ихъ на собраніе, и склонить, «чтобы они, ставъ лагеремъ подлѣ Мулвійскаго моста, вошли въ городъ на другой день». Основаніе медлить было то, какъ бы воинъ, разсвирѣпѣвъ въ бою, не пощадилъ ни народа, ни сената, ни храмовъ и капищъ боговъ. Но воины на всякое промедленіе смотрѣли подозрительно, какъ на враждебное побѣдѣ. Вмѣстѣ сверкавшія по холмамъ знамена, хотя за ними и слѣдовали толпы народа къ бою неспособныя, представляли что-то похожее на непріятельское войско. Раздѣлены силы

на три части: одна двинулась Фламинійской дорогою, на которой и стояла, другая берегомъ Тибра, а третья по Саларійской дорогѣ подходила къ Коллинскимъ воротамъ. Чернь разсѣяна бросившимися впередъ всадниками; воины Вителліевы и сами выступили на встрѣчу, раздѣлившись на три отряда. Схватокъ боевыхъ передъ городомъ было много и съ разнообразнымъ успѣхомъ, но для Флавіанцевъ, на сторонѣ которыхъ былъ перевѣсъ благоразумнаго распоряженія вождей, они чаще оканчивались благопріятно. Понесли уронъ лишь тѣ, которые свернули въ часть города налѣво, къ Саллюстіевымъ садамъ, по дорогамъ узкимъ и скользскимъ. Вителліанцы, стоя на изгородяхъ садовъ до поздняго дня, отражали подходившихъ камнями и дротиками, пока они не были обойдены всадниками, ворвавшимися въ Коллинскія ворота. Сошлись и на Марсовомъ полѣ враждебныя боевыя линіи. За Флавіанцевъ счастіе и столько разъ пріобрѣтенная побѣда; а Вителліанцы ломились впередъ подъ вліяніемъ одного лишь отчаянія, и хотя отбитые, опять собирались въ городъ.

83. Тутъ же присутствовалъ зрителемъ сраженія и народъ, и какъ бы смотря на сценическое представленіе, то тѣхъ, то другихъ поощрялъ рукоплесканіями и криками; а когда одна изъ сторонъ терпѣла пораженіе, то искавшихъ спасенія въ лавкахъ и домахъ громкими криками требовали вытащить и умертвить, и имъ-то (такимъ крикунамъ) доставалась большая часть добычи. Такъ какъ все вниманіе воиновъ обращено было на кровопролитіе и убійства, то обирать убитыхъ доставалось народу. Весь городъ представлялъ зрѣлище возмутительное и гнусное: тутъ сраженіе и раненые, а рядомъ бани и трактиры. Вмѣстѣ кровь и кучи тѣлъ, а возлѣ распутныя женщины и имъ подобные. Стремленій къ удовлетворенію похотей столько же, какъ бы и при совершенной праздности, преданной одному беззаботному наслажденію. Преступленій столько, какъ въ самомъ жестокомъ плѣну. Вполнѣ можно было подумать, что граждане разомъ и неистовствуютъ, и предаются полному разгулу страстей. И прежде сражались вооруженныя войска въ городѣ, когда два раза Л. Сулла и одинъ разъ Цинна остались побѣдителемъ. Не менѣе жестокостей было и въ то время, но теперь какое-то не человѣческое равнодушіе и даже ни на малѣйшій срокъ не прерваны наслажденія; но какъ бы въ праздничные дни, и въ самомъ ужасѣ находя источникъ радости, — предавались веселостямъ и наслажденіямъ; съ совершеннымъ равнодушіемъ къ дѣлу какой-либо стороны, радовались только общественными бѣдствіями.

84. Особенно много труда предстояло при взятіи приступомъ лагеря; его, какъ послѣдній оплотъ надежды, оберегали самые отчаянные воины. Тѣмъ съ большимъ напряженіемъ силъ дѣйствовали старыя когорты; разомъ употреблены въ дѣло всѣ средства, придуманныя для приступовъ самыхъ укрѣпленныхъ городовъ,— черепахи, осадныя орудія, насыпи, факелы. Воины кричали: «сколько труда и опасностей стоили имъ столько сраженій, теперь остается довершить этимъ дѣломъ. Городъ возвращаютъ они сенату и народу Римскому, храмы—богамъ; въ лагеряхъ же (сосредоточена) собственная честь легіоновъ; тутъ ихъ отечество, тутъ ихъ домашній очагъ; если они разомъ не войдутъ въ нихъ, то придется провесть всю ночь подъ оружіемъ. Вителліанцы съ своей стороны, хотя и числомъ и судьбою неравные, тревожили побѣду, замедляли миръ, жертвенники и дома обагряли кровью, взялись за послѣднія утѣшенія побѣжденнымъ. Много полуживыхъ испустили дыханіе на башняхъ и на передней части стѣнъ. Вырвавъ ворота, остальная толпа бросилась навстрѣчу побѣдителей, и всѣ пали, получивъ раны спереди лицомъ обращенные къ непріятелю; даже умирая, послѣдняя забота ихъ была оставить такое доказательство ихъ чести. Вителлій, по взятіи города, черезъ заднюю часть дворца отнесенъ на маленькихъ носилкахъ къ Авентину, въ домъ жены, съ тѣмъ, чтобы еслибы ему удалось на день скрыться, то бѣжать въ Таррачину къ когортамъ и брату. Потомъ, по своему непостоянству образа мыслей,—и таково уже свойство робости, что все настоящее въ особенности не нравится тому, кто всего боится,—онъ вернулся во дворецъ опустѣвшій и всѣми оставленный. Разошлись даже самые низшіе изъ рабовъ или уклонялись отъ встрѣчи съ нимъ. Приводитъ въ ужасъ опустѣніе и гробовое молчаніе мѣста, пытается проникнуть въ запертыя мѣста; повсюду пустота наводитъ ужасъ; утомленный бѣдственнымъ скитальничествомъ, онъ спрятался въ такомъ закоулкѣ, что и сказать стыдно, откуда и вытащенъ Юліемъ Плацидомъ, трибуномъ когорты. За спину связали ему руки, платье истерзано; когда его вели, то онъ представлялъ видъ самый непріятный: многіе бранили, никто не плакалъ; такой некрасивый исходъ дѣла уничтожилъ всякое сострадание. Попавшійся навстрѣчу германскій воинъ—въ Вителлія ли мѣтилъ изъ раздраженія или изъ желанія поскорѣе положить конецъ поруганію надъ нимъ, въ трибуна, неизвѣстно, но нанесъ ударъ, отрѣзалъ ухо у трибуна и тотчасъ же убитъ.

85. Вителлія, занося на него острія мечей, вынуждали то под-

нимать кверху лицо и подставлять его поруганіямъ, то взирать на ниспровергаемыя изображенія его, а всего чаще на ростры и то мѣсто, гдѣ Гальба убитъ; наконецъ, пинками проводили его до Гемоній, гдѣ лежало тѣло Флавія Сабина. Вырвался и у Вителлія голосъ одинъ не презрѣнной души, когда онъ на оскорбленія трибуна отвѣтилъ: «а все же я былъ твоимъ императоромъ»! Затѣмъ онъ палъ отъ множества ударовъ. И народъ такъ же безчестно порицалъ убитаго, какъ льстилъ живому.

86. Родился онъ въ Луцеріи и уже достигалъ пятидесяти семилѣтняго возраста. Консульства, священства, званія и мѣста между первыхъ въ государствѣ сановниковъ, онъ достигъ вовсе не своею дѣятельностью, но на все это дала ему право знаменитость отца. Возвысили его до верховной власти тѣ, которые его не знали. Рѣдко кому хорошими средствами удавалось снискать такое расположеніе войска, какое онъ пріобрѣлъ просто ничего не дѣлая. Впрочемъ, нельзя ему отказать въ простотѣ и щедрости, но они, если имъ нѣтъ границъ, обращаются на гибель. Привязанности онъ думалъ поддержать и сохранить значительностью подарковъ, а не постоянствомъ нравственнымъ и потому онъ ихъ больше заслужилъ, чѣмъ имѣлъ. Конечно, пользы государства требовали того, чтобы Вителлій былъ побѣжденъ; но въ вѣроломствѣ врядъ ли могутъ упрекать Вителлія тѣ, которые, измѣнивъ для него Гальбѣ, его самого предали Веспасіану. День уже совсѣмъ склонялся къ вечеру, но, вслѣдствіе робости сановниковъ и сенаторовъ, которые или разбѣжались изъ города, или скрывались по домамъ кліентовъ, сенатъ не могъ быть созванъ. Домиціанъ, когда уже нельзя было опасаться ничего враждебнаго, вышелъ къ вождямъ партіи и привѣтствованъ именемъ Цезаря. Воины въ большомъ числѣ, и какъ были подъ оружіемъ, отвели его подъ родительскій кровъ.

КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Содержаніе книги. Глава I. По убіеніи Вителлія, Флавіевы воины свирѣпствуютъ въ городѣ.—2. Домиціанъ, получивъ наименованіе и мѣстопребываніе Цезаря, исполняетъ обязанности сына государева оскверненіемъ замужнихъ женщинъ. Л. Вителлій убитъ.—3. Кампанія умирена и сенатъ опредѣляетъ консульство Веспасіану съ сыномъ Титомъ, а Домиціану преторство и власть проконсульскую.—4. Почести Муціану, Антонію и прочимъ. Намѣреніе возобновленія Капитолія. О вольности помышляетъ Гельвидій Прискъ.—5. Его жизнь и характеръ 6—8, и съ Еприємъ Марцелломъ упорная перебранка относительно отправленія пословъ къ государю. — 9. Разномысліе относительно общественныхъ расходовъ.—10. Музоній Руфъ нападаетъ на П. Целера.—11. Муціанъ, войдя въ городъ, все къ себѣ сосредоточиваетъ; его заботою убитъ Калп. Галеріанъ, а отпущенника Азіатика онъ губитъ рабскою казнію.

12. Слухъ о пораженіи въ Германіи. Начало войны отъ Батавовъ 13, подъ предводительствомъ Клавдія Цивилиса.—14—16. Онъ возмущаетъ Батавовъ Каннинефатовъ, Фризіевъ, сначала хитростью, а потомъ и открытою силою побѣждаетъ Римлянъ.—17. Германіи, взволнованныя слухомъ объ этой побѣдѣ, предлагаютъ Цивилису свое содѣйствіе и онъ домогается привлечь въ союзъ и Галлію. — 18. Бездѣйствіе Гордеонія Флакка. Побѣжденные Римляне бѣгутъ въ старые лагери. — 19. Когорты Батавовъ и Каннинефатовъ, по приказанію Вителлія шедшія въ Римъ, уступили подговорамъ Цивилиса и соединились съ нимъ. — 20. Въ сраженіи подъ Бонною сломили строй Римлянъ.—21. Цивилисъ, не зная на что рѣшиться, своихъ воиновъ приводитъ на присягу Веспасіану, скрывая свое враждебное расположеніе.— 22. 23. Вслѣдъ затѣмъ осаждаетъ Старые лагери, но безъ успѣха.—24 25. Гордеоній Флаккъ, сдѣлавшись жертвою возмущенія, главное управленіе дѣлами поручаетъ Вокулѣ.—26. 27. Къ не-

му присоединенъ Гереннiй Галлъ; онъ, послѣ неудачно-совершеннаго дѣла, терпитъ побои. Новое возмущенiе. 28 — 30. Цивилисъ, возгордясь громадными пособiями ото всей Германiи, дѣятельнѣе принимается за осаду Старыхъ лагерей, тѣснитъ Убiевъ. Схватки съ разнообразнымъ исходомъ.

31. По полученiи извѣстiя о сраженiи подъ Кремоною, вспомогательныя войска Галловъ отложились отъ Вителлiя. Гордеонiй и своихъ воиновъ, полныхъ колебанiя, приводитъ къ присягѣ Веспасiану.—32. Къ Цивилису посланъ Монтанъ съ приказанiемъ оставить войну; на него старается подѣйствовать Цивилисъ. — 33. 34. Съ Вокулою сражается Цивилисъ съ разнообразнымъ исходомъ не безъ вины того и другаго вождя.— 35. Вокула дурно пользуется побѣдою; Старые лагери освобождаетъ отъ осады. — 36. Цивилисъ беретъ Гельдубу. Римскiе воины умерщвляютъ Гордеонiя. Вокула въ темнотѣ ускользаетъ.—37. Вслѣдъ затѣмъ побѣжденные Цивилисомъ снова слѣдуютъ за Вокулою и съ нимъ освобождаютъ отъ осады Магонтiакъ. Треверы, пока остававшiеся вѣрными, вслѣдъ затѣмъ взбунтовались.

38. Веспасiанъ съ Титомъ вступаютъ въ отправленiе консульства. Ложныя опасенiя въ Римѣ и отъ Л. Пизона.—30. Домицiанъ преторъ. Вся сила Муцiана, а тотъ надламливаетъ могущество Прима Антонiя.—40. Почести, возвращенныя памяти Гальбы. Принесено удовлетворенiе тѣни Барея Сорана осужденiемъ П. Целера.—41. Наказанiе постигло и другихъ доносчиковъ. — 42. Изъ нихъ Аквилiя Регула, котораго защищалъ братъ Мессала, поражаетъ Монтанъ. — 43. 44. Тоже покушается и противъ Марцелла, но заступился Цезарь, полагая необходимымъ—забвенiемъ покрыть воспоминанiя прошедшаго времени. А потому только къ немногимъ примѣнены мѣры строгости.—45. Сенензы наказаны за то, что побили сенатора. Антонiй Фламма осужденъ по закону о взяткахъ.—46. Возмущенiе воиновъ усмирено Муцiаномъ. — 47. Отмѣнено распредѣленiе консульствъ, сдѣланное Вителлiемъ. Флавiю Сабину отданы похоронныя почести цензорскiя.—48—50. Убiйство Л. Пизона, проконсула Африки. Высокая ложь его раба. Улажены раздоры Эензевъ съ Лептитанами.. Гараманты поражены.—51. Помощь Парѳовъ не принимаетъ Веспасiанъ.— 52. Раздраженiе его противъ Домицiана успокоиваетъ Титъ.—53. Попеченiе о возстановленiи Капитолiя возложено на Л. Вестина.

54. Слухъ о смерти Вителлiя усилилъ войну въ Галлiи и Германiи. Полагали, что пожаръ Капитолiя предвѣщаетъ конецъ римскаго господства.—55—58. По убiенiи Гордеонiя съ Цивилисомъ и Классикомъ заодно вступаютъ въ заговоръ Юлiй Туторъ и Юлiй Сабинъ. Колеблются и остальныя Галлiи. Сдѣлано покушенiе и на Римскiе легiоны при тщетномъ противодѣйствiи Вокулы. — 59. 60. Онъ убитъ, легаты Гереннiй и Нумизiй связаны, и эти легiоны на присягу имперiи Галльской приводитъ Цивилисъ, Туторъ—Агрипинцевъ, а Классикъ тѣхъ, что находились въ осадѣ въ Старыхъ лагеряхъ.—61. Цивилисъ, достигнувъ цѣли своихъ желанiй, отказывается отъ длинныхъ волосъ.—62. Въ это время прiобрѣтаетъ огромное значенiе Веледа.—63. Въ печальномъ молчанiи двигаются плѣненные легiоны. Пицентинскiй конный отрядъ присвоиваетъ себѣ честь убiйства Вокулы. 64—65. Колонiя Агриппинская, ненавистная

народамъ, живущимъ по ту сторону Рейна, подвергается крайней опасности и заключаетъ союзъ съ Цивилисомъ, а дарами смягчаетъ сверхъестественное вліяніе Веледы.—66. Цивилисъ принимаетъ покорность Ветазіевъ, Тунгровъ и Нервіевъ.—67. Лингоны поражены Секванами, а I. Сабинъ побѣжденный прячется.—68. Муціанъ съ Домиціаномъ собираются на войну — 69. Ремы удерживаютъ Галліи въ вѣрности Римлянамъ, исключая Треверовъ и Лингоновъ. — 70. Но ни у нихъ, ни у прочихъ народовъ, ни въ самихъ вождяхъ недостаточно согласія и обдуманности. Туторъ у Бингія терпитъ пораженіе.—71. Петилій Церіалисъ приходитъ въ Могонтіакъ, ободряетъ Римлянъ надеждою на лучшее и вождя Валентина, нанеся ему громадное пораженіе беретъ въ плѣнъ.—72. Входитъ въ землю Треверовъ. Сопротивляется воинамъ въ ихъ требованіи разрушить до основанія городъ. Побѣжденные легіоны принимаетъ въ лагери.—73. 74. Треверамъ и Лингонамъ напоминаетъ объ ихъ обязанностяхъ.—75. Цивилисъ и Классикъ посылаютъ письма къ Церіалису, на которыя онъ ничего не отвѣчаетъ.—76. Цивилисъ высказываетъ мнѣніе, что нужно тянуть вдаль, а Туторъ и Классикъ, что нужно немедленно сразиться.—77. 78. Упорное сраженіе, въ которомъ Церіалисъ, сначала было побѣжденный, потомъ одерживаетъ побѣду и истребляетъ лагерь непріятельскій.—79. Агриппинцы отлагаются отъ Германцевъ.—80. Муціанъ умерщвляетъ Вителліева сына. Антоній Примъ отправляется къ Веспасіану, но имъ принятъ не такъ какъ надѣялся.—81. Многія чудесныя явленія обнаруживаютъ благоволеніе неба къ Веспасіану. Онъ самъ возвращаетъ здоровье одному больному глазами, другому—рукою.—82. Утверждается еще болѣе предзнаменованіемъ въ храмѣ Сераписа, котораго 83. 84. происхожденіе изъ Синопа, великолѣпный храмъ въ Александріи, наименованіе.—85. Валентинъ казненъ.—86. Домиціанъ, сдѣлавъ тщетную попытку у Церіалиса. передастъ ли онъ ему войско и главное надъ нимъ начальство, притворно беретъ на себя охоту къ литературѣ и любовь къ поэзіи. Это событія, частію того же года, частію послѣдующаго въ консульство имп. Веспасіана вторично и Тита сына его.

1. По убіеніи Вителлія скорѣе война окончилась, чѣмъ водворилось спокойствіе.—Побѣдители, съ оружіемъ въ рукахъ, по городу преслѣдовали побѣжденныхъ съ неумолимою ненавистью. Улицы полны были убитыми, площади и храмы обагрены кровью; безъ разбору убивали, кто бы случайно ни попадался на встрѣчу. Потомъ, когда своеволіе расло вслѣдствіе безнаказанности, разыскивали и извлекали спрятавшихся. Какъ только видѣли кого-либо замѣтнаго молодостью или высокимъ ростомъ, убивали, не дѣлая никакого различія между воиномъ и простымъ гражданиномъ. Эта жестокость, при свѣжей еще ненависти, пресыщалась кровопролитіемъ, а потомъ обратилась въ алчность; нигдѣ не оставляли ничего запертаго и не осмотрѣннаго, подъ предлогомъ будто прячутъ Вителліанцевъ. Это было поводомъ къ тому, чтобы вламываться въ дома; въ случаѣ сопротивленія начинались убійства; въ нихъ принимали

участіе всѣ бѣднѣйшіе простолюдины. Самые дурные изъ рабовъ сами предавали богатыхъ господъ, а на другихъ указывали ихъ же пріятели. Вездѣ вопли, крики и видъ города, взятаго приступомъ—до такой степени, что стали уже жалѣть о ненавистной дотолѣ наглости воиновъ Отоновыхъ и Вителліевыхъ. Вожди партіи, дѣятельные въ томъ, чтобы раздуть пламя гражданской усобицы, оказались несостоятельными—удержать побѣду въ границахъ (умѣренно ею воспользоваться). При раздорахъ и смутахъ, чѣмъ кто хуже, тѣмъ болѣе имѣетъ силы; для спокойствія и мира необходимы добрыя средства.

2. Домиціанъ принялъ и наименованіе и мѣстопребываніе Цезаря; еще невнимательный къ дѣламъ (заботамъ), онъ роль сына государева исполнялъ поруганіемъ дѣвушекъ и замужнихъ женщинъ. Префектура преторія была у Аррія Вара, высшая власть у Антонія Прима; онъ тащилъ деньги и рабовъ изъ дома государева, какъ бы Кремонскую добычу; остальные, вслѣдствіе или скромности или незначительности, и на войнѣ оставались въ тѣни, и чужды были вознагражденій. Населеніе Рима, пораженное страхомъ и къ раболѣпству готовое, настаивало, чтобы «захватить Л. Вителлія, возвращающагося изъ Таррацины съ когортами, и уничтожить остатки войны. Посланы впередъ всадники въ Арицію, а строй легіоновъ остановился у Бовиллъ. Вителлій нисколько не колебался— себя и когорты предоставить произволу побѣдителя. Воины отбросили свое несчастное оружіе столько же подъ вліяніемъ раздраженія, сколько и страха. Длиннымъ рядомъ потянулись по городу отдавшіеся, будучи обставлены воинами. Ни одно лицо не выражало просьбы о пощадѣ, но печально и сурово смотрѣли воины, не обращая ни малѣйшаго вниманія на рукоплесканія и оскорбленія необузданной толпы. Немногихъ пытавшихся вырваться окружающіе схватили; всѣ прочіе отданы подъ стражу. Ни у одного не вырвалось слова недостойнаго, хотя въ несчастіи и сохранили безъ пятна славу мужества (доблести). За тѣмъ убитъ Л. Вителлій, въ порокахъ не уступавшій брату, но, по возвышеніи его на государство, превосходившій его дѣятельностью; не настолько раздѣлилъ онъ его счастіе, насколько увлеченъ былъ къ погибели несчастіемъ.

3. Въ это же время Луцилій Бассъ, съ всадниками на-легкѣ, посланъ умирить Кампанію, гдѣ городъ (муниципіи) болѣе враждовали другъ съ другомъ по взаимнымъ раздорамъ, чѣмъ оказывали неповиновеніе государю. При видѣ войска успокоились и меньшимъ колоніямъ (послѣдствіемъ была) безнаказанность. Третій легіонъ въ

Капуѣ помѣщенъ на зимовку, и знатнѣйшія фамиліи подверглись преслѣдованію, между тѣмъ какъ жителямъ Таррачины не оказано никакого вспомоществованія. Вѣдь всегда больше поползновенія отплатить за обиду, чѣмъ за благодѣяніе; благодарность—въ тягость, а изъ мщенія можно еще извлечь выгоду. Все утѣшеніе было въ томъ, что раба Вергинія Капитона, о которомъ мы говорили, что онъ предалъ жителей Таррачины, повѣсили на висилицѣ въ тѣхъ же кольцахъ, которыя онъ, полученныя отъ Вителлія, носилъ. А въ Римѣ сенатъ опредѣляетъ Веспасіану все, что въ обычаѣ было давать государямъ, и съ радостью и вѣрными надеждами, такъ какъ гражданская война, начавшись въ Галліяхъ и Испаніяхъ, вызвала на войну Германію и потомъ Иллирикъ (послѣ того какъ Египетъ, Іудею, Сирію и всѣ провинціи и войска обозрѣли въ бѣгломъ очеркѣ—видѣли весь шаръ земной какъ бы подвергшимся очистительному испытанію) по всему вѣроятію казалась оконченною. Прибавило бодрости письмо (Веспасіана) писанное какъ бы война еще продолжалась; такой видъ оно имѣло при первомъ взглядѣ, впрочемъ онъ выражался какъ государь, говорилъ о себѣ какъ о гражданинѣ, а объ общественномъ дѣлѣ отлично. И сенатъ не обнаружилъ недостатка въ угодливости. Веспасіану опредѣлено консульство вмѣстѣ съ сыномъ его Титомъ, Домиціану—преторство и власть проконсула.

4. Прислалъ и Муціанъ письмо къ сенату, подавшее поводъ къ разговорамъ: «если онъ частный человѣкъ, то зачѣмъ выражается какъ общественный дѣятель? Могъ бы онъ все то же, черезъ немного дней спустя, высказать какъ свое личное мнѣніе». Да и самыя нападки на Вителлія были позднія и не совмѣстныя съ достоинствомъ свободы. А надменно въ отношеніи общественнаго дѣла и унизительно для государя то, что онъ хвалился: «въ рукахъ его не была имперія и подарилъ онъ ее Веспасіану». Впрочемъ все это негодованіе оставалось втайнѣ, а лесть была явною; въ весьма почетныхъ выраженіяхъ опредѣлены Муціану почести тріумфа собственно за гражданскую войну, но придумали какой-то походъ противъ Сарматовъ. Къ этому присоединили: Антонію Приму знаки достоинства тѣхъ, что были консулами, Корнелію Фуску и Аррію Вару—знаки преторства. Потомъ уже обратили вниманіе и на боговъ; положено возстановить Капитолій. Все это изложено было въ мнѣніи Валерія Азіатика, нареченнаго консула; прочіе выражали свое согласіе лицомъ или рукою, а немногіе, которыхъ достоинства были на виду или умъ изострился лестью, выражали свое одобреніе въ правильно составленныхъ рѣчахъ. Когда дошла очередь до Гельвидія Приска,

то онъ высказалъ мнѣніе, сколько почетное для хорошаго государя, столько чуждое лжи; оно встрѣтило самое живое сочувствіе сенаторовъ. Это былъ для Гельвидія день самый важный, служившій началомъ большаго раздраженія и столь же значительной славы.

5. Повидимому, требуетъ сущность дѣла теперь, когда снова пришлось намъ упомянуть о человѣкѣ, о которомъ и впослѣдствіи придется часто говорить, изложить хотя въ немногихъ выраженіяхъ— жизнь его и дѣятельность, и какая постигла его участь. Гельвидій Прискъ родился въ муниципіи. Таррацицѣ отъ Клувія, который начальствовалъ надъ первою ротою тріаріевъ и съ ранней молодости свой свѣтлый умъ посвятилъ самымъ возвышеннымъ наукамъ,— не такъ какъ большинство тѣхъ, что праздное бездѣйствіе старались прикрыть пышнымъ и громкимъ словомъ, но съ тѣмъ, чтобы вступить на дѣло общественнаго служенія съ большею твердостью противъ случайностей. Онъ послѣдовалъ тѣмъ учителямъ мудрости, которымъ только то хорошо, что честно, а противно и гнусно, что безчестно,—а могущество, знатность рода и прочее полагали внѣ области духа, непричисляя ни къ доброму, ни къ дурному. Еще квесторомъ былъ онъ, когда Петъ Тразея выбралъ его зятемъ; изъ нравственныхъ правилъ тестя ничѣмъ онъ столько не позаимствовался, какъ любовью къ вольности; гражданиномъ, сенаторомъ, отцомъ семейства, въ отношеніяхъ къ тестю, къ друзьямъ и во всѣхъ житейскихъ обязанностяхъ слѣдовалъ справедливости, пренебрегалъ богатствомъ, упоренъ былъ въ правдѣ, твердъ противъ всякихъ опасеній.

6. Находили нѣкоторые, будто бы онъ слишкомъ любилъ добрую славу; но и люди мудрые разстаются съ страстью къ славѣ какъ съ послѣднею. Съ паденіемъ тестя отправленъ въ ссылку; когда вернулся при императорѣ Гальбѣ, попытался обвинять Марцелла Епрія, доносчика на Тразею. Это мщеніе—не извѣстно значительнѣе или справедливѣе—раздѣлило сенатъ на партіи. Въ случаѣ паденія Марцелла, за нимъ послѣдовалъ бы цѣлый рядъ виновныхъ въ такомъ же преступленіи. Сначала грозное состязаніе, и съ той и съ другой стороны обмѣнялись прекрасными рѣчами. Вслѣдъ за тѣмъ, при сомнительномъ расположеніи Гальбы, уступая просьбамъ многихъ сенаторовъ, Прискъ оставилъ преслѣдованіе. При обыкновенномъ разнообразіи человѣческихъ понятій и тутъ одни выхваляли его умѣренность, а другіе желали бы болѣе настойчивости. Въ тотъ день въ сенатѣ, когда подавали голоса о возвышеніи

Веспасіана къ верховной власти, положено: «отправить государю пословъ». Тутъ между Гельвидіемъ и Еприемъ завязалась горячая перебранка. Прискъ требовалъ, чтобы послы были назначены поименно сановниками, приведенными къ присягѣ, а Марцеллъ настаивалъ на баллотировкѣ; таково было мнѣніе нареченнаго консула.

7. Но Марцелла усердіе имѣло главною побудительною причиною собственный стыдъ, какъ бы съ избраніемъ другихъ онъ не остался какъ бы обойденнымъ. Мало по малу въ спорѣ дошли до длинныхъ и бранныхъ рѣчей. Гельвидій спрашивалъ: «почему Марцеллъ до такой степени робѣетъ передъ приговоромъ сановниковъ? Онъ и богатъ, и краснорѣчивъ и этимъ онъ опередилъ бы многихъ, не будь помѣхою воспоминаніе о его позорныхъ дѣлахъ. Жребій и ящикъ для баллотировки не различаютъ нравственности; для того и существуютъ явная подача голосовъ и оцѣнка сената, чтобы касаться жизни и доброй славы каждаго. Требуютъ—и пользы отечества и честь Веспасіана, чтобы ему на встрѣчу были посланы такіе люди, которыхъ сенатъ считаетъ самыми непорочными, съ тѣмъ чтобы они честными рѣчами удовлетворяли слуху императора. Веспасіанъ былъ въ дружественныхъ отношеніяхъ съ Тразеею, Сораномъ, Сентіемъ; а тѣхъ, что ихъ обвинили, если даже и неслѣдуетъ подвергать казни, то и выказывать не должно. Сужденіе сената въ этомъ дѣлѣ какъ бы послужитъ внушеніемъ государю, кого одобрять и кого опасаться; нѣтъ важнѣе средства для благонамѣренный власти, какъ пріязнь людей добра. Достаточно для Марцелла, что онъ Нерона побудилъ на гибель такого множества невинныхъ. Пусть пользуется безнаказанностью и наградами, а Веспасіана оставитъ лучшимъ (себя)».

8. Марцеллъ говорилъ: «не его личное мнѣніе оспориваютъ, но поданное нареченнымъ консуломъ согласно примѣровъ древности, по которымъ депутатовъ назначали жеребьемъ, чтобы не было мѣста честолюбію или враждѣ. Не случилось ничего,—зачѣмъ предавать забвенію то, что издревле установлено, или почетъ, дѣлаемый государю, обращать къ чьему-либо посрамленію. Всѣхъ достанетъ на выраженіе чувствъ преданности. Скорѣе же нужно избѣжать того, какъ бы упорство нѣкоторыхъ не раздражило ума, по новости господства находящагося еще въ состояніи нерѣшительности, внимательно слѣдящаго за выраженіемъ лицъ и словами каждаго. И онъ Марцеллъ помнитъ о временахъ, при какихъ родился, какое устройство обществу дали отцы и дѣды; но, отдавая дань удивленія тому, что прошло, соображается съ настоящимъ·

всею душею желаетъ онъ хорошихъ императоровъ, снесетъ и какихъ бы то ни было. Тразея палъ жертвою не столько его, Марцелла, рѣчи, сколько приговора сената. Жестокость Нерона тѣшилась такими призраками законности, и дружба Нерона не менѣе горька была ему, Марцеллу, сколько другимъ ссылка. Но пусть твердостью и постоянствомъ Гельвидій станетъ наравнѣ съ Катонами и Брутами, пусть онъ, Марцеллъ, одинъ изъ того сената, который раболѣпствовалъ съ нимъ вмѣстѣ! Совѣтуетъ онъ и Приску—не становиться выше Государя: пусть онъ не читаетъ наставленій Веспасіану, старцу, увѣнчанному тріумфомъ, отцу двухъ сыновей юношей. Какъ самые дурные императоры не знаютъ границъ господства, такъ и самый лучшій захочетъ, чтобы свобода знала мѣру». Этотъ предметъ, подавшій поводъ къ упорному съ обѣихъ сторонъ спору, произвелъ на другихъ весьма различное впечатлѣніе. Одержала верхъ сторона, предпочитавшая депутатовъ назначить по жребью, и при поддержкѣ сенаторовъ, бывшихъ нейтральными, обычай сохранилъ свою силу. Да и всѣ самые замѣчательные люди склонились въ пользу такого рѣшенія, чтобы не вызвать противъ себя зависти въ случаѣ, еслибы они были избраны.

9. Послѣдовалъ еще другой споръ. Преторы казначейства (въ то время они завѣдывали имъ) жаловались на общественную бѣдность и требовали предѣла издержкамъ. Попеченіе объ этомъ нареченный консулъ, вслѣдствіе значительности отягощенія и затруднительности помочь, оставлялъ до государя. Гельвидій подалъ мнѣніе, что нужно поступить по усмотрѣнію сената. Когда консулы стали по порядку отбирать мнѣнія, Волкацій Тертуллинъ, трибунъ народный, вмѣшался, чтобы о такомъ важномъ предметѣ въ отсутствіи государя ничего бы не постановляли. Гельвидій подалъ мнѣніе: «Капитолій возстановить отъ общества, при содѣйствіи Веспасіана.» Это мнѣніе со стороны наиболѣе умѣренныхъ встрѣчено было молчаніемъ и такъ пришло въ забвеніе. Нашлись впрочемъ, которые и припомнили.

10. Тутъ Музоній Руфъ напалъ на Публія Целера, уличая его, что онъ погубилъ Борея Сорана лжесвидѣтельствомъ. Такимъ разслѣдованіемъ повидимому возобновлялись ненавистныя обвиненія, но обвиненный былъ такъ презрителенъ и вина его такъ ясна, что защитить его было невозможно; а память Сорана была священна. Целеръ, выдававшій себя послѣдователемъ философіи (мудрости), былъ свидѣтелемъ противъ Борея, сдѣлался предателемъ друга и погубилъ того, котораго онъ хвалился быть наставникомъ.

Ближайшій за тѣмъ день назначенъ для разсмотрѣнія дѣла. Сильно было ожиданіе не столько относительно Музонія или Публія, сколько полны были его Прискъ и Марцеллъ и прочіе, которые въ душѣ кипѣли мщеніемъ.

11. При такомъ положеніи дѣлъ, когда въ средѣ сенаторовъ господствовали раздоры, когда побѣжденные были раздражены, побѣдители же не имѣли никакого значенія, въ государствѣ не было ни главы, ни законовъ,—Муціанъ, войдя въ городъ, все разомъ притянулъ къ себѣ. Сломлено могущество Антонія Прима и Вара Аррія; плохо скрывалъ Муціанъ свое противъ нихъ неудовольствіе, хотя и не хотѣлъ показать этого наружностью. Но общество, проницательное вникать въ неудовольствія, разомъ повернулось и обратилось къ нему. За нимъ однимъ ухаживали, его одного лелѣяли; и самъ онъ не прочь былъ отъ того: окруженный воинами, мѣняя дома и сады, пышностью выходовъ и караулами присвоивалъ силу государя, только имени его не бралъ. Всего болѣе ужаса причинило убійство Кальпурнія Галеріана. То былъ сынъ К. Пизона, ни на что не дерзнувшій; но знатное имя, молодость, проводимая съ честью, подавали поводъ къ большимъ толкамъ въ народѣ; находились въ обществѣ, еще волновавшемся и радовавшемся всякому новому слуху, люди распускавшіе самый неосновательный слухъ, будто бы онъ помышляетъ о верховной власти. По приказанію Муціана, онъ окруженъ военною стражею, и чтобы смерть его не была слишкомъ на виду въ городѣ, онъ лишенъ жизни у сороковаго камня (милеваго) отъ Рима на дорогѣ Аппіевой: у него кровь выпущена изъ жилъ. Юлій Прискъ, префектъ преторіанскихъ когортъ при Вителліи, самъ себя умертвилъ болѣе отъ стыда, чѣмъ по необходимости. Альфенъ Варъ пережилъ и свою неспособность, и бездѣйствіе. Азіатикъ (этотъ отпущенникъ) поплатился за свое дурно-употребленное значеніе казнью рабовъ.

12. Въ эти же дни все болѣе и болѣе распространявшійся слухъ объ уронѣ въ Германіи граждане принимали вовсе не съ печалью; о томъ «что истреблено войско, взяты зимнія помѣщенія легіоновъ, что отложились Галліи»,—говорили не какъ о дурномъ. По какимъ причинамъ началась эта война, до какихъ размѣровъ выросла она вслѣдствіе возстанія чужестранныхъ и союзныхъ народовъ—я изложу основательно. Батавы, пока находились по ту сторону Рейна. были частью Каттовъ: будучи прогнаны внутреннимъ (домашнимъ) возмущеніемъ, они заняли самую окраину Галльскаго прибрежья, свободную отъ поселенцевъ и вмѣстѣ островъ, нынѣшнюю Батавію;

ее спереди омываетъ море Океанъ, а сзади и съ боковъ рѣка Рейнъ; стѣсненные не силою, но союзомъ болѣе могущественныхъ, они имперіи доставляютъ только людей и оружіе. Они пріобрѣли опытность въ долговременныхъ Германскихъ войнахъ, а потомъ ихъ слава увеличилась въ Британніи, куда были переправлены ихъ когорты, которыми, по старинному обычаю, управляли знатнѣйшіе родомъ изъ ихъ же земляковъ. Находилась и дома отборная конница; въ особенности упражнялись они въ плаваньи, и въ полномъ вооруженіи на коняхъ цѣлыми массами (эскадронами) переплывали Рейнъ.

13. Юлій Павллъ и Клавдій Цивилисъ, царскаго корня, далеко опережали другихъ. Павлла умертвилъ Фонтей Капитонъ по ложному обвиненію въ возмущеніи; Цивилисъ заключенъ въ оковы и посланъ къ Нерону и Гальбѣ, но тамъ оправданъ; при Вителліи снова подвергся было опасности и войско настойчиво требовало его казни. Отсюда поводъ къ къ раздраженію и надежды изъ самихъ нашихъ бѣдствій. Но Цивилисъ, острый умомъ болѣе, чѣмъ сколько то свойственно дикарямъ, хвалился, что онъ Серторій или Аннибалъ и съ такимъ же безстыдствомъ слова, во избѣжаніе того, чтобы, противъ него не пошли какъ противъ открытаго врага, еслибы онъ явно отложился отъ народа Римскаго, онъ прикрылъ свои дѣйствія благовиднымъ предлогомъ дружественныхъ отношеній къ Веспасіану и усердія къ его партіи. Дѣйствительно, прислалъ къ нему Примъ Антоній письмо, въ которомъ приказывалъ: «воротить вспомогательныя войска, вызванныя Вителліемъ и подъ предлогомъ смутъ въ Германіи, удержать легіоны». То же самое внушалъ лично Гордеоній Флаккъ, изъ расположенія къ Веспасіану и заботы о дѣлѣ общественномъ; а ему грозила бы гибель, еслибы война возобновилась и столько тысячъ вооруженныхъ воиновъ ворвались бы въ Италію.

14. Вслѣдствіе этого Цивилисъ, твердо рѣшась отложиться, но скрывъ пока сущность своего замысла и въ остальномъ рѣшась дѣйствовать согласно указанію событій, такимъ образомъ приступилъ къ исполненію переворота. По приказанію Вителлія молодежь Батавовъ прозвана была къ набору; его, и безъ того по сущности своей представлявшаго обремененіе, исполнители дѣлали еще болѣе тяжкимъ своимъ корыстолюбіемъ и похотливостью: призывали они къ набору и стариковъ, и людей слабыхъ, а потомъ за деньги отпускали ихъ; съ другой стороны, несовершенно-лѣтнихъ, но красивой наружности (а большинство молодыхъ людей очень видны со-

бою) насильно тащили на поруганіе. Вслѣдствіе этого общее негодованіе, и стоявшіе во главѣ уже замышленнаго заговора побудили ихъ отказаться отъ набора.—Цивилисъ—старѣйшинъ племени и наиболѣе усердныхъ изъ народа созвалъ въ священную рощу подъ предлогомъ пиршества, и когда видѣлъ, что они разгорячились подъ вліяніемъ ночнаго времени и веселости, сдѣлавъ починъ отъ славы и величія народа, исчислилъ оскорбленія, похищенія и другія бѣдствія ихъ рабства. «На нихъ смотрятъ уже не какъ на союзниковъ,—что было нѣкогда, а какъ лишь на рабовъ, когда приходитъ легатъ (намѣстникъ) со свитою, служащею обремененіемъ и властью надменною. Отдаютъ ихъ на жертву или въ полное распоряженіе префектовъ и сотниковъ, а тѣ, когда они пресытятся грабежа и кровопролитія, перемѣняютъ, изыскиваютъ новые извороты и разныя названія грабительства. Настоитъ (угрожаетъ) наборъ, а онъ дѣтей разлучаетъ съ родителями, братьевъ съ братьями, какъ бы въ послѣднюю минуту жизни. Но никогда еще дѣла Римлянъ не были въ такомъ плохомъ положеніи, и въ зимнихъ квартирахъ находятся только награбленная добыча и старики. Пусть только поднимутъ они (Батавы) глаза и не робѣютъ передъ пустыми наименованіямм легіоновъ. Между тѣмъ они сами (Батавы) сильны и пѣхотою и конницею: Германцы ихъ единокровные; Галліи желаютъ того же, что и они; да и для Римлянъ война эта не совсѣмъ непріятна: сомнительный ея оборотъ взвалятъ на Веспасіана; въ побѣдѣ же не дадутъ отчета».

15. Выслушали Церіалиса съ большимъ одобреніемъ и, по ихъ дикарей обычаю, всѣ приведены къ присягѣ подъ страшными, отъ отцовъ завѣщанными, проклятіями. Отправлено посольство къ Каннинефатамъ пригласить ихъ дѣйствовать за одно. Народъ этотъ населяетъ часть острова; происхожденіемъ, языкомъ, доблестью равенъ Батавамъ, а численностью превосходитъ. За тѣмъ тайными гонцами привлекъ (приманилъ) вспомогательный, назначенный въ Британнію, отрядъ Батавовъ, когорты, посланныя въ Германію, какъ мы выше упоминали, и въ то время находившіяся въ Магонтіакѣ. Въ то время у Каннинефатовъ былъ нѣкто Бринно, отличавшійся необузданною удалью и вмѣстѣ самаго знатнаго рода. Отецъ его смѣло совершилъ много непріязненнаго и безнаказанно пренебрегъ достойнымъ посмѣянія походомъ Каіевымъ. Потому-то пріятенъ онъ былъ самымъ именемъ ослушнаго рода; посадивъ его на щитъ, по обычаю народа, качали его на плечахъ и избрали вождемъ. Немедленно пригласивъ Фризовъ (народъ этотъ жилъ по ту

сторону Рейна), онъ по Океану ворвался въ зимнія квартиры двухъ когортъ, ближайшихъ для занятія. Воины не предвидѣли нападенія враговъ, а еслибы и узнали о немъ раньше, то не было у нихъ достаточно силъ для отраженія. Вслѣдствіе этого лагери взяты и разграблены; потомъ они (Каннинефаты) нападаютъ на разошедшихся и тамъ и сямъ блуждавшихъ, какъ въ мирное время, маркитантовъ и купцовъ Римскихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ грозили разрушеніемъ и укрѣпленіямъ; они сожжены префектами когортъ, такъ какъ защитить ихъ не было возможности. Значки, знамена и сколько было воиновъ собраны въ верхнюю часть острова, подъ начальствомъ Аквиллія, начальника первой роты тріаріевъ; но это болѣе по наименованію войско, чѣмъ какая-нибудь существенная сила. Такъ какъ все лучшее изъ когортъ было уведено, то Вителлій велѣлъ набрать поселянъ изъ ближайшихъ волостей Германцевъ и Нервіевъ и вооружилъ эту неспособную толпу, которой и самое оружіе было въ тягость.

16. Цивилисъ полагалъ, что необходимо дѣйствовать хитростью и потому онъ самъ винилъ префектовъ за то, «что они покинули укрѣпленія; онъ одинъ съ когортою, которою начальствуетъ, усмиритъ волненіе Каннинефатовъ, а префекты пусть возвратятся по своимъ зимнимъ квартирамъ». Но ясно было все коварство этого совѣта и то, что разсѣянныя когорты легче подавить, и что настоящій руководитель этой войны не Бринно, а Цивилисъ. Мало по малу обнаружились ясныя тому доказательства, и Германцы, для которыхъ война была удовольствіемъ, сами не долго скрывали этого. Видя неудачу коварныхъ замысловъ, Церіалисъ перешелъ къ дѣйствію открытою силою и Каннинефатовъ, Фризіевъ, Батавовъ устроилъ въ особые военные отряды. Со стороны Римлянъ войско направилось вблизи рѣки Рейна и тутъ суда, причаленныя послѣ сожженія укрѣпленій, были обращены къ непріятелю. Не долго продолжалась борьба: когорта Тунгровъ перенесла свои значки къ Цивилису; воины, ошеломленные неожиданною измѣною, избиваются и союзниками, и врагами. Такое же предательство и на судахъ: часть гребцовъ изъ Батавовъ, будто бы по не знанію дѣла, мѣшала экипажамъ и воинамъ защищавшимъ суда исполнять ихъ обязанности; потомъ стали явно имъ противудѣйствовать и кормы судовъ обращать къ непріятельскому берегу. Наконецъ они рулевыхъ и сотниковъ, если они не раздѣляли ихъ намѣреній, умерщвляли, пока весь флотъ изъ 24 судовъ или самъ не перешелъ, или не былъ взятъ силою.

17. Блистательная эта побѣда въ настоящемъ, и въ будущемъ

принесла пользу; получивъ оружіе и суда, въ которыхъ имѣли нужду, пріобрѣли великую славу по Германіямъ и Галліямъ, и ихъ величали виновниками свободы. Германіи тотчасъ прислали пословъ, предлагая вспоможеніе. Содѣйствія Галловъ добивался Церіалисъ хитростью и дарами, взятыхъ въ плѣнъ начальниковъ когортъ онъ отсылалъ назадъ въ ихъ города, когортамъ предоставлялъ возможность выбора уйдти или оставаться; тѣмъ, которые оставались, почетная служба, а которые уходили, тѣмъ давали изъ добычи ограбленныхъ Римлянъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ откровенныхъ бесѣдахъ онъ имъ внушалъ: сколько бѣдствій и въ теченіи столькихъ лѣтъ вытерпѣли они, называя лживо рабство—спокойствіемъ. Батавы, хотя и свободные отъ податей, взялись за оружіе противъ общихъ повелителей; въ первой битвѣ Римляне побѣждены и обращены въ бѣгство. А что же будетъ, если Галліи сбросятъ иго? Сколько чего останется въ Италіи? Однѣ провинціи побѣждаются кровью другихъ. Не вспоминайте о пораженіи Виндекса. Конница Батавская потоптала Эдуевъ и Арверновъ. Въ числѣ вспомогательныхъ войскъ Вергинія находились Белги, и если вникнуть въ истину, то Галлія пала отъ своихъ собственныхъ силъ. А теперь у всѣхъ роли все тѣ же; усилились они только всѣмъ знаніемъ военнаго дѣла, сколько его нашлось въ лагеряхъ Римскихъ. Съ нимъ тѣ когорты заслуженныхъ воиновъ, передъ которыми не давно смирились Отоновы легіоны. Пусть раболѣпствуютъ Сирія, Азія и привыкшій къ власти царей Востокъ; въ Галліи много еще въ живыхъ тѣхъ, кто родились еще прежде наложенія дани. И вовсе не давно, вмѣстѣ съ убіеніемъ Квинктилія Вара, Германія сбросила съ себя яремъ рабства и бой начатъ не противъ императора Вителлія, но противъ Цезаря Августа. Свободу природа дала даже безсловеснымъ животнымъ, а доблесть есть исключительное качество людей. И боги помогаютъ смѣлымъ. А пусть они, ничѣмъ не озабоченные нападутъ на занятыхъ, съ свѣжими силами на утомленныхъ. Теперь, когда одни поддерживаютъ Веспасіана, другіе Вителлія, представляется возможность дѣйствовать противъ того и другаго.

18. Таковы усилія употреблялъ Церіалисъ на Германіи и Галліи, и еслибы его замыслы удались, то его ждала бы царская власть надъ народами самыми богатыми и могущественными. Флаккъ Гордеоній поддержалъ попытки Церіалиса своимъ притворствомъ. Когда встревоженные гонцы принесли извѣстіе, что лагери взяты, когорты уничтожены, все что носитъ имя Римлянъ прогнано съ Батавскаго острова, онъ отдаетъ приказаніе Муммію

Луперку легату (онъ начальствовалъ надъ зимними помѣщеніями двухъ легіоновъ) выступить противъ непріятеля. Луперкъ—воиновъ легіоновъ, какіе были подъ руками, Убіевъ изъ сосѣдей, конницу Треверовъ, находившуюся не подалеку, поспѣшно переправилъ, присоединивъ эскадронъ Батавовъ; уже давно задумавъ измѣну, онъ прикидывался вѣрнымъ, чтобы, передавъ въ самомъ бою Римлянъ, бѣжать съ большою (для себя) выгодою. Цивилисъ, окруженный значками взятыхъ въ плѣнъ когортъ, чтобы воины имѣли въ глазахъ недавнюю славу, а враги испытывали бы ужасъ при воспоминаніи о пораженіи, матери своей и сестрамъ, а такъ же женамъ всѣхъ и малымъ дѣтямъ отдалъ приказаніе стать сзади, какъ поощреніе къ побѣдѣ и стыдъ въ случаѣ пораженія. Когда войско огласилось пѣніемъ мужчинъ, завываніями женщинъ, далеко не такой громкій и дружный крикъ послышался отъ когортъ и легіоновъ. Обнажилъ лѣвый флангъ эскадронъ Батавовъ, перебѣжавшій къ непріятелю и тотчасъ же обратившійся противъ насъ; но воины легіоновъ и при такомъ смутномъ положеніи дѣлъ сохранили и оружіе и ряды. Вспомогательныя войска Убіевъ и Треверовъ разсѣялись постыдномъ бѣгствомъ и разбрелись по всему полю. За ними бросились Германцы, и это дало возможность легіонамъ уйдти въ лагери, носившія названіе *старыхъ*. Начальникъ эскадрона Батавовъ—Клавдій Лабеонъ, во внутреннихъ дѣлахъ народа соперникъ Цивилиса,—отвезенъ къ Фризіямъ; убить его значило бы навлечь неудовольствіе соотечественниковъ, а оставить при себѣ—дать пищу раздорамъ.

19. Въ эти же дни когорты Батавовъ и Каннинефатовъ, когда они, по приказанію Вителлія, шли къ Риму, нагналъ вѣстникъ, посланный Вителліемъ. Тотчасъ переполнились они надменности и дерзости; они требовали: «вознагражденія за походъ, денежнаго подарка, двойнаго жалованія, увеличенія числа всадниковъ». Все это правда обѣщано было Вителліемъ, но воины домогались не того, чтобы получить, но чтобы имѣть поводъ къ возмущенію. Флаккъ во многомъ имъ уступилъ, но тѣмъ сдѣлалъ только то, что они еще настойчивѣе требовали того, въ чемъ напередъ знали, что имъ откажутъ. Пренебрегши Флаккомъ, они отправились въ Нижнюю Германію на соединеніе съ Цивилисомъ. Гордеоній, пригласивъ трибуновъ и сотниковъ, совѣтовался—усмирить ли силою отказывающихся повиноваться. Потомъ, по природной неспособности и вслѣдствіе опасеній служащихъ лицъ, которыхъ тревожили шаткость умовъ вспомогательныхъ войскъ и то, что легіоны пополнены внезапнымъ наборомъ, рѣшился—воиновъ удержать въ лагеряхъ. По-

томъ сталъ жалѣть о такомъ рѣшеніи, и такъ какъ его винили тѣ же, что и склоняли къ нему, то, какъ бы намѣреваясь преслѣдовать, писалъ Гереннію Галлу, легату перваго легіона, управлявшему Бонною: «не допускать Батавовъ пройдти, а онъ съ войскомъ будетъ идти у нихъ по пятамъ». И дѣйствительно, можно было бы ихъ подавить, еслибы съ одной стороны Гордеоній, съ другой Галлъ, двинувъ войска, приперли бы ихъ въ середину. Флаккъ оставилъ это намѣреніе и въ другомъ письмѣ предупреждалъ Галла, чтобы онъ не пугалъ ушедшихъ. Вслѣдствіе этого подозрѣніе, что война начинается съ согласія легатовъ и все, что случилось и чего опасались, происходитъ не отъ недѣятельности воиновъ или силы непріятельской, но отъ коварства вождей.

20. Батавы, по приближеніи къ лагерямъ Боннскимъ, послали впередъ изложить Гереннію Галлу порученія когортъ: «ничего враждебнаго и въ мысляхъ нѣтъ у нихъ противъ Римлянъ, за которыхъ они сражались столько разъ. Долговременною и безплодною службою измученные желаютъ лишь они покойно вернуться въ отечество. Если никто этому не воспротивится, то и движеніе ихъ будетъ безо всякаго вреда; если же ихъ встрѣтятъ вооруженною рукою, то они мечомъ проложатъ себѣ путь». Легатъ колебался, но воины его понудили—испытать счастія въ бою. Три тысячи воиновъ легіонныхъ и на скорую руку набранныя когорты Бельговъ, а такъ же толпа поселянъ и маркитантовъ, къ дѣлу неспособная, но отважная, прежде чѣмъ опасность въ виду, бросились изъ всѣхъ воротъ и Батавовъ, далеко не равныхъ численностью, окружаютъ. А тѣ, старые воины, свернулись въ каре со всѣхъ сторонъ плотное, гдѣ равно были обезпечены и фронтъ, и тылъ, и фланги. Такимъ образомъ безъ труда прорвали они нашу жиденькую боевую линію. Наступательнымъ движеніемъ Белговъ сбитъ легіонъ и воины въ безпорядкѣ побросались къ валу и воротамъ. Здѣсь-то всего значительнѣе былъ уронъ,—и не столько убитыми и ранеными въ бою, сколько тѣмъ, что нѣкоторые гибли падая и отъ своего собственнаго оружія. Побѣдители обошли колонію Агриппинскую и въ остальномъ движеніи не дерзнули ни на что непріязненное, старались оправдаться и въ Боннскомъ сраженіи: будто бы они просили мира и, получивъ въ немъ отказъ, вынуждены были промышлять собою.

21. Цивилисъ, по прибытіи когортъ, состоявшихъ изъ ветерановъ, сталъ во главѣ уже настоящаго (правильнаго) войска, но, незная на что рѣшиться и соображая силу Римлянъ, всѣхъ, тутъ на-

ходившихся, привелъ къ присягѣ Веспасіану; онъ отправилъ пословъ къ двумъ легіонамъ, которые, бывъ разбиты въ предшествовавшемъ сраженіи, *удались въ старые лагери* сказать, чтобы и они приняли ту же присягу. Данъ отвѣтъ: «не нуждаются они въ совѣтахъ ни предателя, ни враговъ. А государь у нихъ есть Вителлій, которому вѣрность они сохранятъ съ оружіемъ въ рукахъ до послѣдняго издыханія. А потому перебѣжчикъ къ Батавамъ пусть не беретъ на себя распоряженія дѣлами Римлянъ, а ждетъ достойной казни за свое преступленіе». Когда объ этомъ передали Цивилису, воспылалъ онъ гнѣвомъ и весь народъ Батавовъ призвалъ къ оружію. Присоединились Бруктеры, Тенктеры и вся Германія разосланными вѣстниками приглашена къ участію въ добычѣ и въ славѣ.

22. Въ виду такой, отовсюду скоплявшейся, военной грозы, легаты легіоновъ Муммій Луперкъ и Нумизій Руфъ укрѣпляли валъ и стѣны. Уничтожили труды долговременнаго мира—не далеко отъ лагерей построенный родъ города, для того чтобы непріятель имъ не воспользовался, но мало озаботились—свезть въ лагерь припасовъ; дозволено было грабить. Такимъ образомъ въ немного дней своевольно потрачено то, чего достало бы въ случаѣ крайности на долгое время. Цивилисъ, взявъ себѣ подъ команду средину строя съ силою Батавовъ, оба берега Рейна, съ цѣлью придать болѣе грозный видъ, наполнилъ отрядами Германцевъ, а по полямъ разсѣялась конница. Вмѣстѣ съ тѣмъ и суда тащили по рѣкѣ противъ теченія. Тутъ виднѣлись значки старыхъ заслуженныхъ когортъ, а тамъ изображенія звѣрей, взятыхъ въ лѣсахъ и рощахъ,—у каждаго племени свой обычай вступать въ бой: весь этотъ видъ войны вмѣстѣ гражданской и чужестранной поражалъ ужасомъ осажденныхъ. Надежды аттакующихъ увеличивались вслѣдствіе обширности вала, который, будучи устроенъ для двухъ легіоновъ, теперь былъ обороняемъ едва ли пятью тысячами вооруженныхъ; но множество маркитантовъ, собранное туда, какъ только возмущено было спокойствіе мира, на войнѣ оказывало содѣйствіе.

23. Часть лагерей исподволь поднималась на холмъ, часть имѣла доступъ съ ровнаго мѣста; Августъ имѣлъ въ виду этими зимними помѣщеніями тѣснить Германіи и держать ихъ какъ бы въ облежаніи, и еще никогда не было такой бѣды, чтобы наши легіоны сами подверглись здѣсь осадѣ отъ непріятеля. Потомъ не прилагали болѣе трудовъ для усиленія ни мѣстности, ни укрѣпленій; достаточнымъ находили силу оружія. Батавы и Зарейнцы, чтобы порознь мужество каждаго старалось болѣе выказаться, поставили каждое

племя отдѣльно и начали бой издали. Но когда большая часть пущенныхъ стрѣлъ попадали безъ пользы въ башни и зубцы стѣнъ, а сверху брошенные камни наносили раны, они съ криками и стремительностью бросились къ валу; большая часть приставили лѣстницы, а другіе лѣзли по намосту изъ щитовъ (надъ головами своихъ). Нѣкоторые уже и вскарабкались было, но сброшены внизъ мечами и ударами оружія; завалены кольями и дротиками сначала пресмѣлые и слишкомъ набалованные удачею. Но и тутъ, разсчитывая на добычу, терпѣливо сносили неуспѣхъ. Они дерзнули даже дѣлать машины (орудія), въ чемъ не имѣли ни малѣйшаго искусства. Перебѣжчики и плѣнные учили строить изъ дерева родъ моста и потомъ пододвигать на подставленныхъ колесахъ, такъ что одни стоя на сверху сражались какъ бы съ насыпи; другіе, скрываясь внизу, подрывали стѣны. Но камни, брощенные изъ баллисты (орудія большаго размѣра) разрушили это нескладное произведеніе и въ изготовлявшихъ фашины и щиты пущены изъ орудій раскаленныя до красна копья. Такимъ образомъ сами осаждающіе терпѣли отъ огня, пока, потерявъ надежду сдѣлать что-либо силою, обратились къ намѣренію—медлить (затянуть дѣло); не безъизвѣстно имъ было, что въ укрѣпленіи находится запасовъ продовольствія на нѣсколько лишь дней и много народу къ войнѣ непригоднаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ надѣялись, что нужда вызоветъ предательство; расчитывали на шаткую вѣрность рабовъ и на случайности войны.

24. Между тѣмъ Флаккъ, узнавъ объ осадѣ лагерей и пославъ по Галліямъ для вызова вспомогательныхъ силъ, отборныхъ изъ легіоновъ воиновъ отдаетъ Дидію Вокулѣ, легату восьмнадцатаго легіона, чтобы онъ поспѣшилъ какъ можно большими переходами по берегу. А самъ, оробѣвъ, страдалъ тѣлеснымъ нездоровьемъ и былъ ненавистенъ воинамъ. Уже на-прямки (безъ обиняковъ) роптали они: «выпущены изъ Магонтіака когорты Батавовъ, сквозь пальцы смотрѣли на замыслы Цивилиса. Ни Примъ Антоній, ни Муціанъ не сдѣлали столько въ пользу дѣла Веспасіанова. Явныя недружбу и враждебныя дѣйствія можно явно и отражать; а хитрость и коварство скрыты и тѣмъ труднѣе ихъ избѣжать. Цивилисъ стоитъ противъ нихъ, устроиваетъ войска въ боевой порядокъ, а Гордеоній изъ опочивальни съ постели отдаетъ приказанія на то, что полезно непріятелю. Столько вооруженныхъ рукъ храбрѣйшихъ воиновъ должны зависѣть отъ больнаго старика! Не лучше ли, умертвивъ предателя развязать руки и своей доблести и сча-

стію и уничтожить зловѣщее вліяніе»? Такими-то разговорами подстрекали они другъ друга; еще большимъ поощреніемъ было письмо отъ Веспасіана, которое Флаккъ, не имѣя возможности скрыть, прочиталъ передъ собраніемъ воиновъ; связавъ тѣхъ, которыя принесли, отправилъ ихъ къ Вителлію.

25. Въ такомъ-то расположеніи умовъ пришли въ Бонну, зимовку перваго легіона. Воины, приходя все въ большее и большее раздраженіе, сваливали вину пораженія на Гордеонія: «по его приказанію двинуто противъ Батавовъ войско, такъ какъ будто бы ихъ преслѣдуютъ отъ Мугонтіака легіоны; вслѣдствіе его предательства они поражены, такъ какъ ни откуда не подошли подкрѣпленія. Неизвѣстно это прочимъ войскамъ и не дается объ этомъ извѣстія ихъ императору, между тѣмъ какъ содѣйствіемъ столькихъ провинцій легко было подавить внезапно возникшій коварный замыселъ». Гордеоній образцы всѣхъ писемъ, какими вымаливалъ пособій въ Галліяхъ, Британніи и Испаніяхъ, прочиталъ войску и установилъ самый дурной обычай—письма передавать носившимъ орлы легіоновъ, и тѣ читали ихъ прежде воинамъ, чѣмъ вождямъ. За тѣмъ онъ отдаетъ приказаніе одного изъ возмутителей связать болѣе для того, чтобы показать на дѣлѣ свое право, чѣмъ чтобы это дѣйствительно была вина одного. Изъ Бонны войско двинулось въ Агриппинскую колонію; стеклись во множествѣ подкрѣпленія Галловъ, и они сначала усердно помогали дѣлу Римлянъ, но потомъ, съ усиленіемъ Германцевъ, большинство городовъ вооружилось противъ насъ надѣясь вольности и, въ случаѣ еслибы удалось скинуть яремъ рабства, страстно желая повелѣвать. Раздраженіе воиновъ не утихало и заключеніе въ оковы одного воина не наводило имъ страха; да и тотъ самъ винилъ: «что вождь сознаетъ за собою вину и онъ, бывъ вѣстникомъ между Цивилисомъ и Флаккомъ, устраняется ложнымъ обвиненіемъ отъ свидѣтельства въ правдѣ». Вокула взошелъ на трибуналъ съ удивительною твердостью: схвативъ воина, несмотря на его крики, велѣлъ вести на казнь. Оробѣли люди злонамѣренные, а тѣ, что получше, повиновались приказанію; за тѣмъ стали единогласно требовать вождемъ Вокулу, и Флаккъ предоставилъ ему главное распоряженіе.

26. Отсутствіе единодушія въ воинахъ поддерживалось многими причинами: нуждались въ жалованьи и продовольствіи, и вмѣстѣ съ пренебреженіемъ смотрѣли на наборъ и денежные сборы въ Галліи. Рейнъ, вслѣдствіе засухи, въ той сторонѣ необычной, едва былъ доступенъ судамъ, а потому подвозы стѣснены. По всему бе-

регу разставлены посты отражать Германцевъ отъ бродовъ, а по этой причинѣ менѣе плодовъ, а кому потреблять, тѣхъ больше. Люди неопытные за чудесное явленіе считали самый недостатокъ воды, какъ будто бы уже намъ отказались служить самыя рѣки и все то, въ чемъ прежде наше могущество находило себѣ опору; то, что въ мирное время назвали бы случаемъ или дѣломъ природы, теперь называли приговоромъ судьбы и божьимъ гнѣвомъ. Когда они вошли въ Новезій, то присоединился тринадцатый легіонъ. Приданъ Вокулѣ—раздѣлить часть его заботъ—легатъ Гереннія Галлъ, и не дерзая идти къ непріятелю, въ урочищѣ, называемомъ Гельдуба, стали лагеремъ. Тутъ они упражняли воиновъ въ возведеніи окоповъ и укрѣпленій и въ другихъ военныхъ занятіяхъ; а чтобы добыча болѣе подстрекала ихъ къ мужеству, то Вокула повелъ войско въ ближайшія села Гугерновъ, вступившихъ въ союзъ съ Цивилисомъ. Часть осталась съ Гереннiемъ Галломъ.

27. Случилось, что, не вдали отъ лагеря, судно, нагруженное хлѣбомъ и ставшее на мель, Германцы стали тащить на свой берегъ. Галлъ не стерпѣлъ этого и послалъ на помощь когорту. Прибавилось и число Германцевъ, къ которымъ мало-по-малу подходили подкрѣпленія, и завязалось правильное сраженіе. Германцамъ таки удалось, съ большимъ урономъ нашихъ, утащить судно. Побѣжденные,—тогда ужь это вошло въ обычай, —винили не собственную трусость, но коварство легата. Вытащили его изъ палатки, разорвали на немъ одежду, били его по тѣлу, приказывая сказать: «за какую цѣну и при чьемъ соучастіи предалъ онъ войско?» Снова возникло неудовольствіе и на Гордеонія; его называютъ главнымъ виновникомъ преступнаго умысла, а легата—исполнителемъ; наконецъ, въ ужасѣ передъ угрозами гибели, онъ и самъ упрекнулъ Гордеонія въ предательствѣ; его связали и только по прибытіи Вокулы получилъ онъ свободу; а Вокула на другой день казнилъ смертью виновниковъ возмущенія. Такъ легко это войско переходило изъ одной крайности въ другую: отъ своеволія къ терпѣливости. Не было сомнѣнія, что простые воины оставались вѣрными Вителлію; но всѣ лица болѣе почетные склонялись къ Веспасіану. Вслѣдствіе этого преступныя дѣйствія чередовались съ казнями и неистовство не исключало готовности повиноваться, такъ что сдержать воиновъ не были въ состояніи тѣ же, которые могли казнить.

28. Цивилиса вся Германія поддерживала громадными усиліями и союзъ съ нимъ закрѣпила знатнѣйшими заложниками. Онъ, соображаясь, кому куда ближе, «однимъ отдаетъ приказаніе опусто-

шить земли Убіевъ и Треверовъ, другому отряду перейдти рѣку Мозу съ тѣмъ, чтобы затронуть Менапіевъ, Мориновъ и самый отдаленный край Галліи». Въ обоихъ мѣстахъ получена добыча; непріязненнѣе всего поступлено было съ Убіями за то, что этотъ народъ Германскаго происхожденія отрекся отъ отечества и принялъ даже Римское наименованіе Агриппинянъ. Поражены ихъ когорты у поселка Маркодура; они не приняли мѣръ предосторожности, находясь далеко отъ берега. Не успокоились отъ того Убіи, а продолжали ходить въ Германію за грабежемъ, сначала безнаказанно, но потомъ окружены были; во всю эту войну были они болѣе вѣрны, чѣмъ счастливы. Съ пораженіемъ Убіевъ, Цивилисъ, вслѣдствіе удачъ становясь все смѣлѣе и рѣшительнѣе, тѣснилъ осадою легіоны; онъ особенное вниманіе употреблялъ на караулы, чтобы не пробрался какой-либо тайный вѣстникъ о приближающемся подкрѣпленіи. Осадныя орудія и главный трудъ взвалилъ на Батавовъ; за-Рейнцамъ требовавшимъ отдаетъ приказаніе идти разрушить окопы, сбить оттуда Римлянъ и возстановить бой. Народу было въ избыткѣ и легко было перенести уронъ; даже съ наступленіемъ ночи не прекратились работы.

29. Они навалили кругомъ деревьевъ и зажгли ихъ, а сами ужинали; разгорячась виномъ, они съ (безполезною) пустою самонадѣянностью стремились на бой. Ихъ стрѣлы, направленныя въ темноту, оставались безъ всякаго дѣйствія; а у Римлянъ боевая линія дикарей была на виду, и кто особенно выказывался удальствомъ или признаками достоинства, то они мѣтили въ него какъ въ цѣль. Понялъ это Цивилисъ и отдалъ приказаніе погасить огни, чтобы мракъ прикрылъ всѣ военныя дѣйствія. Тутъ раздались самые нестройные звуки; все стало зависѣть отъ невѣрной случайности и не было возможности съ предусмотрительностью или нанесть ударъ, или уклониться отъ него. Откуда раздавались крики, туда поворачивались сами, напрягали луки; мужество ничего не значило; случай производилъ общее замѣшательство, и не одинъ храбрецъ палъ отъ удара труса. Со стороны Германцевъ—раздраженіе безо всякой обдуманности; воины Римскіе, уже опытные въ опасностяхъ, бросали не на удачу колья съ желѣзными наконечниками и тяжеловѣсные камни. А когда шумъ приближающихся или подставленныя лѣстницы предавали непріятеля въ руки, то сбивали ихъ ударами щитовъ, а потомъ преслѣдовали дротиками; многихъ, уже вошедшихъ на стѣны, кололи кинжалами. Такъ прошла ночь, но день освѣтилъ новое сраженіе.

30. Возвели Батавы башню въ два этажа; ее стали пододвигать къ воротамъ преторія (съ этой стороны мѣстность была всего ровнѣе); противъ нея осажденные выдвинули здоровые рычаги и бросили бревна, чѣмъ и проломили ее съ большимъ вредомъ для тѣхъ, которые стояли наверху. На пришедшихъ въ замѣшательство сдѣлана внезапная вылазка), и схватка была съ большимъ успѣхомъ. Также воины легіоновъ, превосходя опытностью и искусствомъ, производили сами еще болѣе значительныя работы. Особенно нагнала страхъ непріятелю машина, устроенная такъ, что она качалась на перевѣсѣ и, спустивъ вдругъ крюкъ, она въ виду (такъ сказать изъ-подъ носа) своихъ зацѣпляла одного или нѣсколькихъ изъ непріятелей, поднимала ихъ къ верху и потомъ повернувшись отбрасывала ихъ внутрь лагеря. Цивилисъ, оставивъ надежду овладѣть лагеремъ приступомъ, снова ограничился тѣмъ, что сидѣлъ у нихъ праздно, пересылками и обѣщаніями стараясь сломить вѣрность легіоновъ.

31. Вотъ что дѣлалось въ Германіи прежде сраженія Кремонскаго; объ исходѣ его дали знать письма Прима Антонія; къ нимъ приложенъ былъ и эдиктъ Цецины. Префектъ одной когорты изъ побѣжденныхъ Альпинъ Монтанъ явно признался, что онъ склоняется на сторону партіи (Флавіевой или Веспасіана). Это произвело различное впечатлѣніе на умы. Вспомогательные отряды Галловъ, не чувствовавшіе ни расположенія, ни вражды къ партіи, по убѣжденію своихъ начальниковъ, тотчасъ же отпадаютъ отъ Вителлія; старые воины медлили. Но когда Гордеоній Флаккъ сталъ приводить къ присягѣ, то, по настоянію трибуновъ, воины ее дали, но ни выраженіемъ лицъ, ни въ душѣ не считали ее себѣ обязательною и повторяя прочія слова присяги, при имени Веспасіана останавливались и отдѣлывались или легкимъ шепотомъ, или и вовсе молчаніемъ.

32. Прочитано потомъ передъ собраніемъ воиновъ письмо Антонія къ Цивилису; оно дало еще болѣе пищи раздраженію воиновъ, будучи писано какъ бы къ сотруднику въ дѣлѣ партіи, а о Германскомъ войскѣ враждебно. Вслѣдъ за тѣмъ полученное въ лагеряхъ у Гельдубы извѣстіе имѣло послѣдствіемъ и такіе же разговоры, и такіе же факты. Посланъ къ Цивилису съ порученіями Монтанъ: «пусть Цивилисъ прекратитъ непріязненныя дѣйствія; и пусть не прикрываетъ дѣла чужестранцевъ ложнымъ призракомъ войны. А если онъ замыслилъ оказать помощь Веспасіану, то его начинанія уже осуществлены. Но это Цивилисъ сначала хитро, потомъ видя,

что Монтанъ человѣкъ крайне смѣлаго и рѣшительнаго характера и готовъ на всякое новое предпріятіе, началъ жаловаться на опасности, какимъ онъ подвергался въ лагеряхъ Римскихъ въ продолженіи двадцати пяти лѣтъ; онъ говорилъ: «отмѣнную награду получилъ я за труды; по праву народовъ домогаюсь возмездія за убійство брата, за то, что самъ находился въ оковахъ, за полные неумолимой жестокости крики этого войска, которыми оно меня требовало на казнь. Да и вы, Треверы, и все, что еще осталось живымъ въ рабствѣ, какой ждете награды за столько разъ пролитую кровь, кромѣ военной службы самой неблагодарной, безконечныхъ повинностей, розогъ, топоровъ и другихъ изобрѣтеній вашихъ повелителей. Вотъ я, начальствуя одною когортою съ Каннинефатами и Белгами, незначительною частью Галлій или истребимъ тѣ пустыя пространныя лагери или окруживъ стѣснимъ мечемъ и голодомъ. Наконецъ ихъ смѣлую попытку или увѣнчаетъ достиженіе свободы, или и побѣжденные будемъ все тѣ жертвы,—хуже не будетъ». Такъ онъ его поджегъ, но приказалъ принесть отвѣтъ помягче и отослалъ, а онъ вернулся какъ бы безъ успѣха въ предметѣ посольства; остальное же скрылъ, что не замедлило выказаться наружу.

33. Цивилисъ, удержавъ часть войскъ, старыя (заслуженныя) когорты и изъ Германцевъ людей наиболѣе на все готовыхъ отправилъ противъ Вокулы и его войска подъ предводительствомъ Юлія Максима и Клавдія Виктора, сына его сестры. Во время перехода захватываютъ они зимнія квартиры коннаго отряда, находившіяся въ Асцебургѣ, и до того неожиданно напали они на лагерь, что Вокула не имѣлъ возможности ни сдѣлать увѣщаніе воинамъ, ни устроить боевую линію. Только одно, какъ въ тревогѣ, внушалъ: «центръ подкрѣпить воинами подъ значками», а кругомъ въ разныхъ мѣстахъ разсѣяны подкрѣпленія. Конница бросилась впередъ, встрѣчена стройными рядами непріятелей, а тылъ обратила къ своимъ. Вслѣдствіе этого побоище, а не сраженіе, и Нервіевъ когорты изъ робости или вѣроломства обнажили флангъ нашихъ. Такимъ образомъ дошли до легіоновъ, и тѣ, утративъ значки, были истребляемы внутри вала, какъ вдругъ вслѣдствіе неожиданнаго подкрѣпленія измѣнилась участь сраженія. Когорты Васконовъ, набранныя Гальбою и въ то время призванныя, приближаясь къ лагерю, услыхали крики сражающихся и напали съ тылу на непріятеля, вниманіе котораго обращено было впередъ, и навели ужасъ далеко большій, чѣмъ можно было ожидать отъ ихъ числа; одни полагали, что отъ Новезія, а другіе, что отъ Магонтіака прибыли

всѣ силы. Такое заблужденіе придало мужества Римлянамъ и, въ надеждѣ на силы другихъ, они и съ своими собрались. Храбрѣйшіе изъ Батавовъ, сколько было пѣхоты, обращены въ бѣгство; конница ушла съ значками и плѣнными, схваченными въ прежнемъ бою. Убитыхъ въ этотъ день на нашей сторонѣ больше, но не изъ наиболѣе способныхъ къ войнѣ, а изъ Германцевъ самые храбрые.

34. И того и другаго вождя, одинаковою виною заслужившихъ несчастіе, не хватило при благополучныхъ обстоятельствахъ. Цивилисъ, еслибы болѣе значительными силами подкрѣпилъ боевую линію, не могъ бы быть обойденъ немногими когортами и уничтожилъ бы лагери ворвавшись въ нихъ. Вокула о приходѣ непріятеля не развѣдалъ, и вслѣдствіе этого одновременно и выступилъ и побѣжденъ. Потомъ, мало полагаясь на побѣду, безполезно истративъ время, лагерь выдвинулъ противъ непріятеля. А еслибы онъ немедленно на него ударилъ и поспѣшилъ бы слѣдовать за благопріятнымъ оборотомъ обстоятельствъ, то тѣмъ же порывомъ могъ бы освободить легіоны изъ осады. Между тѣмъ Цивилисъ дѣлалъ попытки повліять на умы осажденныхъ; онъ представлялъ, что дѣло Римлянъ проиграно навсегда, и что побѣда окончательно увѣнчала его усилія. Носили кругомъ значки и знамена; показывали даже плѣнныхъ; изъ нихъ одинъ дерзнулъ на отличное дѣло, громкимъ голосомъ разсказалъ онъ, какъ было дѣло, и тутъ же на мѣстѣ убитъ Германцами. Вслѣдствіе этого еще болѣе повѣрили его показанію. А также опустошеніе и пожары горѣвшихъ деревень давали разумѣть, что приближается войско, одержавшее побѣду. Вокула отдаетъ приказаніе: «въ виду лагерей поставить значки и самимъ воинамъ стать вокругъ рва и вала; сложивъ всѣ походныя тяжести, сражаться налегкѣ». Вслѣдствіе этого возникъ противъ вождя крикъ требовавшихъ немедленно сраженія; воины уже привыкли грозить. Не давъ даже времени устроить ихъ въ боевой порядокъ, воины нестройными толпами и утомленные вступили въ бой, такъ какъ Цивилисъ уже явился, полагаясь по крайней мѣрѣ столько же на ошибки непріятелей, сколько на мужество своихъ. Римляне дѣйствовали съ разнообразнымъ счастіемъ и первые въ дѣлѣ возмущенія робѣли на полѣ битвы; нѣкоторые, имѣя еще въ памяти недавнюю побѣду, удерживали позицію, поражали непріятеля, убѣждали сами себя и другихъ. Возстановивъ сраженіе, они протягиваютъ руки къ осажденнымъ, умоляя—не пропускать удобнаго случая. А тѣ, видя все со стѣнъ, бросились изо всѣхъ воротъ. Случилось, что Цивилисъ свалился съ упавшей лошади и по-

тому и другому войску разошелся слухъ, что онъ раненъ или убитъ; это придало необычайный страхъ его воинамъ, а противникамъ—усердіе.

35. Но Вокула, оставивъ преслѣдованіе бѣгущихъ, прибавлялъ валъ и башни лагерные, какъ будто бы снова грозила осада; столько разъ испортивъ плоды побѣды, не безъ основанія подавалъ поводъ подозрѣвать, что онъ предпочитаетъ войну. Ничто столько не томило наши войска, какъ недостатокъ запасовъ. Тяжести легіоновъ съ толпою неспособныхъ къ войнѣ отосланы въ Новезій для того, чтобы оттуда сухимъ путемъ привезть хлѣба, такъ какъ рѣка находилась во власти непріятеля. Сначала этотъ отрядъ шелъ безопасно, такъ какъ Цивилисъ не былъ еще достаточно крѣпокъ, а когда Цивилисъ узналъ, что «снова посланы въ Новезій фуражиры, а для прикрытія даны когорты и что онѣ идутъ такъ, какъ бы въ совершенно мирное время: воиновъ подъ значками очень мало, оружіе въ повозкахъ, всѣ шли свободно какъ кому хотѣлось. Въ полномъ порядкѣ ударилъ на нихъ Цивилисъ, пославъ впередъ занять мосты и тѣснины дорогъ. Сражались длиннымъ строемъ, и военное счастіе было нерѣшительно, пока ночь не положила конецъ бою. Когорты отправились въ Гельдубу, а лагери остались какъ были; они защищались силами оставленныхъ тамъ воиновъ. Не было сомнѣнія относительно того, насколько съ опасностью сопряжено было бы обратное движеніе, когда фуражиры, пораженные ужасомъ, должны были идти съ грузами. Вокула прибавилъ къ своему войску тысячу отборныхъ воиновъ изъ пятаго и пятнадцатаго легіона, осажденныхъ въ *Старыхъ лагеряхъ*,—воиновъ неукротимыхъ и вождямъ враждебныхъ. Ихъ отправилось болѣе чѣмъ сколько приказано было, и явно въ строю ворчали они, что не станутъ долѣе терпѣть голодъ и коварныя затѣи легатовъ. А тѣ, которые оставались, жаловались, что они брошены съ уведеніемъ части легіоновъ. Вслѣдствіе этого двойное возмущеніе: одни звали Вокулу назадъ, а другіе не соглашались возвратиться въ лагерь.

36. Между тѣмъ Цивилисъ обложилъ *старые лагери*. Вокула удалился въ Гельдубу, а оттуда въ Новезій. Цивилисъ беретъ Гельдубу, затѣмъ неподалеку отъ Новезія съ успѣхомъ даетъ конное сраженіе; но воины и удачными и неудачными дѣйствіями одинаково возбуждаются на гибель вождей. Легіоны, численность которыхъ увеличилась съ приходомъ воиновъ пятаго и пятнадцатаго легіоновъ, требуютъ денежнаго подарка, узнавъ, что отъ Вителлія присланы деньги. Не долго медлилъ Гордеоній и далъ подарокъ

именемъ Веспасіана; это послужило главнымъ поводомъ возстанія; воины предались наслажденіямъ и пиршеству, дѣлали ночныя сходки и съ большею силою возобновилось прежнее раздраженіе противъ Гордеонія. Ни одинъ изъ легатовъ и трибуновъ не осмѣлился вступиться (ночь отнимала стыдъ), и воины, стащивъ Гордеонія съ постели, убили его. То же готовили и Вокулѣ, но онъ, въ одеждѣ раба, въ потьмахъ, ускользнулъ не узнанный. Когда волненіе успокоилось, вернулось опасеніе; отправили сотниковъ съ письмами въ галльскіе города умолять о вспоможеніи людьми и деньгами.

37. А сами, какъ обыкновенно толпа безъ управленія неосмотрительна, робка, безпечна, съ приходомъ Цивилиса поспѣшно берутъ оружіе и тотчасъ же бросаютъ и обращаются въ бѣгство. Несчастіе вызвало раздоръ, и тѣ, что были изъ верхняго войска, отдѣляли свое дѣло. Впрочемъ, изображенія Вителлія въ лагеряхъ и по ближайшимъ городамъ Белговъ поставлены снова, когда уже самъ Вителлій палъ. Затѣмъ пришли въ раскаяніе воины перваго, четвертаго и восьмнадцатаго легіона; они послѣдовали за Вокулою и у него, возобновивъ присягу Веспасіану, поведены освободить Магонтіакъ отъ осады. Ушли осаждающіе—войско, смѣшанное изъ Каттовъ, Узипіевъ, Маттіаковъ, пресытясь добычею, доставшеюся имъ, впрочемъ, не безъ пролитія крови. На дорогѣ разсѣянныхъ и не знавшихъ ничего воинъ нашъ аттаковалъ. Даже Треверы устроили по своимъ предѣламъ палисадъ и валъ, и съ большими взаимно потерями вели войну съ Германцами, пока свои отличныя заслуги народу Римскому не замедлили опозорить измѣною.

38. Между тѣмъ Веспасіанъ вторично и Титъ вступили въ отправленіе консульства заочно; граждане были печальны и волновались разнообразными опасеніями; кромѣ уже неминуемыхъ золъ, возникли и ложныя опасенія: отпала будто бы Африка, и Л. Пизонъ замышляетъ переворотъ. «Онъ начальствовалъ этою провинціею, и отъ природы вовсе не былъ человѣкъ безпокойный; но такъ какъ суда задерживаемы были жестокою зимою, то масса, привыкшая ежедневно закупать себѣ продовольствіе и лишь въ вопросѣ о хлѣбѣ интересовавшаяся тѣмъ, что дѣлалось въ государствѣ, опасаясь того, какъ бы не закрыли гавани и не задержали хлѣбныхъ подвозовъ, уже тому и вѣрила. Молву эту усиливали Вителліанцы, не совсѣмъ еще отказавшіеся отъ духа партіи, да и побѣдителямъ слухъ этотъ былъ не совсѣмъ непріятенъ, такъ какъ ихъ пожеланія, никакими чужестранными войнами не удовлетво-

ренныя, никогда ни одна гражданская война не могла удовлетворить.

39. Въ Январскія календы въ сенатѣ, созванномъ Юліемъ Фронтиномъ, преторомъ городскимъ, легатамъ, войскамъ и царямъ выражепы: похвалы и признательность, а у Терція Юліана отнято преторство, такъ какъ онъ будто бы покинулъ легіонъ, переходившій на сторону Веспасіана, и перенесено на Плотія Грифа. Горму дано всадничье достоинство и потомъ, по отказѣ Фронтина, Цезарь Домиціанъ взялъ себѣ преторство. Его имя ставили въ заголовкахъ писемъ и эдиктовъ, а сила (власти) находилась у Муціана; развѣ только не многое осмѣливался Домиціанъ по наущенію пріятелей или по собственному желанію. А главное опасеніе Муціану было отъ Прима Антонія и Вара Аррія; свѣжи были еще ихъ подвиги; ихъ сопровождала слава и усердіе воиновъ, и даже народъ ихъ любилъ за то, что они ни къ кому жестоки не были, кромѣ на полѣ сраженія. Носился слухъ, будто бы Антоній склонялъ заявить домогательство на верховную власть Антонія Скрибоніана Красса, знаменитаго предками и въ особенности славною памятью брата; не было бы недостатка въ единомышленникахъ, еслибы Скрибоніанъ не отказался; не легко было бы его соблазнить, будь и все готово, а тѣмъ болѣе опасался онъ невѣрнаго. А потому Муціанъ, такъ какъ явно не было возможности погубить Антонія, въ сенатѣ осыпалъ его большими похвалами, не щадилъ и тайныхъ обѣщаній, указывая на дальнюю Испанію, свободную съ удаленіемъ Клувія Руфа, и тутъ же пріятелямъ Антонія роздаетъ трибунства и префектуры; потомъ, наполнивъ тщеславный умъ надеждами и пожеланіями, отнимаетъ силы: отосланъ на зимнія квартиры седьмой легіонъ, отличавшійся особенно сильною привязанностью къ Антонію. И третій легіонъ, воины котораго сошлись близко съ Арріемъ Варомъ, отосланъ въ Сирію. Часть войска повели въ Германію. Такимъ образомъ, съ удаленіемъ всего безпокойнаго, городу Риму возвратился его обычный видъ, законы и обязанности должностныхъ лицъ.

40. Домиціанъ въ тотъ день, когда вошелъ въ сенатъ, въ краткихъ и скромныхъ выраженіяхъ сказалъ объ отсутствіи отца и брата по своей крайней молодости. Наружность его была привлекательна, нравственности еще не знали и частое замѣшательство въ лицѣ приписывали скромности. По докладу Цезаря о возстановленіи почестей Гальбѣ, Курцій Монтанъ подалъ мнѣніе: прославить и память Пизона. Сенаторы приказали то и другое, но относительно

Пизона осталось безъ исполненія. Тутъ по жеребью назначены: тѣ, на чьей обязанности должно быть возвращеніе награбленнаго во время войны, и тѣ, которые доски законовъ, отъ времени изгладившіяся, должны разобрать и возобновить, а перечень праздничныхъ дней, подлою лестью оскверненный, очистить и положить мѣру общественнымъ издержкамъ. Возвращено Терцію Юліану преторство послѣ того, какъ узнали, что онъ убѣжалъ къ Веспасіану; Грифу осталась честь. Положено потомъ возобновить разбирательство между Музоніемъ Руфомъ и П. Целеромъ. Публій осужденъ и принесено удовлетвореніе тѣнямъ Сорана. Ознаменованный всенародною строгостью день не былъ чуждъ похвалы и отъ частныхъ лицъ. Всѣмъ казалось, что Музонія обвиненіе было справедливо; иная молва о Деметріи, выставлявшемъ себя послѣдователемъ цинической секты, за то, что явнаго преступника защищалъ съ большимъ честолюбіемъ, чѣмъ честностью. Самому Публію не хватило ни присутствія духа въ опасности, ни дара слова. Когда такимъ образомъ былъ поданъ знакъ возмездія обвинителямъ, просилъ у Цезаря Юлій Маврикъ—представить разсмотрѣнію сената памятныя записки государей, изъ которыхъ онъ могъ бы узнать, кто кого требовалъ къ обвиненію. На что Цезарь отвѣчалъ, что надобно спросить объ этомъ мнѣнія у самого государя.

41. Сенатъ, по инициативѣ знатнѣйшихъ лицъ, сложилъ присягу, которою всѣ должностныя лица одинъ за другимъ и прочіе, по мѣрѣ того, какъ ихъ спрашивали о мнѣніи, призывали боговъ въ свидѣтели: «что при его (дававшаго присягу) содѣйствіи, никто не пострадалъ въ безопасности, и что онъ изъ бѣдствія согражданъ не извлекъ себѣ ни награды, ни почести.» Приходили въ смущеніе и, разными ухищреніями, старались измѣнить слова присяги тѣ, которые сознавали за собою дурное. Сенаторы одобряли такое священное обязательство, а клятвопреступниковъ уличали. И эта, какъ бы цензура, налегла въ особенности строго на Саріолена Вокулу, Нонія Актіана и Цестія Севера, пріобрѣтшихъ извѣстность частыми доносами Нерону. Надъ Саріоленомъ тяготѣло и недавнее обвиненіе, что онъ и у Вителлія пытался дѣлать тоже. И не переставали сенаторы грозить руками Вокулѣ, пока онъ не вышелъ изъ куріи. Перейдя къ Пактію Африкану, и его прогоняютъ: будто бы онъ Нерону указалъ на братьевъ Скрибоніевъ, знаменитыхъ согласіемъ и богатствами. Африканъ и не смѣлъ признаться, и не могъ отрицать: обратясь самъ на Вибія Криспа, который не давалъ ему покоя вопросами, внося замѣшательство туда, гдѣ защищаться не былъ въ

силахъ, отклонилъ отъ себя негодованіе, указавъ на обвинителя какъ на соучастника вины.

42. Большую въ этотъ день славу нѣжности родственныхъ чувствъ и краснорѣчія пріобрѣлъ Випстанъ Мессала; по лѣтамъ еще не былъ сенаторомъ, а онъ дерзнулъ заступиться за брата Аквилія Регула; на него страшное негодованіе навлекла гибель домовъ Красса и и Орфита. Казалось, что онъ по собственному побужденію, на основаніи сенатскаго декрета, явился обвинителемъ въ крайней молодости и не съ тѣмъ, чтобы отъ себя отразить опасность, но въ надеждѣ на могущество. И Сульпиція Претекстата, жена Красса, и четверо дѣтей, въ случаѣ еслибы сенатъ сталъ разслѣдовать, являлись мстителями. А потому Мессала не защищалъ ни дѣла, ни подсудимаго, но, жертвуя собою опасному положенію брата, нѣкоторыхъ разжалобилъ. Выступилъ, напротивъ, Монтанъ крайне рѣзкою рѣчью; онъ дошелъ до того, что попрекалъ: «будто бы послѣ убійства Гальбы, убійцѣ Пизона Регулъ далъ денегъ и усиливался укусить голову Пизона».—«Ужь конечно къ этому, такъ говорилъ Монтанъ, Неронъ тебя не принуждалъ и такою свирѣпостью не искупилъ бы ни своего положенія, ни безопасности. Еще стерпимъ защиту тѣхъ, которые предпочитали погубить другихъ, чѣмъ сами погибнуть. А тебя въ безопасности оставилъ отецъ-изгнанникъ, имущество раздѣлено между кредиторами, возрастъ еще не созрѣвшій для почестей; ничего завиднаго не представлялъ онъ для Нерона и ничего опаснаго. Страстно жаждая крови и гоняясь за наградами, ты свой умъ, еще неизвѣстный и неиспытанный никакими защитами, осквернилъ убійствомъ знатнаго лица. Какъ изъ смертныхъ остатковъ общаго дѣла (государства) исхитилъ ты словно добычу—достояніе консуловъ, пресытился семью милліонами сестерцій и чванишься священствомъ, а невинныхъ дѣтей (мальчиковъ), знаменитыхъ старцевъ, заслужившихъ уваженіе женщинъ обрекъ ты вмѣстѣ гибели. Ты обвинялъ Нерона въ малодушіи за то, что онъ утомлялъ и себя и доносчиковъ преслѣдованіемъ отдѣльныхъ родовъ: между тѣмъ какъ, однимъ словомъ, можно погубить сенатъ. Сохраните же, отцы достопочтенные, и приберегите на случай человѣка ума столь находчиваго (изобрѣтательнаго) для того, чтобы каждое время имѣло своихъ наставниковъ, и какъ старики наши слѣдовали примѣру Марцелла, Криспа, молодые люди пусть подражаютъ Регулу. Находитъ, конечно, подражателей даже несчастливая подлость, а что же если она будетъ входить въ силу и процвѣтать? И кого мы еще квесторомъ не дерзаемъ коснуться,

допустимъ ли ему быть преторомъ и консуломъ? Не думаете ли вы, что Неронъ уже исполнилъ мѣру (злоупотребленія) власти? Также думали тѣ, которые пережили Тиберія и Каія; но явился повелитель еще неумолимѣе и жесточе. Мы не опасаемся Веспасіана,—таковы и его лѣта и умѣренность. Но прочнѣе сохраняются примѣры, чѣмъ нравы. Слабѣемъ мы, почтенные сенаторы, и уже составляемъ не тотъ сенатъ, который, по убіеніи Нерона, требовалъ доносчиковъ-исполнителей на казнь по обычаю предковъ. Лучшій послѣ дурнаго государя есть первый день».

43. Съ такимъ одобреніемъ сената выслушанъ Монтанъ, что Гельвидій возымѣлъ надежду, нельзя ли сразить и Марцелла. А потому, начавъ съ похвалы Клувія Руфа, который, будучи столько же богатъ, сколько и славенъ краснорѣчіемъ, никому никогда при Неронѣ не причинилъ опасности, кололъ Епрія и этимъ примѣромъ и его собственною виновностью. Умы сенаторовъ были разгорячены. Понявъ это, Марцеллъ, какъ бы выходя изъ куріи, сказалъ: «уйдемъ, Прискъ, и оставимъ тебѣ твой сенатъ. Царствуй и въ присутствіи Цезаря». Вибій Криспъ послѣдовалъ за нимъ, оба раздраженные, но съ разнымъ выраженіемъ лица: угроза написана была въ глазахъ Марцелла, а Криспъ улыбался; но пріятели ихъ бросились за ними и воротили ихъ. Борьба затягивалась: съ одной стороны многіе и благонамѣренные, а съ другой немногіе, но сильные состязались упорною ненавистью, и въ распряхъ прошелъ день.

44. Въ первомъ затѣмъ засѣданіи сената Цезарь началъ: о необходимости оставить вражду и раздраженіе, принимая въ соображеніе крайнія обстоятельства прежняго времени. Муціанъ изложилъ пространное мнѣніе за обвинителей и вмѣстѣ тѣхъ, которые принимались было снова за начатое и потомъ оставленное преслѣдованіе, убѣждалъ въ ласковыхъ выраженіяхъ и какъ бы прося. Сенаторы отступились отъ свободы, которою начинали было пользоваться, видя ей противодѣйствіе. Муціанъ, чтобы не показать будто бы пренебрегаютъ значеніемъ сената и даютъ безнаказанность всему, что допущено было при Неронѣ,—Октавія Сагитту и Антистія Созіана, изъ сенаторскаго сословія, оставившихъ мѣста ссылки, отправилъ на тѣ же острова. Октавій—Понтію Постумію,—она съ нимъ была въ связи, но отказывалась отъ брака съ нимъ,—убилъ, внѣ себя отъ любви; Созіанъ своею развращенною нравственностью былъ гибеленъ многимъ. Оба, полнымъ значенія сенатскимъ декретомъ, осуждены и прогнаны, и хотя другимъ дозволено

возвращеніе, но имъ оставлено то же наказаніе. Этимъ не смягчилось негодованіе противъ Муціана. И Созіанъ и Сагитта заслуживали одно презрѣніе, хотя бы и возвратились; а обвинителей изобрѣтательность, богатства и могущество, основанное на основательномъ знаніи всѣхъ порочныхъ средствъ, внушали опасеніе.

45. Но расположеніе сенаторовъ нѣсколько возобновилось, вслѣдствіе произведеннаго въ сенатѣ дознанія, соотвѣтственно старинному обычаю. Манлій Патруитъ, сенаторъ, жаловался: «побитъ онъ въ Сененской колоніи стеченіемъ черни по приказанію должностныхъ лицъ. И этимъ не ограничилось оскорбленіе: надъ нимъ плакали, рыдали и совершили весь погребальный обрядъ съ ругательствами и упреками, относившимися ко всему сенату». Позваны тѣ, на кого показывалъ; по размотрѣніи дѣла они уличены и наказаны и присовокупленъ сенатскій указъ, которымъ Сененской черни внушалось—быть поскромнѣе. Въ эти же дни осужденъ Антоній Фламма Киренейцами по закону о взяткахъ и за жестокость отправленъ въ ссылку.

46. Между тѣмъ чуть было не вспыхнуло возмущеніе въ средѣ войска. Снова домогались преторіанской службы отпущенные Вителліемъ, собравшіеся (впослѣдствіи) за Веспасіана. Подъ вліяніемъ такихъ же надеждъ воины легіоновъ требовали обѣщаннаго имъ жалованья. Да и Вителліанцевъ не возможно было прогнать безъ большаго кровопролитія; но говорили о громадной суммѣ денегъ, какая необходима была для удержанія такого множества людей. Войдя въ лагери, Муціанъ для того, чтобы разслѣдовать обстоятельнѣе, сколько кому слѣдуетъ жалованья, поставилъ побѣдителей подъ значками и оружіемъ, раздѣливъ ихъ небольшими промежутками. Затѣмъ Вителліанцы тѣ, о которыхъ мы упоминали, что они у Бовиллъ изъявили покорность и отдались и другіе, отысканные по городу и его окрестностямъ, выведены; почти ничѣмъ не прикрыто было ихъ тѣло. Муціанъ приказываетъ ихъ развести и воинамъ Британскимъ и Германскимъ, и если есть и изъ другихъ войскъ, то стать порознь. Тѣ при первомъ видѣ остолбенѣли: напротивъ себя увидали они войско, какъ бы къ бою готовое, грозное оружіемъ и стрѣлами, а себя окруженными, обнаженными и обезображенными нечистотою (грязью); но когда начали ихъ тащить однихъ въ одну сторону, другихъ въ другую, то страхъ обуялъ всѣхъ, а въ особенности робѣли Германскіе воины; имъ казалось, что ихъ сортируютъ, чтобы избить: обнимали они грудь воиновъ, повисли на шеяхъ, просили поцѣловать

въ послѣдній разъ, умоляли: не покинуть ихъ однихъ и не предавать совершенно иной судьбѣ, тогда какъ дѣло ихъ одинаково. Призывали въ свидѣтели то Муціана, то отсутствующаго государя, наконецъ небо и боговъ. Тутъ Муціанъ, называя ихъ всѣхъ воинами одной присяги, одного и того же императора, сталъ противодѣйствовать ихъ ложнымъ опасеніемъ. И побѣдившее войско криками своими сочувствовало ихъ слезамъ. Тѣмъ и кончился этотъ день. Немного дней спустя, когда Домиціанъ говорилъ къ воинамъ, они его встрѣтили уже ободренные. Они съ пренебреженіемъ отвергши предложенныя имъ земли, умоляютъ о военной службѣ и жалованьи. То были просьбы, но такія, которымъ противорѣчить было невозможно, а потому они приняты въ преторій. Потомъ тѣ, которые уже были въ лѣтахъ и выслужили срокъ службы, отпущены съ почестью, другіе за вину, но не вдругъ, а по-одиночкѣ; а это самое вѣрное средство ослабить (привесть ни во что) единодушіе толпы.

47. Впрочемъ, вслѣдствіе ли дѣйствительнаго недостатка или чтобы показать лишь его, предложено въ сенатѣ: «шестьдесятъ милліоновъ сестерцій занять у частныхъ лицъ». Во главѣ этого дѣла поставленъ Поппей Сильвинъ; немного послѣ необходимость миновала или оставлено притворство. Затѣмъ закономъ, по предложенію Домиціана, отмѣнены консульства, данныя Вителліемъ. Флавію Сабину отдана похоронная почесть цензорская: наглядное доказательство непостоянства счастія, которое переходитъ отъ одной крайности въ другую.

48. Около этого времени убитъ проконсулъ Л. Пизонъ. Объ этомъ убійствѣ изложу какъ можно вѣрнѣе и потому начну нѣсколько ранѣе—съ изложенія довольно правдоподобныхъ поводовъ къ такому злодѣянію. Легіонъ въ Африкѣ и вспомогательныя войска для обереженія предѣловъ имперіи при государяхъ божественномъ Августѣ и Тиберіи повиновались проконсулу. Впослѣдствіи К. Цезарь, безпокойный характеромъ и опасаясь М. Силана, правившаго Африкою, отнялъ у проконсула легіонъ, пославъ для этого легата. Количество доходовъ распредѣлено между двоими, и такъ какъ обязанности и того и другаго были перемѣшаны, то это послужило поводомъ къ раздорамъ, находившимъ себѣ еще болѣе пищи въ зловредномъ соперничествѣ. Сила легата возрасла долговременностью службы или потому, что лицамъ менѣе значительнымъ болѣе побужденія выказаться; а изъ проконсуловъ чѣмъ кто знатнѣе, тѣмъ усерднѣе заботился о безопасности, а не могуществѣ.

49. Въ то время легіономъ въ Африкѣ правилъ Валерій Фестъ, проведшій молодость въ мотовствѣ, не знавшій мѣры своихъ желаній и тревожимый родствомъ съ Вителліемъ. Онъ ли въ частыхъ разговорахъ соблазнялъ Пизона стать во главѣ переворота, или воспротивился покушеніямъ Пизона—не извѣстно, такъ какъ при ихъ тайныхъ объясненіяхъ не было никого, а по убійствѣ Пизона большинство склонилось въ пользу убійцы. И не было сомнѣнія въ томъ, что и провинція и войско не были расположены къ Веспасіану. Нѣкоторые изъ Вителліанцевъ, бѣжавъ изъ Рима, указывали Пизону на то, что «Галліи колеблются, Германія готова, что ему грозитъ опасность и что война безопаснѣе подозрительнаго мира». Между тѣмъ Клавдій Сагитта, префектъ Петринскаго эскадрона, благополучнывъ плаваніемъ предупредилъ Папирія, сотника посланнаго Муціаномъ, и утверждалъ, что: сотнику дано порученіе умертвить Пизона. Палъ Галеріанъ, его двоюродный братъ и зять. Въ одной смѣлости надежда на спасеніе; но два пути дѣйствовать рѣшительно: предпочтетъ ли онъ немедленно взяться за оружіе, или на судахъ отправиться въ Галлію. Пусть онъ покажетъ въ себѣ вождя Вителліевымъ войскамъ. Пизонъ нисколько этимъ не тронулся, а сотникъ, посланный Муціаномъ, какъ только достигъ порта Карѳагенскаго, громкимъ голосомъ желалъ всего лучшаго Пизону, какъ будто бы государю, а попадавшихся на встрѣчу и пораженныхъ удивленіемъ отъ такой неожиданности, убѣждалъ—кричать съ нимъ одно и то же. Легковѣрная толпа бросилась на площадь, требуютъ, чтобы явился Пизонъ. Повсюду раздавались веселые крики людей, не старавшихся вникнуть въ правду и готовыхъ къ лести. Пизонъ, или вслѣдствіе показанія Сагитты, или по врожденной скромности, не вышелъ къ народу и не позволилъ ему выказывать къ себѣ усердіе. Онъ распросилъ сотника и узнавъ отъ него, что подъискивались подъ нимъ найдти поводъ къ убійству, велѣлъ его казнить, не столько въ надеждѣ сохранить жизнь, сколько въ гнѣвѣ на замыслившаго преступленіе, тѣмъ болѣе, что онъ же былъ убійцею Клодія Макра, и руки, обагренныя кровью легата, простиралъ на убійство проконсула. Потомъ эдиктомъ, гдѣ отражалось его безпокойство, попенялъ Карѳагенцевъ и даже, оставивъ обычныя занятія, заперся въ домѣ, чтобы случайно не возникъ какой нибудь новый поводъ къ волненію.

50. Но когда Фесту стали извѣстными расположеніе умовъ черни и казнь сотника, молвою, какъ обыкновенно къ правдѣ примѣшивающею и ложь и представляющею все въ большихъ размѣрахъ, то

онъ посылаетъ всадниковъ убить Пизона. Тѣ быстро двинулись и въ сумерки, только-что начавшагося дня, ворвались въ домъ проконсула съ обнаженными мечами; большинство не знало Пизона, такъ какъ Фестъ отобралъ на это убійство вспомогательныхъ Карѳагенянъ и Мавровъ. Уже близко отъ опочивальни случайно встрѣтили они раба и спросили: «кто онъ и гдѣ Пизонъ?» Рабъ отвѣчалъ великодушнымъ обманомъ: я Пизонъ, и тотчасъ же убитъ. Немного послѣ убитъ и Пизонъ, такъ какъ тутъ былъ знавшій его Бебій Масса изъ прокураторовъ Африки, уже въ то время гибельный лучшимъ людямъ, и нерѣдко прійдется намъ къ нему возвращаться какъ къ виновнику бѣдствій, какія мы понесли вслѣдъ затѣмъ. Фестъ изъ Адрумета, гдѣ онъ остался выжидая, отправился къ легіону и отдалъ приказаніе связать префекта лагерей Цитронія Пизона, вслѣдствіе частныхъ неудовольствій, но называлъ единомышленникомъ Пизона; нѣкоторыхъ воиновъ и сотниковъ казнилъ, другихъ осыпалъ наградами; никого за дѣло, но чтобы показать, будто бы онъ подавилъ возмущеніе. Вслѣдъ затѣмъ уладилъ несогласія Эенеевъ и Лептитановъ; они, сначала незначительные, ограничивались воровствомъ плодовъ и скота между поселянъ, а потомъ перешли къ оружію и настоящимъ сраженіямъ. Уже народъ Эенскій, уступая въ числѣ, вызвалъ Гарамантовъ, народъ неукротимый и обогатившійся грабежомъ сосѣдей. Вслѣдствіе этого положеніе жителей Лептиса было тѣсное; поля ихъ опустошены на далекое пространство и они сами трепетали въ стѣнахъ, пока вмѣшательствомъ Римскихъ и пѣшихъ и конныхъ силъ Гараманты обращены въ бѣгство, добыча у нихъ вся отнята кромѣ той, которую они блуждая продали въ недоступныхъ юртахъ тѣмъ, кто жили далѣе.

51. Веспасіану, послѣ Кремонскаго сраженія и благопріятныхъ отовсюду извѣстій, дали знать о гибели Вителлія многія лица разныхъ сословій, пустившіяся въ море зимою съ одинаковыми и смѣлостью и счастіемъ. Явились послы царя Вологеза, предлагая (на помощь) сорокъ тысячъ Парѳскихъ всадниковъ. И почетно, и пріятно было видѣть готовность союзниковъ на такое содѣйствіе, и не имѣть въ немъ нужды. Выражена благодарность Вологезу и велѣно ему передать: пусть онъ пошлетъ пословъ въ сенатъ и узнаетъ, что повсюду миръ и спокойствіе. Веспасіанъ, внимательно слѣдя за ходомъ дѣлъ въ Италіи и въ Римѣ, получилъ дурные слухи о Домиціанѣ: будто бы онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно своему юному возрасту и переступаетъ за предѣлы

того, что дозволено сыну. Вслѣдствіе этого Веспасіанъ самую сильную часть войска передаетъ Титу—для приведенія къ концу еще тлѣвшей кое-гдѣ войны съ Іудеями.

52. Говорятъ, что Титъ, прежде чѣмъ разстался съ отцемъ, усердно и многословно просилъ его: «не предаваться неосмотрительно раздраженію вслѣдствіе вѣстей отъ людей старавшихся очернить Домиціана,—пусть онъ останется для сына безъ предубѣжденія и доступный умилостивленію. Не такъ твердыя опоры власти—легіоны и флоты, какъ множество дѣтей. Пріятели отъ обстоятельствъ времени, счастія, подъ вліяніемъ страстей, измѣняются въ чувствахъ, переходятъ къ другимъ, оставляютъ совсѣмъ. Только своя кровь каждому вѣрна, въ особенности же государямъ; благополучіемъ ихъ и другіе пользуются, а несчастіе нераздѣльно съ тѣми, кто связаны узами крови: и братья не пребудутъ въ согласіи, если родитель не покажетъ имъ примѣра. Веспасіанъ, не столько смягчась къ Домиціану, сколько радуясь чувствамъ Тита, велитъ ему: быть спокойнымъ; войною и оружіемъ содѣйствовать возвеличенію государства, а онъ (Веспасіанъ) будетъ заботиться и въ нѣдрахъ семейства». Затѣмъ наиболѣе быстрыя на ходу суда, нагрузивъ хлѣбомъ, ввѣряетъ еще бурному морю. А городъ Римъ находился въ такомъ крайнемъ положеніи, что въ житницахъ оставалось хлѣба не болѣе какъ на десять дней, когда отъ Веспасіана подоспѣли подвозы.

53. Заботу возстановленія Капитолія поручилъ Л. Вестину, лицу всадническаго сословія, но значеніемъ и доброю славою въ числѣ первыхъ людей государства. Имъ созванные гадатели объявили: «останки прежняго храма должны быть свезены въ болото; храмъ возведенъ на тѣхъ же основаніяхъ; боги не желаютъ измѣненія древней формы». Въ одиннадцатый день календъ Январскихъ, въ ясную погоду, все пространство, назначаемое для храма, обвязано кругомъ вѣнками и лентами. Вошли воины, съ именами добровѣщими, держа въ рукахъ вѣтви счастливыхъ деревъ; потомъ дѣвы весталъскія съ молодыми людьми и дѣвицами, имѣвшими въ живыхъ какъ отца такъ и мать, водою, почерпнутою изъ родниковъ и текучихъ рѣчекъ,—омыли. Тутъ Гельвидій Прискъ, преторъ, предшествуемый Плавтіемъ Эліаномъ первосвященникомъ, принесъ какъ въ очистительную жертву мѣста—свиней, овецъ и воловъ, и положивъ на дернъ внутренности, онъ молилъ Юпитера, Юнону, Минерву, божества охраняющія имперіи, дать благополучный исходъ начинанію, и храмы—ихъ мѣстопребываніе, начинаемые набожностью людей, возвы-

сить содѣйствіемъ небеснымъ». За тѣмъ онъ прикоснулся къ повязкамъ, которыми связанъ камень и переплетены были веревки. Тутъ же прочіе сановники, священники, сенатъ, всадники и большая часть народа, подъ вліяніемъ усердія и радости, потащили громадный камень. Въ разныхъ мѣстахъ брошены въ основанія куски золота и серебра самородки, не испытавшіе огня печи, но въ томъ видѣ, какъ они родятся. Предупредили гадатели, чтобы не испортили дѣла жертвуя золото и серебро, имѣвшее другое назначеніе. Строенія прибавлены въ высоту; только это допустили религіозныя соображенія; но осталось все-таки убѣжденіе, что прежній храмъ былъ великолѣпнѣе.

54. Между тѣмъ разнесшійся о смерти Вителлія слухъ по Галліямъ и Германіямъ удвоилъ силу войны. Цивилисъ пересталъ притворяться и устремился на народъ Римскій. Легіоны Вителліевы предпочитали чужестранное рабство тому чтобы имѣть Веспасіана Императоромъ. Галлы ободрились, полагая что вездѣ одна и та же судьба нашихъ войскъ: разнесся слухъ, что Сарматы и Даки осаждаютъ Мезійскія и Паннонскія зимнія квартиры; то же выдумали и относительно Британніи. Но ничто столько не поощряло ихъ, какъ пожаръ Капитолія; они вѣрили, что насталъ послѣдній часъ нашего господства». Нѣкогда Римъ былъ взятъ Галлами, но государство пребыло, потому что мѣстопребываніе Юпитера оставалось невредимымъ. А теперь по волѣ судебъ возникшій пожаръ означаетъ небесный гнѣвъ и то, что господство надъ родомъ человѣческимъ переходитъ къ Трансальпинскимъ народамъ»—возглашали друиды суевѣрно и напрасно. Разнесся слухъ, будто бы знатнѣйшіе Галлы, будучи посланы Отономъ противъ Вителлія, прежде чѣмъ удалились,—условились: «позаботиться о своей вольности, если народъ Римскій будетъ жертвою непрерывнаго ряда междуусобныхъ войнъ и внутреннихъ бѣдствій.

55. До убійства Флакка Гордеонія ничего не выказалось такого, что бы дало понять заговоръ. По убіеніи Гордеонія, стали ходить гонцы между Цивилисомъ и Классикомъ, начальникомъ коннаго отряда Тредеровъ. Классикъ стоялъ впереди другихъ и знатностью и богатствомъ. Онъ былъ царскаго рода, прославившаго и на войнѣ и въ мирѣ. Самъ изъ предковъ своихъ хвалился болѣе какъ врагъ народа Римскаго, чѣмъ союзникъ. Присоединились Юлій Туторъ и Юлій Сабинъ; одинъ Тревиръ, другой Лингонъ. Тутора Вителлій сдѣлалъ начальникомъ Рейнскаго берега. Сабинъ кромѣ природнаго тщеславія находилъ побужденіе къ дѣятельности въ похвальбѣ вы-

мышленнымъ происхожденіемъ: «бабушка его своею красотою понравилась божественному Юлію, когда онъ велъ войну въ Галліи и была его любовницею». Они тайными бесѣдами испытывали расположеніе умовъ другихъ, а когда тѣхъ, кого считали на то пригодными, связали соучастіемъ, собрались въ колонію Агриппинскую въ частный домъ, такъ какъ явно жители города этого имѣли отвращеніе отъ такихъ замысловъ; впрочемъ присутствовали нѣкоторые изъ Убіевъ и Тунгровъ. Но главная сила у Треверовъ и Лингоновъ и не имѣли терпѣнія ждать совѣщаній, а наперерывъ другъ передъ другомъ высказываютъ: неистовствуетъ раздорами народъ Римскій; легіоны истреблены, опустошена Италія; въ особенности идетъ борьба за Римъ, а изъ войскъ каждое порознь удержано какою-либо войною. Если занять Альпы вооруженными силами, то-возвратясь къ вольности, Галлы тогда сообразятъ, какой предѣлъ захотятъ имѣть своему могуществу.

56. Все это разомъ высказано и одобрено; относительно остатковъ Вителліева войска возникло было сомнѣніе. Большинство было того мнѣнія что ихъ нужно истребить, что воины безпокойны, вѣроломны, осквернены кровью вождей своихъ. Взяло верхъ соображеніе — пощадить: «чтобы они, потерявъ надежду на прощеніе, не воспламенились упорствомъ. Лучше ихъ приманить въ сотоварищество. По убіеніи только легатовъ легіоновъ, остальная масса, сознавая свою преступность и въ надеждѣ на безнаказанность, безъ труда присоединится». Такъ формулировался первый планъ дѣйствій и посланы по Галліямъ подстрекатели войны; а сами прикинулись готовыми къ повиновенію, чтобы Вокулу подавить съ большею увѣренностью, какъ не ничего ожидавшаго. Нашлись впрочемъ которые извѣстили Вокулу; но не доставало силъ для усмиренія, такъ какъ легіоны были не въ полномъ комплектѣ и притомъ ненадежны. Между воиновъ сомнительно расположенныхъ и тайныхъ непріятелей, онъ (Вокула) счелъ за лучшее въ настоящемъ—дѣйствовать взаимно притворствомъ и тѣми же уловками, какими старались его обойдти; онъ спустился въ Агриппинскую колонію. Туда же, подкупивъ сторожей, убѣжалъ Клавдій Лабеонъ, о которомъ мы говорили, что онъ взятъ и, несмотря на соглашеніе, отосланъ въ землю Фризіевъ. Онъ обѣщалъ»: если ему дадутъ вооруженный отрядъ, идти въ землю Батавовъ и лучшую часть народа увлечь снова къ союзу съ Римлянами». Получивъ небольшое число пѣшихъ и конныхъ воиновъ, не дерзнулъ онъ ни на что относительно Батавовъ, а кой-кого изъ Нервіевъ и Бета-

зіевъ увлекъ къ содѣйствію на войнѣ. И скорѣе украдкою, чѣмъ открыто силою дѣлалъ набѣги на земли Канинефатовъ и Марзаковъ. Вокула, опутанный коварствомъ Галловъ, пошелъ къ непріятелю.

57. Онъ находился недалеко отъ старыхъ лагерей, когда Классикъ и Туторъ, вышедшіе впередъ подъ предлогомъ рекогносцировки, съ вождями Германцевъ скрѣпили договоръ. Тутъ-то въ первый разъ, отдѣлясь отъ легіоновъ отдѣльнымъ валомъ-обнесли свой лагерь, а Вокула вопіялъ: «не до того уже разстроены дѣла Римлянъ гражданскими войнами, что они въ пренебреженіи должны быть у Треверовъ и Лингоновъ. Существуютъ еще вѣрныя провинціи, победоносныя войска, счастіе имперіи и боги мстители. Такъ нѣкогда Сакровиръ и Эдуи, недавно Виндексъ и Галліи, сокрушены однимъ боемъ. И снова то же расположеніе божествъ, та же судьба ждетъ нарушителей союзнаго договора. Ихъ характеръ лучше знали божественные Юлій и Августъ. Гальба и отмѣна дани расположили ихъ непріязненно. Теперь враги, потому что служба ихъ легкая, а когда ихъ ограбятъ и оберутъ, то будутъ друзьями». Это высказалъ онъ энергически и видя, что Классикъ и Туторъ упорствуютъ въ вѣроломствѣ, повернулся назадъ и удалился въ Новезій. Галлы разстояніемъ въ двухъ миляхъ остановились отдѣльнымъ лагеремъ. Тамъ старались соблазнить подкупомъ умы приходившихъ сотниковъ и воиновъ и,—неслыханное беззаконіе,—Римское войско дало присягу на слова чужестранцевъ и залогомъ такого злодѣйства должны были служить убіеніе или заключеніе въ оковы легатовъ. Вокула, хотя большинство совѣтовало бѣгство, считая за лучшее дѣйствовать смѣлостью, созвалъ собраніе и высказался такимъ образомъ:

58. «Никогда еще не говорилъ я съ вами съ большею заботливостью о васъ и съ большею увѣренностью за себя. То, что мнѣ готовится—а мнѣ готовится гибель—я слышу охотно какъ о честной смерти при столькихъ бѣдствіяхъ, жду какъ конца страданіямъ. Но за васъ мнѣ стыдно и васъ жаль, такъ какъ противъ васъ готовится не прямой и открытый бой; онъ въ обычаяхъ войны и въ правѣ непріятеля. Но Классикъ надѣется, что вашими руками будетъ онъ весть войну съ народомъ Римскимъ и хвалится верховною властью и присягою Галлій. До того мы, если насъ теперь покинули счастіе и доблести, забываемъ и о старинныхъ примѣрахъ! Сколько разъ легіоны Римскіе предпочитали гибнуть, чтобы ихъ не сбили съ позиціи. Не рѣдко наши союзники терпѣли то, что ихъ города

истребляли и сами съ женами и дѣтьми гибли въ пламени и за такую кончину другой награды не было, кромѣ вѣрности и доброй славы. И теперь терпятъ величайшую крайность легіоны осажденные въ старыхъ лагеряхъ и не уступаютъ ни угрозамъ, ни обѣщаніямъ. А у насъ, кромѣ оружія, множество воиновъ и отличныхъ лагерныхъ укрѣпленій,—хлѣбные запасы и снабженіе достаточное и на самую продолжительную войну. Еще не давно денегъ достало на денежный подарокъ; отъ кого бы вы ни сочли лучшимъ принять его, отъ Веспасіана ли или отъ Вителлія, во всякомъ случаѣ получили вы отъ Римскаго императора. Еслибы вы, побѣдители на столькихъ войнахъ, у Гельдубы, у Старыхъ лагерей, устрашились сраженія, то конечно это васъ недостойно; но есть валъ, стѣны и ухищренія протянуть время, пока изъ ближайшихъ провинцій подоспѣютъ подкрѣпленія и войска. Положимъ, что я не нравлюсь, но есть другіе легаты, трибуны, наконецъ сотники и воины. Не разнеслось бы по всему земному шару чудовищное дѣло, что въ сопровожденіи васъ Цивилисъ и Классикъ сдѣлаютъ вторженіе въ Италію. И если Германцы и Галлы поведутъ васъ къ стѣнамъ города, вы обратите оружіе на отечество? Умъ цѣпенѣетъ при мысли о такомъ злодѣйствѣ. Не Тутора ли Тревера окружите почетнымъ карауломъ? Знакъ къ бою подастъ Батавъ. Вы пополните собою ряды шаекъ Германскихъ? Какой же затѣмъ исходъ преступленія? А когда противъ васъ двинутся Римскіе легіоны,—предатели изъ предателей, измѣнники изъ измѣнниковъ, вы, ненавистные богамъ, будете колебаться между новою и прежнею присягою? Тебя, Юпитеръ всемогущій и всеблагой, котораго въ теченіи восьми сотъ двадцати лѣтъ увѣнчали столькими тріумфами, тебя, Квиринъ, родитель Римскаго города, умоляю и заклинаю,—если уже вамъ не лежало сердце подъ моимъ начальствомъ сохранить эти лагери невредимыми и неоскверненными то не допустите, чтобы ихъ коснулись позорныя и гнусныя руки Тутора, Классика. Воинамъ Римскимъ дайте или невинные помыслы, или раскаяніе своевременное и безъ гибельныхъ послѣдствій».

59. Разно принята эта рѣчь среди надеждъ, опасеній и стыда. Вокула и думалъ покончить съ собою, но отпущенники и рабы не допустили его позорную смерть предупредить добровольною. Классикъ послалъ Эмиля Лонгина, дезертира перваго легіона, поскорѣе убить его. Легатовъ—Гереннія и Нумизія—показались достаточнымъ заключить въ оковы. Потомъ, принявъ на себя отличительные знаки Римскаго владычества, прибылъ въ лагерь и ему, какъ онъ

ни заматерѣлъ во всякаго рода злодѣйствахъ, не хватило духа сказать что-либо кромѣ словъ присяги. Всѣ присутствующіе присягнули Галльской имперіи. Убійцевъ Вокулы почтилъ значительнымъ повышеніемъ, а остальныхъ наградилъ по мѣрѣ содѣйствія. Потомъ раздѣлены обязанности между Туторомъ и Классикомъ. Туторъ сильнымъ отрядомъ окружилъ Агриппинцевъ и всѣхъ воиновъ, сколько ихъ оставалось у верхняго берега Рейна привелъ къ той же присягѣ, умертвивъ въ Магонтіакѣ трибуновъ и прогнавъ начальника лагерей, отказавшихся дать присягу. Классикъ отдаетъ приказаніе самымъ испорченнымъ изъ покорившихся—отправиться къ осажденнымъ манить ихъ прощеніемъ, если они послѣдуютъ теперешнему ходу дѣлъ; иначе нѣтъ имъ надежды: потерпятъ они голодъ, оружіе и все худшее. Посланные приводили свой собственный примѣръ.

60. На осажденныхъ дѣйствовали съ одной стороны вѣрность, съ другой—недостатки всякаго рода. Они оставались нерѣшительными, но имъ уже не было ни обычнаго, ни необычнаго пропитанія; поѣли они вьючныхъ животныхъ, коней и прочихъ живовныхъ, даже отвратительныхъ и обычаемъ недозволенныхъ, но которыя употребить въ дѣло заставила крайность. Наконецъ вырывали кустарники, коренья и траву, произраставшую между камней, и это служило явнымъ доказательствомъ ихъ бѣдствій и терпѣнія, пока высокую заслугу свою не запятнали позорнымъ концомъ; отправили они къ Цивилису пословъ, умоляя о жизни. Ихъ мольбы допущены не прежде, какъ когда они дали присягу на слова Галловъ. Тогда, уговорясь, чтобы лагери были добычею, даетъ сторожей, съ тѣмъ чтобы они удержали деньги, служителей и войсковыя тяжести и самихъ облегченныхъ воиновъ по ихъ уходѣ проводили бы. Почти у пятаго милеваго камня поднялись Германцы и напали на двигавшихся безо всякой осторожности. Самые охочіе до боя убиты тотчасъ же, а многіе разбѣжавшись; остальные бѣжали назадъ въ лагерь. Цивилисъ жаловался и бранилъ Германцевъ: «что они вѣрность слова нарушили преступно». Притворно ли это было или онъ не могъ удержать звѣрство земляковъ—трудно рѣшить. Разграбивъ лагерь, бросили факелы и всѣ, уцѣлѣвшіе отъ сраженія, погибли въ пламени.

61. Цивилисъ, по обѣту дикарей, послѣ начала военныхъ противъ Римлянъ дѣйствій отпустившій волосы, обрѣзалъ ихъ, когда совершилось побоище легіоновъ. Говорили, будто бы онъ маленькому своему сыну подарилъ нѣсколько плѣнныхъ, чтобы они служили

цѣлью его ребяческимъ стрѣламъ и дротикамъ. Впрочемъ ни онъ не далъ присяги на слова Галловъ и никого изъ Батавовъ не допустилъ; онъ полагался на силы Германцевъ, и еслибы пришлось весть борьбу съ Галлами за господство, то онъ, покрытый славою, чувствовалъ себя сильнѣе. Муммій Луперкъ, легатъ легіона, посланъ Веледѣ въ числѣ даровъ. Эта дѣвица, изъ народа Бруктеровъ, на далекое пространство повелѣвала; по старинному обычаю Германцевъ, такъ какъ они большинство женщинъ считаютъ за обладающихъ даромъ пророчества и, по мѣрѣ развитія суевѣрія, смотрятъ на нихъ какъ на что-то божественное. Въ это время усилилось въ особенности значеніе Веледы, такъ какъ она предсказала, что дѣла Германцевъ примутъ хорошій оборотъ и легіоны будутъ истреблены. Но Луперкъ дорогою убитъ. Не многіе изъ сотниковъ и трибуновъ, родившіеся въ Галліи, пощажены какъ залогъ союза. Когортъ, конныхъ отрядовъ, легіоновъ зимнія квартиры разрушены и преданы огню; оставлены только находившіяся въ Магонтіакѣ и Винденилѣ.

72. Легіонъ шестнадцатый съ вспомогательными войсками, вмѣстѣ сдавшимися въ Новезіи, получили приказаніе перейдти въ колонію Треверовъ, при чемъ назначенъ день, къ которому они должны выйдти изъ лагеря. Весь промежутокъ времени провели въ разныхъ заботахъ: самые трусливые ощущали робость, имѣя передъ глазами примѣръ избитыхъ въ старыхъ лагеряхъ; большинство было подъ вліяніемъ стыда и безславія: «что это будетъ за путь? Какой вождь поведетъ ихъ? Все въ волѣ тѣхъ, которыхъ они же сдѣлали распорядителями жизни и смерти». Другіе, нисколько не озабочиваясь позоромъ, старались прибрать къ себѣ деньги или что было имъ всего дороже. Нѣкоторые готовили оружіе и запасались стрѣлами, какъ бы отправляясь на бой. Въ такихъ помышленіяхъ наступилъ часъ отправленія еще грустнѣе, чѣмъ ожидали, такъ какъ внутри лагерей безчестіе не было еще такъ на виду, а вполнѣ его обнаружили поле и свѣтъ дневной. Сорваны изображенія императоровъ, значки опозорены, тамъ и сямъ сверкали знамена Галловъ: войско тянулось молча и какъ бы похоронною процессіею. Вождемъ Клавдій Санктъ съ выколотымъ глазомъ: страшный видомъ, онъ былъ слабъ умомъ. Преступленіе сдѣлалось еще вдвое болѣе значительнымъ, когда, покинувъ лагери у Бонны, присоединился и другой легіонъ. Когда разнеслась молва о взятіи легіоновъ, всѣ, для которыхъ не задолго передъ тѣмъ имя Римлянъ было предметомъ ужаса, прибѣгали съ полей и изъ жилищъ и, во множествѣ

собравшись, не въ мѣру наслаждались не обычнымъ зрилищемъ. Не вынесъ эскадронъ Пицентинъ радости оскорблявшей черни и презрѣвъ и обѣщанія и угрозы Санкта, ушли въ Магонтіакъ. Случайно попался имъ убійца Вокулы—Лонгинъ; забросавъ его стрѣлами, сдѣлалъ онъ починъ загладить на будущее время свою вину. А легіоны, нисколько не измѣнивъ направленія, остановились у стѣнъ Треверовъ.

73. Цивились и Классикъ, возгордясь благопріятными событіями, соображали—колонію Агриппинскую не отдать ли на разграбленіе своимъ войскамъ. Природная жестокость характера и алчность добычи увлекали ихъ на гибель города; но удерживали военныя соображенія и начинавшимъ новое владычество полезна была слава милосердія. А Цивилиса смягчала еще память благодѣянія, такъ какъ сына его, въ началѣ волненія схваченнаго въ колоніи Агриппинской,—сторожили съ почетомъ. Но за-Рейнскимъ племенамъ ненавистенъ былъ этотъ городъ и богатствомъ и быстрымъ приращеніемъ. Не иначе полагали видѣть конецъ войны, какъ если тамъ будетъ убѣжище для всѣхъ Германцевъ безъ различія, или съ разрушеніемъ города разсѣются и Убіи.

74. А потому Тенктеры, Рейномъ отдѣленное племя, отправили пословъ съ порученіями къ собранію Агриппинцевъ; ихъ—самый неукротимый изъ пословъ изложилъ слѣдующимъ образомъ: «За то, что вы снова вступили въ составъ и наименованіе Германіи,—общимъ богамъ и главному изъ нихъ Марсу приносимъ благодарность и васъ поздравляемъ на томъ, что наконецъ вы будете вольными среди вольныхъ. А до сего дня Римляне держали въ оковахъ рѣки и земли и нѣкоторымъ образомъ самое небо, съ цѣлью—воспрепятствовать намъ видѣться и объясняться другъ съ другомъ; или—что еще постыднѣе мужамъ, для оружія рожденнымъ, безоружные и почти обнаженные должны мы были видаться подъ карауломъ и за денежную плату. Но чтобы на вѣки скрѣплены были наши пріязнь и союзъ, требуемъ отъ васъ—срыть стѣны колоніи, оплотъ рабства (даже дикія животныя, если ихъ держать взаперти, теряютъ свои добрыя качества); всѣхъ Римлянъ истребите въ вашихъ предѣлахъ; не легко уживаются вмѣстѣ вольность и господа; имущество убитыхъ должно поступить обществу, чтобы никто не могъ ничего скрыть или отдѣлить свое дѣло отъ общаго. И намъ и вамъ дозволяется жить на томъ и другомъ берегу, какъ и въ старину предкамъ нашимъ. Природа какъ всѣмъ вообще людямъ дала свѣтъ дневной, такъ всѣ земли открыла храбрымъ людямъ.

Возвратитесь къ установленіямъ и образу жизни прародителей, бросьте соблазны роскоши, которыми Римляне могущественнѣе порабощаютъ подвластныхъ, чѣмъ оружіемъ. Тогда вы, народъ чистосердечный, неподкупный, забывшій о рабствѣ, или будете жить равными, или станете повелѣвать и другими».

65. Агриппинцы, взявъ себѣ время для обсужденія, когда ни подчиниться условіямъ не дозволяло опасеніе за будущее, ни явно ими пренебречь—положеніе дѣлъ въ настоящемъ не дозволяло, отвѣтили такимъ образомъ: «первый представившійся случай къ свободѣ мы схватили скорѣе съ жадностью, чѣмъ съ осторожностью, для того чтобы соединиться съ вами и прочими Германцами, нашими единокровными. Стѣны города, куда наиболѣе сосредоточиваются силы Римлянъ, безопаснѣе для насъ увеличить чѣмъ разрушить. Если у насъ и былъ кто изъ Италіи или провинцій чужеродцы, тѣ погибли жертвою войны, или они бѣжали каждый откуда пришелъ. А тѣ, что давно сюда приведены и породнились съ нами браками и тѣ, что отъ этихъ браковъ произошли, имѣютъ здѣсь отечество. И не считаемъ васъ до того несправедливыми, чтобы вы хотѣли отъ насъ избіенія родителей, братьевъ и дѣтей нашихъ. Пошлины и всѣ стѣсненія торговыхъ и другихъ сношеній уничтожаемъ. Пусть будутъ сообщенія безъ всякаго надзора, но только днемъ входятъ и безъ оружія, пока еще новыя и свѣжія права не обратятся, отъ привычки, въ старинныя. Посредниками выбираемъ Цивилиса и Веледу, и передъ ними долженъ быть скрѣпленъ договоръ». Такъ умилостивлены Тенктеры, а къ Цивилису и Веледѣ отправлены послы съ дарами и все получили согласно желанію Агриппинцевъ. Но видѣть Веледу и говорить съ нею не были допущены. Устранялись отъ ея лицезрѣнія, чтобы больше было почтенія; сама находилась въ башнѣ, а выбранъ былъ изъ близкихъ, который, какъ посредникъ между божествомъ, передавалъ и то, о чемъ совѣтовались, и отвѣтъ.

66. Цивилисъ, усилясь союзомъ съ Агриппинцами, положилъ дѣйствовать на сосѣднія племена, а тѣмъ, въ которыхъ встрѣтитъ противодѣйствіе, нанесть войну. Заняты Суники и молодежь ихъ расположена въ когорты; а дальнѣйшее движеніе остановилъ Клавдій Лабеонъ, собравъ на скорую руку ополченіе Бетазіевъ, Тунгровъ и Нервіевъ, обнадеженный мѣстностью, такъ какъ онъ перервалъ мостъ на рѣкѣ Мозѣ. Въ тѣсномъ мѣстѣ бой происходилъ съ нерѣшительнымъ успѣхомъ, пока Германцы, переплывъ, не бросились въ тылъ Лабеона. Вмѣстѣ Цивилисъ, въ порывѣ ли смѣлости

или это слажено было раньше, бросился въ ряды Тунгровъ и громкимъ голосомъ: «не за тѣмъ, сказалъ онъ, взялись мы за оружіе, чтобы Батавы и Тревены повелѣвали намъ. Далеко отъ насъ подобное притязаніе; примите союзъ нашъ; перехожу къ вамъ, возьмете ли вы мемя вождемъ или предпочтете воиномъ.»—На массу это подѣйствовало и мечи спрятались въ ножны; за тѣмъ Компанъ и Ювеналисъ отдались ему со всѣмъ племенемъ. Лабеонъ, прежде чѣмъ его окружили, бѣжалъ, Цивилисъ—Бетазіевъ и Нервовъ, принявъ ихъ покорность, присоединилъ къ своимъ войскамъ: громадно росло его могущество, такъ какъ народы или поражены были ужасомъ, или добровольно склонялись на его сторону.

67. Между тѣмъ Юлій Сабинъ, сбросивъ памятники Римскаго союза, приказываетъ себя привѣтствовать Цезаремъ; большую и неустроенную толпу соплеменниковъ увлекаетъ въ землю Секвановъ, племя пограничное и намъ вѣрное. Да и Секваны не отказались отъ борьбы; счастіе склонилось тутъ на сторону лучшаго дѣла. Лингоны обращены въ бѣгство. Сабинъ какъ опрометчиво вступилъ въ сраженіе, такъ съ одинаковою трусостью и покинулъ его; а чтобы распространить слухъ о гибели своей, онъ—загородный домъ, куда бѣжалъ, сжегъ: повѣрили, будто онъ тамъ погибъ добровольною смертью, но какими ухищреніями и въ какихъ закоулкахъ влачилъ онъ жизнь въ продолженіи девяти послѣдующихъ лѣтъ, а также и о постоянствѣ его друзей и удивительномъ примѣрномъ поступкѣ жены его Еппонимы, мы скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Удачное дѣло Секвановъ остановило дальнѣйшее распространеніе войны. Мало по малу народы приходили въ себя—болѣе стали обращать вниманіе на обязанности и союзные договоры, и во главѣ этого дѣла стояли Ремы; они объявили по всей Галліи, чтобы присланы были уполномоченные для обсужденія сообща, что предпочтутъ: вольность ли, или миръ».

68. А въ Римѣ все слухи передавали въ худшемъ еще видѣ, и Муціанъ сильно безпокоился—какъ бы хотя и отличные вожди (уже онъ назначилъ Галла Аннія и Петилія Церіалиса) не были бы подъ силу столь тяжкой войнѣ. Да и города нельзя было оставить безъ правителя. Неукротимыя страсти Домиціана внушали опасеніе, а подозрительны были, какъ мы уже упоминали, Примъ Антоній и Варъ Аррій. Варъ, поставленный во главѣ преторіанцевъ, сохранилъ силу и оружіе. Муціанъ его согналъ съ этого мѣста, но, въ видѣ утѣшенія, поставилъ его во главѣ спабженія хлѣбомъ. А чтобы снискать расположеніе Домиціана, не равнодушнаго къ Вару, онъ

Арретина Клемента, связаннаго съ домомъ Веспасіана родствомъ и пріятнаго въ высшей степени Домиціану, поставилъ начальникомъ преторіанцевъ, говоря, что отецъ его при Каіи Цезарѣ отлично исполнилъ эту обязанность; пріятно воинамъ это имя, и онъ, хотя изъ сословія сенаторовъ, сладитъ съ обѣими обязанностями». Изъ общества повышены лучшіе люди, а другіе и изъ честолюбивыхъ видовъ. Оба, и Домиціанъ и Муціанъ, обнаруживали усиленную дѣятельность, но не съ одинаковыми мыслями: одинъ, полный надеждъ и юношеской смѣлости, торопливо на все бросался, а Муціанъ придумывалъ замедленія для удержанія пылкихъ порывовъ, какъ бы въ самонадѣянности его возраста, научаемый дурными людьми, захвативъ войско, не распорядился бы дурно относительно и мира и войны. Легіоны изъ побѣдившихъ, седьмой и восьмой, изъ Вителліевыхъ двадцать первый, изъ вновь набранныхъ второй, переведены черезъ Пеннинскіе и Коттскіе Альпы, а частью черезъ Граійскую гору; призваны 14-й легіонъ изъ Британніи и шестнадцатый изъ Испаніи. Такимъ образомъ слухъ о приближеніи войскъ дошелъ до Ремовъ, которые и сами по себѣ были расположены наклонять общины Галльскія на лучшее. Тамъ уже дожидалось посольство Треверовъ и сильнѣйшимъ подстрекателемъ на войну былъ Туллій Валентинъ. Онъ въ заранѣе обдуманной рѣчи высказалъ все, что обыкновенно ставятъ въ упрекъ могущественнымъ государствамъ, съ бранью и ненавистью къ народу Римскому: безпокойный человѣкъ, онъ умѣлъ волновать и большинству нравилось его необузданное слово.

69. А Юлій Авспексъ, изъ знатнѣйшихъ Ремовъ, изложилъ: «сильны Римляне и миръ благо; войны начинаютъ и трусы, ведутся войны съ опасностью всѣхъ лучшихъ людей и легіоны уже надъ ихъ головами». Онъ сдержалъ тѣхъ, кто поразумнѣе, чувствами почтенія и вѣрности, а тѣхъ, кто помоложе, опасностью и страхомъ. Хвалили смѣлость Валентина, а слѣдовали совѣту Авспекса. Достовѣрно то, что Треверамъ и Лингонамъ повредило во мнѣніи Галлій то, что, во время возстанія Виндекса, они стояли за одно съ Вергиніемъ. Большинство воздержалось (принять участіе въ дѣлѣ), вслѣдствіе соперничества (зависти) между провинціями: «гдѣ глава войны? Откуда возьмутъ они права и благословеніе высшихъ силъ? Гдѣ, въ случаѣ, еслибы все это увѣнчалось успѣхомъ, изберутъ они столицу Имперіи»? Еще побѣды не было, но начались уже распри: во взаимныхъ перебранкахъ, одни хвалились союзными договорами, другіе богатствами и силами или древностью происхож-

денія. Изъ опасенія за будущее предпочли настоящее. Пишутся къ Треверамъ письма отъ имени Галлій: «воздержаться отъ дѣйствія оружіемъ, возможно получить прощеніе и готовы заступники, если только они обнаружатъ раскаяніе». Воспротивился тотъ же Валентинъ; онъ завладѣлъ умами своихъ соотечественниковъ не столько внимательно готовясь къ войнѣ, какъ часто присутствуя въ народныхъ собраніяхъ.

70. Вслѣдствіе этого ни Треверы, ни Лингоны, ни прочія возмутившіяся общины не обнаружили дѣятельности въ уровень съ важностью начатаго опаснаго дѣла. Даже и вожди—и тѣ не за одно дѣйствовали (не имѣли общаго плана дѣйствія). Но Цивилисъ ходилъ по трущобамъ Бельгійскимъ, усиливаясь Клавдія Лабеона или взять въ плѣнъ, или прогнать. Классикъ по большей части проводилъ время праздно и въ бездѣйствіи, какъ бы наслаждаясь уже пріобрѣтенною верховною властью. Да и Туторъ не поспѣшилъ занять вооруженными отрядами верхній берегъ Германіи и вершины Альповъ. А между тѣмъ ворвались—двадцать первый легіонъ изъ Виндониссы, а Секстилій Феликсъ съ вспомогательными когортами черезъ Рецію. Примкнулъ и эскадронъ *рѣдкихъ* (по доблести), вызванный когда-то Вителліемъ, но впослѣдствіи перешедшій на сторону Веспасіана. Командовалъ имъ Юлій Бригантикъ, сынъ сестры Цивилиса; но такъ какъ самая ожесточенная ненависть есть родственная, враждебный и ненавистный дядѣ. Туторъ войска Треверовъ, сдѣлавшіяся болѣе значительными вслѣдствіе недавняго набора у Вангіоновъ, Каракатовъ и Трибоковъ, усилилъ пѣшими и конными ветеранами, подѣйствовавъ на легіонныхъ воиновъ или соблазномъ надеждъ, или страхомъ. Сначала они истребляютъ когорту, высланную впередъ Секстиліемъ Феликсомъ, а потомъ, когда приблизились вожди и войска Римскія, они вернулись съ честью, какъ перебѣжчики; за ними послѣдовали Трибоки, Вангіоны и Каракаты. Туторъ, въ сопровожденіи Треверовъ обойдя Магонтіакъ, удалился въ Бингій, надѣясь на мѣстность, такъ какъ онъ разрушилъ мостъ на рѣкѣ Навѣ, но набѣгомъ когортъ, веденныхъ Секстиліемъ и нашедшихъ бродъ, онъ былъ найденъ и разбитъ. Этимъ пораженіемъ Треверы разстроены и простой народъ, побросавъ оружіе, разошелся по полямъ. Нѣкоторые изъ старѣйшинъ для того, чтобы показать, будто они первые оставили военныя дѣйствія, бѣжали въ тѣ общины, которыя еще не отказались отъ союза съ Римлянами. Легіоны изъ Новезія и Бонны, переведенные въ земли Треверовъ, какъ мы выше говорили, сами себя при-

водятъ къ присягѣ Веспасіану. Это произошло въ отсутствіе Валентина, а когда онъ подходилъ въ неистовствѣ и съ намѣреніемъ все снова обратить въ гибельныя смуты, легіоны удалились къ Медіоматрикамъ, союзному племени. Валентинъ и Туторъ снова увлекаютъ Треверовъ къ оружію, умертвивъ легатовъ Гереннія и Нумизія, для того чтобы, съ уменьшеніемъ надежды на прощеніе, скрѣпились сильнѣе связи преступленія.

71. Въ такомъ положеніи была война, когда Петилій Церіалисъ прибылъ въ Магонтіакъ; съ его прибытіемъ возросли (усилились) надежды. Самъ онъ жаждалъ боя и болѣе расположенъ былъ презирать врага, чѣмъ уклоняться отъ него; сильными рѣчами воспламенялъ онъ воиновъ; при первой возможности встрѣтиться съ непріятелемъ, онъ нимало бы не замедлилъ дать сраженіе. Набранныхъ по Галліи рекрутовъ отослалъ по ихъ общинамъ и приказалъ повѣстить: «достаточно имперіи и легіоновъ; союзники же пусть возвратятся къ мирнымъ занятіямъ съ полною увѣренностью, такъ какъ бы война была окончена, по тому что ее теперь взяли Римскія руки». Это обстоятельство увеличило покорность Галловъ; получивъ обратно свою молодежь, они легче переносили повинности и тѣмъ усерднѣе были къ своимъ обязанностямъ, что ими пренебрегали. А Цивилисъ и Классикъ, узнавъ, что Туторъ разбитъ, что Треверы потерпѣли пораженіе и что у непріятеля всѣ дѣла идутъ хорошо, въ тревогѣ стали спѣшить стянуть свои разсѣянныя войска, а между тѣмъ частыми гонцами предупреждаютъ Валентина, чтобы онъ не торопился дѣйствовать рѣшительно. Тѣмъ поспѣшнѣе Церіалисъ, пославъ къ Медіоматрикамъ—кратчайшимъ путемъ легіоны обратить противъ непріятеля и стянувъ всѣхъ воиновъ, сколько ихъ было въ Магонтіакѣ и сколько съ собою перевезъ, третьимъ переходомъ (соб. третьими лагерями) прибылъ въ Ригодулъ. Мѣсто это занялъ Валентинъ съ большимъ отрядомъ Треверовъ; оно было ограждено горами и рѣкою Мозеллою; присоединилъ къ этому рвы и завалы изъ камней. Не остановили эти укрѣпленія Римскаго вождя; онъ отдалъ приказаніе ворваться пѣхотѣ и конницу поднялъ на склонъ холма, пренебрегая непріятелемъ, а ему, на скорую руку собранному, мѣстность не настолько была полезна, чтобы уравновѣсить доблесть Римлянъ, которою они были гораздо сильнѣе. Немного позамедлилось движеніе въ верхъ, пока летѣли мимо непріятельскіе дротики, а когда дошло дѣло до рукопашнаго боя, то они сбиты и сброшены, точно развалины. И часть конницы, обходнымъ движеніемъ по болѣе доступ-

нымъ возвышенностямъ, захватила знатнѣйшихъ Белговъ и въ числѣ ихъ главнаго вождя Валентина.

72. Церіалисъ на другой день вошелъ въ колонію Треверовъ; воины его жаждали разрушенія города: «онъ—отечество Классика, Тутора; а ихъ преступнымъ замысломъ окружены и истреблены легіоны. Далеко не настолько виновна была Кремона, а ее исторгли изъ нѣдръ Италіи за то, что она принесла побѣдителямъ замедленіе одной ночи! На границахъ Германіи неприкосновеннымъ существуетъ мѣсто, величающееся грабежомъ войска и убійствомъ вождей. Пусть добыча обращена будетъ въ казну; съ нихъ—воиновъ довольно будетъ пожара и развалинъ возмутившейся колоніи, какъ возмездія за истребленіе стольких лагерей». Церіалисъ, опасаясь безславія, если подастъ поводъ заключать, что поощряетъ воиновъ къ своеволію и жестокости, сдержалъ ихъ раздраженіе; и повиновались, съ прекращеніемъ войны гражданской обнаруживая болѣе умѣренности къ чужимъ. Затѣмъ обратилъ вниманіе на жалкій видъ легіоновъ, призванныхъ изъ (земель) Медіоматриковъ. Стояли печальные отъ сознанія своего преступнаго поведенія, потупивъ глаза въ землю. Когда сошлись войска, никакого между ними привѣтствія; тѣмъ, которые обращались къ нимъ съ утѣшеніями и увѣщаніями, они не давали отвѣтовъ, скрываясь по палаткамъ и избѣгая самого свѣта дневнаго, и не столько опасность или страхъ, сколько стыдъ и позоръ ихъ удручали. Даже побѣдители поражены были тѣмъ, что, не смѣя прибѣгнуть къ звуку голоса и мольбамъ, слезами и молчаніемъ просили прощенія, пока Церіалисъ успокоилъ умы, говоря, что: «надобно приписать судьбѣ то, что случилось отъ раздора воиновъ и вождей или отъ коварства непріятелей. Пусть это будетъ первый день ихъ службы и присяги; а объ ихъ прежнихъ поступкахъ не будетъ помнить ни онъ, ни императоръ». Затѣмъ они приняты въ тѣ же лагери и объявлено по ротамъ, чтобы никто въ спорахъ и перебранкахъ не попрекалъ товарища бунтомъ или пораженіемъ.

73. Потомъ Церіалисъ, позвавъ на собраніе Треверовъ и Лингоновъ, сказалъ имъ слѣдующее: «никогда не упражнялся я въ краснорѣчіи, а оружіемъ упрочивалъ доблесть народа Римскаго. Но такъ какъ у васъ слова больше всего значатъ и о хорошемъ и о дурномъ вы составляете себѣ понятіе не по сущности дѣла, но на основаніи рѣчей тѣхъ, кто вас возмущаетъ, то я и положилъ себѣ объяснить вамъ немногое, что, по приведеніи войны къ концу, полезнѣе будетъ вамъ выслушать, чѣмъ намъ высказать.

Въ земли ваши и прочихъ Галловъ вошли вожди и императоры Римскіе не изъ жадности какой-либо, но по приглашенію вашихъ предковъ, внутренные раздоры которыхъ истощали ихъ до крайности, а приглашенные на помощь Германцы и союзниковъ и враговъ обрекли вмѣстѣ одинаковому рабству. Достаточно извѣстно, сколько сраженій было у насъ съ Кимврами и Тевтонами, и съ какимъ трудомъ нашихъ войскъ и съ какимъ исходомъ вели мы Германскія войны. И не для того мы заняли берега Рейна, чтобы оборонять Италію, но чтобы какой-либо новый Аріовистъ не овладѣлъ Галльскимъ царствомъ. Неужели вы полагаете, что вы сами Цивилису, Батавамъ и Зарейнскимъ народамъ дороже, чѣмъ для ихъ предковъ были отцы и дѣды ваши? Постоянно одна и та же причина Германцамъ переходить въ Галліи—своеволіе, корыстолюбіе и страсть къ перемѣнѣ мѣста жительства; оставивъ свои болота и пустыни (желаютъ они) завладѣть этою плодороднѣйшею землею и вами самими. Впрочемъ прикрываютъ они свой замыселъ именемъ свободы и другими благовидными наименованіями; но не было еще никого, кто, домогаясь порабощенія другихъ и себѣ господства, не пускалъ бы въ ходъ тѣхъ же самыхъ словъ.

74. Господство и войны были въ Галліи постоянно, пока вы не подчинились нашему управленію. Мы, хотя столько разъ получивъ отъ васъ вызовъ, по праву побѣды прибавили вамъ только одно то, чѣмъ обезпечить спокойствіе (миръ). Оно не возможно для народовъ безъ вооруженной силы, а ее нельзя имѣть безъ жалованья, а жалованье безъ денежныхъ поборовъ. Остальное все между нами общее: вы же въ большинствѣ случаевъ начальствуете нашими легіонами; вы же управляете этими и другими провинціями. Ничего нѣтъ отдѣльнаго и для васъ недоступнаго. Достойными хвалы государями пользуемся мы одинаково, какъ ни далеко они дѣйствуютъ; жестокіе же опаснѣе близкимъ. Какъ засуху или чрезмѣрные дожди и прочія естественныя бѣдствія, переносите также увлеченія страсти и корыстолюбія начальствующихъ. Пороки будутъ, пока и люди; но не постоянно же все одно и то же и уравновѣшивается вмѣшательствомъ и лучшихъ. Но можетъ-быть вы, при господствѣ Тутора и Классика, ждете власти умѣреннѣе или можетъ-быть съ меньшими, чѣмъ теперь, поборами будутъ снаряжаться войска для отраженія Германцевъ и Британцевъ? Съ прогнаніемъ, чего пусть не допустятъ боги, Римлянъ, что же будетъ кромѣ войнъ между всѣми народами? Восьмисотлѣтнее счастіе и умѣнье скрѣпило это зданіе, которое разрушить невозможно безъ

гибели тѣхъ, которые посягнутъ на это разрушеніе. Для васъ же всего сильнѣе опасность, такъ какъ у васъ золото и богатство— главныя побудительныя причины войнъ. А потому любите и берегите миръ и Римъ, которыми и побѣдители и побѣжденные пользуемся съ однимъ и тѣмъ же правомъ. Пусть служатъ вамъ предостереженіемъ доказательства и того и другаго оборота счастія и не предпочтите упорства и гибели—покорности и безопасности». Такою рѣчью онъ—опасавшихся худшихъ послѣдствій—и успокоилъ, и ободрилъ.

75. Треверы находились во власти побѣдоноснаго войска, когда Цивилисъ и Классикъ прислали письмо къ Церіалису, которыхъ смыслъ былъ таковъ: «Веспасіанъ, хотя и скрываютъ вѣсть объ этомъ, разстался съ жизнью; городъ и Италія гибнутъ отъ внутренней войны. Муціана и Домиціана имена пустыя и безъ силъ. Еслибы Церіалисъ захотѣлъ господства надъ Галліями, то они удовольствовались бы границами своихъ земель; а если онъ предпочитаетъ сраженіе, то они и отъ того не откажутся». На это Церіалисъ не далъ Цивилису и Классику никакого отвѣта, а того, кто принесъ эти письма, отослалъ къ Домиціану. Непріятель, раздѣливъ войска, наступалъ со всѣхъ сторонъ. Очень многіе ставили въ вину Церіалису, что онъ допустилъ соединиться тѣмъ, которыхъ было возможно перехватить порознь. Римское войско окружило рвомъ и валомъ лагерь, ранѣе занятый опрометчиво, безъ принятія мѣръ безопасности. У Германцевъ шелъ споръ по поводу разныхъ мнѣній.

76. Цивилисъ говорилъ: «необходимо подождать за-Рейнскіе народы; ихъ ужасомъ можно стереть надломленныя силы народа Римскаго. А Галлы что же иное, какъ не готовая добыча побѣдителю. И впрочемъ, въ комъ вся сила, Бельги стоятъ за одно съ нимъ или, явно или пожеланіями». Туторъ утверждалъ: «медленностью усилится лишь сторона Римлянъ, такъ какъ со всѣхъ сторонъ сойдутся войска. Перевезенъ изъ Британніи легіонъ, призваны изъ Испаніи, подходятъ и изъ Италіи, и притомъ воины не на скорую руку набранные, но старые и опытные въ войнѣ. А Германцами, на которыхъ Цивилисъ возлагаетъ надежды, невозможно ни повелѣвать, ни управлять, но все они дѣлаютъ какъ хотятъ сами. Денегъ и даровъ, которыми лишь одними можно ихъ соблазнить, болѣе у Римлянъ, и никто не настолько склоненъ къ войнѣ, чтобы не предпочесть награду за то, что останется въ покоѣ, той, которую можетъ пріобрѣсть опасностью. А если немедленно всту-

пить въ сраженіе съ Римлянами, то у Церіалиса нѣтъ другихъ легіоновъ, кромѣ составленныхъ изъ остатковъ Германскаго войска, связанныхъ клятвенными обѣщаніями Галліямъ. И то самое, что недавно они, сверхъ собственнаго чаянія, поразили неустроенныя толпы Валентина, питаетъ въ нихъ и въ вождѣ самонадѣянность. Снова они осмѣлятся (вступить въ бой) и попадутъ въ руки не не опытнаго молодаго человѣка, болѣе помышлявшаго о словахъ и рѣчахъ, чѣмъ объ оружіи и войнѣ, но Цивилиса и Классика. Какъ они только ихъ увидятъ, снова робость проникнетъ въ души, а за нею послѣдуютъ бѣгство, голодъ и невѣрная жизнь столько разъ взятыхъ въ плѣнъ. Да и Треверовъ и Лингоновъ не удержутъ ласкою; возьмутся они за оружіе, какъ только освободятся отъ опасеній». Уничтожилъ различіе мнѣній Классикъ, одобривъ поданное Туторомъ, и немедленно приступили къ исполненію.

77. Средина боевой линіи предоставлена Убіямъ и Лингонамъ, правый флангъ когортамъ Батавовъ, а лѣвый—Бруктерамъ и Тенктерамъ. Одни по горамъ, а другіе между дорогою и рѣкою Мозеллою, наскочили такъ неожиданно, что въ спальнѣ и на постели Церіалисъ (ночь онъ провелъ не въ лагерѣ) услыхалъ одновременно и о сраженіи и о пораженіи своихъ; онъ бранилъ робость принесшихъ извѣстіе, пока передъ его глазами не была вся картина пораженія. Лагери легіоновъ осилены, конница разбита, мостъ на серединѣ Мозеллы, соединявшій съ внутренностью колоніи, занятъ непріятелемъ. Церіалисъ, въ смутномъ положеніи дѣлъ неустрашимый, за руки тащилъ назадъ бѣжавшихъ; съ непокровеннымъ тѣломъ вертѣлся онъ подъ стрѣлами; удачною смѣлостью, при помощи сбѣжавшихся лучшихъ воиновъ, отнятый обратно у непріятеля мостъ занялъ сильнымъ отрядомъ. Затѣмъ возвратясь въ лагери, видитъ блуждающія туда и сюда роты легіоновъ, бывшихъ жертвою плѣна у Новезія и Бонны, не многихъ воиновъ подъ значками и орлы почти окруженные непріятелемъ. Пылая гнѣвомъ, кричалъ онъ: «это не Флакку и не Вокулѣ вы измѣняете. Предательства тутъ ужь нѣтъ и мнѣ оправдываться не въ чемъ больше, кромѣ въ томъ развѣ, что я опрометчиво повѣрилъ, будто бы вы, забывъ обязательства къ Галламъ, чистосердечно вернулись къ памяти Римской присяги. Поступлю въ число Нумизіевъ и Геренніевъ; пусть всѣ ваши начальники гибнутъ отъ рукъ или воиновъ, или враговъ. Идите, возвѣстите Веспасіану или—и это ближе,—Цивилису и Классику, что

вами на полѣ битвы покинутъ вождь. Придутъ легіоны, которые отмстятъ за меня и васъ не оставятъ безнаказанными».

78. Все это было справедливо и то же повторяли трибуны и префекты. Воины стѣснились въ когорты и отряды, а развернуться строемъ невозможно было, такъ какъ непріятель разсыпался вездѣ и мѣшали палатки и обозныя вещи; бой происходилъ внутри окоповъ. Туторъ, Классикъ и Цивилисъ, каждый на своемъ мѣстѣ, воодушевляли сражающихся Галловъ надеждою вольности, Батавовъ—славы и Германцевъ—добычи. И все было за непріятелей, пока двадцать первый легіонъ, сосредоточившись на болѣе просторномъ, чѣмъ другіе, мѣстѣ, остановилъ натискъ, а потомъ и самъ сталъ напирать, и не безъ содѣйствія свыше, вдругъ измѣнилось настроеніе умовъ и побѣдители обратили тылъ. Они говорили, что устрашились при видѣ когортъ, которыя, разсѣявшись при первомъ натискѣ, собирались снова на горныхъ возвышенностяхъ и имѣли видъ какъ бы новаго подкрѣпленія. Но больше всего повредило имѣвшимъ уже въ своихъ рукахъ побѣду непріятелямъ—вредное стремленіе наперерывъ другъ передъ другомъ заниматься грабежемъ, оставивъ непріятеля. Церіалисъ, какъ безпечностью почти проигралъ дѣло, такъ твердостью возстановилъ; пользуясь успѣхомъ, онъ въ тотъ же день взялъ и разрушилъ лагерь непріятельскій.

79. И не надолго дали воинамъ отдохнуть. Просили о помощи Агриппинцы: отдавали жену и сестру Цивилиса и дочь Классика, оставленныхъ у нихъ какъ залогъ союза, а между тѣмъ они избили Германцевъ, разсѣянныхъ по домамъ. Вслѣдствіе этого—опасенія и справедливыя мольбы призывавшихъ, прежде чѣмъ непріятель, собравшись съ силами снова, устремится съ новыми надеждами и отмститъ имъ. Да и Цивилисъ двинулся туда, не безсильный, такъ какъ лучшая изъ его когортъ оставалась невредимою; она, будучи составлена изъ Хавковъ и Фризіевъ, находилась въ Толбіакѣ, въ предѣлахъ Агриппинцевъ. Но Цивилиса заставила воротиться печальная вѣсть, что когорта истреблена коварствомъ Агриппинцевъ. Они, Германцевъ, погрузившихся въ сонъ послѣ роскошнаго пиршества и опьяненія, заперевъ двери, сожгли, подложивъ огонь. Да и другое опасеніе, какъ бы четырнадцатый легіонъ, въ соединеніи съ Британскимъ флотомъ, не напалъ бы на Батавовъ съ той стороны, гдѣ земля ихъ омывается океаномъ. Но легіонъ—начальникъ его, Фабій Прискъ, повелъ сухимъ путемъ въ земли Нервіевъ и Тунгровъ, и эти племена приняты въ подданство. На флотъ напали

сами Канинефаты, большая часть судовъ потоплена или взята въ плѣнъ. И толпы Нервіевъ, добровольно поднявшихся съ тѣмъ, чтобы вести войну за Римлянъ, тѣ же Канинефаты разсѣяли. Да и Классикъ имѣлъ удачное сраженіе противъ всадниковъ, посланныхъ впередъ Церіалисомъ въ Новезій; эти хотя и незначительные, но частые уроны уменьшали славу побѣды, недавно полученной.

80. Въ эти же дни Муціанъ отдаетъ приказаніе умертвить Вителліева сына подъ предлогомъ, что раздоры и смуты останутся, если не подавить зародышъ (сѣмена) войны. Не допустилъ онъ и того, чтобы Домиціанъ взялъ въ число приближенныхъ (въ свою свиту) Антонія Прима, съ безпокойствомъ смотрѣлъ Муціанъ на расположеніе къ нему воиновъ и на гордый характеръ человѣка, съ трудомъ выносившаго себѣ равныхъ, а не только высшихъ надъ собою. Антоній отправился къ Веспасіану, и хотя принятъ и не соотвѣтственно своимъ надеждамъ, но и не было нерасположенія со стороны императора. Былъ онъ подъ вліяніемъ различныхъ впечатлѣній: съ одной стороны несомнѣнны были заслуги Антонія, безспорно окончившаго войну; съ другой стороны вліяли письма Муціана; да и другіе преслѣдовали Антонія, какъ непріязненнаго и надменнаго; присоединяли и то, что было виновнаго въ прежней его жизни. Да и самъ Антоній помогалъ въ томъ, надменностью вызывая раздраженіе, слишкомъ часто припоминая свои заслуги. Онъ честилъ прямо другихъ «къ войнѣ неспособными», а Цецину называлъ «плѣнникомъ и переметчикомъ». Мало по малу стали на него смотрѣть легче и съ пренебреженіемъ, но по наружности показывали ему дружбу.

81. Въ эти мѣсяцы, когда Веспасіанъ въ Александріи выжидалъ, чтобы установилась лѣтняя погода и спокойное и безопасное плаваніе по морю, случилось много чудесныхъ явленій, въ которыхъ обнаруживалось расположеніе неба и какая-то особенная благосклонность высшихъ силъ къ Веспасіану. Изъ черни Александрійской нѣкто, о болѣзни глазъ котораго всѣ знали, припалъ къ его колѣнамъ, прося съ воплями вылѣчить его отъ слѣпоты, по внушенію бога Сераписа, а его этотъ народъ, погрязшій въ суевѣріяхъ, чтитъ преимущественно передъ другими. Умолялъ онъ государя, чтобы онъ удостоилъ слюною изъ своего рта омочить ему щеки и глазныя ямки. Другой больной рукою—тѣмъ же божествомъ наученъ былъ стараться, чтобы на него наступила нога и слѣдъ Цезаря. Веспасіанъ встрѣтилъ сначала эти домогательства насмѣшками и

пренебреженіемъ, но когда тѣ упорствовали, онъ колебался, съ одной стороны опасаясь, какъ бы не показаться легкомысленнымъ, а съ другой обнадеживаемый мольбами просителей и лестью ободрявшихъ его къ большей самоувѣренности. Наконецъ онъ отдаетъ приказаніе врачамъ сдѣлать заключеніе: эти случаи слѣпоты и невладѣнія членомъ, могутъ ли уступить дѣйствію средствъ, находящихся въ распоряженіи человѣка?—Врачи высказались разнообразно: «у одного сила зрѣнія не изсякла окончательно и возвратится, если только уничтожить противодѣйствіе, а у другаго члены, принявшіе неправильное развитіе, въ случаѣ приложенія къ нимъ цѣлебной силы, могутъ возвратиться къ правильному дѣйствію. Можетъ-быть этого хотятъ боги и орудіемъ своихъ намѣреній избрали государя. Наконецъ, во всякомъ случаѣ, слава удачнаго исцѣленія останется Цезарю, а безуспѣшность обратится въ стыдъ тѣмъ несчастнымъ». Вслѣдствіе этого Веспасіанъ, считая все уже доступнымъ своему счастію и не находя болѣе ничего невѣроятнаго, самъ съ веселымъ лицомъ, среди внимательной, тутъ находившейся, толпы, исполнилъ, что ему говорили. Тотчасъ калѣка сталъ владѣть рукою, а слѣпому доступенъ свѣтъ дневной. И то и другое подтверждаютъ бывшіе при этомъ и теперь, когда уже нѣтъ выгоды имъ лгать.

82. Вслѣдствіе этого усилилось желаніе Веспасіана—посѣтить главное средоточіе святыни съ тѣмъ, чтобы посовѣтоваться о дѣлахъ имперіи. Онъ отдаетъ приказаніе всѣхъ удалить изъ храма. Когда онъ вошелъ и внимательно обратился къ божеству, увидалъ за собою одного изъ знатнѣйшихъ Александрійцевъ по имени Базилида, о которомъ зналъ, что онъ лежитъ больной и на разстояніи многихъ дней пути отъ Александріи. Спросилъ потомъ жрецовъ: «входилъ ли въ этотъ день въ храмъ Базилидъ»? Спрашивалъ и встрѣчныхъ: «не видали ли его въ городѣ»? Наконецъ, пославъ верховыхъ, узнаетъ, что Базилидъ въ это время находился за восемьдесятъ тысячъ шаговъ разстоянія. Тутъ-то онъ божественное явленіе и значеніе отвѣта истолковалъ именемъ Базилида.

83. Происхожденіе этого божества еще не объяснено нашими писателями, а Египетскіе жрецы разсказываютъ такъ: «при царѣ Птоломеѣ, который первый изъ Македонянъ утвердился прочно въ Египетѣ, когда въ Александріи, только что построенной, основывалъ стѣны, храмы и религіозныя вѣрованія, во время успокоенія явился ему молодой человѣкъ необыкновенно красивой наружности и видомъ превосходящій человѣческій образъ. Онъ ему

внушалъ отправить въ Понтъ вѣрнѣйшихъ изъ его приближенныхъ и перенесть оттуда его изображеніе, что это будетъ счастіе, для царства и что городъ, принявъ это изображеніе, сдѣлается великимъ и знаменитымъ. Затѣмъ увидалъ царь, что этотъ юноша поднялся на небо въ сильномъ пламени. На Птоломея сильно подѣйствовало это чудесное явленіе и предвѣстіе и онъ открылъ свое ночное видѣніе жрецамъ Египетскимъ, которымъ за обычай толковать подобныя вещи. А такъ какъ они мало знали Понтъ и земли чужестранныя, то царь спросилъ Тимоѳея Аѳинянина, изъ рода Евмолпидовъ, котораго какъ руководителя въ священныхъ обрядахъ вызвалъ изъ Елевзина: «что это за вѣрованіе и за божество»? Тимоѳей, распросивъ тѣхъ, которые посѣщали Понтъ, узналъ, что тамъ находится городъ Синопъ и недалеко храмъ Юпитера Дія, пользующійся у туземцевъ старинною извѣстностью. Тамъ же находится и женское изображеніе, которое большинство называетъ Прозерпиною. Но Птолемей—таковы обыкновенно характеры царей, склонный къ опасеніямъ, возвратясь къ безопасности, болѣе заботился о наслажденіяхъ, чѣмъ о религіи, и мало по малу сталъ нерадѣть о задуманномъ и обращать все вниманіе на другія заботы. Но тутъ то же видѣніе еще болѣе грозное и съ большею настойчивостью возвѣстило гибель ему и царству, если повелѣнное не будетъ исполнено. Тутъ Птолемей отдаетъ приказаніе снарядить пословъ и дары Сцидротемиду царю (онъ въ то время владѣлъ Синопомъ); при отплытіи онъ приказалъ: зайдти и къ Пиѳійскому Аполлону. Плаваніе было благопріятное; изреченіе оракула было не двусмысленное: «пусть идутъ и привезутъ изображеніе его отца, а сестры оставятъ».

84. Когда прибыли въ Синопъ, отдали царю Сцидротемиду дары и изложили просьбы и порученія Птолемея. Сцидротемидъ колебался въ душѣ: то боялся божества, то приходилъ въ ужасъ отъ угрозъ противившагося народа; не разъ уступалъ дарамъ и обѣщаніямъ пословъ. Между тѣмъ прошли три года, и Птолемей не прекращалъ ни своихъ усилій, ни просьбъ. Отправилъ пословъ еще болѣе знатныхъ съ большимъ числамъ судовъ и количествомъ золота. Тогда грозное видѣніе явилось Сцидротемиду: «не задерживать болѣе того, что богомъ назначено». Пока онъ медлилъ, не давали покоя разныя бѣдствія, болѣзни и явственные признаки гнѣва боговъ, становившагося со дня на день все сильнѣе. Созвавъ народное собраніе, изложилъ онъ повелѣнія божества, свои и Птолемеевы видѣнія и наступившія бѣдствія. Народъ противился

царю, завидовалъ Египту, опасался за себя и окружилъ храмъ. Отсюда болѣе распространенный слухъ передаетъ, будто бы само божество собственнымъ усиліемъ вошло на судно, причаленное къ берегу. Чудно и говорить, но будто бы оно, проплывъ такое пространство моря, на третій день пристало къ Александріи. Храмъ, соотвѣтственный значительности города, выстроенъ на мѣстѣ, называемомъ Ракотисъ; тутъ была часовня, издревле посвященная Серапису и Изидѣ. Вотъ что наиболѣе извѣстно о происхожденіи и прибытіи божества. Не безъизвѣстно мнѣ, что есть и такіе, которые утверждаютъ, будто оно призвано изъ Селевкіи, Сирійскаго города, въ правленіе Птолемея, принадлежащаго къ третьему поколѣнію Птолемеевъ. Другіе утверждаютъ, что исполнителемъ былъ тотъ же Птолемей, а мѣсто, откуда перешло божество, утверждаютъ будто бы Мемфисъ, нѣкогда знаменитая столица древняго Египта. А божество само многіе называютъ Эскулапіемъ, такъ какъ будто бы оно помогаетъ въ тѣлесныхъ болѣзняхъ; нѣкоторые Озирисомъ, древнѣйшимъ божествомъ здѣшнихъ народовъ; многіе Юпитеромъ, какъ владыкою всего, а еще большее число Юпитеромъ Діемъ изъ признаковъ, въ немъ открываемыхъ, или по догадкѣ дѣлая заключеніе.

85. А Домиціанъ и Муціанъ, прежде чѣмъ приблизились къ Альпамъ, получили извѣстіе объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ въ землѣ Треверовъ. Главнымъ доказательствомъ побѣды служилъ непріятельскій вождь Валентинъ; онъ нисколько не упалъ духомъ и на лицѣ его отражались высокіе замыслы прежніе. Его выслушали только для того, чтобы узнать образъ его мыслей и осудили, но во время совершенія казни, когда кто-то сказалъ ему съ упрекомъ, что отечество его покорено,—«потому-то я и принимаю смерть, какъ утѣшеніе»,—отвѣтилъ онъ. Но Муціанъ то, что уже давно скрывалъ въ душѣ, высказалъ какъ бы нечаянно: «такъ какъ, вслѣдствіе благоволенія боговъ, уже сокрушены силы непріятельскія, то мало чести будетъ Домиціану, тогда когда война почти уже окончена, вымаливать частичку славы чужой. Еслибы положеніе государства или безопасность Галлій угрожаемы были опасностью-то—Цезарю слѣдовало бы явиться на поле битвы; а Канинефатовъ и Батавовъ достаточно поручить вождямъ второстепеннымъ; самъ пусть по близости въ Лугдунѣ покажетъ силу и счастіе своего высокаго положенія, не вмѣшиваясь въ незначительныя опасности и съ готовностью принять участіе въ нихъ, еслибы они сдѣлались поважнѣе.

86. Не трудно было понять хитрый изворотъ; но, чтобы не слишкомъ его обнаружить, отчасти какъ бы исполнялись желанія Домиціана; такъ прибыли въ Лугдунъ. Отсюда, какъ полагаютъ, Домиціанъ через тайныхъ гонцовъ, испытывалъ вѣрность Церіалиса: «если онъ (Домиціанъ) явится, то вручитъ ли онъ ему войско и верховную власть». Замышлялъ ли онъ войну противъ отца или готовилъ силы и средства противъ брата—осталось неизвѣстнымъ. А Церіалисъ уклонился благоразумно и умѣренно, какъ будто Домиціанъ по молодости неосновательно домогается пустяковъ. Домиціанъ, видя, что старики пренебрегаютъ его молодостью, оставилъ безъ исполненія присвоенныя ранѣе, хотя и незначительныя, обязанности верховной власти. Онъ принялъ на себя личину простоты и скромности; онъ сталъ искать уединенія, принялся съ притворнымъ усердіемъ за литературу и съ любовью за стихотворство, чтобы скрыть свои истинныя мысли и уничтожить поводъ брату къ недовѣрчивости; его характеръ совершенно иной и свойства души болѣе нѣжной онъ перетолковывалъ совершенно иначе.

КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА

ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ

КНИГА ПЯТАЯ.

Содержаніе книги: глава 1. Между тѣмъ Титъ съ сильнымъ войскомъ становится подъ стѣнами Іерусалима.—2—5. Іудейскаго народа начало, вѣрованія и злонамѣренныя о нихъ сужденія людей свѣтскихъ.—6. 7. Описаніе земли и предѣловъ, бальзама, Ливана, Іордана, озера, производящаго смолу, безплодныхъ пустынь, плодовъ, разсыпающихся въ пепелъ, рѣки Бела, которой песокъ служитъ для изготовленія стекла.—8. Іерусалимъ—столица народа. Храмъ необыкновенно богатый. Іудеевъ судьбы подъ властью чужестранцевъ и собственныхъ царей.—9. Разнообразный жребій подъ властью Римлянъ.—10—12. Война начавшаяся при Гессіи Флорѣ прокураторѣ. Титъ осаждаетъ Іудеевъ, стѣснивъ ихъ въ городъ. Укрѣпленія Іерусалима, запасы, вожди.—13. Чудесныя явленія передъ осадою.

14. Между тѣмъ Цивилисъ, пополнивъ свое войско въ Германіи, возобновилъ войну.—15. Сражается съ Церіалисомъ довольно удачно. И тотъ и другой обратилъ все вниманіе, чтобы поспѣшить рѣшительнымъ окончаніемъ дѣла.—16. 17. Устроиваетъ войско въ боевой порядокъ и обращается съ рѣчью къ своимъ.—18. Происходитъ упорная битва, въ которой, вслѣдствіе измѣны Батава, Германцы побѣждены.—19. 20. Цивилисъ, перейдя на островъ Батавовъ, напалъ на вооруженные отряды Римлянъ, поддерживаемый Вераксомъ, Классикомъ и Туторомъ.—21. Сраженіе нерѣшительное. Приходитъ Церіалисъ и склоняетъ счастіе на свою сторону.—22. Черезъ недостатокъ предусмотрительности едва не подавленъ.—23. Цивилисъ выказываетъ морскія силы, но Церіалисомъ прогнанъ за Рейнъ.—24. Онъ опустошилъ островъ Батавовъ, но, вслѣдствіе разлива рѣки, подвергается новой опасности.—25. Тутъ черезъ тайныхъ гонцовъ старается подѣйствовать на умы непріятелей.—26. Цивилисъ проситъ о свиданіи и высказываетъ готовность покориться.

1. Въ началѣ этого года Цезарь Титъ избранъ отцомъ для усмиренія Іудеи; еще въ прежнемъ положеніи и своемъ и отца прославился онъ въ военной службѣ, а теперь дѣйствовалъ еще съ большею силою и славою, такъ какъ провинціи и войска состязались въ усердіи. И самъ, чтобы дать о себѣ понятіе, что онъ выше своего высокаго положенія, показывалъ себя ласковымъ и дѣятельнымъ въ военномъ дѣлѣ, вѣжливостью и убѣжденіями вызывая содѣйствіе. Всего чаще при работахъ, на походѣ, вмѣшивался въ ряды простыхъ воиновъ, не роняя чести полководца. Въ Іудеи его приняли три легіона: четвертый, десятый и пятнадцатый—заслуженные воины Веспасіана. Прибавилъ изъ Сиріи двѣнадцатый и приведенныхъ изъ Александріи воиновъ третьяго и двадцать втораго легіоновъ. Сопровождали двадцать союзныхъ когортъ и восемь эскадроновъ конницы; а также цари Агриппа и Согемъ, вспомогательныя войска царя Антіоха, сильный и, вслѣдствіе обычной между сосѣдями ненависти, враждебный Іудеямъ отрядъ Арабовъ. Много было и такихъ, которыхъ изъ Рима и Италіи вызвали свои личныя надежды и разсчеты задобрить государя, еще не предупрежденнаго (собственно не занятаго). Съ этими войсками войдя въ предѣлы непріятельскіе, войска держалъ въ строгомъ порядкѣ; все изслѣдуя и готовясь къ сраженію, не далеко отъ Іерусалима расположился лагеремъ.

2. Но такъ какъ намъ придется излагать послѣдній конецъ знаменитаго города, то приличнымъ кажется изложить и его начало. Говорятъ, будто бы Іудеи, бѣглецы изъ острова Крита, заняли ближайшія мѣста Либіи въ то время, когда Сатурнъ, прогнанный силою Юпитера, оставилъ царство (доказательство этому находятъ въ наименованіи). Знаменитая въ Критѣ гора Ида, жители окрестностей—Идеи, вслѣдствіе невѣжественнаго измѣненія этого слова, получили названіе Іудеевъ. Нѣкоторые утверждаютъ, будто бы, въ царствованіе Изиды, избытокъ населенія Египта подъ предводительствомъ Гіеросолима и Іуды удаленъ въ сосѣдственныя земли. Очень многіе утверждаютъ, будто бы они потомки Еѳіоповъ, которыхъ при царѣ Цефеѣ вынудили перемѣнить мѣсто жительства или опасенія или вражда. Есть и такіе, которые утверждаютъ, «будто бы Іудеи—пришельцы Ассирійскіе; нуждаясь въ земляхъ для поселенія, овладѣли они частью Египта, а вслѣдъ за тѣмъ выстроили собственные города, заняли Еврейскія земли и ближайшія мѣстности Сиріи». Другіе того мнѣнія, что «Іудеи получили начало отъ Салимовъ, народъ прославленный въ стихахъ Гомера; выстроивъ городъ, назвали отъ своего имени Гіеросолимомъ».

3. Большинство писателей согласны въ томъ, что когда въ Египтѣ сдѣлалась зараза, которая портила тѣла, царь Бокхорисъ отправился къ оракулу Гаммона и спросилъ, чѣмъ пособить горю. Онъ получилъ повелѣніе—очистить царство и этотъ родъ людей, какъ ненавистный богомъ, отправить въ другія страны. Вслѣдствіе этого разыскали и собрали эту толпу и оставили ее въ безлюдныхъ обширныхъ степяхъ. Въ слезахъ цѣпенѣли другіе, но Моисей одинъ изъ изгнанниковъ внушилъ имъ не надѣяться на какую-либо помощь отъ боговъ и людей,—и тѣми и другими они покинуты; но пусть къ нему одному, какъ къ вождю небесному, обратятъ они вѣру,—къ нему, содѣйствіемъ котораго одного могутъ они лишь положить конецъ теперешнему бѣдственному положенію. Согласились и, ничего не зная, начинаютъ путь по волѣ случая. Ничто ихъ столько не томило какъ недостатокъ воды; уже близкіе къ гибели полегли они по обширной степи, когда стадо дикихъословъ съ пастьбища бросилось на скалу, покрытую тѣнью рощи. Пошелъ за ними и Моисей и по догадкѣ, основанной на влажности почвы, открылъ широкія жилы воды. Это помогло Іудеямъ, и они, послѣ безпрерывнаго шестидневнаго пути, на седьмой, прогнавъ жителей, заняли земли, на которыхъ освятили городъ и храмъ.

4. Моисей, чтобы и на будущее время упрочить себѣ власть надъ народомъ, далъ ему обряды новые, въ разрѣзъ съ обычаями другихъ людей. Тамъ—все, что у насъ священно—пренебрежено и съ другой стороны дозволено все то, что у насъ считается вопіющимъ противузаконіемъ. Изображеніе животнаго, по указанію котораго кончились ихъ безплодные поиски и утолилась жажда, освятили они во внутренности храма; а барана приносятъ въ жертву какъ бы въ посрамленіе Гаммона. И быка приносятъ въ жертву, а его Египтяне чтутъ подъ именемъ Аписа. Отъ свинины воздерживаются, помня бѣдствіе, когда ихъ самихъ когда-то постигла чесотка, а ей это животное подвержено. То что когда то они долго терпѣли голодъ, доказываютъ и теперь частые посты, а что плоды собирали наскоро (какъ бы воровски), о томъ свидѣтельствуетъ хлѣбъ Іудейскій, который дѣлается безъ броженія. Разсказываютъ, что на седьмой день положили они отдохновеніе, такъ какъ онъ принесъ будто бы конецъ ихъ трудамъ; потомъ изъ потворства лѣни и седьмой годъ посвятили праздности. Другіе объясняютъ это такъ: «честь эта дѣлается Сатурну: начало этого вѣрованія или перешло изъ преданія Идеевъ, о которыхъ сохранилось извѣстіе, что они прогнаны съ Сатурномъ и родоначальники этого на-

рода, или потому что изъ семи созвѣздій, которыя управляютъ судьбами рода человѣческаго, самый обширный кругъ и сильнѣйшее вліяніе принадлежитъ звѣздѣ Сатурна; да и при томъ же большая часть небесныхъ тѣлъ силу свою и движеніе совершаютъ въ кругѣ числа семи».

5. Такія преданія, какимъ бы образомъ ни получили они начало, находятъ свою защиту въ древности; а остальныя зловѣщія учрежденія получили силу отъ закоренѣлой преступности. Люди самые дурные, презрѣвъ отеческими вѣрованіями, туда несли свои платежи, дары; вслѣдствіе этого росло дѣло Іудеевъ. А такъ какъ въ средѣ своей наблюдаютъ они вѣрность до упорства, готовы всегда сострадать и помочь другъ другу, а ко всѣмъ другимъ неумолимо враждебны, то и ѣдятъ они особо и спятъ особо. Склонный въ высшей степени къ половымъ наслажденіямъ, народъ этотъ избѣгаетъ совокупленій съ иноземками. А въ собственной средѣ недозволеннаго у нихъ нѣтъ ничего; дѣтородный членъ обрѣзаютъ, чтобы узнавать другъ друга по этому отличительному признаку. Перешедшіе въ ихъ нравы дѣлаютъ то же самое и прежде всего навыкаютъ они презирать боговъ, ни во что ставить отечество, родителей, дѣтей. Впрочемъ заботятся объ увеличеніи численности. Запрещено—убивать кого-либо изъ родившихся; они убѣждены, что души погибшихъ въ сраженіяхъ или казненныхъ живутъ вѣчно. Отсюда побужденіе производить дѣтей и презрѣніе къ смерти. Тѣла (умершихъ) предпочитаютъ по обычаю Египтянъ хоронить, чѣмъ сжигать; такое же (какъ у Египтянъ) стараніе объ умершихъ и убѣжденіе относительно загробной жизни. Въ томъ же, что касается небеснаго, совсѣмъ другихъ понятій. Египтяне чтутъ очень многихъ животныхъ и поклоняются сдѣланнымъ изображеніямъ; а Іудеи только въ душѣ чтутъ единое божество. «Чужды истины,—по ихъ мнѣнію,—тѣ, которые дерзаютъ придавать божеству наружность человѣка и творить его образъ изъ доступныхъ разрушенію веществъ. Оно, высшее существо, вѣчно, перемѣнамъ не подвержено и никогда не погибнетъ». Вслѣдствіе этого не допускаютъ они никакихъ изображеній даже въ городахъ своихъ, не говоря уже въ храмахъ. Въ этомъ не льстятъ они царямъ и цезарямъ не оказываютъ почести. Вслѣдствіе того, что жрецы ихъ играютъ на трубахъ и тимпанахъ (гусляхъ), опоясываются плющемъ и того, что въ храмѣ найдена была виноградная лоза золотая, нѣкоторые дѣлали заключеніе, будто бы они (Іудеи) чтутъ Либера отца, покорителя Востока, но установленія Іудеевъ далеко тому

не соотвѣтствуютъ: Либеръ установилъ обряды веселые и торжественные, а обряды Іудеевъ возмутительны и гнусны.

6. Земля и предѣлы по направленію къ востоку оканчиваются Арменіею, съ юга лежитъ Египетъ, съ запада Финикія и море, къ сѣверу далеко тянутся земли Іудеевъ вдоль края Сиріи. Тѣломъ жители здѣшніе здоровы и легко переносятъ труды; дожди здѣсь рѣдки, почва плодоносна. Произведенія земли одинаковыя съ нашими, но кромѣ ихъ родятся здѣсь бальсамъ и пальмы. Пальмовыя деревья высоки и красивы. Бальсамъ дерево средней величины. Если какая вѣтвь нальется соку, то жилы содрогнутся, если поднесешь желѣзо; кускомъ камня или черепкомъ выпускаютъ жидкость, и она употребляется для врачеваній. Главный горный хребетъ возвышается Ливанъ; удивительно сказать, но въ такой жаркой полосѣ онъ покрытъ непроницаемою тѣнью и вѣрно хранитъ на вершинѣ снѣга. Онъ же выпускаетъ изъ себя Іорданъ и поддерживаетъ его воды; а Іорданъ не вливается въ море, но невредимо пройдя два озера, въ третьемъ теряется. Озеро обширной окружности, похожее на море, но вкусомъ вода испорченнѣе; тяжкій отъ нея запахъ смертоносно дѣйствуетъ на жителей сосѣднихъ мѣстностей. Вѣтры не въ силахъ поднять на немъ волнъ, не живутъ въ немъ ни рыбы, ни обычныя водяныя птицы. Въ невѣрную воду брошенное носится по ней какъ бы по тверди; опытные и не опытные въ плаваньи одинаково безъ усилій остаются сверхъ воды. Въ извѣстное время года производитъ это озеро сѣру; опытъ научилъ какъ и всѣмъ прочимъ искусствамъ, такъ и тому, какъ ее собирать. Черная отъ природы жидкость сгущается отъ влитаго въ нее уксусу и плаваетъ сверху; ее, захвативъ руками тѣ, которые объ этомъ заботятся, тащутъ на верхъ судна. Отсюда безо всякой посторонней помощи она втекаетъ и ложится на днѣ въ видѣ балласта, пока ее не обрѣжутъ. А ни желѣзомъ, ни мѣдью сдѣлать этого невозможно: убѣгаетъ она при видѣ крови и одеждъ запачканныхъ кровью, которая выходитъ у женщинъ въ мѣсячномъ. Такъ передаютъ старинные писатели. Но знакомые съ мѣстностью говорятъ: покрытыя смолою бревна гонятъ къ берегу и вытаскиваютъ руками, а когда смола застынетъ отъ испареній земли, отъ дѣйствія солнца, то топорами и клиньями колятъ какъ дерево или камни.

7. Не далеко оттуда простираются равнины, о которыхъ говорятъ что онѣ когда то были очень плодородны, имѣли въ себѣ большіе населенные города, но сожжены паденіемъ молніи. Остаются и слѣ-

ды и самая земля, съ виду перегорѣвшая какъ въ огнѣ, утратила свою плодородную силу. Все, что произрастаетъ какъ само собою, такъ и посѣянное руками, какъ тонкія травы, такъ и цвѣты, выростаютъ въ обычныхъ своихъ формахъ, но потомъ чернѣютъ и, лишенныя жизни, обращаются въ пепелъ. Я хотя и допустилъ бы истину того, что когда-то здѣсь знаменитые города погибли отъ небеснаго огня, однако не могу не высказать моего убѣжденія, что испареніями озера пропитывается земля и черезъ это портится ея верхняя плодотворная сила, точно по той же причинѣ, по какой осенью погибаетъ то, что остается отъ жатвы при одинаково вредныхъ въ то время воздухѣ и погодѣ. И Белъ рѣка вливается въ Іудейское море; у ея устья собранный песокъ съ примѣсью селитры переваривается въ стекло; и какъ ни необширно пространство берега, но запасъ вывозимаго песка неистощимъ.

8. Большая часть Іудеевъ живетъ разбросанно по селеніямъ, имѣютъ и города. Іерусалимъ—столица народа. Тамъ храмъ неизмѣримо богатый; въ первыхъ укрѣпленіяхъ заключается городъ, потомъ царскія палаты, а храмъ обнесенъ внутренними укрѣпленіями, до вратъ (храма) только доступъ Іудею; за порогъ переходить никому кромѣ жрецовъ не дозволяется. Пока Востокъ находился во власти Ассиріевъ, Мидовъ и Персовъ, эта часть ихъ подвластныхъ находилась въ величайшемъ пренебреженіи; но когда Македоняне особенно усилились, царь Антіохъ усиливался подавить это суевѣріе и введеніемъ Греческихъ обычаевъ самый зловредный народъ обратить на лучшее; но въ этомъ воспрепятствовала ему война съ Парѳами, такъ какъ въ это время отпалъ Арсакъ. Тогда Іудеи, пользуясь слабостью Македонянъ,—Парѳы въ то время еще не усилились, а Римляне были далеко,—сами себѣ поставили царей, а тѣ, непостояннымъ народомъ изгнанные, посягнули на прогнаніе гражданъ, разрушеніе городовъ, убійства братьевъ, женъ и родителей и все прочее, что царямъ за обычай, и вслѣдствіе этого поддерживали суевѣріе; оказывалась почесть жрецамъ, чтобы прочнѣе была власть царей.

9. Изъ Римлянъ смирилъ Іудеевъ первый Помпей; по праву побѣды вошелъ онъ въ храмъ; вслѣдствіе этого стало извѣстнымъ «что внутри пустое мѣсто, никакого изображенія божества и таинства пустыя, безсмысленныя». Разрушены стѣны Іерусалима, но храмъ остался. Потомъ въ гражданскую нашу войну, когда эти провинціи достались на часть М. Антонія, царь Парѳовъ Пакоръ овладѣлъ Іудею, но убитъ П. Вентидіемъ и Парѳы прогнаны за

Евфратъ. Іудеевъ покорилъ К. Созій. Царство, Антоніемъ данное Ироду, Августъ побѣдитель увеличилъ. Послѣ смерти Ирода. нисколько не дожидаясь (распоряженій) Цезаря, нѣкто Симонъ присвоилъ себѣ наименованіе царя. Онъ получилъ достойное наказаніе отъ Квинктилія Вара, управлявшаго Сиріею, и усмиреннымъ народомъ правили сыновья Ирода, раздѣливъ его владѣніе на три части. При Тиберіи было все спокойно; но получивъ отъ К. Цезаря приказаніе его статую (изображеніе) поставить въ храмѣ, Іудеи предпочли взяться за оружіе; но это волненіе окончилось вслѣдствіе смерти Цезаря. Клавдій, вслѣдствіе частью того, что цари перемерли, частью ограничивъ ихъ небольшими удѣлами, Іудею провинцію поручилъ управленію всадниковъ Римскихъ или отпущенниковъ; изъ нихъ Антоній Феликсъ всякаго рода жестокостями и мѣрами произвольными примѣнялъ власть царскую, будучи въ душѣ рабъ. Друзилла, внучка Клеопатры и Антонія, была за нимъ замужемъ, такъ что вмѣстѣ были: Феликсъ мужемъ внуки Антонія, а императоръ Клавдій—Антонія внукомъ.

10. Впрочемъ у Іудеевъ хватило терпѣнія до прокуратора Гессія Флора; при немъ началась война; пытался было сдержать Іудеевъ Цестій Галлъ, легатъ Сиріи, но онъ имѣлъ съ ними нѣсколько сраженій съ разнообразнымъ исходомъ и чаще несчастливыхъ. Когда онъ умеръ случайно ли или съ досады, то посланный Нерономъ Веспасіанъ—счастіемъ, извѣстностью, отличными помощниками въ теченіи двухъ лѣтнихъ кампаній занялъ побѣдоноснымъ войскомъ всѣ равнины и города, кромѣ Іерусалима. Въ теченіи послѣдовавшаго за тѣмъ года все вниманіе было обращено на войну между гражданами и вслѣдствіе этого для Іудеевъ онъ прошелъ спокойно. Съ возстановленіемъ мира въ Италіи, возвращались заботы о внѣшнихъ дѣлахъ. Раздраженіе было тѣмъ сильнѣе, что одни Іудеи не уступали. Оставаться при войскѣ Титу казалось лучшимъ и сообразнѣйшимъ съ возможностью новыхъ случайностей власти еще не упроченной. Вслѣдствіе этого Титъ, поставивъ лагерь, какъ мы уже сказали, подъ стѣнами Іерусалима, показалъ легіоны, устроенные въ боевомъ порядкѣ.

11. Іудеи подъ самими стѣнами устроились въ боевомъ порядкѣ съ тѣмъ, чтобы, въ случаѣ успѣха, распространить кругъ своихъ дѣйствій и подальше, а въ случаѣ пораженія прибѣжище имъ было готово. Высланная противъ Іудеевъ конница съ когортами на-лег-

кѣ сражалась съ нерѣшительнымъ успѣхомъ. За тѣмъ непріятели отступили и въ слѣдующіе дни частыя происходили сраженія передъ воротами, пока постоянные уроны не вынудили ихъ удалиться за стѣны. Тутъ Римляне стали дѣйствовать наступательно; казалось недостойнымъ ихъ—дожидаться дѣйствій голода на непріятеля; воины требовали опасностей частью изъ доблести, частью изъ свирѣпости и алчности наградъ. У самого Тита носился передъ глазами Римъ, его богатства и удовольствія; но замедленіе казалось неминуемымъ, если съ Іерусалимомъ не покончить однимъ ударомъ. Городъ, и безъ того расположенный въ мѣстности неприступной, былъ такъ сильно укрѣпленъ, что его укрѣпленій достаточно было бы даже на совершенно ровномъ мѣстѣ. Два холма, чрезвычайно высокіе, были окружены стѣнами, искусно направленными вкось и входившими внутрь въ видѣ углубленій, такъ что при нападеніи у аттакующихъ фланги были открыты для ударовъ. Обрывъ, которымъ оканчивались скалы, крутой; а башни, гдѣ мѣстность была выше, имѣли высоты шестьдесятъ футовъ, а въ долинахъ возвышались до 120 футовъ. Удивительный былъ видъ и издали смотрѣвшему казалось, будто всѣ башни одной вышины. Внутри другія стѣны окружали царскіе палаты; особенною высотою отличалась башня Антонія, названная Иродомъ такъ въ честь М. Антонія.

12. Самый храмъ представлялъ видъ укрѣпленія; онъ имѣлъ свои особыя стѣны, устроенныя съ особеннымъ стараніемъ и трудомъ. Самый портикъ, которымъ обнесенъ былъ храмъ, представлялъ отличное передовое укрѣпленіе. Источникъ ключевой воды, въ горѣ вырыты пещеры, подѣланы рыбные садки и цистерны для пріема дождевой воды; все это строители устроили съ предусмотрительностью, въ виду, вслѣдствіе особенности народнаго характера, частныхъ войнъ. Вслѣдствіе этого все было устроено постоянно въ такомъ видѣ, какъ бы для долговременной осады. При томъ взятіе города Помпеемъ служило во многихъ случаяхъ предостереженіемъ и примѣромъ. Въ корыстолюбивыя времена Клавдіевы купили Іудеи себѣ право возводить укрѣпленія и строили стѣны въ мирное время такъ какъ, будто бы къ войнѣ. Огромное было туда стеченіе народа и оно еще увеличилось вслѣдствіе бѣдственной участи другихъ городовъ: тамъ искали убѣжища люди самые непокорные и потому дѣйствовали самымъ безпокойнымъ образомъ. Три было вождя и три войска. Самую внѣшнюю и обширную ограду стѣнъ защищалъ Симонъ, котораго и Баргіорою прозывали, средній городъ Іоаннъ,

а храмъ Елеазаръ. Послѣдній силенъ былъ мѣстомъ (мѣстностью) а перевѣсъ численности и оружія имѣли Іоаннъ и Симонъ. Они вели другъ съ другомъ ожесточенную борьбу и оружіемъ, и коварствомъ, и огнемъ; огромные запасы хлѣба погибли въ пламени. Вслѣдъ за тѣмъ Іоаннъ, пославъ, подъ предлогомъ будто приносить жертвы, перебилъ отрядъ Елеазара и его самого и овладѣлъ храмомъ. Такимъ образомъ весь городъ дѣлился на двѣ партіи, пока съ приближеніемъ Римлянъ опасность внѣшней войны не возстановила согласія.

13. Случились чудесныя явленія, но народъ этотъ, погрязшій въ суевѣріяхъ, не имѣетъ обычая стараться предотвратить ихъ вредныя послѣдствія мольбами или очистительными жертвами. На небѣ видѣли сбѣгавшимися два враждебныхъ строя, оружіе кровавое и вдругъ весь храмъ освѣтился огненнымъ облакомъ. Совершенно неожиданно отворились двери храма, раздался голосъ свыше человѣческаго: «уходятъ боги», и вмѣстѣ сильный шумъ уходившихъ. Только немногіе принимали это съ опасеніями, а большинство было того убѣжденія, что въ древнихъ письменахъ жрецовъ содержится: около этого самого времени неминуемо послѣдуетъ усиленіе Востока и вышедшимъ изъ Іудеи будетъ принадлежать власть надъ міромъ. Этими словами пророчества намекалось на Веспасіана и Тита. Но народъ, по свойственной людями страсти перетолковывать расположеніе судебъ исключительно въ свою пользу, даже и бѣдствіями не могъ быть вразумленъ относительно истины.—Число осажденныхъ всякаго возраста и пола, какъ мужескаго, такъ и женскаго, простиралось, по дошедшимъ намъ свѣдѣніямъ, до шестисотъ тысячь человѣкъ. Оружія было достаточно для тѣхъ, кто былъ въ состояніи носить его, но желавшихъ было еще болѣе чѣмъ количества оружія. Равное упорство было и у мущинъ и у женщинъ, и еслибы они вынуждены были переселиться, то жизнь была бы имъ страшнѣе смерти. Противъ этого-то города и народа Цезарь Титъ, отказавшись отъ приступа и быстрыхъ военныхъ мѣръ, рѣшился дѣйствовать посредствомъ правильныхъ осадныхъ работъ— насыпей и крытыхъ ходовъ. Легіонамъ распредѣлены обязанности и схватокъ въ открытомъ полѣ болѣе не было, а покамѣстъ занялись устройствомъ всего, что для взятія городовъ придумано съ древнихъ временъ или и вновь изобрѣтено.

14. А Цивилисъ послѣ неудачнаго сраженія въ землѣ Треверовъ пополнилъ въ Германіи свое войско и остановился у урочища древнихъ лагерей, въ мѣстности безопасной, и имѣя въ виду воспоми-

наніемъ о счастливыхъ здѣсь событіяхъ ободрить умы подвластныхъ ему дикарей. Туда же послѣдовалъ за нимъ и Церіалисъ съ войскомъ усилившимся вдвое, вслѣдствіе прибытія втораго, шестаго и четырнадцатаго легіоновъ. Когорты и эскадроны (союзниковъ), вызванные давно, поспѣшили послѣ побѣды. Ни тотъ, ни другой вождь не стали тянуть дѣло вдаль, но задерживала обширность равнины, отъ природы топкой. Цивилисъ прибавилъ наискось возведенную въ Рейнъ плотину, о которую вода отражаясь разливалась по прилежащимъ мѣстамъ. Такова была мѣстность, вслѣдствіе неизвѣстности бродовъ невѣрная и намъ неблагопріятная; воины Римскіе обременены были тяжелымъ вооруженіемъ и боялись плавать, а Германцы, привычные къ водѣ, легко носились по ней съ легкимъ оружіемъ и будучи сложеніемъ высоки и тонки.

15. Такимъ образомъ, вслѣдствіе нападеній со стороны Батавовъ. храбрѣйшіе изъ нашихъ начали съ ними борьбу, но потомъ возникло замѣшательство вслѣдствіе того, что въ болѣе глубокихъ мѣстахъ болотъ стали тонуть орудія и лошади; а Германцы наскакивали по извѣстнымъ имъ бродамъ и не старались они дѣйствовать съ фронта, а обходя нападали на фланги и тылъ, и не такъ какъ въ пѣшемъ строю сражались рукопашнымъ боемъ, но, какъ бы въ морскомъ сраженіи, блуждали между волнъ или встрѣтивъ гдѣ-нибудь почву подъ ногами потверже, усиливались туда всѣмъ тѣломъ раненые съ нетронутыми, умѣвшіе плавать съ неумѣвшими, и толпились тамъ къ взаимной гибели. Впрочемъ потери еще не соотвѣтствовали степени замѣшательства вслѣдствіе того, что Германцы не дерзнули выйдти изъ болота и вернулись въ лагери. Исходъ этого дѣла побудилъ и того и другаго вождя, вслѣдствіе различныхъ, конечно, соображеній, ускорить рѣшительнымъ сраженіемъ. Цивилисъ думалъ пользоваться счастіемъ, а Церіалисъ хотѣлъ загладить позоръ пораженія. Германцы при успѣхѣ дѣлаются еще смѣлѣе, а на Римлянъ сильно подѣйствовалъ стыдъ; ночь у дикарей прошла въ пѣніяхъ и крикахъ, а у насъ въ раздраженіи и угрозахъ.

16. На другой день Церіалисъ наполнилъ фронтъ боевой линіи всадниками и вспомогательными когортами; во второй линіи помѣстилъ легіоны. Отборныхъ воиновъ вождь при себѣ оставилъ для возможныхъ случайностей. Цивилисъ сталъ не длиннымъ строемъ, но отрядами. Батавы и Гугерны направо, а налѣво и ближе къ рѣкѣ стали зарейнцы. Увѣщанія вожди дѣлали не въ формѣ рѣчи

обращаясь ко всѣмъ, но по мѣрѣ того, какъ проѣзжали по рядамъ своихъ. Церіалисъ упоминалъ: о старинной славѣ имени Римскаго, о древнихъ и новыхъ побѣдахъ; говорилъ, что врага коварнаго, трусливаго, побѣжденнаго нужно истребить совершенно; что необходимо болѣе отмщеніе, чѣмъ бой. Недавно въ числѣ уступая, сразились они съ сильными полчищами Германцевъ, но тѣ обращены въ бѣгство, хотя тутъ было все изъ нихъ лучшее. Остаются теперь лишь тѣ, которые въ душѣ думаютъ о бѣгствѣ, а на тѣлѣ носятъ раны, съ тылу полученныя. Особенными побужденіями старался онъ подѣйствовать на легіоны: воиновъ 14-го легіона называлъ покорителями Британніи. Шестому легіону онъ говорилъ, что его вліяніе сдѣлало Гальбу государемъ; второму, что это первое сраженіе, въ которомъ имъ придется освятить новые значки и новаго орла. Затѣмъ, доѣхавъ до Германскаго войска, указывалъ ему рукою вдаль, говоря: «пусть они кровью враговъ возьмутъ обратно свой берегъ, свои лагери». Всѣ эти привѣты встрѣчаемы были криками усердія, такъ какъ одни воины послѣ долговременнаго спокойствія жаждали сраженія, а тѣ, которые утомлены были войною, желали мира, надѣялись въ будущемъ наградъ и спокойствія.

17. Да и Цивилисъ не молча устраивалъ свое войско; онъ указывалъ, что самое мѣсто, гдѣ будетъ происходить сраженіе, свидѣтельствуетъ о его мужествѣ; воины попираютъ теперь ногами прахъ и кости легіоновъ. Въ какую бы сторону ни сталъ Римлянинъ обращать глазъ, вездѣ ему представляться будутъ плѣнъ, пораженіе и все самое дурное. Да не устрашаетъ ихъ иной исходъ Треверскаго сраженія; самая побѣда тутъ была помѣхою Германцамъ, такъ какъ они, бросивъ оружіе, заняли свои руки добычею; но затѣмъ все было для нихъ удачно, а непріятелю ко вреду. Все, что можно сдѣлать предусмотрительностью вождя, сдѣлано: поля покрыты водою и имъ знакомы; покрытая болотами мѣстность гибельна врагамъ. На нихъ смотрятъ Рейнъ и божество Германіи: съ ихъ благословенія пусть они вступаютъ въ сраженіе, имѣя въ памяти женъ, родителей, отечество; день этотъ будетъ или самымъ славнымъ у предковъ, или покроетъ ихъ безславіемъ передъ потомками. Когда звукомъ оружія и плясками, таковъ обычай народа, одобрены его слова, камнями, пращами и прочими метательными снарядами начинаютъ бой: наши воины не входили въ болото, а Германцы нападали съ цѣлію заманить ихъ туда.

18. Когда всѣ метательные снаряды были уже брошены и сраженіе разгаралось все сильнѣе, непріятель съ большимъ напря-

женіемъ силъ бросился впередъ. Огромные тѣломъ, своими копьями очень длинными, непріятели издали кололи нашихъ воиновъ, колебавшихся и готовыхъ отступить. Тутъ же съ плотины, которая, какъ мы говорили, была проведена въ глубь Рейна, переплылъ отрядъ Бруктеровъ. Дѣла тутъ пришли въ замѣшательство и строй союзныхъ когортъ уже уступалъ передъ непріятелемъ, когда легіоны вступили въ бой; они остановили дерзкій напоръ непріятелей и бой возстановленъ былъ при равныхъ условіяхъ. Между тѣмъ перебѣжчикъ изъ Батавовъ пришелъ къ Церіалису и обѣщалъ: «непріятель обратитъ тылъ, если по самой окраинѣ болота послать конницу, а почва тамъ твердая и Гугерны, которымъ ввѣрено обереженіе этого пункта, недостаточно внимательны». Съ перебѣжчикомъ посланы два эскадрона (изъ союзныхъ) и они обошли кругомъ непріятеля, не принявшаго мѣръ предосторожности. Когда криками дано знать объ этомъ, легіоны налегли съ фронта, а разбитые Германцы бросились бѣжать къ Рейну. Въ этотъ день война была бы покончена, еслибы Римскій флотъ поспѣшилъ слѣдовать. Но даже и конница не преслѣдовала, такъ какъ вдругъ полился дождь, а ночь наступала.

19. На другой день, четырнадцатый легіонъ посланъ Галлу Аннію въ верхнюю провинцію; Церіалисъ пополнилъ свое войско десятымъ легіономъ изъ Испаніи. Къ Цивилису пришло подкрѣпленіе отъ Хавковъ; но онъ не осмѣлился защищать оружіемъ города Батавовъ, а захвативъ что можно было унесть, остальное предалъ огню и удалился на островъ. Онъ зналъ, что у Римлянъ недостанетъ судовъ для устройства моста, а иначе войску Римскому переправиться не было возможности. Онъ разрушилъ плотину, устроенную Друзомъ Германикомъ, и разбросалъ то, что задерживало Рейнъ, пустилъ его воду по покатому руслу въ землю Галльскую. Такимъ образомъ вода этой рѣки, принявъ другое направленіе, оставила только небольшой ручеекъ между островомъ и Германіею, такъ что все представляло видъ непрерывнаго материка. Перешли Рейнъ Туторъ и Классикъ и сто тринадцать Треверскихъ сенаторовъ; въ числѣ ихъ былъ Альпинъ Монтанъ, о которомъ мы выше упоминали, что онъ въ Галлію былъ посланъ Антоніемъ Примомъ. Его сопровождалъ братъ Д. Альпинъ. Вмѣстѣ и другіе, частью изъ состраданія частью вслѣдствіе полученныхъ даровъ, вызывали на помощь народы, жаждавшіе опасностей.

20. Силъ къ войнѣ было еще столько, что Цивилисъ въ одинъ и тотъ же день въ четырехъ мѣстахъ аттаковалъ позиціи когортъ,

союзной конницы, легіоновъ: десятый легіонъ въ Аренакѣ, второй въ Батаводурѣ, а Гриннесъ и Ваду—лагери когортъ и союзной конницы. Онъ такъ распредѣлилъ войска, что самъ и Вераксъ, сынъ его сестры, Классикъ и Туторъ повели каждый по отряду. При этомъ онъ не разсчитывалъ на успѣхъ во всѣхъ пунктахъ, но— если смѣло дѣйствовать во многомъ, все въ чемъ-нибудь да и поможетъ счастіе. Притомъ же Церіалисъ не довольно остороженъ, и получивъ разомъ извѣстія съ разныхъ сторонъ, будетъ бросаться туда и сюда и можно будетъ его гдѣ-нибудь перехватить. Тѣ, которымъ досталось напасть на лагерь десятаго легіона, находя затруднительнымъ аттаковать легіонъ въ лагерѣ, бросились на воиновъ, вышедшихъ оттуда и занимавшихся рубкою лѣса; они вкинули въ нихъ замѣшательство, убили начальника лагерей, пять старшихъ сотниковъ и немногихъ воиновъ. Остальные нашли себѣ защиту въ укрѣпленіяхъ. Между тѣмъ другой отрядъ Германцевъ пытался разрушить начатый у Батаводура мостъ.

21. Сраженіе нерѣшенное прекращено наступленіемъ ночи. Болѣе опасности было у Гриннеса и Вады. На Ваду напалъ Цивилисъ, на Гриннеса—Классикъ. Остановить ихъ оказалось невозможнымъ и храбрѣйшіе изъ нашихъ были побиты. Въ числѣ ихъ палъ Бригантикъ, начальникъ союзнаго эскадрона; о немъ-то говорили мы, что онъ сохранилъ вѣрность къ Римлянамъ и терпѣть не могъ своего дяди Цивилиса. Но когда подоспѣлъ Церіалисъ съ отборнымъ отрядомъ конницы, то дѣло приняло другой оборотъ, и Германцы сломя голову бросились бѣжать къ рѣкѣ. Цивилисъ, въ усиліяхъ удержать бѣгущихъ, былъ узнанъ; въ него стрѣляли, но онъ, бросивъ коня, переплылъ. Туда же ушелъ и Вераксъ. Туторъ и Классикъ переплыли на причалившихъ къ берегу лодкахъ. И тутъ Римскій флотъ не принялъ участія въ сраженіи, хотя ему и приказано было; но былъ онъ удержанъ робостью и тѣмъ, что гребцы были разсѣяны по другимъ военнымъ занятіямъ. Конечно, Церіалисъ давалъ мало времени для исполненія приказаній; планъ дѣйствія рождался у него вдругъ, но удача оправдывала славнымъ исходомъ. Помогало ему счастіе даже и тамъ, гдѣ и усилій съ его стороны не было, а потому и онъ и войско мало заботились о дисциплинѣ. Немного дней спустя, онъ хотя и избѣгъ опасности попасть въ плѣнъ, но не ушелъ отъ дурной о себѣ молвы.

22. Отправился онъ въ Мовезій и Бонну осмотрѣть лагери, которые строились тамъ для зимовки легіоновъ; оттуда возвращался онъ на судахъ; движеніе совершалось въ безпорядкѣ, караулы были

невнимательны. Замѣтили это Германцы и устроили засаду; ночь выбрали пасмурную и темную; понеслись по быстрому теченію рѣки и безпрепятственно проникаютъ въ окопы. Хитрость помогла началу убійствъ: непріятели подрѣзали веревки у палатокъ и покрытыхъ своими же палатками избивали. Другой отрядъ тревожилъ флотъ, бросалъ веревки, тащилъ за кормы. И для обмана соблюдавъ совершенную тишину, теперь, для большей острастки непріятеля, наполняютъ все криками. Римляне, приведенные въ себя ранами, ищутъ оружія, бросаются по дорогамъ, немногіе въ военной одеждѣ, а большая часть свернувъ на руку платье и съ обнаженнымъ мечомъ. Полусонный и почти обнаженный вождь обязанъ своимъ спасеніемъ ошибкѣ непріятелей; они захватываютъ преторское судно отличенное флагомъ, полагая, что тамъ вождь. Церіалисъ провелъ ночь въ другомъ мѣстѣ и, по мнѣнію большинства, по случаю любовнаго свиданія съ Клавдіею Сакратою, Убійскою женщиною. Сторожа— позорное забвеніе своихъ обязанностей оправдывали стыдомъ вождя: будто бы они получили приказаніе молчать, чтобы не тревожить его отдохновенія, а потому, оставивъ сигналы и перекличку, и сами погрузились въ сонъ. Уже былъ совсѣмъ день, когда удалились непріятели съ захваченными судами. Преторскую трирему по рѣкѣ Луппіи повлекли Веледѣ въ даръ.

23. Цивилису пришла охота развернуть на показъ свои морскія силы. Наполняетъ воинами и суда о двухъ рядахъ веселъ, и простыя объ одномъ. Присоединилъ огромное число лодокъ, на которыхъ помѣщалось по триста и четыреста человѣкъ. Вооруженіе судовъ было обыкновенное Либурнскихъ. Эти легкія суда вмѣсто парусовъ, что было очень красиво, имѣли разноцвѣтные плащи. Мѣстомъ выбрано въ родѣ моря то, гдѣ устьемъ рѣки Мозы Рейнъ вливается въ Океанъ. Поводомъ снарядить флотъ было, кромѣ тщеславія, этому народу свойственнаго отъ природы, грозою его (флота) отрѣзать подвозы припасовъ, шедшіе изъ Галліи. Церіалисъ скорѣе на показъ, чѣмъ вслѣдствіе опасеній, выдвинулъ и свой флотъ, численностью меньшій, но опытностью гребцовъ, искусствомъ кормчихъ, размѣрами судовъ превосходившій. Наши шли по теченію рѣки, а суда непріятельскія гонимы были вѣтромъ. Такъ доплывя пытались бросать стрѣлы и дротики и потомъ разошлись. Цивилисъ, не дерзнувъ ни на что болѣе, удалился по ту сторону Рейна. Церіалисъ враждебно опустошилъ островъ Батавовъ, а поля и дачи Цивилиса, по извѣстной уловкѣ вождей, оставилъ нетронутыми, а между тѣмъ съ наступленіемъ осени, вслѣдствіе частыхъ уже зимнихъ дождей

весь островъ Батавовъ болотистый и низменный, вслѣдствіе разлива рѣки, обратился въ родъ пруда. Не было подъ руками ни флота, ни запасовъ; лагерь, расположенный на ровномъ мѣстѣ, чуть не былъ унесенъ силою теченія рѣки.

24. «Можно было бы тогда подавить легіоны и хотѣли было Германцы, но онъ хитростью ихъ отвлекъ», самъ на себя бралъ Цивилисъ. Да и не совсѣмъ это не сотвѣтствуетъ дѣйствительности, такъ какъ немного дней спустя онъ и совсѣмъ покорился. Церіалисъ черезъ тайныхъ гонцовъ обѣщалъ: «жеребій войны, вслѣдствіе стольких пораженій неблагопріятный, измѣнить на лучшее услугою народу Римскому, которая придется какъ нельзя болѣе кстати. Треверы поражены, Убіи снова изъявили покорность, у Батавовъ отнята родина. Пріязнь Цивилиса не доставила имъ ничего, кромѣ ранъ, бѣгства, слезъ; изгнанникъ онъ и бѣглецъ въ тягость и тѣмъ, которые его принимаютъ. Достаточно уже погрѣшили они и тѣмъ, что столько разъ переходили Рейнъ; а если они еще будутъ продолжать свои усилія, то вина и оскорбленіе будетъ съ ихъ стороны, а со стороны Римлянъ возмездіе (отмщеніе) и боги.

25. Къ угрозамъ присоединялъ и обѣщанія. Поколебалась такимъ образомъ вѣрность Зарейнцевъ, но и между Батавовъ пошли толки: «не нужно болѣе подвергаться разоренію и не возможно одному народу уничтожить рабство міра. Чего достигли убійствомъ и истребленіемъ легіоновъ какъ не того, что они вернулись еще въ большемъ числѣ? Еслибы Веспасіану помогали они, то онъ теперь достигъ бы обладанія міромъ. А если они вызовутъ на бой народъ Римскій, то какую же часть рода человѣческаго составляютъ Батавы? Пусть посмотрятъ на Ретовъ и Норикъ и на тягости другихъ союзниковъ: а съ нихъ дани не берутъ, а требуютъ только доблести и людей, а такое положеніе ближе всего къ вольности, и еслибы пришлось выбирать повелителей, то болѣе чести сносить владычество государей Римскихъ, чѣмъ Германскихъ женщинъ». Такъ толковали въ народѣ; а старѣйшины говорили: «непростительнымъ неистовствомъ Цивилиса увлечены они къ оружію; своимъ домашнимъ бѣдствіямъ хотѣлъ онъ противупоставить гибель ихъ народа. Тутъ-то и враждебны были Батавамъ боги, когда легіоны подверглись осадѣ, а легаты были умерщвлены. Война, необходимая одному, была начата всѣмъ пагубная. Дошло дѣло докрайности, если они не начнутъ приходить въ себя и казнью виновника не докажутъ своего раскаянія.

26. Не избѣгло Цивилиса такое расположеніе умовъ и онъ рѣ-

шился предупредить: надоѣли ему уже бѣдствія и манила надежда сохранить жизнь,—побужденіе, которое въ большинствѣ случаевъ подрываетъ лучшія стремленія. Просилъ онъ свиданія; разобрали мостъ на рѣкѣ Набаліи: на концахъ его выступили вожди и Цивилисъ такъ началъ: «еслибы я говорилъ въ свою защиту передъ намѣстникомъ Вителлія, то не слѣдовало бы ни прощать того, что я надѣлалъ, ни вѣрить тому, что сталъ бы высказывать. Между нами все было непріязненно и враждебно; онъ началъ, а я придалъ большіе размѣры. Относительно Веспасіана изстари была во мнѣ внимательность, а когда онъ былъ частнымъ человѣкомъ, мы даже назывались пріятелями. Это извѣстно Приму Антонію, письмомъ котораго я призванъ къ военнымъ дѣйствіямъ, для того чтобы Германскіе легіоны и Галльскіе легіоны и Галльская молодежь не перешли Альпъ. Что Антоній черезъ письма, то же Гордеоній Факкъ внушалъ лично, и я въ Германіи взялся за оружіе, точно также какъ Муціанъ въ Сиріи, Апоній въ Мезіи, Флавіанъ въ Панноніи

. . . .

. . . .

. . . .

(Остальная часть пятой книги и всего сочиненія Тацита, которое было въ четырнадцати книгахъ, для насъ погибло).

Перевелъ А. Клевановъ.

1870. Февраля 12-го.
Москва.

*

КОРНЕЛІЯ ТАЦИТА

О ПОЛОЖЕНІИ, ОБЫЧАЯХЪ И НАРОДАХЪ ГЕРМАНІИ.

Содержаніе сочиненія: Глава 1. Положеніе Германіи.—2. Мѣстные жители; родоначальники народа. Отъ чего произошло наименованіе. Геркулесъ.—3. Пѣсни Германцевъ. Жертвенникъ Улисса.—4. Германцы народъ простодушный и откровенный. Ихъ наружность.—5. Свойства почвы; нѣтъ золота и серебра, да они и не цѣнятся.—6. Германцевъ оружіе, конница, пѣхота, порядокъ военной службы.—7. Цари, вожди, жрецы.—8. Добродѣтели женщинъ и почтеніе къ нимъ. Веледа, Авринія.—9. Божества, священные обряды; изображеній нѣтъ.—10. Гаданія, бросанія жеребьевъ; предсказанія по конямъ, отъ плѣнника.—11. Общенародныя совѣщанія и сходки.—12. Обвиненія, наказанія, судъ и расправа.—13. Молодые люди, снабженные щитами и копьями, составляютъ свиту государей; ихъ доблесть и слава.—14. Усердіе народа къ войнѣ.—15. Въ мирное время занимаются охотою, остаются въ праздности; подарки государямъ сообща.—16. Отсутствіе совершенное городовъ; деревни, отдѣльные дома, пещеры служатъ убѣжищемъ зимою и мѣстомъ храненія запасовъ.—17. Одежды мущинъ и женщинъ.—18. Строгость брачныхъ союзовъ; приданое даетъ мужъ.—19. Стыдливость. Наказаніе за прелюбодѣяніе; одноженство; неограниченное число дѣтей.—20. Воспитаніе дѣтей. Законы о наслѣдствѣ.—21. Круговая порука дружбы и не дружбы за родителей и близкихъ. Окупъ за убійство человѣка. Гостепріимство.—22. Омовеніе, пища, ссоры между пьяными. Совѣщаніе на пиршествѣ.—23. Питье, пища.—24. Зрѣлища, страсть къ игрѣ.—25. Рабы, отпущенники.—26. Лихва неизвѣстна. Земледѣліе, времена года.—27. Похороны, надгробные памятники, оплакиванье.

28. Отдѣльныхъ народовъ учрежденія. Галлы, нѣкогда сильный народъ, перешли въ Германію; Гельветы, Боіи, Арависки, Озы, неизвѣстный родъ. Происхожденія Германскаго народы Треверы, Нервіи, Вангіоны, Трибоки, Неметы, Убіи.—29. Батавы, потомки Каттовъ, Маттіаки. Декуматскія земли.—30 и 31. Область Каттовъ, наружность, военная дисциплина. Обѣты, какъ побужденіе доблести.—32. Узипіи, Тенктеры отличаются пре-

восходною конницею.—33. Мѣста жительства Бруктеровъ заняты Хамавами и Ангриваріями.—34 Дулгибини, Хазвары, Фризіи.—35. Хавки прославившіеся любовью къ миру, справедливостью и доблестію.—36. Херуски и Фризы побѣждены Каттами.—37. Кимвровъ—община не большая, но покрытая громадною славою. Пораженія Римлянъ. Скорѣе они торжествовали надъ Германцами, чѣмъ побѣдили ихъ.—38. Свевовъ число, нравы.—39. Вѣрованія Семноновъ; человѣческіе жертвы.—40. Лонгобарды, Ревдинги, Авіоны, Англы, Варины, Евдозы, Свардоны, Нуитоны; всѣ вмѣстѣ поклоняются Гертѣ.—41. Гермундуры.—42. Нариски, Маркоманны, Квады.—43. Марсигны, Готины, Озы, Буріи, Лигіевъ общины—Аріи, Гельвеконы, Манимы, Елизіи, Нагарвалы; божество ихъ Альцисъ. Готоны, Ругіи, Лемовіи.—44. Суіоны сильные флотомъ.—45. Лѣнивое море. Эстіи, поклонники матери боговъ, собираютъ янтарь. Ситонами повелѣваетъ женщина.—46. Певцины, Венеды, Фенны—Германцы или Сарматы? Ихъ дикость, бѣдность. Люди—чудовища—Геллузіи, Оксіоны.

1. Всей Германіи служатъ границами: со стороны Галловъ, Ретовъ и Панноніевъ рѣки Рейнъ и Дунай, а со стороны Сарматовъ и Даковъ взаимныя опасенія и горные хребты. Съ прочихъ сторонъ окружаетъ Океанъ, образуя обширные заливы и омывая обширные пространствомъ острова. Еще не давно только узнали о существованіи нѣкоторыхъ народовъ и царей: ихъ открыла война. Рейнъ беретъ начало въ неприступныхъ крутизнахъ и пропастяхъ Ретическихъ Альповъ, потомъ, принявъ нѣсколько наклонное къ западу направленіе, смѣшиваетъ свои воды съ водами Сѣвернаго Океана. Данубій (Дунай), вытекая изъ невысокаго и некрутаго горнаго хребта Абнобы *), проходитъ земли многихъ народовъ, пока не вливается въ Понтійское море шестью устьями, а седьмое теряется въ болотахъ.

2. Самихъ Германцевъ склоненъ я считать тутъ и получившими начало; не было примѣси ни другихъ пришедшихъ народовъ, ни гостей. Издревле не сухимъ путемъ, но на судахъ приплывали тѣ, которые искали новыхъ мѣстъ для жительства. А тамъ необъятный и, такъ выражусь, враждебный Океанъ изрѣдка развѣ посѣщаютъ суда изъ нашихъ краевъ. Да и кому вздумается,—не говоря уже объ опасностяхъ грознаго и малоизвѣстнаго моря, оставивъ Азію, Африку и Италію,—стремиться въ Германію: не веселъ тамъ видъ земель, суровъ климатъ, все навѣваетъ скуку и печаль кромѣ развѣ тѣмъ, чья здѣсь родина. Германцы сами разсказываютъ въ древнихъ стихотвореніяхъ, а это единственный у этого племени родъ памятниковъ и лѣтописей—будто бы богъ Туиско, родившійся изъ

*) Нынѣшній Шварцвальдъ.

земли, и сынъ его Маннъ были родоначальниками и основателями этого народа. Манну назначаютъ трехъ сыновей и по ихъ-то именамъ ближайшіе къ Океану названы Ингевонами, живущіе въ серединѣ земель Герміонами, а прочіе Истевонами. Нѣкоторые, пользуясь просторомъ временъ отдаленныхъ по древности, утверждаютъ, будто бы отъ божества произошло болѣе потомковъ и болѣе названій народовъ, а именно Марсы, Гамбривіи, Свевы, Вандаліи; эти наименованія будто бы подлинныя и древнія; а названіе Германіи новое и недавно примѣненное, такъ какъ тѣ, которое, перейдя первые Рейнъ, изгнали Галловъ, теперь Тунгры, въ то время названы Германцами. Такимъ образомъ прозваніе одного народа мало по малу стало примѣняться ко всему племени, и всѣ получили наименованіе Германцевъ сначала отъ побѣдителя вслѣдствіе (внушеннаго имъ) страха, а потомъ и сами себѣ изобрѣли названіе.

3. Припоминаютъ, будто бы у нихъ былъ и Геркулесъ и, отправляясь на бой, они воспѣваютъ его, какъ передоваго изо всѣхъ храбрыхъ людей. Есть у нихъ также и пѣсни, пѣніемъ которыхъ—они его называютъ *борритъ*—они воспламеняютъ собственное мужество и объ участи будущаго сраженія дѣлаютъ заключеніе изъ самаго пѣнія. Какой звукъ пронесся по строю, они или дѣлаются смѣлѣе, или приходятъ въ замѣшательство: повидимому, въ этомъ пѣніи выражаются не голоса, но самое мужество. Въ особенности заботятся они, чтобы звуки были грубѣе и раздавались какъ бы прерывистый ропотъ; они приставляютъ щиты къ устамъ, чтобы голосъ, отражаясь принималъ звукъ болѣе густой и громкій вслѣдствіе отраженія.—И относительно Улисса нѣкоторые выраютъ мнѣніе: «будто бы онъ въ своемъ долговременномъ и столь полномъ басень скитальничествѣ занесенъ былъ и въ этотъ Океанъ, посѣтилъ земли Германіи, и что будто бы имъ построенъ и отъ него получилъ наименованіе Асцибургій *), городъ, который и нынѣ стоитъ населеннымъ на берегу Рейна; будто бы когда-то находился въ этомъ мѣстѣ жертвенникъ, посвященный Улиссу съ присоединеніемъ имени отца Лаерта, и будто бы и донынѣ существуютъ на границахъ Германіи и Ретіи памятники и могильныя насыпи съ надписями Греческихъ письменъ». Я не намѣренъ ни приводить доводовъ въ подкрѣпленіе этого, ни опровергать. Пусть каждый самъ по своимъ мыслямъ или сомнѣвается въ этомъ, или вѣритъ.

4. Самъ я принимаю мнѣніе тѣхъ, которые полагаютъ, что на-

*) Можетъ быть это Асбергъ на Мерсѣ, въ Прусской провинціи Рейнландъ.

роды Германіи не получили примѣси чужой крови отъ супружескихъ отношеній съ какими-либо чуждыми народами, и что они образуютъ племя особое, чистой крови и только на себя похожее. Оттого-то при огромной численности людей, они всѣ имѣютъ одинаковый тѣлесный обликъ: суровые выраженіемъ голубые глаза, красноватые (рыжіе) волосы, массивные тѣломъ, они только для перваго натиска сильны, а для трудовъ и работъ не настолько терпѣливы. Жажду и жаръ они вовсе не въ состояніи переносить, а къ холоду и недостатку пріучили ихъ и климатъ и почва.

5. Земли ихъ, хотя нѣсколько и разнообразны видомъ, но вообще покрыты или густыми лѣсами, или непроходимыми болотами. Къ сторонѣ Галліи онѣ сырѣе и болѣе открыты вѣтрамъ обращенныя къ Норику и Паннопіи. Довольно плодородны, но мало способны для произведенія плодовитыхъ деревьевъ. Обильны скотомъ, но онъ по большей части малаго роста, да и крупному скоту не достаетъ лучшаго его украшенія —роговъ. Германцы любятъ водить скота по многу, и это единственное и самое пріятное имъ богатство. Въ серебрѣ и золотѣ имъ отказали боги и не берусь рѣшить, изъ любви ли къ нимъ или изъ нерасположенія. Впрочемъ не могу за вѣрное сказать и того, чтобы въ Германіи не было вовсе жилъ ни серебра, ни золота. Да и кто его тамъ искалъ? Притомъ не слишкомъ дорожатъ Германцы владѣніемъ и употребленіемъ этихъ металловъ. Можно видѣть у нихъ серебряныя чаши, данныя въ даръ ихъ посламъ и старѣйшинамъ; они ихъ также на все самое простое употребляютъ безразлично, какъ и глиняные сосуды. Но тѣ изъ Германцевъ, которые къ намъ живутъ поближе, вслѣдствіе торговыхъ сношеній, болѣе дорожатъ золотомъ и серебромъ и нѣкоторые виды нашихъ монетъ выучились узнавать и отдавать имъ предпочтеніе. Живущіе же далѣе внутрь земель держатся болѣе простаго и древняго обычая—мѣнять товаръ на товаръ. Въ особенности одобряютъ они старинныя и давно извѣстныя деньги, какъ то серраты (собств. закругленныя) и бигаты (съ изображеніемъ пары воловъ). Серебряную монету они предпочитаютъ золотой не по какому-либо особенному расположенію къ этому металлу, но потому, что мелкая серебряная монета удобнѣе для употребленія при ихъ разнообразныхъ и не дорогихъ покупкахъ.

6. Да и желѣза у нихъ не слишкомъ много, какъ можно заключать изъ вида ихъ оружія. Рѣдкіе изъ Германцевъ употребляютъ мечи или длинныя копья. Они носятъ пики, по своему называя ихъ *фрамеями*, съ желѣзнымъ наконечникомъ короткимъ и узкимъ, но

до того острымъ и удобнымъ къ употребленію, что они имъ сражаются, какъ требуютъ обстоятельства, и вблизи и вдали. И всадники довольствуются щитомъ и фрамеею, а пѣшіе бросаютъ и дротики, которыхъ у каждаго по многу; они бросаютъ ихъ очень далеко и при этомъ или вовсе голые или прикрытые легкимъ плащемъ. У нихъ нѣтъ стремленія хвалиться убранствомъ; только щиты разцвѣчиваютъ они самыми отборными красками. У не многихъ есть панцыри и съ трудомъ найдешь у одного или двухъ шлемъ или каску. Лошади не отличаются ни красивыми формами, ни быстротою, при томъ они не обучены дѣлать круги, какъ наши. Несутся они или прямо, или слегка вкось въ правую сторону и тѣсно сплоченною массою, чтобы никто не отсталъ (не остался назади). Если вообще о нихъ (Германцахъ) судить, то болѣе силы въ пѣхотѣ; вслѣдствіе этого они сражаются перемѣшавши конницу съ пѣхотою: пѣшіе дѣйствуютъ ловко и съ быстротою соотвѣтствующею сраженію конному; ихъ отборныхъ изо всего числа молодыхъ людей ставятъ впереди строя. Число ихъ опредѣлено; по сотнѣ выбираютъ отъ каждой волости и такъ сотенными они и промежь себя называются: то, что прежде означало только число, сдѣлалось почетнымъ наименованіемъ. Боевая линія устроивается изъ клинообразныхъ отрядовъ. Отступить съ мѣста, лишь бы снова перейдти къ наступленію, они считаютъ скорѣе дѣломъ разсужденія, чѣмъ робости. Тѣла своихъ они уносятъ даже въ сраженіяхъ съ нерѣшительнымъ исходомъ. Оставить щитъ считается за величайшій позоръ и покрывшему себя имъ не дозволяется ни присутствовать при священныхъ обрядахъ, ни входить въ совѣтъ. Многіе, оставшись живыми послѣ войны, свое безславіе поканчивали веревкою.

7. Въ цари берутъ они себѣ по знатности происхожденія, а вождей выбираютъ по ихъ мужеству. Да и царей власть не неограниченная и произвольная. Вожди болѣе дѣйствуютъ примѣромъ, чѣмъ приказаніемъ: если они ловки, всегда на виду, вращаясь впереди строя, то удивленіе къ нимъ даетъ имъ вѣсъ и значеніе начальника. Впрочемъ ни наказывать, ни заключать въ оковы, ни наносить побои не дозволено никому, кромѣ жрецовъ. Да и тѣмъ не въ видѣ наказанія и не вслѣдствіе приказанія вождей, но какъ бы повелѣніемъ божества, которое по ихъ вѣрованію помогаетъ сражающимся. Нѣкоторыя изображенія и значки, взявъ изъ священныхъ рощей, несутъ въ сраженіе. И главнымъ побужденіемъ мужества служитъ то, что ихъ военные отряды не представляютъ массу людей сведенныхъ случаемъ, но людей, связанныхъ узами

родства, и тутъ же по близости все самое для нихъ дорогое: тутъ слышатъ они завыванiе своихъ женщинъ, крики младенцевъ. Они-то для каждаго самые священные свидѣтели, отъ нихъ они ждутъ главной себѣ похвалы. Раненные идутъ къ матерямъ, къ женамъ, и тѣ не робѣютъ считать раны и ихъ осматривать; онѣ же сражающимся несутъ пищу и ободренiе.

8. Сохраняется въ памяти, что не разъ боевая линiя уже колебалась и готова была разстроиться, но возстановлена женщинами; неотступно молили онѣ и подставляли свои груди, показывали, какъ ближайшее послѣдствiе плѣнъ, а они его гораздо болѣе страшатся за своихъ женщинъ, чѣмъ за себя. Такъ дѣйствительнѣе обезпечивается вѣрность общинъ, если въ числѣ взятыхъ у нихъ заложниковъ есть нѣсколько дѣвицъ изъ лучшихъ родовъ. Германцы того убѣжденiя, что въ женщинахъ есть что-то священное и какое-то провидѣнiе въ будущее; а потому они пренебрегаютъ ихъ совѣтами и отвѣты ихъ не оставляютъ безъ вниманiя. Мы видѣли при отшедшемъ къ богамъ Веспасiанѣ, что Веледа долго у очень многихъ считалась за божество; также нѣкогда они чтили Авринiю (по другому чтенiю Альбруну) и многихъ другихъ не изъ лести и не такъ, какъ бы они изъ нихъ дѣлали богинь.

9. Изъ божествъ они чтутъ въ особенности Меркурiя, котораго въ извѣстные дни считаютъ нужнымъ умилостивлять человѣческими жертвами. Геркулеса и Марса умилостивляютъ жертвами дозволенныхъ животныхъ. Часть Свевовъ приноситъ жертвы Изидѣ. Откуда поводъ и начало чужеземнаго вѣрованiя—разузнать я мало могъ; только самое изображенiе, имѣющее видъ *либурны* (легкаго судна), показываетъ, что это вѣрованiе пришлое. Вообще изъ громадности небесныхъ явленiй они составили себѣ такое убѣжденiе, что не слѣдуетъ боговъ ни заключать въ ограду стѣнъ, ни давать имъ какой-либо человѣческiй образъ. А гаданiя и жеребьи они наблюдаютъ съ особенною внимательностью.

10. Способъ бросанiя жеребья самый простой: прутъ, срѣзанный съ фруктоваго дерева, они рѣжутъ на кусочки и ихъ, намѣтивъ различными значками, какъ попало бросаютъ на бѣлую одежду. Потомъ, если дѣло идетъ о совѣтѣ для цѣлой общины, то священникъ ея, а если о частномъ дѣлѣ, то самъ отецъ семейства, помолясь богамъ и обративъ глаза къ небу, три раза беретъ по одному кусочку и взятые объясняютъ по сдѣланнымъ ранѣе на нихъ замѣткамъ. Если послѣдовалъ отказъ, то объ этомъ дѣлѣ въ этотъ день не бываетъ уже совѣщанiя; но если жребiй дозволилъ, то

ищутъ еще подтвержденія въ гаданіи по птицамъ. И у Германцевъ извѣстно искусство объяснять крики и полетъ птицъ. Но исключительно этому народу свойственно дѣлать заключенія о будущемъ по лошадямъ и ихъ внушеніямъ. На счетъ общины въ тѣхъ же священныхъ лѣсахъ и рощахъ содержатся бѣлые кони, не причастные никакой человѣческой работѣ. Ихъ, заложенныхъ въ священную колесницу, сопровождаетъ жрецъ или царь или старѣйшина общины и наблюдаетъ ихъ ржаніе и фырканье. И ни одно гаданіе не пользуется такою вѣрою, какъ это, и не только у простаго народа, но и у знатнѣйшихъ лицъ и у священниковъ. Себя они считаютъ служителями божества, а коней его довѣренными (посвященными въ его тайны). Еще есть у Германцевъ родъ гаданія, которымъ они стараются предузнать исходъ болѣе важныхъ войнъ. Того народа, съ которымъ идетъ война, плѣнника, добывъ его какимъ бы то ни было способомъ, пускаютъ на бой съ избраннымъ изъ своихъ соотечественниковъ, вооруживъ его ихъ наслѣдственнымъ оружіемъ, и побѣда того или другаго принимаютъ за предрѣшеніе судьбы.

11. О дѣлахъ менѣе важныхъ совѣтуются съ старѣйшинами, о болѣе важныхъ со всѣми, но такъ, что и тѣ дѣла, окончательное рѣшеніе которыхъ зависитъ отъ народа, прежде обсуживаются у старѣйшинъ. Собираются, кромѣ въ случаѣ чего-либо нечаяннаго и неожиданнаго, въ извѣстные дни, когда или луна начинается, или дѣлается полною: тутъ-то они считаютъ самимъ благопріятнымъ починъ для приступа къ какому-либо дѣлу. А счетъ они ведутъ не днямъ какъ мы, а ночамъ; такъ уже заведено, такъ принято у нихъ, какъ будто бы ночь ведетъ день. Вольность представляетъ тотъ недостатокъ, что они собираются не вмѣстѣ и не такъ какъ тѣ, кто по приказанію, но день, и два, и три проходятъ въ промедленіи собирающихся. Когда толпѣ заблагоразсудится, садятся они вооруженные. Молчаніе водворяютъ священники, которымъ и тогда принадлежитъ право сдерживать и обуздывать. За тѣмъ царь или старѣйшина и каждый, кто по праву лѣтъ, кто по знатности происхожденія, кто по пріобрѣтенной имъ славѣ военной, кто по краснорѣчію—бываютъ выслушиваемы и имъ предоставляется дѣйствовать убѣжденіемъ, но не повелѣвать. Если мнѣніе не понравится, то отвергаютъ его ропотомъ, а если понравится, потрясаютъ фрамеями: самый почетный видъ одобренія—похвалить оружіемъ.

12. Передъ народнымъ собраніемъ возможно обвинять и производить уголовное преслѣдованіе. Различіе наказаній условлено и разнообразіемъ преступленій: измѣнниковъ и перебѣжчиковъ вѣшаютъ

на деревьяхъ; трусовъ, людей обнаружившихъ свою неспособность на войнѣ и тѣломъ опозоренныхъ, топятъ въ грязи и въ болотахъ, набросивъ сверху борону. Это различіе казни основано на томъ, что казнь за преступленія должна быть у всѣхъ на виду, а порочныя дѣла должны быть скрываемы. И за менѣе важные проступки разныя степени наказанія: уличенные штрафуются извѣстнымъ количествомъ лошадей и скота; часть штрафа поступаетъ царю или общинѣ, а часть тому, кто домогается наказанія или его родственникамъ. Въ тѣхъ же собраніяхъ выбираютъ и старѣйшинъ, которые должны оказывать судъ и расправу по волостямъ и деревнямъ. Каждому дается свита изо ста человѣкъ гражданъ вмѣстѣ въ видѣ совѣта и для приданія значенія.

13. Ни за какое дѣло общественное и частное они не берутся иначе, какъ вооруженные; но въ обычаѣ каждому принимать на себя оружіе не прежде, какъ община признаетъ его къ тому способнымъ. Тогда въ самомъ народномъ собраніи или кто-либо изъ старѣйшинъ, или отецъ или родственникъ даютъ молодому человѣку щитъ и фрамею (пику). Это у нихъ все равно, что у насъ облечь въ тогу— первая почесть юношѣ. Дотолѣ считался онъ членомъ семейства, съ этой минуты дѣлается онъ собственностью государства. Особенная знатность происхожденія и великія заслуги отцовъ даютъ достоинство старѣйшины и очень молодымъ людямъ; они становятся неразлучными спутниками людей постарше, посильнѣе и уже прежде испытанныхъ качествъ; и не считается за стыдъ являться въ числѣ провожатыхъ. Да и въ самой свитѣ есть разныя степени по сужденію того, при комъ она находится. Притомъ въ средѣ составляющихъ свиту большое соревнованіе о первомъ мѣстѣ при своемъ государѣ, а государямъ (въ смыслѣ старѣйшинъ), о томъ, чтобы имѣть болѣе многочисленную и храбрую свиту. Въ этомъ достоинство, въ этомъ силы, чтобы постоянно быть окруженнымъ толпою отборныхъ молодыхъ людей—въ мирное время честь, а въ войнѣ—защита (опора). И не только каждому въ своемъ народѣ, но и у сосѣднихъ общинъ доставляетъ извѣстность, славу—многочисленность и храбрость свиты. Дѣлаются предметомъ посольствъ, получаютъ дары и по большей части одною своего извѣстностью полагаютъ конецъ войнамъ.

14. Когда сойдутся въ сраженіи, постыдно начальнику уступить въ мужествѣ, позорно свитѣ не сравняться мужествомъ съ предводителемъ; но безславіе и позоръ остаются на всю жизнь на тѣхъ, которые вернутся живые съ боя, потерявъ тамъ своего начальника.

Его защищать, оберегать, даже собственные храбрые подвиги приписывать его славѣ—главная и священнѣйшая обязанность членовъ его свиты. Предводители сражаются о побѣдѣ, а ихъ свита за предводителя.—Если община, изъ которой они произошли, коснѣетъ въ долговременномъ мирѣ и бездѣйствіи, то большинство благородныхъ молодыхъ людей отправляются сами къ тѣмъ народамъ, которые ведутъ въ то время какую-либо войну, такъ какъ и покой не любъ этому народу, да и среди опасностей легче снискать славу, притомъ большую свиту сохранить при себѣ не могутъ иначе какъ силою и войною. Отъ щедрости своего предводителя требуютъ они боеваго коня и побѣдоносную, кровью обагренную, фрамею. Пиршества и помѣщенія, хотя и неизысканныя, но требуютъ не мало приготовленій и служатъ вмѣсто жалованья; а средства къ этимъ щедрымъ тратамъ пріобрѣтаются войною и грабежомъ. Да и не такъ легко убѣдить ихъ (Германцевъ) пахать землю и ждать годоваго урожая, какъ вызвать врага и заслужить раны. Лѣностью и медленностью имъ кажется—въ потѣ лица пріобрѣсть то, что можно снискать кровью.

15. Каждый разъ когда они не заняты войною, то много времени проводятъ они охотясь, а еще болѣе праздно, предаваясь сну и пищѣ. Самые храбрые и воинственные ничего не дѣлаютъ; всѣ домашнія, хозяйственныя заботы, попеченіе о поляхъ ввѣряютъ женщинамъ, старикамъ и самымъ слабосильнымъ въ семействѣ, а сами остаются праздными. Чудное разнообразіе природныхъ свойствъ, когда одни и тѣ же люди до такой степени и любятъ бездѣйствіе, и ненавидятъ покой. У общинъ обычай добровольно и поголовно приносить старѣйшинамъ или скота, или произведеній земли, и эти-то приношенія изъ чести идутъ и на нужды. Въ особенности пріятны имъ бываютъ дары сосѣдственныхъ народовъ, которые посылаются не только отдѣльно отъ частныхъ лицъ порознь, но и отъ лица цѣлой общины: отборные кони, огромное вооруженіе, уборы для коней, ожерелья. А теперь уже выучили мы ихъ брать и деньги.

16. Достаточно извѣстно, что ни одинъ Германскій народъ не живетъ по городамъ; они не могутъ даже выносить жилищъ, стоящихъ въ связи одно съ другимъ. Живутъ они отдѣльно и порознь гдѣ кому понравились источникъ, поле или роща. Села они строятъ не по нашему обычаю соединенными вмѣстѣ и смыкающимися строеніями; но каждый заботится, чтобы около его дома было пустое мѣсто или какъ средство противъ могущаго случиться пожара или

вслѣдствіе неумѣнья строиться. Не употребляютъ они въ дѣло ни известки, ни черепицы, а на все самый грубый матеріалъ, нисколько не думая о красотѣ наружнаго вида и объ удовольствіи. Нѣкоторыя мѣста они тщательно вымазываютъ землею, до того чистою и блестящею, что она походитъ на живопись и оттѣнки красокъ. Имѣютъ они въ обычаѣ открывать и подземныя пещеры; сверху наваливаютъ они большое количество навоза, какъ убѣжище на зиму и мѣсто куда прятать припасы. Этимъ они въ такого рода мѣстахъ смягчаютъ силу холода. Да и когда приходитъ непріятель, то онъ открытыя мѣста опустошаетъ, а то, что скрыто или зарыто или остается въ неизвѣстности, или вводитъ въ заблужденіе именно тѣмъ самимъ, что надобно его искать.

17. Одежда у всѣхъ—короткій плащъ, который держится на пряжкѣ, а если ея нѣтъ, то на колючкѣ терновника; впрочемъ они безъ всякой одежды проводятъ цѣлые дни у очага и огня. Самые богатые отличаются одеждою, не волнующеюся, какую носятъ Сарматы и Пареы, но тѣсною и которая плотно охватываетъ члены порознь. Носятъ они и шкуры звѣрей: тѣ, которые ближе живутъ къ берегу Рейна, нерадиво, а тѣ, которые живутъ подальше, съ большею изысканностью, такъ какъ имъ торговля не доставляетъ никакихъ убранствъ. Они выбираютъ звѣрей и, содравъ кожи, разбрасываютъ по нимъ пятна и шкуры животныхъ, которыхъ производитъ внѣшній (самый отдаленный) Океанъ и невѣдомое море. Одежда женщинъ не отличается отъ одежды мущинъ, развѣ только въ томъ, что женщины чаще покрываются льняными тканями, прошивая ихъ краснымъ; но верхнюю часть одежды онѣ не продолжаютъ въ рукава,—плечи и руки остаются голыми.

18. Да и ближайшая часть груди остается не покрытою, и несмотря на то—тамъ святы брачные союзы. И врядъ ли въ какомъ другомъ отношеніи нравы Германцевъ заслуживаютъ большей похвалы. Они—почти одни изъ дикарей, довольствуются одною женою, за исключеніемъ весьма немногихъ, которые не изъ разврата, но вслѣдствіе родственныхъ отношеній вынуждены заключать нѣсколько брачныхъ союзовъ. Приданое—не жена мужу приноситъ, а мужъ женѣ. При этомъ присутствуютъ родители и родственники и разсматриваютъ дары, а тѣ приспособлены не для удовольствія женщинѣ и не такія, которыя служили бы для украшенія новобрачной, но (то бываютъ) быки, взнузданный конь и щитъ съ фрамеею и мечомъ. За такіе-то дары получаютъ они жену; да и она съ своей стороны приноситъ мужу сколько-нибудь оружія. Это главная связь,

это самая тайная святыня; это, по ихъ убѣжденію, божества благословляющія супружеское соединеніе. Такимъ образомъ женщина привыкала къ мысли, что помышленія о доблести и случайности войны ей не чужды, внушаютъ ей предвѣстія начинающейся брачной жизни, что она вступаетъ въ семейную жизнь, чтобы дѣлить труды и опасности, что и въ мирное время и въ военное она должна дѣлить и труды мужа и его смѣлыя рѣшенія; это говорятъ ей: запряженные вмѣстѣ быки, снаряженный конь, подаренное оружіе. Такъ предстоитъ жить, такъ и погибнуть; она принимаетъ то, что должна возвратить дѣтямъ не прикосновеннымъ и не запятнаннымъ, что должна завѣщать своимъ невѣсткамъ и тѣ передать внукамъ.

19. Такъ живутъ онѣ, огражденныя стыдливостью; нѣтъ у нихъ обольщеній зрѣлищъ, нѣтъ развращенія пріобрѣтаемаго среди полныхъ соблазновъ пиршествъ. Тайны письменности остаются одинаково сокрытыми и для мущинъ и для женщинъ. Въ народѣ столь многочисленномъ преступленія противъ брачныхъ союзовъ очень рѣдки; наказывать за нихъ дозволено тотчасъ же и самимъ мужьямъ. Обрѣзавъ ей волосы, обнаживъ, въ присутствіи родныхъ, мужъ выгоняетъ ее изъ дому и по всему селенію гоняетъ розгами. Опозоренной молвою нѣтъ никакого оправданія или прощенія: ни красота, ни молодость, ни богатства не доставятъ ей мужа. Тутъ пороки ни для кого не смѣшны, и развращать и быть развращаемымъ не называется идти въ уровень съ вѣкомъ. Еще лучше обычай тѣхъ общинъ, гдѣ замужъ выходятъ только дѣвицы, и надежды и желанія супруги возможны только разъ. Одного мужа принимаютъ онѣ, какъ одно тѣло и одну жизнь, дабы не было мыслей, не было пожеланій далѣе, дабы въ мужѣ любили онѣ не только его, но и самый союзъ брачный. Ограничивать число дѣтей или кого-либо изъ рожденныхъ убивать — считается преступленіемъ, и тутъ добрые нравы значатъ болѣе, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ лучшіе законы.

20. Въ каждомъ домѣ обнаженные и неопрятные выростаютъ до такихъ громадныхъ тѣлъ, до тѣхъ огромныхъ членовъ, которые для насъ составляютъ предметъ удивленія. Каждаго мать вскармливаетъ своими сосцами и не ввѣряетъ служанкамъ и кормилицамъ. И господина и слугу не отличишь никакими утонченностями (изнѣженностями) воспитанія, пока возрастъ не отдѣлитъ свободно рожденныхъ, пока доблесть не обнаружитъ ихъ. Поздно наступаетъ пора любовныхъ наслажденій для молодыхъ людей, а потому юныя силы ихъ не подвергаются истощенію; да и нѣтъ торопливости со стороны дѣвицъ: тоже внѣшнее развитіе; тотъ же избытокъ силъ;

одинаково цвѣтущіе здоровьемъ соединяются и дѣти носятъ на себѣ отпечатокъ силъ родителей. Сыновья дочерей въ такомъ же почетѣ у дядей, какъ и у отца; а нѣкоторые полагаютъ, что это родственное отношеніе представляетъ связь еще болѣе священную и тѣсную и преимущественно на нее налегаютъ при требованіи заложниковъ, какъ будто бы они представляютъ для совѣсти болѣе вѣрное обезпеченіе и вмѣстѣ расширяютъ кругъ семейства. Впрочемъ послѣ каждаго наслѣдуютъ только его дѣти; завѣщаній не бываетъ. Если нѣтъ дѣтей, то ближайшую степень въ наслѣдствѣ занимаютъ братья, дяди съ отцовской, съ материнской стороны. Чѣмъ болѣе родныхъ, чѣмъ значительнѣе число свойственниковъ, тѣмъ веселѣе для нихъ старость и одиночество не представляетъ для нихъ ни малѣйшей прелести.

21. Брать за свои и враждебныя и дружественныя отношенія отца или родныхъ—считается обязанностью, но вражда не неумолимо продолжается. Даже за убійство человѣка полагается платежъ извѣстнымъ количествомъ крупнаго и мелкаго скота, и удовлетвореніе получаетъ цѣлое семейство. Полезно это и для общества, потому что взаимныя неудовольствія могутъ имѣть еще болѣе гибельныя послѣдствія при свободѣ. Нѣтъ народа, который готовъ былъ бы усерднѣе принимать и угощать. За величайшій грѣхъ считается кому-либо изъ людей отказать въ кровѣ; каждый по своему состоянію угощаетъ пришельца, устроивъ пиршество. А когда истощатся его средства, то тотъ, что только что передъ этимъ былъ хозяиномъ, указываетъ на другой гостепріимный домъ пришельцу и самъ его ведетъ туда, и неприглашенные они вмѣстѣ отправляются въ ближайшій домъ. И это не составляетъ никакой разности,—обоихъ принимаютъ одинаково радушно. Что относится до права гостепріимства, то между знакомымъ и незнакомымъ не дѣлаетъ никакого различія. Когда уходитъ и чего-нибудь попросятъ, то въ обычаѣ давать, но такая же возможность и взаимно чего-либо требовать. Они любятъ подарки, но ни данными не попрекаютъ, ни получивъ не считаютъ себя обязанными. Обращеніе хозяевъ съ гостями самое привѣтливое.

22. Тотчасъ по пробужденіи отъ сна, который по большей части захватываетъ и значительную часть дня, они омываются водою, чаще теплою, такъ какъ у нихъ большую часть года время холодное (зимнее). Омывшись принимаютъ пищу; у каждаго мѣсто особое и отдѣльный столъ. Какъ на дѣла, такъ часто и на пиршества являются вооруженными. День и ночь проводить въ попойкѣ нико-

му въ упрекъ не ставится. Частыя, какъ обыкновенно между пьяныхъ, ссоры; рѣдко онѣ кончаются бранью, а чаще ранами и убійствами. Но по большей части на пиршествахъ же они совѣщаются о примиреніи враговъ между собою, о заключеніи родственныхъ союзовъ, о выборѣ начальниковъ, наконецъ о мирѣ и войнѣ; или потому что у нихъ и нѣтъ другаго времени, или потому что умы тутъ и открыты для простыхъ соображеній, и воспламеняются на великія. Народъ, чуждый хитрости и коварства, въ шуткахъ высказываетъ свои сокровенныя мысли. А высказанныя и обнаруженныя мнѣнія всѣхъ на другой день вновь подвергаются зрѣлому обсужденію, и употребленіе того и другаго времени имѣетъ свой разумный смыслъ. Высказываютъ мнѣнія въ такомъ положеніи, когда вымышлять не умѣютъ, а рѣшаютъ, когда ошибиться не могутъ.

24. Родъ зрѣлища единственный и во всякаго рода собраніи одинъ и тотъ же. Голые молодые люди,—это исключительно ихъ потѣха,—между мечей и угрожающихъ фрамей занимаются пляскою. Постоянное упражненіе придало искусство, а искусство родъ изящества; но дѣлается это не для выгоды и не изъ-за платы: за самые смѣлые подвиги этой забавы единственная награда—удовольствіе зрителей. Игрою въ кости,—и по-истинѣ это удивительно,—занимаются трезвые и какъ дѣломъ серьознымъ. И такъ смѣлы они и при выигрышѣ и при проигрышѣ, что когда лишатся всего, то послѣднюю и рѣшительную ставку дѣлаютъ изъ своей свободы и тѣла. Проигравшій—добровольно отдается въ рабство и хоть бы онъ былъ моложе, сильнѣе (выигравшаго), онъ позволяетъ себя связать и весть. До того въ такомъ дурномъ дѣлѣ велико ихъ упорство, а они его называютъ вѣрностью въ своемъ словѣ. Рабовъ этого рода спѣшатъ передать купцамъ, чтобы поскорѣе избавиться отъ стыда такой побѣды.

25. Прочими рабами пользуются они не такъ, какъ мы, которые распредѣляемъ между ними разныя домашнія обязанности. Каждый изъ рабовъ живетъ отдѣльно, имѣетъ свой домъ. Господинъ велитъ ему доставить извѣстное количество хлѣба, скота или одеждъ, какъ бы поселенцу, и рабъ въ этомъ исполняетъ его волю. Всѣ обязанности по дому исполняютъ жена и дѣти. Рѣдко случаются примѣры того, что рабамъ наносятъ побои или заключаютъ въ оковы или обременяютъ вынужденною работою. А убивать рабовъ это въ обычаѣ и не побужденію жестокости или любви къ строгому порядку, а подъ вліяніемъ первой вспышки раздраженія и гнѣва, все равно какъ бы непріятеля, но съ тою разницею, что

раба безнаказанно. Отпущенники немного выше рабовъ и рѣдко когда пріобрѣтаютъ какое-либо значеніе въ домѣ, а въ общественныхъ дѣлахъ никогда. Исключеніе составляютъ тѣ народы, которые находятся подъ царскою властью. Тутъ отпущенники становятся выше и свободно рожденныхъ и благородныхъ; а у остальныхъ болѣе низкое положеніе, въ какое поставлены отпущенники, служитъ доказательствомъ свободы.

26. Торговать деньгами и отдавать ихъ въ проценты здѣсь дѣло не извѣстное и тѣмъ строже соблюдается, чѣмъ еслибы запрещено было. Поля, по числу обработывающихъ, поочередно занимаемы бываютъ всѣми, а потомъ они дѣлятъ межь себя по достоинству каждаго; дѣлежъ затрудненій не представляетъ, вслѣдствіе обширности полей. Пашню ежегодно мѣняютъ, и все еще поля остается въ избыткѣ. Не стараются они трудомъ увеличить плодородіе и производительность почвы, ни разводить фруктовыя деревья, ни отдѣлять луговъ, ни производить искусственое орошеніе садовъ. Отъ земли требуется лишь одна жатва. Вслѣдствіе этого и годъ у нихъ не представляетъ столько подраздѣленій, сколько у насъ; они имѣютъ и понятія и названія для зимы, весны и лѣта, но осени и самое имя и дары имъ не извѣстны.

27. Относительно похоронъ не выказываютъ тщеславія; только то наблюдаютъ, чтобы тѣла знатныхъ людей сожигаемы были извѣстнаго рода деревомъ. Не украшаютъ костеръ ни одеждами, ни благовоніями, кладутъ туда только оружіе умершаго; нѣкоторымъ присоединяютъ и коня. Могильный холмъ кладутъ изъ дерна. Тяжелую постройку памятниковъ они отвергаютъ съ пренебреженіемъ, въ убѣжденіи, что онъ служитъ лишь бременемъ для отшедшаго. Плачъ и слезы оставляютъ скоро, но скорбь и печаль сохраняютъ долго. Женщинамъ въ честь ставится оплакивать, а мущинамъ хранить воспоминаніе. Вотъ что мы узнали вообще обо всѣхъ Германцахъ, объ ихъ происхожденіи и нравахъ; а теперь изложу отдѣльно каждаго народа учрежденія и обычаи, насколько они представляютъ разницу, и то, какіе народы переселились изъ Германіи въ Галлію.

28. О томъ, что нѣкогда дѣла Галловъ были въ гораздо болѣе цвѣтущемъ положеніи,—передаетъ намъ знаменитѣйшій изъ писателей, божественный Юлій, а потому довольно вѣроятно, что Галлы переходили и въ Германію. И дѣйствительно, какое ничтожное препятствіе представляла рѣка тому, чтобы народъ какой-нибудь лишь только усиливался, занималъ новыя мѣста для жительства—и мѣнялъ

ихъ, такъ какъ въ нихъ не было ничего опредѣленнаго и не было еще никакихъ границъ впослѣдствіи возникшихъ царствъ. Такимъ образомъ между Герцинскимъ лѣсистымъ хребтомъ, Рейномъ и Майномъ рѣками жили Гельветы, а далѣе Боіи—и тотъ и другой народъ Галльскаго происхожденія. И донынѣ остается названіе *Бойгема* и свидѣтельствуетъ о старинномъ значеніи этой мѣстности, хотя жители ея и перемѣнились. Не извѣстно, Арависки ли переселились въ Паннонію, отдѣлясь отъ Озовъ, Германскаго народа, или Озы отъ Арависковъ перешли въ Германію, хотя и тѣ и другіе и понынѣ имѣютъ совершенно одинаковые—языкъ, учрежденія и нравы. При равныхъ въ прежнее время и недостаткахъ и вольности, и тотъ и другой берегъ представляли однѣ и тѣ же выгоды и невыгоды. Треверы и Нервіи, въ своихъ притязаніяхъ на Германское происхожденіе, гордятся имъ и этою славою крови хотятъ отдѣлить себя отъ сходства съ Галлами, лѣнивыми и безпечными. По самому берегу Рейна живутъ несомнѣнно Германскіе народы—Вангіоны, Трибоки, Неметы. Да и сами Убіи хотя удостоились сдѣлаться колоніей Римлянъ и охотнѣе называются *Агриппинцами*, отъ имени ея основателя, но не краснѣютъ вспоминать о своемъ прежнемъ происхожденіи. Нѣкогда перешли они изъ-за Рейна и, для испытанія ихъ вѣрности, поселены на самомъ берегу Рейна, для отраженія непріятелей, а не для того, чтобы самимъ быть подъ надзоромъ.

29. Изо всѣхъ этихъ народовъ особеннымъ мужествомъ отличаются Батавы; они захватываютъ только небольшую часть берега, а населяютъ островъ рѣки Рейна. Нѣкогда составляли они часть народа Каттовъ, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ перешедшихъ на эти мѣста жительства, гдѣ они и сдѣлались достояніемъ Римскаго владычества. За ними (Батавами) остается честь и отличительные признаки древности союза; не знаютъ они платежа дани и не утѣсняетъ ихъ сборщикъ податей; ото всѣхъ тягостей и взносовъ они освобождены и сберегаются на случай войны, какъ бы запасы оружія и силъ для ея веденія. Въ такого же рода зависимости находится и народъ Маттіаковъ. Величіе народа Римскаго отнесло за Рейнъ и далѣе старинные рубежи и съ ними уваженіе къ его власти. Такимъ образомъ земли ихъ и жилища на томъ берегу, а расположеніе и мысли съ нами за-одно; въ прочихъ отношеніяхъ походятъ они на Батавовъ, кромѣ того, что въ самой почвѣ и климатѣ занимаемой ими области они находятъ побужденія быть еще смѣлѣе. Не стану причислять къ народамъ Германіи тѣхъ, которые обработываютъ Декуматскія поля, хотя они и поселились за Рей-

номъ и Дунаемъ. Самые легкомысленные изъ Галловъ, по самой бѣдности своей смѣлые и готовые на все, заняли почву сомнительнаго владѣнія. Потомъ проведенъ былъ валъ, отнесены далѣе вооруженныя прикрытія и владѣнія наши вдались туда какъ бы заливомъ и составили часть провинціи.

30. За ними Катты начинаютъ свои поселенія отъ Герцинскаго лѣсистаго хребта по мѣстностямъ не такъ низкимъ и болотистымъ, какъ прочіе народы, а такими мѣстностями въ особенности богата Германія. Если гдѣ и идутъ ряды холмовъ, то мало-по-малу становятся все рѣже. А Каттовъ провожаетъ лѣсистый Герцинскій хребетъ и оканчивается только вмѣстѣ съ ихъ владѣніями. Здѣшній народъ еще крѣпче тѣломъ, имѣетъ мускулистые, сухіе члены, суровое выраженіе лица и много энергіи въ душѣ. Много (по крайней мѣрѣ для Германцевъ) обнаруживаютъ они разсудительности и соображенія: начальниковъ ставятъ они по выбору, слушаютъ ихъ внимательно, знаютъ строиться въ ряды; умѣютъ пользоваться случайностями, умѣрять пылкость, днемъ ставятъ караулы, а на ночь укрѣпляются валомъ; на счастіе не привыкли разсчитывать, вѣрнаго успѣха ожидая только отъ мужества. И—явленіе самое рѣдкое и условленное только правильною дисциплиною—они болѣе полагаются но вождя, чѣмъ на войско. Вся сила ихъ въ пѣхотѣ, и она кромѣ оружія несетъ и рабочій инструментъ и запасы. Видно, что прочіе Германцы идутъ на сраженіе, а Катты на войну; рѣдко они дѣлаютъ набѣги и при первомъ случаѣ вступаютъ въ битву. Конечно, болѣе свойственно коннымъ силамъ скоро приготовить побѣду, скоро отступать. Но самая быстрота граничитъ со страхомъ, а медленность ближе къ твердости.

31. И у другихъ Германскихъ народовъ бываетъ, но рѣдко и какъ отдѣльная смѣлая выходка, а у Каттовъ въ общемъ употребленіи, какъ только придутъ въ возрастъ,—отпускать волосы и бороду и только по убіеніи непріятеля измѣнять наружность принятую на себя по обѣту и какъ залогъ храбрости. Надъ кровью и добычею они открываютъ чело и говорятъ, что только тутъ отплатили они цѣну своего рожденія и съ этой поры только сдѣлались достойными отечества и родителей. А трусы и неспособные къ войнѣ и остаются съ такою растрепанною наружностью. Кромѣ того самые храбрые носятъ желѣзное кольцо (а это считается у нихъ постыднымъ), какъ бы цѣпь, и только тогда снимаютъ, когда самъ себя оправдаетъ убійствомъ врага. Большинству Каттовъ нравится являться въ такомъ видѣ, и такъ отмѣченные (отличенные) сѣдѣютъ

они на показъ вмѣстѣ и своимъ и врагамъ. Они дѣлаютъ починъ во всѣхъ сраженіяхъ; они постоянно составляютъ первый рядъ грозный видомъ; даже и въ мирное время лица ихъ не принимаютъ болѣе мягкаго выраженія. Изъ нихъ никто не заботится о домѣ или полѣ или вобще о чемъ-нибудь; ихъ кормятъ, какъ только они къ кому придутъ; пренебрегая своимъ, они щедры на чужое, пока истощеніе старости не сдѣлаетъ ихъ неспособными къ такому мужественному самоотверженію.

32. Ближайшіе сосѣди Каттовъ, живущіе уже тамъ, гдѣ Рейнъ имѣетъ правильное русло и можетъ уже служить вѣрною границею,— Узипіи и Тенктеры. Тенктеры, кромѣ обычнаго ихъ значенія на войнѣ, отличаются особеннымъ искусствомъ въ военномъ дѣлѣ на коняхъ. И не менѣе похвалы заслуживаютъ они конницею, какъ Катты пѣхотою. Такъ заведено предками, а имъ подражаютъ потомки. Таковы игры дѣтства, въ этомъ соревнуютъ другъ другу молодые люди и до старости остаются они вѣрны этому занятію. Лошади передаются изъ рода въ родъ въ томъ же семействѣ, составляя какъ бы его нераздѣльную часть и наслѣдственную принадлежность. Дѣлаются они собственностью сына, но не старшаго родомъ, а того, кто болѣе показалъ храбрости и смѣлости на войнѣ.

33. Рядомъ съ Тенктерами прежде встрѣчались Бруктеры, а теперь разсказываютъ, что сюда переселились Хамавы и Ангриваріи, вытѣснивъ Бруктеровъ и почти ихъ истребивъ съ согласія сосѣдственныхъ народовъ. Ненавистна ли сдѣлалась имъ надменность Бруктеровъ, или слишкомъ сладка добыча, или вслѣдствіе остатка еще къ намъ расположенія боговъ. Даже потѣшили они насъ зрѣлищемъ побоища и болѣе шестидесяти тысячъ Бруктеровъ пали не отъ оружія и силы Римлянъ, но, что гораздо лучше, доставили пріятное зрѣлище ихъ глазамъ. Сильно вкоренилось и остается у чужестранныхъ народовъ если не расположеніе къ намъ, то, по крайней мѣрѣ, взаимная ненависть, и когда уже исполнилась судьба нашего владычества, счастіе ни въ чемъ намъ болѣе помочь не можетъ, какъ ссорой нашихъ враговъ другъ съ другомъ.

34. Тылъ Ангриваріевъ и Хамавовъ замыкаютъ Дульгибины и Хазуары и другіе народы, не столь достопамятные, а спереди соприкасаются они съ Фризіями. Названіе старшихъ и младшихъ Фризіевъ получаютъ они отъ степени своихъ силъ. И тотъ и другой народъ живутъ вдоль берега Рейна до Океана, кромѣ того охватываютъ своими поселеніями необъятныя озера, по которымъ плавали и Римскіе флоты. Съ этой стороны и Океанъ не ушелъ отъ нашихъ по-

кушеній, а молва объяснила, будто бы тутъ еще есть столбы Геркулесовы. Заходилъ ли сюда Геркулесъ въ самомъ дѣлѣ или все, что гдѣ-либо есть величественнаго, мы привыкли относить къ его славѣ... И не было недостатка въ смѣлости Друзу Германику, но Океанъ не допустилъ произвесть изслѣдованіе надъ собою и Геркулесомъ. Потомъ уже никто не возобновлялъ этихъ покушеній и казалось болѣе святымъ и уважительнымъ дѣломъ—относительно дѣйствій боговъ вѣрить, а не разузнавать.

35. Вотъ объемъ нашихъ свѣдѣній относительно западной части Германіи, а къ сѣверу она простирается обширнымъ кругомъ. Прежде всего тутъ видимъ народъ Хавковъ, хотя онъ начинается отъ Фризіевъ и занимаетъ часть морскаго берега, но касается краемъ своихъ земель всѣхъ народовъ, о которыхъ я выше упомянулъ, и наконецъ въ видѣ залива вдается въ землю Каттовъ. Такое огромное пространство земель Хавки не только удерживаютъ за собою, но и наполняютъ; народъ среди Германцевъ именитѣйшій и свою силу онъ предпочитаетъ оберегать справедливостью. Нѣтъ у нихъ сильныхъ страстей, ни безсилія совладать съ ними; оставаясь въ покоѣ и отдѣльно, они сами не начинаютъ войнъ, а потому и сами не бываютъ жертвою грабежей и разбойническихъ набѣговъ. И въ томъ главное доказательство ихъ доблести и силъ, что они своего первенствующаго положенія достигаютъ безъ обиды другихъ. Впрочемъ они всегда готовы взяться за оружіе и, если обстоятельства требуютъ, выставить войско. Въ избыткѣ у нихъ и людей и коней, и хотя въ покоѣ остаются, но слава все одна и та же.

36. Живущіе бокъ о бокъ съ Хавками и Каттами Херуски, никѣмъ не тревожимые, оставались долго въ чрезмѣрномъ и изнурительномъ спокойствіи; но это было для нихъ болѣе пріятно чѣмъ безопасно. Обманчивый покой среди сильныхъ и своевольныхъ народовъ! Гдѣ дѣло рѣшается силою рукъ, тамъ честность и умѣренность — принадлежности того, кто посильнѣе. Такимъ образомъ Херуски, когда-то *добрые и справедливые*, нынѣ имѣнуются—*недѣятельными и глупыми*; а Каттамъ, которые ихъ побѣдили, счастіе обратилось въ мудрость. Увлечены въ гибель Херусковъ и Фозы, сопредѣльный съ ними народъ; бѣдствіе они раздѣлили одинаково, хотя въ цвѣтущее время (Херусковъ) занимали только второстепенное положеніе.

37. Въ томъ же закоулкѣ Германіи ближайшіе къ Океану живутъ Кимвры, нынѣ небольшая община, но огромною славою покрытая. На далекое пространство существуютъ слѣды древней

славы, и на томъ и на другомъ берегу (Рейна) обширные лагери, по протяженію которыхъ и теперь можешь обсудить о многочисленности и силѣ народа и повѣришь, что дѣйствительно было ихъ грозное вторженіе. Шесть сотъ сороковой годъ шелъ нашему городу, когда въ первый разъ пронесся слухъ о военныхъ дѣйствіяхъ Кимвровъ въ консульство Цецилія Метелла и Папирія Карбона. И если съ того времени сочтемъ мы до втораго консульства императора Траяна, то окажется почти двѣсти десять лѣтъ. Вотъ какъ долго побѣждаемъ Германію! Въ столь значительномъ промежуткѣ времени, много было потерь и съ той и съ другой стороны. Ни Самниты, ни Карѳагеняне, ни Испаніи и Галліи, ни Парѳы не давали намъ такъ часто уроковъ, такъ какъ вольность Германцевъ устойчивѣе царства Арзакова. Что иное можетъ намъ поставить въ упрекъ Востокъ, павшій къ ногамъ Вентидія, кромѣ убійства Красса, за которымъ послѣдовала впрочемъ и гибель самого Пакора. А Германцы разбили или въ плѣнъ взяли Карбона, Кассія, Скавра Аврелія, Сервилія Цепіона и даже самого Кн. Марія; истребили вмѣстѣ съ тѣмъ пять консульскихъ армій народа Римскаго и самого Цезаря лишили Вара и трехъ съ нимъ легіоновъ. И не безнаказанно К. Марій въ Италіи, божественный Юлій въ Галліи, Друзъ, Неронъ и Германикъ въ ихъ собственныхъ земляхъ имѣли съ ними столкновенія. Вслѣдъ за тѣмъ они насмѣялись надъ страшными угрозами К. Цезаря. Тутъ они остановились въ покоѣ, пока, пользуясь случаемъ внутреннихъ у насъ раздоровъ и междуусобной войны и взявъ силою зимнія квартиры легіоновъ, простерли было домогательство и на Галлію, и опять оттуда прогнанные, въ ближайшее къ намъ время служили скорѣе поводомъ къ тріумфамъ, чѣмъ на самомъ дѣлѣ были побѣждены.

38. Теперь скажемъ о Свевахъ, которыхъ не одно племя, какъ Каттовъ и Тенктеровъ; они владѣютъ большею частью Германіи, имѣя разныя подраздѣленія народа и наименованія, хотя общее имъ имя одно—Свевы. Отличительный признакъ народа—поднимать волосы къ верху и стягивать ихъ узломъ. Какъ Свевы этимъ отличаются отъ прочихъ Германцевъ, такъ и среди ихъ отличаются этимъ свободнорожденные отъ рабовъ. И у другихъ народовъ, вслѣдствіе ли родства какого-либо съ Свевами или (что часто случается) вслѣдствіе подражанія,—встрѣчается тотъ же обычай, но рѣдко, и только у молодыхъ людей, а у Свевовъ до сѣдины поднятые къ верху волосы отбрасываютъ назадъ и часто на одной маковкѣ связываютъ. Старѣйшины дѣлаютъ это съ большею заботою о

красотѣ, но безо всякой дурной мысли. Не съ тѣмъ чтобы нравиться и прельщать, но чтобы придать себѣ росту и ужаса, они отправляются на походъ причесанные такъ—собственно на показъ непріятелю.

39. О Семнонахъ упоминаютъ какъ о древнѣйшихъ и благороднѣйшихъ (по происхожденію) Свевахъ. Подтвержденіемъ древности служитъ религіозное вѣрованіе. Въ положенное время сходятся они въ лѣсъ, священный по преданіямъ предковъ и тайнымъ изстари къ нему ужасомъ. Тутъ, всенародно принеся въ жертву человѣка, дикари совершаютъ начатки своихъ возмутительныхъ обрядовъ. Есть еще и другое доказательство уваженія, которое они питаютъ къ этой рощѣ. Входить туда не можетъ никто иначе, какъ связанный, въ видѣ сознанія своего ничтожества и явственнаго доказательства преобладанія божества. Если онъ случайно упадетъ, то не дозволяется подняться и встать; по землѣ катится вонъ. Все суевѣріе обращено къ тому, чтобы показать, что тутъ-то начало народа, здѣсь правитъ божество ихъ всѣхъ; все же прочее въ повиновеніи и зависимости. Значеніе этому придаетъ и сила, и счастіе Семноновъ, живущихъ во ста волостяхъ; видя свою многочисленность, они считаютъ себя главными въ ряду Свевовъ.

40. Напротивъ Лангобардамъ доставляетъ почетную извѣстность самая ихъ малочисленность; будучи окружены самыми сильными и многочисленными народами, они находятъ себѣ безопасность не въ повиновеніи, но въ сраженіяхъ и опасностяхъ. Затѣмъ Авіоны, Англы, Варины, Евдозы Свардоны, Нуитоны ограждены рѣками и лѣсами. Каждый изъ этихъ народовъ не представляетъ самъ по себѣ ничего замѣчательнаго кромѣ того, что они всѣ вообще чтутъ Герту, то-есть мать землю, и полагаютъ, что она вмѣшивается въ дѣла человѣческія и посѣщаетъ народы. На островѣ Океана есть дѣвственная роща и священная въ ней колесница покрытая одеждою. Прикасаться къ ней дозволено только одному жрецу. Онъ понимаетъ, когда богиня является въ глубинѣ святилища, и провожаетъ съ величайшимъ почтеніемъ ее, когда она ѣдетъ на коровахъ. Эти дни считаются праздничными; мѣста, которыя она (богиня) удостоитъ своимъ прибытіемъ и посѣщеніемъ, торжествуютъ. Въ это время не принимаютъ участія въ войнахъ и не берутъ оружія; всякое желѣзо подъ замкомъ. Миръ и спокойствіе тутъ только и знакомы, тутъ только ихъ и любятъ, пока тотъ же жрецъ пресытившуюся общеніемъ смертныхъ богиню возвращаетъ въ храмъ. За тѣмъ колесницу и одежды и, если хочешь вѣрить, самую богиню омываютъ

въ потаенномъ озерѣ. Рабы исполняютъ это и потомъ тотчасъ же исчезаютъ въ этомъ же прудѣ. Вслѣдствіе этого—тайный ужасъ и святое невѣдѣніе предмета, который они видятъ только въ минуту гибели.

41. И эта часть Свевовъ проникаетъ въ самую глубь Германіи. Ближе (какъ передъ этимъ я шелъ по теченію Рейна, такъ теперь Дуная) община Гермундуровъ, вѣрная Римлянамъ, и потому однимъ имъ изъ Германцевъ дозволена торговля не только на берегу, но и въ глубинѣ страны и въ самой цвѣтущей колоніи провинціи Ретіи. Они имѣютъ вездѣ свободный доступъ и безъ провожатыхъ. И если другимъ народамъ показываемъ мы только оружіе и лагери наши, то этимъ открываемъ домы и виллы (загородные дома), не возбуждая ихъ жадности. Въ землѣ Гермундуровъ получаетъ свое начало рѣка Альбисъ (Эльба), нѣкогда славная и хорошо извѣстная, а нынѣ мы ее знаемъ только по слуху.

42. Подлѣ Гермундуровъ живутъ Нариски, а за ними Маркоманны и Квады. Въ особенности отличаются и славою и силами—Маркоманны; самыя мѣста для жительства снискали они доблестью, прогнавъ нѣкогда Боіевъ. Да и Нариски и Квады не измѣняютъ своему происхожденію. Это какъ бы передовой постъ Германіи, насколько она выдается къ Дунаю, составляющему вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ и ея защиту. У Маркоманновъ и Квадовъ, даже до памяти нашей, царями были изъ ихъ родовъ; въ особенности отличаются знатностью Марободуи и Тудры; но уже они переносятъ и иноземныхъ властителей. Сила и могущество царей опираются на вліяніи Римлянъ; тѣ помогаютъ рѣдко оружіемъ, а чаще деньгами нашими.

43. И не менѣе имѣютъ силы живущіе позади Марсигны, Готины, Озы, Буріи; они замыкаютъ тылъ Маркоманновъ и Квадовъ; изъ нихъ Марсигны и Буріи напоминаютъ Свевовъ и языкомъ, и образомъ жизни. Готиновъ—галльскій, а Озовъ—паннонскій языкъ уличаютъ, что они не Германцы, а также и то, что они переносятъ дань, частью наложенную, какъ на чужеродцевъ, Сарматами, частью Квадами. А Готины, еще къ большему своему посрамленію, копаютъ и желѣзо. Всѣ эти народы занимаютъ очень немного ровныхъ мѣстъ, а большею частью живутъ въ лѣсахъ и на вершинахъ горъ. Всю Свевію дѣлитъ и перерѣзываетъ непрерывный горный хребетъ, за которымъ живутъ весьма многіе народы; изъ нихъ болѣе всего распространилось наименованіе Лигіевъ, съ подраздѣленіемъ на многія общины; достаточно наименовать особенно сильныя: Аріевъ, Гельвеконовъ, Манимовъ, Елизіевъ, Нагарваровъ. У Нагарваровъ по-

казываютъ священную рощу съ стариннымъ вѣрованіемъ. Во главѣ его стоитъ жрецъ въ женственномъ уборѣ; упоминаютъ, будто бы эти боги, по понятіямъ Римлянъ,—Касторъ и Поллуксъ. Вотъ значеніе божества, а именуется оно *Альцисъ*. Изображеній никакихъ и никакого слѣда чужеземнаго суевѣрія. Впрочемъ они чтутъ ихъ какъ братьевъ, какъ молодыхъ людей.—Аріи, кромѣ того, что силами превосходятъ другіе, только-что передъ этимъ поименованные народы, свирѣпые видомъ, врожденную дикость усиливаютъ искусствомъ и временемъ: щиты у нихъ черные, тѣла окрашенныя; для сраженій они выбираютъ темныя ночи. Своимъ страшнымъ видомъ и подобіемъ похороннаго войска они наводятъ ужасъ. Ни одинъ изъ враговъ не выдерживаетъ невиданнаго и какъ бы адскаго зрѣлища, а во всѣхъ сраженіяхъ зрѣніе побѣждается прежде всего. За Лигіями находятся Готины, подъ управленіемъ царей, хотя и болѣе строгимъ, чѣмъ у другихъ Германскихъ народовъ, но не совсѣмъ не совмѣстнымъ съ свободою; непосредственно къ Океану—Ругіи и Лемовіи. Всѣ эти народы имѣютъ отличіе: круглые щиты, короткіе мечи и повинуются царямъ.

44. За ними общины Суіоновъ, среди самаго Океана; они сильны не только оружіемъ и воинами, но и флотомъ. Суда ихъ имѣютъ ту особенность, что и съ той и другой стороны устроенная носовая часть даетъ возможность приставать къ берегу. Управленіе посредствомъ парусовъ имъ не извѣстно, и гребцы не сидятъ въ порядкѣ по сторонамъ. Гребля совершенно свободная, какъ на нѣкоторыхъ рѣкахъ, и, смотря по обстоятельствамъ, въ ту ли, въ другую ли сторону нужно бываетъ, легко обращаютъ туда судно. Въ почетѣ у нихъ и богатство, а потому властвуетъ одинъ, уже безо всякихъ ограниченій, и не на шутку приходится повиноваться. Оружіе у нихъ не такъ какъ у прочихъ Германцевъ, у которыхъ оно въ постоянномъ употребленіи, но находится подъ замкомъ и охраною раба. Отъ нечаянныхъ нападеній непріятеля ограждаетъ Океанъ, а вооруженныя праздныя толпы легко могутъ перейдти къ своеволію. Да и очень понятно, почему пользы царя не дозволяютъ начальникомъ надъ оружіемъ сдѣлать ни кого-либо изъ знатныхъ, ни изъ свободнорожденныхъ, ни даже отпущенника.

45. За Суіонами другое море—тихое и почти недвижное; что оно опоясываетъ и замыкаетъ кругъ земной, изъ того можно заключить, что свѣтъ заходящаго солнца остается опять до его восхода, и въ такомъ блескѣ, что звѣды меркнутъ. Общее убѣжденіе присоединяетъ къ этому, что слышатся звуки, видны бываютъ по-

добія боговъ и лучи надъ головою. Только до этихъ мѣстъ,—и въ этомъ молва основательна,—простирается естество. Волны Свевскаго моря съ правой стороны омываютъ земли народа Эстіевъ; обычаи ихъ и наружность—Свевскіе, а языкъ ближе къ Британскому; они чтутъ матерь боговъ; отличительнымъ признакомъ ихъ суевѣрія то, что они носятъ формы кабановъ. Это имъ вмѣсто оружія и всякаго рода защиты: покрытый ею поклонникъ богини считаетъ себя безопаснымъ и между враговъ. Употребленіе желѣза рѣдко, а больше въ ходу палки. Они занимаются производствомъ хлѣба и другихъ плодовъ, и съ бо́льшимъ терпѣніемъ, чѣмъ какое совмѣстно съ обычною въ этомъ отношеніи лѣнью Германцевъ. Они производятъ поиски даже въ самомъ Океанѣ, и только опи одни собираютъ по мелководнымъ мѣстамъ и берегу янтарь, который они сами называютъ *глезомъ*. Какъ дикари, они не занимаются изслѣдованіемъ и не знаютъ ничего вѣрнаго относительно того, какъ родится янтарь и вслѣдствіе какихъ причинъ. И долго валялся онъ среди другихъ веществъ, выбрасываемыхъ моремъ, пока наша роскошь не придала ему значенія; а имъ (здѣшнимъ жителямъ) ни на какую потребу: въ необработанномъ, грубомъ видѣ собираютъ его и безъ всякой обдѣлки доставляютъ и сами съ удивленіемъ принимаютъ за него деньги. Впрочемъ легко понять, что это древесный сокъ, потому что нѣкоторыя и земнородныя животныя, и даже пернатыя очень часто тамъ сквозятъ; попавъ разъ въ жидкость, они остаются тамъ, когда она мало-по-малу твердѣетъ. Вслѣдствіе этого я полагалъ бы, что какъ на отдаленномъ Востокѣ есть деревья, которыя отдѣляютъ бальзамъ и благовонія, такъ и на островахъ и земляхъ Запада есть обильныя произведеніями рощи и лѣса. И тутъ, подъ вліяніемъ сильнаго дѣйствія лучей солнца, находящагося въ близкомъ разстояніи, вытекаетъ жидкость и стекаетъ въ находящееся недалеко море и силою бури выбрасывается на противуположный берегъ. Если станешь испытывать свойство янтаря, поднеся его къ огню, то онъ горитъ какъ смолистое дерево и даетъ пламя сильное и пахучее, а потомъ тянется въ видѣ смолы или вара.—За Суіонами непосредственно слѣдуетъ народъ Ситоновъ; въ прочихъ отношеніяхъ представляя съ ними сходство, однимъ отличается, что признавая надъ собою власть женщины, тѣмъ поставилъ себя низко не только между народами свободными, но даже и рабствующими.

46. Тутъ кончается Свевія. Нахожусь въ сомнѣніи—народы Певкиновъ, Венедовъ и Фенновъ причислить ли къ Германцамъ или къ

Сарматамъ, хотя Певкины, которыхъ называютъ и Бастарнами, языкомъ, образомъ жизни, жилищами и домашнею жизнью не отличаются отъ Германцевъ. Только они очень нечистоплотны и знатные люди коснѣютъ въ бездѣйствіи. Смѣшанными браками они заимствовали кое-что изъ гнусныхъ обычаевъ Сарматскихъ. Венеды, въ отношеніи нравовъ, многое у нихъ переняли. По всему пространству лѣсовъ и горъ, сколько ихъ есть между Певкинами и Феннами, они бродятъ и грабятъ. Впрочемъ они скорѣе могутъ быть отнесены къ Германцамъ, потому что и дома строятъ, и щиты носятъ, и любятъ они ходить и притомъ очень быстро. Совсѣмъ иное у Сарматовъ, которые живутъ въ повозкахъ и на коняхъ. Удивительна дикость Фенновъ, отвратительна ихъ бѣдность. Не имѣютъ они ни оружія, ни коней, ни домашняго пріюта; питаются травою, одѣваются шкурами, спятъ на землѣ; единственная ихъ надежда на стрѣлы, и у нихъ, за недостаткомъ желѣза, дѣлаютъ остріе изъ кости. И мущины и женщины одинаково кормятся охотою; послѣднія вездѣ провожаютъ первыхъ и просятъ себѣ части добычи. И дѣтямъ нѣтъ другаго убѣжища отъ дикихъ звѣрей и дождей, какъ если гдѣ найдутъ кровъ въ сплетенныхъ сучьяхъ деревьевъ. Сюда же возвращаются молодыми людьми; это убѣжище старцевъ. Но они считаютъ себя счастливѣе, чѣмъ томиться надъ обработываніемъ земли, трудиться надъ построеніемъ домовъ, о своей и другихъ судьбѣ заботиться съ надеждою и опасеніями. Спокойны они въ отношеніи людей, спокойны въ отношеніи боговъ и достигли самаго труднаго дѣла: они не имѣютъ нужды желать чего-либо. Все прочее уже относится къ области вымысловъ, будто бы Геллузіи и Оксіоны имѣютъ видъ людей и лицо, а тѣло и члены дикихъ звѣрей. Это я такъ и оставляю, не имѣя возможности повѣрить на дѣлѣ.

ЖИЗНЬ ЮЛІЯ АГРИКОЛЫ.

Содержаніе сочиненія: Глава 1. Древность обычая описывать жизнь достопримѣчательныхъ людей.—2. Опасное дѣло при дурныхъ государяхъ.—3. При Траянѣ въ честь Агриколы возобновленъ этотъ обычай Тацитомъ, который обѣщаетъ не краснорѣчіе, но выраженіе родственной любви.—4. Агриколы родъ, воспитаніе, занятія.—5. Начавъ въ Британніи военную службу,—6. Агрикола женится, дѣлается квесторомъ, трибуномъ, начальникомъ разбора приношеній въ храмы.—7. Въ войну Оттонову теряетъ матерь и часть отцовскаго достоянія.—8. Перейдя на сторону Веспасіана, онъ поставленъ начальникомъ двадцатаго легіона въ Британніи и въ заботахъ и чужой славѣ увеличиваетъ свою.—9. По возвращеніи, будучи принятъ въ число патриціевъ, управляетъ Аквитаніею. Сдѣлавшись консуломъ, просватываетъ свою дочь Тациту. Управленію Агриколы поручена Британнія.

10. Описаніе Британніи. Узнаютъ о существованіи Туле—тихое (лѣдянное) море.—11. Британцевъ происхожденіе, обычаи, вѣрованія, языкъ варавы.—12. Военное дѣло, управленіе, рѣдкія сборища, климатъ, почви, металлы, жемчугъ.—13. Умственный характеръ побѣжденнаго народа. Походы Цезарей въ Британнію.—14. Дѣянія намѣстниковъ изъ бывшихъ консуловъ.—15. Возстаніе Британніи.—16. Начатое подъ предводительствомъ Боадицеи подавлено Светоніемъ Павллиномъ его неспособные преемники.—17. Поправляютъ дѣло Петилій Церіалисъ и Юлій Фронтинъ; одинъ побѣждаетъ Силуровъ, другой Бригантовъ.—18. Агрикола покоряетъ Ордовиковъ и Мону; умиротворяетъ всю провинцію и, 19—20, умѣренностью, благоразуміемъ, воздержаніемъ, справедливостью удерживаетъ въ повиновеніи.—21. Умы смягчаетъ искусствами и удовольствіями жизни.

22 и 23. Новый походъ открываетъ новые народы и покорность ихъ обезпечена вооруженными отрядами. Агриколы простодушіе въ раздѣлѣ славы.—24. Предположеніе занять Гибернію.—25—27. Производится разслѣдованіе народовъ, живущихъ по ту сторону Бодотріи. Каледоніи нападаютъ на Римлянъ, прогнаны по плану и при непосредственномъ участіи Агриколы; приношеніемъ жертвъ скрѣпляютъ они союзъ возставшихъ народовъ.—28. Узипіевъ когорта удивительнымъ случаемъ оплываетъ кругомъ Британніи. Сынъ Агриколы умираетъ.—29. Британцы возобновля-

ютъ войну подъ начальствомъ вождя Калгака, котораго, 30—32, рѣчь къ своимъ.—33—34. И Римлянамъ дѣлаетъ увѣщаніе Агрикола.—35—37. Жестокое и кровопролитное сраженіе.—38. Побѣда на сторонѣ Римлянъ. Агрикола даетъ наказъ оплыть кругомъ Британнію.

39. Домиціанъ встрѣчаетъ извѣстіе о побѣдѣ повидимому съ радостью, но въ душѣ съ безпокойствомъ.—40. Впрочемъ отдаетъ приказаніе опредѣлить Агриколѣ почести, скрывъ ненависть, пока тотъ не оставить провинцію. Агрикола по возвращеніи ведетъ себя очень скромно.—41. Опасность отъ обвинителей и почитателей.—42. Уклоняется отъ полученія, въ качествѣ проконсула, по жеребью управленія провинціею.—43. Умираетъ не безъ подозрѣнія яда, даннаго Домиціаномъ.—44. Его лѣта, наружность, почести, богатства.—45. Смерть его случилась во-время, прежде жестокостей Домиціана.—46. Жалоба писателя и утѣшенія отъ добродѣтели. Слава Агриколы переходитъ въ потомство.

1. Знаменитыхъ людей дѣянія и нравы передавать потомкамъ — издревле было въ употребленіи, и даже въ наши времена нашъ вѣкъ, хотя и не любознательный (не любопытствующій) до своихъ, не совсѣмъ это оставилъ, каждый разъ когда значительная какая-нибудь и именитая доблесть побѣдила и преодолѣла недостатокъ общій и малымъ и большимъ обществамъ—невѣдѣніе того что правильно и зависть. Но у нашихъ предшественниковъ какъ и совершать дѣянія заслуживающія памяти болѣе готовности было обнаруживаемо, такъ и люди болѣе другихъ свѣтлые умомъ, чтобы передать воспоминаніе о добродѣтели, руководствовались только оцѣнкою чистой совѣсти безъ желанія снискать чью-либо милость изъ какихъ-либо честолюбивыхъ разсчетовъ. Да и очень многіе разсказать свою собственную жизнь считали скорѣе дѣломъ нравственной въ себѣ увѣренности, чѣмъ самонадѣянностью. И такое дѣло Рутилію и Скавру не было поставлено въ упрекъ и не вызывало недовѣрія къ нимъ. До такой степени добродѣтели получаютъ наиболѣе вѣрную оцѣнку въ тѣ времена, когда они составляютъ явленіе самое обыкновенное (частое). А мнѣ въ изложеніи жизни уже умершаго человѣка нужно просить снисхожденія; въ немъ бы я не нуждался, еслибы мнѣ не приходилось винить время столь жестокое и добродѣтелямъ враждебное (ненавистное).

2. Читаемъ мы, что Арулену Арустику вмѣнено въ уголовную вину то, что онъ похвалилъ Пету Тразея, а Гереннію Сенеціону, что онъ похвалилъ Приска Гельвидія. И жестокая казнь постигла не только самихъ писателей, но и ихъ книги; особенной коммиссіи изъ трехъ членовъ поручено — произведенія самыхъ свѣтлыхъ умовъ сжечь на Комиціѣ (мѣстѣ, гдѣ производились выборы) и на фо-

румѣ. Полагали, этимъ же огнемъ погубить и голосъ народа Римскаго, и вольность сената, и сознаніе рода человѣческаго. Кромѣ того преподаватели мудрости подверглись изгнанію; всякое доброе знаніе подверглось осужденію, чтобы нигдѣ ничто честное не кололо глазъ. Представили мы наглядное доказательство великаго нашего терпѣнія, и если древнее время видѣло излишества свободы (крайнее ея развитіе), такъ и мы пережили высшій предѣлъ порабощенія; преслѣдованіями тайными и явными прекращено общеніе разговоровъ и слушанія. Кажется, и самую память утратили бы (съ выраженіемъ голоса), еслибы настолько же было въ нашей власти забывать, какъ и молчать.

3. Только теперь начинаемъ мы приходить въ себя, когда въ самомъ началѣ благополучнѣйшей эпохи Цезарь Нерва *) умѣлъ согласить двѣ дотолѣ несовмѣстныя вещи—единодержавіе и свободу, а счастіе государства увеличиваетъ со дня на день Нерва Траянъ, и уже общественное довѣріе живетъ не надеждами только и пожеланіями, но приняло уже силу и увѣренность осуществленнаго обѣта. Впрочемъ, по природному свойству человѣческаго несовершенства, средства исцѣленія дѣйствуютъ гораздо медленнѣе недуга, и какъ тѣла растутъ медленно и быстро разлагаются, такъ умственную дѣятельность и занятія легче подавить, чѣмъ вызвать вновь. Содѣйствуетъ этому и пріятность самого бездѣйствія; праздность сначала ненавистная, потомъ уже становится дорогою. Да и что же если въ продолженіи пятнадцати лѣтъ, періода времени большаго въ жизни человѣка, многіе погибли отъ случайныхъ причинъ, а самые лучшіе люди отъ жестокости государя! Немного насъ осталось и тѣ, такъ сказать, пережили не только другихъ, но и себя самихъ. Безвозвратно погибли столько лучшихъ лѣтъ нашей жизни, въ теченіи которыхъ осужденные на глубокое молчаніе юноши достигли старости, а старики почти до крайнихъ предѣловъ прожитой жизни. Какъ бы то ни было, но я не сочту за тягость, хотя бы въ выраженіяхъ простыхъ и необработанныхъ, оставить въ сочиненіи память и о прежнемъ рабствѣ, и облагополучіи теперешняго времени. На этотъ разъ это будетъ книга въ честь Агриколы, моего

*) Императоръ Перва былъ когда-то консуломъ и имѣлъ уже отъ роду 64 года, когда послѣ умерщвленія Домиціана, въ 96 году по Р. Хр., сдѣланъ императоромъ. Годъ спустя, когда историкъ Тацитъ былъ консуломъ, Нерва усыновилъ Ульпія Траяна, начальствовавшаго войсками въ Нижней Германіи, природнаго Испанца. Въ началѣ 98 года умеръ Нерва и, получивъ о томъ извѣстіе въ Кельнѣ, Траянъ тамъ же провозглашенъ императоромъ.

тестя, и выраженіе въ ней моихъ родственныхъ чувствъ или пусть заслужитъ похвалу, или хоть по крайней мѣрѣ ей послужитъ оправданіемъ.

4. Кней Юлій Агрикола происходилъ изъ древней и славной колоніи Фороюліензской *). Дѣды его какъ съ отцовской, такъ и съ материнской стороны были прокураторы Цезарей **), а эта должность есть принадлежность всадническаго сословія. Отецъ его Юлій Грецинъ, сенаторскаго сословія, былъ извѣстенъ изученіемъ краснорѣчія и мудрости и этими качествами заслужилъ гнѣвъ Кая Цезаря; онъ получилъ приказаніе обвинить М. Силана ***) и за то, что отказался, убитъ. Мать его была Юлія Процилла, женщина необыкновенно строгой нравственности. Подъ ея ласковымъ и снисходительнымъ надзоромъ воспитанный, онъ провелъ и дѣтство, и молодость въ занятіи всѣми честными науками и искусствами. Отъ всякихъ дурныхъ увлеченій удерживали его какъ его добрыя и чистыя природныя наклонности, такъ и то, что съ самаго ранняго дѣтства пришлось ему жить и учиться въ Массиліи ****), городѣ, гдѣ Греческая привѣтливость уживалась вмѣстѣ съ надлежащею долею умѣренности и воздержности, свойственныхъ провинціи. Осталось у меня въ памяти, что онъ самъ (Агрикола) нерѣдко говаривалъ, что «въ ранней молодости занимался онъ изученіемъ философіи усерднѣе, чѣмъ то дозволено Римлянину и сенатору, но благора-

---

*) Форумъ Юлія—нынѣшвій Фрежюсъ, въ Южной Франціи. Агрикола родился въ 40 году по Р. Хр.

**) Прокураторомъ собственно назывался каждый повѣренный, дѣйствовавшій за отсутствовавшаго. Прокураторы Цезаря были собственно должностныя лица. Провинціи Римской имперіи дѣлились на собственно императорскія и сенатскія. И въ тѣ и въ другія посылаемы были императорскіе прокураторы: въ первыхъ завѣдывали они вполнѣ всѣми доходами и расходами, а въ другихъ, гдѣ для сбора доходовъ государственныхъ были особенные чиновники—квесторы, они завѣдывали казною собственно императорскою, фискомъ, отдѣльною отъ общей государственной. Чѣмъ болѣе упрочивалось единодержавіе, тѣмъ болѣе расли сила и значеніе этихъ чиновниковъ и между прокураторами и особенными начальниками провинцій—praesides provinciarum—были частыя столкновенія. Впрочемъ уже при первыхъ императорахъ иногда прокураторовъ ставили надъ небольшими провинціями со всѣми правами намѣстниковъ; такъ и во время распятія Іисуса Христа Іудеею управлялъ прокураторъ Понтій Пилатъ (Тацита, лѣтопись XV. 44.)

***) М. Силанъ былъ тестемъ Калигулы и, по разсказу Светонія, его зять принудилъ самому себѣ перерѣзать горло.

****) Массилія, нынѣшняя Марсель. И Цицеронъ хвалитъ нравы и обходительность жителей этого города. Pro Flacco. 26.

зуміе его матери охладило этотъ неумѣренный и могшій сдѣлаться гибельнымъ пылъ ума». Это значило, что его возвышенный и прямой умъ, красота и прелесть великой и высокой славы увлекали съ большею силою, чѣмъ то совмѣстно было съ мѣрою осторожности; но потомъ сдержали это лѣта и разсудокъ, и онъ удержалъ, что всего труднѣе, въ мудрости мѣру *).

5. Первое начало военной службы провелъ Агрикола въ Британніи подъ начальствомъ Светонія Павллина **), полководца старательнаго и умѣреннаго, и заслужилъ его одобреніе; онъ даже удостоился раздѣлить съ нимъ одно и то же помѣщеніе. И Агрикола велъ себя и ни безпорядочно, какъ обыкновенно молодые люди, обращающіе военную службу въ развратъ всякаго рода, ни въ праздномъ бездѣйствіи, и при увольненіи вернулся онъ не съ однимъ названіемъ трибуна и незнаніемъ всего прочаго, но онъ старался ознакомиться съ провинціею, себя сдѣлать извѣстнымъ войску, отъ болѣе опытныхъ чему-либо научиться, слѣдовать за лучшими людьми, ничего не домогаться самонадѣянно и хвастливо, но и не уклоняться отъ робости, и вести себя вмѣстѣ и заботливо и внимательно. Едва ли когда-либо въ Британніи предстояло столько дѣла и положеніе ея было опаснѣе: старые, заслуженные воины перерѣзаны, колоніи ***) преданы пламени, войска перехвачены; тогда приходилось бороться о существованіи, а впослѣдствіи уже о побѣдѣ. Хотя все тутъ совершалось разсудительностью и водительствомъ другаго и успѣхъ дѣла и честь обратнаго покоренія провинціи отнеслись къ главному вождю; но молодой человѣкъ вы-

*) Отъ слова до слова: онъ удержалъ, что всего труднѣе, въ мудрости мѣру, умѣренность. Мудрость—sapientia—здѣсь употребляется въ смыслѣ науки мудрости, т. е. философіи. Такъ Евменій въ похвальномъ словѣ Константину Великому говоритъ, что онъ, Константинъ, обладалъ самою трудною наукою господства надъ собою, не всегда сохраненною самыми великими учителями мудрости. Что всего труднѣе объективную мудрость дѣлать субъективною, которая выражается умѣренностью во всѣхъ поступкахъ, Тацитъ это самъ доказалъ на нѣкоторыхъ философахъ, о которыхъ онъ пишетъ; такъ Петъ Тразеа, Гельвидій Прискъ и другіе, въ своей оппозиціи противъ злоупотребленій существовавшаго при нихъ порядка вещей, не могли наблюдать мѣру. Такъ и Сенека, несмотря на отличные уроки мудрости, изложенные въ сочиненіяхъ, подличалъ передъ Нерономъ, нажилъ себѣ огромное состояніе и вообще велъ себя совсѣмъ не такъ, какъ училъ другихъ.

**) Светоній Павллинъ управлялъ Британніею съ 59 по 61 г. Сравни Тац. лѣт. XIV. 29.

***) Впрочемъ Тацитъ въ лѣтописи XIV, 32, упоминаетъ только объ одной колоніи Камулодунѣ (нынѣ Кальчестеръ).

несъ отсюда—искусство (знаніе дѣла), опытность и новыя побужденія. Проникла въ душу его страсть къ военной славѣ, опасная и неблагодарная въ тѣ времена, когда подозрительно истолковываютъ все высокопоставленныя лица и добрая слава не менѣе опасна, какъ и худая.

6. Затѣмъ Агрикола отправился въ Римъ для полученія тамъ государственныхъ должностей, тутъ онъ соединилъ свою участь съ участью Домиціи Децидіаны, дѣвушки весьма знатнаго рода. Этотъ брачный союзъ Агриколѣ, домогавшемуся положенія все болѣе и болѣе высокаго, принесъ только честь и подкрѣпленіе. Жили они въ удивительномъ согласіи, взаимно любили другъ друга и наперерывъ уступали другъ другу (собственно: взаимно другъ друга предпочитали). И всегда добрая жена тѣмъ болѣе заслуживаетъ похвалы, чѣмъ болѣе осужденія дурная. Для квесторства жребій назначилъ ему провинціею Азію *), а проконсуломъ—Сальвія Тиціана. Онъ устоялъ противъ искушеній со стороны ихъ обоихъ: хотя и провинція была богата и представляла большія удобства для злоупотребленій, и проконсулъ, жадный до всего, всякаго рода снисхожденіемъ готовъ былъ купить взаимную солидарность дурнаго. Тутъ Агрикола получилъ приращеніе семейства въ дочери, которая должна была служить ему и опорою и утѣшеніемъ, такъ какъ онъ сына, ранѣе родившагося, въ скоромъ времени утратилъ. Затѣмъ между квестурою и трибунствомъ народнымъ и самый годъ трибунства провелъ въ покоѣ, зная, каково время при Неронѣ, когда бездѣйствіе было вмѣсто мудрости. Такъ же безмолвно держалъ онъ себя и при исполненіи преторскихъ обязанностей; ему не досталось разбирательство судебныхъ дѣлъ. Игры и суетныя почести этого званія отправлялъ онъ и съ умѣренностью и щедростью, далеко и отъ излишествъ роскоши и все-таки не безъ одобренія молвы. Тутъ онъ выбранъ былъ Гальбою для разысканія приношеній, сдѣланныхъ въ храмы **), и самимъ тщательнымъ разслѣдо-

*) Провинція Азія составляла восточную, прибрежную окраину нынѣшней Малой Азіи.

**) Тацитъ самъ же намъ разсказываетъ (лѣт. XV, 44), что Неронъ обобралъ золото, принесенное туда въ даръ тріумфаторами и другими лицами послѣ пожара, постигшаго Римъ въ 64 году по Р. Х., для возобновленія города и въ особенности для постройки своего золотаго дворца. А Светоній разсказываетъ, что по распоряженію Нерона брали изъ храмовъ золотыя и серебряныя изображенія боговъ и ихъ растапливали. Гальба хотѣлъ хоть часть похищеннаго возвратить храмамъ.

ваніемъ сдѣлалъ то, что государству не пришлось больше испытать ничьего святотатства кромѣ Неронова.

7. Послѣдовавшій затѣмъ годъ нанесъ тяжелый ударъ и чувствамъ Агриколы, и его дому, а именно Оттоновъ флотъ, блуждавшій своевольно туда и сюда, сталъ непріязненно опустошать Интемелію, часть Лигуріи, и тутъ умертвилъ мать Агриколы въ ея помѣстьѣ, а самое помѣстье и большую часть родоваго достоянія разграбилъ, что и послужило поводомъ къ убійству. Агрикола отправился для исполненія обязанностий почтительнаго сына, и захваченный тутъ извѣстіемъ о томъ, что Веспасіанъ явился претендентомъ на верховную власть, тотчасъ же перешелъ на его сторону. Начало правленія и весь распорядокъ въ городѣ зависѣли отъ Муціана, такъ какъ Домиціанъ былъ слишкомъ молодъ и изъ высокаго положенія отца только присвоилъ себѣ право излишествъ всякаго рода. Онъ Агриколу, отправленнаго для производства набора и производившаго его дѣятельно и честно, сдѣлалъ начальникомъ двадцатаго легіона, поздно согласившагося приступить къ присягѣ на вѣрность Веспасіану, такъ какъ говорили, что начальникъ его, смѣненный, дѣйствовалъ недобросовѣстно и имѣлъ въ виду возмутить его. Легіонъ этотъ считали опаснымъ и не въ силахъ были съ нимъ сладить легаты изъ бывшихъ консуловъ. Да и легатъ изъ бывшихъ преторовъ не былъ въ состояніи его сдержать,—не извѣстно, по своей ли винѣ, или воиновъ. Агрикола, взявъ на себя обязанности быть его преемникомъ и вмѣстѣ мстителемъ за него, съ крайне рѣдкою умѣренностью предпочелъ показать, будто бы онъ нашелъ воиновъ въ лучшемъ расположеніи, чѣмъ обратилъ ихъ къ такому.

8. Въ то время начальствовалъ Британніею Веттій Боланъ съ большею мягкостью, чѣмъ слѣдовало такою безпокойною провинціею. Сдержалъ Агрикола свои порывы и не далъ ходу горячности, дабы она не приняла излишнихъ размѣровъ; опытность выучила его повиноваться и онъ выучился соединять честное съ полезнымъ. Вскорѣ затѣмъ Британнія получила начальникомъ бывшаго консуломъ Петилиса Церіалиса. Явилось широкое поле, гдѣ могли высказаться высокія достоинства. Сначала Церіалисъ предоставилъ на долю Агриколы только опасности и труды, но потомъ сдѣлалъ его участникомъ и славы. Не разъ онъ его, въ видѣ опыта, дѣлалъ начальникомъ части войска, а иногда, видя его успѣхи, ввѣрялъ ему и болѣе значительныя силы. И никогда Агрикола своими дѣйствіями не хвалился къ своей собственной славѣ, а успѣхи, какъ исполнитель (то-есть только орудіе), относилъ къ главному распоряди-

телю и вождю. Такимъ образомъ доблестнымъ исполненіемъ и скромностью онъ не давалъ повода къ неудовольствію противъ себя, но и не безъ славы для себя.

9. По возвращеніи Агриколы отъ завѣдыванія легіономъ, божественный *) Веспасіанъ присоединилъ его къ числу патриціевъ **) и потомъ ввѣрилъ его управленію провинцію Аквитанію ***),—постъ въ высшей степени значительный какъ въ отношеніи власти, такъ и въ видѣ ступени къ консульству, на которое его назначалъ (Веспасіанъ). Большинство того убѣжденія, будто бы людямъ военнымъ недостаетъ тонкости, потому что судопроизводство въ лагеряхъ гораздо проще и короче, въ немъ больше произвола и нѣтъ мѣста утонченностямъ гражданскаго краснорѣчія. Агрикола природнымъ умомъ безъ труда и справедливо исполнялъ обязанности начальника и надъ мирными гражданами. У него было распредѣлено время заботъ и отдохновенія. Когда нужно было являться на сеймы и судебныя засѣданія, онъ былъ суровъ, внимателенъ, строгъ, хотя часто и полонъ состраданія. Но удовлетворивъ обязанностямъ своего оффиціальнаго положенія, онъ совершенно слагалъ съ себя всякое значеніе власти. Не было въ немъ и признаковъ суровости, надменности и жадности. И у него,—явленіе въ высшей степени рѣдкое,—ни ласковость обращенія не вредила значенію, ни суровость не уменьшала расположенія къ нему. Указывать въ такомъ человѣкѣ на безкорыстіе и воздержаніе—значило бы оскорбить его добродѣтели. Не гонялся онъ за добрымъ мнѣніемъ, котораго часто и хорошіе люди снисходительно добиваются, ставя напоказъ свои добрыя качества или другими какими-либо искусственными путями. Далекъ онъ былъ отъ зависти къ сослуживцамъ и чуждъ соперничества съ прокураторами. Мало славы находилъ онъ быть побѣдителемъ въ подобной борьбѣ и позорнымъ—уступить. Менѣе трехъ лѣтъ занятъ онъ былъ этимъ управленіемъ, и вслѣдъ затѣмъ отозванъ къ надеждѣ консульства, причемъ сопровождало его общее

*) Слово божественный въ отношеніи къ императорамъ не имѣло никакого особаго значенія; оно примѣнялось исключительно къ умершимъ императорамъ и употреблялось въ смыслѣ нашихъ соотвѣтствующихъ выраженій: въ бозѣ почившій, покойный.

**) Патриціи—древнѣйшее римское дворянство; постоянно оно пополнялось и изъ плебейскихъ фамилій и изъ возникшаго впослѣдствіи всадническаго сословія, въ особенности въ эти времена имперіи, когда много патриціевъ погибло въ смутахъ и отъ жестокости императоровъ.

***) Аквитанія—часть древней Галліи между Цевеннскимъ горнымъ хребтомъ, Лоарою, Гаронною и моремъ.

мнѣніе, что ему въ управленіе даютъ Британнію. Въ этомъ случаѣ не было никакихъ разговоровъ съ его стороны, но всѣ считали его достойнымъ такого назначенія. Не всегда молва ошибается, но иногда и вѣрно указываетъ. Сдѣлавшись консуломъ, Агрикола дочь свою, подававшую отличныя надежды, просваталъ за меня,—я былъ тогда еще молодымъ человѣкомъ; по окончаніи консульства онъ выдалъ ее за меня замужъ и вслѣдъ затѣмъ сдѣланъ правителемъ Британніи, съ присоединеніемъ священнаго сана первосвященника.

10. Если я коснусь изложенія описанія Британніи и народовъ, ея населяющихъ,—предметовъ, объясненныхъ многими писателями, то не для состязанія съ ними въ тщательности изложенія и не для того, чтобы выказать мой умъ, но потому, что только тутъ *) Британнію можно было считать окончательно покоренною. А потому то, что наши предшественники, за недостаткомъ достовѣрныхъ свѣдѣній, пополняли краснорѣчіемъ, изложимъ теперь на основаніи вѣрныхъ данныхъ. Британнія—самый огромный изъ извѣстныхъ Римлянамъ острововъ, протяженіемъ береговъ и климатомъ, восточною частью подходитъ къ Германіи, западною тянется къ Испаніи, а южною обращенъ къ Галліи. Сѣверный его берегъ не имѣетъ противъ себя никакихъ земель и омывается водами обширнаго и открытаго моря. Видъ всей Британніи краснорѣчивѣйшіе изъ писателей, древнихъ—Ливій, новѣйшихъ—Фабій Рустикъ, сравниваютъ съ продолговатымъ щиткомъ или съ сѣкирою о двухъ остріяхъ, и дѣйствительно, она представляетъ это подобіе по сю сторону (кромѣ) Каледоніи, но потомъ общее мнѣніе отнесло его и ко всему острову. Огромная полоса земли выдается въ море на далекое пространство и крайній берегъ ея становится все уже и уже и оканчивается клиномъ. Этотъ-то берегъ самаго отдаленнаго моря тутъ-то въ первый разъ оплылъ кругомъ Римскій флотъ и удостовѣрился, что Британнія—островъ; вмѣстѣ съ тѣмъ открылъ неизвѣстные до того времени острова, называемые Оркадами, и покорилъ ихъ. Видѣли въ нѣкоторомъ разстояніи и Туле **), но уже приближались снѣгъ и зима. Море было какое-то густое ***), и трудно было

*) Агрикола вступилъ въ управленіе Британніею въ 78 г. по Р. Х. и оставилъ его въ 85 году по Р. Х.

**) Плаваніе Римскаго флота, когда видѣли Туле, относится къ 84 году. Впрочемъ еще Виргилій въ Георгикахъ (I, 30) упоминаетъ о Туле, какъ о самой отдаленной землѣ. Туле считаютъ нынѣшнею Ирландіею.

***) Собственно лѣнивое море, густое, полагать надобно, вслѣдствіе обилія морскихъ травъ, водорослей. Одинъ писатель четвертаго вѣка увѣряетъ

гресть. Говорятъ, будто бы и вѣтры производятъ на него слабое дѣйствіе. Я полагаю, что причина—самое отдаленіе земель и горъ, условливающихъ и причиняющихъ непогоды, и огромная масса необъятноглубокой воды, тянущаяся на безпредѣльное пространство, труднѣе можетъ быть приведена въ движеніе. Разслѣдовать свойства Океана и его теченія (приливы) и не мѣсто въ этомъ сочиненіи, и изложили это другіе. Одно только присовокуплю, что нигдѣ съ такою силою не властвуетъ море; много рѣкъ впадаетъ въ него и съ той и съ другой стороны, и не до береговъ только доходятъ его волны и тамъ ниспадаютъ, но врываются въ глубь земель и обходятъ съ разныхъ сторонъ; даже въ горные хребты и возвышенія проходятъ они какъ бы въ свои владѣнія.

11. Впрочемъ, кто сначала населилъ Британнію—туземцы ли, или пришлецы—мало вѣрныхъ свѣдѣній, вслѣдствіе дикости и необразованности жителей. Наружный видъ у нихъ различный и онъ-то даетъ поводъ къ заключеніямъ. Красноватые волосы жителей Каледоніи, огромные ихъ члены, указываютъ ясно Германское происхожденіе. Темный цвѣтъ лица Силуровъ, большею частью курчавые волосы и самое положеніе ихъ земель насупротивъ Испаніи даютъ основаніе заключать, что когда-то древніе Иберы сюда переправились и заняли эти мѣста. Тѣ, которые живутъ ближе къ Галламъ, и похожи на нихъ или вслѣдствіе оставшихся слѣдовъ одинаковаго происхожденія, или хотя земли, гдѣ они живутъ, и тянутся въ разныхъ направленіяхъ, но одни и тѣ же условія климата придали и жителямъ одну и ту же внѣшность. Но если судить вообще, то весьма правдоподобно, что Галлы заняли сосѣдственную имъ землю. Найдешь одни и тѣ же священные обряды, тѣ же суевѣрныя убѣжденія; различіе въ языкѣ не велико; та же смѣлость вызывать опасности, а когда они придутъ, то же робкое стремленіе уклониться отъ нихъ. Впрочемъ и тутъ Британцы представляютъ болѣе энергіи, такъ какъ ихъ еще не изнѣжилъ долговременный миръ. Вѣдь мы слышали, что и Галлы когда-то играли на войнахъ блистательную роль, но потомъ съ бездѣйствіемъ проникла къ нимъ лѣность и разомъ (вмѣстѣ) утратили они съ вольностью и доблесть мужества. То же случилось и съ тѣми изъ Британцевъ, которые давно побѣждены, а прочіе остаются такими, какими когда-то были Галлы.

что море ими покрыто около береговъ Альбіона (Британніи); ее такъ называли отъ бѣлыхъ мѣловыхъ или известковатыхъ береговъ.

12. Вся сила ихъ въ пѣхотѣ; нѣкоторыя племена сражаются и съ колесницъ. Тотъ, кто правитъ конями, въ большемъ почетѣ, а его кліенты сражаются. Когда-то повиновались они царямъ, а теперь они дѣлятся по старѣйшинамъ партіями и усердіемъ. И въ отношеніи къ самымъ сильнымъ народамъ ничто такъ намъ не приноситъ пользы, какъ то, что между ними нѣтъ единодушія,— рѣдко когда двѣ или три общины сходятся для отраженія общей опасности; такимъ образомъ сражаясь порознь, они терпятъ пораженіе всѣ вмѣстѣ. Климатъ не хорошъ вслѣдствіе частыхъ дождей и тумановъ, но и отсутствіе сильной стужи. Дни гораздо длиннѣе, чѣмъ въ нашемъ краю земли; ночи свѣтлыя и на самомъ отдаленномъ концѣ Британніи до того короткія, что чуть замѣтный промежутокъ отдѣляетъ одну зарю отъ другой. Увѣряютъ даже, что будто бы: «если не мѣшаютъ облака, то и по ночамъ виднѣется свѣтъ солнца, и оно не заходитъ и не восходитъ, но переходитъ кругомъ». Это значитъ, что ровная поверхность оконечности земли, давая отъ себя мало тѣни, не производитъ сумрака и ночь опускается ниже неба и созвѣздій. Почва земли, за исключеніемъ масличнаго дерева, виноградной лозы и другихъ произведеній, свойственныхъ болѣе теплому климату, плодородна и доставляетъ много плодовъ; выростаютъ очень скоро, но зрѣютъ медленно. Тому и другому явленію одна и та же причина—излишняя сырость почвы и воздуха. Британнія производитъ золото, серебро и другіе металлы, какъ бы въ награду за побѣду. Океанъ даетъ и жемчугъ, но темноватый и блѣдный (непрозрачный). Нѣкоторые того мнѣнія, что собирающіе жемчугъ не знаютъ своего дѣла, и между тѣмъ какъ въ Черномъ морѣ раковины отторгаютъ отъ скалъ еще живыя и дышущія, въ Британніи ихъ собираютъ, когда уже ихъ выброситъ (на берегъ). А я скорѣе повѣрю, что жемчугъ болѣе способенъ измѣнить свое свойство, чѣмъ мы свою ненасытную жадность.

13. Сами Британцы усердно исполняютъ наложенныя на нихъ имперіею обязанности относительно набора воиновъ, платежа дани и проч., если только при этомъ ихъ не оскорбляютъ. Обидъ они не переносятъ; усмирены настолько, что повиноваться готовы, а рабствовать еще нѣтъ. Такимъ образомъ, хотя первый изъ всѣхъ Римлянъ божественный Юлій *) и вошелъ въ Британнію съ войскомъ

*) Цезарь два раза, въ 55 и 54 гг. до Р. Х., дѣлалъ нападеніе на Британнію.

и успѣшною битвою навелъ ужасъ на жителей и овладѣлъ берегомъ, но повидимому онъ скорѣе только показалъ намъ Британнію, чѣмъ передалъ. Затѣмъ послѣдовали междусобныя войны, оружія людей сильныхъ обратились на государство и Британнія была забыта въ теченіе долгаго времени и по возстановленіи мира. Божественный Августъ называлъ это благоразуміемъ, а Тиберій—его предписаніемъ. Думалъ Кайй Цезарь проникнуть въ Британнію, но, подвижный умомъ, скоръ былъ измѣнять рѣшенія, и при томъ огромныя усилія противъ Германіи были совершенно безполезны. Божественный Клавдій—виновникъ этого дѣла *); онъ перевезъ легіоны и вспомогательныя войска и участникомъ этого предпріятія взялъ Веспасіана, и это послужило началомъ послѣдовавшаго за тѣмъ его счастія: усмирены народы, взяты цари и судьба какъ бы отмѣтила Веспасіана.

14. Изъ бывшихъ консуловъ первый поставленъ надъ провинціею Авлъ Плавтій, а за нимъ Осторій Скапула, оба отличившіеся на войнѣ, и мало-по-малу обращена въ форму провинціи ближайшая часть Британніи. Кромѣ того присовокупили поселеніе заслуженныхъ солдатъ; нѣкоторыя племена подарены царю Когидуну (онъ до нашей памяти оставался самымъ вѣрнымъ) по старинному и у народа Римскаго уже давно принятому обычаю—держать и царей какъ орудія рабства. Затѣмъ Дидій Галлъ сохранилъ, что прежде было пріобрѣтено, выдвинувъ только впередъ не многія укрѣпленія, ища этимъ славы усиленной служебной дѣятельности. Премникомъ Дидія былъ Вераній, но не прошло года, какъ умеръ. За тѣмъ Светоній Павллинъ въ продолженіе двухъ лѣтъ дѣйствовалъ тутъ съ успѣхомъ, покорилъ народы и усилилъ укрѣпленія. Обнадеженный этимъ, онъ сдѣлалъ нападеніе на островъ Мону, такъ какъ онъ доставлялъ сильныя подкрѣпленія возмутившимся и открылъ свой тылъ случайностямъ.

---

*) Діонъ Кассій разсказываетъ (XX, 19), что нѣкто Берикъ, изгнанный Британецъ, явился къ Клавдію и убѣдилъ его послать войско въ Британнію подъ начальствомъ того Плавтія, о которомъ упоминаетъ Тацитъ въ послѣдующей главѣ. Нападеніе Римлянъ воспослѣдовало въ 43 году по Р. Хр., и въ томъ же году Клавдій отправился самъ къ войску въ Британнію, гдѣ и пробылъ только шестнадцать дней. Еще онъ не успѣлъ возвратиться въ Римъ, какъ сенатъ далъ ему почетный титулъ Британника, и онъ перешелъ на сына, котораго Клавдій имѣлъ отъ Мессалины. Географъ Мела говоритъ (III, 6—35): столь долго замкнутую для насъ Британнію открываетъ наконецъ великій Цезарь. И Тацитъ здѣсь утверждаетъ, что завоеваніе Британніи принадлежитъ Клавдію, такъ какъ Юлій Цезарь видѣлъ только окраину ея береговъ.

15. Съ удаленіемъ легата освободясь отъ опасеній, Британцы стали разсуждать сами съ собою о бѣдствіяхъ рабства, жаловались на оскорбленія и воспламеняли другъ друга, ихъ истолковая: «терпѣніемъ не добились они ничто болѣе, кромѣ увеличенія тягостей, когда они обнаружили снисходительность ихъ переносить. Прежде у нихъ былъ одинъ царь (властитель), теперь по два надъ ними ставятъ, и изъ нихъ легатъ пьетъ ихъ кровь, а прокураторъ не щадитъ ихъ имуществъ. Одинаково подвластнымъ гибельны и раздоръ начальниковъ, и ихъ единодушіе. Свита одного, сотники другаго смѣшиваютъ насиліе съ поруганіями; нѣтъ границъ ни жадности, ни пожеланій. Въ сраженіи храбрѣйшій снимаетъ добычу съ врага. Теперь же по большей части трусы и люди къ войнѣ неспособные отнимаютъ дома, увлекаютъ дѣтей, предписываютъ наборы. Сколько сюда перешло воиновъ и сколько ихъ самихъ пусть сочтутъ Британцы. Такъ и Германія сбросила иго рабства, а ее защищаетъ рѣка, а не Океанъ. Для нихъ поводъ къ войнѣ—отечество, жены, родители, а для Римлянъ корыстолюбіе и удовлетвореніе позорныхъ страстей. Удалятся они, какъ удалился божественный Цезарь, если только Британцы поревнуютъ доблестному примѣру своихъ предковъ. Пусть не робѣютъ они передъ исходомъ той или другой битвы; у бѣдствующимъ болѣе энергіи болѣе постоянства. Уже и сами боги сжалились надъ Британцами, удерживая легата Римскаго въ отсутствіи и войско его какъ бы заточеннымъ на другомъ островѣ. Теперь они,—что прежде было бы въ высшей степени затруднительно,—имѣютъ возможность совѣщаться, но при подобнаго рода замыслахъ опаснѣе быть предупрежденнымъ, чѣмъ дерзнуть».

16. Такими и въ этомъ родѣ убѣжденіями воспламенили они другъ друга и, подъ предводительствомъ Боадицеи, женщины царскаго рода (у нихъ и женщины не исключаются отъ верховной власти), всѣ взялись за войну. Они напали на воиновъ, разсѣянныхъ по укрѣпленіямъ, и взявъ ихъ, бросились на самую колонію, какъ средоточіе, столицу рабства. При этомъ у дикарей раздраженіе и побѣда дали полный разгулъ свирѣпству (жестокостямъ) всякаго рода. Еслибы Павллинъ, узнавъ о возстаніи провинціи, не подоспѣлъ бы поспѣшно, то Британнія была бы утрачена. Удачею одного сраженія воротилъ онъ ее къ терпѣнію прежнему, хотя очень многіе оставались подъ оружіемъ,—тѣ, которыхъ тревожили сознаніе заговора и личный страхъ легата. Онъ, въ прочихъ отношеніяхъ человѣкъ отличный, былъ надмененъ съ изъявившими покорность и, мстя какъ бы за личное оскорбленіе, дѣйствовалъ слишкомъ

строго. Посланъ Петроній Турпиліанъ, какъ человѣкъ болѣе снисходительный; ему новы были проступки непріятелей, охотнѣе принималъ онъ выраженія ихъ раскаянія, кое-какъ уладилъ прежнее, но ни на что болѣе не рѣшился и передалъ провинцію Требеллію Максиму. Требеллій былъ еще безпечнѣе и, совершенно неопытный въ военной службѣ, управлялъ провинціею съ какою-то особенно заботливою ласкою. Дикари уже научились снисходительно смотрѣть на пріятные пороки; случившіяся между тѣмъ гражданскія смуты представили основательный поводъ къ оправданію бездѣйствія. Но возникли раздоры; воины, привыкшіе къ походамъ, стали своевольничать въ праздности. Требеллій ушелъ отъ раздраженія войска бѣгствомъ и прятался, а потомъ снова смиренно и безчестно принялъ начальство надъ неукрощеннымъ войскомъ. Между ними послѣдовало какъ бы своего рода соглашеніе, которымъ войско предоставило себѣ своеволіе, а вождю безопасность. Это волненіе воиновъ обошлось впрочемъ безъ кровопролитія. Да и Веттій Боланъ, такъ какъ гражданскія войны еще продолжались, не дѣлалъ попытокъ возстановить въ Британніи дисциплину; то же бездѣйствіе въ отношеніи къ непріятелямъ и такое же своеволіе въ лагеряхъ. Разница только въ томъ, что Боланъ, какъ человѣкъ честный и никакими дурными дѣйствіями не заслужившій неудовольствія, умѣлъ расположеніемъ (къ нему) дѣйствовать вмѣсто власти.

17. Но когда съ остальною вселенною Веспасіанъ захватилъ и Британнію, великіе полководцы, отличныя войска уменьшили надежды непріятелей. Тотчасъ же нанесъ имъ ужасъ: Петилій Церіалисъ напалъ на общину Бригантовъ, которая считается самою многочисленною во всей провинціи; много сраженій и иногда довольно кровопролитныхъ, и большая часть Бригантовъ сдѣлалась добычею или побѣды, или войны. И хотя казалось бы, что слава Церіалиса долженствовала бы затмить дѣятельность, какъ бы она замѣчательна ни была, его преемника, но выдержалъ это тяжелое состязаніе Юлій Фронтинъ, человѣкъ столь великій, сколько только было возможно; оружіемъ покорилъ онъ сильный и воинственный народъ Силуровъ; тутъ приходилось ему выдержать борьбу не только съ мужествомъ враговъ, но и съ крайне затруднительною мѣстностью.

18. Въ такомъ-то положеніи находилась Британнія, такъ разнообразны были тамъ военныя дѣла, когда въ половинѣ уже лѣта переправился Агрикола. Онъ нашелъ, что воины, какъ бы уже оставивъ мысль о походѣ, были совершенно покойны и что непрія-

тели не замедлили воспользоваться этимъ, какъ благопріятнымъ для себя случаемъ. Племя Ордовиковъ, не задолго до прибытія Агриколы, истребило почти совершенно конный отрядъ изъ союзниковъ. Такое начало обратило на себя вниманіе провинціи, и тѣ, которые хотѣли войны, ободряли этотъ примѣръ и ждали, каковъ будетъ образъ мыслей легата въ этомъ случаѣ. Тогда Агрикола, хотя лѣто уже проходило, войска были разбросаны по провинціи, воины уже заранѣе собирались воспользоваться спокойствіемъ этого года, для начина военныхъ дѣйствій все было поздно и неблагопріятно, большинство считало лучшимъ оставаться въ наблюдательномъ положеніи,—Агрикола рѣшился идти на встрѣчу опасности. Стянувъ нѣсколько взводовъ (собственно—значковъ) легіоновъ и съ небольшимъ отрядомъ вспомогательныхъ войскъ, такъ какъ Ордовики не смѣли сойдти (для боя) на ровное мѣсто, самъ передъ строемъ, чтобы и другимъ придать ту же храбрость раздѣляя опасность, воодушевилъ свою боевую линію. Народъ Ордовиковъ истребленъ почти весь. Зная, что надо умѣть пользоваться молвою и что съ удачею первыхъ начинаній все пойдетъ хорошо, островъ Мону, отъ завоеванія котораго отозванъ былъ Павллинъ возстаніемъ всей Британніи, о чемъ я выше упоминалъ, замыслилъ покорить оружіемъ. Но, при отсутствіи заранѣе задуманнаго плана дѣйствій, не было судовъ; впрочемъ ихъ замѣнили разсудительность и твердость вождя. Оставлены всѣ войсковыя тяжести и отборные вспомогательные воины, которымъ извѣстны были броды и которые отъ родителей еще навыкли плавать такъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ управляютъ и собою, и конями, и оружіемъ, брошены Агриколою туда, на островъ Мону, такъ поспѣшно, что непріятели какъ бы остолбенѣли; ждали они флота, судовъ, разсчитывали на море, а теперь увидали, что идущимъ такъ на войну нѣтъ ничего ни затруднительнаго, ни такого, чего побѣдить было бы невозможно. Вслѣдствіе этого просили они мира и отдали островъ, а Агриколу стали считать знаменитымъ и великимъ, такъ какъ онъ, по вступленіи въ провинцію, время, которое другіе тратятъ показать себя и принимать изъявленія чести и угодливости, онъ посвятилъ труду и опасностямъ. Притомъ онъ не сталъ тщеславиться удачными дѣйствіями и не называлъ походомъ или побѣдою то, что сдержалъ (обуздалъ) побѣжденныхъ. Да и о своихъ дѣяніяхъ сообщилъ не черезъ увѣнчанныхъ лавромъ гонцовъ. Такимъ уклоненіемъ отъ славы стяжалъ еще бо́льшую; дѣлали заключеніе, чего отъ него ждать въ будущемъ, когда и столь замѣчательныя дѣянія проходитъ молчаніемъ.

19. Впрочемъ онъ, обращая вниманіе на расположеніе умовъ провинціи и вмѣстѣ наученный опытомъ другихъ тому, что мало можно сдѣлать оружіемъ, если ихъ сопровождаютъ притѣсненія, рѣшился уничтожить самые поводы къ войнѣ. Начавъ съ себя и своихъ, онъ прежде всего сдержалъ (обуздалъ) свою свиту, а для большинства это не менѣе трудно, какъ и управлять провинціею. Никакихъ общественныхъ дѣлъ не совершалъ онъ черезъ отпущенниковъ и рабовъ; не вслѣдствіе частныхъ происковъ, не по рекомендаціи или просьбамъ сотниковъ онъ отличалъ воиновъ, но самымъ вѣрнымъ считалъ того, кто былъ лучшимъ. Все зналъ, но не все приводилъ въ исполненіе. Къ малымъ проступкамъ примѣнялъ прощеніе, къ болѣе значительнымъ—строгость, и не всегда требовалъ непремѣнно наказанія, но чаще довольствовался раскаяніемъ. Должности и мѣста правителей предпочиталъ отдавать людямъ, которые вели бы себя добросовѣстно, чѣмъ недобросовѣстныхъ наказывать. Взносы хлѣбные и податей онъ сдѣлалъ сноснѣе—болѣе справедливымъ распредѣленіемъ тягостей, отмѣнивъ то, что, какъ средство къ вымогательству, было гораздо тягостнѣе самихъ повинностей, такъ какъ, въ видѣ насмѣшки, заставляли (мѣстныхъ жителей) сидѣть у своихъ запертыхъ житницъ, покупать хлѣбъ и продавать свой по назначенной цѣнѣ. Нарочно назначали окольные пути и отдаленные пункты, такъ что общинамъ приходилось, имѣя вблизи зимнія квартиры, возить вдаль и мѣста, куда проѣздъ былъ неудобенъ,—и это все для того, чтобы находившееся у всѣхъ подъ руками обращать въ барышъ немногихъ личностей.

20. Такъ какъ Агрикола положилъ конецъ этимъ притѣсненіямъ въ первый же годъ, то въ умиротвореніи страны пріобрѣлъ самую лучшую извѣстность; а до него, вслѣдствіе ли безпечности, или снисходительности его предшественниковъ, миръ внушалъ опасеній еще болѣе, чѣмъ война. А когда наступило лѣто, стянувъ войска, онъ хвалилъ воздержность воиновъ во время похода, а расходившихся сдерживалъ (обуздывалъ). Мѣстность для лагерей назначалъ самъ, и самъ же осматривалъ и заливы и лѣса, а между тѣмъ непріятелямъ не давалъ ни минуты покоя и нечаянными набѣгами опустошалъ страну и, наведя достаточно страха, съ другой стороны, постоянно показывалъ надежду на пощаду и обольщенія мира. Вслѣдствіе этого многія общины, которыя до этого времени еще сохраняли свою самостоятельность, давъ заложниковъ, отказались отъ своей вражды и окружены гарнизонами и укрѣпленіями, и такъ разсудительно и тщательно, что ни одна до того времени

еще новая (недоступная) часть Британніи не осталась незатронутою.

21. Слѣдующая зима прошла въ самихъ благоразумныхъ распоряженіяхъ. Съ цѣлью, чтобы люди, привыкшіе жить порознь и грубые, а вслѣдствіе этого и расположенные къ войнѣ, находясь въ состояніи спокойствія и бездѣйствія, привыкали бы къ болѣе пріятному образу жизни, онъ и самъ лично убѣждалъ и изъ общественной казны оказывалъ помощь—строить храмы, форумы, дома, хвалилъ готовность, пенялъ за медленность. Соревнованіе чести было вмѣсто необходимости. Дѣтей старѣйшинъ (князей) сталъ обучать наукамъ и искусствамъ, ставилъ умственное развитіе Британцевъ выше изученій Галловъ и довелъ до того, что тѣ, которые еще не давно и знать не хотѣли римскаго языка, пожелали даже краснорѣчиво на немъ выражаться. Даже наша одежда начала входить въ моду и тога часто показываться. Мало-по-малу дошло до предметовъ уже и развращающихъ, какъ-то: до портиковъ, бань и роскошныхъ пиршествъ. У людей неопытныхъ слыло это человѣчностью, между тѣмъ какъ оно-то и было принадлежностью рабства.

22. Третій годъ походовъ открылъ новые народы и опустошены земли народовъ до Таа (такъ называется глубокій заливъ). Непріятели до того приведены были въ ужасъ, что не дерзнули напасть на войско, хотя оно и должно было бороться съ страшными непогодами. Осталось даже время устроить укрѣпленія. Опытные люди замѣчали, что ни одинъ вождь съ большею разсудительностью не пользовался удобствами мѣстности. Ни одно укрѣпленіе, устроенное Агриколою, не уступило силѣ непріятеля и не оставлено гарнизономъ, вынужденнымъ бѣжать. Вылазки были частыя потому, что на случай продолжительной осады они снабжались годовыми запасами. Такимъ образомъ зима проведена безо всякихъ тревогъ, каждый оберегалъ самъ себя, непріятель видѣлъ тщету своихъ усилій и вслѣдствіе этого приходилъ въ отчаяніе: они обыкновенно вознаграждали себя за лѣтніе уроны зимними набѣгами, а теперь были тѣснимы все равно какъ лѣтомъ, такъ и зимою. И Агрикола никогда не обнаруживалъ жадности—присвоивать себѣ славу дѣйствій, совершенныхъ другими, но и сотникъ и префектъ имѣли въ немъ неподкупнаго (безпристрастнаго) свидѣтеля ихъ доблести. Нѣкоторые говорили, что онъ, браня кого-нибудь, выражался слишкомъ рѣзко; ласковый къ людямъ добрымъ, онъ не былъ пріятенъ дурнымъ. Впрочемъ раздраженіе его было не продолжительно; тай-

наго неудовольствія его и молчанія опасаться было нечего. Болѣе честнымъ считалъ онъ оскорбить, чѣмъ питать ненависть.

23. Четвертое лѣто прошло въ томъ, чтобы утвердить за собою владѣніе надъ тѣмъ, что завоевано, и еслибы потерпѣли (допустили) доблесть войскъ и слава римскаго имени, то въ самой Британніи былъ бы найденъ предѣлъ. Дѣйствительно, Клота и Бодотрія, заливы моря съ разныхъ сторонъ, вдающіеся очень далеко внутрь земли, отдѣлены только узкою полосою земли. Тутъ-то и поставлена была охрана изъ вооруженныхъ отрядовъ, и весь заливъ, который ближе къ намъ находился, въ нашей власти, а непріятель какъ бы отодвинутъ на другой островъ.

24. Въ пятый годъ походовъ, переправясь на суднѣ черезъ проливы, невѣдомые до того времени народы въ неоднократныхъ и вмѣстѣ счастливыхъ сраженіяхъ усмирилъ и часть Британніи, которая обращена къ Гиберніи (*нынѣшней Ирландіи*), занялъ войсками, болѣе питая надежды, чѣмъ въ виду опасеній. Гибернія, находясь въ серединѣ между Британніею и Испаніею и занимая выгодное и удобное мѣсто въ Галльскомъ морѣ, послужила бы сильнѣйшей части имперіи посредствующимъ звѣномъ во взаимномъ обмѣнѣ нужныхъ и полезныхъ предметовъ. Пространствомъ она сравнительно съ Британніею меньше, а острова нашего моря превосходитъ. Почва, климатъ, образъ жизни населенія, его характеръ—представляютъ очень мало разницы съ Британніею, и самая разница эта не къ лучшему. Доступъ и пристани сдѣлались извѣстны черезъ торговыя сношенія и купцовъ. Агрикола изгнаннаго домашнимъ возмущеніемъ одного изъ царьковъ народа принялъ и, подъ предлогомъ дружбы, держалъ при себѣ на всякій случай. Я часто слышалъ отъ него, что однимъ легіономъ и небольшими вспомогательными силами можно было бы завоевать Гибернію. И это принесло бы пользу и по отношенію къ Британніи, еслибы она видѣла отовсюду только одну римскую вооруженную силу и вольности нигдѣ.

25. Впрочемъ Агрикола въ то лѣто, которымъ начинался шестой годъ его дѣятельности здѣсь, обратилъ вниманіе на общины, жившія по ту сторону Бодотріи, вслѣдствіе того, что опасался общаго возстанія всѣхъ народовъ, живущихъ по ту сторону; онъ порты изслѣдовалъ при помощи флота. Содѣйствіе его употреблено здѣсь при походахъ Агриколою первымъ. Онъ сопровождалъ его съ отличнымъ успѣхомъ, и такимъ образомъ одновременно велись военныя дѣйствія и на морѣ, и сухимъ путемъ, и нерѣдко въ од-

нихъ и тѣхъ же лагеряхъ пѣшіе и конные воины смѣшивались съ флотскими, дѣлилились запасами и радостью и хвалились другъ передъ другомъ своими подвигами и дѣяніями. Съ свойственною военнымъ людямъ кичливостью дѣлали они сравненіе то обширти лѣсовъ и горъ, то, вслѣдствіе плаванія, бѣдствій отъ волнъ и теченій; съ одной стороны увеличивали они затрудненія сухопутнаго движенія и силы непріятеля, съ другой опасности Океана. Да и Британцы,—такъ разсказывали ихъ плѣнники,—были озадачены видомъ флота: они видѣли, что тайны ихъ моря открыты и затѣмъ заграждено побѣжденнымъ послѣднее прибѣжище. Народы, населяющіе Каледонію, обратились къ оружію и собрались массою, съ большими приготовленіями, молвою еще преувеличенными, какъ обыкновенно бываетъ относительно мало извѣстнаго, сами перешли къ наступленію, напали на укрѣпленія и этимъ какъ бы вызовомъ увеличивали опасенія. Подъ видомъ благоразумія, люди трусливые совѣтовали отступить за Бодотрію и лучше добровольно очистить край, чѣмъ быть изъ него прогнанными, а между тѣмъ узналъ Агрикола, что непріятель хочетъ произвесть аттаку нѣсколькими колоннами; для того чтобы, при перевѣсѣ численности у непріятеля и лучшаго знанія мѣстности, не быть обойденнымъ, Агрикола и самъ раздѣлилъ войско на три части и двинулся впередъ.

26. Когда это узналъ непріятель, то, вдругъ измѣнивъ планъ дѣйствій, соединясь одною массою, аттаковалъ онъ ночью девятый легіонъ, какъ наиболѣе слабый; среди сна и тревоги истреблены караулы и непріятель ворвался. Уже сраженіе происходило въ самыхъ лагеряхъ, когда Агрикола, узнавъ отъ лазутчиковъ о движеніи непріятеля и нагнавъ его по слѣдамъ, отдаетъ приказаніе самымъ быстрымъ изъ пѣхотныхъ и конныхъ воиновъ броситься на тылъ сражающихся, а потомъ всѣмъ испустить крики,—и значки засверкали при свѣтѣ начинавшейся зари. Британцы пришли въ ужасъ, видя бѣду съ двухъ сторонъ, а Римляне ободрились; обезпеченные относительно безопасности, они уже сражались за славу. Даже сами сдѣлали вылазку, и въ самыхъ тѣснинахъ воротъ произошло жестокое сраженіе; наконецъ непріятель сбитъ. И то и другое войско усиливались другъ передъ другомъ: одно подать помощь, другое показать, будто бы оно въ ней не нуждалось. Еслибы болота и лѣса не прикрыли бѣглецовъ, то эту побѣду можно было бы считать окончательною.

27. Войско возгордилось своею собственною твердостью, обнаруженною въ этомъ дѣлѣ, и пріобрѣтенною въ немъ славою: «ихъ

доблести нѣтъ ничего недоступнаго: нужно проникнуть въ Каледонію и найдти наконецъ предѣлъ Британніи послѣдовательнымъ рядомъ сраженій»,—такъ толковали они между собою. И они, еще недавно осторожные и благоразумные, послѣ удачи сдѣлались готовыми на все и порядочными хвастунами. Несправедлива эта сторона военнаго дѣла: на то, что удавалось, всѣ изъявляли притязаніе, а неудачи приписывались одному.—Между тѣмъ Британцы приписывали успѣхъ Римлянъ не мужеству ихъ, но искусству и обстоятельствамъ, нисколько не теряли самонадѣянности, вооружали молодыхъ людей, женъ и дѣтей переносили въ мѣста безопасныя и на сходкахъ священными обрядами скрѣпляли между собою союзъ. Такимъ образомъ обѣ стороны разошлись—и та и другая въ состояніи раздраженія.

28. Въ то же лѣто когорта Узипіевъ, набранная въ Германіи и переправленная въ Британнію, рѣшилась на дѣло великое и достойное памяти. Убивъ сотника и воиновъ, которые для обученія дисциплины были распредѣлены по ихъ рядамъ и должны были управлять ими и служить имъ примѣромъ, сѣли на три легкихъ (либурнскихъ) судна, принудивъ къ тому и кормчихъ. Подъ управленіемъ одного изъ нихъ,—два навлекли на себя подозрѣніе и вслѣдствіе этого убиты,—плыли вдоль берега, служа предметомъ удивленія, такъ какъ слухъ объ ихъ преступленіи еще не распространился. Потомъ, бросаемые туда и сюда волнами, имѣли они много схватокъ съ Британцами, защищавшими свою собственность, не разъ были побѣдителями, иногда и поражаемы и дошли до такой крайности, что вынуждены были употребить въ пищу изъ среды своей сначала болѣе слабыхъ, а потомъ по жребію. Такимъ образомъ оплыли они кругомъ Британнію и, по неумѣнью управлять, утративъ суда, сочтены были за морскихъ разбойниковъ и перехвачены сначала Свевами, а потомъ Фризіями. Нѣкоторые изъ нихъ, проданные торговымъ людямъ, переходя изъ рукъ въ руки куплею, пришли и на нашъ берегъ, гдѣ возбудили любопытство разсказомъ о томъ, что съ ними было. Въ началѣ лѣта Агрикола понесъ ударъ въ своемъ семействѣ: онъ потерялъ сына, родившагося за годъ передъ тѣмъ. Случай этотъ перенесъ онъ—и не величаясь, какъ многіе изъ людей твердыхъ, и безъ слезъ и рыданій, свойственныхъ женщинамъ; въ горѣ утѣшеніемъ и развлеченіемъ служила ему война.

29. А потомъ, пославъ впередъ флотъ, который, произведя опустошенія и грабежи во многихъ мѣстахъ, распространилъ великій

и неопредѣленный страхъ, съ легкимъ войскомъ, къ которому присоединилъ онъ людей самыхъ храбрыхъ и испытанныхъ долговременнымъ спокойствіемъ, онъ достигъ горы Грампія, уже занятой непріятелемъ. Между тѣмъ Британцы, нисколько не сломленные исходомъ прежней битвы, ожидая или отмщенія или рабства, научась наконецъ опытомъ необходимости—общую опасность отражать единодушно, черезъ посольства и союзные договоры вызвали силы всѣхъ племенъ. Уже видно было болѣе тридцати тысячъ вооруженныхъ воиновъ и еще подходили отовсюду молодые люди и старики еще свѣжіе и здоровые, отличившіеся на войнѣ и сюда принесшіе заслуженныя ими почетныя отличія. Вождей было много, но изо всѣхъ отличался въ особенности доблестью и знатностью рода одинъ, именемъ Калгакъ. Онъ передъ собравшимися толпами, требовавшими сраженія, говорятъ, выказался такимъ образомъ:

30. «Каждый разъ, когда я смотрю на причины войны и наше крайнее положеніе, рождается во мнѣ увѣренность, что нынѣшній день и единодушное ваше согласіе будутъ началомъ свободы для всей Британніи. До сихъ поръ всѣ мы еще уцѣлѣли отъ рабства, а между тѣмъ не остается уже болѣе земель, да и самое море уже не безопасно: вездѣ грозитъ флотъ Римскій. Такимъ образомъ война и оружіе, которыми храбрые снискиваютъ честь, и для трусовъ всего безопаснѣе. Предшествовавшія битвы, въ которыхъ противъ Римлянъ съ разнообразнымъ исходомъ мы боролись, оставляли и надежды и средства помощи въ нашихъ рукахъ. Можно сказать, цвѣтъ и сила всей Британніи, находясь въ самой глубинѣ ея, не видѣли мы береговъ, гдѣ царствуетъ рабство, и самые глаза наши не были оскорблены видомъ повелителей и никакихъ отношеній къ нимъ не имѣли. Мы, живя вольные на краю земли, находили себѣ до сихъ поръ защиту въ самомъ отдаленіи и этомъ заливѣ. А теперь уже доступенъ крайній предѣлъ Британніи и все, что до сихъ поръ оставалось неизвѣстнымъ, дѣлается предметомъ похвальбы. Но далѣе нѣтъ уже жителей, одни лишь волны и скалы, а Римляне еще враждебнѣе ихъ. Тщетно старались бы мы уклониться отъ ихъ надменности покорностью и смиреніемъ. Захвативъ весь обитаемый шаръ земной, они, когда имъ, грабителямъ, недостало уже земель, самое море разслѣдываютъ. Если врагъ богатъ, то ими руководитъ жадность, если же бѣденъ, то честолюбіе. До сихъ поръ не насытилъ ихъ ни Востокъ, ни Западъ. Однимъ имъ одинаково желательны и богатства, и нищета. Отнимать, убивать, похищать—они называютъ

лживымъ именемъ власти, а гдѣ они водворятъ пустыню, то тамъ царствуетъ по ихъ мнѣнію миръ.

31. Сама природа захотѣла, чтобы каждому не было ничего дороже дѣтей и родныхъ; ихъ, для рабства въ другомъ мѣстѣ, похищаютъ наборы; жены и сестры, хотя бы онѣ и избѣжали вражескихъ страстей, оскверняются именемъ друзей и пріятелей. Имущества и состоянія истощаютъ данями; хлѣбъ весь идетъ на ихъ продовольствіе. Руки и силы тѣлесныя истощаютъ они въ расчисткахъ лѣсовъ и болотъ среди побоевъ и поруганій. Рожденные служить, рабы, разъ они куплены, получаютъ пищу отъ самихъ господъ, а Британнія рабство свое ежедневно покупаетъ, ежедневно сама себя питаетъ. И какъ въ прислугѣ новое лицо дѣлается предметомъ насмѣшекъ своихъ сотоварищей рабства, такъ при этомъ старинномъ уже рабскомъ состояніи земнаго шара мы, какъ послѣдніе и достойные презрѣнія, влечемся на гибель. Нѣтъ у насъ ни плодородныхъ полей, ни рудниковъ, ни пристаней, для разработки которыхъ насъ бы беречь. Мужество и смѣлость покоренныхъ непріятны повелителямъ; отдаленіе и отдѣльное, удаленное положеніе чѣмъ безопаснѣе, тѣмъ подозрительнѣе. Такимъ образомъ, съ исчезновеніемъ надежды на прощеніе, ободритесь духомъ, какъ тѣ, кому всего дороже безопасность, такъ и тѣ, кому—слава. Тринобанты, подъ предводительствомъ женщины, сожгли колонію, взяли приступомъ лагерь, и если бы самая удача не породила безпечности, могли бы свергнуть иго; а мы, не тронутые и не укрощенные и свободно не теперь лишь только воспользоваться готовые, при первой встрѣчѣ не покажемъ ли тотчасъ, какихъ себѣ людей приберегла Каледонія. Не думаете ли вы, что Римляне въ войнѣ имѣютъ такое же мужество, какую необузданность въ мирное время?

32. Нашими раздорами и несогласіями Римляне стяжали славу, и недостатки (слабыя стороны) непріятеля обращаютъ въ славу своего войска. Оно, будучи стянуто изъ самыхъ различныхъ народовъ, при счастливомъ ходѣ дѣлъ еще держится, но при несчастномъ распадается. Неужели вы думаете, что Галлы и Германцы и, стыдно сказать, такъ много Британцевъ, хотя они и проливаютъ кровь свою за чужое владычество, но сохраня долѣе чувства враговъ, чѣмъ рабовъ, служатъ Римлянамъ изъ чувствъ вѣрности и расположенія? Робость и страхъ—плохія ручательства привязанности; какъ только перестаетъ висѣть гроза надъ головою, тѣ, что перестали бояться, начинаютъ ненавидѣть. Всѣ побужденія побѣды—за насъ. Римлянъ мужество не воспламеняютъ ихъ жены; въ случаѣ бѣгства

не ждутъ ихъ родители съ упреками; у большинства ихъ или вовсе нѣтъ отечества или оно далеко отсюда. Незначительные числомъ, смущенные незнаніемъ, озираются они робко на самое небо, море и лѣса, на всѣ предметы имъ чуждые и незнакомые; ихъ, какъ бы запертыхъ и связанныхъ, боги намъ предали. Не приходите въ ужасъ отъ внѣшняго вида, отъ суетнаго блеска золота и серебра; все это и не защититъ, и ранъ не нанесетъ. Среди самаго боеваго строя непріятелей найдемъ себѣ содѣйствіе. Британцы узнаютъ, что наше дѣло есть и ихъ общее. И Галлы припомнятъ свою прежнюю вольность. Оставятъ Римлянъ и прочіе Германцы, какъ недавно оставили ихъ Узипіи. А кромѣ опасаться нечего: укрѣпленія опустѣлыя, колоніи стариковъ, среди дурно повинующихся и несправедливо повелѣвающихъ города въ состояніи раздраженія и смутъ. Вотъ вождь, войско. Тамъ—дани, работы въ рудникахъ и прочія наказанія порабощенныхъ; подпасть ли имъ навсегда, или немедленно отмстить за себя—рѣшится на этомъ полѣ. А вслѣдствіе этого, идя на битву, думайте и о предкахъ вашихъ, и о потомкахъ».

33. Эта рѣчь встрѣчена была дружнымъ пѣніемъ, по обычаю дикарей, ропотомъ и дикими криками; стали собираться толпами, засверкало оружіе и самые смѣлые стали бросаться впередъ. Оба войска устроивались въ боевой порядокъ. Тутъ Агрикола къ войску, хотя оно было въ самомъ веселомъ расположеніи и съ трудомъ только могло быть сдерживаемо внутри окоповъ, обратился съ увѣщаніями и говорилъ такъ: «вотъ уже восьмой годъ, сотоварищи, какъ мужествомъ и счастіемъ государства Римскаго, вѣрностью и трудами вашими побѣждена Британнія. Столько походовъ, столько сраженій, гдѣ нужно было и мужество противъ враговъ, и терпѣніе и труды; приходилось на каждомъ почти шагу бороться съ самою природою. Ни мнѣ не приходилось сожалѣть о томъ, что я васъ имѣю воинами, ни вамъ, что вы меня начальникомъ. Такимъ образомъ вышли мы: я—за предѣлы прежнихъ легатовъ, вы—войскъ до васъ бывшихъ, и достигли мы конца Британніи не слухомъ только и по извѣстіямъ другихъ, но лагерями и оружіемъ мы его держимъ. Мы открыли и завоевали Британнію. Я часто въ походѣ, когда васъ утомляли болота, горы и рѣки, слышалъ голоса наиболѣе смѣлыхъ изъ васъ: «когда-то встрѣтимъ мы непріятеля; будемъ ли имѣть возможность съ нимъ сразиться?» Вышли враги, выгнанные изъ своихъ убѣжищъ. Теперь ваше желаніе сбылось, мужество можетъ имѣть примѣненіе; побѣдителямъ все будетъ хорошо, а противъ побѣжденныхъ обратится все. И если теперь, когда вы лицомъ къ

лицу съ непріятелемъ, почетно и хорошо для васъ, что вы совершили такой дальній переходъ, прошли лѣса, переправились черезъ пучины водныя,—такъ для бѣглецовъ все это теперь самое благопріятное обратится на гибель. Мы не обладаемъ ни такимъ знаніемъ мѣстности, какъ непріятель, ни не имѣемъ такого, какъ онъ, удобнаго снабженія припасами. Для насъ все лишь въ рукахъ и оружіи. Что касается собственно до меня, уже давно рѣшено, что ни вождь, ни войско, обратя тылъ, не могутъ быть безопасны. Вслѣдствіе этого, честная смерть лучше позорной жизни, а безопасность для насъ тамъ же, гдѣ и честь. И не безъ славы было бы пасть тамъ, гдѣ кончаются и земля и природа (твореніе).

34. Еслибы противъ васъ стали новые народы и невѣдомыя вамъ еще бранныя силы, то я старался бы подѣйствовать на васъ примѣрами другихъ войскъ, а теперь припомните ваши собственныя славныя дѣянія, спросите ваше собственное зрѣніе. Это тѣ самые люди, которыхъ вы въ прошломъ году, когда они воровски ночью напали на одинъ легіонъ, прогнали криками. Они изо всѣхъ Британцевъ лучшіе въ бѣгствѣ, и вслѣдствіе этого только уцѣлѣли до сихъ поръ. Какъ, когда вы входите въ дебри и лѣса, самыя смѣлыя животныя бросаются вамъ на встрѣчу, а болѣе слабыя и робкія бѣгутъ, заслышавъ самый шумъ, такъ лучшіе изъ Британцевъ давно уже пали; остались только недѣятельные и трусы и до нихъ-то наконецъ вы добрались. Не бороться вышли они, но захвачены. Доведенные до крайности, не имѣя болѣе никуда исхода, они въ величайшемъ страхѣ цѣпенѣютъ на занятыхъ ими мѣстахъ, и тутъ-то вы одержите прекрасную и замѣчательную побѣду. Покончите съ походами, приложите къ пятидесяти годамъ одинъ великій день. Вы докажете отечеству, что никогда не нужно приписывать войску ни промедленія войны, ни причины возмущеній».

35. Еще говорилъ Агрикола, а воины чуть сдерживали выраженія своего усердія, и когда онъ окончилъ, то послѣдовалъ взрывъ общаго воодушевленія. Тотчасъ разбѣжались воины за оружіемъ. Воиновъ, возбужденныхъ и стремившихся къ битвѣ, Агрикола устроилъ въ боевомъ порядкѣ такъ, что вспомогательнымъ пѣшимъ войскомъ, состоявшимъ изъ восьми тысячъ воиновъ, укрѣпилъ центръ, а три тысячи всадниковъ распредѣлилъ по флангамъ. Легіоны стояли передъ валомъ; имъ громадная честь побѣды, еслибы ея добились безъ пролитія римской крови, и въ нихъ твердый оплотъ въ случаѣ пораженія вспомогательныхъ (союзныхъ) войскъ. Ряды Британцевъ, на показъ и для внушенія ужаса, на возвышенномъ

мѣстѣ устроились такъ, что первые стояли на ровномъ мѣстѣ, остальные же поднимались сплошною массою на горной покатости. Середину поля наполняли разъѣздами, топотомъ и гуломъ воины на колесницахъ и коняхъ. Тутъ Агрикола, видя перевѣсъ численности непріятеля и опасаясь, какъ бы онъ не напалъ одновременно и съ фронта и съ фланговъ, растянулъ ряды, хотя вслѣдствіе этого боевая линія сдѣлалась гораздо длиннѣе; очень многіе совѣтовали—привесть легіоны, но онъ, болѣе склонный на успѣхъ и скрѣпясь на случай несчастія, отпустилъ коня и пѣшій сталъ впереди знаменъ.

36. При первой встрѣчѣ бой начался издали. Съ большимъ упорствомъ и вмѣстѣ искусствомъ Британцы своими огромными мечами и небольшими щитами отбивали дротики нашихъ или уклонялись отъ нихъ, а сами осыпали нашихъ градомъ стрѣлъ, пока Агрикола не убѣдилъ три когорты Батавовъ и двѣ Тунгровъ завязать бой рукопашный мечами. Они, находясь давно на службѣ, пріобрѣли въ томъ опытность, а для непріятеля не совсѣмъ ловко было сражаться вблизи при его маленькихъ щитахъ и огромныхъ мечахъ. Мечи Британцевъ, безъ острія, не выдерживали ударовъ оружія, и не въ состояніи были они выносить бой на ровномъ мѣстѣ. А когда Батавы стали осыпать непріятелей ударами, тѣснили ихъ щитами, поражали въ лицо и, поразивъ находившихся на ровномъ мѣстѣ, стали подниматься въ гору, остальныя когорты, увлеченныя порывомъ соревнованія, начали избивать ближайшихъ къ нимъ непріятелей. Торопясь къ побѣдѣ, они очень многихъ оставляли и полумертвыми, и вовсе нетронутыми. Между тѣмъ толпы непріятельской конницы обратились въ бѣгство, а сражавшіеся съ колесницъ замѣшались въ пѣхоту. Сначала было произвели они впечатлѣніе ужаса, но не могли свободно дѣйствовать въ густыхъ массахъ непріятелей при неровной мѣстности. И вовсе не похоже это было на конное дѣло: съ трудомъ оставаясь такъ долго стоя, натыкались на трупы лошадей, и нерѣдко блуждали колесницы, которыхъ испуганные кони, безъ возничаго, подъ вліяніемъ перваго испуга, бросались или на встрѣчныхъ, или круто поворачивали въ сторону

37. А тѣ Британцы, которые до сихъ поръ не принимали участія въ сраженіи, занимали вершины холмовъ и, оставаясь безъ дѣйствія, презирали малочисленность нашихъ, стали мало-по-малу сходить внизъ и начали обходить въ тылъ побѣждавшихъ. Опасаясь этого-то самаго, Агрикола четыре эскадрона конницы, оставленные имъ въ виду возможныхъ случайностей сраженія, выдви-

нулъ противъ напиравшихъ, и чѣмъ смѣлѣе былъ ихъ натискъ, тѣмъ скорѣе бросились они бѣжать, встрѣтивъ неожиданное и упорное сопротивленіе. Такимъ образомъ планы Британцевъ обратились противъ нихъ же самихъ, и эскадроны, по приказанію вождя, оставивъ фронтъ сражающихся, напали на боевую линію непріятелей съ тылу. Тогда по всѣмъ открытымъ мѣстамъ открылось замѣчательное, но и жестокое зрѣлище: гнались, ранили, брали въ плѣнъ и ихъ же, когда попадались другіе, убивали. Уже непріятели, соотвѣтственно характеру каждаго, одни толпами бѣжали передъ гораздо малочисленнѣйшимъ непріятелемъ, другіе безъ оружія бросались впередъ, отдаваясь на смерть. Повсюду на окровавленной землѣ валялись—оружіе, тѣла и растерзанные члены. Были и у побѣжденныхъ проблески и раздраженія, и мужества. Когда уже они приблизились къ лѣсамъ, то стали собираться и захватывать передовыхъ изъ преслѣдовавшихъ, неосторожныхъ и не знавшихъ мѣстности. Еслибы Агрикола, поспѣвавшій вездѣ самъ, не отдалъ приказанія сильнымъ когортомъ идти впередъ на-легкѣ, составляя какъ бы цѣпь (въ тѣсныхъ мѣстахъ конные воины спѣшась, а гдѣ лѣсъ порѣже, то всадники производили поиски), то излишняя самонадѣянность непремѣнно навлекла бы какой-нибудь уронъ. А когда непріятели увидали, что ихъ преслѣдуютъ правильно устроенные густые ряды, то бросились бѣжать и уже не толпами, какъ прежде, и озираясь другъ на друга, но въ разсыпную, и избѣгая другъ друга, стремились въ мѣста дальнія и непроходимыя. Конецъ преслѣдованію положили ночь и утомленіе. Непріятелей убито до десяти тысячъ, а нашихъ пало триста шестьдесятъ человѣкъ и въ томъ числѣ Авлъ Аттикъ, префектъ когорты, увлеченный въ середину непріятелей юношескою горячностью и стремленіемъ необузданнаго коня.

38. Наступила ночь, пріятная для побѣдителей и сознаніемъ побѣды, и добычею. Британцы скитались туда и сюда, раздавались смѣшанные крики мущинъ и женщинъ, тащили раненыхъ, звали оставшихся невредимыми, оставляли жилища и въ раздраженіи сами же предавали ихъ огню; выбирали себѣ мѣста, гдѣ спрятаться, и тутъ же ихъ оставляли; то задумывали общій планъ дѣйствія, то каждый дѣйствовалъ самъ за себя. Видъ дорогихъ имъ предметовъ то уничтожалъ послѣднюю энергію, то,—и это случалось чаще,—возбуждалъ ихъ къ гнѣву. Довольно вѣрно, что нѣкоторые предали смерти женъ и дѣтей, какъ бы изъ состраданія къ нимъ. Наступившій затѣмъ день обнаружилъ всѣ громадныя послѣдствія

побѣды: вездѣ глубокое молчаніе, на горахъ нигдѣ ни одного человѣка, вдали дымились жилища; разъѣзды никого не встрѣчали. Они разосланы во всѣ стороны, видѣли только слѣды безпорядочнаго бѣгства, убѣдились, что нигдѣ непріятели не стараются собираться толпами. Лѣто уже проходило и дѣйствовать малыми отрядами было невозможно, а потому Агрикола отвелъ войско въ земли Горестовъ. Тутъ онъ принялъ заложниковъ и начальнику флота отдалъ приказаніе оплыть кругомъ Британніи; на это даны ему силы достаточныя, и страхъ долженъ былъ ему предшествовать; а самъ съ пѣхотою и конницею шелъ медленно, для того, чтобы самою продолжительностью перехода навести ужасъ на умы народовъ, новыхъ еще въ дѣлѣ повиновенія, и затѣмъ расположилъ войска по зимнимъ квартирамъ. И флотъ воспользовался благопріятными погодою и молвою, достигъ Трутулензскаго порта и, обслѣдовавъ весь ближайшій берегъ Британніи, вернулся.

39. Этотъ рядъ событій, хотя Агрикола въ своихъ письмахъ нисколько не старался возвеличить пышными выраженіями, Домиціаномъ принятъ былъ согласно съ его характеромъ: на лицѣ выражалась радость, а въ душѣ было безпокойство. Не могъ онъ не сознавать, что предметомъ одного лишь посмѣянія былъ мнимый тріумфъ надъ Германіею, когда за деньги куплены рабы, и ихъ одежду и волосы убрали какъ бы плѣнныхъ. А тутъ была дѣйствительная и великая побѣда,—столько тысячъ непріятелей истреблено,—и пріобрѣла она громадную славу. Въ высшей степени опаснымъ для себя считалъ Домиціанъ то, что имя частнаго человѣка стали ставить выше государева; напрасно же подавлена дѣятельность форума (общественная) и осуждено на молчаніе всякое честное проявленіе умственной дѣятельности, если военную славу стяжалъ себѣ другой. Все прочее, конечно, легче скрыть, но качество хорошаго вождя составляютъ по преимуществу (и качества) императора. Такія тревоги не давали ему (Домиціану) покоя и, пресытясь ими достаточно въ одиночествѣ, любовь къ которому обнаруживала его свирѣпый характеръ, онъ счелъ за лучшее на этотъ разъ припрятать ненависть, пока не ослабѣютъ и хвалебные толки (объ Агриколѣ), и расположеніе къ нему войска, такъ какъ еще въ то время Агрикола управлялъ Британніею.

40. А потому-то Домиціанъ, въ самыхъ почетныхъ выраженіяхъ, повелѣлъ сенату—опредѣлить Агриколѣ украшенія тріумфальныя и почесть изображенія, лаврами увѣнчаннаго, и вообще все, что дается за тріумфъ. Кромѣ того старался онъ дать понять, что

Агриколѣ провинціею дана будетъ Сирія, въ то время вакантная, вслѣдствіе смерти Атилія Руфа, бывшаго консула, и обыкновенно предоставляемая людямъ особенно отличившимся. Очень многіе были того убѣжденія, что къ Агриколѣ посланъ былъ отпущенникъ изъ числа служившихъ по самымъ тайнымъ порученіямъ съ запискою, въ которой ему (Агриколѣ) назначаема была Сирія. Отпущеннику приказано было передать эту записку, если Агрикола будетъ въ Британніи. Отпущенникъ, встрѣтивъ Агриколу въ самомъ проливѣ Океана, даже не постарался видѣться съ нимъ и вернулся къ Домиціану. Можетъ-быть все это была и правда, а можетъ-быть сложено (придумано) согласно съ характеромъ этого государя. Между тѣмъ Агрикола передалъ своему преемнику провинцію спокойною и безопасною; а чтобы въѣздъ его не обратилъ на себя вниманія множествомъ любопытныхъ и желавшихъ его встрѣтить, онъ уклонился отъ усердія друзей и ночью вошелъ въ городъ (Римъ), и прямо во дворецъ,—такъ ему было приказано. Онъ встрѣченъ сухимъ поцѣлуемъ и ни малѣйшимъ привѣтомъ на словахъ; замѣшался въ толпу рабствовавшихъ. Но чтобы свои военныя заслуги, тяжкія среди людей праздныхъ, заставить забыть другими качествами, онъ посвятилъ себя вполнѣ спокойствію и бездѣйствію; образъ жизни велъ самый скромный, былъ обходителенъ и ласковъ со всѣми, ходилъ сопровождаемый только однимъ или двумя друзьями. Такъ что очень многіе, привыкшіе дѣлать заключеніе о важности и значеніи людей по ихъ пышной обстановкѣ, видя простоту обращенія Агриколы, оставались въ недоумѣніи относительно его славы и только немногіе его понимали.

41. Не разъ уже въ теченіи этого времени Агрикола былъ заочно обвиненъ передъ Домиціаномъ и также заочно и оправданъ. Опасностью грозила ему не какая-либо вина съ его стороны или жалобы кого-либо имъ обиженнаго, но ненависть государя ко всѣмъ добрымъ качествамъ, его слава и худшій родъ враговъ—именно тѣ, которые его хвалили. Наступило такое время жизни общественной, что имя Агриколы не могло оставаться въ бездѣйствіи: столько войскъ, утраченныхъ въ Мезіи и Дакіи, Германіи и Панноніи,—утраченныхъ вслѣдствіе самонадѣянности или неспособности вождей; столько военныхъ людей и съ такимъ количествомъ когортъ побѣждены и взяты въ плѣнъ, и уже не о пограничной чертѣ имперіи и о берегѣ, но о зимнихъ квартирахъ легіоновъ и нашемъ владычествѣ возникало сомнѣніе. Такимъ образомъ, когда уронъ слѣдовалъ за урономъ, и цѣлый годъ ознаменованъ былъ пораже-

ніями и печальными происшествіями, голосъ народа требовалъ вождемъ Агриколу. Всѣ дѣлали сравненія его энергіи, твердости, испытанныхъ на войнѣ способностей съ недѣятельностью и робостью прочихъ. Довольно вѣрно, что такіе разговоры коснулись и слуха Домиціанова, такъ какъ лучшіе изъ отпущенниковъ изъ расположенія и вѣрности, а самые дурные изъ зависти и зложелательства подстрекали государя, склоннаго принимать болѣе дурную сторону. Такъ Агриколу вмѣстѣ и его отличныя качества, и недостатки другихъ самою славою вели на скорую гибель.

42. Наступилъ уже годъ, въ который долженъ былъ быть брошенъ жребій о проконсульствѣ Азіи и Африки. Только-что передъ тѣмъ убитъ Цивика, и не было недостатка Агриколѣ въ предостереженіи и Домиціану въ примѣрѣ. Нѣкоторыя личности, знавшія образъ мыслей государя, явились и сами спрашивали Агриколу, отправится ли онъ въ провинцію; при этомъ они сначала, дѣйствуя скрытнѣе, хвалили спокойствіе и бездѣйствіе, потомъ предлагали свое содѣйствіе къ тому, чтобы его извиненія были приняты. Наконецъ, уже не скрываясь, убѣжденіями и угрозами привлекли его къ Домиціану. Тотъ, готовый къ притворству, принялъ на себя надменный видъ, выслушалъ просьбы Агриколы объ увольненіи и, изъявивъ свое согласіе, допустилъ даже себя благодарить; не устыдился онъ столь ненавистнаго (будто бы) благодѣянія. Денежную выдачу, которую обыкновенно предлагали проконсуламъ и которую самъ Домиціанъ предоставилъ нѣкоторымъ, Агриколѣ не далъ; оскорбился ли онъ, что тотъ не просилъ, а можетъ-быть посовѣстился того, какъ бы не показать, будто бы онъ купилъ то, чего дать не хотѣлъ. Свойственно человѣческой природѣ ненавидѣть тѣхъ, кого мы оскорбили, а Домиціана характеръ легко отдавался раздраженію, и чѣмъ сдержаннѣе было оно, тѣмъ неумолимѣе. Умѣренность и благоразуміе Агриколы его смягчали. Не бросалъ онъ смѣлаго вызова славѣ и судьбѣ дерзостью и суетнымъ тщеславіемъ. Пусть знаютъ тѣ, которымъ въ обычаѣ удивляться только не дозволенному, что великіе люди могутъ быть и при дурныхъ государяхъ. Послушаніе и скромность, если только сопровождаются дѣятельностью и энергіею, могутъ доставить такую же славу, какую другіе старались снискать мѣрами крутыми и погибли, оставивъ по себѣ впечатлѣніе, но безъ всякой пользы для отечества (для дѣла общественнаго).

43. Конецъ жизни Агриколы былъ намъ плачевенъ, друзьямъ его печаленъ, и даже чужестранцы и незнакомые были имъ озабо-

чены. Толпы народа, людей праздныхъ, не занятыхъ (собственно: ходившихъ туда и сюда) приходили къ Дому; только и разговору было по площадямъ и кружкамъ, и никто, услыхавъ о кончинѣ Агриколы, не радовался и не забылъ о немъ тотчасъ же. Сожалѣніе о немъ увеличивалось вслѣдствіе сильно распространившагося слуха, будто бы онъ погибъ жертвою яда. Я не дерзну объ этомъ ничего утверждать за вѣрное; впрочемъ во все время болѣзни Агриколы чаще, чѣмъ въ обычаѣ государей, освѣдомлялся Домиціанъ о немъ черезъ посланныхъ; приходили главнѣйшіе изъ отпущенниковъ и самые довѣренные (Дамиціана) изъ докторовъ: отъ заботливости ли это происходило, или отъ подозрительности? Достовѣрно то, что въ день самой смерти, черезъ нарочно разставленныхъ курьеровъ (собственно: бѣгуновъ), давали знать Домиціану о перемѣнахъ въ состояніи здоровья уже отходившаго Агриколы. Никто не могъ повѣрить, чтобы Домиціану грустно было о томъ, о чемъ извѣстіе онъ такъ спѣшилъ получить. Впрочемъ онъ придалъ и лицу и всей наружности видъ печали, уже обезпеченный въ чувствахъ ненависти. Ему легче было скрыть радость, чѣмъ опасенія. Довольно вѣрно извѣстно и то, что Домиціанъ, прочитавъ духовное завѣщаніе Агриколы, гдѣ тотъ написалъ его сонаслѣдникомъ отличной жены и нѣжно любившей дочери, радовался какъ почетному о себѣ отзыву. До того ослѣпленъ и развращенъ былъ умъ его постоянною лестью, что не зналъ онъ, что добрый отецъ не напишетъ по себѣ наслѣдникомъ государя иначе, какъ самаго дурнаго.

44. Агрикола родился въ Іюньскія иды (13-го іюня) въ третье консульство Каія Цезаря, а умеръ на 56 году отъ роду, въ десятый день календъ Сентябрскихъ (23 августа), въ консульство Коллеги и Приска. Если потомство хочетъ имѣть понятіе о его наружности, то она была скорѣе прилична, чѣмъ величественна; въ лицѣ ничего робкаго, но въ избыткѣ выражалость добродушіе. Съ перваго виду легко повѣрилъ бы, что видишь передъ собою добраго человѣка, и охотно, что великаго. Онъ, хотя и похищенъ въ серединѣ зрѣлаго возраста, относительно славы прожилъ самую продолжительную жизнь. Онъ исполнилъ истинное назначеніе добраго человѣка, которое заключается въ добродѣтеляхъ, получилъ отличія консульства и тріумфа,—что же ему придать было бы въ состояніи счастіе? Чрезмѣрныхъ богатствъ у него не было, а имѣлъ онъ состояніе достаточное. Такъ какъ онъ оставилъ въ живыхъ и жену и дочь, то его можно считать даже благополучнымъ. Онъ ушелъ отъ будущаго съ достоинствомъ своимъ нисколько не тронутымъ,

съ славою цвѣтущею, оставивъ и друзей и родныхъ невредимыми. И если онъ, какъ бы прозирая въ будущее, въ откровенныхъ со мною бесѣдахъ призывалъ задушевными мыслями (обѣтами)—дожить до этого свѣтлаго и благополучнаго времени и видѣть государемъ Траяна, то, съ другой стороны, раннею кончиною своею вынесъ онъ великое утѣшеніе, что избѣгъ того послѣдняго времени, когда Домиціанъ уже не съ промежутками и роздыхами времени, но уже кряду и какъ бы однимъ ударомъ губилъ общественный строй.

45. Агрикола не видѣлъ, какъ сенатъ окружили и заперли вооруженною силою,—не видѣлъ, какъ въ одномъ и томъ же побоищѣ погибло столько бывшихъ консуловъ,—не видѣлъ ссылокъ и бѣгства знатнѣйшихъ женщинъ. Еще одною только побѣдою сдѣлался извѣстенъ Каръ Метій *), мнѣнія Мессалина **) еще зрѣли въ замкѣ Албанскомъ и Масса Бебій ***) уже былъ подсудимымъ. Вслѣдъ за тѣмъ наши руки повели Гельвидія ****) въ тюрьму; мы видѣли Маврикія и Рустика *****) гибель; насъ Сенеціо оросилъ

---

*) Въ буквальномъ переводѣ: еще только одною побѣдою оцѣнивали Кара Метія. Это былъ одинъ изъ самыхъ злѣйшихъ доносчиковъ.

**) Мессалинъ былъ одинъ изъ исполнителей воли Домиціана. Плиній говоритъ (письмо IV, 24), что это было слѣпое орудіе, которое Домиціанъ направлялъ противъ людей благонамѣренныхъ. Это былъ человѣкъ зла и кровожадный. Если здѣсь говорится, что Мессалинъ гремѣлъ своими мнѣніями въ замкѣ Албанскомъ, то это значитъ, что онъ довольствовался еще свои злые ковы противъ людей добра высказывать въ присутствіи Домиціана, любившаго жить въ Албанскомъ дворцѣ, а не рѣшался еще перенесть ихъ въ сенатъ.

***) Масса Бебій. О немъ Тацитъ, въ своихъ Историч. Запискахъ, IV, 50, говоритъ какъ о человѣкѣ, враждебно расположенномъ ко всѣмъ людямъ благомыслящимъ, и одномъ изъ главныхъ орудій злодѣйствъ Домиціана. Онъ былъ прокураторомъ въ Африкѣ; на судъ его потребовали Геренній Сенеціо и Плиній Младшій (смотри его письма, VII, 38) отъ имени Испанской провинціи, которою онъ управлялъ, за злоупотребленія власти. Изъ словъ Тацита видно, что Масса Бебій не только самъ невредимо сошелъ со скамейки подсудимыхъ, но и имѣлъ самъ еще возможность сильно вредить.

****) Гельвидій младшій, сынъ того Гельвидія, о которомъ говорится выше, во второй главѣ. Онъ, по разсказу Светонія, былъ казненъ Домиціаномъ за то, что онъ, Домиціанъ, въ комедіи Гельвидія «Парисъ и Эноне» думалъ видѣть намекъ на семейную исторію его съ женою. Домиція, жена Домиціана, промѣняла его на актера и была отвержена имъ, но потомъ опять принята, точно также какъ и Парисъ, отвергнувъ Энону, увезъ Елену, Менелаеву жену.

*****) Маврикій и Рустикъ—два брата: первый сосланъ Домиціаномъ, а второй казненъ (смотри Агриколы гл. 2). Это мѣсто мы перевели просто наобумъ; въ текстѣ тутъ безсмыслица. Три разныхъ чтенія: nos M. R. visus

своею невинною кровью *). Неронъ уклонялся отъ такихъ зрѣлищъ, отдавалъ приказанія на преступленія, но самъ не былъ ихъ зрителемъ. При Домиціанѣ же бѣдствіе приняло злѣйшій характеръ,—нужно было и смотрѣть, и самому себя выставлять на показъ; списокъ вели даже нашимъ вздохамъ. Для того, чтобы столько человѣческихъ лицъ покрылись смертною блѣдностью, достаточно было этого звѣрскаго лица и краски, которая ограждала его отъ стыда **). А ты, Агрикола, счастливъ не только твоею свѣтлою жизнью, но и своевременностью постигшей тебя кончины, и, какъ утверждаютъ тѣ, которые присутствовали при послѣднихъ твоихъ бесѣдахъ, встрѣтилъ ты твой жребій съ твердостью и охотно, какъ будто бы хотѣлъ за себя оправдать государя ***). Но и мнѣ и дочери, кромѣ горести о потерѣ родителя, увеличиваетъ печаль то, что не пришлось намъ ни сидѣть при больномъ, ни ходить за слабѣвшимъ, ни насмотрѣться, ни нацѣловаться. Конечно, приняли бы мы отъ него завѣты и внушенія, которыя навсегда напечатлѣлись бы въ умѣ нашемъ. Наша скорбь—это намъ нанесенная рана; вслѣдствіе столь долговременнаго нашего отсутствія потеряли мы его прежде окончанія четырехлѣтія. Нѣтъ сомнѣнія, что тебѣ, о лучшій изъ родителей, не было недостатка ни въ какомъ почетѣ, такъ какъ при тебѣ сидѣла въ высшей степени любимая жена; впрочемъ менѣе тебя оплакивали и послѣдній свѣтъ очей твоихъ искалъ чего-то и не находилъ.

46. Если есть гдѣ-либо мѣсто тѣнямъ людей благочестивыхъ; если, какъ думаютъ мудрецы, великія души не гибнутъ вмѣстѣ съ

и т. д., nos M. R. q. divisimus, nos M. R. q. divisus—всѣ одно другаго не лѣпѣе, да и вообще въ Агриколѣ Тацитъ мѣстами вовсе неудобопонятенъ своею излишнею краткостью и сжатостью выраженій, а можетъ-быть и текстъ испорченъ.

*) Геренній Сенеціо умерщвленъ Домиціаномъ въ 95 г. по Р. Хр. за то, что онъ написалъ похвальное слово Гельвидію Приску.

**) Тацитъ (Истор. Записки, книга IV, глава 40) говоритъ о Домиціанѣ, въ то время еще очень молодомъ, что онъ безпрестанно краснѣлъ и, по незнанію его истинныхъ свойствъ, считали эту краску знакомъ скромности. Тутъ Тацитъ говоритъ безъ сомнѣнія о краскѣ раздраженія, которая вступала въ лицо Домиціану, когда онъ сердился.

***) Крайне непонятное мѣсто, а въ буквальномъ переводѣ вовсе выйдетъ безсмыслица; вотъ онъ: «какъ будто бы ты долею мужа даровалъ невинность государю». Предполагать, что Агрикола хотѣлъ доставить Домиціану удовольствіе своею смертью, не дѣлаетъ чести Тациту и не соотвѣтствуетъ его портрету Агриколы.

тѣломъ, то почивай въ мирѣ и насъ и семейство твое отъ безсильной тоски и плача женскаго призови къ созерцанію твоихъ добродѣтелей, а ихъ ни оплакивать, ни сожалѣть не слѣдуетъ. Почтимъ тебя лучше удивленіемъ, чѣмъ временными похвалами, а если найдемъ въ себѣ достаточно силъ, то соревнованіемъ тебѣ. Въ этомъ истинный почетъ, этимъ должны выражаться нѣжныя чувства тѣхъ, кто ни ближе. Я внушилъ и женѣ и дочери — такъ чтить память отца и мужа, чтобы постоянно припоминать всѣ его дѣйствія и слова и держаться твердо болѣе славы и душевнаго образа, чѣмъ тѣлеснаго. Не вооружаюсь я противъ изображеній изъ мрамора и мѣди, но какъ лица людей, такъ и снимки съ нихъ непрочны и разрушенію подвержены; только умственный образъ вѣченъ; его-то можешь ты держать и выражать не чуждымъ матеріаломъ и при помощи искусства, но твоими собственными нравами. То изъ Агриколы, что мы любили, чему удивлялись, остается и останется въ душахъ людей, въ вѣчности времени, въ славѣ событій. Многихъ изъ дѣятелей прошлаго, какъ недостойныхъ славы и извѣстности, покроетъ забвеніе; Агрикола же, разсказанный и переданный потомству, сохранится въ памяти.

РАЗГОВОРЪ

ОБЪ ОРАТОРАХЪ

ИЛИ

О ПРИЧИНАХЪ ПОРЧИ КРАСНОРѢЧІЯ.

Содержаніе книги. Глава 1. Поводъ къ разговору.—2 и 3. Сущность предмета, о которомъ онъ завязался. Куріація Матерна, сдѣлавшагося изъ оратора поэтомъ; ораторъ М. Аперъ, избранный судьею объясненій, пробуетъ отвлечь его отъ занятія поэзіею.— 4. Матернъ утверждаетъ, что онъ посвятилъ себя самому возвышенному краснорѣчію. — 5—7. Настаиваетъ Аперъ на своемъ мнѣніи, прославляетъ пользу ораторскаго искусства, удовольствія, достоинство и подтверждаетъ это примѣрами, 8, Марцелла Епрія и Криспа Вибія.—9. Напротивъ, поэтическія произведенія лишены пользы и значенія, доставляютъ они лишь суетную похвалу и мимолетное удовольствіе. Достойна похвалы щедрость Веспасіана въ отношеніи поэта Салейя Басса, но еще лучше—самому въ себѣ находить силы развивать свой природный талантъ. Да и удовольствія поэзія нисколько не доставляетъ, потому что поэтамъ приходится убираться въ пустыню.—10. Притомъ же поэты легко подвергаются оскорбленіямъ; вслѣдствіе этого Матернъ правильнѣе поступилъ бы, еслибы изъ аудиторій и театровъ вернулся на форумъ къ дѣламъ судебнымъ.

11—13. Матернъ съ своей стороны возражаетъ, что занятіе поэзіею обезпечиваетъ безопасность и невинность, что оно доставляетъ гораздо больше славы, чѣмъ дѣятельность на форумѣ, и подтверждаетъ это примѣрами золотаго вѣка. Да и наслажденіе несравненно чище то, что доставляетъ уединеніе въ лѣса и рощи, чѣмъ дышащее кровожадностью краснорѣчіе. Нѣжныя музы почитателей своихъ отзываютъ отъ заботъ и попеченій.

14. Приходитъ Випстанъ Мессала. Онъ, поклонникъ старины, усиливается Апра отъ обычая новыхъ риторовъ возвратить къ стариннымъ

формамъ. — 15—18. Аперъ возражаетъ и поднимаетъ вопросъ, какихъ ораторовъ нужно называть древними. О нихъ выражаются съ почтеніемъ Мессала, Секундъ и Матернъ. Аперъ защищаетъ современниковъ и говоритъ, что неправильно называть древними тѣхъ, которыхъ можетъ признать слухъ однихъ и тѣхъ же людей. Цицерона и его современниковъ, находящихся въ рукахъ почти всѣхъ, приверженцы старины относятъ къ ней. И у тѣхъ, которые называются древними, много можно видѣть разнообразія и не одинъ и тотъ же видъ краснорѣчія. По свойственному человѣку злорадству, все старое, прежнее нравится, а свое настоящее постыло.— 19. Кассій Северъ, о которомъ говорятъ, что онъ положилъ конецъ древнему краснорѣчію, отклонился отъ стараго пути не по недостатку знанія, но разсудительно и разумно, когда, согласно съ условіями времени и совершенно иными требованіями слушателей, необходимо было измѣнить и самую форму рѣчи.—20. И старинное краснорѣчіе имѣло весьма разнообразные недостатки. Слушатели требуютъ изложенія болѣе отдѣланнаго и пріятнаго и поэтическихъ красотъ.—21 и 22. Затѣмъ Аперъ разсматриваетъ рѣчи и поэтическія произведенія Кальва, Цэлія, Цезаря, Брута, Азинія, Корвина и въ особенности Цицерона, о которомъ отзывается съ похвалою, но указываетъ и на недостатки, которые одни впрочемъ и нравятся его испорченнымъ подражателямъ.—23. Истинное искусство краснорѣчія заключается въ томъ, чтобы подражать и древнимъ въ томъ, что они представляютъ лучшаго, и пользоваться тѣмъ, что удачно придумали позднѣйшіе.

24. Затѣмъ Матернъ убѣждаетъ Мессалу, оставивъ превозносить похвалами древнихъ, которые, по правдѣ сказать, въ томъ вовсе не нуждаются, изложить причины, вслѣдствіе которыхъ краснорѣчіе новаго времени настолько удалилось отъ прежняго.—25. Мессала растолковываетъ, кого собственно надобно понимать подъ древними,—и въ отдаленныя времена разнообразны были формы выраженій; внушаетъ, какое заключеніе надобно дѣлать о краснорѣчіи Кальва и прочихъ, о которыхъ говорено только-что передъ этимъ. Онъ присовокупляетъ, что если они, ораторы, старались унизить одинъ другаго, то таково уже свойство людей вообще, а не ораторовъ въ особенности.—26. Горячность К. Гракха и зрѣлость Л. Красса надобно предпочитать приторнымъ выраженіямъ Мецената и погремушкамъ Галліона. Кассій Северъ мало имѣетъ крови и скорѣе ссорится, чѣмъ вступаетъ въ борьбу. Аперъ не привелъ никого, кого можно было бы поставить на ряду съ Цицерономъ или съ Цезаремъ.—27—29. По просьбѣ Матерна, Мессала переходитъ къ объясненію причинъ, вслѣдствіе которыхъ краснорѣчіе и прочія искусства уклонились отъ старинной славы: облѣнились молодые люди, не старательны родители, преподаватели плохи и сами ничего не знаютъ, и забыты обычаи старины. Онъ показываетъ, что у древнихъ воспитаніе дѣтей было предметомъ важнымъ и священнымъ, а у современниковъ оно низошло до какого-то театральнаго баловства и риторовъ.—30—32. Обильнымъ источникомъ краснорѣчія въ древности служили: занятіе благородными науками и разнообразная ученость, а пренебреженіе къ нимъ—первая причина порчи краснорѣчія.—33—35. Въ прежнее время молодые люди, получивъ твердую основу домашня-

го воспитанія, были отводимы къ первостепеннымъ ораторамъ и, слѣдуя за ними, привыкали, какъ быть на битвѣ своего рода, состязаться оружіемъ, а теперь перешли въ школы риторовъ, гдѣ изучаютъ то, что не имѣетъ ни малѣйшаго примѣненія въ жизни (Здѣсь оказывается пробѣлъ въ рѣчи Мессалы; кажется, что утратилась и рѣчь Юлія Секунда; слѣдуетъ рѣчь Матерна: въ ней недостаетъ главы. Этотъ пробѣлъ силился пополнить Бротерій—въ томъ, что сохранилось).—36. Передаетъ Матернъ: краснорѣчіе жило встарину смутами и своеволіемъ, партіями знатныхъ лицъ, постоянною борьбою сената противъ черни.—37. Никто не достигалъ значительной власти безъ краснорѣчія; это доказывается примѣрами Демосѳена и Цицерона.—38. Первый ударъ краснорѣчію нанесъ Помпей, стѣснительными мѣрами какъ бы узду наложивъ. Затѣмъ, 39, тѣсная одежда, въ которую плотно стянутые и какъ бы замкнутые ораторы должны говорить съ судьями, а также противудѣйствія, возникшія отъ послѣднихъ, ослабили краснорѣчіе, и самое веденіе дѣлъ перенесено какъ бы въ пустыню, тогда какъ прежде возбудительно дѣйствовали на оратора крики и рукоплесканія.—40. Краснорѣчіе есть порожденіе своеволія; оно дерзко, насмѣшливо, нагло и надменно и не можетъ возникать въ благоустроенныхъ государствахъ, и это доказывается примѣрами различныхъ народовъ.—41. Менѣе славы и не такъ она блистательна въ доброй нравственности и въ послушаніи волѣ властителя. Каждый пусть пользуется благами своего вѣка.—42. Расходятся. Разговоръ этотъ имѣлъ мѣсто въ шестое консульство Флавія Веспасіана Августа и Тита Веспасіана Цезаря въ четвертое.

1. Не разъ ты, Юстъ Фабій *), задавалъ мнѣ вопросъ: почему,— между тѣмъ какъ прежніе вѣка процвѣли столькими дарованіями блестящихъ ораторовъ и ихъ славою,—нашъ вѣкъ преимущественно обѣднялъ и утратилъ славу краснорѣчія, такъ что едва сохранилось въ немъ самое имя оратора. Въ теперешнее время слышите вы краснорѣчивыхъ дѣльцовъ, адвокатовъ, повѣренныхъ,—какъ ихъ угодно назовите,—только не ораторовъ. Отвѣчать на твой вопросъ и поднять тяжесть столь великаго обсужденія,—причемъ пришлось бы дѣлать неблагопріятное заключеніе или о нашемъ умственномъ развитіи, если мы не въ состояніи того достигнуть, или о судахъ нашихъ, если мы просто не хотимъ,—я врядъ ли бы и дерзнулъ, еслибы мнѣ приходилось излагать мое мнѣніе, а не повторять слова краснорѣчивѣйшихъ людей нашего времени, которыхъ я, будучи еще очень молодымъ, слышалъ занимавшихся обсужденіемъ этого вопроса. Такимъ образомъ мнѣ нужно не напряженіе собственнаго ума, но только вѣрно припомнить говоренное и то.

*) О Фабіи Юстѣ упоминаетъ Плиній Младшій, въ письмахъ своихъ, какъ о пріятелѣ

что лучшіе люди и остроумно придумали и выразили основательно, причемъ они, каждый отдѣльно, приводили или различныя, или однѣ и тѣ же причины, но вѣроятныя соотвѣтственно своему умственному настроенію и въ такой формѣ,—изложить въ томъ же видѣ и на тѣхъ же основаніяхъ, сохранивъ послѣдовательность—порядокъ состязанія. Не было недостатка и въ человѣкѣ, который, взявъ на себя роль противуположную, старался весьма плодовито осмѣять и унизить старинныя времена и краснорѣчіе нашего времени ставилъ выше умственнаго развитія древнихъ.

2. На другой день послѣ того, какъ Куріацій Матернъ прочелъ своего Катона, гдѣ, какъ говорили, оскорбилъ онъ умы сильныхъ тѣмъ, будто бы онъ въ изложеніи этой трагедіи, забывъ о себѣ, мыслилъ какъ Катонъ, и объ этомъ предметѣ по всему городу были значительные толки,—пришли къ нему М. Аперъ и Юлій Секундъ, знаменитѣйшіе въ то время умы нашего форума. Ихъ я не только старательно слушалъ въ судебныхъ дѣлахъ, но и преслѣдовалъ ихъ и въ домахъ, и во время ихъ общественной дѣятельности, удивительно жаждая учиться и съ какимъ-то юношескимъ жаромъ, такъ что я старался не пропустить ни одного слова изъ ихъ разговоровъ, споровъ и тайныхъ дружескихъ объясненій. Правда, очень многіе съ злорадствомъ высказывали мнѣніе, что и Секундъ не очень свободно говоритъ, да и Аперъ заслужилъ славу краснорѣчія скорѣе умомъ и природною силою, чѣмъ изученіемъ и основательнымъ знаніемъ литературы. Въ дѣйствительности же и Секундъ не имѣлъ недостатка въ изложеніи (слогѣ) чистомъ, сжатомъ и, насколько нужно было, обильномъ; да и Аперъ, получивъ образованіе общее, скорѣе выказывалъ пренебреженіе къ литературѣ, чѣмъ былъ незнакомъ съ нею, какъ будто бы домогаясь большей славы за свою дѣятельность и труды, если покажетъ, что его природныя дарованія не имѣютъ надобности вовсе въ содѣйствіи какихъ-либо другихъ наукъ.

3. Такимъ образомъ, когда мы вошли въ спальню Матерна, мы его застали сидящимъ и держащимъ въ рукахъ книгу, которую онъ за день передъ тѣмъ читалъ. Тогда Секундъ сказалъ: «неужели тебя, Матернъ, нисколько не страшитъ болтовня злонамѣренныхъ людей и тебѣ все-таки нравится твой Катонъ, несмотря на вызванное имъ неудовольствіе? Но можетъ-быть ты занялся этою книгою съ тѣмъ, чтобы ее пересмотрѣть тщательнѣе и, уничтоживъ то, что подало поводъ къ превратному толкованію, хочешь выпустить въ свѣтъ Катона въ видѣ если не лучшемъ, то, по крайней

мѣрѣ, болѣе безопасномъ»?—На это Матернъ: «прочтешь ты, насколько Матернъ самъ себѣ долженъ, и признаешь, что ты слышалъ. Если же Катонъ что-либо опустилъ, то при слѣдующемъ чтеніи выскажетъ это Тіестъ. Уже я составилъ планъ этой трагедіи и самъ въ себѣ ее сочинилъ и потому спѣшу изданіемъ этой книги (Катона), чтобы, раздѣлавшись уже съ этою заботою, всѣ силы посвятить новому произведенію».—«До какой степени не насытишься ты этими трагедіями!—замѣтилъ Аперъ. Оставивъ занятіе краснорѣчіемъ и судебными дѣлами, все время посвящаешь то Медеѣ, то теперь Тіесту. Между тѣмъ такъ много дѣлъ у друзей твоихъ, столько колоній и муниципій *), ждущихъ защиты, призываютъ тебя на форумъ, и тебя едва ли бы достало на все это, еслибы ты и не взялъ на себя вовсе новаго тебѣ дѣла—Домиція **) и Катона, то-есть наши собственныя исторіи и Римскія имена смѣшать (соединить) съ баснями Грековъ».

4. На это Матернъ: «суровый твой приговоръ смутилъ бы меня, еслибы этотъ споръ, часто возобновляющійся и почти постоянный, не обратился бы намъ почти въ привычку. И ты не перестаешь тревожить поэтовъ и нападать на нихъ, и я, которому ты ставишь въ упрекъ мое пренебреженіе къ занятію адвокатурою, привожу въ исполненіе ежедневную защиту противъ тебя обвиняемой тобою поэзіи. Тѣмъ болѣе радуюсь я теперь, что представился намъ теперь судья, который или запретитъ мнѣ на будущее время сочинять стихи, или,—чего уже я давно желаю,—присоединитъ и свои, имѣющія большой вѣсъ убѣжденія, къ тому, чтобы я, бросивъ тѣснины судебныхъ дѣлъ, въ которыхъ я достаточно и даже черезъ мѣру трудился до поту лица, занялся исключительно этимъ краснорѣчіемъ болѣе возвышеннымъ и уваженія достойнымъ».

5. «Что же касается до меня, сказалъ Секундъ, то прежде, чѣмъ Аперъ отвергнетъ самъ меня судьею, я поступлю такъ, какъ обык-

---

*) Авлъ Геллій (N. A. XVI, 13) говоритъ, что уже въ его время не было никакой разницы между городами, носившими то и другое наименованіе. Муниципіями назывались первоначально города, сохранившіе свое самоуправленіе при сліяніи съ Римскимъ государствомъ; а колоніи были поселенія изъ Римскихъ граждан̆ъ или отслужившихъ воиновъ. Впослѣдствіи времени тѣ и другія слились вмѣстѣ, такъ какъ почти всѣ муниципіи получили права Римскаго гражданства. Здѣсь говорится о правѣ колоній и муниципій имѣть повѣреннаго или правильнѣе покровителя (patronus) для защиты ихъ интересовъ въ Римѣ.

**) Здѣсь рѣчь идетъ о Домиціи Агенобарбѣ, товарищѣ Брута и Кассія въ ихъ мечтахъ о возстановленіи въ Римѣ древняго республиканскаго порядка вещей.

новенно дѣлаютъ судьи честные и скромные, отказываясь отъ тѣхъ разбирательствъ, въ которыхъ ясно видно, что одна изъ сторонъ преобладаетъ въ ихъ расположеніи. Кто не знаетъ, что нѣтъ человѣка мнѣ ближе, съ которымъ бы я былъ болѣе друженъ, пользуясь почти ежедневно его собесѣдничествомъ, какъ Салей Бассъ *) и человѣкъ достойнѣйшій, и самый усердный поэтъ. Дѣйствительно, если занятіе поэзіею ставить въ вину, то не найдется подсудимаго, который представлялъ бы болѣе богатый матеріалъ для обвиненія».—На это Аперъ замѣтилъ: «оставимъ въ покоѣ и Салея Басса, и каждаго другаго, кто занимается поэзіею и ищетъ славы въ сочиненіи стиховъ, не имѣя возможности заниматься судебными дѣлами. А я, разъ уже нашедъ посредника въ нашемъ спорномъ дѣлѣ, не потерплю, чтобы Матернъ нашелъ себѣ защиту въ товариществѣ многихъ. Но я передъ вами направлю обвиненіе противъ него одного въ томъ, что онъ, будучи рожденъ для краснорѣчія, достойнаго мужа и оратора, которымъ онъ могъ бы и пріобрѣсть и сохранить дружественныя связи, задобрить въ свою пользу народы, обязать цѣлыя провинціи, теряетъ изъ виду занятіе, котораго нѣтъ въ нашемъ государствѣ плодотворнѣе относительно пользы, которое и въ состояніи наиболѣе доставить и ему личнаго значенія, и Риму—славы и чести, и лучше котораго, для приданія себѣ извѣстности въ этой во всей имперіи и у всѣхъ народовъ, придумать невозможно. И дѣйствительно, если всѣ наши соображенія и дѣйствія должны имѣть цѣлью полезное примѣненіе къ жизни, то что можетъ быть вѣрнѣе—какъ занятіе искусствомъ, обладая которымъ, ты постоянно въ состояніи приносить пользу друзьямъ, помощь—чужимъ, безопасность тѣмъ, которые находятся въ положеніи сомнительномъ, а завистниковъ и враговъ держать постоянно въ страхѣ и ужасѣ, самъ же будешь жить вполнѣ обезпеченный, обладая въ своемъ родѣ постояннымъ могуществомъ и значеніемъ? Сила и польза этого занятія, и при благополучномъ теченіи дѣлъ, обнаруживается тѣмъ, что ты держишь какъ бы подъ своимъ попечительствомъ и опекою другихъ. А если тебѣ будетъ грозить и личная опасность, то,—свидѣтельствуюсь Геркулесомъ,—въ сраженіи не найдешь ты защиты болѣе вѣрной, какую,—если тебя будутъ обвинять и тебѣ будетъ грозить опасность,—найдешь ты въ краснорѣчіи: оно вмѣстѣ и оборона, и

*) О Салеѣ Бассѣ Квинтиліанъ упоминаетъ какъ объ очень даровитомъ стихотворцѣ. Сами судить о томъ не можемъ, потому что до насъ ничего отъ него не дошло.

средство нападенія; имъ одинаково можешь ты и отразить, и самъ сдѣлать нападеніе,—будетъ ли то въ судѣ, въ сенатѣ ли, или передъ государемъ. И недавно что противупоставилъ враждебнымъ сенаторамъ Еприй Марцеллъ *), какъ не свое краснорѣчіе? Вооруженный имъ, принесъ онъ угрожающее положеніе и обратилъ ни во что мудрость Гельвидія, хоть и не чуждую краснорѣчиваго изложенія, но которой недоставало опытности и знанія подобнаго рода состязаній. Болѣе о пользѣ не скажу ничего, такъ какъ увѣренъ, что въ этомъ отношеніи Матернъ и противорѣчить мнѣ не станетъ.

6. Перехожу къ наслажденіямъ ораторскаго искусства; пріятность его чувствуется не въ одинъ какой-либо моментъ времени, но почти каждый день и каждый часъ. Что можетъ быть пріятнѣе уму свободному, благородному и рожденному для наслажденій честныхъ, какъ видѣть домъ свой постоянно наполненнымъ толпами сходящихся туда людей самыхъ замѣчательныхъ и сознавать при этомъ, что обязанъ этимъ не деньгамъ, не одиночеству **), не высокому оффиціальному въ правительствѣ положенію, но самому себѣ? Даже тѣ самые старые богачи, одинокіе и люди сильные, посѣщаютъ безпрестанно молодаго бѣднаго человѣка съ тѣмъ, чтобы поручать ему дѣла или свои собственныя, или друзей. Какія богатства и какая власть могутъ равняться съ наслажденіемъ—видѣть, что люди почтенные, старые, которые пользуются расположеніемъ (уваженіемъ) цѣлаго города, приходятъ и сознаются въ неимѣніи того, что всего лучше?! А далѣе, когда идешь, какая толпа гражданъ тебя провожаетъ! Какъ ты обращаешь на себя вниманіе общества! Какимъ почтеніемъ пользуешься въ судахъ! Какъ пріятно вставать и стоять среди общаго молчанія, видя, что взоры всѣхъ устремлены на тебя! Толпится народъ и тѣснымъ вѣнкомъ тебя окружаетъ, усвоивая тѣ чувства и тотъ взглядъ, какой принялъ ораторъ! Я перечислилъ всѣмъ извѣстныя наслажденія говорящихъ, доступныя глазамъ и людей неопытныхъ (не посвященныхъ), а есть и болѣе сокровенныя, извѣстныя только самимъ занимающимся дѣломъ. Является ли онъ съ рѣчью тщательно обдуманною и обра-

*) Еприй Марцеллъ—грозный и краснорѣчивый доносчикъ при Неронѣ. Послѣ смерти императора, въ слѣдующемъ же году его обвинилъ Лициній Цецина (Тацита Ист. Зап. II, 53), а немного спустя Гельвидій (И. З. IV, 43), но остался невредимъ.

**) Одинокіе, не имѣвшіе дѣтей, были предметомъ заискиванія лицъ, ждавшихъ отъ нихъ наслѣдства.

ботанною, то какъ въ самомъ изложеніи, такъ и въ радостномъ чувствѣ есть особенныя сила и значеніе; приноситъ ли онъ новый и еще свѣжій трудъ не безъ нѣкотораго трепета душевнаго,—самая заботливость ведетъ къ успѣху и усиливаетъ наслажденіе. Но главная пріятность заключается въ смѣлости своевременной и въ самой внезапности изложенія (импровизаціи). Относительно умственной дѣятельности вѣрно то же, что и относительно почвы: хотя иныя произведенія—плодъ тщательной обработки и труда долговременнаго, но всего пріятнѣе то, что родится сами собою.

7. Что же касается до меня,—если стать откровенно говорить о себѣ самомъ,—то не тотъ день мнѣ былъ самымъ пріятнымъ, когда мнѣ предложенъ былъ латиклавій (сенаторское званіе), или когда я, человѣкъ новый (незнатнаго происхожденія), родившійся въ городѣ далеко незначительномъ,—получилъ квестуру, трибунство или претуру, а тогда, когда, при посредственности моего какого-нибудь тамъ дара говорить, или подсудимаго защитилъ удачно, или какое-либо дѣло велъ съ успѣхомъ передъ совѣтомъ ста *), или имѣлъ возможность заступиться передъ самимъ государемъ за его отпущенниковъ или прокураторовъ. Тогда мнѣ кажется, что я становлюсь выше и трибунства, и преторства, и консульства,—имѣю тогда то, чего, если оно не зародится въ умѣ, не дадутъ никакія распоряженія власти, никакая милость. Славу и похвалу въ какомъ искусствѣ можно сравнить съ славою ораторовъ? Они пользуются извѣстностью не въ городѣ только, у людей дѣловыхъ и внимательныхъ къ предмету, но даже у молодыхъ людей и отроковъ, по крайней мѣрѣ у тѣхъ, которые здравыхъ понятій и подаютъ о себѣ хорошія надежды въ будущемъ. Чьи имена охотнѣе родители даютъ дѣтямъ своимъ? Чье имя повторяется чаще даже людьми несвѣдущими и массою простаго народа?—Ихъ ораторовъ. Когда они проходятъ, ихъ называютъ по имени и указываютъ на нихъ пальцами. Даже пріѣзжіе и чужестранцы, слыша о нихъ въ муниципіяхъ и колоніяхъ, какъ только посѣтятъ нашъ городъ,—отыскиваютъ ихъ и стараются видѣть лицомъ къ лицу.

---

*) Совѣтъ ста это былъ коллегіумъ суда, раздѣленный на четыре отдѣленія, которыя, отдѣльно каждое и всѣ вмѣстѣ, подъ предсѣдательствомъ лицъ называвшихся децемвирами, а иногда и претора, произносили рѣшенія по дѣламъ гражданскимъ. Плиній въ своихъ письмахъ (VI, 33) говоритъ, что при немъ число членовъ всѣхъ четырехъ отдѣленій, совѣтовъ (consilia), доходило до 186 судей. Кажется, что въ общемъ засѣданіи отдѣленіе имѣло только одинъ голосъ. Изложеніе было устное и публичное.

8. Осмѣлюсь утверждать, что этотъ Марцеллъ Еприй, о которомъ я только-что передъ симъ говорилъ, и Криспъ Вибій (охотнѣе привожу примѣры людей недавнихъ и въ свѣжей памяти, чѣмъ дѣйствовавшихъ давно и забытыхъ)—извѣстны въ самыхъ отдаленныхъ земляхъ не меньше, какъ въ Капуѣ или Верчелли, гдѣ, какъ говорятъ, они родились. И въ этомъ случаѣ извѣстность имъ доставляютъ не триста милліоновъ сестерцій, которые они имѣютъ, хотя и эти богатства они получили, повидимому, по милости своего краснорѣчія. Сила ея и возвышенное (какъ бы небесное) вліяніе во всѣ вѣка представляли очень многіе примѣры, до какого значительнаго положенія достигали люди умственными способностями. И этому примѣры имѣемъ мы у себя, зная не по слуху только, но имѣя возможность повѣрить собственными глазами. Чѣмъ ниже и темнѣе ихъ происхожденіе, чѣмъ болѣе на виду была ихъ бѣдность и чѣмъ стѣснительнѣе обстоятельства, окружавшія ихъ колыбель,—тѣмъ эти примѣры нагляднѣе и яснѣе доказываютъ практическую пользу краснорѣчія. Такъ они, не имѣя никакихъ преимуществъ по рожденію, не обладая независимымъ состояніемъ, ни особенно отличной нравственности, а одинъ даже наружности съ перваго вида отталкивающей,—въ продолженіи многихъ лѣтъ обладали всемогуществомъ въ государствѣ и, пока имъ угодно было, руководили общественною дѣятельностью и теперь первое мѣсто занимаютъ въ дружбѣ Цезаря, всѣмъ заправляютъ и даже расположеніе государя не лишено нѣкоторой доли уваженія; такъ какъ Веспасіанъ, почтенный старецъ и человѣкъ въ высшей степени снисходительный, хорошо понимаетъ, что прочіе его друзья зависятъ отъ него и отъ него получили то, что въ его власти и при себѣ оставить и перенесть на другихъ, а Марцеллъ и Криспъ, сдѣлавшись его друзьями, принесли то, что не отъ государя получили и чего дать тотъ не въ состояніи. При столькихъ и столь важныхъ преимуществахъ послѣднее мѣсто занимаютъ титулы и статуи, хотя и они все-таки не остаются въ пренебреженіи настолько же, насколько,—свидѣтель мнѣ Геркулесъ,—богатства и деньги; поносить ихъ много найдется, но никто отъ нихъ не откажется. Такими-то почестями, украшеніями и средствами переполненными дома видимъ тѣхъ, которые съ ранней молодости посвятили себя общественной дѣятельности и занятію ораторскимъ искусствомъ.

9. Что же касается до стиховъ и поэтическихъ произведеній, которымъ посвятить всю свою дѣятельность желаетъ Матернъ (отсюда-то починъ свой имѣла вся рѣчь),—не придаютъ занимающимся

ими никакого значенія, ни пользы не приносятъ, а кратковременное наслажденіе, пустую и безплодную похвалу. Хотя бы это, что я теперь говорю и что скажу впослѣдствіи, и непріятно будетъ слышать тебѣ, Матернъ,—кому польза изъ того, что у тебя Агамемнонъ или Язонъ будутъ выражаться краснорѣчиво? Вслѣдствіе этого возвратится ли кто домой защищенный и этимъ тебѣ обязанный? Кто нашего Салея, отличнаго стихотворца или,—если такъ выразиться почетнѣе,—самаго возвышеннаго поэта, или привѣтствуетъ, или провожаетъ? Даже если его, Салея, другу или родственнику или наконецъ ему самому придется имѣть какое-либо дѣло, то прибѣгнетъ къ тому же Секунду, а не къ тебѣ, Матернъ, потому что ты поэтъ, и не будетъ тебя просить, чтобы ты въ защиту его написалъ стихи. Много ихъ родится въ домѣ Басса, и притомъ прекрасныхъ и пріятныхъ, а исходъ ихъ тотъ, что послѣ того, какъ въ теченіи цѣлаго года ежедневно и даже въ продолженіи большей части ночей выработаетъ онъ и приведетъ къ концу одно произведеніе, вынужденъ самъ же онъ заискивать и просить, чтобы имѣть тѣхъ, которые удостоили бы его выслушать. Да и тутъ все не даромъ, потому что и домъ надобно нанять, устроить аудиторію (залъ для слушанія), нанять скамейки, раздать списки. И въ случаѣ если самый блестящій успѣхъ увѣнчаетъ это чтеніе, то вся эта слава только на день или на два и, какъ срѣзанныя трава или цвѣты, не дастъ никакого вѣрнаго и существеннаго плода. Не вынесетъ онъ отсюда ни дружественныхъ связей, ни полезныхъ отношеній, ни услуги, память о которой надолго бы осталась въ душѣ, но одни громкіе крики, суетные звуки голоса и скоропреходящее удовольствіе. Недавно хвалили мы, какъ удивительную и возвышенную, щедрость Веспасіана въ томъ, что онъ подарилъ Бассу пятьсотъ тысячъ сестерцій. Конечно, прекрасно—заслужить умственною дѣятельностью благосклонность государя; но во сколько разъ лучше,—если такъ требуетъ положеніе собственныхъ дѣлъ,—быть одолженнымъ лишь себѣ самому, заниматься развитіемъ собственныхъ дарованій, испытывать только свою собственную щедрость? Прибавь, что поэтамъ, если только они захотятъ выработать и произвесть что-либо ихъ достойное, нужно оставить обращеніе съ друзьями, отказаться отъ всякихъ другихъ занятій и, какъ они сами выражаются, удалиться въ лѣса или рощи или, другими словами, осудить себя на одиночество.

10. Даже общественное мнѣніе и слава, которымъ однимъ они служатъ и въ чемъ одномъ, по ихъ собственному признанію, ви-

дятъ они вознагражденіе за свой трудъ, не столько благопріятствуютъ поэтамъ, сколько ораторамъ, такъ какъ посредственныхъ стихотворцевъ никто не знаетъ, да и хорошихъ знаютъ очень немногіе. Очень и очень рѣдкихъ чтеній слава распространяется по всему городу. А ужь о томъ, чтобъ ей разойдтись по провинніямъ— и говорить нечего. Ну кто же пріѣзжій изъ Испаніи или Азіи,—а уже не говорю о нашихъ Галлахъ,—посѣтивъ нашъ городъ, спрашиваетъ о Салеѣ Бассѣ? Да если кто-нибудь и спроситъ, то, разъ увидавъ, проходитъ и доволенъ, какъ будто бы посмотрѣлъ на какую-либо картину или статую. И я не желаю, чтобы эти слова мои понимали въ такомъ смыслѣ, какъ будто бы я и тѣхъ, кому природа отказала въ дарованіяхъ оратора, отвращаю отъ стихотворства, если только они свободное время могутъ провесть съ удовольствіемъ въ такого рода занятіи и имя свое сдѣлать сколько-нибудь извѣстнымъ. Я по-истинѣ краснорѣчіе все вообще, въ какой бы формѣ оно ни выражалось, считаю дѣломъ священнымъ и почтеннымъ, и не только вашъ котурнъ или громкіе звуки героическаго стихотворенія, но и лириковъ пріятность, и распущенность элегій, горечь ямбовъ и шутки эпиграммъ и какое еще другое видоизмѣненіе имѣетъ краснорѣчіе, я полагаю,—должно стать выше занятія всякимъ другимъ искусствомъ. Но у меня теперь, Матернъ, дѣло съ тобою, такъ какъ ты, между тѣмъ какъ твои дарованія природныя ставятъ тамъ во главѣ такъ сказать краснорѣчія, предпочитаешь принять направленіе ложное и, достигая уже высшаго положенія, останавливаешься на серединѣ дороги. Еслибы ты родился въ Греціи, гдѣ почетно заниматься и искусствами, служащими только наслажденію, и боги дали бы тебѣ крѣпость и силу Никострата *), то не потерпѣлъ бы я, чтобы твои громадныя руки, для борьбы созданныя, слабѣли въ ничтожномъ занятіи бросанія дротика или другой забавѣ въ этомъ родѣ. И теперь я тебя отъ аудиторій и театровъ приглашаю на форумъ, призываю къ дѣламъ и состязаніямъ дѣйствительнымъ. Тѣмъ болѣе, что тебѣ нельзя даже прибѣгнуть къ тому, чѣмъ прыкрываются многіе, будто бы занятіе поэзіею менѣе можетъ доставить непріятностей, чѣмъ занятіе ораторскимъ искусствомъ. Безполезно пропадаетъ (выдыхается, испаряется) сила твоихъ прекраснѣйшихъ дарованій, а между тѣмъ неудовольствія навлекаешь ты не за пріятеля какого-либо, но за Катона. Да и оно

*) Никостратъ —современникъ лицъ, выведенныхъ здѣсь въ разговорѣ, знаменитый борецъ, увѣнчанный въ Олимпіи.

не находитъ себѣ оправданія въ необходимости исполненія обязанности и не въ вѣрности твоему званію защитника, и не въ порывахъ случайно и неожиданно (въ потокахъ рѣчи) вырвавшагося выраженія, а ты какъ бы обдуманно выбираешь личность замѣтную и словамъ ея придаешь значеніе. Я понимаю, что можно было бы отвѣчать на это: это-то именно и условливаетъ громадный успѣхъ, это-то и заслуживаетъ въ аудиторіяхъ особенное одобреніе и затѣмъ дѣлается предметомъ общихъ толковъ; а потому возьми назадъ твою ссылку на мнимыя спокойствіе и безопасность, если только возьмешься за противника болѣе сильнаго. А намъ достаточно являться дѣятелями въ частныхъ и свойственныхъ нашему вѣку спорахъ (состязаніяхъ), и если, высказываясь тутъ, и бываемъ мы иногда поставлены въ необходимость—за друга въ опасности оскорбить слухъ людей сильныхъ, то во всякомъ случаѣ мы доказываемъ на опытѣ вѣрность нашу дружбѣ, и вольность выраженій находитъ себѣ оправданіе».

11. Когда Аперъ высказалъ это съ большею, чѣмъ въ его обычаѣ было, рѣзкостью и съ суровымъ выраженіемъ лица, то Матернъ снисходительно и съ улыбкою сказалъ: «готовился было я не менѣе продолжительно обвинять ораторовъ, какъ Аперъ хвалилъ. Я полагалъ, что онъ, уклонясь отъ похвалы ихъ, будетъ стараться унижать поэтовъ и топтать въ грязь занятіе стихотворствомъ; но онъ довольно искусно смягчилъ, дозволивъ тѣмъ, которые не въ состояніи были бы заниматься дѣлами, сочинять стихи. Что же касается до меня, то хотя бы я можетъ-быть и имѣлъ бы силы произвести что-либо и выказаться, а все же рѣшился поискать славы въ чтеніи трагедій. И если я въ Неронѣ сломилъ зло намѣренное, посягнувшее даже на поруганіе всѣхъ научныхъ занятій, и могущественное вліяніе Ватинія *), то и въ настоящее время всѣмъ, сколько я заслужилъ почета и извѣстности, обязанъ болѣе славѣ стихотвореній, чѣмъ рѣчей. Уже я рѣшился отстранить себя отъ дѣятельности на форумѣ; не прельщаютъ меня длинныя вереницы провожающихъ, ни выходы ихъ, ни множество являющихся къ нимъ на поклонъ,—настолько же, насколько статуи и портреты, которые и безъ моего желанія ворвались ко мнѣ въ домъ. До сихъ

*) Ватинія подробно описываетъ Тацитъ (Лѣтоп. XV, 34), изображая его человѣкомъ зла и сотоварищемъ Тигеллина, котораго онъ даже опередилъ дурно нажитыми богатствами. О приводимомъ въ текстѣ обстоятельствѣ нѣтъ никакихъ извѣстій, которыя могли бы его разъяснить.

поръ мое положеніе и безопасность находятъ болѣе защиты въ моей невинности, чѣмъ въ краснорѣчіи, и я не опасаюсь, что мнѣ въ сенатѣ придется говорить когда-либо иначе, какъ въ защиту другаго.

12. А тѣ рощи, лѣса и уединеніе, о которыхъ такъ дурно отзывается Аперъ, приносятъ мнѣ такое наслажденіе, что въ нихъ-то именно и вижу я одно изъ лучшихъ преимуществъ занятія стихотворствомъ. Оно имѣетъ мѣсто не въ шумѣ толпы, не такъ, что у дверей дожидается тебя жалобщикъ, не среди печальной обстановки и слезъ подсудимыхъ; но духъ удаляется въ мѣста чистыя и невинныя, наслаждается священною мѣстностью. Тутъ-то зарождается краснорѣчіе, тутъ его сокровенная колыбель; въ этомъ первоначальномъ видѣ и образѣ оно, на пользу смертныхъ, проникло въ ихъ еще дѣвственныя и ничѣмъ порочнымъ не запятнанныя сердца. Таковъ былъ голосъ оракуловъ. А этого нашего выгоднаго и кровожаднаго краснорѣчія практическое примѣненіе недавне и условлено упадкомъ нравственности; оно, по справедливому твоему, Аперъ, выраженію, придумано вмѣсто оружія. Вѣдь тотъ счастливый и, выражаясь по нашему обычаю, золотой вѣкъ былъ бѣденъ ораторами и уголовными дѣлами, а обиловалъ поэтами и прорицателями; они воспѣвали великіе подвиги, а не защищали злодѣйства. Никому не было ни большой славы, ни большаго почета, во-первыхъ у боговъ,—такъ какъ было общее убѣжденіе, что они передавали ихъ отвѣты и присутствовали при пиршествахъ,—а потомъ у тѣхъ священныхъ и отъ боговъ рожденныхъ царей, и въ средѣ ихъ не увидимъ никого изъ дѣльцевъ (адвокатомъ), но Орфея и Лина и, если ты захочешь бросить взглядъ въ болѣе глубокую древность, самого Аполлона. Но если тебѣ можетъ-быть покажется все это слишкомъ баснословнымъ и придуманнымъ, то въ томъ конечно уступишь ты мнѣ, Аперъ, что у потомства не менѣе чести Гомеру, какъ и Демосѳену, и что слава Еврипида или Софокла имѣетъ размѣры не менѣе славы Лизія или Гиперида. И въ настоящемъ найдешь ты людей, которые стараются унизить славу Цицерона болѣе, чѣмъ Виргилія. И ни одно сочиненіе Азинія или Мессалы не пользуется такою извѣстностью, какъ Медея Овидія или Варія Тіестъ.

13. Да и самую внѣшнюю обстановку поэтовъ и ихъ счастливый домашній бытъ не устрашусь сравнить съ безпокойною и тоскливою жизнью ораторовъ. Пусть ихъ бурная и опасная дѣятельность и возводитъ до консульства, но я предпочитаю безопасный и уеди-

ненный пріютъ Виргилія, находясь въ которомъ онъ впрочемъ не лишенъ былъ ни милостей божественнаго Августа, ни извѣстности у народа Римскаго. Объ этомъ свидѣтельствуютъ письма Августа, свидѣтельствуетъ самый народъ, а онъ, выслушавъ въ театрѣ стихи Виргилія, всталъ весь и случайно находившагося въ числѣ зрителей поэта привѣтствовалъ такъ, какъ бы самого Августа. Да и въ наши времена Секундъ Помпоній не уступилъ бы Афру Домицію ни достоинствомъ образа жизни, ни прочностью доброй славы. Дѣйствительно, Криспъ и Марцеллъ, подражать дѣятельности которыхъ ты меня учишь, что представляютъ въ судьбѣ своей завиднаго? Не то ли, что сами живутъ среди опасеній? Или то, что внушаютъ ихъ другимъ? Не то ли, что, осаждаемые ежедневно просьбами, навлекаютъ на себя негодованіе даже тѣхъ, для кого трудятся? Или то, что, будучи связаны необходимостью льстить, они и властвующимъ никогда не кажутся достаточно рабами, ни намъ, насколько слѣдуетъ, свободными? Ну гдѣ же тутъ то хваленое всемогущество ораторовъ? Настолько силы и значенія имѣютъ и отпущенники. А меня *нѣжныя*, по выраженію Виргилія, музы пусть ведутъ въ тѣ священныя рощи, къ тѣмъ священнымъ источникамъ,— чуждаго заботъ и тревогъ и необходимости ежедневно дѣлать что-нибудь противъ своего нравственнаго убѣжденія. Не буду я дышать нездоровымъ воздухомъ форума, ни ходить по его скользкой почвѣ, ни съ трепетомъ дожидаться приговора непостоянной толпы. Не будетъ меня пробуждать говоръ пришедшихъ ко мнѣ на поклонъ, ни прибѣжавшій запыхавшись отпущенникъ. Не буду я, не увѣренный въ будущемъ, писать завѣщаніе, какъ залогъ моей безопасности; состояніе мое не будетъ больше того размѣра, въ какомъ могу я его, когда наконецъ придетъ мой, судьбою назначенный, послѣдній день,—оставить кому я захочу. Скроютъ меня въ могилу не грустнаго и суроваго, но веселаго и увѣнчаннаго, и память моя никому не подастъ повода ни тревожиться, ни просить».

14. Только-что окончилъ Матернъ говорить, взволнованный и какъ бы вдохновенный, какъ Випстанъ Мессала *) вошелъ въ его опочивальню. Видя серьезныя и внимательныя лица всѣхъ онъ догадался, что между ними шла рѣчь о важныхъ предметахъ.— «Можетъ-быть я, сказалъ онъ, прешелъ не во-время, можетъ-

*) Випстанъ Мессала—знаменитый ораторъ. Тацитъ, въ Истор. Зап. кн. III, 9 и 10, упоминаетъ о немъ какъ объ отличномъ полководцѣ. Въ Истор. IV, 42, онъ съ похвалою отзывается о защитѣ имъ брата своего Аквилія Регула.

быть у васъ тайное совѣщаніе, и вы обдумываете какое-либо важное дѣло»?— «Вовсе, вовсе нѣтъ, отвѣтилъ Секундъ; я даже желалъ, чтобы ты пришелъ ранѣе. Доставили бы тебѣ удовольствіе и тщательно обработанная рѣчь Апра, которою онъ убѣждалъ Матерна—всю свою умственную дѣятельность и занятіе обратить на судебныя дѣла, и восторженная рѣчь Матерна за его поэтическія произведенія,—рѣчь, какъ и надлежало при защитѣ поэтовъ, смѣлая и болѣе похожая на произведеніе поэта, чѣмъ оратора».— На это Мессала сказалъ: «по-истинѣ, и эта бесѣда принесла бы мнѣ безконечное удовольствіе, и то мнѣ въ высшей степени нравится, что вы, люди лучшіе и временъ нашихъ ораторы, упражняете умы ваши не въ публичной только (на форумѣ) дѣятельности и искусствѣ декламаторскомъ, но присоединяете и состязанія (споры) такого рода, которыя даютъ пищу уму и служатъ самымъ пріятнѣйшимъ примѣненіемъ учености и литературы не только для васъ, участвующимъ непосредственно въ этомъ диспутѣ, но и для тѣхъ, которымъ придется это слышать. А потому,—и Геркулесъ мнѣ въ томъ свидѣтель,—я настолько же нахожу достойнымъ одобренія въ тебѣ, Секундъ, то, что, сочинивъ жизнеописаніе Юлія Азіатика, ты подалъ согражданамъ надежду, что напишешь много такихъ книгъ, насколько въ Апрѣ то, что онъ еще не оставилъ схоластическихъ преній и предпочитаетъ свободное время употреблять (проводить) болѣе по обычаю риторовъ, чѣмъ древнихъ ораторовъ».

15. На это возразилъ Аперъ: «не перестаешь ты, Мессала, питать удивленіе только къ старому и древнему, а современныя наши стремленія, занятія, дѣлать предметомъ посмѣянія и презрѣнія. Не разъ уже слышалъ я такія твои рѣчи, и ты, забывъ о собственномъ образѣ твоего краснорѣчія, утверждаешь, будто въ наше время ни одного уже нѣтъ оратора, и это, какъ я полагаю, дѣлаешь ты тѣмъ съ большею смѣлостью, что не опасаешься быть заподозрѣннымъ въ злорадствѣ (недоброжелательствѣ), такъ какъ ты самъ себѣ отказываешь въ той славѣ, которую другіе признаютъ за тобою». На это отвѣчалъ Мессала: «и въ такихъ словахъ моихъ нисколько я не раскаиваюсь и полагаю, что одинаково со мною думаютъ и Секундъ, и Матернъ, да и ты самъ, Аперъ, хотя ты иногда и стараешься увѣрить въ противномъ. Хотѣлъ бы я добиться отъ когонибудь изъ васъ—разслѣдовать и высказать причины этой безконечной разницы, которыя я и самъ по себѣ стараюсь разыскивать тщательно. И то, что для нѣкоторыхъ служитъ утѣшеніемъ, для меня

только усложняетъ вопросъ, когда я вижу, что и Грековъ постигла та же участь и что дальше отстоитъ отъ Эсхина и Демосѳена тотъ жрецъ Ницетасъ или иной кто-либо изъ тѣхъ, которые наполняютъ Митилену или Ефесъ криками схоластическихъ преній, чѣмъ Аферъ, Африканъ, или вы сами удалились отъ Цицерона или Азинія».

16. Тутъ Секундъ сказалъ: «Мессала, ты поднялъ вопросъ очень важный и достойный быть обсужденнымъ; но кто же въ состояніи и разрѣшить его вѣрнѣе, какъ не ты, который съ величайшею ученостію и прекраснѣйшими умственными дарованіями соединяешь и тщательное занятіе предметомъ и обдуманность»?—Мессала отвѣчалъ на это: «я вамъ сообщу мои объ этомъ предметѣ мысли, если отъ васъ получу завѣреніе, что и вы будете мнѣ помогать въ нашемъ общемъ изслѣдованіи».—«За двухъ, сказалъ Матернъ, я обѣщаю. И я, и Секундъ примемъ на себя ту долю участія въ этой бесѣдѣ, какую, по нашему разумѣнію, ты не то что опустишь, но скорѣе намъ предоставишь. А что Апру въ привычку не соглашаться, это ты не задолго передъ этимъ высказалъ, да и онъ самъ достаточно обнаруживаетъ, что уже давно собирается защищать мнѣніе противуположное и не можетъ равнодушно вынесть это наше, въ защиту и похвалу древнихъ, единодушіе». Но это Аперъ сказалъ: «не допущу я, чтобы вы, какъ бы составивъ между собою заговоръ, предали осужденію вѣкъ нашъ не выслушаннымъ и беззащитнымъ. Но прежде всего спрошу васъ: кого называете вы древними и этимъ именемъ какой обозначаете вы вѣкъ ораторовъ? Что до меня касается, то когда я слышу о древнихъ, то я понимаю, что дѣло идетъ о людяхъ, которые родились и жили давно, очень давно. Мнѣ тогда представляются Улиссъ и Несторъ, жизнь и дѣятельность которыхъ предшествовали тысячью тремя стами годами нашему вѣку. А вы приводите Демосѳена и Гиперида, а тѣ, какъ всѣмъ извѣстно, жили во времена Филиппа и Александра,—впрочемъ пережили и того и другаго; а изъ этого явствуетъ, что промежутокъ не много болѣе 400 лѣтъ отдѣляетъ наше время отъ Демосѳенова. И такой періодъ времени если можетъ-быть и покажется продолжительнымъ, принимая въ соображеніе слабость тѣлъ нашихъ, но въ ряду вѣковъ и соображая съ безпредѣльностью общаго теченія времени—онъ куда какъ коротокъ и къ намъ близокъ. Если, какъ Цицеронъ пишетъ въ Гортензіѣ, только тотъ годъ великій и настоящій, въ которомъ положеніе неба и созвѣздій, какое есть самое возвышенное, вновь повторяется и этотъ годъ заключаетъ тѣхъ годовъ, что обыкновенно у насъ слывутъ такими, двѣнад-

цать тысячъ девятьсотъ пятьдесятъ четыре,—то оказывается, что Демосѳенъ вашъ, котораго вы называете стариннымъ и древнимъ, жилъ не только въ одномъ и томъ же съ нами году, но даже въ одномъ мѣсяцѣ.

17. Но перехожу къ Латинскимъ ораторомъ и въ числѣ ихъ не Мененія, какъ я думаю, Агриппу, который и въ самомъ дѣлѣ можетъ показаться древнимъ, имѣете вы обычай предпочитать краснорѣчивымъ ораторамъ нашего времени, но Цицерона, и Цезаря, и Цэлія, и Кальва, и Брута, и Азинія, и Массалу, а почему вы ихъ относите лучше ко временамъ древнимъ, чѣмъ нашимъ,—не понимаю. Дѣйствительно, скажемъ о самомъ Цицеронѣ. Онъ, какъ пишетъ отпущенникъ его Тиро, умерщвленъ въ консульство Гирція и Панзы, въ седьмой день идъ Декабрскихъ, въ томъ году, когда божественный Августъ замѣстилъ консуловъ Панзу и Гирція собою и К. Педіемъ. Поставь за тѣмъ пятьдесятъ шесть лѣтъ, въ продолженіе которыхъ послѣ того божественный Августъ управлялъ дѣлами общественными; прибавь двадцать три года правленія Тиберія, почти четырехлѣтіе Каія и два раза по четырнадцати лѣтъ правленія Клавдія и Нерона; далѣе Гальбы, Оттона и Вителлія по одному году и вотъ уже шестой съ тѣхъ поръ, какъ утвердилось это счастливое государствованіе, которымъ Веспасіанъ нѣжитъ (балуетъ) общественное дѣло,—и всего получимъ сто двадцать лѣтъ отъ гибели Цицерона до нынѣшняго дня, а это—періодъ жизни одного человѣка. Я самъ въ Британніи видѣлъ старика, который признавался, что присутствовалъ при томъ сраженіи, въ которомъ Британцы покушались Цезаря, дѣлавшаго къ нимъ вторженіе съ оружіемъ въ рукахъ, отбить отъ берега и прогнать. Такимъ образомъ, еслибы этого человѣка, который вооруженный оказалъ сопротивленіе К. Цезарю, или плѣнъ, или добрая воля, или, наконецъ, случай какой-либо привели въ городъ Римъ, то онъ могъ бы слышать и самого Цезаря и Цицерона, и присутствовать при томъ, что мы теперь дѣлаемъ. Да и во время недавняго пожалованія войскамъ (отъ Веспасіана) видѣли вы сами очень многихъ стариковъ, которые разсказывали, что иные изъ нихъ одинъ разъ, а другіе и два получили денежный подарокъ отъ самого божественнаго Августа; а изъ этого можно сдѣлать заключеніе, что они имѣли возможность слышать и Корвина и Азинія, такъ какъ Корвина дѣятельность простирается до середины государствованія Августа, а Азинія—даже почти до конца. Не дѣлите же вѣкъ и не зовите (старыми) древними и новыми ораторами тѣхъ, которыхъ могъ бы

слухъ однихъ и тѣхъ же людей признать и какъ бы соединить и связать вмѣстѣ *).

18. Это предпослалъ я для того, чтобы показать, что если изъ славы и извѣстности этихъ ораторовъ снискивается похвала и ихъ времени, то она, такъ сказать, въ общемъ распоряженіи ближе къ намъ, чѣмъ къ Сервію Гальбѣ, К. Карбону и другимъ, которыхъ мы по справедливости называемъ древними. Дѣйствительно, они какіе-то лохматые, неотесанные, грубые и безобразные, и я отъ души желалъ бы, чтобы ихъ ни въ чемъ за образецъ не брали ни Кальвъ, ни Цэлій, ни самъ Цицеронъ. Теперь стану я дѣйствовать тверже и смѣлѣе, если я предпошлю то, что съ теченіемъ времени измѣняются формы и различные роды выраженія. Такъ въ сравненіи съ старикомъ Катономъ К. Гракхъ и полнѣе, и плодовитѣе; болѣе отдѣлки и украшеній слога у Красса, чѣмъ у Гракха, а въ Цицеронѣ—ихъ обоихъ и основательнѣе, и остроумнѣе, и глубже. Корвинъ мягче и пріятнѣе Цицерона и выраженія его обработаннѣе. Я не задаю вопроса, кто изъ нихъ краснорѣчивѣе; съ меня достаточно пока и того, что я доказалъ, что краснорѣчіе представляетъ не одну физіономію, но что и у тѣхъ, которыхъ вы древними именуете, можно замѣтить весьма разнообразныя формы изложенія. И не сейчасъ же хуже то, что не одинаково. Ужь въ этомъ виновато природное злорадство человѣка, что старое всегда въ почетѣ, а настоящее (то, что есть)—въ пренебреженіи. Можно ли усомниться въ томъ, что находились и такіе, которые удивлялись болѣе Аппію Цэку, чѣмъ Катону? Достаточно извѣстно, что и у Цицерона не было недостатка въ порицателяхъ и что имъ онъ казался напыщеннымъ и надутымъ, не довольно сжатымъ, но через мѣру вдававшимся въ многословіе и подробности и вообще не довольно аттическимъ. Конечно, вы читали письма Кальва и Брута къ Цицерону; изъ нихъ легко замѣтить, что Кальвъ казался Ци-

*) Мененій Агриппа. Это тотъ самый, который, по разсказу Тита Ливія (II, 32), плебеямъ, удалившимся на Священную гору, разсказалъ басню о возстаніи членовъ человѣческаго тѣла противъ безполезнаго, по ихъ мнѣнію, желудка и побудилъ плебеевъ воротиться въ Римъ и помириться съ патриціями, причемъ они выхлопотали себѣ защитниковъ своихъ правъ въ трибунахъ народныхъ. О Цезарѣ Тацитъ (Лѣтоп. XIII, 3) говоритъ, что онъ стоялъ наряду съ первыми ораторами (summis oratoribus aemulus). — М. Цэлій Руфъ—другъ Цицерона, и о немъ мы знаемъ изъ его писемъ, а Лициній Кальвъ—противникъ Цицерона. Цицеронъ убитъ въ концѣ 43 года передъ Р. Хр.—Пожалованіе войскамъ, или раздача пищи и денегъ отъ Веспасіана, во имя сына его Тита, случилось въ 73 году по Р. Хр.

церону безжизненнымъ, а Брутъ пустословнымъ и чуждымъ логической связи мыслей. Да и о Цицеронѣ Кальвъ былъ понятія нехорошаго, какъ о слабомъ и лишенномъ силы (ораторѣ). А Брутъ,—и при этомъ употреблю его собственныя выраженія,—называлъ Цицерона исколѣченнымъ и охромѣвшимъ. Если ты спросишь меня о моемъ мнѣніи, то я скажу, что они всѣ правду говорили; но я не замедлю перейдти къ каждому отдѣльно, а теперь у меня дѣло съ ними со всѣми вмѣстѣ *).

19. Дѣйствительно, поклонники древности проводятъ обыкновенно рубежъ, разграничивающій древнее краснорѣчіе отъ новаго; относя его къ Кассію Северу, о немъ они утверждаютъ, что онъ первый уклонился отъ древняго и прямаго способа говорить. Я утверждаю, что онъ не по недостаточности умственныхъ дарованій и не по незнанію литературы обратился къ новому способу изложенія, но обдуманно и основательно. Онъ видѣлъ,—о чемъ я только-что передъ этимъ говорилъ,—что, съ измѣненіемъ условій времени и требованій слушателей, необходимо перемѣнить форму и видъ рѣчи. Легко переносилъ прежній тотъ народъ, какъ необразованный и грубый, безконечно-длинныя и сложныя рѣчи. Уже похвалы заслуживало то самое, если кто съумѣлъ употребить цѣлый день излагая свою рѣчь. Въ почетѣ были тогда длинныя подготовительныя вступленія, подробный разсказъ происшествія, начатый издалека, похвальба разнообразными подраздѣленіями, послѣдовательность тысячи доказательствъ и вообще все иное, чему учатъ самыя сухія произведенія Гермагоры и Аполлодора. А если кто, понюхавъ хоть немного философіи, изъ нея вставлялъ въ свою рѣчь какой-нибудь отрывокъ, то его превозносили до небесъ похвалами. И не

---

*) Сервій Гальба Сульпицій былъ консуломъ во 144 г. до Р. Хр. Во время Цицерона отъ него существовали еще три рѣчи.—К. Карбонъ Папирій былъ консуломъ во 120 г. до Р. Хр.—Старый Катонъ—это М. Порцій Катонъ, который по Ливію (34, 40) умеръ 90 л. отъ роду (въ 149 г. до Р. Хр.); отъ него осталось очень много сочиненій и Цицеронъ зналъ 140 рѣчей Катона.—Семпроній Гракхъ, народный трибунъ, убитъ во 121 году до Р. Хр.—Крассъ, тотъ же самый, о которомъ говорится ниже, въ главахъ 26, 34 и 35-ой, умеръ въ томъ же году, что и Гракхъ.—Аппій Цэкъ, тотъ самый, который устоялъ противъ предложеній царя Пирра, дѣланныхъ ему черезъ Цинеаса, жилъ за сто слишкомъ лѣтъ до Катона. Еще во время Цицерона существовала его рѣчь, сказанная имъ въ 280 г. до Р. Хр.—М. Юній Брутъ—поборникъ народоправленія; о немъ въ этой бесѣдѣ не рѣдко упоминается. Въ лѣтописи Тацита (IV, 34) говорится о рѣчахъ Брута къ народу. Изъ всѣхъ здѣсь, въ главахъ 17 и 18, ораторовъ до насъ дошли рѣчи только одного Цицерона, да и тѣ не всѣ.

удивительно: все это было тогда ново и неизвѣстно; изъ числа самихъ ораторовъ весьма немногіе знакомы были съ наставленіями риторовъ и правилами философіи. Но теперь, когда все это сдѣлалось общимъ достояніемъ, когда въ толпѣ слушателей найдется врядъ ли одинъ, который хотя поверхностно не былъ бы знакомъ съ началами науки, краснорѣчію нужны новые и болѣе изысканные пути для того, чтобы ораторъ могъ избавить отъ утомленія слушателей, въ особенности когда онъ говоритъ передъ судьями, которые силою и могуществомъ, а не правомъ и законами разслѣдуютъ дѣло, которые сами назначаютъ время, а не принимаютъ его. Они не ждутъ оратора, пока ему будетъ угодно говорить о самомъ дѣлѣ, но часто сами ему дѣлаютъ внушенія и, если онъ пустится въ околичности, они его останавливаютъ и высказываютъ необходимость спѣшить *).

20. Въ настоящее время кто потерпитъ оратора, который начнетъ съ того, что станетъ говорить о собственномъ здоровьи? А таковы почти всѣ вступленія Корвина. Кто будетъ имѣть терпѣніе дождаться конца пяти книгъ противъ Верреса? Кто согласится, теряясь въ риторическихъ подробностяхъ, терпѣливо прочесть тѣ громадные свертки, которые существуютъ за М. Туллію и А. Цецину? А въ нынѣшнее время судья идетъ впередъ говорящаго, и если только его не заманиваетъ и не увлекаетъ плавное изложеніе доказательствъ, разнообразіе мыслей, прелесть и обработанность описаній, то онъ отвращается отъ говорящаго. Да и толпа присутствующихъ, слушатели случайно пришедшіе и праздношатающіеся привыкли уже требовать веселаго и пріятнаго изложенія. И столь же мало могутъ они вынести въ судебныхъ дѣлахъ скучныя и непривлекательныя формы древности, какъ и того, еслибы кто теперь на сценѣ захотѣлъ бы подражать движеніямъ Росція или Турпіона Амбивія. Уже и самые молодые люди, положенные такъ сказать подъ самымъ молотомъ ученія, посѣщающіе ораторовъ съ цѣлью для себя просьбы, желаютъ не только слышать, но и домой принесть что-либо замѣчательное и достойное быть сохраненнымъ въ памяти. Передаютъ другъ другу и нерѣдко пишутъ въ свои родныя колоніи и провинціи, если кто-либо выразитъ новую мысль

*) Кассій Северъ въ 8 году по Р. Хр. сосланъ Августомъ на островъ Критъ, потомъ переведенъ былъ на островъ Серифъ, гдѣ и умеръ въ 33 году по Р. Хр. Поводомъ къ изгнанію было то, что онъ сочинялъ пасквили противъ знатныхъ Римлянъ и Римлянокъ (Тацитъ, лѣтоп. I, 72).—Гермагоръ и Аполлодоръ —Греческіе учители краснорѣчія при Августѣ. Сочиненія ихъ не дошли до насъ; сохранились только заглавія сочиненій перваго.

сжато и умно, или если какое мѣсто рѣчи отличится изысканнымъ и поэтическимъ блескомъ. Теперь отъ оратора требуютъ поэтическихъ красотъ—не тѣхъ грубыхъ Аттія и Пакувія, но заимствованныхъ изъ святилища Горація, Виргилія и Лукана. Вслѣдствіе этихъ-то требованій слушателей и судей, рѣчи современныхъ намъ ораторовъ и красивѣе, и украшеннѣе. И рѣчи наши не менѣе впечатлѣнія производятъ тѣмъ, что, достигая до слуха произносящихъ судъ, приносятъ наслажденіе. Неужели ты сдѣлаешь заключеніе, что храмы нашего времени не такъ прочны вслѣдствіе того, что они воздвигаются не на грубой известкѣ и изъ безобразныхъ черепицъ, но блестятъ мраморомъ и золотою отдѣлкою?

21. А что касается до меня, то я вамъ напрямикъ признаюсь, что я относительно нѣкоторыхъ изъ древнихъ съ трудомъ могу удержаться отъ смѣха, а относительно другихъ—отъ позыва ко сну, и изъ огромнаго числа назову не одного Кануція или Арнія, или Фурнія и другихъ подобныхъ, которые въ этомъ пріютѣ страждущихъ (больныхъ) обнаруживаютъ свою худобу и выказываютъ кости. Даже самъ Кальвъ, хотя и оставилъ, какъ я полагаю, 120 книгъ своего сочиненія, съ трудомъ удовлетворяетъ меня одною или двумя изъ своихъ рѣчей. Я вижу, что такое мое мнѣніе подтверждаютъ и другіе, кто прочелъ когда-либо рѣчи Кальва противъ Азинія или Друза. Но внѣ всякаго сомнѣнія, что въ рукахъ людей, занимающихся этимъ предметомъ, постоянно обращаются обвиненія, которыя имѣютъ заголовокъ *противъ Ватинія*, и въ особенности изъ нихъ вторая рѣчь. Она обильна прекрасными и мыслями, и выраженіями, и приспособлена къ слуху судей. И изъ этого можно видѣть, что и самъ Кальвъ понималъ лучшее и что въ немъ не доставало ни желанія выразиться поизысканнѣе и получше, ни дарованія и силъ. Далѣе, что сказать о Цэліевыхъ рѣчахъ?— Эти, конечно, нравятся, и если не вполнѣ (не всѣ), то части ихъ, въ которыхъ признаемъ блескъ и возвышенность тѣхъ временъ; а неприличныя выраженія, отсутствіе связи между частями и необработанныя мысли (собственно—ощущенія) отзываются древностью, и не полагаю, чтобы нашелся такой слѣпой обожатель древности, который сталъ бы превозносить въ Цэліѣ именно то, что въ немъ есть стариннаго. Сдѣлаемъ, разумѣется, снисхожденіе К. Цезарю, что онъ, при своихъ обширныхъ планахъ и занятіяхъ дѣлами, относительно краснорѣчія сдѣлалъ меньше, чѣмъ требовалъ того божественный (возвышенный) его умъ. Въ томъ, что Цезарь въ рѣчахъ ниже своей славы, соглашаются даже его самые усердные

поклонники. И дѣйствительно, врядъ ли кто читаетъ сочиненія Цезаря за Деція Самнита, Брута за царя Деіотара и другія произведенія столь же растянутыя и безцвѣтныя, кромѣ развѣ тѣхъ, для которыхъ и стихотворенія этихъ же лицъ служатъ предметомъ удивленія. А они писали и стихи и внесли ихъ въ библіотеки, не лучше Цицерона, но съ бо́льшимъ чѣмъ онъ счастіемъ, такъ какъ о нихъ знаютъ гораздо меньше. Да и Азиній, хотя родился во время гораздо болѣе близкое къ намъ, повидимому, занимался между Мененіевъ и Аппіевъ. Не только въ трагедіяхъ, но даже и въ рѣчахъ служитъ онъ отголоскомъ Пакувія и Аттія,—до того онъ жестокъ и сухъ. А относительно рѣчи вѣрно то же, что относительно тѣла человѣка: только то и красиво, гдѣ не выдаются жилы и кости можно перечесть, но умѣренная и здоровая кровь наполняетъ члены, придаетъ имъ свѣжесть и самыя жилы прикрыты цвѣтомъ здоровья, пріятнымъ и для глазъ. Не хочу преслѣдовать Корвина, такъ какъ не отъ него зависѣло выразить живость и красивыя формы, намъ современныя; достаточно сообразить, насколько его сужденію соотвѣтствовали силы духа или ума *).

22. Перехожу къ Цицерону, у котораго была такая же борьба съ современниками, какая у меня съ вами. Для тѣхъ предметомъ удивленія служили древніе, а Цицеронъ ставилъ выше ему современное краснорѣчіе и ни въ чемъ не опережаетъ онъ столько ораторовъ того же вѣка, сколько разсудительностью. Онъ первый занялся обработкою рѣчи, первый примѣнилъ къ дѣлу и выборъ словъ, и искусство творчества; онъ первый попытался пустить въ ходъ болѣе веселыя (пріятныя) выраженія и блеснулъ новостью нѣкоторыхъ мыслей. Въ особенности замѣтно это въ тѣхъ рѣчахъ, которыя сочинилъ онъ подъ старость и къ концу жизни, то-есть когда онъ болѣе развился, когда долговременная опытность и примѣры научили его, какой способъ изложенія самый лучшій. А прежнія его рѣчи не чужды недостатковъ свойственныхъ періоду древности: медленно приступаетъ онъ къ дѣлу, излагаетъ обстоятельства его слишкомъ длинно и многословно, вдается въ излишнія и безполезныя отступленія, съ трудомъ доступенъ чувству, очень рѣдко воспламеняется и только немногія мысли выражаетъ удачно, ясно и опредѣлительно. Ничѣмъ нельзя тутъ воспользоваться, не-

*) Кануцій—ораторъ современный Цицерону.—Аттій—не извѣстенъ.—Фурній упоминается въ письмахъ Цицерона какъ опытный повѣренный. Тораній—не извѣстенъ. Текстъ въ этомъ мѣстѣ нѣсколько испорченъ.

чего вынести, и какъ въ неотдѣланномъ строеніи хотя стѣны крѣпки и прочны, но недостаточно выполированы и блестятъ. А я желаю, чтобы ораторъ, какъ богатый и щедрый отецъ семейства, жилъ бы подъ кровлею, которая не только бы защищала его отъ вѣтра и дождя, но на которой зрѣніе и глаза останавливались бы съ удовольствіемъ; чтобы домъ его былъ не только снабженъ утварью достаточною для. необходимыхъ потребностей, но и украшенъ золотомъ и дорогими камнями, такъ чтобы вещи не разъ можно было бы брать въ руки и смотрѣть на нихъ съ удовольствіемъ. Напротивъ, пусть вовсе устранены будутъ предметы уже стертые и имѣющіе дурной запахъ. Пусть не будетъ ни одного слова какъ бы покрытаго ржавчиною, ни фразъ чуждыхъ одна другой и безсвязныхъ, какія обыкновенно допускаются въ лѣтописяхъ. Пусть ораторъ избѣгаетъ противныхъ и неумѣстныхъ пошлыхъ шутокъ, разнообразитъ свое произведеніе и всѣ отдѣльныя предложенія не заканчиваетъ однимъ и тѣмъ же образомъ.

23. Не желаю я тѣшиться насмѣшками надъ (такими выраженіями Цицерона, какъ): колесо счастія, Верресово правосудіе, оно же похлебка изъ свинины, и словами, которыя повторяются едва ли не во всякомъ третьемъ періодѣ во всѣхъ рѣчахъ, вмѣсто заключительнаго вывода: повидимому, такъ кажется (esse videatur). Но и это я привелъ противъ воли и опустилъ гораздо большее, что впрочемъ одно служитъ предметомъ удивленія и подражанія для тѣхъ, которые именуютъ себя древними ораторами. Никого именовать не буду,—достаточно съ меня обозначить родъ людей. Да и вамъ во всякомъ случаѣ не безъизвѣстны люди, которые Луцилія читаютъ вмѣсто Горація и Лукреція вмѣсто Виргилія, которымъ претитъ краснорѣчіе твоего Авфидія Басса или Сервилія Ноніана въ сравненіи съ Сизенною или Варрономъ, которые смотрятъ съ пренебреженіемъ и отвращеніемъ на сборники (сочиненій) нашихъ риторовъ и съ удивленіемъ на сочиненія Кальва. Ихъ, когда они, по обычаю древнихъ, разводятъ басни передъ судьями, и слушатели не удостоиваютъ вниманія, и толпа не слушаетъ; съ трудомъ лишь хватаетъ терпѣнія у повѣреннаго противной стороны. До такой степени чуждые живости и отдѣлки, они самого того, которымъ хвалятся,—здоровья,—достигаютъ не твердостью, но отказывая себѣ въ существенной пищѣ. Даже относительно тѣла врачи не одобряютъ того состоянія здоровья или правильнѣе—лишь отсутствія болѣзни, которое достигается излишнею, тоскливою мнительностью. Мало того, чтобы не быть больнымъ, нужно быть крѣп-

кимъ, веселымъ и бодрымъ. Только болѣзни чуждъ тотъ, въ комъ хвалятъ одно здоровье. А вы, люди самые краснорѣчивые, какъ можете, какъ и дѣлаете, прославьте вѣкъ нашъ прекраснѣйшимъ видомъ краснорѣчія. Дѣйствительно, вижу я, что и ты, Мессала, подражаешь древнимъ въ томъ, что они имѣютъ лучшаго, и вы, Матернъ и Секундъ, до такой степени соединяете съ солидностью (основательностью) мыслей отдѣлку и красоту выраженій, такъ богаты вы изобрѣтательностью, въ такомъ порядкѣ и, если того требуютъ обстоятельства дѣла, съ такою плодовитостью, а гдѣ нужно бываетъ—съ такою сжатостью и краткостью, такимъ изящнымъ слогомъ, съ такою полнотою мыслей, такъ выражаете ощущенія, такъ умѣряете (сдерживаете) вольность, что даже если нашъ приговоръ найдетъ себѣ противудѣйствіе въ зложелательствѣ и зависти, правду о васъ скажутъ наши потомки» *).

24. Когда окончилъ говорить Аперъ, Матернъ сказалъ: «узнаете вы силу и пылкость нашего Апра? Какъ горячо, съ какимъ упор-

*) Прежде всего остановимся на окончательномъ выводѣ этой главы. Дѣйствительно, Аперъ правъ. Потомство произнесло свой судъ; его современныя знаменитости остались извѣстны только по именамъ, и притомъ въ этомъ діалогѣ, а надъ произведеніями ихъ время провело свою щетку,—ничего не осталось, да и жалѣть не о чемъ. Тѣ произведенія ума человѣческаго и въ поэтической формѣ и въ прозѣ остаются вѣчнымъ наслѣдствомъ рода человѣческаго, гдѣ выведены общечеловѣческіе интересы, гдѣ на первомъ планѣ—человѣкъ съ его вѣчными потребностями, страстями и проч. А то, что имѣетъ интересъ минуты, какъ бы ни важно было для современниковъ, для потомства вовсе ничего не стòитъ. Такихъ великихъ людей и у насъ много создано литературными друзьями и партіями. Испорченность вкуса лицъ этого діалога видна изъ того, что Аперъ подсмѣвается надъ тѣми, которые читаютъ Луцилія вмѣсто Горація и Лукреція вмѣсто Виргилія. О Луциліѣ судить не можемъ. Что же касается до Лукреція и Виргилія, то между ними такая же разница, какъ между красивою отъ природы, молодою, отлично сложенною дѣвушкою въ лучшей порѣ молодости, но въ простомъ и не красивомъ уборѣ, и пятидесятилѣтнею матроною, которая цѣлый день и всѣ туалетныя тайны употребляетъ, чтобы лишь показаться не безобразною. Лукрецій—природа, а Виргилій искусство; Лукрецій—поэтъ въ душѣ, безконечно богатъ новыми и оригинальными мыслями, а Виргилій—стихотворецъ или правильнѣе—стихоплетъ. Овидій несравненно выше стоитъ и Виргилія, и даже Горація; въ послѣднемъ гораздо больше отдѣлки, фразёрства, чѣмъ истиннаго поэтическаго дарованія, которое такъ и бьетъ живымъ родникомъ у Овидія.— Ius Verrinum значитъ по-латынѣ и похлебка изъ свинины, и правосудіе Верреса: эта-то двусмыслица и подала поводъ къ потѣхѣ.—Авфидій Бассъ жилъ при Августѣ и Тиберіѣ; Сервилій Ноніанъ былъ консуломъ въ 35 г. по Р. Хр. Оба извѣстны были современникамъ по своимъ историческимъ произведеніямъ, также какъ и Сизенна и Теренцій Варронъ, жившіе ранѣе.

ствомъ защищаетъ онъ нашъ вѣкъ, какъ плодовито и разнообразно осыпалъ онъ бранью древнихъ! Съ какимъ не только умомъ и находчивостью, но даже ученостью и искусствомъ онъ отъ нихъ же (древнихъ) позаимствовался богатымъ матеріаломъ для ихъ же преслѣдованія! Впрочемъ, ты, Мессала, не долженъ измѣнять твоему обѣщанію. Не требуемъ мы защитниковъ древности и никого изъ нашихъ, хотя только-что передъ этимъ мы и удостоились похвалы, не будемъ сравнивать съ тѣми, которыхъ Аперъ счелъ достойными осужденія. Да и самъ онъ вовсе не такъ думаетъ, но, по старинному обычаю и въ другихъ мѣстахъ у вашихъ философовъ часто употребляемому, онъ только взялъ на себя роль противника (въ душѣ ей не сочувствуя). Выскажи намъ не похвалу древнимъ,—достаточно находятъ они ее въ своей славѣ,—но причины, вслѣдствіе которыхъ мы настолько удалились отъ ихъ краснорѣчія, въ особенности принимая въ соображеніе то, что, сводя счетъ времени, видимъ, что отъ гибели Цицерона до сего дня прошло всего сто двадцать лѣтъ».

25. Тогда Мессала сталъ говорить слѣдующее: «послѣдую предписанной тобою, Матернъ, формѣ. И не долго придется возражать Апру, который поднялъ сначала, какъ я полагаю, споръ о словахъ, будто бы мало основанія назвать тѣхъ древними, о которыхъ вполнѣ достовѣрно извѣстно, что они жили за сто лѣтъ до насъ. А я о словахъ спорить не стану: назоветъ ли онъ ихъ древними, или старшими, или инымъ, какимъ ему заблагоразсудится, именемъ, лишь бы признано было, что краснорѣчіе того времени было гораздо замѣчательнѣе нашего. Да и той части рѣчи Апра не буду оспаривать, а даже прямо признаюсь, что въ одномъ и томъ же періодѣ времени существуютъ разнообразныя формы выраженія, а не говоря уже въ вѣкахъ различныхъ. Но подобно тому, какъ въ ряду ораторовъ Аттики первое мѣсто обыкновенно даютъ Демосѳену, а ближайшія по немъ занимаютъ Эсхинъ и Гиперидъ, Лизіасъ и Ликургъ, а всѣ единодушно согласны въ томъ, что этотъ вѣкъ ораторовъ заслуживаетъ преимущественно одобренія, такъ у насъ Цицеронъ конечно прочихъ краснорѣчивыхъ людей ему современныхъ оставляетъ позади (опережаетъ); а Кальвъ, и Азиній, и Цезарь, и Цэлій, и Брутъ, каждый по своему праву, предпочитаются и тѣмъ, которые были раньше ихъ, и тѣмъ, которые послѣ ихъ, и не важно то, что они расходятся въ частностяхъ, имѣя общее родовое сходство: сжатѣе Кальвъ, серьезнѣе Брутъ, энергичнѣе, сильнѣе и плодовитѣе Цицеронъ; но всѣ служатъ выраженіемъ одного и того же здороваго и свѣжаго краснорѣчія, такъ что чье бы ты изъ ихъ сочиненій ни

взялъ въ руки, сейчасъ признаешь, что хотя и при разнообразныхъ умственныхъ дарованіяхъ, но есть какое-то единство и сродство сужденія и воли. Что же касается того, что они старались унизить другъ друга (существуетъ кое-что содержащееся въ ихъ письмахъ, изъ чего можно замѣтить взаимное недоброжелательство), то это порокъ не ораторовъ, а людей. Дѣйствительно, я того убѣжденія, что и Кальвъ, и Азиній, и самъ Цицеронъ имѣли обыкновеніе и завидовать, и соревновать, и не чужды были другихъ недостатковъ, слабости человѣческой свойственныхъ. Полагаю впрочемъ, что изъ числа всѣхъ вышеноименованныхъ Брутъ не изъ зависти или зложелательства, но простодушно и прямо, открылъ свое мнѣніе. Могъ ли Цицерону завидовать тотъ, который, какъ мнѣ кажется, и самому Цезарю не завидовалъ? А что касается Сервія Гальбы и К. Лэлія или кого другаго изъ древнихъ онъ, Аперъ, не будетъ переставать задѣвать, то нѣтъ надобности въ защитникѣ, если я и признаюсь, что кой-чего и недоставало ихъ краснорѣчію, какъ еще только родившемуся и недостаточно окрѣпшему, возмужавшему.

26. Во всякомъ случаѣ, еслибы, оставивъ тотъ лучшій и совершеннѣйшій родъ краснорѣчія, пришлось выбирать форму рѣчи, то я, конечно,—свидѣтельствуюсь въ томъ Геркулесомъ,—предпочелъ бы порывы К. Гракха или зрѣлость Л. Красса изысканности Мецената или погремушкамъ Галліона. Настолько лучше оратору надѣть самую лохматую одежду, чѣмъ блистать роскошными и позорно блестящими одеждами людямъ дурной жизни. По моему мнѣнію, ораторскимъ и назвать даже нельзя то искусство, недостойное и вообще мущины, которымъ большинство дѣятелей нашего времени пользуются такъ, что необузданностью словъ, пустотою содержанія и полнымъ произволомъ изложенія подражаютъ пріемамъ сценическаго искусства. И то, что и слышать даже врядъ ли прилично, считаютъ за славу, похвалу и доказательство ума, а именно будто бы ихъ рѣчи поются и пляшутся. Отсюда-то получило свое начало то отвратительное и неумѣстное, нѣкоторыми впрочемъ часто повторяемое выраженіе, которое имѣетъ тотъ смыслъ, будто бы ораторы наши умѣютъ нѣжно говорить, а балетчики (искусно) краснорѣчиво прыгать. Во всякомъ случаѣ не стану отрицать, что Кассій Северъ,—а его только одного дерзнулъ Аперъ назвать по имени,—если сравнить его съ тѣми, которые были впослѣдствіи, можетъ по справедливости быть названъ ораторомъ, хотя въ большей части сочиненій своихъ имѣетъ болѣе силы, чѣмъ крови. Онъ первый отбросилъ съ пренебреженіемъ послѣдовательное изложеніе сущности

дѣла, пренебрегъ скромностью и стыдливостью словъ и даже съ тѣмъ самимъ оружіемъ, которымъ пользуется, не умѣлъ сладить какъ слѣдуетъ, въ усиліи больнѣе ударить, скорѣе по большей части самъ падаетъ и не борется (состязается), а ссорится, бранится. Во всякомъ случаѣ, какъ я сказалъ, если сравнить его съ тѣми, которые за нимъ послѣдовали, то и разнообразіемъ изученія, и прелестью образованности, и силою самихъ природныхъ безспорныхъ дарованій далеко превосходитъ всѣхъ прочихъ, изъ которыхъ никого наименовать и на бой вывесть Аперъ не рѣшился. А я ожидалъ, что онъ, Аперъ, обвинивъ Азинія, Цэлія и Кальва, выведетъ намъ цѣлый строй и назоветъ намъ еще большее число или по крайней мѣрѣ столько же, изъ которыхъ могли бы мы—одного противупоставить Цицерону, другаго Цезарю и наконецъ каждому порознь—каждаго порознь. Но онъ удовольствовался осыпать порицаніями древнихъ ораторовъ поименно, не дерзнувъ похвалить никого изъ тѣхъ, что были послѣ, иначе, какъ вообще и въ цѣломъ. Я полагаю, что онъ опасался оскорбить многихъ, упомянувъ только о нѣкоторыхъ. Да и дѣйствительно, кто изъ схоластиковъ не тѣшится въ душѣ убѣжденіемъ, что если онъ самъ себя и не ставитъ выше Цицерона, то непосредственно за Габиніаномъ.

27. А я не постыдился бы наименовать ихъ отдѣльно для того, чтобы тѣмъ легче изъ предложенныхъ примѣровъ было бы ясно, какими силами сломлено (подорвано) и уменьшено краснорѣчіе.— «Торопись, сказалъ Матернъ, и лучше исполни обѣщанное. А мы» желаемъ извлечь не то, что древніе краснорѣчивѣе, что въ моемъ мнѣніи есть дѣло доказанное, очевидное и внѣ всякаго сомнѣнія,— но разыскиваемъ причины, которыя, какъ ты не задолго передъ этимъ сказалъ, ты привыкъ обсуждать, будучи совершенно покойнымъ и нисколько не питая раздраженія, къ краснорѣчію нашего времени, прежде чѣмъ оскорбилъ тебя Аперъ, затронувъ (дорогихъ тебѣ) предковъ».—«Нисколько не оскорбленъ я, сказалъ на это Мессала, возраженіемъ нашего Апра. Да и вы не должны оскорбляться, если что-либо случайно кольнетъ (непріятно поразитъ) слухъ вашъ. Вамъ извѣстно, что въ подобнаго рода спорахъ законъ—высказывать сужденіе ума, нисколько не обращая вниманія, будетъ ли оскорблено чувство или нѣтъ».—«Принимайся за дѣло, сказалъ Матернъ, и когда ты станешь говорить о древнихъ, пускай въ ходъ ту же свободу, которой мы измѣнили еще болѣе, чѣмъ краснорѣчію».

28. И Мессала: «ты, Матернъ, отыскиваешь причины не глубоко скрытыя и не безъизвѣстныя ни тебѣ самому, ни Секунду, ни Апру,

хотя вы мнѣ поручили высказать то, что мы всѣ чувствуемъ. Кто не знаетъ, что и краснорѣчіе, и прочія искусства сдѣлались невѣрны той прежней древней славѣ, не потому чтобы людей не было, то-есть чтобы въ нихъ обнаруживался недостатокъ, но вслѣдствіе отсутствія у молодыхъ людей любви къ серьезнымъ занятіямъ, нерадѣнія родителей, невѣжества тѣхъ, которые берутъ на себя званіе преподавателей, и забвенія древняго обычая Всѣ эти бѣды, получивъ свое начало первоначально въ Римѣ, потомъ распространились по Италіи и уже водворяются и въ провинціяхъ, хотя наше (зло) намъ извѣстнѣе. Говорю я о городѣ и тѣхъ нашихъ собственныхъ внутреннихъ, домашнихъ нашихъ недостаткахъ, которые такъ сказать изъ колыбели принимаютъ родившихся и въ каждомъ возрастѣ получаютъ все болѣе и болѣе приращенія. Прежде я въ немногихъ словахъ скажу о строгости и обычаяхъ предковъ относительно воспитанія и образованія дѣтей. Во-первыхъ, ребенокъ каждаго, родясь отъ цѣломудренной матери, воспитывался не въ комнаткѣ наемной кормилицы, но въ объятіяхъ матери и на ея груди. Главная похвала (честь) матери заключалась въ томъ, чтобы смотрѣть за домомъ и заботиться о дѣтяхъ. Выбирали обыкновенно какую-нибудь родственницу не молодыхъ лѣтъ и ея испытанной отличной нравственности ввѣряли потомство цѣлаго семейства. Передъ нею не произносилось слова неприличнаго и невозможно было ничего дѣлать, что имѣло бы видъ нечестнаго. И она, эта родственница, свято, набожно, съ сознаніемъ важности своего назначенія управляла не только занятіями и мыслями дѣтей, но даже ихъ отдыхомъ, забавами и играми. Такъ, извѣстно намъ, Корнелія мать Гракховъ воспитала ихъ, такъ Аврелія мать—Цезаря, а Атія мать—Августа, и сдѣлали изъ нихъ и дѣтей и людей достойныхъ самой высокой судьбы. Строгость и порядокъ такого воспитанія имѣли цѣлью, чтобы природа (свойства каждаго) чистая и неиспорченная, недоступная никакому вліянію или впечатлѣнію зла, со всею жадностью усвоивала только все честное и хорошее, и обратится ли къ дѣлу военному, къ наукѣ права, къ изученію краснорѣчія, отдавалась бы своему занятію вполнѣ, безусловно и всѣми силами.

29. А теперь дитя, какъ только родится, ввѣряется какой-нибудь Греческаго происхожденія служанкѣ; ей придаютъ одного или двухъ рабовъ, взятыхъ на удачу изъ общаго числа ихъ, по большей части худшихъ, не употребляемыхъ ни на какое серьезное дѣло. Ихъ побасенки и вранье первые наполняютъ нѣжные и неопытные умы, и

никто въ цѣломъ домѣ не заботится о томъ, что передъ хозяйскимъ ребенкомъ говорятъ или дѣлаютъ. Да нерѣдко и сами родители не пріучаютъ дѣтей ни къ честности, ни къ скромности, но къ полному своеволію и болтовнѣ, вслѣдствіе чего мало-по-малу вкрадывается безстыдство и пренебреженіе къ своему и чужому. А мнѣ кажется, что самые коренные и свойственные нашему городу недостатки почти зарождаются одновременно съ самими дѣтьми во чревѣ матери,—это любовь къ сценическимъ зрѣлищамъ, страсть къ гладіаторамъ и лошадямъ. Предавшись вполнѣ такимъ занятіямъ и постоянно о нихъ думая, сколько же мѣста оставляетъ умъ для наукъ добра (для честныхъ и добрыхъ занятій)! Войдите въ аудиторіи и послушайте, о чемъ преимущественно, если не исключительно, говорятъ наши молодые люди. Да и сами преподаватели чаще всего о тѣхъ же предметахъ говорятъ съ своими слушателями. Учениковъ пріобрѣтаютъ не строгимъ и добросовѣстнымъ ученіемъ и не доказательствами ума, но заискиваніями, привѣтствіями, ухаживаньемъ и лестью. Не буду подробно говорить о первыхъ началахъ ученія, въ которыхъ очень мало дѣлается полезнаго; недостаточно времени и труда употребляется какъ для знакомства съ писателями, такъ и для изученія древности и для знакомства и съ событіями, и съ людьми, и съ обстоятельствами (условіями) времени.

30. Спѣшу перейдти къ тѣмъ, которыхъ называютъ риторами. Когда ихъ занятіе (ремесло) впервые введено въ этотъ городъ, хотя у нашихъ предковъ никакого значенія не имѣло, о чемъ я сейчасъ и буду говорить, теперь необходимымъ считаю обратить вниманіе на ходъ образованія, которымъ, какъ намъ извѣстно, пользовались тѣ ораторы, которыхъ безконечный трудъ и ежедневная дѣятельность мысли и упражненія ихъ во всякомъ родѣ умственныхъ занятій—явствуютъ изъ ихъ сочиненій. Конечно, извѣстна вамъ книга Цицерона, озаглавленная *Брутъ;* въ концѣ ея (въ началѣ она содержитъ перечисленіе древнихъ ораторовъ) Цицеронъ излагаетъ свои начинанія, постепенное развитіе и какъ бы воспитаніе своего краснорѣчія. Онъ говоритъ, что гражданское право изучилъ у К. Муція, а у Филона академика, у Діодота стоика основательно ознакомился со всѣми частями философіи. Недовольствуясь даже тѣми учителями, которыхъ въ изобиліи представлялъ ему городъ (Римъ), онъ проѣхалъ Ахаію и Азію, чтобы охватить (обнять) все разнообразіе различныхъ наукъ и искусствъ. А потому-то по-истинѣ въ сочиненіяхъ Цицерона на каждомъ шагу замѣчаете вы, что ему не чуждо было знаніе ни геометріи, ни му-

зыки, ни грамматики, ни вообще какой-либо другой благородной науки. Онъ зналъ хорошо и утонченности діалектики, и пользу нравственной части (стороны), и причины вещей и ихъ измѣненія. Итакъ, дѣйствительно, мои добрые друзья, только изъ основательнаго и разнообразнаго изученія, изъ многихъ наукъ и знанія всѣхъ предметовъ исходитъ тотъ обильный ключъ дивнаго краснорѣчія. Притомъ сила оратора и его дѣятельность, не такъ какъ прочихъ предметовъ, ограничивается тѣсными и короткими границами; но ораторъ—тотъ, кто въ состояніи говорить о каждомъ вопросѣ краснорѣчиво, съ пріятностью и убѣжденіемъ, соотвѣтственно достоинству предмета, потребностямъ времени и къ наслаженію слушателей.

31. Вотъ какими побужденіями руководствовались тѣ древніе ораторы. А чтобы достигнуть цѣли, они понимали необходимость—не декламаціею заниматься въ школахъ риторовъ и не тѣмъ, чтобы вымышленными и ни въ какомъ отношеніи не представляющими ничего общаго съ дѣйствительностью состязаніями, служащими только развѣ для упражненія языка и голоса, но голову свою переполнить хотѣли они тѣми познаніями, которыя относятся до борьбы между добромъ и зломъ, честнымъ и позорнымъ, справедливымъ и несправедливымъ. А такова-то именно сущность предмета, о которой приходится говорить оратору. Потому что въ судебныхъ дѣлахъ о справедливости, въ спорахъ о честности—говоримъ такъ, что по большей части все это между собою нѣкоторымъ образомъ перемѣшивается. Объ этихъ предметахъ говорить обильно, разнообразно и изящно никто не будетъ въ состояніи, если не ознакомится хорошо съ натурою (природою) человѣка, съ сущностью добродѣтелей, превратностью пороковъ, и хорошо будетъ разумѣть то, чего нельзя отнести ни къ добродѣтелямъ, ни къ порокамъ. Изъ этихъ-то источниковъ вытекаетъ и то, что легче раздраженіе судьи или вызоветъ, или утишитъ тотъ, кто хорошо знакомъ съ свойствами гнѣва; скорѣе побудитъ къ состраданію тотъ, кто знаетъ, что̀ такое милосердіе и на какія струны человѣческаго сердца дѣйствовать нужно. Ораторъ опытный въ такихъ знаніяхъ и навыкшій хорошо употреблять ихъ, будетъ ли имѣть дѣло съ слушателями враждебно расположенными, съ находящимися ли подъ вліяніемъ сильнаго желанія, или зависти, или печали, или опасеній, вполнѣ будетъ управлять умами ихъ. По мѣрѣ того, чья натура будетъ чего требовать, онъ то и будетъ пускать въ ходъ и такъ настроитъ рѣчь, имѣя весь нужный запасъ и отложивъ его для

пользованія по мѣрѣ надобности. Нѣкоторые болѣе имѣютъ вѣры къ сжатому и сокращенному способу выраженія, гдѣ изъ каждаго порознь заключенія тотчасъ же дѣлается выводъ; на такихъ дѣйствовать приноситъ много пользы діалектикою. Другимъ болѣе нравится изложеніе рѣчи обильное (многословное) и плавное, гдѣ преимущественно основывается все на общихъ выводахъ. Чтобы дѣйствовать на таковыхъ, позаимствуемъ кое-что отъ перипатетиковъ, а тѣ представятъ намъ уже совсѣмъ прилаженныя и ко всякому состязанію готовыя мѣста. Академики дадутъ намъ способность бороться мыслью и словомъ: Платонъ—глубину мыслей, а Ксенофонтъ—красивую ихъ форму. Да и не совсѣмъ не кстати будетъ оратору воспользоваться нѣкоторыми честными возгласами Епикура и Метродора, и притомъ такъ, какъ потребуетъ сущность предмета. Вѣдь приходится намъ не мудреца учить и дѣйствовать не въ общинѣ стоиковъ, а имѣть дѣло съ людьми, которые должны не нѣкоторыя науки исчерпать, но со всѣми хотя понемногу ознакомиться. Вслѣдствіе этого древніе ораторы соединяли и знаніе гражданскаго права, и знаніе грамматики, музыки и геометріи. Конечно, приходится имѣть дѣла, даже и большую часть и почти всѣ, въ которыхъ необходимо знаніе права, а много, очень много такихъ, гдѣ требуется знаніе и другихъ наукъ.

32. И пусть мнѣ никто не отвѣчаетъ: достаточно того, чтобы ко времени выучиться чему-либо простому и однообразному. Во-первыхъ, иначе мы пользуемся собственнымъ и тѣмъ, что въ нашемъ распоряженіи, и очевидно, что большая разница—владѣетъ ли самъ тотъ, кто высказываетъ, или позаимствовалъ. За тѣмъ самое знаніе разнообразныхъ наукъ служитъ намъ честью и въ другихъ родахъ дѣятельности, и тамъ, гдѣ менѣе всего ждалъ бы, блистаетъ и даетъ превосходство. И это понимаетъ не только слушатель ученый и разумный, но и народъ, и тотчасъ же сопровождаетъ такою похвалою, что сознаетъ и основательную его ученость, и то, что онъ прошелъ всѣ степени развитія краснорѣчія, и наконецъ, однимъ словомъ, то, что онъ вполнѣ ораторъ. А я опять-таки утверждаю, что ораторъ иначе и явиться не можетъ и никогда не являлся, какъ только тотъ, который, какъ бы на бой снаряженный всѣмъ оружіемъ, такъ на форумъ выступаетъ, запасшись самыми разнородными свѣдѣніями. А это до такой степени пренебрегается краснобаями нашего времени, что въ ихъ рѣчахъ найдете самыя пошлыя выраженія ежедневной рѣчи, самые позорные и постыдные недостатки. Обнаруживаютъ они незнаніе

законовъ, не помнятъ сенатскихъ рѣшеній, право гражданское сами же подвергаютъ осмѣянію, со страхомъ и робостью смотрятъ на занятіе мудростью и наставленія людей умныхъ и краснорѣчіе сводятъ къ немногимъ общимъ мыслямъ и тѣсному кругу дѣятельности, какъ бы лишивъ ее высокаго положенія (согнавъ ее съ царства). Такъ что это искусство, стоявшее нѣкогда во главѣ другихъ и переполнявшее сердца всѣхъ массою превосходнѣйшихъ свѣдѣній, теперь, ощипанное и оборванное, безъ всякаго убора, безъ почести, выражусь—почти утративъ свое благородство,—преподается теперь въ видѣ самаго опозореннаго ремесла. И въ этомъ-то нахожу я первую и самую главную причину, почему мы такъ много удалились отъ краснорѣчія древнихъ ораторовъ. Если нужно свидѣтелей, то кого же лучше наименую, какъ у Грековъ Демосѳена? А о немъ сохранилось извѣстіе, что онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ слушателей Платона. Да и Цицеронъ въ такихъ, какъ я полагаю, приводитъ выраженіяхъ: «что онъ относительно краснорѣчія сдѣлалъ, то достигъ этого при посредствѣ не риторовъ, но академіи». Есть и другія причины, великія и важныя, которыя справедливость требуетъ, чтобы вы высказали сами, такъ какъ я уже исполнилъ мою обязанность и, согласно моей привычкѣ, оскорбилъ уже достаточно многихъ, и еслибы имъ пришлось случайно меня слышать, то навѣрное знаю, что они скажутъ, что я въ моихъ похвалахъ знанію нравственности и философіи, которое я признаю необходимо-нужнымъ для оратора, вторю моимъ же собственнымъ глупостямъ (безразсуднымъ увлеченіямъ)».

33. Матернъ на это сказалъ: «а мнѣ такъ кажется, что ты взятую на себя обязанность не только не исполнилъ совершенно, но даже лишь началъ и обозначилъ какъ бы только нѣкоторыя основанія и черты. Ты высказалъ, въ чемъ обыкновенно заключалось изученіе у древнихъ ораторовъ, ты обнаружилъ разницу нашего бездѣйствія и незнанія сравнительно съ ихъ усердными и плодотворными занятіями. Жду остальнаго, чтобы, какъ я отъ тебя узналъ, что и они не знали и мы не знаемъ, такъ и ознакомиться съ тѣмъ, какими упражненіями (практическими занятіями) юноши, готовые выступить на дѣятельность общественную (на форумъ), имѣли обычай питать и упрочивать свои умственныя способности. А что краснорѣчіе заключается не въ искусствѣ и наукѣ, но гораздо болѣе въ способности (природномъ дарованіи), того, я думаю, отрицать и ты не станешь, да и присутству-

ющіе выраженіемъ лица это повидимому подтверждаютъ». Затѣмъ, когда и Аперъ и Секундъ съ тѣмъ же согласились, Мессала, какъ бы начавъ съизнова, сталъ говорить слѣдующее: «такъ какъ я, повидимому, достаточно показалъ начала и сѣмена древняго краснорѣчія, высказавъ, въ какихъ искусствахъ древніе ораторы находили себѣ уроки и наставленія, изложу теперь ихъ упражненія (практическую дѣятельность), хотя и въ самомъ искусствѣ уже есть упражненіе и никто не можетъ усвоить столько отвлеченныхъ и столь разнообразныхъ свѣдѣній, если не присоединитъ къ наукѣ размышленіе, а къ размышленію способность, къ способности же присоединится сила краснорѣчія. Вслѣдствіе этого ясно, что одно и то же основаніе и усвоенія того, что будешь высказывать, и высказыванія того, что усвоишь. Но если кому это кажется нѣсколько темнымъ и если кто отдѣляетъ науку отъ практической дѣятельности, то и тотъ навѣрное согласится, что умъ, снабженный и запасшійся этими науками, явится болѣе готовымъ и на практическую дѣятельность, которая составляетъ повидимому главную заботу ораторовъ.

34. Вслѣдствіе этого у предковъ нашихъ тотъ молодой человѣкъ, который готовится къ дѣятельности форума и краснорѣчію, уже получивъ основу хорошаго домашняго воспитанія, сдѣлавъ запасъ полезныхъ знаній, былъ отводимъ отцомъ или родственниками къ тому оратору, который занималъ первенствующее положеніе въ обществѣ. Быть при немъ неотлучно, брать съ него примѣръ, съ жадностью ловить каждое его слово, какъ въ защитѣ дѣлъ судебныхъ, такъ и въ рѣчахъ къ народу—вотъ въ чемъ навыкалъ молодой человѣкъ, и онъ даже обучался принимать участіе въ состязаніяхъ и присутствовать при перебранкахъ и, такъ выражусь, принимать дѣятельное участіе въ словесной борьбѣ. Такимъ образомъ молодые люди разомъ пріобрѣтали много опытности, много твердости и еще болѣе разсудительности. Ученіе ихъ происходило такъ сказать при свѣтѣ дня и такъ сказать среди самихъ опасностей, гдѣ никто безнаказанно не могъ высказать ничего глупаго и неумѣстнаго безъ того, чтобы и судья не отвергъ бы этого съ пренебреженіемъ, и противникъ поставилъ бы въ упрекъ, да и наконецъ сами адвокаты (защитники дѣла) не встрѣтили бы съ презрѣніемъ. Вслѣдствіе этого молодые люди пропитывались истиннымъ и не испорченнымъ краснорѣчіемъ, и хотя они находились при одномъ ораторѣ, но имѣли возможность ознакомиться во многихъ дѣлахъ и сужденіяхъ со всѣми лучшими дѣятелями своего времени. Притомъ въ самомъ народѣ имѣли они толпы самыхъ разнообразныхъ слушателей и та-

кимъ образомъ легко могли примѣчать, что въ комъ они или одобряютъ или нѣтъ. Такимъ образомъ и не было недостатка въ наставникѣ и притомъ лучшемъ и самомъ избранномъ, который показывалъ краснорѣчіе въ его настоящемъ видѣ, а не одинъ лишь его призракъ, да и противники сражались оружіемъ настоящимъ, а не палками. Слушателей было всегда въ избыткѣ, постоянно новыхъ, изъ людей какъ расположенныхъ, такъ и завидующихъ, и ничто ни хорошо, ни дурно сказанное не могло пройдти не замѣченнымъ. Вамъ хорошо извѣстно, что великая и прочная слава краснорѣчія снискивается настолько же на скамьяхъ противниковъ, сколько и на своихъ, да и та слава, которая пріобрѣтается тамъ, имѣетъ тверже основаніе и на нее больше положиться можно (она вѣрнѣе). Такимъ-то образомъ, и при такихъ-то преподавателяхъ тотъ молодой человѣкъ, о которомъ мы говоримъ, ученикъ ораторовъ, слушатель форума, постоянно слѣдившій за судебными приговорами, пріобрѣталъ знанія и опытность черезъ примѣры другихъ. Ежедневно слушая, знакомился онъ съ законами, зналъ хорошо всѣхъ судей, постоянно привыкалъ къ народнымъ собраніямъ, имѣлъ случай часто знакомиться съ привычками и нравомъ слушателей,—принималъ ли онъ на себя роль обвинителя или защитника, но одинъ и безо всякой помощи становился въ уровень какому бы то ни было дѣлу. На девятнадцатомъ году жизни Л. Крассъ—К. Карбона, на двадцать первомъ Цезарь—Долабеллу, на двадцать второмъ Азиній Палліонъ—Катона, немного развѣ постарше Кальвъ—Ватинія преслѣдовали такими рѣчами, которыя мы и теперь читаемъ съ удивленіемъ.

35. А теперь нашихъ молодыхъ людей отводятъ въ театры схоластиковъ, называемыхъ риторами. А что они были уже во времена не задолго до Цицерона и нашимъ предкамъ не нравились, видно изъ того, что при цензорахъ Л. Крассѣ и Домиціѣ получили приказаніе заперетъ свои *школы безстыдныхъ потѣхъ*. Но, какъ я началъ говорить, отводятъ нашихъ молодыхъ людей въ школы, гдѣ—не легко мнѣ рѣшить, что больше вредитъ умственному развитію—самое ли мѣсто, или соученики, или родъ занятій. Самое мѣсто не представляетъ ничего уваженія достойнаго, и туда не входитъ никто, кромѣ совершенно незнакомыхъ съ его сущностью. Въ обществѣ соучениковъ—ничего полезнаго, такъ какъ дѣти среди дѣтей, отроки среди отроковъ, съ равною довѣрчивостью и невниманіемъ къ словамъ и слушаютъ и говорятъ. Самыя практическія занятія (упражненія) по большей части вредны. Два рода

предметовъ имѣютъ обыкновенно ходъ у риторовъ: убѣжденія и споры; изъ нихъ убѣжденія, какъ гораздо болѣе легкій родъ занятій и не требующій обдуманности, поручается дѣтямъ, а споры болѣе возмужавшимъ; но что это за сочиненія и какъ они невѣроятно слагаются. Слѣдуетъ и то, что къ сущности дѣла, отъ дѣйствительности далекой—примѣняется декламація. Такимъ образомъ случается, что слова въ похвалу убійцамъ тиранновъ, изложенія жалобъ изнасилованныхъ, средствъ противъ моровагo повѣтрія, кровосмѣшенія матерей и вообще предметы, о которыхъ ежедневно толкуютъ въ школахъ, на форумѣ или рѣдко, или вовсе никогда не преслѣдуются напыщенными выраженіями, а когда дѣло доходитъ до настоящихъ судей......... обдумать дѣло и не высказать ничего пошлаго и неприличнаго.

36. Сильное краснорѣчіе, какъ пламя, находитъ себѣ пищу въ сущности предметовъ, вызывается побудительными причинами и въ самомъ горѣніи пріобрѣтаетъ новую силу. То же основаніе вызвало и въ нашемъ обществѣ краснорѣчіе древнихъ. И дѣйствительно, если ораторы и нашихъ временъ достигли того, что слѣдуетъ дѣлать при общественномъ порядкѣ устроенномъ, покойномъ и благополучномъ, то во всякомъ случаѣ смуты и неурядицы прежняго времени давали болѣе простора ораторамъ; при общемъ замѣшательствѣ, при отсутствіи одного распорядителя судебъ общества и государства, каждый ораторъ имѣлъ настолько силы и значенія, насколько могъ онъ дѣйствовать на народъ. Вслѣдствіе этого постоянно предлагали они проекты законовъ, стараясь снискать расположеніе народа; отсюда рѣчи должностныхъ, правительственныхъ лицъ, иногда проводившихъ почти цѣлую ночь на рострахъ, отсюда обвиненія могущественныхъ подсудимыхъ и даже вражда объявленная цѣлымъ родамъ, отсюда партія знатныхъ лицъ и постоянная борьба сената съ народомъ. Хотя все это порознь и терзало общественное дѣло, но упражняло краснорѣчіе того времени и повидимому доставляло ему богатое вознагражденіе. Чѣмъ кто вліятельнѣе былъ въ своихъ рѣчахъ, тѣмъ легче достигалъ почестей и тѣмъ болѣе въ самыхъ почестяхъ опережалъ своихъ товарищей; тѣмъ болѣе имѣлъ онъ у сильныхъ лицъ расположенія, болѣе вѣса у сенаторовъ, болѣе извѣстности и значенія у народа. Тогда ораторы брали даже подъ свое покровительство и внѣшніе народы; этимъ ораторамъ откланивались должностныя лица, отправлявшіяся въ провинціи, и по возвращеніи къ нимъ первымъ являлись съ привѣтомъ. Ихъ повидимому сами призывали къ себѣ и претуры, и кон-

сульства. Такія лица, будучи и частными людьми, имѣли огромную силу; они своими мнѣненіями и вліяніемъ управляли и сенатомъ и народомъ, и сами они были вполнѣ того убѣжденія, что безъ краснорѣчія никто не можетъ пріобрѣсть въ государствѣ и обществѣ виднаго и замѣтнаго мѣста. Да и не удивительно, если народъ нерѣдко вызывалъ ихъ противъ воли, когда мало было—въ сенатѣ подать коротенькое мнѣніе, если кто не поддерживалъ его умомъ и краснорѣчіемъ, когда, впавъ въ какое-либо неудовольствіе или обвиненіе, вынуждены были въ собственныхъ средствахъ находить защиту, да и свидѣтельскія показанія въ судебныхъ дѣлахъ давали не заглазно и на письмѣ, но явясь лично. Такимъ образомъ, кромѣ высшихъ наградъ краснорѣчія, нрисоединялась и существенная необходимость, и какъ прекраснымъ и славнымъ считалось слыть краснорѣчивымъ, такъ напротивъ казаться косноязычнымъ и не быстрымъ на словахъ—постыднымъ.

37. Вслѣдствіе этого побужденіе къ краснорѣчію заключалось настолько же въ стыдѣ, насколько и въ наградахъ. Опасались, какъ бы изъ покровителей (защитниковъ) не перейдти въ ряды опекаемыхъ, какъ бы завѣщанныя предками связи (дѣловыя отношенія) не перешли къ другимъ, какъ бы не сочли за людей неспособныхъ и не соотвѣтствующихъ почетнымъ мѣстамъ, и вслѣдстіе этого или ничего не добились бы, или и добившись не могли бы удержаться съ честію. Не знаю, попались ли вамъ въ руки тѣ древнія произведенія, которыя еще остаются въ библіотекахъ любителей древностей и которыя въ особенности собираетъ Муціанъ и уже, какъ я полагаю, они собраны и изданы въ одиннадцати книгахъ актовъ (протоколовъ) и трехъ писемъ. Изъ нихъ можно (понять) уразумѣть, что Кн. Помпей и М. Крассъ отличались не только силами и оружіемъ, но и умственными дарованіями и краснорѣчіемъ; что Лентуллы, Метеллы, Лукуллы и Куріоны и остальное множество знатныхъ лицъ—много на эти изученія потратили и труда и заботъ, и что въ то время никто не достигалъ значительнаго положенія и власти безъ краснорѣчія. Сюда присоединялись важность событій и значительность самихъ дѣлъ, что само по себѣ придаетъ величайшую силу краснорѣчію. И дѣйствительно, большая разница, предстоитъ ли тебѣ говорить о воровствѣ, однихъ формальностяхъ судопроизводства и о наложеніи запрещенія, или о незаконномъ вліяніи на выборы, объ ограбленныхъ союзникахъ и убитыхъ гражданахъ Римскихъ. Хотя и лучше, чтобы подобныя дѣйствія и не случались вовсе, и должно считать далеко превосходнѣйшимъ то

положеніе общества, когда ничему подобному подвергнуться не можемъ, но когда подобныя событія совершаются, они даютъ громадную пищу краснорѣчію. Съ важностью событій растетъ самая сила ума, и никто не можетъ произнести рѣчи блистательной и высокой, развѣ тотъ, кто найдетъ себѣ подобный предметъ для рѣчи. Убѣжденъ я вполнѣ, что Демосѳену славу доставили не тѣ рѣчи, которыя онъ сочинилъ противъ опекуновъ своихъ, да и Цицерона сдѣлали великимъ ораторомъ не защита П. Квинкція или Лицинія Архія, но Катилина, Милонъ, Верресъ и Антоній придали ему такую славу. Изъ этого вовсе не слѣдуетъ, чтобы обществу необходимо было производить и терпѣть дурныхъ гражданъ съ цѣлью доставить ораторамъ богатый матеріалъ для рѣчей; но, какъ я опять повторяю, мы должны имѣть въ виду, о какомъ предметѣ мы говоримъ, а онъ-то и находитъ себѣ и пищу и развитіе во времена смутныя и безпокойныя. Кто не знаетъ, что гораздо полезнѣе и лучше—наслаждаться миромъ, чѣмъ страдать отъ войны; но именно военное время вызывало лучшихъ дѣятелей военныхъ, чѣмъ мирное. Въ такомъ же почти положеніи находится и краснорѣчіе. И дѣйствительно, чѣмъ чаще ораторъ выступаетъ какъ бы на бой, чѣмъ болѣе ударовъ и наноситъ онъ и принимаетъ, чѣмъ противникъ его и сильнѣе и смѣлѣе и чѣмъ борьба была продолжительнѣе и упорнѣе, тѣмъ выше и славнѣе становится ораторъ, и заслуживъ извѣстность именно соотвѣтственно опасностямъ положенія, въ которомъ находился, онъ становится предметомъ общихъ разговоровъ, такъ какъ свойство людей уже таково, что ихъ не завлекаетъ достающееся спокойно и безопасно.

38. Перехожу къ формѣ и обычаямъ древнихъ судовъ; хотя нынѣшняя форма и представляетъ можетъ-быть болѣе удобства для общества, но тогдашній форумъ представлялъ гораздо болѣе простора для практической дѣятельности краснорѣчія, когда никого не заставляли говорить срочное и самое непродолжительное время, когда отсрочки были вполнѣ свободны и мѣру говорить каждый назначалъ самъ себѣ, когда не ограничивали ни числа дней, ни числа защитниковъ. Первый Кн. Помпей въ третье консульство стѣснилъ и наложилъ какъ бы оковы на краснорѣчіе, впрочемъ такъ, что все дѣлалось на форумѣ, все—законами и черезъ преторовъ. А что у нихъ въ прежнее время разбирались обыкновенно самыя важныя дѣла—лучшимъ доказательствомъ служитъ то, что дѣла, разбираемыя судомъ ста, въ нынѣшнее время занимающія первое мѣсто, до такой степени затмѣвались блескомъ другихъ су-

довъ, что ни Цицерона, ни Цезаря, ни Брута, ни Кассія, ни Цэлія, ни Кальва,—однимъ словомъ, ни одного великаго оратора произведеніе не было произнесено передъ децемвирами, исключая рѣчей Азинія, имѣющихъ заглавіе *за наслѣдниковъ Урбиніи,* произнесенныя впрочемъ самимъ Полліономъ около половины временъ божественнаго Августа, когда долговременное спокойствіе времени, продолжительное бездѣйствіе народа, постоянное благодушество сената и власть великаго государя успокоили и самое краснорѣчіе на ряду со всѣмъ прочимъ.

39. Ничтожнымъ и смѣшнымъ можетъ-быть покажется то, что̀ я скажу, но я все-таки выскажу хотя бы для того, чтобы посмѣялись. Сколько униженія, какъ мы полагаемъ, принесла краснорѣчію та форменная одежда, которою стянутые и какъ бы спутанные вынуждены мы объясняться съ судьями? Сколько силы отняли у рѣчи аудиторіи и скамьи, на которыхъ теперь уже излагается почти большинство дѣлъ. Точно также какъ кровнымъ лошадямъ нужно мѣсто и просторъ, гдѣ бы они могли развернуть свои силы, такъ и для ораторовъ нужно широкое мѣсто дѣятельности, по которому они могли бы дѣйствовать свободно и не стѣсненные, а иначе краснорѣчіе ослабѣваетъ и утрачиваетъ свою силу. Даже самое стараніе удержать себя въ извѣстныхъ границахъ и тоскливая забота умѣрять выраженія вредно дѣйствуютъ на краснорѣчіе, такъ какъ часто спрашиваетъ судья: когда же ты начнешь,—а начинать иначе нельзя, какъ по вопросу того же судьи. Нерѣдко защитникъ осуждаетъ на молчаніе лица, могущія доказать, и свидѣтелей; а присутствуютъ при изложеніи одинъ, много два человѣка, и оно разсматривается какъ бы въ пустынѣ. Оратору же необходимы крики и рукоплесканія и нѣкотораго рода какъ бы сцена,—а это ежедневно было въ распоряженіи древнихъ ораторовъ, когда форумъ казался тѣснымъ отъ огромной толпы, и притомъ не простыхъ, а именитыхъ слушателей; когда въ судьбѣ подсудимыхъ принимали участіе и кліенты, и трибы, и посольства муниципій, и цѣлые уголки Италіи; когда въ большей части судебныхъ дѣлъ народъ Римскій былъ того убѣжденія, что затрогиваются его собственные интересы отъ того или иного рѣшенія. Довольно вѣрно извѣстно, что К. Корнелій, и М. Скавръ, и Т. Милонъ, и Л. Бестіа, и П. Ватиній и обвинены и защищены были при стеченіи всѣхъ гражданъ. Такимъ образомъ и самыхъ холодныхъ (тугихъ на чувство) ораторовъ усердіе самого народа, принимавшаго въ предстоявшей борьбѣ живое участіе, могло возбудить и воодушевить.

40. Такимъ образомъ, дѣйствительно существуютъ такого рода книги, что даже о тѣхъ людяхъ, которые выступали какъ ораторы, заключеніе дѣлается не иначе, какъ на основаніи этихъ самихъ рѣчей. А постоянныя, такъ сказать безсмѣнныя народныя собранія, право, предоставленное дѣлать нападки на каждаго самаго могущественнаго человѣка, самая громкая извѣстность такихъ непріязненныхъ отношеній, когда большинство краснорѣчивыхъ людей не щадило ни П. Сципіона, ни Суллы, ни Кн. Помпея, а для нападокъ на людей высокопоставленныхъ,—таково уже свойство зависти,—самый слухъ народа болѣе можно сказать открытъ,—какъ воспламеняли умы, какую силу придавали словамъ ораторовъ! Не говоримъ о положеніи дѣлъ спокойномъ и праздномъ, когда въ ходу честность и скромность; но то великое и достопримѣчательное краснорѣчіе есть дитя своеволія и необузданности, которыя у людей неразсудительныхъ слывутъ за вольность; оно, краснорѣчіе, неразлучный сопутникъ возмущеній, подстрекательство необузданной черни, не признаетъ ни власти, ни покорности, полно клеветы, надменности, самохвальства, которымъ въ благоустроенныхъ государствахъ нѣтъ мѣста. Такъ не знаемъ мы ни одного оратора ни въ Лакедемонѣ, ни въ Критѣ, а какъ извѣстно, въ тѣхъ государствахъ былъ самый строгій порядокъ и самые неумолимые законы. Да и не извѣстно намъ краснорѣчіе Македонянъ и Персовъ и другихъ народовъ, которые довольствуются извѣстною, опредѣленною властью. А у Родосцевъ были ораторы, всего же болѣе у Аѳинянъ, гдѣ вся сила была въ народѣ, въ массахъ несвѣдущихъ, гдѣ всякій, если можно такъ выразиться, дерзалъ на все. Что же касается до нашего общества, то пока оно находилось въ заблужденіи, пока гибло въ партіяхъ, несогласіяхъ и раздорахъ, пока на форумѣ не было никакого спокойствія, ни въ сенатѣ согласія, ни въ судахъ умѣренности, никакого уваженія къ старшимъ, никакой опредѣленной дѣятельности у должностныхъ лицъ, то и производило (порождало) болѣе сильное краснорѣчіе, точно такъ какъ поле невоздѣланное производитъ и нѣкоторыя отличныя растенія. Но не на столько обществу дорого было краснорѣчіе Гракховъ, чтобы вынести ихъ законы, и не за выраженія благонамѣреннаго краснорѣчія Цицеронъ поплатился такимъ концомъ.

41. Такимъ образомъ остатокъ старинной общественной дѣятельности, которая остается за древними ораторами, не есть доказательство улучшенія, а не только желаннаго состоянія общественнаго быта. Кто обращается къ защитнику, если не человѣкъ, сдѣлавшій что-либо дурное или несчастный? Какой муниципій ищетъ за-

щиты у нашего города, если его не тревожатъ или сосѣдній народъ, или внутреннія несогласія? Какую провинцію защищать и оберегать приходится, если не ограбленную и утѣсненную? Но лучше было бы не жаловаться, чѣмъ жалобѣ снискать удовлетвореніе. Еслибы нашлось гдѣ-нибудь такое состояніе общества, при которомъ никто не грѣшилъ бы, то излишнимъ былъ бы среди невинныхъ ораторъ точно такъ же, какъ среди здоровыхъ докторъ. И такъ какъ наименьшее приложеніе имѣетъ и самую малую пользу приноситъ искусство врача въ тѣхъ народахъ, которые пользуются самымъ крѣпкимъ здоровьемъ и имѣютъ отъ приходы самыя здоровыя тѣла, такъ и слава ораторовъ не такъ велика и имѣетъ менѣе блеска при хорошихъ нравахъ и при готовой покорности волѣ повелителя. Зачѣмъ нужны длинныя изложенія мнѣній въ сенатѣ, если лучшіе изъ сенаторовъ сейчасъ же высказываютъ свое согласіе? Зачѣмъ просторъ обвиненіямъ тамъ, гдѣ рѣдко и мало бываетъ отступленій отъ закона? Зачѣмъ продолжительныя увѣщанія къ народу, когда о дѣлахъ общественныхъ разсуждаетъ не толпа безсмысленныхъ, но мудрѣйшій и одинъ? Зачѣмъ ненавистныя и за предѣлы умѣренности выходящія защиты, когда милосердіе изслѣдователя идетъ на встрѣчу находящимся въ опасности? Повѣрьте, мои лучшіе друзья и, насколько нужно, краснорѣчивѣйшіе люди, что еслибы вы родились въ тѣхъ прежнихъ вѣкахъ, или тѣ, которымъ мы удивляемся, родились теперь и какая-нибудь высшая сила вдругъ бы перемѣнила ваши отношенія и времена жизни, то и вамъ не было бы недостатковъ въ той высшей похвалѣ и славѣ относительно краснорѣчія, и тѣмъ (древнимъ) пришлось бы сдержать и умѣрить свои порывы. А теперь, такъ какъ никто въ одно и то же время не можетъ пріобрѣсть и большую славу, и совершенное спокойствіе, то пусть каждый пользуется благами своего вѣка, нисколько не унижая другаго».

42. Такъ окончилъ Матернъ. Тогда Мессала сказалъ: «есть много, чему бы я могъ противорѣчить, а было и такое, о чемъ я хотѣлъ бы сказать больше, да день уже кончается».—«Послѣ, отвѣтилъ Матернъ, исполнится по твоему желанію, и если въ моихъ словахъ показалось тебѣ что-либо темнымъ, то объ этомъ мы снова поговоримъ». Тутъ онъ всталъ и, обнявъ Апра, сказалъ: «я сдѣлаю на тебя доносъ поэтамъ (очерню передъ ними), а на Мессалу—любителямъ древности». А тотъ отвѣтилъ: «а я васъ позову на судъ риторовъ и схоластиковъ».

Всѣ улыбнулись и за тѣмъ разошлись.

ПОПРАВКИ И ОБЪЯСНЕНІЯ

КЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ СОЧИНЕНІЙ ТАЦИТА.

На страницѣ 2, строчка 16 снизу, напечатано: *соглaсaвшихся* вмѣсто *соглашавшихся*.

На страницѣ 11, въ главѣ 16, строчка 3 сверху, напечатано: «но теперь еще ранѣе дѣло», а надобно: «но теперь—и еще ранѣе—дѣло».

На той же страницѣ, строчка 11 снизу, напечатано: съ безоружною *винціею*, а надобно: «провинціею».

На той же страницѣ, въ строчкѣ 8 снизу: «подвергшагося *соужденію*, а надобно: «осужденію».

На страницѣ 13, примѣчаніе въ самомъ низу: «на наши деньги около ста пятнадцати или ста двадцати *тычячъ* (sic) руб. сер.». Кромѣ опечатки *тычячъ* вмѣсто *тысячь*, и сумма не такъ; надобно читать: на наши деньги около тридцати пяти милліоновъ руб. сер.

На страницѣ 14, главы 21, строчка третья сверху: «основывались сму тахъ»; надобно читать: «основывались на смутахъ».

На страницѣ 16, глава 26, строчка 6 сверху: «хотѣли было его схватить», въ объясненіе прибавляемъ: «хотѣли были его (Отона) схватить для того, чтобы провозгласить императоромъ».

На страницѣ 19, строчка 7 снизу: «требовать со всѣмъ», надобно: «требовать совсѣмъ».

На страницѣ 21, въ строчкѣ 3, сверху словъ: «и какъ дѣло показало», вовсе не нужно, такъ какъ въ четвертой строкѣ они есть.

На той же страницѣ, въ строчкѣ 17 снизу: «*жали* за руки», вмѣсто «брали за руки», какъ слѣдуетъ по подлиннику.

На страницѣ 29, строчка 11 снизу, напечатано: «племенемъ», а надобно: «племенамъ».

На страницѣ 31, въ началѣ главы 52, упоминается городъ Лингоновъ: это нынѣшній Лангръ (Langres).

На страницѣ 22, въ главѣ 56, строка 6 сверху, напечатано: *Рамиллій* Марцеллъ, а надобно *Ромилій* Марцеллъ.

Страница 34: *Лугдунъ*, упоминаемый въ строчкѣ 8 сверху, есть нынѣшній Ліонъ.

Въ началѣ главы 60: «начальникомъ былъ», надобно: «начальникомъ тамъ былъ».

Въ той же главѣ, строчка 11 сверху: «преслѣдуемый бранью *и* воиновъ», подчеркнутое *и* не нужно.

Въ главѣ 61, строчка 2 сверху: «назначилъ двухъ вождей»; для большой ясности надобно: «назначилъ Вителлій двухъ вождей».

Упоминаемый въ этой главѣ переходъ черезъ Коттійскія Альпы, есть переходъ нынѣ черезъ Мон-Сени, а Пеннинскія высоты— Сенъ-Бернардъ.

На 35 страницѣ, въ главѣ 62, упоминается городъ *Диводуръ:* это нынѣшній Мецъ.

Въ главѣ 64 упоминается *городъ Левковъ:* это нынѣшній *Туль.*

На страницѣ 37, упоминаемые народы *Аллоброги и Воконціи* жили въ нынѣшнихъ Дофине и части Прованса.

Лаконъ, муниципій Вокontовъ, иначе lucus Augusti, нынѣ *Люкъ.*

Въ главѣ 67, строчка 3 снизу: «разграблено *мѣсто*»,—это мѣсто называлось vicus aquensis (село водъ), нынѣ Баденъ въ Ааргау.

На страницѣ 38, въ 7 строчкѣ сверху, напечатано: «гиб*и*льно», вмѣсто гиб*е*льно.

На той же страницѣ, въ строчкѣ 8 сверху, упоминается о стѣнахъ, обрушивавшихся отъ ветхости: то были стѣны Авентика, нынѣ Аваншъ, по-франц. Avenches, по-нѣмецки Wiflisburg.

Гора Восцетій, иначе Воцетій, нынѣ Безбергъ (Bösberg).

На страницѣ 43 упоминаются, въ главѣ 78, Гиспаліензы и Емеритензы: это жители нынѣшнихъ городовъ южной Испаніи, Севильи и Мериды.

На той же страницѣ, въ главѣ 79, строчки 4 и 5 сверху: «съ большими надеждами девять тысячь всадниковъ», надобно читать: «съ большими надеждами; ихъ было девять тысячь всадниковъ».

Въ той же главѣ нѣсколько ниже напечатано: «а потому нашедшій въ разбродъ и не дѣлавшій никакихъ разслѣдованій третій легіонъ»; надобно было: «а потому на шедшихъ въ разбродъ (Роксолановъ Сарматовъ), не дѣлавшихъ никакихъ разслѣдованій — третій легіонъ».

Страница 45, глава 82, строка 4 сверху: «въ своихъ *потыткахъ*», а надобно: «въ своихъ попыткахъ».

Страница 45, снизу 1 строка: *сображалъ*, а надобно: *соображалъ*.

Страница 46, строчка 6 снизу: *на гибелъ*, вмѣсто *на гибель*.

Страница 47, строка 12 снизу: «съ *злородною* заботливостью»,— надобно: «съ злорадною заботливостью.—Строчка 10 снизу, вмѣсто «дѣлалъ предметомъ», а надобно: «дѣлали предметомъ».— Строчка 7 снизу: «все было полно *подозрѣній*»; надобно: «все было полно тревоги», потому что слово *подозрѣнія* повторяется въ слѣдующей строчкѣ.

На страницѣ 49, строка 4 сверху: «начальникамъ первой роты тріаріевъ Емилію Паценсу», надобно: «начальникамъ первой роты тріаріевъ, а также и Емилію Пацензу».—Въ строкѣ 6 сверху, послѣ словъ: «у отпущенника Оска», ошибочно пропущены слова: «посланнаго вмѣстѣ».

На страницѣ 50, въ главѣ 90, въ началѣ: «наканунѣ мартовскихъ Идъ»: это значитъ по-нашему 14 марта. Въ строчкѣ 2 сверху главы 90: *онъ*: это—*Отонъ*.

На страницѣ 55, въ главѣ 2 упоминается царица *Береницe*. Она была дочь старшаго и сестра младшаго царей Агриппы. Замужемъ была сначала за дядею Иродомъ, а впослѣдствіи за царемъ Полемономъ Киликійскимъ. Она его бросила и стала проживать у брата Агриппы. Подъ именемъ Верникіи упоминается она, какъ сотоварищница царя Агриппы, въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ, XXV, 13.23.

На страницѣ 56, въ главѣ 4, съ начала выраженія: «что Греки любители древностей приписываютъ тому, что чуть замѣтно въ отдаленіи вѣковъ» не совсѣмъ ясны. Не лучше ли будетъ такъ выразить: «что Греки изъ любви къ древности относятъ въ туманное (неясное) прошлое».—Въ главѣ 4 внизу, упоминаются вообще *цари*. То были именно Антіохъ Киликійскій, Агриппа Іудейскій и Согемъ Софенскій.

Страница 61. Упоминается въ главѣ 13 Альбій Интемелій муниципій: это нынѣшній городокъ Вентимилья. Въ главѣ 14, упоминаемая Фороюліенская колонія есть нынѣшній Фрежюсъ.

Страница 62. Въ главѣ 15, въ концѣ упоминаемые города Антиполисъ есть нынѣшній Антибъ, а Альбингавнъ—Альбенга.—Въ главѣ 16, строчка 3 сверху: *Д. Пакарія*, надобно: *Декума Пакарія*.

Страница 67. Въ главѣ 25, въ концѣ упоминается царь Епифанъ: это сынъ царя Антіоха Комагенскаго; онъ былъ при Гальбѣ въ Римѣ и сопровождалъ Отона въ его походѣ.

Страница 68, глава 27, строчка 5 сверху: *Тицинъ* есть нынѣшняя *Павія*.

Страница 69, глава 29, строчка 7 сверху: «работникомъ», ошибка вмѣсто *невольникомъ*.

Страница 70, строчка 6 сверху: «дѣйствовали *тудъ*», а надобно «дѣйствовали тутъ».

Страница 71, строчка 10, сверху: «*грамадныя* средства», вмѣсто «громадныя средства». — *Бриксель*, упоминаемый въ строчкѣ 9 снизу, есть нынѣшній Берцелло или Брецелло, въ округѣ Модены.

Страница 72, глава 35, въ началѣ упоминается островъ: онъ образуется сліяніемъ рѣкъ Адды и По.

Страница 74, глава 39, строчка 4 сверху: «нашли безплодное имя», а надобно: «носили безплодное имя».

Страница 75, строчка 5 сверху: «что они взялись»; надобно: «за что они взялись».—Въ главѣ 42, строчка 3 и 4 сверху: «распущенъ ли лазутчиками *Отона*», вмѣсто *Отона* надобно читать *Вителлія*.

Страница 78, глава 47, строчка 12 сверху: «по этому то и потомство пусть судитъ *Вителлія*», вмѣсто «Вителлія» надобно читать: «Отона».—Въ той же тлавѣ, строчка 9 снизу: «значило бы долю робости»; надобно читать: «значило бы обнаружить нѣкоторую долю робости». Въ слѣдующей строкѣ выраженіе: «лучшимъ доказательствомъ моего назначенія имѣете то» не точно, а надобно: «лучшимъ доказательствомъ моей твердой воли имѣете то».

Страница 79, строчка 4 сверху: вмѣсто *Сальвія Кокценна* надобно *Сальвія Кокцеяна*.

Страница 80, въ 11 строкѣ сверху упоминается *Регій Лепидъ:* это нынѣшній городъ *Реджіо*, на дорогѣ изъ Піаченцы въ Болонью.

Страница 81, глава 53, упоминается *Бононія;* это нынѣшняя Болонья. Въ главѣ 54, *Мутина:* это нынѣшняя *Модена*.

Страница 83, строчка 3 сверху: *Люцей Альбинъ*,—это *Люкцей Альбинъ*. — Въ главѣ 59, упоминается рѣка *Араръ* — нынѣшпяя *Саона*.

Страница 85, глава 63: «колонія Аквитанская»: это нынѣшній *Аквинъ*.

Страница 86, внизу 3 строчка: *Августъ Тавриновъ*—нынѣ Туринъ, по-итальянски Torino.

Страница 88, строчка 12 сверху: «на Вергинія обрушивалось»; надобно: «на Вергинія не обрушивалось».—Въ 14 строкѣ: «ненавидѣли воины (Вергинія) какъ бы имъ наскучивъ». Это мѣсто Ротъ по-нѣмецки перевелъ такъ: «ненавидѣли воины (Вергинія) за

то, что онъ ими пренебрегъ (т. е. ихъ предложеніями принять званіе императора).

Страница 89, глава 71, строка 3 сверху: выраженіе «тѣмъ движеніе его (Вителлія) испорченнѣе»—не ясно; надобно читать: «тѣмъ болѣе позорный характеръ принимало его движеніе (его свита).

Страница 90, строка 7 сверху: «его разсказамъ не вѣрятъ»; вмѣсто этого надобно читать: «онъ не сталъ настаивать на своемъ показаніи».—Строка послѣдняя, главы 33: «какъ бы чужеземцами», т. е. дикарями, варварами, какъ называли тогда Римляне всѣхъ иноземцевъ.

На страницѣ 91, въ строкѣ 17 снизу, между словъ «Вителлія.— Не противъ», надобно вставить: «Вителлія. Возстаемъ мы не противъ».

Страница 93, глава 79: Іюльскія календы—это перваго іюля, а 5 день нонъ Іюльскихъ—это третье іюля.

Страница 94, глава 81, строчка 1: «ранѣе Идъ Іюльскихъ»,—по нашему ранѣе половины іюля».

На страницѣ 95, въ главѣ 82, строчка 12 сверху: «*впрочемъ* людей достойныхъ — нѣкоторымъ *впрочемъ*»; послѣдней *впрочемъ* не нужно, а слѣдуетъ читать: «хотя нѣкоторымъ».

На страницѣ 98, строка 8 сверху: «Воздерживаясь ото всѣхъ соблазновъ муниципій и виллъ»; совершенно ошибочно. Надобно читать: «не воздерживаясь» и т. д., т. е. Вителлій останавливался для наслажденій по всѣмъ муниципіямъ и вилламъ.

На страницѣ 99, строчка 2 сверху: «покрытые звѣриными *хребтами*»; надобно «покрытые звѣриными шкурами (кожами); а Ротъ перевелъ просто—въ шубахъ. — Въ главѣ 91: «въ 15 день календъ Августа»—это 18 Іюля.

На страницѣ 100, строка 2 сверху: «совершая выборы консульскіе съ кандидатами какъ гражданинъ». Это не ясно, а надобно: «но совершая выборы консульскіе, онъ (Вителлій) обходился съ кандидатами какъ истинный гражданинъ»...

Страница 100, строка 5 снизу: «самого *Витиллія*», а надобно читать: «самого Вителлія».

Страница 102, строка 4 сверху: «вслѣдствіе того, что сражались за Виндекса»; надобно читать: «вслѣдствіе того, что они сражались за Виндекса».—Строка 6 снизу: «скорѣе другіе люди, чѣмъ *при* другой нравственности. Слово «*при*» лишнее.

Страница 103, глава 97, строка 10 сверху: «*едино*душно смотрѣли»; надобно: «равнодушно смотрѣли».—Строка 11 сверху: по-

слѣ слова счастія пропущено слѣдующее: «легіонъ въ Африкѣ и когорты, набранныя Клодіемъ Мацеромъ, потомъ отпущенныя Гальбою, по приказанію Вителлія снова вступили на службу. А также и другіе молодые люди»... Затѣмъ слово «впрочемъ», слѣдующее послѣ слова «счастія», просимъ уничтожить.—Та же стран. строчка 9 снизу: «а еще больше ускользнули»; надобно читать: «а еще больше ихъ ускользнуло».

Страница 106, послѣдняя строка внизу: «а вмѣсто его *въ* одинъ день»; надобно читать: «а вмѣсто его на одинъ день».

Страница 108 въ главѣ 1, строка 3 св.: *Петовіонъ*—это нынѣ Пэтау, на Дравѣ, въ Штиріи.

Страница 110, глава 4, строка 6 сверху: «подозрительность воиновъ *на то*»; слѣдуетъ читать: «подозрительность воиновъ тѣмъ».—Строчка 4 снизу: «рѣка *Эна*»—нынѣшній Иннъ, въ Тиролѣ и Баваріи.

Страница 111, строка 11 сверху: *Опитергій*—нынѣ Одерцо; *Альтина*—нынѣ Альтино. *Патавій*—Падуя; *Атесте*—нынѣ Эсте, на дорогѣ изъ Падуи въ Феррару.—*Форумъ Аліени* вѣроятно нынѣшнее Леньяно, а другіе считаютъ за Феррару.

Страница 112, строка 4 сверху: *Вицетія*—нынѣ Виченца.

Сраница 116, глава 14, строка 3 сверху: «Цецину заключили въ оковы», а надобно «Цецину заключилъ въ оковы».

Страница 121, строка 15 снизу: «при М. Антоній» вмѣсто: «при М. Антоніѣ».

Страница 123, послѣдняя строка внизу: «повалило *зузцы*», вмѣсто: «повалило зубцы».

Страница 128, строка 4 сверху; «наканунѣ календъ Ноябрскихъ» по нашему счисленію—это *октября 31-го*.

Страница 129, строка 10 снизу: «оробѣлъ видя смерть врага»; по чтенію Рота, это мѣсто слѣдуетъ передать иначе, а именно: «потѣшилъ зрѣніе свое смертью врага».—Глава 40, строка 2, сверху: «чѣмъ на войну», а надобно: «чѣмъ слѣдовало бы на войну».—Строка 5 снизу: «*полагали* что онъ оскверням». Надобно читать: «разсказывали, что онъ осквернялъ».... Строка 2 снизу: «тѣмъ неумѣрен*ные* было его желаніе пользоваться», а надобно читать: «тѣмъ неумѣреннѣе было у него (Валенса) желаніе ею (властью) пользоваться».

Страница 130, строка 7 сверху: вмѣсто словъ: «въ такомъ опасеніи» лучше будетъ читать: «озабоченный этимъ».—Строка 15 сверху: «и Галліи, войско и Германскіе народы»; надобно читать:

Галліи, находившееся тамъ войско и Германскіе народы.—Глава 42, строка 3 сверху: *вдваль* вмѣсто *вдаль.*—*Портъ Геркулеса Монека*—нынѣшнее Монако.—Глава 43, строка 4 снизу: очень непонятно: «что отечество Павллина Форумъ Юлія и *честь отъ преторіанцевъ* (?) которыхъ» и т. д. Вмѣсто этого надобно читать: «что отечество Павллина Форумъ Юлія и что онъ былъ въ большомъ почетѣ у преторіанцевъ, которыхъ» и т. д.

Страница 131, строка 8 сверху: *Стохады*, нынѣшніе *Гіерскіе острова.*

Страница 132, строка 15 снизу: *провицію* вмѣсто *провинцію.*

Страница 134, строка 18 снизу: «у храма счастія». Храмъ счастія— fanum fortunae, нынѣ *Фано*, между Римини и Анконою.

Страница 135, строка 2 сверху: «противъ Цинны»—по другимъ извѣстіямъ описываемое здѣсь событіе случилось въ войну Помпея противъ Сартака.

Страница 136, строка 2 св.: «Несчастіе Кремоны есть необходимость войны»—не хорошо выражено; лучше будетъ такъ: «несчастіе Кремоны условлено было необходимостью войны».—Строка 14 сверху: «и вслѣдствіе *это* важныя неудовольствія»; надобно: «вслѣдствіе *этого*» и пр.—Глава 54, строка 2 св.: «въ безразсудной скрытности препятствуя»; надобно читать: «въ безразсудной скрытности болѣе препятствуя. Строка 13 снизу: «они от*пускалли* ихъ»; надобно: «они отпускали ихъ»....

Страница 137, глава 55. *Меванія*—нынѣ Беванья.—Глава 56, строка 2 сверху: *гадкихъ* птицъ—т. е. нечистыхъ. Ротъ перевелъ: хищныхъ.—Строка 6 снизу: «зазакалывать», а надобно: «закалывать».

Страница 138, строка 17 снизу: «колоніи муниципіи»; надобно: «колоніи и муниципіи».—Строка 11 снизу: «*котерыми* начальствовалъ»; надобно: «которыми начальствовалъ»...

Страница 139, строка 9 снизу: «отъ перехода черезъ *Альпы*». Вмѣсто *Альпы* читайте—Аппенины.

Страница 140, глава 60, строка 1. *Карсулы*—нынѣ деревня *Казильяно.*—2 строка снизу: *Интерамна* нынѣ *Терни.*

Страница 142, глава 65, строка 4 снизу: «старше *лѣтали*», вмѣсто *лѣтами.*

Страница 143, строка 1 снизу: «въ 15 день календъ Январскихъ», по-нашему—18 декабря.

Страница 144, строка 20 снизу: «Цецилій Симплекъ»; надобно: «Цецилій Симплексъ».—Строка 2 снизу: «Виттелліянцы»—«Вителліанцы».

Страница 145, строка 6 сверху: «для Ветилліанцевъ»; надобно: «для Вителліанцевъ».—Строка 13 сверху: «Верулана *Гратилла*»; надобно: «Верулана Гратиллія».

Страница 147, строка 6 снизу: «по прошествіи 425 лѣтъ». По другому чтенію: «по прошествіи 415 лѣтъ».

Страница 149, глава 76, строка 1: «поставивъ лагерь у Феронiи». —*Ротъ:* «у святилища Феронiи».

Страница 150, строка 6 снизу: «Окрикулѣ» — нынѣ Окриколи».

Страница 151, строка 3 сверху: «планомъ дѣйствія было было»; одно *было* слѣдуетъ уничтожить. — Глава 79, 2 строка сверху: урочище—Красные камни — въ двухъ миляхъ отъ Рима и тамъ теперь одни развалины.

Страница 152, строка 2 сверху: «*на вттрѣчу*»; надобно: «на встрѣчу».

Страница 159, строка 19 снизу. *Бовиллы* по Аппіевой дорогѣ въ 14 верстахъ отъ Рима одни развалины.—Строка 5 снизу; *Луцилій* по другому чтенію—*Лицилій*.

Страница 160, строка 12 сверху, вмѣсто: «вызвала на войну Германію», надобно читать «вовлекла въ нее Германію». Далѣе строка 13, 14: «обозрѣли въ бѣгломъ очеркѣ—видѣли весь шаръ земной какъ бы подвергшимся»... надобно вмѣсто того: «коснулась (война) вскользь (мимоходомъ), и какъ бы весь шаръ земной былъ подвергнутъ очистительному испытанію».

Страница 161, глава 5, строка 5 сверху: «Прискъ родился въ муниципіи Таррацицѣ (надобно Таррачинѣ) отъ Клувія». — Такъ мы перевели; а по чтенію, которому слѣдуетъ Ротъ значится иначе, а именно: «въ муниципіи Клувіи, въ Церецинскомъ округѣ Италіи, былъ сыномъ перваго сотника» и т. д.

Страница 162, строка 17 снизу: «благонамѣре*нный* власти», а надобно: «благонамѣренной власти».

Страница 164, строка 11 снизу: «казнью рабовъ» т. е. тою казнью, какой обыкновенно подвергали рабовъ.»

Страница 165, строка 2 сверху: «стѣсненные не силою, но союзомъ болѣе могущественныхъ». Неясно. Лучше будетъ такъ: «уступили они не силѣ и не встрѣчѣ съ болѣе могущественными». —Глава 13, строка 6 сверху: «поводъ *къ* къ раздраженію» — одно *къ* лишнее.—Глава 14, строка 2 сверху: «и въ остальномъ *рѣшась*»; вмѣсто *рѣшась* лучше *намѣреваясь,* потому что *рѣшась* есть уже въ предъидущей строкѣ.—Строка 6 снизу: «*прозвана* была къ набору»..... читай: «призвана была къ набору»...

Страница **166**, строка 4 снизу: «походомъ Каіевымъ», т. е. Каія Калигулы императора.

Страница 167, строка 16 снизу: «сами не долго скрывали *этого*». Вмѣсто *этого* надобно *это*.

Страница **168**, глава **18**, строка **1** сверху: вмѣсто «таковы усилія»... просимъ читать: «такія-то усилія»....

Страница **169**, строка 20 снизу. *Старые лагери*. Ротъ говоритъ, что они были у Ксанта, недалеко отъ Везеля.

Страница 171, строка 4 снизу: «*потомъ* не прилагали»; надобно: «потому не прилагали»....

Страница 172, глава 24, строка 5 сверху: «по берегу. А самъ оробѣвъ страдалъ тѣлеснымъ нездоровьемъ и былъ ненавистенъ воинамъ». Вмѣсто этого просимъ читать: «къ берегу Рейна. А самъ плылъ на кораблѣ больной и ненавистный воинамъ».

Страница 174, строка 8 сверху: *Новезій*, нынѣ Нейссъ, недалеко отъ Дюссельдорфа.

Страница 174, строка **10** сверху: урочище Гельдуба въ той же сторонѣ, гдѣ Новезій или Нейссъ, нынѣ Гельбъ или Геллепъ. — Строка **14** сверху: вѣтвь Гугерновъ. Гугерны—вѣтвь Сикамбровъ.

Страница 175, строка 7 сверху: *Маркодуръ* — нынѣ Дюренъ. — Строчка 16 сверху: «требовавшимъ отдаетъ приказаніе»; надобно читать: «требовавшимъ этого отдастъ приказаніе».

Страница 177, строка **16** снизу: Асцебургъ — между Нейссомъ и Ксантомъ.

Страница 180, строчка 3 сверху: *въ Январскіе календы* — 1-го января. — Строчка 5 снизу: «*по* своей крайней молодости», надобно: «и о своей крайней молодости».

Страница 183, строка **12** сверху: «*являлясь* мстителями»; читай: «являлись мстителями»... Строчка 19 сверху: «не искупилъ бы ни своего положенія»; читай: «не искупилъ бы ты ни своего положенія»....

Страница 186, строка 6 сверху: «ихъ ложнымъ *опасеніемъ*»; читай: «ихъ ложнымъ опасеніямъ».—Глава 47, строчка 4 сверху: *Поппей Сильвинъ;* читай: *Поппей Сильванъ*.

Страница 188, строчка 14 сверху: «*Цитронія Пизона*»; читай: «Цетронія Пизана».

Страница 189, строчка **12** снизу: «въ одиннадцатый день календъ Январскихъ». — У Рота: «въ 21 день іюня». — Строчка **2** снизу: и охраняющія имперіи»; читай: «охраняющія имперію».

Страница **190**, строка 7 снизу: «отряда Тредеровъ»; читай: «от-

ряда Треверовъ». Строчка 3 снизу: «одинъ *Тревиръ*; читай: «одинъ Треверъ».

Страница 191, строчка 6 сверху: «въ частный *домь*» читай: «въ частный домъ». — Строчка 14 снизу: «какъ не ничего ожидавшаго»; читай: «какъ ничего не ожидавшаго.»

Страница 192, строчка 9 снизу: «жду *какъ* конца страданіямъ»; читай: «жду въ ней конца страданіямъ».

Страница 193, строчка 5 снизу; «предупредить доброволь*ную*» читай: «предупредить добровольною».— Строчка 3 снизу: «*показались* достаточнымъ»; читай: «показалось достаточнымъ».

Страница 195, строка 17 сверху: *Винденилѣ*; надобно: «Виндониссѣ». Виндонисса — Виндишъ въ Ааргау.

Страница 196, строка 3 сверху: «угрозы Санкта, ушли въ Магонтіакъ»; читай: «угрозы Санкта, воины ушли въ Магонтіакъ»...

Страница 196, строка 7 снизу: *Суники*, иначе Сунуки — сосѣди Убіевъ, жившихъ около Кельна.

Страница 198, строка 3 сверху: *Тревены*, надобно: *Треверы*.— Строка 6 сверху: *Компанъ* — надобно: *Кампанъ*. — Строка 17 снизу: *Еппонимы*, надобно: *Еппонины*. — Строчка 3 снизу: «сохра*нилъ* силу» читай: «сохранялъ силу».

Страница 199, строчка 21 снизу: «*Туллій* Валентинъ»; надобно: «Юлій Валентинъ».

Страница 200, строка 9 снизу: *Магонтіакъ* —Майнцъ; *Бингій*— Бингенъ. — Рѣка *Нава* — рѣка Наге.

Страница 201, строка 2 снизу: «то они сбиты»; вмѣсто *они* надобно — *непріятели*.

Страница 201, строчка 8 снизу: «не *Вовулѣ*»; читай: «не Вокулѣ».

Страница 209, строка 19 снизу: *тутъ* Птолемей»; читай: «тогда Птолемей».

Страница 217, глава 8, строчка 9 сверху: «усилились, царь Антіохъ *усиливался* подавить»; читай: «усилились и царь Антіохъ старался подавить».

Страница 219, строка 11 снизу: «*частныхъ* войнъ», читай: «частыхъ войнъ».

Страница 222, строчка 10 снизу: «*и божество* Германіи» читай: «и божества Германіи».

Страница 225, строчка 14 снизу: «*что* было очень красиво»; читай: «и это было очень красиво».—Страница 226, строка 7 сверху; «не *сотвѣтствуетъ* дѣйствительности», читай: «не соотвѣтствуетъ дѣйствительности».

Страница 229, строка 7 сверху: «*человѣческіе* жертвы» надобно: «человѣческія жертвы».

Страница 230, строка 14 сверху: «и сами себѣ *изобрѣли* названіе»; надобно: «и сами себѣ придали это названіе».—Глава 3, строчка 4 сверху: «его называютъ борритъ» читай: «его называютъ барритъ».

Страница 230, строка 13 и 14 снизу «отражаясь—громкій вслѣдствіе *отраженія*; читай: «отражаясь—громкій вслѣдствіе этого повтореннаго отголоска».

Страница 243, строка 3 снизу: «и только тогда снимаютъ, когда самъ себя оправдаетъ убійствомъ врага». Вмѣсто того нужно читать: «и только тогда снимаютъ, когда изъ нихъ кто-нибудь самъ себя оправдаетъ убійствомъ врага».

Страница 248, строка 1 снизу, напечатано: «*Нагарваровъ*»; надобно читать: «Нагарваловъ.—Тамъ же глава 42, строка 8 сверху: «*царями* были изъ ихъ родовъ» читай: «цари были изъ ихъ родовъ».

Страница 250, строка 9 сверху: «больше въ ходу *палки*». Вмѣсто *палки* лучше *дубины*.—Строка 14 снизу: «*обильныя произведеніями* рощи и лѣса». «Обильныя произведеніями—плодоносныя.— Строка 7 снизу: «*Суіонамами*» читай: «Суіонами».

Страница 252, строка 16 сверху: напечатано «варавы», читай: «нравы».

Страница 253, строка 5 снизу: «похвалилъ *Пету Тразея*», а надобно «Пета Тразею».

Страница 254, строка 1 сверху: напечатано «полагали *этимъ же* огнемъ погубить», а надобно: «полагали однимъ и тѣмъ же огнемъ погубить».

Страница 256, глава 5 строка 1. Напечатано: «первое начало военной службы *провелъ* Агрикола». Вмѣсто *провелъ* кажется лучше будетъ *совершилъ*.—Строка послѣдняя внизу: «Кальчестеръ», а надо «Кольчестеръ».

Страница 258, строка 9 сверху: напечатано «*обязанностий*», а надо «обязанностей».

Страница 268, глава 14, строчка 9 сверху: «*ви*двинувъ только»; читай: «выдвинувъ только».—Строчка 10 сверху, напечатано: «*премникомъ* Дидія былъ Вераній»; надобно: «преемникомъ Дидія былъ Вераній».

Страница 264, строка 3 сверху, напечатано: «ихъ *истолковая*», а надобно: «ихъ истолковывая».—Строчка 4 сверху: «не добились они *ничто* болѣе»; читай: «не добились они ничего болѣе».

Страница 265, глава 17, строка 3 сверху; напечатано: «тотчасъ же *нанесъ* имъ ужасъ», читай: «тотчасъ же нанесенъ имъ ужасъ».— Строка 5 св.: «во всей провинціи; много сраженій», а надобно: «во всей провинціи; послѣдовало много сраженій».

Страница 268, глава 22, строка 2 сверху: «до Таа»—по другому чтенію *Танаа*. Считаютъ, что это нынѣ *Фрейтъ офъ Тей*.

Страница 269, строка 6 сверху: «Клота и Бодотрія»—морскія заливы, нынѣ Фрейтъ офъ Клайдъ и Фрейтъ офъ Форсъ.—Строчка 6 снизу, напечатано: «вслѣдстіе того»; читай: «вслѣдствіе того».

Страница 270, строка 4 сверху: «то *обширти* лѣсовъ», вмѣсто: «то обширности лѣсовъ».

Страница 277, строка 17 сверху; напечатано: «сильнымъ *когортомъ*», а надобно: «сильнымъ когортамъ».

Страница 278, строка 4 сверху, напечатано: «они разосланы во всѣ стороны, видѣли только слѣды безпорядочнаго бѣгства, убѣдились, что».... Надобно читать: «они, будучи разосланы во всѣ стороны, видѣли только слѣды безпорядочнаго бѣгства и убѣдились, что»....—Глава 39, строка 6 сверху: «мнимый тріумфъ надъ Германіей»; надобно: «мнимый его (Домиціана) тріумфъ надъ Германіею». Онъ относится къ 84 году по Р. Хр. Домиціанъ и въ глаза не видалъ непріятелей.

Страница 281, строка 11 снизу; напечатано: «но въ избыткѣ выражало*сть* добродушіе», а надобно вмѣсто «выражалость»—выражалось.

Страница 282, строка 7 и 8 сверху: «Домиціанъ уже не съ промежутками—но *уже* къ ряду»; второе *уже* не нужно.

Страница 289, строка 1 сверху: «на это Матернъ: прочтешь ты, насколько Матернъ самъ себѣ долженъ, и признаешь что ты слышалъ». Надобно читать: «на это Матернъ: когда ты прочтешь, то и увидишь, насколько Матернъ самъ себя долженъ и снова найдешь то, о чемъ ты уже слышалъ».—Глава 4, строка 7—8: «тѣмъ болѣе радуюсь я *теперь*, что представился намъ теперь судья».—Первое «теперь» просимъ уничтожить.

Страница 290, строка 2 снизу: «*сами* судить о томъ»; надобно: «а мы судить о томъ».

Страница 291, строка 5 сверху: «*принесъ* онъ угрожающее положеніе»; надобно: «принялъ онъ угрожающее положеніе».

Страница 292, строка 9 сверху: «родится *сами* собою»; надобно исправить: «родится само собою».

Страница 293, строка 1 снизу: «не придаютъ занимающимся», а надобно: «то они не придаютъ занимающимся».

Страница 305, глава 21, строка 4 сверху и послѣдующія: «назову не одного Кануція или Арнія или Фурнія и другихъ подобныхъ».—Ротъ перевелъ по другому чтенію такъ: «назову не одного Кануція или Аттія о Фурніѣ и Тораніѣ и другихъ подобныхъ».

Страница 310, глава 26, строка 7 сверху: «блестящими одеждами людямъ дурной жизни»; надобно исправить такъ: «блестящими одеждами, свойственными людямъ развратнаго образа жизни».

Страница 314, строка 11 сверху: «и къ насла*женію* слушателей»; надобно: «и къ наслажденію слушателей».

Страница 315, строка 6 снизу: *сняряженный*», читай: «снаряженный».

Страница 316, строка 5 и 6 св.: «лишивъ *ее* высокаго положенія (согнавъ *ее* съ царства)»; вмѣсто *ее* нужно *его*.

Страница 318, строка 17 снизу: «Азиній *Палліонъ*»; надобно: «Азиній *Полліонъ*».

Страница 320, строка 2 св.: напечатано: «мнѣненіями», вмѣсто «*мнѣніями*».

Страница 320, глава 37, стр. 6 св.: «и *вслѣдстіе* этого»; читай: «и вслѣдствіе этого».

ОГЛАВЛЕНІЕ 1-й ЧАСТИ

СОЧИНЕНІЙ ТАЦИТА: